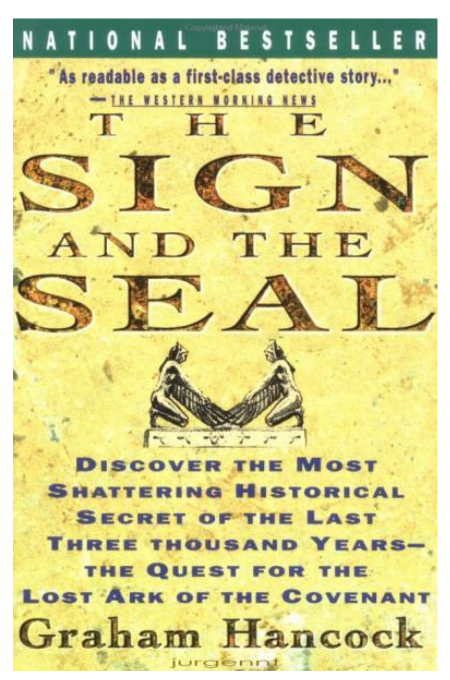
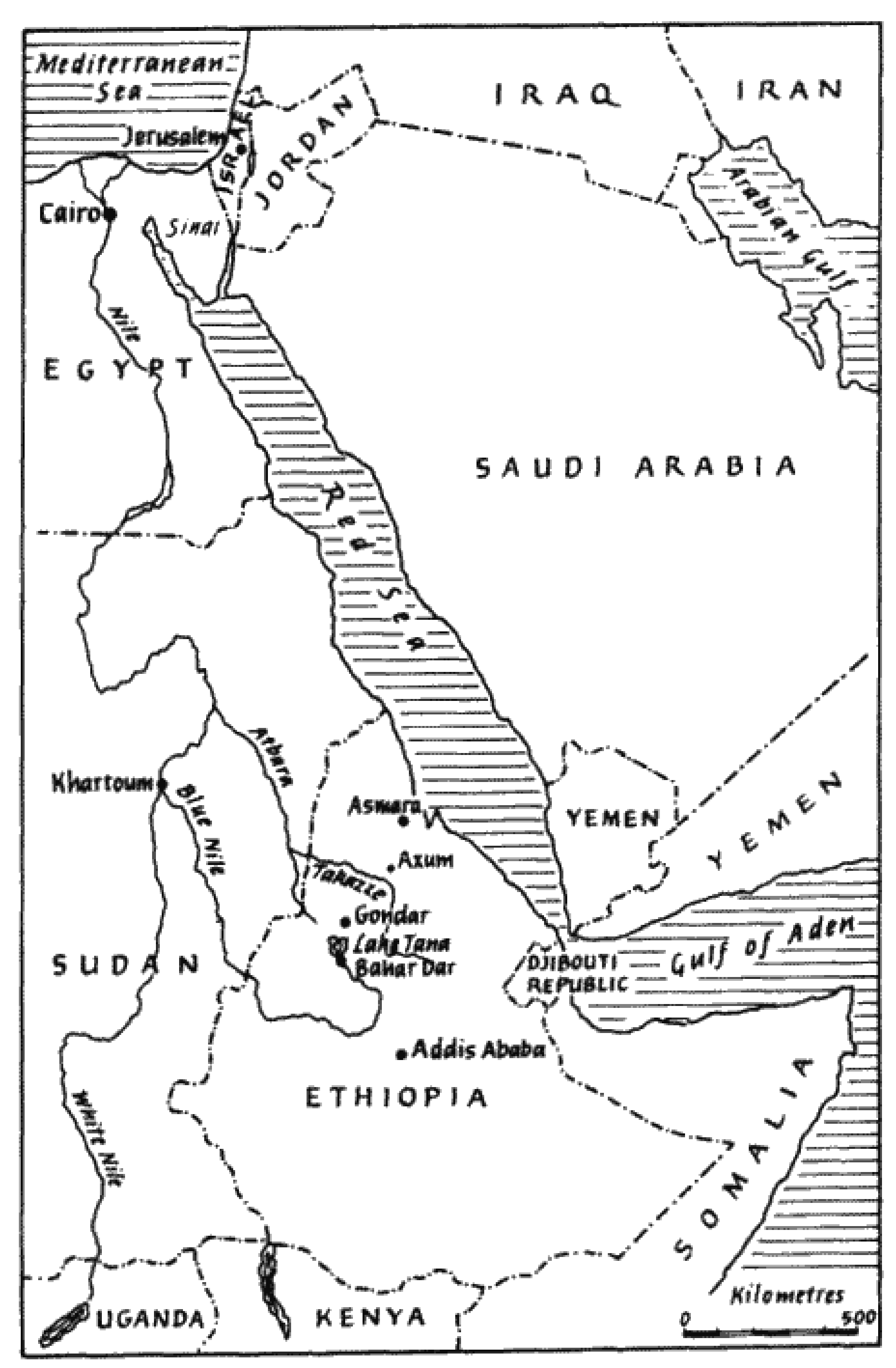
Грэхем Хэнкок

Ковчег завета

Часть I
ЭФИОПИЯ, 1983 ГОД. ЛЕГЕНДА

Глава 1

ПОСВЯЩЕНИЕ: 1983 ГОД

Монах появился, когда уже темнело, и воздух Эфиопского нагорья заметно охладился. Согбенный, опирающийся на посох, шаркающий ногами, он вышел мне навстречу от дверей храма и внимательно слушал, пока меня представляли ему. Разговаривая на местном языке тигринья, он расспросил через моего переводчика обо мне и о мотивах моего приезда: из какой я страны, чем занимался там, христианин ли я и чего хочу от него?

Я подробно отвечал на все эти вопросы, стараясь разглядеть в сумерках черты лица человека, меня допрашивающего. Молочные катаракты покрывали его маленькие, глубоко

сидящие глазки, глубокие морщины избороздили черную кожу. У него была борода и, вероятно, не было зубов, так как, несмотря, на довольно звонкий голос, его речь звучала как-то невнятно. Я был уверен только в одном: передо мной стоял старый человек, проживший, быть может, целый век, но не растративший способности соображать и расспрашивавший обо мне не из праздного любопытства. Только удовлетворившись всеми моими ответами, он снизошел до рукопожатия. Его рука оказалась сухой и хрупкой, как папирус, а от его одежды исходил тонкий запах ладана, который ни с чем не спутаешь.

После соблюдения всех формальностей я прямо приступил к делу. Сделав жест в сторону здания, проглядывавшего в темноте за нашими спинами, я сказал:

— До меня дошло эфиопское предание о том, что здесь… в этом храме хранится ковчег завета. Я также слышал о том, что вы являетесь хранителем ковчега. Это правда?

— Это правда.

— Но в других странах никто не верит в это. И вообще немногие знают о ваших преданиях, но и знающие считают их фальшивыми.

— Люди могут верить во что пожелают. Люди могут говорить что пожелают. Тем не менее мы обладаем священным *таботом,* т. е. ковчегом завета, и я его хранитель…

— Давайте уточним, — прервал я его. — Вы имеете в виду *оригинальный* ковчег завета — ларец из дерева и золота, в который пророк Моисей вложил десять заповедей?

— Да. Сам Бог записал десять слов Закона на двух скрижалях. Затем Моисей вложил их в ковчег завета, который потом сопровождал израильтян во время их странствий по пустыне и завоевания ими земли обетованной. Он обеспечивал им победу, куда бы они ни отправились, и сделал их великим народом. В конце концов, после окончания его миссии, царь Соломон поместил его в святая святых храма, который он построил в Иерусалиме. Некоторое время спустя ковчег был взят оттуда и доставлен в Эфиопию…

— Расскажите мне, как это случилось, — попросил я. — По вашим преданиям я знаю только, что царица Савская была предположительно и правительницей Эфиопии. В прочитанных мной легендах говорится, что во время своего знаменитого путешествия в Иерусалим она забеременела от царя Соломона и родила ему сына — принца, который позже и украл ковчег…

Монах вздохнул:

— Принца, о котором вы говорите, звали Менелик, что на нашем языке означает «сын мудреца». В Иерусалиме он был только зачат, а родился в Эфиопии, куда вернулась царица Савская, обнаружив, что понесла от Соломона. Когда ему исполнилось двадцать лет, он сам отправился в путешествие из Эфиопии в Израиль и прибыл ко двору отца. Там его сразу же признали и оказали большие почести. Однако по прошествии года старцы страны уже завидовали ему, жаловались на то, что Соломон оказывает ему чрезмерные милости, и потребовали, чтобы он вернулся в Эфиопию. Царь согласился с этим, поставив одно условие: старшие сыновья старцев будут сопровождать его. Среди них был и Азария, сын первосвященника Израиля Садюка, и именно Азария, а не Менелик украл ковчег завета из святая святых храма. Группа молодых людей рассказала Менелику о краже, когда они были уже далеко от Иерусалима. Когда они наконец сообщили ему о своей проделке, Менелик понял, что они не преуспели бы в столь наглой краже, если бы того не пожелал Господь. Поэтому он и согласился оставить ковчег у них. Так он был доставлен в Эфиопию, в этот священный город… и с тех пор хранится здесь.

— Так вы утверждаете, что эта легенда — правда?

— Это не легенда, а история.

— Откуда у вас такая уверенность?

— Я ведь его хранитель. Я знаю назначение вещи, переданной мне на хранение.

Некоторое время мы сидели молча, пока я привыкал к спокойной и рассудительной манере, в которой монах рассказывал мне о таких странных и просто невозможных вещах. Потом я поинтересовался, почему и как он назначен на эту должность. Он ответил, что для него большая честь быть избранным для подобного поручения, что он получил свое назначение вместе с последними словами своего предшественника и что, когда он сам окажется на смертном одре, придет и его очередь назначить преемника.

— Какими качествами должен будет обладать этот человек?

— Любовью к Богу, непорочностью сердца, чистотой помыслов и тела.

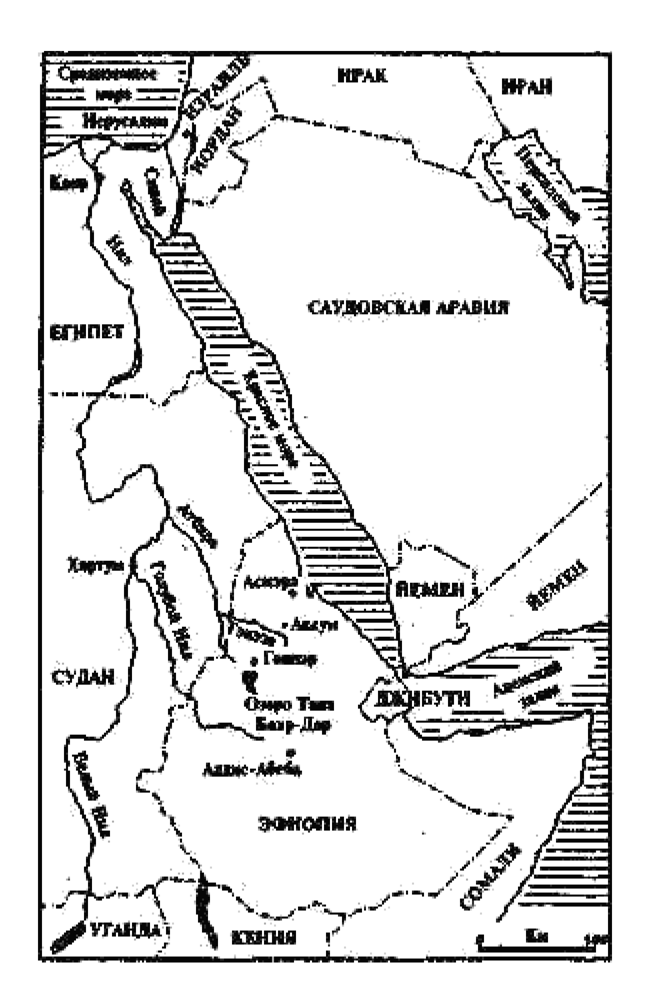
— Кроме вас, — тут же поинтересовался я, — кому-нибудь еще позволено видеть ковчег?

— Нет, только я могу видеть его.

— Означает ли это, что его никогда не извлекают из алтаря храма?

Хранитель долго молчал, прежде чем ответить на мой вопрос. В конце концов он сказал мне, что в далеком прошлом реликвию выносили во время всех важных церковных праздников. В более недавние времена ее использование было ограничено только одной религиозной процессией в год — в так называемой церемонии *Тимкат,* проводимой в январе.

— Значит, если я приеду сюда в январе следующего года, у меня будет шанс увидеть ковчег?

Монах бросил на меня странно обескураживающий взгляд и сказал:

— Вы ведь знаете, что в нашей стране царит смятение, идет гражданская война… У нас преступное правительство, народ выступает против него, и с каждым днем война все больше приближается к нашему порогу. В подобных обстоятельствах маловероятно, чтобы в церемониях использовался подлинный ковчег. Мы не можем пойти на риск, потому что может быть причинен какой-либо вред столь ценной вещи… К тому же даже в мирное время вы вряд ли увидели бы его. На мне лежит обязанность тщательно заворачивать его в толстую ткань до выноса на процессию…

— Почему вы заворачиваете его?

— Чтобы оградить от него мирян.

Я припоминаю, как попросил моего переводчика объяснить последнюю, сбившую меня с толку фразу: действительно ли монах подразумевал: оградить от него мирян? Или он имел в виду: оградить его от мирян?

ВЕЛИКАЯ ТАЙНА БИБЛИИ

В древние, описанные в Ветхом Завете времена израильтяне поклонялись ковчегу завета как воплощению самого Бога, как знаку и печати Его присутствия на земле, твердыне Его власти, орудию Его святой воли [1]. Сделанный для хранения скрижалей, на которых были записаны десять заповедей, деревянный ящик имел три фута девять дюймов в длину и два фута три дюйма в высоту и ширину [2]. Внутри и снаружи он был обложен чистым золотом и украшен двумя крылатыми фигурками херувимов, стоящими лицом к лицу по краям тяжелой золотой крышки.

Библейские и иные древние источники утверждают, что ковчег сверкал огнем и светом, вызывавшим раковые опухоли и тяжелые ожоги, срезавшим верхушки гор, останавливавшим реки, сжигавшим целые армии и опустошавшим города. Те же источники не оставляют сомнений в том, что долгое время ковчег оставался краеугольным камнем развития еврейской религии: в самом деле, когда царь Соломон построил первый храм в Иерусалиме, им руководило желание создать «дом покоя для ковчега завета Господня» [3]. В неизвестный момент между X и VI веками до н. э. этот драгоценный и наделенный уникальной силой предмет пропал со своего места в святая святых храма, исчез, так и не найдя отражения в Библии, как если бы вообще никогда не существовал. Есть основания предположить, что он исчез задолго до того, как в 587 году до н. э. армии Навуходоносора сожгли Иерусалим. Ковчега определенно не было во втором храме, построенном на развалинах первого, после того как евреи вернулись в 538 году до н. э. из своего изгнания в Вавилон. Не был он и захвачен в качестве трофея вавилонянами.

Описывая в 1987 году исчезновение священной реликвии, профессор Калифорнийского университета Ричард Эллиот Фридман высказал мнение, что это «одна из величайших тайн Библии», и это мнение разделяют многие ученые:

> *«Нет ни одного сообщения о том, что ковчег был увезен, уничтожен или спрятан. Нет даже упоминания о том, что «и тогда ковчег исчез и мы не знаем, что с ним случилось», или что «и никто не знает, где он находится по сей день». Самый важный, с библейской точки зрения, предмет просто перестал существовать».*

И это действительно так. При внимательном чтении Ветхого Завета обнаруживаешь более двухсот отдельных упоминаний ковчега завета вплоть до эпохи Соломона (970–931 гг. до н. э.), но он почти не упоминается после правления этого мудрого и замечательного царя. В этом-то и заключается главная проблема, подлинная историческая загадка: дело не только в том, что пропал столь необычайно ценный золотой ларец, но и в том, что его исчезновение — при всем его огромном религиозном значении — окружено просто невероятным, даже оглушающим молчанием. Как черная дыра в космическом пространстве или фотографический образ на негативе, он опознаваем в более поздних книгах Ветхого Завета только потому, что его нет, короче говоря, он блещет только своим отсутствием.

Поэтому представляется разумным предположить, что имело место своеобразное прикрытие, придуманное жрецами и писцами для того, чтобы навсегда сохранить в тайне местонахождение священной реликвии.

В эту тайну пытались проникнуть многие. Она вдохновила на организацию нескольких экспедиций кладоискателей (все они оказались неудачными) и на создание великолепного голливудского боевика «Искатели утерянного ковчега», впервые показанного в США и Европе в 1981 году, с Харрисоном Фордом в главной роли Индианы Джонса.

В то время я жил в Кении и не имел возможности посмотреть фильм, пока он наконец не прошел в кинотеатрах Найроби в 1983 году. Я был в восторге от сочетания действия, авантюры и археологии, и припоминаю, как подумал тогда, какая была бы сенсация, если бы кто-то действительно нашел ковчег. И вот, спустя лишь несколько месяцев, я совершаю долгое путешествие в Эфиопию и посещаю северо-западную часть разоренной войной провинции Тиграй. Именно там, в Аксуме — «священном городе эфиопов», — я и встретился с монахом-хранителем, о котором рассказано выше.

1983 ГОД: СТРАНА В ОГНЕ ВОЙНЫ

После долгих лет ожесточенной борьбы 28 мая 1991 года эфиопское правительство было наконец свергнуто внушительной коалицией повстанческих сил, в которой ведущую роль сыграл народный фронт освобождения Тиграя. Когда же я посетил в 1983 году Аксум, НФОТ был относительно небольшим партизанским отрядом, а священный город, уже осажденный, оставался еще в руках правительства. Иностранцев, кроме меня, в городе не видели с 1974 года, когда революция, скинувшая императора Хайле Селассие и установившая власть одного из самых кровавых африканских диктаторов — подполковника Менгисту Хайле Мариама, изгнала оттуда экспедицию английских археологов.

К сожалению, доступ в Аксум я получил не в результате своей особой предприимчивости или собственной инициативы, а потому, что работал в то время на Менгисту. В результате деловой договоренности, о которой я еще горько пожалею, в 1983 году я был занят подготовкой богато иллюстрированного издания об Эфиопии — книги, заказанной правительством Менгисту, дабы провозгласить единство страны с большим разнообразием культур и подтвердить древнеисторическую целостность ее политических границ, которые повстанцы так старательно пытались перекроить. Прежде чем я приступил к работе, была достигнута договоренность, что издание не послужит скрытой рекламой политики правительства, и в договор со мной был включен пункт, в соответствии с которым в книге не будет восхваляться или поноситься ни одна личность (в том числе и Менгисту). Однако я не питал иллюзий насчет того, как воспринимали будущую книгу видные деятели режима: они не подписывали бы счета и не позволили бы мне посетить закрытые для других исторические достопримечательности, если бы не надеялись на то, что моя работа окажется полезной для них.

При всем при том мне было отнюдь не легко попасть в Аксум. Активные действия повстанцев на главных дорогах и вокруг самого священного города делали невозможным путешествие по суше, и оставалось только летать. Для этого мне — вместе с моей женой и исследовательницей Кэрол и фотографом Дунканом Уиллеттсом — пришлось сначала добраться до столицы Эритрси Асмэры, откуда, надеялся я, нас перебросят через линию фронта на одном из находившихся там военных самолетов.

Расположенная на высоком плодородном плато, возвышающемся над внушающими страх пустынями эритрейского побережья, Асмэра — весьма привлекательный город с явно латинским характером, что и неудивительно: он был оккупирован итальянскими войсками в 1889 году и оставался итальянским бастионом вплоть до деколонизации Эритреи (и ее насильственного присоединения к Эфиопскому государству) в 50-х годах [4]. Повсюду мы видели сады с ярко цветущей бугенвиллеей и палисандровыми деревьями, а теплый, полный

солнечного света воздух был пропитан средиземноморскими ароматами, которые ни с чем не спутаешь. И еще одно обстоятельство обращало на себя внимание — присутствие многочисленных советских и кубинских военных «советников» в камуфляжной форме, с автоматами Калашникова, шатавшихся по благоухающим тенистым бульварам.

Советы, которые эти крутые парни давали эфиопской армии, боровшейся с эритрейскими сепаратистами, не казались нам особо умными. Больницы Асмэры были забиты до отказа ранеными, а представители правительства, с которыми мы встречались, были напряжены и пессимистично настроены.

Наше беспокойство только усилилось через несколько дней, когда в баре роскошного отеля «Амбасоира» мы познакомились с двумя замбийскими пилотами, временно работавшими в «Эфиопских авиалиниях». Они думали, что в течение шести месяцев будут набираться практического опыта пассажирских перевозок, а на самом деле занимались доставкой раненых с фронтов в Тиграе и Эритрее в госпитали Асмэры. Они пытались добиться от авиакомпании освобождения от этой опасной работы, но им указали на прописанные в их контрактах мелким шрифтом условия, по которым они были обязаны выполнять ее.

После нескольких недель почти беспрерывных вылетов на переделанных для перевозки раненых древних пассажирских самолетах ДС-3 оба пилота страдали военным неврозом, буквально тряслись и были озлоблены. Они признались нам, что пристрастились к выпивке, топя в ней свои печали. «Я не могу заснуть, если не напьюсь, — доверительно сообщил один из них. — Мой мозг постоянно прокручивает виденные мною страшные сцены». Дальше он описал подростка с оторванной взрывом пехотной мины ногой и другого юного солдата со снесенной снарядом половиной черепа, погруженных на его самолет утром того дня. «Самые страшные раны от шрапнели… люди с обширными повреждениями спины, живота, лица… Это ужасно… Иной раз весь салон самолета кажется заполненным кровью и внутренностями… За один раз мы перевозим до сорока раненых — больше, чем позволяет грузоподъемность ДС-3, но мы вынуждены рисковать, ибо просто не можем оставить этих бедняг умирать».

Их заставляли иногда делать до четырех вылетов в день, — добавил другой летчик. За предыдущую неделю он дважды вылетал в Аксум, и оба раза его самолет прошивали пулеметные очереди. «Очень тяжелый аэропорт — с грунтовой взлетно-посадочной полосой, окруженной холмами. Бойцы НФОТ сидят в них и стреляют по нам при посадке и взлете. Их не обманывает раскраска «Эфиопских авиалиний». Они прекрасно знают, что мы осуществляем военные перевозки…»

Обрадованные возможностью поделиться своими горестями с сочувствующими им иностранцами, к тому же не русскими и не кубинцами, замбийцы не сразу поинтересовались тем, что мы делаем в Эфиопии. Но в конце концов сделали это и были изумлены, услышав, что мы готовим к изданию богато иллюстрированную книгу по заказу правительства. Затем мы объясняли, что нам тоже нужно попасть в Аксум.

— Зачем? — поразились они.

— Затем, что в этом городе велись интересные археологические раскопки самых древних культурных слоев и именно в этом месте Эфиопии впервые зародилось местное христианство. Город в течение столетий был столицей, и наша книга без описания его выглядела бы весьма ущербной.

— Мы могли бы доставить вас туда, — предложил один из пилотов.

— Вы имеете в виду, когда отправитесь туда в следующий раз за ранеными?

— Нет. Вам точно не разрешат лететь одним из таких рейсов. Но послезавтра туда собирается группа высокопоставленных военных для инспекции гарнизона. Вы могли бы присоединиться к ним. Все зависит от того, кто в Аддис-Абебе сможет замолвить за вас словечко. Почему бы вам не попытаться?

МЫ ЛЕТИМ В АКСУМ

Большую часть следующего дня мы потратили на телефонные переговоры с Аддис-Абебой, в частности с министром, непосредственно отвечавшим за наш проект. Дело было рискованное, но благодаря его влиянию мы все же получили места в самолете, следовавшим рейсом, о котором поведали наши замбийские друзья. На случай, если бы они отказались быть нашими пилотами, на борт ДС-3 поднялся и эфиопский экипаж, готовый совершить короткий подскок в Аксум.

Во время часовой задержки вылета из аэропорта Асмэры и самого тридцатипятиминутного полета я завершил чтение исторической справки и лишний раз убедился в том, что посещение Аксума стоит того.

Древние исторические упоминания рисуют картину крупного многонационального городского центра. В 64 году н. э., например, анонимный автор греческого торгового указателя, известного под названием «Плавание по Эритрейскому морю», называл правителя Аксума «принцем выше многих, образованным, знающим греческий язык». Несколько столетий спустя некий Юлиан, посланник римского императора Юстиниана, пел дифирамбы Аксуму как «величайшему городу всей Эфиопии». Царь, по его словам, был почти голым, ибо на нем были только расшитая золотом полотняная повязка от талии до чресл и украшенные жемчужинами полосы на спине и животе. На его руках были золотые браслеты, на шее — золотая цепь, на голове — также вышитый золотом полотняный тюрбан, с каждой стороны которого свешивались по четыре полоски. Когда посол вручал свои верительные грамоты, монарх, похоже, стоял в четырехколесной колеснице, запряженной четырьмя слонами. Высокие стенки колесницы были покрыты золотыми пластинами.

В VI веке н. э. странствовавший христианский монах Козьма Индикоплейст еще больше расцветил впечатления Юлиана. После посещения Аксума он записал, что «дворец царя Эфиопии с четырьмя башнями» был украшен «четырьмя бронзовыми фигурами» единорога, а также «набитым соломой» чучелом носорога. Монах видел и несколько жирафов, которые были пойманы «под командованием еще юного царя и выдрессированы для ублажения монарха».

Эти картины варварского великолепия вполне подходили для столицы того, что к тому времени стало самой крупной державой на стыке Римской империи и Персии, державы, посылавшей свои торговые суда далеко от родных берегов — в Египет, Индию, Цейлон и Китай и принявшей уже в четвертом веке христианство в качестве государственной религии.

История обращения Эфиопии сохранилась в писаниях византийского теолога четвертого века Руфиния — высоко ценимого современными историками автора. Якобы некий Меропий, торговец-христианин, которого Руфиний называл «философом из Тира», совершил однажды путешествие в Индию, взяв с собой двух сирийских мальчиков, с которыми занимался «гуманитарными науками». Старшего звали Фрументий, а младшего — Эдесий. На обратном пути через Красное море их корабль был захвачен у берегов Эфиопии в наказание Восточной Римской империи за то, что она нарушила договор с местным народом.

Во время схватки Меропий был убит. Юноши же выжили и были доставлены к царю Аксума Элла Амиду, который вскоре сделал Эдесия виночерпием, а более проницательного и благоразумного Фрументия — своим казначеем и секретарем. Юноши пользовались большим почетом и любовью царя, который, однако, вскоре умер, оставив после себя вдову и маленького сына Эзану в качестве наследника. Незадолго до кончины Элла Амида предоставил двум сирийцам свободу, но овдовевшая царица упросила их со слезами на глазах остаться, пока не подрастет ее сын. Особенно она просила помощи у Фрументия, — поскольку Эдесий, при всей, его преданности и честности, был попроще.

В последовавшие затем годы росло влияние Фрументия в Аксумском царстве. Он призвал иноземных купцов-христиан «построить в разных местах молельни, в которых они

могли бы спокойно молиться». Он также снабдил их «всем необходимым, дал участки под строительство зданий и всеми способами помогал взращиванию семени христианства в стране».

К тому времени, когда Эзана наконец вступил на престол, Эдесий вернулся в Тир. Фрументий же посетил египетскую Александрию — в то время крупный центр христианства, где проинформировал патриарха Афанасия — о проведенной работе по внедрению веры в Эфиопии. Молодой человек просил церковного иерарха «подыскать достойного человека и послать его епископом для руководства многими уже обращенными в христианство прихожанами». Афанасий тщательно взвесил сообщение Фрументия и на соборе священнослужителей объявил: «Нужно ли искать другого человека, в котором дух Господень жив, как в вас, и который сможет взяться за эти дела?» Затем он «посвятил Фрументия в сан епископа и просил его вернуться Божьей милостью туда, откуда он прибыл».

И Фрументий вернулся в Аксум в качестве первого эфиопского христианского епископа и продолжил миссионерские усилия, которые в 331 году н. э. были вознаграждены обращением самого царя. Дошедшие до нас монеты времен царствования Эзаны зафиксировали этот переход: на более ранних изображены полумесяц, новая и полная луна, на более поздних — крест. Это одни из самых ранних монет с христианским символом, отчеканенных в какой-либо стране.

Будучи центром распространения христианства и столицей Эфиопской империи с первого до приблизительно X века н. э., Аксум представлял интерес для нашего проекта не только этим. В этом городе, прочитал я, мы сможем увидеть многие внушительные дохристианские развалины, имеющие величайшее археологическое значение (в том числе руины нескольких огромных дворцов), а также довольно хорошо сохранившиеся памятники, которыми больше всего знаменит этот город: его древние обелиски, некоторые из которых насчитывают более двух тысяч, лет и свидетельствуют о высоком уровне развития архитектуры и искусства в гораздо более ранние времена, чем у любой другой цивилизации в Африке к югу от Сахары. И они не были единственными вещественными доказательствами уникального уровня развития Аксума. К моему удивлению, справочная литература, которую я захватил с собой, утверждала, что, согласно эфиопским преданиям, в небольшой часовне при особо почитаемой церкви хранится ковчег завета. Легенды были связаны с претензией Эфиопии на то, что она была государством библейской царицы Савской, и обычно отвергались историками как абсурдные выдумки.

Поскольку я лишь незадолго до того посмотрел фильм «Искатели утерянного ковчега» с Индианой Джонсом, меня страшно заинтересовала возможность — хоть и весьма сомнительная — того, что самая ценная и таинственная реликвия времен Ветхого Завета, почти три тысячелетия считавшаяся утерянной, действительно находится в городе, в который я вот-вот прилечу. Я тут же решил, что не покину город, пока не узнаю как можно больше об этом странном предании, и с удвоенным интересом посмотрел вниз, когда капитан самолета объявил, что Аксум прямо под нами.

Спуск ДС-3 к узкой взлетно-посадочной полосе далеко внизу был в высшей степени необычным и довольно опасным. Вместо обыденного долгого и медленного снижения пилот очень быстро опустился со значительной высоты по крутой спирали, держась постоянно над самим городом. Это было проделано, объяснил один из наших военных попутчиков, дабы сократить до минимума время, на протяжении которого мы оставались бы мишенью для снайперов, засевших в окружающих город холмах. Я вспомнил рассказы замбийцев о том, что их регулярно обстреливали пулеметными очередями при посадке в Аксуме, и молился про себя, чтобы этого не случилось с нами. Весьма неприятное ощущение человека, пристегнутого к непрочному сиденью в узкой металлической трубе в сотнях футов над землей и задающегося вопросом, не прошьют ли в любое мгновение пули пол и стенки салона самолета.

К счастью, в то утро не случилось ничего плохого, и мы спокойно приземлились. Я помню красный гравий взлетно-посадочной полосы, пыль, которая обволокла нас, когда колеса самолета коснулись земли, и множество одетых в полевую форму и вооруженных до зубов эфиопских солдат, не спускавших с нас глаз, пока самолет подруливал к месту стоянки. Заметил я и другие вещи: вырытые с обеих сторон полосы траншеи, многочисленные окопы, прикрытые камуфляжными сетками, из которых торчали стволы тяжелых орудий. Припоминаю я и несколько бронетранспортеров, выстроившихся у контрольной вышки, и с полдюжины советских танков. На бетонированной площадке чуть в стороне стояли два вертолета МИ-24, вооруженные ракетами, подвешенными на консолях под их стабилизаторами, похожими на обрубки крыльев.

На протяжении всего нашего пребывания Аксум жил в атмосфере постоянной тревоги и страха, свойственной осажденному городу. Нам разрешили находиться там только одну ночь, но у нас создалось впечатление, как будто это время растянулось до бесконечности.

ДВОРЦЫ, КАТАКОМБЫ И ОБЕЛИСКИ

Работа началась с момента прибытия. У трапа самолета нас встретил престарелый абиссинский джентльмен в слегка поношенном костюме-тройке и с великолепнейшей патриархальной бородой. На несколько необычном, но грамматически правильном английском языке он представился как Берхане Маскель Зелелеу и объяснил, что с ним заключили по радио из Аддис-Абебы договор о работе в качестве нашего гида и переводчика. По поручению министерства культуры он, по его словам, «присматривал за древностями Аксума». В этой роли он помогал археологам из Британского института в. Восточной Африке, чьи раскопки наиболее интересных руин города были прерваны революцией 1974 года.

— Так приятно видеть здесь англичан после столь долгого перерыва! — воскликнул он, пока мы представлялись ему.

Мы уселись в старенький «лендровер» цвета лимона-дичка с двумя аккуратными пулевыми отверстиями в ветровом стекле.

— К счастью, никого не убили, — подбодрил нас Зелелеу, когда мы поинтересовались этими дырками.

На пути из аэропорта я объяснил, нервно посмеиваясь, зачем мы приехали, перечислил исторические места, которые мы хотели бы посетить, и сообщил ему, что особенно интересуюсь притязаниями Аксума на роль последнего пристанища ковчега завета.

— Вы верите, что ковчег находится здесь? — спросил я.

— Да, разумеется.

— А где же он хранится?

— В одной часовне в центре города.

— Эта часовня… она очень старая?

— Нет, она была построена по распоряжению нашего последнего императора… Думаю, в 1965 году. До того времени реликвия находилась в святая святых близко расположенной от нее церкви Святой Марии Сионской… — Зелелеу помолчал и добавил: — Кстати, Хайле Селассие проявлял особый интерес к этому вопросу… Он был двести двадцать пятым наследником по прямой линии Менелика — сына царицы Савской и царя Соломона. Именно Менелик доставил ковчег завета в нашу страну…

Я изъявил желание тут же посетить часовню, но Зелелеу убедил меня в том, что не имеет смысла спешить:

— Вам не разрешат и близко подойти к ковчегу. Он покоится в святой земле. Монахи и жители Аксума стерегут его и не колеблясь убьют любого, кто попытается посягнуть на него. Только одному человеку позволено входить в помещение, где он хранится, — это монах,

отвечающий за его сохранность. Мы попытаемся встретиться с ним попозже, а сначала давайте посмотрим дворец царицы Савской.

После того как мы согласились с, этим привлекательным предложением, наша машина свернула на разбитую ухабистую дорогу, которая, если бы мы ехали по ней до конца, привела бы нас через сотни миль на северо-запад через колоссальные пики и долины Симиенских гор к городу Гондэр на озере Тана. Но всего лишь в миле от центра Аксума мы остановились в виду сильно укрепленного военного пункта, стоявшего, как объяснил Зелелеу, на границе контролировавшегося правительством района. Зелелеу выразительно махнул рукой в сторону ближайших холмов:

— Все остальное под контролем НФОТ, так что мы не можем поехать дальше. Очень жаль. Там можно увидеть так много интересного. Вот там, за тем поворотом дороги, находятся гранитные карьеры, где были вырублены стелы. Одна так и осталась высеченной наполовину из скалы. Там также есть прекрасная фигура львицы. Она очень древняя — появилась еще до прихода христианства. К сожалению, мы не сможем посмотреть ее.

— А как далеко до нее? — попытался я удовлетворить мучительное любопытство.

— Очень близко — менее трех километров. Но военные не пропустят нас через контрольно-пропускной пункт. А если бы и пропустили, мы обязательно попали бы в руки партизан. Даже здесь не стоит находиться слишком долго. Снайперы НФОТ могут разглядеть вас — иностранцев, примут за русских и начнут стрелять… — Зелелеу рассмеялся. — Это было бы нежелательно, не так ли? Пойдемте со мной.

Он вывел нас в поле к северу от дороги, и вскоре мы уже спотыкались об остатки того, что когда-то было, наверное, внушительным зданием.

— Здесь стоял дворец царицы Савскьй, — с гордостью объявил Зелелеу. — В соответствии с нашими обычаями ее звали Македа, а Аксум был столицей ее царства. Я знаю, что иностранцы отказываются верить в то, что она была эфиопкой, и тем не менее ни одна страна не имеет права притязать на нее больше нас.

Я поинтересовался, велись ли когда-нибудь здесь раскопки, дабы проверить достоверность легенд.

— Да, в конце шестидесятых годов. Эфиопский институт археологии проводил здесь раскопки, и я участвовал в них.

— И что же они дали?

Лицо Зелелеу стало печальным.

— Сложилось общее мнение, что дворец не столь древен, чтобы быть резиденцией царицы Савской.

То, что раскопали археологи и что мы некоторое время изучали, было руинами огромного, искусно построенного здания с отлично сложенными из камней на известковом растворе стенами, глубоким фундаментом и внушительной дренажной системой. Мы увидели прекрасно сохранившийся пол из камня-плитняка того, что Зелелеу назвал большим тронным залом, и несколько лестничных колодцев, которые подразумевали существование по крайней мере одного верхнего этажа. Были там и купальни изысканного дизайна, и хорошо сохранившаяся кухня, в которой господствовали две печи из кирпича.

Затем, с другой стороны дороги, на которую выходил этот дворец, мы осмотрели несколько грубо обтесанных гранитных стел — одни из них стояли и превышали пятнадцать футов в высоту, другие, видимо, упали и были разбиты. Большинство не имело никаких украшений, но на самой крупной из них были высечены четыре горизонтальные полосы и ряды рельефных кругов над ними — вроде выступающих концов балок в здании, построенном из камня и древесины. Этот грубо вытесанный обелиск, сообщил нам Зелелеу, горожане считают украшением могилы царицы Савской. Под ним не велись раскопки, и поле,

на котором находились стелы, было отдано фермерам, выращивающим урожаи для гарнизона Аксума. Пока мы разговаривали, нам на глаза попались два крестьянских мальчика, пахавших на воле, впряженном в деревянный плуг. Они возделывали почву, не обращая внимания на окружавшую их историю и внешне безразлично отнесясь к нашему присутствию.

Сделав фотоснимки и записи в блокнотах, мы поехали назад к центру города и через него выбрались на северо-восток к еще одному дворцовому комплексу, расположенному на этот раз на вершине холма, откуда открывался прекрасный вид на все стороны. Давно обрушившиеся стены намекали на изначальное наличие четырех башен в углах здания — быть может, тех самых башен, которые, по описанию монаха Козьмы, в шестом веке были украшены бронзовыми единорогами.

Под крепостью Зелелеу провел нас вниз по ступенькам в несколько подземных галерей и покоев, потолки и стены которых были сложены из массивных отесанных гранитных блоков, точно подогнанных друг к другу без использования раствора на стыках. По местному преданию, сообщил Зелелеу, эти прохладные темные помещения служили сокровищницей для императора Калеба (514–542) и его сына Гебре Маскаля. С помощью фонарика мы рассмотрели пустые каменные кофры, в которых, как считается, хранились несметные богатства в виде золота и жемчужин [5]. За толстыми гранитными стенами в глубине холма, должно быть, находились и другие, еще не раскопанные комнаты.

В конце концов мы покинули крепость на вершине холма и по покрытой гравием дороге спустились в центр Аксума. Почти в конце спуска мы сделали снимки огромного открытого и глубокого резервуара для воды, высеченного в красном граните склона холма, куда вели грубо вытесанные ступеньки. Этот так называемый Май Шум показался нам весьма древним, что и подтвердил Зелелеу, сообщивший, что первоначально он служил купальней царице Савской.

— По крайней мере наши люди верят в это. С начала эпохи христианства он использовался для церемонии крещения во время празднования Богоявления, которое мы называем *Тимкат.* Сегодня сюда ежедневно приходят за водой крестьяне.

Как бы в подтверждение своих слов он показал рукой на группу женщин, спускавшихся по истертым ступеням с бутылями из тыквы на головах.

Мы даже не заметили, как пролетело время и наступила уже середина вечера. Зелелеу предложил нам поторопиться, напомнив, что мы должны улететь обратно в Асмэру на рассвете следующего дня, а нам еще предстояло многое посмотреть.

Следующая достопримечательность находилась поблизости и называлась «Парк стел», явно представляющий немалый археологический интерес. Здесь мы осмотрели и сфотографировали массу гигантских обелисков, вырубленных из огромных кусков гранита. Самый массивный из них треснул и рухнул на землю, как здесь считается, более тысячи лет назад. В лучшие же времена он возвышался на сто десять футов и, видимо, господствовал надо всей округой. Я вспомнил прочитанное в самолете о том, что его вес, по прикидкам, превышает пятьсот тонн. Его считают самым большим единичным камнем, успешно добытым и водруженным в древнем мире.

Эта упавшая стела была тщательно отесана и изображала высокое башнеподобное тринадцатиэтажное здание с искусно высеченными на каждом этаже окнами и другими подробностями и разделяющими этажи рядами символических выступов балок. У основания можно разглядеть фальшивую дверь с молотком и замком, искусно вырезанными из камня.

Другой упавший обелиск — гораздо меньших размеров и неповрежденный, по словам Зелелеу, был украден во время итальянской оккупации в 1935–1941 годах, доставлен с большим трудом в Рим и водружен Муссолини рядом с аркой Константина. Поскольку он также искусно вырублен и представляет большую художественную ценность, эфиопское

правительство настаивает на его возвращении. К счастью, на своем месте в «Парке стел» остался третий украшенный рельефами монолит.

Широким жестом наш гид указал на эту стоящую каменную иглу более семидесяти футов высотой, увенчанную шлемом в форме полумесяца. Мы подошли поближе, чтобы рассмотреть ее, и обнаружили, что, подобно своему огромному соседу, она украшена резьбой таким образом, чтобы выглядеть как обычное здание — в этом случае как девятиэтажный дом башенного типа. И снова главным украшением переднего фасада служили изображения окон и деревянных балок, горизонтально расположенных в стенах. Границы этажей определялись рядами символических торцов бревен, а схожесть с домом подчеркивалась наличием фальшивой двери.

Вокруг этого искусного памятника установлены другие стелы разных размеров — явно произведения передовой, хорошо организованной и процветавшей цивилизации. Ни в одной другой стране Черной Африки не было даже отдаленно похожих сооружений, и поэтому Аксум оставался загадкой с неизвестной предысторией и Незафиксированными источниками вдохновения.

ЧАСОВНЯ ХРАМА

Напротив «Парка стел» через дорогу находится широко обнесенный стеной комплекс из двух церквей: одной древней и другой — явно не столь давней постройки. Обе они, объяснил Зелелеу, посвящены Святой Марии Сионской. Новая, с куполообразной крышей и колокольней в форме обелиска, была построена Хайле Селассие в 60-х годах. Строительство же другой восходит к середине семнадцатого века и является делом рук императора Фасилидаса, который, как и многие монархи до и после него, был коронован в Аксуме и питал почтение к священному городу, хоть и устроил свою столицу в другом месте.

Претенциозный «кафедральный» собор, построенный Хайле Селассие, показался нам неинтересным и даже отталкивающим. Сооружение же Фасилидаса привлекло наше внимание своими башенками и парапетами с бойницами, ибо выглядело «наполовину домом Господним, наполовину замком» и, следовательно, принадлежало к поистине древней эфиопской традиции, в которой часто стирались различия между военным сословием и духовенством.

В тускло освещенном помещении я разглядел несколько поразительных фресок. На одной была представлена жизнь Марии, на другой — сцены Распятия и Воскресения Христа, на третьей — легенда о Святом Яреде — предполагаемом создателе страшноватой эфиопской церковной музыки. На несколько обесцвеченной временем фреске Яред выступает перед царем Гебре Маскалом. Ступня святого пронзена стрелой, выпавшей из руки монарха, но они настолько очарованы звучанием систра и барабана, что не замечают этого.

Недалеко от старой церкви видны руины когда-то внушительного здания, от которого остались глубоко врытые фундаменты. Здесь, объяснил Зелелеу, стояла первоначальная церковь Святой Марии Сионской, построенная в IV веке н. э. — во время обращения Аксумского царства в христианство. Примерно двенадцать столетий спустя, в 1535 году, ее сравнял с землей фанатичный мусульманский завоеватель Ахмед Грагн (Левша), орды которого пронеслись через Африканский рог, начиная с Харара на востоке, и одно время грозили полным искоренением эфиопского христианства.

Незадолго до ее разрушения «первую Святую Марию» — как называл церковь Зелелеу — посетил странствующий португальский монах Франсишку Алвариш. Позже я прочитаю его описание церкви — единственное сохранившееся:

«Она очень большая и имеет пять довольно длинных нефов, ее потолок и стены расписаны, есть в ней и клирос наподобие привычных нам… Вокруг этой благородной церкви каменными плитами, похожими на могильные камни, выложена широкая дорожка,

окруженная большим забором, и на некотором расстоянии проходит еще одна большая ограда вроде стен большого города».

Зеледеу точно указал дату начала строительства первоначальной Святой Марии — 372 год н. э., а это означает, что она, вероятно, была самой первой христианской церковью в Черной Африке. Просторная базилика с пятью проходами с момента своего открытия была самым, святым местом в Эфиопии. Объяснялось это тем, что она была построена для хранения ковчега завета, который — если верить легендам — был доставлен в страну задолго до рождения Иисуса и взят под опеку христианской иерархией вскоре после того, как новая религия стала официальной в Аксумском государстве.

Когда Алвариш посетил Святую Марию в 20-х годах XVI века и, таким образом, стал первым европейцем, записавшим эфиопский вариант легенды о царице Савской и о рождении ее единственного сына Менелика, ковчег все еще находился в святая святых древней церкви. Ему, однако, недолго предстояло оставаться там. В начале 30-х годов XVI века, когда вторгшиеся в страну армии Ахмеда Грагна подошли к, городу, священная реликвия была перенесена «в другое место хранения» (Зеледеу не знал, куда именно). Так она избежала уничтожения и не была захвачена в качестве добычи, когда мусульмане разграбили Аксум в 1535 году.

Столетие спустя после восстановления мира по всей империи ковчег был торжественно возвращен и помещен на хранение во второй Святой Марии, построенной Фасилидасом рядом с развалинами старой церкви. Там он и находился, судя по всему, до 1965 года, когда Хайле Селассие переправил его в новую и более надежно защищенную часовню, сооруженную одновременно с грандиозным собором, но в качестве придела церкви XVII века.

Именно на участке построенной Хайле Селассие часовни монах-хранитель рассказал мне поразительную историю ковчега и предупредил о «силе его воздействия».

— Что за сила? — попытался уточнить я. — Что вы имеете в виду?

Хранитель словно окаменел и как бы стал еще бдительнее. Последовало долгое молчание. Затем он хохотнул и спросил в свою очередь:

— Вы видели стелы?

— Да, — ответил я, — видел.

— Как, вы думаете, они были поставлены?

Я признался, что не имею ни малейшего понятия.

— Для этого использовали ковчег, — тихо прошептал монах, — ковчег и небесный огонь. Люди никогда не смогли бы сами сделать это.

По возвращении в эфиопскую столицу Аддис-Абебу я воспользовался представившейся мне возможностью для небольшого поиска исторических подтверждений легенды, рассказанной мне хранителем. Я хотел узнать, возможно ли вообще, что царица Савская была правительницей Эфиопии. И, если это возможно, могла ли она совершить путешествие в Израиль во времена Соломона — примерно три тысячелетия назад? Могла ли она понести от еврейского царя? Родила ли она ему сына по имени Менелик? И — что еще важнее — мог ли ее сын отправиться молодым человеком в Иерусалим, прожить там год при дворе своего отца и затем вернуться в Аксум с ковчегом, завета?

Глава 2

РАЗОЧАРОВАНИЕ

В Аддис-Абебе 1983 года мои вопросы, призванные помочь мне оценить, действительно ли Аксум является последним пристанищем ковчега завета, не встретили особого понимания. В атмосфере еще витал мощный дух революционного ура-патриотизма по прошествии менее девяти лет после свержения Хайле Селассие (и менее восьми лет после того, как его с помощью подушки задушил свергнувший его подполковник Менгисту Хайле Мариам). Также

ощущались повсюду недоверие, ненависть и явный страх: люди с горечью вспоминали конец 70-х годов, когда силы Менгисту развязали «красный террор» против тех, кто пытался восстановить монархию. Финансировавшиеся государством «эскадроны смерти» наводнили улицы, вытаскивали подозреваемых из домов и казнили на месте. Семьи жертв подобных чисток должны были затем возместить стоимость пуль, использованных для убийства их родственников, прежде чем получить их тела для захоронения.

Именно в этом, взлелеянном подобными ужасами эмоциональном климате пришлось мне вести предварительное исследование предмета, тесно связанного с последним эфиопским императором и с династией Соломона, к которой он принадлежал. Насколько тесна эта связь, стало ясно, когда один знакомый передал мне копию документа, подготовленного во время пика власти и популярности Хайле Селассие, — пересмотренной Конституции 1955 года. Созданный с целью побудить «современного эфиопа приучиться к участию в управлении всеми государственными ведомствами» и «в величественной миссии, которую в прошлом эфиопские сюзерены должны были выполнять в одиночестве», этот примечательный законодательный акт содержал, тем не менее, следующее недвусмысленное подтверждение извечного монаршего божественного права править:

«Императорское достоинство навечно закрепляется за династией Хайле Селассие I, родословная которого прямо восходит к династии Менелика I, сына царицы Эфиопии, царицы Савской и царя Иерусалима Соломона… В силу Его Императорской Крови, а также полученного Им помазания, личность Императора священна, Его Достоинство неприкосновенно, а Его Власть неоспорима».

Вскоре я убедился в том, что наш гид в Аксуме Зелелеу был прав по крайней мере в одном: император притязал-таки на то, что является двести двадцать пятым потомком Менелика по прямой линии. Больше того, лишь немногие из тех, с кем я беседовал в Аддис-Абебе, даже самые революционные из них, сомневались всерьез в сакральной генеалогии Соломоновой династии. Даже шептались о том, что президент Менгисту сам стащил кольцо Соломона с пальца мертвого Хайле Селассие и теперь носил его на среднем пальце руки, как если бы надеялся обрести с его помощью хоть часть харизмы и магических способностей, приписывавшихся предшественнику.

Подобные перешептывания и слухи представляли немалый интерес. Однако они не удовлетворили моего желания получить достоверную информацию о ковчеге завета и его мистической связи с низложенной «династией Хайле Селассие I». Проблема состояла в том, что большинство из моих эфиопских собеседников были слишком напуганы, чтобы поведать мне все, что знали, и замолкали, как только я упоминал ковчег, покойного императора или что-то, связанное с предреволюционным периодом, могущее быть истолковано как подстрекательство. Поэтому я добился некоторого успеха только после прибытия в Аддис-Абебу из Англии знающего коллеги — профессора Ричарда Пэнкхерста, которому я предложил стать соавтором книги, готовившейся мной для эфиопского правительства.

Внук знаменитой английской суфражистки Эммелин Пэнкхерст и сын Сильвии Пэнкхерст, героически сражавшейся на стороне абиссинского сопротивления во время итальянской оккупации в 30-е годы, Ричард был и остается ведущим историком — специалистом по Эфиопии. Во времена императора Хайле Селассие он основал весьма уважаемый Институт эфиопских исследований при университете Аддис-Абебы. Вскоре после революции 1974 года он вместе с семьей уехал из страны и теперь жаждал вернуться к работе. Поэтому план нашей книги вполне отвечал его интересам, и он взял отпуск в Королевском Азиатском обществе в Лондоне, с тем чтобы обсудить наше сотрудничество в работе над книгой.

Это был высокий, но довольно сутулый мужчина далеко за сорок, с застенчивыми, почти извиняющимися манерами, скрывавшими, как я убедился позже, большую самоуверенность и необычайное чувство юмора. Его знания эфиопской истории были всеобъемлющими, и первым делом я обсудил с ним проблему ковчега завета и явно несуразное утверждение о

том, что он может храниться в Аксуме. Считает ли он вообще, что это предание имеет реальное основание?

Ричард ответил в том духе, что услышанная мной в священном городе легенда о Соломоне и царице Савской имеет древнюю историю в Эфиопии. Существовали многие устные и письменные варианты. Самый древний из последних, дошедших до наших дней, содержался в рукописи XIII века «Кебра Нагаст», которая высоко чтилась и, как считало большинство эфиопов, излагала «правду, всю правду и ничего, кроме правды». Но, будучи историком, Ричард не мог согласиться с подобной правдой, поскольку было установлено практически без какого-либо сомнения, что родина царицы Савской находилась в Саудовской Аравии, а вовсе не в Эфиопии. Тем не менее Ричард не отвергал полностью возможность того, что легенда могла содержать «какую-то крупицу истины». В античные времена существовали-таки подтвержденные документами связи между Эфиопией и Иерусалимом (хоть и не во времена царя Соломона), и нет сомнений в том, что эфиопская культура сохранила сильный «налет» иудаизма. Лучшим свидетельством этого служит проживание в стране группы туземных евреев — так называемых фалашей, обитавших в Симиенских горах к югу от Аксума и на берегах озера Тана. Имеются и широко распространенные обычаи (общие в своем большинстве для абиссинских христиан и их соседей — фалашей), хоть и косвенно, но свидетельствующие о древних связях с иудейской цивилизацией. Они включают обрезание, следование запретам в пище, весьма схожим с изложенными в Книге Левит, и соблюдение (в ряде изолированных сельских общин) священного дня отдохновения в субботу, а не в воскресенье.

Я уже знал о существовании фалашей и даже запросил (но пока не получил) официальное разрешение на посещение и фотографирование хотя бы одной из их деревень во время нашего следующего выезда на места, когда мы планировали посетить озеро Тана и отправиться оттуда на север в город Гондэр, а также — как мы надеялись — в Симиенские горы. Я почти ничего не знал о так Называемых «черных евреях Эфиопии» и попросил Ричарда рассказать мне о них побольше.

Он сообщил, что внешним видом и одеждой они почти не отличались от других жителей Абиссинского нагорья. Их родное наречие также было туземным диалектом агавского языка, на котором когда-то, говорили многие жители северных провинций, хотя сейчас его быстро сменял национальный межэтнический вариант амхарского языка. Короче говоря, единственной реальной чертой, отличавшей фалашей, была их религия — несомненно еврейская, хоть и весьма архаичного и своеобразного типа. Их приверженность древним, давно забытым в других местах обычаям привела ряд романтически настроенных и легко возбудимых путешественников к выводу, что они являются «потерявшимся племенем Израиля». В последнее десятилетие это представление получило официальное благословение главных иерусалимских раввинов, недвусмысленно называющих фалашей евреями, т. е. считающимися достойными израильского гражданства в соответствии с законом о возвращении.

Но, заинтересовался я, откуда взялись фалаши с самого начала? И как именно они оказались посреди Эфиопии почти в двух тысячах миль от Израиля?

Ричард признал, что на эти вопросы нет однозначных ответов. Большинство ученых придерживается того мнения, что часть евреев мигрировала на земли Абиссинии с юго-западной Аравии в I и II веках н. э. и сумела обратить некоторые слои местного населения в свою веру, и фалаши считались поэтому потомками тех новообращенных. Верно то, добавил Ричард, что в Йемене обосновалась крупная еврейская община после преследования евреев римскими оккупантами Палестины в I веке н. э. Так что теоретически возможно пересечение миссионерами и купцами узкого Баб-эль-Мандебского пролива Красного моря и их проникновение в Эфиопию. Однако Ричард не знал о каких-либо исторических доказательствах, подтверждающих, что так оно и случилось на самом деле.

— А что говорят сами фалаши?

Ричард улыбнулся:

— Что они являются потомками царя Соломона, разумеется… В основе своей их легенда похожа на христианскую, но получила дальнейшую разработку. Если память мне не изменяет, Соломон обрюхатил не только царицу Савскую, но и ее служанку, став отцом не только Менелика, но и его сводного брата, основавшего династию фалашских царей. Остальные же евреи в Эфиопии якобы являются потомками телохранителей старших сыновей старцев Израиля, которые сопровождали Менелика с ковчегом завета.

— Считаете ли вы, что они говорят правду, утверждая, что ковчег был украден из храма Соломона в Иерусалиме и доставлен в Аксум?

Ричард скривился:

— Откровенно говоря, нет. Это просто невозможно. Кстати, Аксума еще не было и в помине в тот период, когда это предположительно случилось. Его просто не было… Послушайте, Соломон умер… я точно не знаю, когда, но это должно было случиться в 40-х или 30-х годах X века до н. э. Если Менелик родился от него, тогда примерно в то же время, возможно, даже десятью или пятнадцатью годами раньше, он должен был доставить ковчег в Аксум. Но он просто не мог это сделать. Понимаете, Аксум был основан не ранее III века до н. э., быть может, даже не ранее II века. Иными словами, через семьсот или восемьсот лет *после* предполагаемого похищения ковчега.

— Тогда получается, — заметил я, — что вся эта история выдумана?

— Да, хотя я и полагаю, что ковчег вполне мог быть доставлен в какое-то другое место в Эфиопии, из которого преданием был позже перенесен в Аксум. В легенде существует и много других нестыковок, анахронизмов и неточностей. Вот почему ни один историк или археолог, достойный своей профессии, не тратил напрасно времени на ее исследование… И тем не менее не все, что фалаши рассказывают о себе, является фантазиями, и некоторые аспекты их происхождения заслуживают дополнительного изучения.

— Какие, например?

— Упомянутое мною утверждение о том, что когда-то в Эфиопии существовала династия еврейских царей… Если мы вернемся, скажем, в XV или XVI век н. э., то найдем множество доказательств этой версии. Вполне возможно, что их монархическая система существовала и задолго до этого. Как бы то ни было, евреи в этой стране были когда-то силой, с которой приходилось считаться: порой они даже вели успешные войны с христианскими правителями ради сохранения своей независимости. Но с годами потомки этих древних переселенцев постепенно ослабли и начали исчезать. Мы знаем, что их число значительно уменьшилось между пятнадцатым и восемнадцатым столетиями. С тех пор они, к сожалению, приходили во все больший упадок. Сейчас их осталось, вероятно, не больше двадцати тысяч, и большинство из них стремится перебраться в Израиль.

Мы с Ричардом проработали вместе с Аддис-Абебе следующие три дня, и я многое узнал от него об эфиопской культуре и истории. Затем он вернулся в Лондон, а мы с Кэрол и Дунканом отправились в поездку на озеро Тана, в город Гондэр и Симиенские горы.

ТАБОТЫ: ТОЧНЫЕ КОПИИ КОВЧЕГА?

Выехав из Аддис-Абебы на предоставленной нам правительством старенькой «тойоте-лендкруизер», мы вскарабкались по огромному, заросшему эвкалиптами склону горы Энтото и затем проехали в северно-западном направлении много миль по высокогорной, суровой, поросшей вереском местности.

В Дэбр-Лйбанос (название означает «Гора Ливан») мы остановились, чтобы сфотографировать построенную в XVI веке церковь, где собрались тысячи паломников для

празднования дня знаменитого и славного своими чудесами эфиопского святого Теклы Хайманота. Мы были свидетелями того, как обычно застенчивые и консервативные мужчины и женщины сбрасывали все свои одежды, чтобы искупаться нагими в источнике святой воды. Одержимые требовательным духом собственного религиозного пыла, они казались завороженными, зачарованными, потерянными для мира.

Дальше к северу мы пересекли великолепный Голубой Нил и наконец прибыли в Бахр-Дар — небольшой городок на южном берегу озера Тана, настоящего внутреннего моря Эфиопии. Здесь мы провели несколько дней, плавая по обрамленным камышами водам на большом катере с дизельным двигателем, предоставленном нам морским командованием. Мы посетили некоторые из двух десятков монастырей, разбросанных по многочисленным островам, и фотографировали их удивительные коллекции древних иллюстрированных рукописей, религиозных картин и фресок.

Благодаря своей естественной изолированности эти монастыри, как нам рассказали, часто использовались в трудные времена в качестве мест хранения художественных ценностей и святых реликвий со всех концов страны. Главное же их назначение — обеспечить обитателям покой и уединение. Один монах сообщил мне, что не покидал свой крошечный, заросший лесом островок на протяжении двадцати пяти лет и не собирался когда-либо сделать это.

— Уединившись таким образом, — утверждал он, — я достиг истинного счастья. Каждый прожитый мной здесь день я хранил верность Богу и продолжу в том же духе, пока не умру. Я отдалился от жизни мира. Я свободен от его соблазнов.

Каждая монашеская община имеет свою церковь. Эти здания, обычно круглые, а не прямоугольные в плане, часто были очень старыми. Как правило, их опоясывала широкая пешеходная дорожка, открытая по бокам, но закрытая сверху выступающей тростниковой крышей; затем был внутренний круг *(к'ане-махлет),* богато украшенный росписями, потом шел второй круг (*кеддест,* используемый общиной), который, в свою очередь, опоясывает скрытое стенами центральное помещение *(макдас),* где находится святая святых.

Прежде я побывал во многих эфиопских церквах, но те, что я увидел на озере Тана, были первыми, в которых я получил некоторое представление о значении святая святых. Я обнаружил, что в каждом таком внутреннем святилище — в которое могут входить только старшие священники — хранится некий предмет, считающийся в высшей степени священным. С помощью выделенного нам правительством переводчика я спросил в монастыре Кебран Гэбриэл XIV века, что это за священный предмет.

— Это *табот,* — ответил мой собеседник — девяностолетний Абба Хайле Мариам.

Слово показалось мне знакомым, и после минутного размышления я вспомнил, что слышал его в Аксуме, когда сидел во дворике часовни храма и беседовал с монахом-хранителем, — это было эфиопское название ковчега завета.

— Что он имеет в виду под словом табот? — спросил я перегодчика. — Уж не ковчег ли завета? Две недели назад мы побывали в Аксуме, и нам сказали, что ковчег хранится там… — Я помолчал в немалом недоумении, затем, запнувшись, проговорил: — Не понимаю, как он может находиться и здесь.

Последовала довольно долгая дискуссия, к которой присоединились и другие монахи. Я уже было отчаялся узнать что-нибудь существенное от этих людей, которые, еще мгновение назад спокойные и замкнутые, сейчас оказались говорливыми, оживленными и любящими поспорить. В конце концов с помощью наводящих вопросов и благодаря стараниям переводчика я несколько прояснил картину.

Каждая православная церковь в. Эфиопии, оказывается, имеет собственную святая святых, и в каждой из них есть свой *табот.* Никто не утверждал, что речь действительно идет о ковчеге завета. Есть только один истинный ковчег завета, правильное название которого —

табота сион и который на самом деле был доставлен в Эфиопию Менеликом во времена Соломона и теперь находится в часовне храма в Аксуме. Остальные же *таботы* по всей стране были точными копиями священного и неприкосновенного оригинала.

Эти копии имели, однако, большое значение. В самом деле они были в высшей степени важны. Символические во многих отношениях, они были, как мне объяснили, полным воплощением неуловимого понятия святости. Во время нашей беседы в Кебран Гэбриэл Абба Хайле Мари-ам старательно объяснил мне:

— Именно ради *таботов,* а не церквей приходят посвященные: без *табота* в ее сердце, в святая святых церковь — лишь пустая скорлупа, мертвое здание, не более и не менее значимое, чем любое другое.

ЧЕРНЫЕ ЕВРЕИ ЭФИОПИИ

Завершив работу в островных монастырях, мы вернулись в Бахр-Дар, а затем отправились на север вдоль восточного берега озера Тана в город Гондэр, основанный в XVII веке Фасилидасом — тем самым императором, который заново отстроил церковь Святой Марии Сионской в Аксуме. Во время путешествия я продолжал размышлять о традиции *таботов, о* которой только что узнал.

По крайней мере — помню, думал я — занимательно и странно то, что эфиопские христиане приписывают такое большое значение ковчегу завета, что считают необходимым иметь его копии в каждой из своих церквей. В конце концов, ковчег был *дохристианской* реликвией и не имел ничего общего с учением Иисуса. Так что же тогда здесь происходит?

Я неизбежно снова начал задаваться вопросом об обоснованности утверждений жителей Аксума относительно царицы Савской, царя Соломона и их сына Менелика. Быть может, в конечном счете есть какое-то основание для этих легенд? Наличие в стране туземных черных евреев, происхождение которых представляется окутанным тайной, также интригует, и два факта могут быть, как мне казалось, связаны друг с другом. Поэтому я предвкушал много интересного от посещения поселков фалашей, которые, мы уже знали, будут все чаще попадаться нам на следующем отрезке нашего путешествия.

Перед тем как мы покинули Гондэр, местный начальник предостерег нас, чтобы мы ни в коем случае не пытались расспрашивать и фотографировать эфиопских евреев. Я был страшно расстроен этим обстоятельством и еще более раздосадован, когда наш переводчик и официальный гид объяснил причину запрета. С самым серьезным выражением лица он сказал мне:

— В этом году позиция нашего правительства заключается в том, что фалашей просто нет. Если же их нет, тогда вы, понятное дело, не можете беседовать с ними и фотографировать их… Возникнет противоречие.

Менее чем через десять минут пути от города я заметил звезду Давида над одной хижиной в маленькой деревушке у дороги.

— Послушай, Балча, — обратился я к переводчику, — это ведь дом фалаша?

Балча — умный, чуткий, высокообразованный человек, который провел несколько лет в США. Он был прекрасно подготовлен для государственной службы. Его явно раздражали особенно безумные распоряжения бюрократов из Аддис-Абебы, как и официальная секретность в целом. Хотя мы уже проехали деревню фалашей, я попытался убедить его вернуться.

В замешательстве он искоса взглянул на меня.

— Все действительно сложно. Вечером мы не знаем, что еще придумают наши боссы утром… В прошлом году я привез канадскую киногруппу в эту самую деревню. Их интересовали евреи, и у них были все необходимые официальные разрешения и все такое. Ну, они там осмотрелись, задали кучу наводящих вопросов о религиозной свободе,

политических преследованиях и т. п., и все это мне пришлось переводить. Позже меня арестовала полиция безопасности и бросила в тюрьму на несколько недель по обвинению в предоставлении материалов для антиправительственной пропаганды. Вы хотите, чтобы все это повторилось?

— Нет, конечно. Но я уверен, что не возникнет никаких проблем. Я хочу сказать, что мы здесь работаем на правительство и стараемся подготовить достойную книгу о людях и культуре вашей страны. В этом вся разница.

— Не совсем так. В прошлом году, когда я приехал сюда с киносъемочной группой, официально фалаши существовали — правительство не отрицало их присутствия, а я все равно оказался в тюрьме. В этом году уже нет евреев у нас в Эфиопии, так что стоит мне только привезти вас в одну из их деревень, и я окажусь в большой беде.

Я вынужден был признать, что логика Балчи была безупречной. Пока мы забирались все дальше в горную страну, я попросил его разъяснить мне официальную позицию.

Частично проблема заключается в том, отвечал он, что большинство «боссов» в Аддис-Абебе принадлежат к господствующей амхарской этнической группе. Фалаши живут в основном в провинциях Гондэр и Гойям, которые являются оплотом амхаров, и в результате между двумя народами возникли напряженные отношения. В прошлом имели место случаи резни, а также экономическое подавление, но и сегодня амхары смотрят на евреев сверху вниз и ни во что их не ставят. После революции были предприняты усилия по улучшению ситуации, но члены правящей элиты продолжают чувствовать что-то вроде коллективной вины по этому поводу и не желают, чтобы какие-то иностранцы «совали повсюду свой нос». Больше того, с начала 80-х годов официальная паранойя сильно обострилась из-за антиправительственной позиции приезжающих в страну американских и британских евреев, открыто и громогласно выражающих озабоченность по поводу положения фалашей.

— Это воспринималось как вмешательство в наши внутренние дела, — объяснил Балча.

В ходе нашего разговора я узнал, что имелись и другие, более сложные соображения. Инстинктивно понизив голос, хотя наш водитель не говорил по-английски, Балча указал на то, что в Аддис-Абебе находится штаб-квартира Организации африканского единства и что Эфиопия присоединилась к другим африканским государствам, разорвавшим дипломатические отношения с Израилем после последней арабо-израильской войны. Но дело заключается в том, что между двумя странами поддерживаются скрытые контакты: израильтяне даже оказывают определенную военную помощь режиму. В обмен на эту помощь ежегодно сотням фалашей разрешено потихоньку эмигрировать в Израиль. Проблема же состоит в том, что тысячи их переходят нелегально через границу в лагеря беженцев в Судане, откуда они надеются быть переброшенными по воздуху в Тель-Авив.

В результате всего этого сложилась весьма деликатная ситуация. С одной стороны, правительство опасается, что его секретная сделка «оружие в обмен на людей» с Израилем будет раскрыта в любой момент и вызовет большие неприятности в рамках ОАЕ. С другой стороны, вызывает возмущение и тот факт, что большое число эфиопских граждан заманивают в лагеря беженцев в соседней, не совсем дружественной стране. В этой связи, подчеркнул Балча, «шишки» Аддис-Абебы выглядят так, словно уже не владеют ситуацией. Так оно и есть на самом деле, но они не желают делать это обстоятельство достоянием гласности.

В следующие три дня у меня почти не было времени на размышления о фалашах. Наше путешествие привело нас в сердце Симиенских гор — дикую местность альпийского типа, находящуюся на высоте не менее шести тысяч футов над уровнем моря, возвышающуюся во многих местах до девяти тысяч, а кое-где даже до тринадцати тысяч футов. Местный же гигант — украшенная снежной шапкой гора Рас-Дашэн насчитывает четырнадцать тысяч

девятьсот десять футов, будучи самой высокой в Эфиопии и четвертой на всем Африканском континенте.

В разбитом на высоте десяти тысяч футов лагере — базе наших исследований — было так холодно по ночам, что мы поддерживали горящим огромный костер. По утрам же, когда поднимающееся солнце выпаривало предрассветный туман, воздух заметно теплел и перед нами со всех сторон открывался поразительный вид на сюрреалистический ландшафт, вздыбленный и изборожденный древней сейсмической активностью и миллионами лет эрозии, прорезанный глубокими долинами и украшенный отдельно торчащими скалами.

Наши вылазки часто приводили на высоту выше двенадцати тысяч футов на отдаленные необитаемые пустоши. На более низких высотах мы подчас наталкивались на признаки обитания человека: луга служили пастбищами для овец, коз и крупного рогатого скота, террасированные склоны, разбитые на участки, засеянные зерновыми. При взгляде на эти аккуратные участки у меня возникало ощущение, что я вижу очень древнюю, очень давно выработанную систему ведения сельского хозяйства и крестьянской культуры, которая, вероятно, не претерпела заметных изменений за последнее столетие или даже тысячелетие.

Нам попалось несколько селений фалашей, которые, по настоянию Балчи, мы старательно обходили. Большинство же населения составляли амхары, живущие не в деревнях, а на небольших хуторах по шесть и менее домов, заселенных, как правило, одной большой семьей. Их дома обычно были круглыми строениями со стенами, возведенными из плетней, обмазанных глиной, а иногда и из камня, с коническими соломенными крышами, поддерживаемыми деревянными шестами в центре.

Крестьяне, с которыми мы встречались и разговаривали, были бедными, подчас даже очень бедными; их жизнью железной рукой правили обработка почвы и сезоны. И тем не менее они были гордыми, обладающими чувством собственного достоинства людьми, и это объяснялось, как сказал нам Балча, тем обстоятельством, что они ощущали себя — и не без основания — принадлежащими к «расе хозяев». На протяжении поразительного периода в семьсот с лишним лет — с 1270 года до свержения императора Хайле Селассие в 1974 году — все, кроме одного, правителя Эфиопии были амхарами. Больше того, именно их родной амхарский язык стал государственным языком в стране.

И, естественно, амхарская культура, выраженная в почти всеобщей преданности крестьянской вере, пользовалась огромным влиянием. За несколько последних столетий были «амхаризированы» целые племена и народы, и этот процесс продолжался во многих районах Эфиопии. В подобном контексте, заметил Балча, просто чудо, что сумели выжить такие подчиненные группы, как фалаши, не говоря уже о том, что они сохранили свою индивидуальность.

Скрытый диссидент Балча (через несколько лет после нашей встречи он сбежит в США) удивил нас на обратном пути в Гондэр, приказав водителю остановиться в той самой фалашской деревушке, которую мы видели по дороге туда.

— Вперед, даю вам десять минут, — сказал он, сложил руки на груди и сделал вид, что задремал.

Как только мы выбрались из «лендкруизера», нас окружили женщины и дети, кричащие: «Шалом! Шалом!» Это, как тут же стало ясно, было чуть ли не единственным словом, которое они знали на еврейском. Поскольку Балча наотрез отказался переводить, у нас поначалу возникли трудности в общении, но скоро мы нашли юношу, немного говорившего по-английски и согласившегося за небольшую мзду показать нам деревушку.

Там, собственно, нечего было и смотреть. Рассыпанная по горному склону дороги деревушка оказалась, грязной и кишащей мухами. Многие из сельчан, похоже, приняли нас за евреев, приехавших забрать их в Израиль. Остальные подбегали к нам с пригоршнями

сувениров — в основном фигурками из обожженной глины, изображавшими звезду Давида и постельные сцены с Соломоном и царицей Савской. Печальная серьезность, с которой они навязывали эти предметы, тронула меня, и я спросил нашего гида, как давно здесь бывали иностранцы, покупавшие такие сувениры.

— С прошлого года здесь не было никого, — ответил Балча.

За предоставленное нам короткое время мы сфотографировали что могли: тут готовый к работе ткацкий станок над ямкой в земле; там — железяки, разбросанные вокруг костра, в пламени которого кузнец выковывает топор; в одной хижине обжигают глину; в другой женщина формует глиняную посуду. Амхары, сказал нам позже Балча, презирают подобные занятия — на их языке даже слово «работающий руками» *(табиб)* одновременно означает «человек со злым глазом».

К моменту отъезда из Велеки я чувствовал себя пресыщенным. Частично из-за того, что рассказывал мне Ричард Пэнкхерст о средневековой истории фалашей, и частично потому, что я был заинтригован возможной связью этого народа с историей ковчега завета, которую слышал в Аксуме, я строил довольно нереалистичные и нелепые надежды. Будучи романтиком, я размечтался встретить древнюю и благородную иудейскую цивилизацию. В действительности же я столкнулся с деградировавшей и обедневшей крестьянской культурой, жаждущей ублажить вкусы иностранцев. Даже молитвенный дом, называемый фалашами *мезгид*, оказался забитым дешевыми подарками из Израиля: коробками с мацой был заставлен один угол, а изданную в Израиле Тору здесь никто не смог бы прочитать, ибо она была на идише.

Перед отъездом я все же купил одну миниатюрную скульптуру, изображавшую Соломона и царицу Савскую в постели. Она все еще у меня. В момент покупки я еще подумал, как припоминаю теперь, что ее низкое качество и сентиментальный образ символизировали должным образом ущербность самой легенды. Расстроенный и разочарованный я пялился в окошко «лендкруизера», пока мы добирались до Гондэра.

ПОСЛЕДНИЙ, ПРЕКРАЩАЮЩИЙ СТРАДАНИЯ УДАР

К концу 1983 года я практически потерял интерес к притязаниям Аксума на обладание ковчегом завета. Однако последний удар, прекративший мои мучения, был нанесен мне не непритязательной фаласской деревушкой, а тем, что я понял, изучив глубже вопрос, так и не получивший ответ во время нашей командировки, — вопрос о *таботах,* копиях ковчега, хранящихся в каждой эфиопской христианской церкви. Этот обычай имеет, казалось мне, существенное значение, и я захотел узнать побольше о нем.

Поздней осенью 1983 года я поднял эту тему во время посещения дома Ричарда Пэнкхерста в элегантном лондонском районе Хэмпстед. За чаем с печеньем историк подтвердил, что *таботы* действительно считались точными копиями ковчега, и добавил:

— Весьма любопытная традиция. Насколько я знаю, ни в одной другой ветви христианства нет подобного прецедента.

Я поинтересовался, знает ли Ричард, как давно использовались *таботы* в Эфиопии. Он честно ответил, что не имеет ни малейшего представления.

— Первое историческое упоминание принадлежит, по-видимому, отцу Франишку Даваришу, посетившему север страны в XVI веке. Очевидно, однако, что в то время он засвидетельствовал весьма давнюю традицию.

В тот момент Ричард достал с книжной полки тонкую брошюру, изданную в 1970 году под названием *«Эфиопская православная церковь».*

— Это официальное церковное издание, — сказал он. — Давайте посмотрим, проясняет ли оно наш предмет.

В брошюре не было алфавитного указателя, поэтому сначала мы просмотрели главу «Освящение храма», в которой я прочел:

«Освящение храма — это торжественная, производящая впечатление церемония с ритуалами, символизирующими святую миссию здания. Служба состоит из весьма древних частей… Торжественно вносится предварительно освященный патриархом табот, или ковчег, составляющий главную особенность церемонии».

В главе «Церковные здания» я наткнулся на следующий абзац: «Именно *табот* придает святость церкви, в которую он помещается». В словаре в конце книги я нашел слово *«табот»,* переведенное просто как «ковчег завета».

Я поинтересовался у Ричарда, имеет ли он представление, как выглядят *таботы.*

— В Библии говорится, что оригинальный ковчег завета был деревянным с золотом ящиком размером 2,5×1,5×1,5 локтя. Соответствуют ли *таботы* такому описанию?

— Боюсь, что нет. Разумеется, мирянам их вообще не полагается видеть. Даже когда их выносят во время крестного хода, они всегда завернуты в ткань. И они определенно гораздо меньшего размера, чем в библейском описании. Но тут незачем строить догадки. Вы можете посмотреть несколько таботов в Британском музее. Они были похищены из Эфиопии во время экспедиции Нейпиера в Магдалу в XIX веке и привезены в Англию. Не думаю, что они экспонируются сегодня, но вы сможете разыскать их в Этнографическом хранилище в Хэкни.

На следующее утро после нескольких телефонных звонков я поехал на Орсман-роуд, 1, Лондон, где расположено Этнографическое хранилище. Это современное и, в общем-то, непривлекательное здание с высокой степенью защиты.

— Порой кое-кто пытается совершить здесь кражу со взломом, — пояснил смотритель, когда я записывался на посещение.

Он поднял меня на лифте на один из верхних этажей и провел в огромное помещение, заполненное рядами металлических картотечных шкафов. Они тянулись от пола до потолка и разделялись только узкими, плохо освещенными флуоресцентными лампами, проходами. Смотритель сверился с толстым алфавитным указателем, бормоча что-то нечленораздельное.

— Думаю, это то, что нужно, — наконец объявил он. — Следуйте за мной.

Пока мы шагали, перед моим мысленным взором все время маячила заключительная сцена «Искателей ковчега завета», в которой святая реликвия запечатывается в деревянныи ящик и упрятывается на федеральном складе среди тысяч других безымянных контейнеров. Эта параллель преследовала меня, когда после некоторого плутания в лабиринте полок мы наконец прибыли на место. Довольно церемонно смотритель выдвинул… большой ящик.

Меня охватило волнение, когда он открыл ящик. Однако внутри не было ничего похожего на мои представления о ковчеге завета. Разделенные листами гофрированной бумаги, в ящике лежали девять деревянных плит — квадратных и прямоугольных, длиной и шириной не больше восемнадцати дюймов и толщиной не более трех дюймов. Большинство из них было довольно простыми, но все были покрыты надписями — как я тут же определил — на *геэзском* древнем, литургическом языке христианского населения Эфиопии. На нескольких были к тому же выгравированы кресты и другие элементы.

Я попросил смотрителя свериться еще раз с картотекой. Уж не ошибся ли он? Может, перед нами нечто совсем другое?

Смотритель, прищурившись, сверился с листком и ответил:

— Нет. Никакой ошибки. Это и есть ваши *таботы.* Из коллекции Холмса. Привезены английской экспедицией из Абиссинии в 1867–1868 годах. Так тут и говорится.

Я поблагодарил его за беспокойство и ушел, довольный тем, что окончательно разрешил свои сомнения. Эти трогательные деревяшки якобы являлись копиями святой реликвии,

хранящейся в часовне аксумского храма. Чем бы ни была эта реликвия, было абсолютно ясно, что она просто не могла быть ковчегом завета.

«Вот и все», — помню, подумал я, выходя на Орсман-роуд и бросаясь бегом к своей машине под проливным дождем.

И я, разумеется, ошибся.

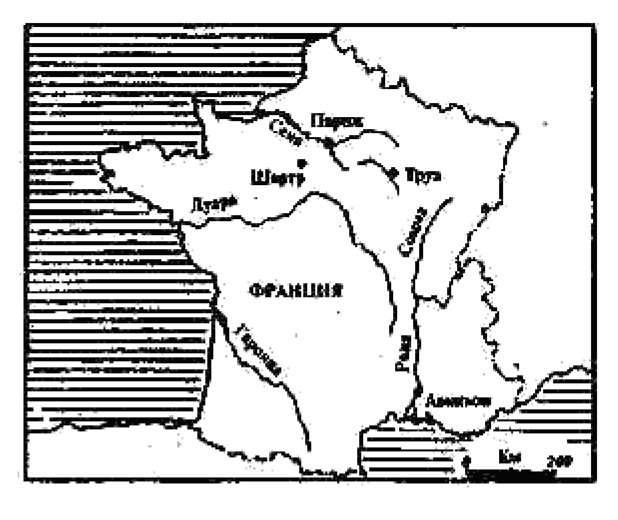
Часть II

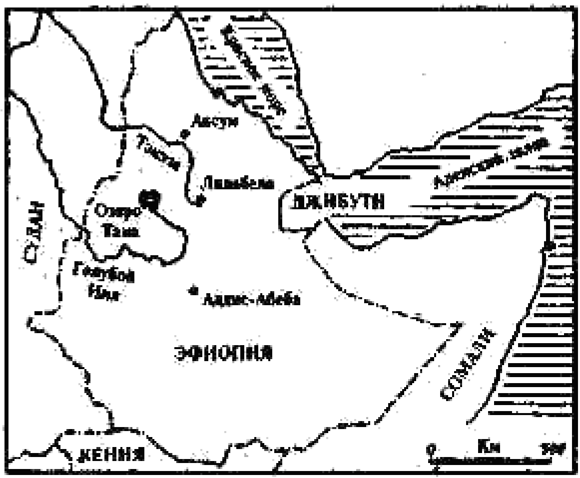
ЕВРОПА, 1989 ГОД. СВЯТОЙ КОВЧЕГ И СВЯТОЙ ГРААЛЬ

Глава 3

ШИФР ГРААЛЯ

В 1983 году я посетил Аксум и из первых рук узнал, что Эфиопия отважно претендует на то, что она является последним пристанищем ковчега завета. В то время я жил в Африке. В 1984 году я вместе с семьей переехал в Англию. В последующие годы я продолжал регулярно наведываться в Аддис-Абебу, готовя ряд изданий по заказу эфиопского правительства и всячески укрепляя контакты с людьми, находившимися у власти, в том числе и с президентом Менгисту Хайле Мариамом. У диктатора была плохая репутация из-за нарушений прав человека, но я старательно искал дружбы с ним и в результате добился ряда полезных привилегий, в частности доступа ко многим делам, обычно закрытым для иностранцев. Если бы у меня было желание углубиться в изучение загадки ковчега, у меня, несомненно, были бы все возможности для этого. Но меня она уже не интересовала. Поэтому я не почувствовал ни малейшего сожаления, когда в конце 1988 года силы Народного фронта освобождения Тиграя провели массированное наступление на Аксум и всего за один день кровавых рукопашных боев овладели им, уничтожив и взяв в плен более двух тысяч военнослужащих правительства. В то время я был настолько тесно связан с режимом Менгисту, что успех повстанцев означал, что теперь мне закрыт доступ в священный город. Но у меня и не было особых причин, чтобы стремиться туда. По крайней мере так я думал тогда.

ЦАРИЦА САВСКАЯ В ШАРТРЕ

Большую часть второй половины 1988-го и первую четверть 1989 года я занимался написанием комментария к иллюстрированной книге об исторических северных-областях Эфиопии, религиозных церемониях и обычаях населявших их народов. — Эта работа готовилась не по заказу правительства, а по инициативе двух пользовавшихся международной известностью фотографов и моих близких приятельниц — Анжелы Фишер и Кэрол Бекуит.

По заявленной теме мне предстояло провести довольно глубокое историческое исследование ряда этнических групп, в том числе и тех самых фалашей — туземных черных евреев Эфиопского нагорья, с которыми я впервые встретился в 1983 году. Поскольку они сыграли определяющую роль в развитии абиссинской религиозной культуры, я посчитал необходимым изучить один древний текст, к которому давно еще привлек мое внимание профессор Ричард Пэнкхерст. Этот Текст, под названием «Кебра Нагаст» («Слава царей») датируется XIII веком н. э. и первоначально был написан на геэзском языке. Он содержит самый древний из дошедших до нас вариант рассказанной мне в Аксуме истории царицы Савской и царя Соломона, рождения их сына Менелика и похищения ковчега завета из Первого храма в Иерусалиме. Английский перевод был сделан в 20-е годы нынешнего столетия сэром Уоллисом Баджем, бывшим хранителем египетских и ассирийских древностей в Британском музее. Он давно не издавался, но я сумел получить фотокопию, внимательно изучил ее и постоянно прибегал к ней на разных стадиях работы над своей книгой.

Моя рукопись была готова в конце марта 1989 года. Желая отвлечься, в апреле я с семьей отправился в отпуск во Францию. В Париже мы взяли напрокат машину и поехали на юг без заранее продуманного маршрута. Первую остановку мы сделали в Версале, где провели пару дней, осматривая дворец и замок. Затем мы отправились в Шартр — чудный старый город в департаменте Эр и Луар, известный своим готическим собором, посвященным, как и великая церковь в Аксуме, Святой Марии Богородице.

Шартр был крупным христианским центром по крайней мере с VI века, и, в частности, центром культа Мадонны с IX века, когда Карл Лысый из династии Каролингов подарил городу его самую ценную религиозную реликвию — покрывало, которым пользовалась Мария во время родов. В XI веке сгорела построенная Карлом Лысым церковь, и на ее фундаменте был построен новый, гораздо больший кафедральный собор, следуя классическим романским канонам, подчеркивающим горизонтальную прочность. Он также был сильно поврежден пожаром. Позже, на протяжении XII и XIII веков, сохранившаяся коробка здания была значительно видоизменена и наращена в новом «летящем», стремящемся вверх стиле, который получил название готического. В самом деле, высокая северная башня Шартрского собора, строительство которой закончилось в 1134 году, считается первым в мире образцом готической архитектуры. За следующие два десятилетия была добавлена южная башня, как и другие элементы, вроде выходящего на запад Королевского портала. Затем в результате бурного строительства в 1194–1225 годах были созданы остальные элементы несравненного готического облика, которые остались нетронутыми и практически неизменными до сих пор.

Когда мы всей семьей посетили. Шартр в апреле 1989 года, меня меньше всего интересовала история кафедрального собора, а привлекала его захватывающая чудесная красота. Это настолько грандиозное сооружение и с таким количеством сложных скульптурных украшений по стенам, что мне подумалось, что не хватит и жизни на знакомство с ним. Мы планировали посмотреть и другие достопримечательности и решили задержаться в городе только на три дня перед продолжением путешествия на юг.

Большую часть этих трех дней я провел, медленно прогуливаясь вокруг собора, постепенно впитывая в себя сверхъестественную, божественную атмосферу — замечательные витражи, иллюстрирующие библейские истории и создающие во внутренних помещениях странную игру света; загадочный лабиринт, вымощенный брусчаткой, в центре здания; арочные контрфорсы, поддерживающие взмывающие ввысь стены; остроконечные арки и ошеломляющее ощущение гармонии и пропорции, вызываемое изяществом и живостью архитектуры.

В путеводителях подчеркивалось, что здесь не было ничего случайного. Все здание было тщательно и четко спроектировано как ключ к глубоким религиозным таинствам. Так, например, архитекторы и каменщики использовали гематрию (древнееврейский шифр, заменяющий цифры буквами алфавита), дабы «обстоятельно объяснить» затемненные литургические фразы во многих ключевых размерах великого здания. Точно так же скульпторы и стекольщики, обычно выполняя указания церковного начальства, тщательно запрятали сложные послания, касающиеся человеческой природы, прошлого и пророческого значения Святого писания в тысячах созданных ими разнообразных задумок и рисунков. Статуи и окна представляют собой произведения искусства и красоты, способные доставлять на самом поверхностном уровне понимания удовлетворение, моральное руководство и даже развлечение зрителю. Вызов же заключается в более глубоком проникновении в смысл и в расшифровке информации, спрятанной под более очевидным, поверхностным толкованием той или иной скульптурной группы, той или иной аранжировкой витражей.

Поначалу меня не очень-то убедили подобные аргументы, и мне трудно было согласиться с каким-то более глубоким смыслом внешнего вида здания. Однако, постепенно вникая в суть во время нескольких экскурсий, проводившихся специалистами, я начал понимать, что это огромное сооружение и в самом деле является неким подобием «книги в

камне» — этаким раздражающим своей замысловатостью опусом, к которому можно подходить и который можно понять на нескольких разных уровнях.

Поэтому вскоре и я включился в игру и несколько раз развлекался тем, что пытался вычислить более глубокий смысл ряда скульптурных групп, привлекших мое внимание. Когда я приходил к заключению, что нашел правильный ответ касательно содержания какой-то композиции или сцены, я проверял себя по путеводителям.

Потом случилось нечто неожиданное. Я зашел перекусить в расположенное напротив южного портала собора кафе «Царица Савская». В моей памяти еще было свежо воспоминание о «Кебра Нагаст», в которой рассказывалась эфиопская легенда о царице Савской, и я спросил официанта, почему кафе получило такое название.

— Потому что на портале напротив есть скульптура царицы, — объяснил он.

Заинтересовавшись, я пересек улицу и поднялся по нескольким ступенькам прекрасного портала, состоявшего из широкой центральной арки, зажатой между двумя более узкими «фонарями». Здесь почти на каждом квадратном дюйме кладки были установлены сотни и сотни статуэток и множество скульптур в полный рост. Я все никак не мог обнаружить скульптуру, изображающую царицу Савскую. Сверившись с захваченными путеводителями, я прочитал в самом подробном из них — «Шартр: путеводитель по собору» — указание, где следует искать ее:

«Во внутреннем архивольте внешней арки установлены двадцать восемь статуэток царей и цариц Ветхого Завета: здесь можно узнать Давида с его арфой, Соломона со скипетром и царицу Савскую с цветком в левой руке. Наверху четыре бородатых старших пророка беседуют с четырьмя чистовыбритыми младшими пророками».

В книге сообщалось также, что весь южный портал был сооружен в первой четверти XIII века — того самого, когда в Эфиопии была написана «Кебра Нагаст», рассказывающая историю царицы Савской, Менелика и похищения ковчега завета.

Меня это обстоятельство поразило как любопытное совпадение, и поэтому я с немалым интересом Усмотрел статуэтку царицы Савской. Однако я не заметил в ней ничего особенного, если не считать того, что она казалась здесь не на месте — среди монарших особ еврейских правителей и пророков. Я знал, что, согласно «Кеора Нагаст», царица была обращена в иудаизм, как и то, что в относительно коротком библейском описании ее визита в Иерусалим этот факт не упоминается. В главе 10 Третьей книги Царств и главе 9 Второй книги Паралипоменон — единственных двух местах, где она упоминается в Библии, — царица прибывает ко двору Соломона язычницей и уезжает такой же язычницей. Именно ее язычество делает странным ее присутствие на портале, если только строители собора не были знакомы с эфиопской историей ее обращения. Но это представляется совершенно невероятным: в самом деле в Ветхом Завете вообще не упоминается, что она могла прибыть из Эфиопии, и большинство ученых считает, что она *была* южноаравийской царицей и прибыла из Савы, или Савеи, которая располагалась на территории нынешнего Йемена.

Может быть, я и оставил бы здесь этот предмет, как незначительную аномалию среди скульптур на южном портале Шартрского собора, если бы не прочел дальше в путеводителе, что на северном портале имеется вторая статуя царицы Савской. Он был сооружен также в 1200–1225 годах и посвящен подробному описанию тем Ветхого Завета.

КОВЧЕГ И НАДПИСИ

В то первое свое посещение я провел два часа у северного портала, пытаясь разгадать запутанные истории, изображенные средствами скульптуры.

Левый «фонарь» содержал несколько изображений Девы Марии с младенцем Христом и такими пророками Ветхого Завета, как Исаия и Даниил. Представлены там и моральные истории, рассказывающие преимущественно о победе добродетелей над пороками, и другие,

которые изображают блаженства тела и душ, и, подобные описанным известным священнослужителем XIX века Святым Бернаром Клервоским.

В центральном «фонаре» господствует группа патриархов и пророков из Ветхого Завета, в первую очередь фигура Мелхиседека — таинственного священника-царя Салимского, как он описан в главе 14 Книги Бытия и псалме 110, Там же присутствуют Авраам, Моисей, Самуил и Давид, а также Елисей и Святой Петр. Другие сцены изображают райский сад с его четырьмя реками и коронованную Деву Марию, сидящую на небесном троне рядом с Иисусом.

Царицу Савскую я нашел в правом «фонаре». На этот раз речь шла не о малозаметной статуэтке, как на южном портале, а о статуе в полный рост. Она стояла рядом с фигурой Соломона, что и естественно, если иметь в виду библейский контекст. Мое внимание сразу же привлекло то, что у ее ног сгорбился африканец, описанный в одном из путеводителей как «ее слуга-негр», а в другом — как «ее раб-эфиоп».

Больше никаких подробностей не было. Я, тем не менее, увидел достаточно, чтобы уразуметь, что скульпторы, работавшие над северным порталом Шартрского собора в XIII веке, несомненно пытались поместить ее в африканский контекст. Это означало, что я не мог уже с прежней легкостью отвергнуть возможность того, что скульпторы могли быть знакомы с эфиопскими преданиями о царице, которые именно в XIII веке были собраны в «Кебра Нагаст». Это хоть могло объяснить, почему явно языческая монаршая особа получила подобное отображение в иконографии христианского собора: как было отмечено выше, только «Кебра Нагаст», но не Библия, описывает ее как обращенную в истинную веру патриархов В то же время возник другой трудный вопрос: как и каким путем могла эфиопская легенда просочиться в северную Францию еще в начале XIII века?

Именно эти мысли обуревали меня, когда я обнаружил на колонне между центральной аркой и правым «фонарем» скульптуру, которой суждено было произвести на меня еще большее впечатление. В миниатюрных размерах — не более нескольких дюймов высотой и шириной — она представляла ящик или сундук, который перевозят на запряженной буйволом телеге. Ниже прописными буквами выбиты два слова:

АРЧА ЦЕДЕРИС.

Осматривая колонну против часовой стрелки, я затем обнаружил отдельную сценку — сильно поврежденную и выветренную, которая вроде бы изображает мужчину, склонившегося над тем же сундуком или ящиком. Здесь также имеется надпись, довольно трудно различимая:

ХИК АМИЦИТУР АРЧА ЦЕДЕРИС (либо, возможно, ХИК АМИТТИТУР АРЧА ЦЕДЕРИС, либо ХИК АМИТИТУР АРЧА ЦЕДЕРИС, либо даже ХИК АМИ-ГИТУР АРЧА ЦЕДЕРИС).

Буквы изображены архаическим образом, сбивающим с толку. Я сообразил, что надпись, должно быть, сделана на латыни или ее варианте. Поскольку в свое время мои учителя побудили меня оставить изучение этого языка (из-за моей явной неспособности к языкам) в возрасте тринадцати лет, я и не пытался сделать полный перевод. Мне все же показалось, что слово «АРЧА» должно означать «ковчег», как в выражении «ковчег завета». Я обратил внимание на то, что ящик или сундук, изображенный в скульптуре, имеет примерно

правильные размеры (в сравнении с другими фигурами), чтобы быть тем ковчегом, что описывается в Книге Исхода.

Если мое предположение правильно, рассуждал я, тогда сам факт помещения изображения ковчега в нескольких футах от образа царицы Савской подкреплял гипотезу о том, что строители Шартрского собора могли оказаться — пока еще не объясненным образом — под влиянием эфиопских преданий, собранных в «Кебра Нагаст». В самом деле тот факт, что скульпторы поместили царицу в явно африканский контекст, придавал этой гипотезе большую достоверность, чем я мог себе представить, осматривая южный портал. Поэтому я решил, что стоит установить, представляют ли миниатюрные изображения на колоннах в самом деле ковчег, и выяснить значение латинских надписей.

Я присел на южном крыльце и принялся изучать путеводители. Только в двух из них упоминались украшения на интересовавших меня колоннах. В одном не давалось никакого перевода надписей, но подтверждалось, что вышеописанные сценки действительно связаны с ковчегом завета. В другом давался следующий перевод, который я нашел интересным, но и довольно подозрительным:

АРЧА ЦЕДЕРИС: «Вы должны действовать через ковчег».
ХИК АМИТИТУР АРЧА ЦЕДЕРИС: «Здесь вещи идут своим чередом; вы должны действовать через ковчег».

Даже моей школьной латыни достало, чтобы предположить, что эти толкования, скорее всего, неправильны. Поэтому я решил обратиться за разъяснением к специалисту и тут же сообразил, что через несколько дней буду проезжать поблизости от дома весьма квалифицированного специалиста — профессора Питера Ласко, историка искусств и бывшего директора Института Курто Лондонского университета, проводившего теперь по полгода на юге Франции. Отец моего близкого друга, Ласко всю свою жизнь изучал церковное искусство и архитектуру средневековья и вполне мог дать мне квалифицированное объяснение или по крайней мере подсказать направление Поиска.

Поэтому я аккуратно списал надписи, а потом постарался зарисовать весь северный портал. Рисуя, я заметилеще кое-что, видимо, немаловажное: панно с ковчегом, установленное на несущих колоннах фасада, расположено точно посередине между Мельхиседеком — священником-царем из Ветхого Завета, фигура которого помещена в нейтральном пролете, и статуей царицы Савской, господствующей в правом пролете. Я даже обнаружил, что могу начертить аккуратный треугольник, соединяющий три скульптурных изображения: Мельхиседек и царица Савская по обе стороны длинного основания и ковчег завета в вершине двух коротких сторон.

И это было не все. Изучая расположение образов в двух пролетах, я обнаружил, что ковчег на своей маленькой телеге передвигался *от* Мельхиседека *прямо к* царице Савской, вдоль стороны нарисованного мною треугольника. Принимая во внимание таинственный характер большинства скульптур Шартра и то, как различные фигуры часто преднамеренно расположены бок о бок, дабы поведать нам свои истории и довести до нашего сведения информацию, я рассудил, что это расположение отнюдь не случайно. Напротив, все это выглядело как еще одно доказательство, подтверждающее мою гипотезу о том, что строители Шартрского собора испытали на себе влияние эфиопской легенды о царице Савской, рассказанной в «Кебра Нагаст». Хотя было слишком мало оснований в защиту каких-либо твердых выводов, но все же вполне вероятно, что любопытная иконография северного портала отражала-таки предание о том, что ковчег завета был увезен из Древнего Израиля (представленного священником-царем Мельхиседеком) в Эфиопию (представленную царицей Савской).

Вот почему я обратил особое внимание на статую Мельхиседека, прежде чем уйти с северного портала. Он привлек мое внимание, еще когда я впервые побывал здесь, а сейчас,

когда зарисовывал его, я заметил новые детали. С его правой руки, например, свисало кадило, весьма похожее на те, которые я часто видел на службах в эфиопских церквах, во время которых обычно сжигалось порядочное количество благовоний. В левой же руке он держал чащу или кубок на длинной ножке, в котором находилась не жидкость, а что-то вроде твердого цилиндрического предмета.

Я снова обратился к своим путеводителям, но не смог найти ни одного упоминания кадила, мне попались лишь противоречивые объяснения чаши. Один источник утверждал, что Мельхиседек представлен здесь как предвестник Христа и что чаша и предмет в ней изображают «хлеб и вино — символы святого причастия». В другом путеводителе фотография статуи сопровождалась подписью: «Мельхиседек несет чашу Грааля, из которой высовывается камень». Затем добавлено (довольно загадочно):

«Это напоминает поэму Вольфрама фон Эшенбаха, которого считали тамплиером, хотя и не было доказательств этого, и для которого Грааль был камнем».

Так, зная не больше, чем до того, я покинул северный портал и присоединился к жене и детям в садах за великим собором. На следующий день мы выехали из Шартра на юг к Бордо и Биаррицу. Позже, повернув на восток к Лазурному берегу, мы въехали в департамент Тарн и Гарона вблизи от Тулузы. Там с помощью хорошей карты я в конце концов нашел дом искусствоведа Питера Ласко, которому я дозвонился из Шартра и который выразил готовность побеседовать со мной о скульптурах на северном портале, хотя, скромно добавил он, не считает себя специалистом по ним.

ЭФИОПСКИЙ СЛЕД?

Я провел целый вечер в доме Питера Ласко в деревне Монтегю де Керси. — С этим импозантным седовласым человеком мы встречались уже несколько раз, и он знал, что я, как писатель, специализируюсь на Эфиопии и Африканском роге. Поэтому он первым делом спросил меня, почему я вдруг заинтересовался средневековыми французскими соборами.

Я ответил, рассказав о своел теории, согласно которой виденные мной на северном портале скульптуры были изваяны под влиянием «Кебра Нагаст».

— Мельхиседек со своей чашей может представлять Израиль из Ветхого Завета, — заключил я. — Он был священником-царем Салимским, который ряд ученых отождествляют с Иерусалимом. Тогда царица Савская с ее африканским слугой может представлять Эфиопию.

Между ними мы видим ковчег, который перевозят в направлении Эфиопии. Стало быть, это означает, что ковчег был переправлен из Иерусалима в Эфиопию, — об этом и говорится в «Кебра Нагаст». Что вы об этом думаете?

— Откровенно говоря, я думаю, что это противоречит здравому смыслу.

— Но почему?

— Ну что ж… Полагаю, эфиопские предания могли-таки проникнуть в Европу еще в XIII веке. В самом деле, если подумать, была по крайней мере одна научная монография, в которой делается предположение, что такое могло случиться. Сам я очень сомневаюсь в этом. И все же, даже если история «Кебра Нагаст» была известна в Шартре в то время, я не понимаю, почему кто-то пожелал перевести ее на язык иконографии собора. Это было бы весьма странным делом, особенно применительно к северному порталу, который посвящен главным образом предтечам Христа из Ветхого Завета. Именно поэтому, кстати, там помещен Мельхиседек. Особенно он отождествляется с Христом в Послании к евреям.

— В скульптуре он держит чашу, в которой виден какой-то цилиндрический предмет.

— Возможно, так изображен хлеб… хлеб и вино святого причастия.

— Об этом говорится в одном из моих путеводителей. В другом же этот кубок отождествлен с чашей Грааля, а цилиндрический предмет в ней назван камнем.

Питер Ласко насмешливо приподнял одну бровь:

— Никогда прежде не слышал ничего подобного. Это звучит еще более натянуто, чем ваша теория об эфиопском следе… — Он помолчал, размышляя, потом добавил: — Есть, правда, одна штука. В той монографии, которую я упомянул… в которой говорится о проникновении эфиопских идей в средневековую Европу…

— Да?

— Как ни странно, но речь идет о чаше Грааля. Если память мне не изменяет, в ней говорится, что описанная Вольфрамом фон Эшенбахом чаша Грааля — у него она камень, а не чаша — несет на себе отпечаток влияния эфиопской христианской традиции.

Я даже подался на стуле вперед:

— Это интересно… В моем путеводителе также упоминался Вольфрам фон Эшенбах. Кем он был?

— Одним из первых средневековых поэтов, заинтересовавшихся чашей Грааля. Он написал на эту тему целую книгу, названную «Парсифаль».

— Не так ли называется и опера?

— Да, опера Вагнера — его вдохновил на ее написание Вольфрам.

— А этот Вольфрам… когда он писал?

— В конце XII — начале XIII века.

— Другими словами, в то самое время, когда строился северный портал Шартрского собора?

— Да.

Мы оба помолчали, потом я сказал:

— Упомянутый вами научный труд, в котором утверждается, что на Вольфрама оказали влияние эфиопские предания… Полагаю, вы не помните его названия?

— Э… нет. Боюсь, что не помню. Я читал его по крайней мере двадцать лет назад. Мне кажется, он написан Адольфом. В мйей памяти задержалось это имя. Вольфрам был немцем, так что вам следует поговорить со специалистом по германской литературе позднего средневековья для выяснения подробностей.

Решив про себя, что так и поступлю, я спросил Питера, не поможет ли он мне с переводом надписей, заинтриговавших меня в Шартре. В моем путеводителе, сообщил я ему, «АРЧА ЦЕДЕРИС» переведено как «вы должны действовать через ковчег», а «ХИК АМИТИТУР АРЧА ЦЕДЕРИС» как «Здесь вещи идут своим чередом; вы должны действовать через ковчег». По мнению Питера, этот перевод был совершенно неправильным. «АРЧА» определенно означает «ковчег», а «ЦЕДЕРИС», скорее всего, искаженное «Фоедерис», означающее «завет». Таким образом, «АРЧА ЦЕДЕРИС» переводится просто и логично: «ковчег завета». Однако возможен и другой вариант: слово «ЦЕДЕРИС» — неправильная форма глагола *цедере,* означающего «сдавать», «бросить» или «уехать». Время непривычное, но в таком случае лучше всего «АРЧА ЦЕДЕРИС» можно перевести как «ковчег, который вы сдадите» (или «бросите», или «отошлете»).

В более длинной надписи проблема заключалась в неясно прописанной четвертой букве второго слова. В моем путеводителе делалось предположение, что речь идет о единичной «Т», но скорее всего это сокращение, символизирующее двойное «Т» (поскольку нет латинского слова «АМИТИТУР» с единичным «Т»). Если же имелась в виду двойная «Т», тогда фразу следовало читать: «ХИК АМИТТИТУР АРЧА ЦЕДЕРИС», что означает что-то вроде: «Вот что нужно выпустить из рук, ковчег, который вы сдадите»; или, возможно: «Вот что нужно выпустить из рук, О ковчег, тебя сдают»; либо — если «ЦЕДЕРИС» — это искаженное «ФОЕДЕРИС»: «Вот что нужно выпустить из рук, ковчег завета».

Также четвертая буква второго слова могла быть «Ц» (это походило на истину). Тогда фраза выглядела бы так: «ХИК АМИЦИТУР АРЧА ЦЕДЕРИС», что можно перевести: «Здесь

спрятан ковчег завета» либо «Здесь спрятан ковчег, который вы сдадите» («бросите» или «отошлете»).

— Даже слово «спрятан» нельзя считать окончательным вариантом, — заключил Питер, захлопнув свой латинский словарь. — В этом контексте «АМИЦИТУР» может также означать «прикрыт», хотя это выражает примерно ту же мысль, не так ли? Короче, не знаю. Все это похоже на кроссворд.

Я был полностью согласен с ним. Вся эта штука походила-таки на головоломку, которая как бы бросала мне вызов, озадачивала, ставила в тупик и которую я жаждал разгадать.

В оставшиеся дни нашего отпуска во Франции мои мысли постоянно возвращались к северному порталу Шартрского собора с его маленькими скульптурами. Чего я никак не мог забыть, это то, как реликвия на запряженной быком телеге направлялась к царице Савской; не мог я и выкинуть из головы возможность того, что сценка указывала на путешествие в Эфиопию.

Я понимал, что занимаюсь дикими предположениями, не имеющими никакого академического подтверждения, и полностью соглашался с доводом Питера Ласко, что скульпторы Шартра не могли позволить себе поддаться влиянию эфиопской легенды при выборе своей темы. Но тогда следовало рассмотреть еще более волнующую возможность: создатели северного Портала (называвшегося также «входом для посвященных») могли изобразить здесь закодированную карту для грядущих поколений, карту, которая намекала на местонахождение самого священного и ценного сокровища, когда-либо существовавшего в целом свете. Быть может, *они* знали, что ковчег завета был выпущен из рук или сдан (либо отослан) из Израиля во времена Ветхого Завета и был затем спрятан (или скрыт) в Эфиопии. Быть может, таково истинное значение маленьких скульптур с их головоломными надписями. В таком случае напрашивались действительно ошеломляющие выводы, а предания Аксума, которые я так легкомысленно отверг в 1983 году, заслуживали повторного, более внимательного изучения.

МАРИЯ, ГРААЛЬ И КОВЧЕГ

Вернувшись из Франции в конце апреля 1989 года, я поручил своему помощнику по научной части заняться поиском упомянутого Питером Ласко научного труда. Я знал лишь, что он мог быть написан неким Адольфом и связан с возможным эфиопским влиянием на произведение Вольфрама фон Эшенбаха о святом Граале. Я не знал, где и когда был издан этот труд и *даже* на каком языке, но посоветовал своему помощнику связаться с университетами и разузнать, есть ли у них специалисты по германской средневековой литературе, которые могли бы помочь в этом деле.

В ожидании результата я приобрел ряд «рыцарских романов» о Граале, в том числе «Рассказ о Граале» Кретьена де Труа, написанный в 1182 году, но так и не законченный; «Смерть Артура» — эпопею, написанную сэром Томасом Мэлори в середине XV века и, наконец, «Парсифаль», которую Вольфрам фон Эшенбах написал, как считается, где-то между 1185 и 1210 годами — в период почти полностью совпадающий с главным этапом в строительстве северного портала Шартрского собора.

Я принялся за чтение этих произведений, и поначалу самой доступной мне показалась эпопея Мэлори, поскольку она послужила отправной точкой для ряда историй и фильмов, рассказывавших о поисках Святого Грааля, которыми я наслаждался еще ребенком.

Я моментально обнаружил, что Мэлори представил идеализированное, облагороженное и, прежде всего, христианизированное описание «единственного истинного поиска». Рассказ Вольфрама, напротив, был более мирским, точнее описывал реальное поведение людей и — самое важное — был совершенно лишен символизма Нового Завета в том, что касалось самого Грааля.

Мэлори описывал святую реликвию как «золотой сосуд», который подавала «прекрасная чистая дева» и который содержал немного крови Господа Нашего Иисуса Христа. Таков, прекрасно сознавал я, был образ, долго и бережно хранимый в народной памяти, где Грааль всегда изображался в виде чаши или миски (обычно той самой, в которую Иосиф Аримафейский собрал несколько капель крови Христа, когда страдающий Спаситель висел на кресте).

Я сам находился под столь сильным влиянием такого представления, что мне трудно было даже подумать о Граале как о чем-то ином, кроме чаши. Обратившись же к «Парсифалю» Вольфрама фон Эшенбаха, я нашел подтверждение того, что узнал еще во Франии, а именно: реликвия — которую также несла дева, как и у Мэлори, — описывалась как *камень:*

«Каким бы больным ни был человек, со дня, когда он увидит камень, он не умрет на протяжении недели, его кожа не потеряет своего цвета. Ибо, если кто бы то ни был — дева или мужчина смотрел на Грааль в течение двухсот лет, пришлось бы признать, что у него или нее цвет сохраняется таким же свежим, как и в его или ее лучшие годы… Такую силу придает камень смертным людям, что их плоть и кости вскоре вновь становятся молодыми. Этот камень называют „Грааль"».

Я был поражен этой странной и захватывающей образностью, и в моем мозгу занозой засел вопрос: почему в «Смерти Артура» Грааль назван сосудом, а в созданном гораздо раньше «Парсифале» он недвусмысленно описывается как камень? В чем тут дело?

Я продолжил свое расследование и узнал от одного специалиста по приключенческой литературе; что Мэлори «лишь приукрашивал то, чего не понимал» при написании «Смерти Артура». Эта тема была окончательно разработана в «Парсифале» Вольфрама и «Рассказе о Граале» Кретьена де Труа — произведениях, которые на двести лет старше «Смерти».

Подбодренный этой подсказкой, я принялся за незаконченную историю Кретьена и прочитал в ней следующее описание Грааля — первое в литературе (в сущности, и в истории). Как у Вольфрама и Мэлори, здесь драгоценный предмет тоже носила девица:

«Как только она вошла с граалем в руках, появилось такое яркое свечение, что свечи утратили свой свет точно так — же, как звезды меркнут при восходе солнца и луны… Грааль… был из чистого золота [и] был украшен самыми разнообразными драгоценными камнями — самыми роскошными и дорогими и в море, и на земле».

Нигде в рукописи Кретьена, обнаружил я, не говорится четко, что Грааль был чашей или чашкой. Из контекста, однако, вытекало, что он видел его именно таковой. В нескольких местах он упоминает главного персонажа — «царя-рыбака», которому «подавали в Граале», и позже добавляет: «Ему подавали одну-единственную освященную облатку, приносимую в Граале, который поддерживает его жизнь в полном расцвете, настолько божественен этот Грааль». Позже я узнал, что само слово «Грааль» — это производное от старофранцузского «градаль» (латинского «градалис»), означавшего «широкий, с углублением сосуд, в котором подается изысканная пища». В разговорной речи времен Кретьена «грададь» часто произносилось как «греаль». В более же недавние времена слова «гразаль», «гразо» и «гриаль» использовались в южных районах Франции для обозначения разного рода тары.

Таково происхождение представления Мэлори о священном предмете как о сосуде. Кроме упоминания «освященной облатки» Кретьен не дает никакой иной недвусмысленной связи с христианством (не делает этого даже в виде понятия Грааля как «священной вещи», которое легко могло быть подсказано как Ветхим, так и Новым Заветом). Подобно Вольфраму французский поэт не упоминает кровь Христа вовсе и уж определенно не намекает на то, что реликвия служила для ее хранения.

Выходит, что образ «святой крови», связанный с Граалем в народной культуре, был лишь лоском, добавленным более поздними авторами, — расширявшим, но и в какой-то

степени затемнявшим изначальную тему. Углубившись еще немного в этот предмет, я смог убедиться в том, что этот процесс «христианизации» спонсировался монашеским орденом цистерцианцев. В свою очередь, цистерцианцы находились под большим влиянием одного человека — Святого Бернара Клервоского, вступившего в орден в 1112 году и считавшегося многими учеными самым крупным религиозным деятелем своего времени.

Тот же Святой Бернар, обнаружил я, сыграл важную роль в развитии и распространении готической архитектурной доктрины в ее ранний период (он находился в расцвете своих сил в 1134 году, когда возводилась парящая северная башня Шартрского собора, и постоянно настаивал на принципах божественной геометрии, примененной в этой башне и во всем великолепном здании). Больше того, много времени спустя после его кончины в 1153 году его проповеди и идеи продолжали служить основным источником вдохновения для дальнейшего развития готической архитектуры, а также скульптуры, образцы которой я видел на северном портале Шартрского собора.

Главным связующим звеном между ранними, нехристианскими вариантами истории о Граале и особым толкованием Нового Завета во времена Мэлори стал сборник «Поиски Грааля», составленный цистерцианскими монахами в XIII веке. Больше того, хотя Святой Бернар уже умер к тому времени, когда было положено начало этой великой антологии, в ней можно увидеть, как мне представляется, его сильную руку, протянутую уже из могилы. К этому выводу я пришел потому, что в своих многочисленных писаниях этот весьма влиятельный священнослужитель предложил на обсуждение мистическую точку зрения на кровь Христа, которая была включена составителями «Поисков» в их новое понятие самого Грааля. С тех пор оказался совершенно преданным забвению «камень» Вольфрама, а сохраненный «сосуд» Кретьена был наполнен кровью Христа.

Что мне показалось интересным в этой идее, так это то, как ее тут же начала толковать церковь. В церковных гимнах, проповедях и апостольских посланиях следующие поколения христиан по всей Европе, как я узнал, старались приравнять Грааль в символическом плане к Святой Деве Марии, которой — не забывал я — был посвящен Шартрский собор. Такая религиозная аллегория подкрепляется следующей аргументацией: Грааль (согласно «Поискам» и более — поздним вариантам легенды) содержал кровь Христа; до рождения Мария содержала Христа в своем чреве; следовательно, Грааль является — и всегда был — символом Марии.

В соответствии с подобной логикой *Мария Теотокос,* или Богородица, была священным сосудом, который содержал Дух, обретший плоть. Так в «Литании Лоретто» XVI века ее называют «духовный сосуд», «сосуд чести» и «единственный сосуд набожности».

Почему этот символизм привлек мое внимание? Да просто потому, что в «Литании Лоретто» Блаженную Марию называют также «арка фоедерис», что, как я уже знал, означало на латыни «ковчег завета». Я углубился в изучение этого совпадения и обнаружил, что не только в «Литании» появляется это словосочетание. В XII веке внушающий восхищение Святой Бернар Клервоский также недвусмысленно сравнивал Марию с ковчегом завета и сделал это в ряде своих трудов. Еще в IV веке Святой Амброс, епископ Миланский, выступил с проповедью, в которой утверждал, что ковчег был пророческой аллегорией Марии: точно так же, как он содержал Старый закон в форме десяти заповедей, так и она содержала Новый закон в форме тела Христа.

Дальше я обнаружил, что подобные понятия сохранялись до XII века и были вплетены в ткань современного христианского богослужения. Во время посещения Израиля, например, я набрел на небольшую, но красивую доминиканскую церквушку, построенную в 1924 году и посвященную «Деве Марии, ковчегу завета». Церквушка стоит на дороге Тель-Авив — Иерусалим. Ее семиметровую колокольню венчает полноразмерное изображение ковчега. Стены внутри здания украшены несколькими полотнами с изображением святой реликвии. Во

время посещения объяснение (вполне в духе Св. Амброса) ее посвящения и символизма дала мне настоятельница церкви сестра Рафаэль Михаил:

— Мы сравниваем Марию с живым ковчегом. Мария была матерью Иисуса, который был господином Закона и Завета. Скрижали с десятью заповедями Закона были помещены в ковчег Моисеем; так же Бог поместил Иисуса в чрево Марии. Вот почему она — живой ковчег.

Мне показалось весьма знаменательным, что и ковчег, и Грааль — внешне столь разные — тем не менее сравниваются неоднократно с одним и *тем же* библейским персонажем и абсолютно одинаковым образом. Если Мария — и «живой ковчег», и «живой Грааль», размышлял я, тогда это наводит на мысль, что два священных предмета могут и не быть очень уж разными и что они даже могут быть *одной и той же вещью.*

Меня поразила такая действительно потрясающая перспектива. Какой бы притянутой за уши ни казалась эта мысль, она все же проливает интересный свет на выбор и расположение статуй на северном портале Шартрского собора. Если я прав, тогда чаша Грааля с камнем внутри в руке Мельхиседека изображает на одном уровне Марию, а на другом призвана служить эзотерическим символом ковчега завета и скрижалей, помещенных в него.

Подобная интерпретация, чувствовал я, добавляла значительный вес гипотезе о том, что остальная иконография северного портала указывает на перемещение святой реликвии в Эфиопию. Я также сообразил, что в действительности не имею серьезных оснований для столь ответственного вывода — в моем активе только совпадения, догадки и сильное интуитивное ощущение, что я подобрался к чему-то существенному.

Я всегда был склонен прислушиваться к своей интуиции, к тому, что она мне подсказывает. И все же мне показалось, что, если я намерен заняться надлежащим, тщательным, требующим больших затрат и отнимающим много времени исследованием, тогда мне необходимы гораздо более прочные основания, нежели несколько счастливые случайностей и предчувствий.

Ждать мне пришлось недолго. В июне 1989 года мой помощник наконец сумел отыскать научный труд, который, по словам Питера Лаоко, подсказывал возможность эфиопского влияния на описание Грааля в «Парсифале» Вольфрама фон Эшенбаха. Этот труд вдохновил меня на поиски, которые поглотили следующие два года моей жизни.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ВЛИЯНИЕ ИЛИ НЕЧТО БОЛЬШЕЕ?

Статья, озаглавленная «Новый свет на восточные источники «Парсифаля» Вольфрама», была напечатана в 1947 году в академическом журнале «ПМЛА» («Публикации Американской ассоциации современных языков»). Ее автором была Хелен Адольф, известный медиевист, проявлявшая особый интерес к литературному происхождению чаши Грааля. Она выдвинула тезис (признав, что в долгу перед двумя специалистами-предшественниками), согласно которому Вольфрам, несомненно находившийся под сильным влиянием Кретьена де Труа, должен был также «знать — помимо Кретьена — историю Грааля в восточном обрамлении».

Когда я приступил к чтению труда Хелен. Адольф, я уже знал из проведенного мной исторического исследования, что Кретьен де Труа действительно «изобрел» Грааль в 1182 году. До того года он не существовал ни в истории, ни в мифологии. Многие специалисты в этой области соглашаются в том, что существовали более ранние легенды, связанные, например, с котлообразными провалами, поисками приключений и подвигами короля Артура и его рыцарей, из которых придворные поэты и рассказчики черпали факты для своих историй о Граале. Эти более древние предания, передававшиеся из уст в уста, из поколения в поколение, были слишком хорошо известными, слишком «опробованными и проверенными», короче говоря, слишком знакомыми всем без исключения, чтобы придать творческий импульс новому циклу романов, начало которому положил Кретьен в конце XII века.

Великий французский поэт так и не закончил свое знаменитое «Сказание о Граале». Спустя лишь несколько лет Вольфрам фон Эшенбах воспользовался этим добрым началом, расширив и закончив историю своего предшественника, одновременно довольно грубо обвинив Кретьена в её «дурном изложении» и заявив, что его собственный текст на немецком языке является «истинной историей».

Подобные заявления кажутся странными, поскольку Вольфрам явно заимствовал многие подробности из «Сказания о Граале» и в целом сохранил верность его сюжету и персонажам. В самом деле имеется лишь одно вызывающе очевидное отличие — причудливое нововведение, превратившее Грааль в камень. Причина такого новшества представляется ряду ученых настоящей загадкой. Речь не может идти о простой ошибке Вольфрама — он был слишком умным и точным рассказчиком, чтобы совершитьстоль вопиющую ошибку. Отсюда следует единственный разумный вывод; Вольфрам описал реликвию таким образом по какой-то особой, известной только ему причине.

В своей короткой статье Хелен Адольф задалась именно этим вопросом. И предложила ответ, показавшийся мне весьма интригующим. Тем или иным образом, предполагает она, Вольфрам получил доступ к «Кебра Нагаст», насладился историей переправки ковчега завета из Иерусалима в Аксум и решил включить ее элементы в свой «Парсифаль». Влияние было лишь «косвенным», решила Хелен. Странный же характер описанного Вольфрамом Грааля можно проследить до использования «в каждой абиссинской церкви (как она написала) так называемого *табота* — куска дерева или камня».

Адольф объясняет, что подобная практика восходит к религиозным канонам, установленным в «Кебра Нагаст», и это мнение я полностью разделяю. В 1983 году я узнал, что *«табот»* был местным названием священной реликвии (которой считали ковчег завета), якобы привезенной Менеликом из Иерусалима и теперь хранимой в приделе храма в Аксуме. Больше того, как, несомненно, помнит читатель, я позже обнаружил, что — как то подтверждает и Адольф — каждая эфиопская православная церковь имела свой собственный *табот.* Эти предметы, часто называвшиеся *копиями* оригинала в Аксуме, не были ящиками или сундуками, а имели форму плоских пластин. Все виденные мною были сделаны из дерева. Продолжив свое исследование, я обнаружил, что многие из них были изготовлены из камня.

На основе ряда сравнений Адольф убедилась в том, что Вольфрам также знал об этом и заимствовал свой камень-Грааль от эфиопского *табота.* Она также указала, что не все персонажи в «Парсифале» были заимствованы у Кретьена де Труа: у Вольфрама появилось несколько дополнительных фигур с загадочным происхождением, мысль о которых вполне могла заронить в нем «Кебра Нагаст». Адольф не смогла дать убедительного объяснения тому, каким образом немецкий рассказчик мог ознакомиться с «Кебра Нагаст», и лишь неуверенно предположила, что в Европу ее могли принести странствующие евреи. В средневековый период, указывает она, «евреи были не только посредниками между арабами и христианам» в целом. У них был особый интерес к Эфиопии, где они составляли и все еще составляют значительную часть населения».

Я посчитал аргументы Адольф убедительными, — но крайне неполными. Она ограничивается специфической областью литературной критики, и ее, естественно, заботили чисто литературные вопросы. Вознамерившись доказать возможность связи между «Кебра Нагаст» и «Парсифалем» (при «косвенном влиянии» первого на последнее), она с радостью остановилась, почувствовав, что добилась своей цели. Однако я был очень благодарен ей, поскольку она открыла мне глаза на нечто гораздо более волнующее, нечто имеющее бесконечно большое значение.

На основе вышеприведенных сравнений ковчега завета, Святого Грааля и Марии Богородицы я начал задаваться вопросом, действительно ли ковчег и Грааль столь отличны друг от друга и отделены, как это представлялось на первый взгляд. Если Грааль Вольфрама

выглядит так, будто на него повлияли эфиопские предания о ковчеге, размышлял я, тогда есть шанс, что здесь скрыто нечто большее, нечто, быть может, гораздо большее, чем то, о чем догадалась Адольф. Короче говоря, я стал задаваться вопросом, не мог ли немецкий поэт преднамеренно выстроить свой фантастический Грааль как своего рода «код» для реального исторического ковчега. Если это так, тогда поиск, являющийся центральной темой «Парсифаля», мог также быть кодом, который, подобно таинственной карте клада, указывает путь к последнему пристанищу самого ковчега.

Я уже был заинтригован возможностью того, что схожий код на северном портале Шартрского собора — правда, изваянный из камня, а не записанный в книге — намекает на реликвию, увезенную в Эфиопию. Поэтому с немалым волнением и даже энтузиазмом я попытался «расшифровать» «Парсифаль».

БОЖЕСТВЕННЫЕ ПИСАНИЯ, ЗАКОНЫ И ПРОРИЦАНИЯ

В качестве первоочередной задачи я посчитал нужным установить, мог ли Грааль Вольфрама действительно быть задуман как шифрованное сообщение о ковчеге завета. С этой целью я решил отложить пока дальнейшее расследование эфиопского следа, предложенного Адольф. Вместо этого я решил искать прямые параллели между характеристиками Грааля и ковчега, описанными в Ветхом Завете и других древнееврейских источниках. Только в случае, если эти параллели окажутся убедительными, следовало бы продолжить исследование.

В первую очередь мое внимание привлекло то, каким образом Вольфрам превратил чашу или сосуд Грааля (в описаний Кретьена) в камень. Мне еще подумалось, что французский поэт дал достаточно расплывчатое и мистическое описание Грааля, придал довольно смутному понятию своего предшественника о священном сосуде форму, подходящую его целям, т. е. *определил* этот сосуд, говоря не прямо, о нем, а о его *содержимом.*

Ковчег завета, в конце концов, тоже был сосудом и содержал-таки камень или, вернее, две каменные плитки, на которых пальцем Бога были записаны десять заповедей. Поэтому мне показалось интригующим то, что Грааль Вольфрама, подобно скрижалям Закона, являл время от времени небесную запись, устанавливавшую определенные правила.

Имелись и другие совпадения, например пророческая функция Грааля для сообщества, полагающегося на него:

«Мы пали на колени перед Граалем, на котором внезапно обнаружили сообщение о приходе к нам рыцаря. О том, что, если задать ему Вопрос, нашим страданиям придет конец, что, если бы ребенок, девица или мужчина предостерег бы его о Вопросе, последний не достигнет своей цели и рана останется той же и даже причинит большую боль. «Вы поняли? — спросила Надпись. — Если вы предупредите его, это может оказаться вредным. Если он пренебрежет Вопросом в первый вечер, его сила исчезнет. Но если он задаст свой Вопрос в подходящий момент, он обретет Царство».

Ковчег также часто служил пророчеством, предлагая совет, который имел решающее значение для выживания израильтян. В Книге Судей израилевых, где личность Самого Бога часто полностью сливается с индивидуальностью ковчега, я нашел следующее место:

«И вопрошали сыны Израилевы Господа (в то время ковчег завета Божия находился там, и Финеес, сын Елеазара, сына Ааронова, предстоял пред ним): выходить ли мне еще на сражение с сынами Вениамина, брата моего, или нет? Господь сказал: идите; Я завтра предам его в руки Ваши» (Суд. 20, 27–28).

Нашел я дальше в Библии и другое место, в котором утверждается, что ковчег уже редко говорит и что «видения» стали теперь «необычными». И все же, когда пророк Самуил «лежал в храме Господнем, где ковчег Божий», голос из святой реликвии произнес предостережение:

«Вот, я сделаю дело в Израиле, о котором кто услышит, у того зазвенит в обоих ушах» [6].

Да и высказывания и видения не были единственными способами, которыми ковчег сообщал свои пророчества. Подобно Граалю, он также использовал (время от времени) письменное слово, в частности для передачи царю Давиду плана храма, который должен был воздвигнуть его сын Соломон [7].

ВЕС ГРЕХА, ЗЛАТОЙ ТЕЛЕЦ И КАМНИ С НЕБА

В ходе своего исследования я открыл многие другие характеристики, связывающие Грааль с ковчегом и особенно со скрижалями. Примером может служить то, как чудесным образом меняется вес реликвии. Согласно Вольфраму, «Грааль (в то время как его может поднять невинное сердце) так тяжел, что грешные смертные не могли бы поднять его с места».

Здесь, чувствовал я, прослеживается связь с древнееврейской легендой, в которой рассказывается о том, как пророк Моисей спустился с горы Синай, неся в руках каменные плитки с только что написанными божественными словами десяти заповедей. Придя в лагерь, пророк застал сынов Израиля поклоняющимися золотому тельцу, т. е. совершающими ужасный грех.

«Он вдруг увидел, как письмена исчезли со скрижалей, и одновременно почувствовал их огромный вес, ибо, пока на них были божественные письмена, они несли на себе их вес и не обременяли Моисея, но с их исчезновением все изменилось».

В зашифрованном тексте Вольфрама также появляется золотой телец. Больше того, он появляется в таком контексте, что я просто ощутил, как автор преднамеренно использует этот прием для передачи послания, которое еще больше отождествляет Грааль с ковчегом:

«Там жил язычник по имени Флегетаний (прочел я в главе 9 «Парсифаля»), известный благодаря своим признаниям. Этот человек был потомком Соломона, с израильской родословной, восходящей к древним временам… Он писал о чудесах Грааля. Флегетаний, поклонявшийся тельцу, как если бы он был его богом, был язычником по отцу… [и] сумел определить для нас удаление и возвращение каждой планеты и время ее обращения по своей орбите до того, как она окажется в той же точке. Все люди подвержены влиянию движения планет. Язычник Флегетаний видел собственными глазами. — и почтительно говорил об этом — скрытые в созвездиях тайны. Он объявил, что имеется некая вещь, называемая «Грааль», название которой он без особого труда прочитал по звездам. Группа [ангелов] оставила ее на земле, а потом поднялась выше звезд, как если бы их невинность побудила их вернуться».

Действительно важным в этом отрывке мне представляется использование некоего Флегетания (с интригующей Соломоновой и еврейско-языческой родословной) для объявления звездного происхождения Грааля.

Почему это важно? Да просто потому, что в ряде самых серьезных научных исследований Библии, прочитанных мною, утверждалось, что скрижали, хранившиеся в ковчеге завета, были в действительности двумя кусками *метеорита.* Не является этот отрывок лишь одним из современных толкований, с которыми не могли бы согласиться Моисей и жрецы-левиты, которые заботились о ковчеге. Напротив, известно, что с древних времен семитские племена вроде сынов Израилевых поклонялись камням, «упавшим с неба».

Лучшей иллюстрацией этого обычая, сохранившегося до наших дней, может служить особое почитание мусульманами священного «черного камня», вделанного в угол стены Кааба — храма в Мекке. Каждый паломник, совершающий хадж в Святую землю, целует этот камень, объявленный пророком Магометом *упавшим с неба* на землю и переданным изначально Адаму для поглощения его грехов после изгнания из райского сада. Позже он был подарен ангелом Гавриилом еврейскому патриарху Аврааму. В конце концов он стал краеугольным камнем Кааба — «бьющегося сердца исламского мира».

Геологи, как я слышал, не сомневаются в метеоритном происхождении «черного камня». Также считается, что *пары* священных камней, называвшихся *«бетилы»* и бравшихся доисламскими арабскими племенами в свои странствия по пустыне, были аэролитами, как и признается, что существует прямая линия передачи культуры, связывающая эти *бетилы* (которые часто хранились в переносных ковчегах) с «черным камнем» Кааба и со скрижалями Закона, хранившимися в ковчеге завета.

Позже я обнаружил, что *бетилы* были известны в средневековой Европе как *ляпис бетилис,* что это название «имело семитское происхождение и что позже греки и римляне принимали их за священные камни, обладающие божественной жизнью, за камни с душой [которые использовались] для всевозможных суеверий, для колдовства и предсказания будущего. Это были метеоритные камни, «упавшие с неба».

В таком контексте трудно было поверить, что Вольфрам лишь предавался игре воображения, когда указывал на метеоритное происхождение Грааля-камня. Он не только использовал для этого своего персонажа по имени Флегетаний, но и дал через несколько страниц странное альтернативное название Грааля — *«ляпсит эксиллис».* Я нашел несколько толкований истинного значения этого псевдолатинского названия, но наиболее достоверным представляется его происхождение от *ляпис эксцелис* («камень с неба»), *ляпсит экс целис* («он упал с неба») или даже от *ляпис, ляпсус экс целис* — «камень, упавший с неба». В то же время мне представляется, что исковерканные слова *«ляпсит эксиллис»* достаточно похожи на *«ляпис бетилис»,* чтобы заподозрить немецкого поэта в преднамеренной (закодированной) игре слов.

БЛАГОДЕЯНИЯ, СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННЫЙ СВЕТ И СПОСОБНОСТЬ ВЫБОРА

Другую и совершенно отличную область сравнения представляет собой повторяемое Вольфрамом описание Грааля как источника благословения и изобилия для тех людей с чистым сердцем, которые вступали с ним в контакт. Процитирую в качестве примера следующий отрывок из главы 5 «Парсифаля»:

«За чем бы ни протягивал человек руку в присутствии Грааля, это и появлялось уже готовым — теплые блюда, холодные блюда, новомодные блюда и привычные деликатесы… ибо Грааль был плодом блаженства, рогом изобилия сладостей этвго мира».

Мне это описание показалось весьма похожим на древнее талмудическое толкование, в котором говорилось:

«Когда Соломон доставил Ковчег в Храм, все золотые деревья, имевшиеся в Храме, наполнились влагой и в изобилии дали фрукты к большой выгоде и радости гильдии жрецов».

Я обнаружил еще более тесное соответствие между ковчегом и Граалем в сверхъестественном *свечении,* свойственном, как говорят, обоим предметам. Святая святых Храма Соломона (где хранился ковчег до его таинственного исчезновения), согласно Библии, — место, в котором царила «мгла» [8]. Талмудические источники, тем не менее, указывают: «Высший жрец Израиля вошел и оставил *при свете, испускаемом Священным Ковчегом…»* — удобная обстановка, изменившаяся после того, как реликвия исчезла. С тех пор жрец «двигался ощупью в темноте».

Следовательно, ковчег был источником паранормального свечения: он испускал ослепляющее излучение, как-то подтверждают многие места в Библии. Точно так же Грааль Кретьена — что, полагаю, Вольфрам воспринял с удовольствием (поскольку это дало ему «сосудную» часть «ковчегова» шифра, который он дополнил затем своим камнем) — излучал свечение, «столь яркое… что свечи меркли, как звезды при восходе солнца или луны».

Грааль Кретьена также был изготовлен из «чистого золота», в то время как ковчег был обложен «чистым золотом внутри и снаружи» [9] и покрыт крышкой также «из чистого золота» [10]. Но не от этого драгоценного металла получали ковчег и Грааль свою способность излучения света, она, скорее, была производным насыщения того и другого огненной

небесной энергией. И именно эта энергия (излучаемая скрижалями после того, как на них пальцем Бога были записаны десять заповедей) заставила светиться лицо Моисея внушающим суеверный страх сверхъестественным светом, когда он спускался с горы Синай:

«Когда сходил Моисей с горы Синая, и две скрижали откровения были в руке у Моисея при сошествии его с горы, то Моисей не знал, что лице его стало сиять лучами… И увидел Моисея Аарон и все сыны Израилевы, и вот, лице его сияет, и боялись подойти к нему». [11]

На мой взгляд, нельзя считать простым совпадением то, что Грааль-камень Вольфрама, когда он впервые упоминается в «Парсифале», несла во время процессии в руках некая Репанс де Шуа, лицо которой излучало такое сияние, что все вообразили, будто встает солнце.

ГЕРОЙ С НЕБЕСНЫМ ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕМ

Репанс де Шуа была «принцессой», отличавшейся «идеальной непорочностью». Но самое важное заключалось в том, что Грааль *выбрал* ее. «Ту, кому Грааль позволил нести себя, — объясняет Вольфрам, — звали Репанс де Шуа… Только ей, а не кому-либо еще, как мне сказали, дозволял Грааль нести себя».

Подобные фразы наводят на мысль, что реликвия обладала чем-то вроде сознания. С этим было связано и другое качество: «Ни один человек не может уговорить Грааль, — утверждает Вольфрам в главе 9 «Парсифаля», — кроме небом предназначенного для этого». Эта мысль особо подчеркивается в главе 15: «Ни один человек не мог уломать Грааль силой, кроме того, кого призывает к этому Бог».

Эти два представления — что Грааль обладает способностью выбора и *что* он являлся наградой, на которую могли рассчитывать только «избранники неба» — имели величайшее значение в вольфрамовской всеобщей схеме вещей. Больше того, я пришел к заключению о том, что прецеденты обоих представлений были заложены в библейских описаниях ковчега завета. В Числах (10, 33), например, ковчег *выбирает* маршрут, которым предстояло следовать по пустыне сынам Израилевым, и место, где им следовало остановиться. В Первой же книге Паралипоменон (15, 2) дается указание на определенных, «избранных небом» людей для несения ковчега:

«…Никто не должен носить ковчега Божия, кроме левитов, потому что их избрал Господь на то, чтобы носить ковчег Божий и служить Ему во веки».

Но не в Библии нашел я наиболее тесные соответствия между ковчегом завета и наделенным сознанием, небом избранным Граалем Вольфрама. Они проявились скорее в «Кебра Нагаст», где рассказывается история доставки ковчега в Эфиопию. В авторитетном английском переводе сэра Уоллиса Баджа я наткнулся на следующее место, где священная реликвия описывается почти как особа женского пола (которая, как все леди, может запросто передумать):

«И то, что ты говоришь о путешествии ковчега завета в их город, в страну Эфиопию, если Бог пожелал того и она сама пожелала того, никто не смог бы воспрепятствовать ей, ибо по своей воле она пошла и по своей воле вернется, если того пожелает Бог».

Затем я обратил внимание на указания на то, что реликвия якобы обладает умом и что честь хранения ее означала небесное предназначение:

«Ковчег идет по своей собственной воле, куда пожелает, и его нельзя забрать с его места, если он не пожелает того».

«Без воли Бога ковчег Бога не остановится ни в каком месте».

«Но избраны Господом люди Эфиопии. Ибо там есть обиталище Бога — небесный СИОН [12]*, ковчег Его завета».*

Не менее важно и то, что я нашел в главе 60 «Кебра Нагаст» долгие сетования Соломона, узнавшего о том, что ковчег был похищен его сыном Менеликом из святая святых храма в Иерусалиме. В минуту горчайшей печали ему явился ангел и спросил:

«Почему ты так печален? Это же случилось по воле Бога. Ковчег… был отдан… твоему первенцу…» И царь был успокоен этими словами и сказал: «Да исполнится воля Бога, а не воля человека».

Не именно ли это, задался я вопросом, имел в виду Вольфрам, когда написал: «Ни один человек никогда не мог захватить Грааль силой, кроме того, кто был призван для этого Богом»? Иными словами, если Грааль действительно был криптограммой ковчега, тогда не послужил ли немецкому поэту сам Менелик прототипом «небом назначенного» героя?

В поисках ответа на этот вопрос я еще раз перечитал «Парсифаля». Но я искал не свидетельства литературного влияния «Кебра Нагаст», как то сделала Хелен Адольф, а наличие четких ключей, спрятанных в тексте и указывавших на Эфиопию. Я хотел знать, есть ли хоть что-то, что подсказывало бы, что Эфиопия могла *быть* той загадочной *Дикой землей* Вольфрама — землей Грааля и, следовательно, землей ковчега.

Глава 4

КАРТА СПРЯТАННОГО СОКРОВИЩА

Чтение «Иарсифаля» весной и летом 1989 года навело меня на мысль об одной поразительной возможности: выдуманный предмет — чаша Грааля мог быть изобретен в качестве сложного символа ковчега завета. Это привело меня к формулированию еще одной гипотезы, а именно: за «небом назначенным» героем Вольфрама фон Эшенбаха могла скрываться другая фигура, которая, будучи узнанной, укажет путь к сердцевине тайны местонахождения ковчега, — фигура, реальную личность которой поэт скрыл под слоями загадочных и порой преднамеренно уводящих в сторону деталей. Такой фигурой, заподозрил я, мог быть не кто иной, как сын царицы Савской и царя Соломона Менелик I, который, согласно абиссинским легендам, доставил ковчег завета в Эфиопию. Если в этих рассуждениях есть рациональное звено, считал я, тогда есть и надежда найти скрытые в «Парсифале» дополнительные кодовые ключи, часто затемненные ложными следами, разбросанными тут и там в отдельных главах и могущих быть рассчитанно туманными и двусмысленными, но все же служащими подтверждением эфиопского «следа» при условии, если их собрать вместе и доискаться их смысла.

ЧЕРНОЕ ДЕРЕВО И СЛОНОВАЯ КОСТЬ

Первые из таких ключей я уже обнаружил в главе «Парсифаля», в которой говорится о далекой земле «Зазаманк», где обитают «темные, как ночь» люди. В эту землю прибыл странствующий европейский аристократ «Гахмурет из Анжу» и влюбился там не больше и не меньше как в царицу — «прекрасную и верную Белакане».

В «Белакане» я не мог не увидеть отражение «Македы» — эфиопского имени царицы Савской, которое я впервые узнал, когда в 1983 году посетил Аксум. Я также знал, что ту же царицу мусульмане называли «Билкис». Поскольку я к тому времени уже близко познакомился с пристрастием Вольфрама к неологизмам и с его склонностью изобретать новые и причудливые имена с помощью сочетания старых имен, мне показалось опрометчивым полностью отвергать возможность того, что «Белакане» могло быть комбинацией слов «Билкис» и «Македа», и вдвойне опрометчивым ввиду того, что поэт называл *ее* «смуглой царицей».

Когда я пристальнее пригляделся к любовной связи Белакане и Гахмурета, подробно описанной в первой главе «Парсифаля», то обнаружил новые отражения истории о царе Соломоне и царице Савской в «Кебра Нагаст», а также в других, отличающихся меньшими вариациями эфиопских легендах. В этой связи я посчитал неслучайным, что Вольфрам

постарался ясно показать, что Гахмурет, подобно Соломону, был белым, а Белакане, подобно Македе, — черной.

Например, после прибытия «белокожего» анжуйского рыцаря в Зазаманк Белакане говорит своим служанкам: «Его кожа отличается цветом от нашей. Я только надеюсь, что это его не расстраивает». Его это не очень расстраивало, ибо в последующие недели ее роман с Гахмуретом расцвел пышным цветом, и в конце концов парочка уединилась в ее спальне во дворце.

«Царица сама, своими темными руками сняла с него доспехи. Там была великолепная постель с покрывалом из собольего меха, где его ждали новые почести, но только частного характера. Они остались одни: юные придворные дамы покинули комнаты и закрыли за собой двери. Царица отдалась прекрасной и благородной любви с Гахмуретом — возлюбленным ее сердца, хоть их кожа и была разного цвета».

Возлюбленные поженились. Поскольку Белакане была некрещеной язычницей, а Гахмурет — христианином с ожидавшими его многими рыцарскими подвигами, он бежал из Зазаманка, когда она была «на двенадцатой неделе беременности», оставив ей только следующее письмо:

«Я отплываю как вор. Я должен был уехать тайком, дабы избежать слез при расставании. Госпожа, не могу скрывать, что, принадлежи ты к моему вероисповеданию, я бы вечно любил тебя. Даже сейчас моя страсть причиняет мне бесконечные страдания. Если наш ребенок будет мужского пола, клянусь, он станет храбрецом».

Много времени спустя после своего бегства Гахмурет продолжал страдать от раскаяния, ибо «смуглая леди была ему дороже жизни». Позже он заявит:

«Сейчас многие друзья считают, что я сбежал от ее черной кожи, но в моих глазах она была светла, как солнце! Мысль о ее женской красе все еще тревожит меня, так что, если бы благородство было щитом, она стала бы его главным украшением».

Так кончается история Белакане и Гахмурета. А что же их ребенок?

«Когда пришло время, госпожа родила сына. У него была пестрая кожа. Бог решил сделать из него чудо, ибо он был одновременно черным и белым. Царица пристрастилась целовать его белые пятна. Маленькому мальчику она дала имя Феирефиз Анжуйский. Когда он подрос, то пришлось вырубить целые леса — столько он разбивал дротиков, пробивая ими дыры в щитах. Его волосы и кожа были разноцветными, как у сороки».

Вольфрам не мог бы найти более графического способа подчеркнуть, что Фейрефиз был полукровкой — плодом союза черной женщины и белого мужчины. Этот полукровка Фейрефиз призван был сыграть главную роль в «Парсифале». Его отец — любвеобильный Гахмурет вернулся в Европу после бегства от Белакане и сочетался браком с другой царицей — некой Херцелойде, приложив усилия к тому, чтобы она побыстрее забеременела. Вскоре он оставил и ее, отправившись на поиски новых приключений, покрыл себя неувядаемой славой в ряде битв, пока в конце концов не погиб. «Через две недели», — пишет Вольфрам, — Херцелойде «родила ребенка, столь широкого в кости, что она едва выжила при родах». Этот сын и стал Парсифалем — героем, давшим свое имя истории Вольфрама, будучи сводным братом Фейрефиза.

В «Кебра Натает» и других, имеющих отношение к делу эфиопских легендах я нашел многочисленные параллели сложных взаимоотношений Гахмурета, Белакане, Фейрефиза, Парсифаля и т. д. Эти параллели часто носили косвенный характер. Тем не менее я уже ожидал поразительных намеков от Вольфрама и обретал все большую уверенность в том, что он выстраивал цепочку следов, которые сквозь расставленные ловушки и лабиринты приведут меня в конце концов в Эфиопию.

Постоянные указания на контраст черноты и белизны Белакане и Гахмурета были недвусмысленными с самого начала «Парсифаля». В «Кебра Нагаст» влюбленными были царь

Соломон и царица Савская. Подобно Гахмурету и Белакане они уединились в спальне. Подобно Гахмурету и Белакане один из них (на этот раз Македа) сбежал от другого и отправился в долгое путешествие. Подобно Гахмурету и Белакане плодом их союза был сын-полукровка — в данном случае Менелик. Раз за разом, подобно Гахмурету и Белакане, различие в их цвете постоянно подчеркивается в тексте — на этот раз в «Кебра Нагаст». В типичной сцене еврейский монарх выслушивал упреки за похищение Меneликом ковчега в следующих выражениях:

«Твой сын умыкнул ковчег завета, твой сын, которого ты породил, которого зачала из чужого народа, с которой Бог не повелел тебе жениться, т. е. эфиопская женщина, отличная от тебя по цвету, не являющаяся жительницей твоей страны и к тому же черная».

Имелись и дополнительные параллели между Меneликом и Фейрефизом, кроме того что они были полукровками. Среди прочего вызывает интерес само имя «Фейрефиз». К какому языку оно принадлежит и что оно могло бы значить? Я проверил и обнаружил, что у литературных критиков имелись устоявшиеся идеи по этому вопросу. Большинство склонно видеть в странно звучащем имени типичный неологизм Вольфрама, основанный на французских словах «вэр фис», означающих буквально «пегий сын». Последователи другой школы не менее убедительно производят его от слов «врэ фис» — «истинный сын».

В «Кебра Нагаст» я не смог найти сравнения, прямо отражающего этимологию (хотя в главе 36 Соломон объявляет, когда ему представляют Менелика в первый раз: «Смотрите все, вот мой сын»). В несколько отличном, но одинаково древнем эфиопском варианте той же легенды (переведенном на английский в 1904 году профессором Эрно Литманом из Принстонского университета) о встрече Соломона и Менелика я нашел такое место:

«Менелик тут же подошел к нему и взял его руку, дабы поприветствовать его. И тогда Соломон изрек: „Ты мой истинный сын"».

Иными словами: «Врэ фис»!

ХИТРЫЕ МЕХАНИЗМЫ

Подобные совпадения все больше зацикливали меня на мысли, что Вольфрам в самом деле связал своего Фейрефиза с Менеликом. Почему он поступил так? Не потому же, рассуждал я, что он находился под влиянием «Кебра Нагаст» (как еще в 40-х годах предположила Хелен Адольф), а, скорее, потому, что он *знал* о последнем пристанище ковчега завета в Эфиопии и решил закодировать это знание в «Парсифале»; таким образом последний стал литературной «картой сокровищ», где Грааль служит шифрованным сообщением о ковчеге завета.

Вольфрам любил изобретательные трюки — своеобразные словесные фокусы, столь же загадочные, сколь и развлекательные. Я, однако, чувствовал, что начинаю проникать во многие из его обманов и узнавать ловушки, которые он так часто устраивает, дабы отвлечь своих читателей от тайны, скрытой в центре его повествования. Поэтому я совершенно спокойно принял тот факт, что не Фейрефиз занимался поисками Грааля и не Фейрефиз удостоился чести найти бесценную реликвию. Подобный результат подбросил бы слишком прямой и очевидный намек. Кроме того. Вольфрам не мог позволить язычнику, полукровному сыну черной царицы стать героем рыцарского романа, написанного для развлечения христиан средневековой Европы.

Исходя из подобных соображений, я посчитал, что умный немецкий поэт был рад позволить совершенно белому и прекрасному Парсифалю добраться до несуществующего Грааля — единственной вещи, которая заинтересовала бы читателей. Тем временем для немногих посвященных именно *истинный сын* Фейрефиз должен был указать путь к ковчегу.

Я все же сообразил, что мне понадобятся более серьезные доводы в пользу моей гипотезы, нежели ряд простых совпадений, какими бы интригующими и наводящимиони ни

были. Поэтому я взялся за головоломную задачу пройтись тонким гребешком по «Парсифалю» еще раз.

В конце концов я нашел то, что искал. Из предыдущего прочтения я помнил, что Фейрефиз женится на Репанс де Шуа — чистой и прекрасной носительнице Грааля, которая на протяжении всей истории постоянно появляется и исчезает, окруженная аурой святости и силы. На этот раз я наткнулся на весьма значимую подробность, содержащуюся в одной строке, на которую Я раньше не обратил внимания: согласно «счастливому» концу истории Вольфрама сын Фейрефиза и Репанс де Шуа был назван «Престер Джон».

Мне сразу же стало ясно, что это может стать важным ключом. Я знал, что первые посетившие Эфиопию европейцы обращались к местным монархам: «Престер Джон».

Я также знал, что легендарным основателем самозваной «Соломоновой» династии, к которой принадлежали эти монархи, был Менелик I, предполагаемый сын Соломона и царицы Савской. Поэтому я не мог не взволноваться, прочитав, что Репанс де Шуа родила Фейрефизу «сына по имени Джон» и — что еще важнее — что «они называли его „Престер Джон" и с тех пор они не называли иначе своих царей».

Было бы прекрасно, если бы в тот момент я смог доказать, что страна Грааля — Дикая земля и была страной, которой правил «Престер Джон». Такая прямая связь заметно подкрепила бы по крайней мере мою теорию «карты клада» в применении к труду Вольфрама. К сожалению, в «Парсифале» не было ни малейшего доказательства в пользу этой точки зрения: местонахождение Дикой земли давалось в самых призрачных и неопределенных выражениях, и даже намека не было на то, что ее царем был «Престер Джон».

Я был уже готов признать, что зашел в весьма малоприятный тупик, когда обнаружил, что существует еще одна средневековая немецкая эпическая поэма, в которой Престер Джон становится-таки хранителем Грааля. Названная «Младшей Титурел», она была написана в настолько похожем на «Парсифаля» стиле, что ученые давно уже приписывали ее самому Вольфраму (это началось еще в XIII веке). Сравнительно недавно было, однако, обнаружено, что она принадлежит перу более позднего автора. Им стали считать некоего Альбрехта фон Шарфенберга, написавшего «Младшего Титурела» между 1270 и 1275 годами (примерно через полстолетия после смерти Вольфрама) и взявшего за основу ранее неизвестные отрывки книги Вольфрама. В самом деле, отождествление Альбрехта с «его учителем» было столь велико, что он даже назвался Вольфрамом, «не только взяв его имя и тему, но и восприняв его манерность в повествовании и подробности его собственной биографии».

Я знал о существовании в средневековой литературе упрочившейся традиции, когда более поздние авторы расширяли и завершали работу своих предшественников. «Парсифаль» Вольфрама и сам является заимствованным из оригинальной истории Кретьена де Труа о Граале. Теперь же оказывалось, что она была оставлена для завершения третьему поэту — Альбрехту, завершения, в котором Грааль находит свое последнее пристанище.

Этим пристанищем, как четко указывается в «Младшем Титуреле», стала земля Престера Джона. Мне показалось весьма примечательным то, что подобное утверждение имеется в посвященной Граалю литературе и что, больше того, оно было сделано учеником Вольфрама, явно имевшего доступ к записям и пометкам Вольфрама. Это, по моему мнению, могло быть тем хитрым механизмом, который «учитель» установил, дабы не обнародовать слишком открыто свой эфиопский секрет в «Парсифале» и одновременно гарантировать передачу этого секрета грядущим поколениям.

Быть может, этот вывод был надуманным, быть может, нет… Однако его значение заключается не столько в академических достоинствах, сколько в том факте, что он побудил меня принять всерьез короткое упоминание Вольфрамом «Престера Джона» и продолжать весьма утомительное, но в конечном итоге плодотворное исследование.

Его целью был поиск ответа на один-единственный вопрос: когда Вольфрам говорил о «Престере Джоне», мог ли он иметь в виду *эфиопского* монарха?

На первый взгляд ответ должен был быть отрицательным: в самом деле, он прямо утверждает, что «Престер Джон» родился в «Индии» — стране, которой якобы правил Фейрефиз и в которую он с Репанс де Шуа вернулся после приключений, описанных в «Парсифале».

Картина осложняется тем, что в том же абзаце указывается, что «Индия» была также известна как «Трибалибот» («Здесь мы называем ее «Индией», а там это «Трибалибот»). Выше в тексте я нашел места, в которых Фейрефиза называли «господином Трибалибота», что звучало достаточно достоверно, поскольку я уже знал, что его сын «Престер Джон» сменил в конце концов его в качестве правителя Трибалибота-Индии. Но я не забывал и того, что сам Фейрефиз был сыном царицы «Зазаманка» Белакане. Поэтому и не удивился, узнав, что Вольфрам также называл Фейрефиза «царем Зазаманка».

Единственный разумный вывод из подобной мешанины экзотических титулов и названий состоял в том, что «Зазаманк», «Трибалибот» и «Индия» были на деле одним и тем же местом. Но могло ли оно быть Эфиопией? Не разумнее ли было предположить, что Вольфрам имел в виду Индостан, поскольку он и называет его?

Я решил исследовать реальную, историческую родословную «Престера Джона» в надежде на то, что она прольет дополнительный свет на проблему.

РЕАЛЬНЫЙ ЦАРЬ

Имя «Престер Джон», обнаружил я, не было известно до XII века, в котором европейские крестоносцы заняли священный город Иерусалим на продолжительный период в восемьдесят лет с лишним (в конце концов в 1187 году они были изгнаны сарацинами). Историки полагают, что первое упоминание Престера Джона было примерно в середине указанного периода — в 1145 году в «Хронике» епископа Отгона Фрейзингенского. Ссылаясь на сведения, полученные от сирийского священника, епископ пишет о некоем «Джоне — царе и священнослужителе», христианине, жившем на «дальнем Востоке», где он командовал огромными армиями, которые он якобы желал прислать в помощь защитникам Иерусалима. Этот «Престер Джон» — «он сам желал, чтобы его так называли» — был очень богатым, его скипетр был вырезан из цельного изумруда.

Позже, уже в 1165 году в Европе ходило письмо, якобы написанное самим Престером Джоном и адресованное «ряду христианских царей, в частности, императору Константинополя Мануйлу и римскому императору Фридриху». Полное самых нелепых, прямо-таки фантастических пассажей, это многословное послание утверждало среди прочего, что царство Престера разделено на четыре части, «ибо именно столько существует Индий».

Следующий эпизод случился в 1177 году, когда папа Александр III направил (из Венеции) письмо своему «любимейшему сыну во Христе Джону, просвещенному и великолепному царю индийцев». Хотя папа считал, что он отвечает автору письма 1165 года, он дает ясно понять, что получил информацию о «Престере» из другого источника. Например, он говорит о своем личном враче — «лекаре Филипе», с которым в Иерусалиме якобы сблизились эмиссары Престера. Примечательно, что эти эмиссары, названные «достопочтенными лицами из двора монарха»; выразили желание своего правителя получить в подарок нечто, что даже не было упомянуто в письме 1165 года — придел в церкви Гроба Господня в Иерусалиме. Отвечая на эту просьбу, папа отмечает:

«Чем благороднее и великодушнее ты поведешь себя и чем меньше будешь похваляться своим богатством и властью, тем с большей готовностью мы рассмотрим твое желание получить придел [алтарь] в церкви Гроба Господня в Иерусалиме».

Многое озадачивало в указанных документах двенадцатого столетия. Из них одно только было очевидным: Престер Джон в его ранних воплощениях был явно связан с «Индией». Копнув глубже, я смог подтвердить, что так оно и было: раз за разом царства «Престера» назывались «Индией» или — еще свободнее — «Индиями».

Тем не менее было совершенно очевидно, что ни один из средневековых правителей не имел ни малейшего представления о точном местонахождении этой Индии или Индий. Не менее ясно было и другое: когда они говорили об Индии, они редко имели в виду сам полуостров Индостан. Большинство упоминаний явно связывалось с каким-то другим местом, может быть, в Африке или где-то еще, хотя никто, похоже, не знал этого.

По мере углубления в предмет изучения, я начал понимать возможное происхождение всей этой неопределенности: на протяжении тысячелетия с лишним *до* самого первого упоминания Престера Джона существовала большая терминологическая путаница, при которой «Индия» часто путалась с «Эфиопией». В самом деле, с I века до н. э. (когда Виргилий писал о Ниле, берущем истоки в «Индии») и по крайней мере до Марко Поло, когда все страны на берегах Индийского океана все еще назывались «Индиями», термины «Эфиопия» и «Индия» явно использовались таким образом, словно они были взаимозаменяемыми.

Классическим примером могут служить труды Руфиния, византийского теолога IV века, описавшего обращение Эфиопии в христианство, о чем я читал в 1983 году. Подробности этого важного трактата (в том числе такие географические названия, как Аксум, и такие известные истории личности, как Фрументий и царь Эзана) — развеяли все сомнения относительно того, что Руфиний действительно говорил об Эфиопии, хотя постоянно называл ее «Индией».

Это происходило, как объяснил один историк, потому, что «первые географы всегда рассматривали Эфиопию как западную часть великой империи Индии». Больше того, та же географическая ошибка в сочетании с любопытными письмами, ходившими в XII веке, помогла, похоже, создать впечатление, что Престер Джон был азиатом — действительно индийским царем.

Это впечатление, хоть и ошибочное, было столь устойчивым, что сохранялось еще довольно долго после того, как «Престер» перестал быть мифической фигурой, а его царства были локализованы с определенностью на Африканском роге. В конце XIII века, например, Марко Поло пролил немного света на условную «мудрость» своего времени, написав, что «Абиссиния является большой провинцией, называемой средней или второй Индией. Этой страной правит христианин». Точно так же в XIV веке флорентийский путешественник Симоне Сиголи все еще писал о «Престо Джованни» как о монархе, обитавшем в Индии: его «Индией» оказалась земля, которая граничила с владениями египетского султана, а его царя описывали как «хозяина Нила», течение которого в Египте он мог, как считалось, контролировать. Еще позже, когда в XVI веке первая официальная португальская миссия была послана в Эфиопию, ее члены верили, что они познакомятся с «Престером Джоном из Индий». Официальный отчет об этой миссии был написан монахом Франсишко Алварешом, который высадился в порту Массауа на берегу Красного моря в апреле 1520 года и затем провел шесть лет в путешествии по Эфиопии. Несмотря на этот физически изнурительный тур по части Африканского материка, название его отчета продолжало отражать старую терминологическую путаницу: «Достоверная информация о странах Престера Джона из Индий».

В своем академическом и поучительном труде Алвареш постоянно называет императора Эфиопии «Престером» или «Престером Джоном». Я также установил, что и гораздо раньше, в 1352 году, францисканец Джованни де Мариньолли — папский посол в Азии писал в своей «Хронике» об «Эфиопии, в которой живут негры и которую называют землей Престера Джона». Схожим образом в 1328 году фра Жорданус «Каталани» называл императора

Эфиопии «Престре Жоан». Позже, уже в 1459 году, составленная фра Мауро знаменитая карта известного в то время мира отмечала крупный город в границах нынешней Эфиопии подписью: «Главная резиденция Престе Джанни».

Рассматривая все эти противоречивые документы, я был буквально ошеломлен: иногда Престер Джон недвусмысленно связывался с Эфиопией; в других случаях его местонахождение устанавливали в Эфиопии, но говорили о нем как о правителе «Индий»; порой же его помещали в самой Индии или где-то еще дальше на востоке. При всей этой путанице, похоже, существовал реальный Престер Джон, герой всей этой мифологии, который, несомненно, должен был быть правителем Эфиопии — единственного неевропейского христианского царства, существовавшего где-либо во всем мире в средние века, и потому единственно возможной страны, которую Вольфрам мог называть «Индией», управляемой «Престером Джоном» — христианским сыном Фейрефиза и Репанс де Шуа.

За окончательной, надеялся я, информацией я обратился к «Британской энциклопедии», в которой говорилось:

«Нет ничего невероятного в том, что с очень давних времен имя «Престер Джон» приписывалось абиссинскому царю, хотя какое-то время такое опознание затруднялось преобладавшим влиянием азиатской легенды. В основе двойной локализации, несомненно, лежало смешение Эфиопии с Индией, восходившее ко временам Виргилия или, возможно, к еще более древним временам».

Мне показалось примечательным то, что статья в «Энциклопедии» заканчивалась ссылкой на обмен письмами между папой и Престером Джоном, который, как отмечалось выше, состоялся во втором половине XII века:

«Каким бы смутным ни было представление папы Александра III относительно географического положения властелина, которому он писал из Венеции в 1177 году, единственной реальной личностью, которой могло быть послано письмо, был царь Абиссинии. Следует заметить, что «досточтимыми лицами из монаршего двора», с которыми мог познакомиться на востоке лекарь Филип, должны были быть представителями некой реальной власти, а не какого-то фантома. Должен был существовать реальный царь, который заявлял во всеуслышание о желании получить в пользование алтарь в Иерусалиме. Больше того, мы знаем о том, что эфиопская церковь долго владела часовней и алтарем в церкви Грода Господня».

Это действительно так. На деле, как я имел возможность убедиться, впервые часовня и алтарь были переданы Эфиопии в 1189 году, но не папой (который задолго до того утратил возможность оказывать подобные милости), а мусульманским полководцем Саладином, который в 1187 году отобрал Иерусалим у крестоносцев. Самое важное заключалось в том, что особые привилегии при церкви Гроба Господнего были получены для эфиопской православной церкви в результате прямого обращения к Саладину ни кого иного, как самого царя Эфиопии.

Эти события имели место за десятилетие до того, как неизвестные каменщики оставили в северной Франции загадочные изображения Грааля, ковчега завета и эфиопской царицы Савской на северном портале Шартрского собора, и также лишь за десятилетие да того, как Вольфрам фон Эшенбах начал писать своего «Парсифаля». Мне представляется маловероятным, что подобные совладения были просто совпадениями. Напротив, я теперь чувствовал, что у меня набралось уже достаточно косвенных доказательств правильности моей гипотезы о том, что скульптуры Шартра и замечательная эпическая поэма Вольфрама явно были созданы, чтобы служить эзотерическими картами кладов. И хотя они не отмечены «крестом», мало сомнений в том, что эти карты указывают в качестве места спрятанного клада только на Эфиопию — землю Престера Джона, землю, которая предоставила последнее пристанище вымышленному Граалю, и, следовательно, землю (если моя теория

верна), в которой может быть найден ковчег завета — реальный предмет, символизируемый Граалем.

Но теперь возникли новые вопросы.

• Каким образом в конце XII века информация о хранении ковчега в Эфиопии могла дойти до немецкого поэта и группы французских скульпторов?

• Что объединяло того и других? Они просто *должны* были быть связаны каким-то образом, раз и тот, и другие стали авторами произведений искусства, в которых было закодировано одно и то же послание.

• И наконец, почему кто-то рассказал о тайне местопребывания ковчега в поэме и скульптурах? Я уже пришел к выводу, что это было сделано, дабы обеспечить передачу секрета грядущим поколениям. Одновременно использованный код, особенно Вольфрамом, — было исключительно трудно разгадать. Мне самому при использовании средств исследования, свойственных XX веку, удалось продвинуться относительно далеко только потому, что я побывал в Аксуме и тем самым был предрасположен признать, что ковчег может находиться в Эфиопии. В XII и XIII веках никто не имел подобного преимущества. Отсюда вытекает, что закодированное послание Парсифаля никак не могло быть расшифровано в средние века — если только не было людей, имевших доступ к весьма специфической и конфиденциальной информации. Поскольку нет смысла разрабатывать код, который никто не смог бы разгадать, мне показалось логичным предположить, что такие люди существовали. Но кто это мог быть?

И я нашел-таки одну группу европейцев, вполне подходивших под указанные условия. Будучи частью оккупационной армии крестоносцев, они сохранили массовое присутствие в Иерусалиме в XII веке: они находились там в 1145 году, когда впервые получили хождение легенды о Престере Джоне, и все еще оставались там в 1177 году, когда посланцы царя Эфиопии посетили Священный город, дабы заполучить алтарь в церкви Гроба Господня. Таким образом, вполне вероятен прямой контакт эфиопов и членов европейской группы.

Занимающая нас группа была в высшей степени скрытной и регулярно пользовалась кодами и шифрами в своих обширных международных связях. Мало того, эта же группа была связана с развитием и распространением в Европе готической архитектуры (особенно с архитектурой и иконографией Шартрского собора). И наконец, самое важное: Вольфрам фон Эшенбах несколько раз *упоминал* эту группу, используя название, с которым я столкнулся, рассматривая чашу Грааля, которую скульпторы северного портала Шартрского собора поместили в левую руку внушительной статуи царя-жреца Мельхиседека (кстати, практически *единственное* изображение Мельхиседека во всей средневековой Европе).

Так как же называлась эта необычно влиятельная, мощная и много путешествовавшая группа?

Ее полное официальное название было «Бедные рыцари Христа и храма Соломона», но ее члены были больше известны как тамплиеры, или рыцари-храмовники. В основе своей это был духовный орден или орден воинствующих монахов, и на протяжении большей части XII века его штаб-квартира находилась в Иерусалиме на месте храма Соломона, на том самом месте, откуда ковчег завета необъяснимо исчез еще во времена Ветхого Завета.

Глава 5
БЕЛЫЕ РЫЦАРИ, ЧЕРНЫЙ КОНТИНЕНТ

По мнению Эммы Юнг — аналитика, лектора и жены знаменитого психиатра Карла Густава Юнга, посвященный Святому Граалю литературный жанр появился в конце XII века как-то сразу и неожиданно. В заслуживающем доверия исследовании легенды о Граале (которое она предприняла по поручению Фонда Юнга) она утверждала, что за этим неожиданным и драматичным событием должно было стоять нечто весьма важное. Юнг даже предположила, что в первых двух произведениях этого жанра — «Сказании о Граале»

Кретьена де Труа и «Парсифале» Вольфрама как бы «был приоткрыт кран некоего подземного потока». Что мог представлять собой такой «подземный поток»?

Ответ, мне думается, следует искать в том периоде истории, когда стали появляться романы, посвященные Граалю. Все же это была эпоха крестовых походов, эпоха, которая впервые привела европейцев к тесным контактам с арабской и иудаистской культурами и к оккупации Иерусалима христианскими армиями на протяжении восьмидесяти восьми лет (с 1099 года до отвоевания Священного города Саладином в 1167 году). Свой вариант истоири и Грааля Кретьен написал в 1182 году — на восемьдесят третий год оккупации Иерусалима. Вскоре после его отвоевания Вольфрам фон Эшенбах приступил к работе над своим «Парсифалем».

Поэтому я не мог не прийти к заключению, что эти ранние варианты рыцарского романа о Граале были основаны на каком-то событии либо на материале, ставшем известным в тот период, когда Иерусалим находился под полным контролем европейских сил. Я весьма внимательно изучил текст «Парсифаля» на предмет выявления какого-либо подтверждения этой догадки и обнаружил, что Вольфрам неоднократно упоминал таинственный источник, называемый «Киот», — некий человек, на сведения которого он полностью полагался и который, к счастью, был «крещеным христианином — иначе эта история все еще оставалась бы неизвестной. Ни один неверный не помог бы нам рассказать о Граале, о том, как приходишь к знанию его тайн».

Это было далеко не единственное место в «Парсифале», где немецкий поэт намекает на то, что за его Граалем кроется нечто большее, чем может показаться на первый взгляд. Я уже знал, что это «нечто большее» вполне могло быть ковчегом завета — реальным предметом, скрывавшимся за красивым надуманным символом. Теперь же, изучая многочисленные ссылки на «Киота», я сообразил, что эта «темная лошадка», личность которого так и не была раскрыта, могла быть источником, посвятившим Вольфрама в тайну того места в Эфиопии, где прятали ковчег. В одном месте упоминается «Киот, который снабдил нас достоверными сведениями», — значит, это была весьма важная личность. Но кем он был?

В «Парсифале» было несколько очевидных ключей. Здесь говорилось о нем как об «Учителе» и давалась подсказка, что его родным языком был французский. Но дальше подобных намеков автор не шел. Поэтому я обратился к литературоведам и обнаружил, что кое-кто из них довольно точно опознал в Киоте французского поэта двенадцатого столетия Гийо де Провэна, который совершил паломничество в Иерусалим незадолго до того, как Священный город был захвачен сарацинами, и одно время находился при дворе императора Священной Римской империи Фридриха Барбароссы.

Я обратил внимание на этот последний факт, поскольку знал, что Фридрих, подобно Вольфраму, был немцем по рождению (до своего избрания императором в 1152 году он был герцогом Швабии). Я знал также (см. предыдущую главу), что тот же Фридрих был одним из двух монархов, названных по имени среди ряда христианских царей, которым в 1165 году было адресовано «письмо Престера Джона».

Позже в ходе своего исследования я узнал кое-что еще, имевшее немаловажное значение: Гийо-Киот был тесно связан с рыцарями-тамплиерами, которые, в соответствии с работой Эммы Юнг, «считались хранителями храма Соломона». Я также узнал, что именно из этого храма во времена Ветхого Завета таинственно исчез ковчег завета. Поэтому меня взволновало открытие, что в «Парсифале» Вольфрам описал *хранителей Грааля* как «тамплиеров» и похвально отзывался о них:

«…Благородное братство… которое силой оружия отразило наскоки воинов из всех земель, и таким образом Грааль был показан только тем, кто был призван в Мунсальфаше для присоединения к обществу Грааля».

Были ли «тамплиеры» Вольфрама теми же, что и члены Известного военного ордена того же названия?

Я нашел, что слово, переведенное на английский как «Тамплиеры», звучало на средневековом верхненемецком языке «Парсифаля» как «темплейс». Ученые спорили о том, что именно означало это слово. Но все были согласны, что этот термин был «очевидным вариантом правильных форм «темплариус», «темплиер» и что вольфрамовский «орден рыцарей на службе Грааля» мог быть «отождествлен с орденом тамплиеров».

Тут я припомнил, что в одном из приобретенных мной при посещении Шартрского собора путеводителей говорилось о «Вольфраме фон Эшенбахе, которого считали тамплиером, хотя нет никакого доказательства этого». В ходе дальнейшего исследования я смог установить, что действительно ходили упорные слухи по этому поводу. Я также обнаружил, что несколько уважаемых ученых сделали предположение, что немецкий поэт мог и сам посетить Святую землю в то время, когда он писал «Парсифаля».

НА ПУТИ К СОКРОВИЩУ?

Меня заинтриговало утверждение Эммы Юнг, что тамплиеры во времена Вольфрама «считались хранителями Храма Соломона». Я не мог понять, как это могло быть. Однако, начав собственное исследование ордена, я открыл, что его официальное название («Бедные рыцари Христа и храма Соломона») объяснялось тем, что их штаб-квартира в Иерусалиме находилась на вершине горы Мориа, где стоял храм Соломона до его разрушения вавилонянами в 587 году. Храм был построен в X веке до н. э. и его очевидным и *единственным* предназначением было служить, как сказано в Библии, «домом покоя для ковчега завета Господня» [13].

Отождествив себя с Храмом Соломона, рыцари тем самым, подумалось мне, отождествили себя и с ковчегом завета. И мое ощущение укрепилось, когда я начал изучать теорию ордена.

Орден тамплиеров был основан девятью французскими дворянами, добравшимися до Святой земли в 1119 году — двадцать лет спустя после захвата Иерусалима европейскими армиями. Историк XII века архиепископ Уильям из Тира отмечал, что «главными и самими выдающимися» в той девятке «были досточтимый Гуго де Пейен и Годфри де Сент-Омер».

Дальше я обнаружил нечто интересное: Гуго де Пейен, бывший первым великим магистром Ордена, родился в деревушке Пейен в восьми милях к северу от города Труа в старинном французском графстве Шампань. Больше того, похоже, что все девять основателей были из одной и той же области. Отметим здесь несколько совпадений.

1. Шартр с его замечательным собором был — как в XII, так и в XIII веке — владением графов Шампаньских.

2. Один из Девяти первых рыцарей — Андре де Мон-бар (позже ставший пятым великим магистром) был дядей Святого Бернара Клервоского, также родившегося в Шампани. Этот необычайно влиятельный духовник проявил особый интерес и к готической архитектуре, и к романам о Граале.

3. Город Труа, близко расположенный к месту рождения первого великого магистра тамплиеров Гуго де Пейена, был также и родиной Кретьена де Труа — «изобретателя» святого Грааля.

4. Гуго де Пейен был кузеном графа де Шампань, который в 1125 году вступил в орден тамплиеров.

5. Когда Кретьен де Труа получил в конце XII века известность, его главным патроном была графиня де Шампань.

Обратив внимание на эту цепочку совпадений, я с еще большим интересом продолжил изучение ранней истории тамплиеров.

В ней было немало необычного. Самым, пожалуй, странным было то, как девять первых рыцарей были приняты царем Иерусалима Балдуином I в 1119 году. По прибытии в Священный город они сразу объявили ему о своем намерении устроить свою штаб-квартиру на Храмовой горе, на которой монарх совсем недавно сделал из мечети Аль-Акса свой царский дворец. Как ни странно, он немедленно удовлетворил просьбу рыцарей, предоставив им для исключительного пользования значительную часть бывшей мечети и ее внешних строений, прилегавших к знаменитому «Куполу из камня» и входивших в пределы когда-то стоявшего там храма Соломона.

С тех пор, подобно современным археологам, занимающимся крупными раскопками, в этом поистине бесценном месте жили, ели, спали и трудились рыцари. В самом деле, на протяжении почти семи лет после своего прибытия они редко покидали это место и непреклонно отказывались принимать кого-либо извне. В публичных высказываниях они заявляли, что их миссия в Святой земле заключается в том, чтобы «охранять от бандитов дорогу от побережья к Иерусалиму». Однако мне не удалось найти доказательства того, что они действительно делали хоть что-то для выполнения указанной миссии на протяжении тех семи лет; напротив, как отмечал один авторитетный историк, «новый орден явно мало что делал» в тот период. К тому же простая логика подсказывает, что девять человек едва ли могли защитить кого-либо на дороге длиной почти в пятьдесят миль, а их-таки оставалось девять, пока в 1125 году в орден не вступил граф де Шампань. Больше того, члены более древнего и гораздо большего военного ордена рыцарей Святого Иоанна уже занимались охраной паломников еще до прибытия тамплиеров.

Напрашивался поэтому вывод: Гуго де Пейен и его коллеги имели иное, незаявленное предназначение. Как отмечено выше, они в основном держались границ Храмовой горы в первые семь лет своего временного пребывания в Иерусалиме, а это, без сомнения, наводит на мысль, чти они руководствовались иными мотивами, связанными именно с этим местом.

С самого начала они вели себя скрытно, и не было никаких достоверных свидетельств, как я обнаружил, о том, чем они занимались на самом деле. Представлялось вполне вероятным, что они что-то там искали, и это подозрение окрепло, когда я узнал, что они действительно использовали свое пребывание на Храмовой горе для проведения широкомасштабных раскопок.

Поскольку сегодня на Храмовой горе находятся третья и четвертая по значению святыни ислама — Каменный купол и мечеть Аль-Акса, современные археологи так и не получили разрешения поработать там. В последние же годы группы израильских археологов вели раскопки с южной стороны горы, где и нашли вход в тоннель, который, как они установили, был выкопан тамплиерами в XII веке. В официальном отчете археологи указывали:

«Тоннель ведет в гору на глубину примерно тридцати метров от южной стены и заблокирован камнями и мусором. Мы знаем, что он идет у дальше, но мы строго придерживались правила: не копать в пределах Храмовой горы, находящейся ныне под мусульманской юрисдикцией, не получив разрешения соответствующих мусульманских властей. В данном случае они разрешили нам только измерить и сфотографировать открытую часть тоннеля, но не вести дальнейшие раскопки. Закончив нашу работу, мы завалили выход из тоннеля камнями».

И это все, что было известно или сказано о тоннеле тамплиеров. Археологи сумели лишь подтвердить, что он продолжается дальше, чем им разрешили забраться. Поскольку он вел с юга в глубь горы, я понял, что он вполне мог достигать самого центра святых мест и проходить непосредственно под Каменным куполом, находящимся примерно в сотне метров к северу от мечети Аль-Акса.

Каменный купол, как я обнаружил, получил свое название от лежащего внутри его огромного камня, известного евреям как «Шетийях» (буквально «основание»). Когда в 900

годах до н. э. был возведен храм Соломона на том самом месте, ковчег завета поставили на «Шетийях», который стал частью пола святая святых. В 587 году до н. э. храм был разрушен вавилонянами, которые увели в плен большую часть населения Иерусалима. Не осталось, однако, каких-либо свидетельств того, что завоеватели захватили и ковчег; напротив, он как бы растворился в воздухе.

Позже появилась легенда, дававшая вероятное объяснение случившемуся, с которым согласилось большинство евреев. По этой легенде за мгновение до того, как вавилонские мародеры ворвались в святая святых, священная реликвия была спрятана в тайной, засыпанной пещере под самим Шетийях.

Поскольку эта легенда воспроизводилась в ряде талмудических и мидрашских свитков и в популярном откровении, известном под названием «Видение Баруха», которые еще были широко распространены в Иерусалиме в XII веке, мне пришло в голову, что тамплиеры досконально знали эту интригующую легенду. Больше того, дальнейшее исследование помогло мне установить, что они вполне могли знать ее *до* 1119 года, когда официально появились в Иерусалиме. Основатель ордена Гуго де Пейен совершил еще в 1104 году паломничество в Святую землю вместе с графом де Шампань. Оба вернулись во Францию и, как было известно, находились там вместе с 1113 года. Три года спустя Гуго снова отправился в Святую землю, на этот раз один, и снова вернулся на родину — теперь уже для того, чтобы собрать еще восемь рыцарей, которые и сопровождали его в путешествии 1119 года и образовали ядро ордена тамплиеров.

Чем больше я размышлял над очередностью событий, тем вероятнее представлялось мне, что Гуго играф де Шампань могли во время своего паломничества в 1104 году услышать о том, что ковчег завета мог быть спрятан где-то внутри Храмовой горы. Если это так, рассуждал я, тогда не могло ли случиться, что они составили план поиска священной реликвии? И не объясняет ли это ту решительность, с которой девять рыцарей взяли под свой контроль Храмовую гору в 1119 году, как и многие другие странности их поведения в первые годы существования ордена?

Косвенное подтверждение своей догадки я нашел в принадлежащем перу Эммы Юнг авторитетном и заслуживающем доверия исследовании легенды о Граале. В своих отступлениях от основной темы аналитик утверждает, что захват Иерусалима в XII веке европейцами был инспирирован, по крайней мере отчасти, верой в то, что в этом городе спрятана некая могущественная, священная и бесценная реликвия. Юнг указывает далее:

«Такое глубоко укоренившееся представление о спрятанном сокровище способствовало тому, что призывы освободить Гроб Господень пробудили столь широкий отклик [и] придали столь мощный импульс крестовым походам, если только не оно само побудило — к их организации».

В то время не могло существовать реликвии более ценной или более священной, чем ковчег завета, который в столетии, необычайно одержимом поиском религиозных реликвий, вполне мог считаться высшей наградой. Поэтому мне представляется не просто возможным, но и весьма вероятным, что Гуго де Пейен и его соратник граф Шампаньский действительно руководствовались желанием найти ковчег и ради достижения этой цели могли организовать орден тамплиеров и взять под свой контроль Храмовую гору.

Если так оно все и было, тогда их постигла неудача. В XII веке, как выразился один историк, «знаменитая реликвия имела огромную цену». Обладание столь уникальной реликвией, как ковчег завета, принесло бы дополнительно огромную власть и престиж ее владельцам: Отсюда вытекает: если бы тамплиеры нашли ковчег, они бы обязательно доставили его с триумфом в Европу. Так как этого не случилось, мне представляется вполне логичным заключить, что они не нашли реликвию.

Однако слухи утверждали, что они нашли-таки *что-то* за семь лет интенсивных раскопок на Храмовой горе. Ни один из этих слухов не имеет никакого археологического подтверждения, но некоторые из них были действительно интригующими. Согласно одному мистическому труду, в котором делалась попытка определить, чем действительно занимались тамплиеры в Иерусалиме в 1119–1126 годах, «истинная задача девяти рыцарей заключалась в том, чтобы заполучить определенные реликвии и рукописи, содержащие суть тайных догматов иудаизма и Древнего Египта, некоторые из которых могли быть доставлены туда во времена Моисея… Не приходится сомневаться в том, что [они] выполнили эту частную задачу и что полученное ими таким образом знание передавалось из уст в уста в тайных кружках ордена».

Не было представлено никакого документированного доказательства в поддержку столь привлекательнбго утверждения. В том же источнике я с интересом обнаружил одно имя, с которым сталкивался несколько раз в своем исследовании, — Святой Бернар Клервоский. Именно он, утверждалось в этом источнике (тоже бездоказательно), послал девять рыцарей в Иерусалим.

Я знал уже, что Бернар был племянником одного из девяти рыцарей-основателей. Мне также было известно, что он присоединился в 1112 году к ордену цистерцианцев, в 1115 году стал аббатом и занял довольно высокое положение во французских религиозных кругах уже к 1119 году, когда первые тамплиеры прибыли в Иерусалим. Поэтому я посчитал неразумным отвергать с наскока возможность того, что он сыграл определенную роль в формулировании их задачи. Эта догадка получила подтверждение, когда я взялся за исследование того, что происходило с тамплиерами после первых, весьма любопытных лет их существования.

КОМПРОМИСС?

В конце 1126 года Гуго де Пейен неожиданно покидает Иерусалим и возвращается в Европу в сопровождении не кого иного, как Андре де Монбара — дяди Святого Бернара. Рыцари прибыли во Францию в 1127 году, а в январе 1128 года приняли участие в самом значительном в ранней истории тамплиеров событии. Речь идет о синоде в Труа, созванном с четкой целью заручиться официальной поддержкой ордена тамплиеров церковью.

Меня особенно интересовали три вещи касательно этого важного форума. Во-первых, он состоялся в родном городе поэта, который несколько лет спустя изобретет чашу Грааля; во-вторых, на нем председательствовал Святой Бернар в качестве секретаря и, в-третьих, в ходе заседаний синода сам Бернар составил официальный устав рыцарей-храмовников, который с тех пор направлял развитие ордена.

Если мои подозрения были оправданны, то получалось, что первые девять рыцарей изначально занимались раскопками на Храмовой горе в Иерусалиме. Какие бы вещи они ни откопали там, к 1126 году стало ясно, что им не удастся найти основной предмет поиска — ковчег завета. Понимание этого вынудило их задуматься о будущем. В частности, раз они утратили смысл своего существования, следовало ли им распустить орден или действовать и дальше?

История свидетельствует, что они действительно испытывали в 1126 году кризис самосознания, который они все же сумели преодолеть, решив действовать дальше и заручившись поддержкой Святого Бернара. На синоде в Труа он составил их устав и добился со стороны церкви поддержки их экспансии. Впоследствии, в ряде проповедей и ярких панегириков вроде «Де лау де нове милите» он всячески рекламировал молодой орден, используя собственный престиж и влияние для обеспечения его успешной деятельности.

Результаты превзошли все ожидания. В орден вступали новые рекруты со всей Франции, а затем и из других стран Европы. Состоятельные патроны дарили ордену земли и деньги, и стремительно росло его политическое влияние. К концу XII века орден стал феноменально

богатым, руководил совершенной международной банковской сетью и имел свои владения во всем известном тогда мире.

И все это происходило благодаря, в какой-то степени, выступлению Святого Бернара в 1128 году в его поддержку и его постоянной помощи в последующие годы. Подыгрывал ли он тамплиерам из чистого альтруизма? Или они дали ему что-то взамен?

Вспомним, что именно в тридцатые годы двенадцатого столетия на французской сцене неожиданно и таинственно появилась готическая архитектура, что Бернар был инициатором распространения готической формулы и что ходили упрямые слухи, указывающие на то, что тамплиеры получили в Иерусалиме доступ к какому-то важному древнему знанию. Я не мог не задаться вопросом: а не было ли это результатом своеобразного обмена? Рыцари, несомненно, потерпели неудачу в поисках ковчега завета. Но что если в ходе своих раскопок на Храмовой горе они откопали какие-то свитки, рукописи, расчеты или планы, связанные с самим храмом Соломона? Что если эти открытия включали некие утраченные архитектурные секреты геометрии, пропорции, равновесия и гармонии, которые были известны строителям пирамид и других великих памятников античности? И что, если тамплиеры поделились этими секретами со Святым Бернаром в обмен на его восторженную поддержку их ордена?

Подобные размышления не были лишены оснований. Тем более что одна из связанных с тамплиерами странностей состояла в том, что они были великими архитекторами. В 1139 году папа Иннокентий II (кандидатуру которого, кстати сказать, также энергично поддержал Святой Бернар) даровал ордену уникальную привилегию: право строить собственные церкви. Этой привилегией тамплиеры широко пользовались: прекрасные места отправления религиозных обрядов, часто круглые в плане, вроде церкви Храма в Лондоне, стали свидетельством активности тамплиеров.

Рыцари также зарекомендовали себя превосходными военными строителями, их замки в Палестине были исключительно хорошо спроектированы и практически неприступны. Среди этих внушительных крепостей выделялся Атлит (Шато Пелерен или Замок Паломника), который, как я узнал позже, была построена в 1218 году четырнадцатым великим магистром тамплиеров Вильгельмом Щартрским, в самом имени которого видна связь с великим готическим собором.

Сооруженный к югу от Хайфы на окруженном с трех сторон морем мысе, Атлит в свою лучшую пору имел свежую воду, собственные сады и огороды и даже собственную бухту и судоверфь вместе с пирсом длиной в двести футов. Сарацины часто осаждали его, но так и не смогли взять. Он мог дать убежище четырем тысячам человек. Его массивные стены, возведенные на необычайно глубоких фундаментах, имели более девяноста футов в высоту и шестнадцать футов в толщину и были сложены так искусно, что до сих пор сохранились их крупные секции. В 1932 году там производил широкомасштабные раскопки археолог С. Н. Джонс. Он пришел к выводу, что архитекторы и каменщики тамплиеров далеко опередили обычных средневековых строителей и были «исключительно» хорошими мастерами даже по современным меркам.

Тамплиеры много строили и в Иерусалиме, где они продолжали держать свою штаб-квартиру на Храмовой горе вплоть до того, как священный город был вновь захвачен мусульманами в 1187 году. Я вычитал, что в 1174 году паломничество в Иерусалим совершил немецкий монах Теодерик, который сообщает, что все здания в районе Каменного купола все еще находятся «во владении солдат тамплиеров». И добавляет:

«Они стоят гарнизоном в этих и других зданиях, принадлежащих им… Под ними находятся конюшни, возведенные еще царем Соломоном… со склепами, арками и крышами самых разных типов… По нашим прикидкам, в этих конюшнях могут разместиться десять тысяч коней с конюхами».

На самом деле конюшни не были сооружены царем Соломоном, а восходят к временам царствования Ирода Великого (современника Христа). Склепы же, арки и крыши принадлежали работе самих тамплиеров, которые значительно расширили подземные галереи и были первыми и единственными, кто использовал их для размещения коней.

«Свидетель» Теодерик так описывает дальше Храмовую гору в 1174 году:

«С другой стороны от дворца [мечети Аль-Акса] тамплиеры построили новое здание, его высота, ширина и длина, его подвалы и трапезные, лестница и крыша совершенно не согласуются с обычаями этой страны. Действительно, его крыша так высока, что, упомяни я ее высоту, никто из, слушателей мне не поверил бы».

«Новое здание», описанное Теодериком в 1174 году, было, к сожалению, снесено в 50-е годы нынешнего столетия во время предпринятой мусульманскими властями реконструкции Храмовой горы. И все же свидетельство немецкого монаха ценно само по себе, особенно своей, как мне кажется, восторженной тональностью. Он явно считал архитектурное искусство тамплиеров сверхъестественно передовым, причем особое впечатление на него произвели возведенные ими парящие крыши и арки. Перечитывая его впечатления, я понял, что он далеко не случайно заостряет внимание на парящих крышах и арках, составляющих отличительную черту готической архитектуры, типичную для Шартрского и других французских соборов XII века. Многие наблюдатели, как мне известно, считают, что «в научном плане… они выходят далеко за пределы свойственных той эпохе знаний».

И это опять привело меня к Святому Бернару Клервоскому. Исследовав более досконально то, что известно о его жизни и идеях, я смог найти подтверждение своему раннему впечатлению, согласно которому он оказал сильное воздействие на иконографию готических соборов, но оно не было непосредственным и проявилось в форме, главным образом, скульптурных групп и цветных витражей, которые были вдохновлены его проповедями и писаниями, подчас уже после его кончины. В самом деле, при жизни Бернар часто *противился* излишней множественности образов и утверждал: «Не должно быть украшения, только пропорция».

Такое подчеркивание пропорции, гармонии и равновесия в архитектуре было ключом к странной магии готики. По мере ознакомления со взглядами Святого Бернара я понял, что именно в этом смысле он оказал наиболее глубокое влияние на проекты Шартрского и других соборов. Внедрение ряда примечательных технических новшеств при строительстве этих великолепных зданий вроде ребристых сводов, стрельчатых арок летящих контрфорсов позволило строителям использовать геометрическое совершенство — для выражения сложных религиозных идей. В самом деле, представляется, что архитектура и вера слились в готике двенадцатого столетия, создав новый синтез. Этот синтез был подытожен самим Святым Бернаром, когда он вопросил: «Что есть Бог?» — и ответил на собственный риторический вопрос удивительными словами: «Длина, ширина, высота и глубина».

Готическая архитектура, как я уже знал, родилась с началом строительства в 1134 году северной башни Шартрского собора. Это, я знаю теперь, не было случайным. В годы, непосредственно предшествовавшие 1134-му, Бернар очень подружился с епископом Шартра Жоффреем и вдохновил его «с необычным энтузиазмом» на применение готической формулы, ведя при этом «почти ежедневные переговоры с самими строителями».

При всей занимательности этой информации ее великое значение для моих целей заключается в том факте, что «годы, непосредственно предшествовавшие 1134 году», были также годами, непосредственно последовавшими за синодом в Труа, где Святой Бернар добился официального признания церковью ордена бедных рыцарей Христа и храма Соломона. Историки так и не смогли объяснить должным образом внезапное возникновение готической архитектуры во Франции 30-х годов двенадцатого столетия. Моя же ранняя догадка о том, что этому способствовали тамплиеры, приобретала теперь все большую

достоверность. Пересматривая все собранные мною свидетельства, я испытал такое ощущение, будто тамплиеры действительно откопали на Храмовой горе какое-то хранилище древних знаний по строительному искусству и могли передать эти знания Святому Бернару в обмен на его поддержку.

Мало того, интерес тамплиеров к ковчегу завета и их связи с Вольфрамом и Шартром также довольно точно объясняли схожесть двух закодированных «карт», которые, как мне верилось, я сумел опознать (одна, изваянная из камня, — в северном портале собора и другая — зашифрованная в сюжете «Парсифаля»). Эти карты, похоже, подсказывали, что Эфиопия стала последним «домом покоя» Ковчега. Теперь у меня возник следующий вопрос: как могли тамплиеры прийти к выводу, что святая реликвия (которую они не сумели отыскать в течение семи лет раскопок в Иерусалиме) действительно была перевезена в Эфиопию? Что привело их к этой мысли?

Ответ, как я обнаружил, можно было найти в самом Иерусалиме, где эфиопский принц пребывал четверть века, прежде чем вернуться на родину в 1185 году, чтобы притязать на свое царство. Всего лишь десятилетие спустя Вольфрам приступил к написанию своего «Парсифаля» и началось сооружение северного портала Шартрского собора.

ЭФИОПСКИЙ ПРИНЦ В ИЕРУСАЛИМЕ

Принца, проведшего столько времени в изгнании в Иерусалиме, звали Лалибела. Я заинтересовался им из-за «письма Престера Джона», упомянутого в предыдущей главе. Письмо было написано в 1165 году, а в 1177 году, как мне было известно, папа Александр III написал ответ «Престеру Джону» на требования «эмиссаров Престера» предоставить алтарь и часовню в церкви Гроба Господня в Иерусалиме. Согласно Британской энциклопедии, «единственным реальным лицом», которому могло быть направлено письмо папы, был царь Эфиопии. Я, естественно, задался вопросом, какой царь восседал на эфиопском престоле в 1177 году. Исследуя этот вопрос, я обнаружил, что его звали Харбай и что уступка была сделана не ему, а, скорее, его преемнику Лалибеле.

Ни Харбай, ни Лалибела не принадлежали к ветвям династии монархов, предположительно бравшей начало от царя Соломона и царицы Савской через Менелика I. Оба они принадлежали к династии узурпатора, известного как Загве, которая правила Эфиопией примерно с 1030 по 1270 год, когда Соломониды вернулись наконец на трон.

Весьма мало известно о том периоде эфиопской истории. Мне удалось подтвердить вся же, что линия Соломонидов была прервана приблизительно в 980 году и что государственный переворот был совершен вождем одного племени, женщиной по имени Гудит, которая обратилась в иудаизм и которая руководствовалась прежде всего желанием уничтожить христианскую религию. Как бы то ни было, она атаковала Аксум, сровняла с землей большую часть древнего города и сумела умертвить императора, ведущего свою родословную от царя Соломона. Были убиты и два принца, а третий спасся в провинции Шоа далеко на юге, где он женился и обзавелся детьми, обеспечив тем самым выживание древней династии.

Гулит была вождем большого объединения племен, известного под названием «агав», к которым принадлежали и туземные черные евреи Эфиопии — фалаши. Хотя неизвестно, оставила ли она прямого наследника, историки сходятся во мнении, что на протяжении пятидесяти лет после ее смерти большая часть северной Эфиопии была объединена под правлением монархов из династии Загве, которые, как и Гудит, происходили из племен агав.

В первые годы эта династия могла — подобно Гудит — исповедовать иудаизм. Если так оно и было (что не доказано), то она все же обратилась в христианство задолго до рождения принца Лалибелы в 1140 году в древнем горном городе Роха, являющемся ныне частью провинции Волло.

Младшему сводному брату царя Харбая Лалибеле было явно предназначено величие с того момента, когда его мать увидела густой рой пчел, окруживший принца в его люльке. Вспомнив старое поверье, гласившее, что животный мир может предсказать будущее важных персон, как говорится в легенде, она была охвачена духом прорицания и воскликнула: «Лалибела», что означает буквально:

«Пчелы признали его владычество».

Так принц подучил свое имя. Пророчество, заложенное в нем, заставило Харбая опасаться за свой трон до такой степени, что он попытался организовать убийство Лалибелы, пока тот еще был грудным ребенком. Это первое покушение не удалось, но в течение нескольких лет продолжалось его преследование, вплоть до применения смертельного яда, от которого юный принц погрузился в каталептическое оцепенение. В эфиопских легендах говорится, что этот ступор продолжался три дня, во время которых Лалибела был перенесен ангелами на первое, второе и третье небо. Там к нему обратился сам Всемогущий, призвавший его не беспокоиться о своей жизни и будущем царствовании. Его предназначение предопределено, и он был миропомазан для него. После пробуждения от транса он должен бежать из Эфиопии и найти убежище в Иерусалиме. И он мог быть спокоен: когда придет его время, он вернется в свой родной город Роха царем. Также ему предопределено построить ряд удивительных церквей, подобных которым мир еще не видел. Затем Бог дал Лалибеле подробные инструкции относительно методики строительства, формы, которую должна иметь каждая церковь, их местоположения и даже их внешних и внутренних украшений.

Легенда и история совпали в одном хорошо документированном факте: Лалибела действительно долго прожил в изгнании в Иерусалиме, пока его сводный брат Харбай продолжал занимать трон Эфиопии. Его эмиграция началась, как мне стало известно, около 1160 года — когда Лалибеле было приблизительно двадцать лет — и завершилась в 1185 году, когда он с триумфом вернулся на родину, низложил Харбая и провозгласил себя царем.

С тех пор велась достоверная хроника его правления, продлившегося до 1121 года. Своей столицей он сделал Роху — город, в котором он родился и который теперь был переименован в его честь в Лалибелу. Почти сразу же он приступил к осуществлению своего легендарного видения, начав строить одиннадцать прекрасных монолитных церквей, буквально высеченных из твердой вулканической породы. (В 1983 году я посетил эти церкви после поездки в Аксум — они все еще функционировали.)

Не забыл Лалибела и о своем вынужденном двадцатипятилетнем пребывании в Святой земле, многие черты которой он попытался воспроизвести в Рохе-Лалибеле. Например, протекавшая по городу река была переименована в Иордан; одна из одиннадцати церквей — Бета Голгофа должна была символизировать церковь Гроба Господня в Иерусалиме, а близлежащий холм был назван Дебра Зейт («Масличная гора»), как то место, где был схвачен Христос.

Не удовольствовавшись превращением своей столицы в «Новый Иерусалим», эфиопский царь на протяжении всего своего правления старался развивать тесные отношения с самим Иерусалимом. В этом, как я обнаружил, не было ничего нового. С конца IV века духовенство Эфиопской православной церкви держало постоянное посольство в Священном городе. Исходя именно из желания расширить и укрепить свое присутствие там, Харбай и просил папу Александра III о предоставлении алтаря и часовни в церкви Гроба Господня. Из этого ничего не вышло, если не считать довольно уклончивого письма, посланного папой в 1177 году в ответ на эту просьбу. Десятилетие спустя имели место два важных события: в 1187 году Саладин изгнал крестоносцев из Священного города и вынудил эфиопскую общину бежать вместе с другими восточными христианами на Кипр.

Царские летописи показали, что Лалибела был серьезно обеспокоен таким поворотом событий, и в 1189 году его посланцы сумели убедить Саладина, чтобы он разрешил эфиопам вернуться и предоставил им в собственность главное место — придел Обретения Креста в церкви Гроба Господня. Впоследствии, в относительно новые времена они утратили эти привилегии, и, как я узнал, абиссинским паломникам пришлось отправлять свои службы на крыше указанного придела, где они устроили свой монастырь. Им еще принадлежали две другие церкви в Иерусалиме, а также крупный патриархат, расположенный в сердце Старого города, в нескольких минут ходьбы от церкви Гроба Господня.

В области внешней и внутренней политики, а также в архитектурном искусстве и духовном развитии царствование Лалибелы стало зенитом достижении династии Загве. После смерти Лалибелы начался глубокий упадок. В конце концов в 1270 году его внук Наакуто Лааб был вынужден отречься от престола в пользу Иекуно Амлака — монарха, притязавшего на Соломонову родословную. С тех пор и до свержения Хайле Селассие во время коммунистической революции 1974 года все императоры Эфиопии, кроме одного, принадлежали к царской линии, восходившей через Менелика I к царю Соломону.

РЯД СОВПАДЕНИЙ

Из всего, что я узнал о просвещенном правлении Лалибелы, вытекало, что оно превосходно вписывалось в схему совпадений, в которых я уже установил связь с крестовыми походами, с тамплиерами и XII веком:

• В самом начале двенадцатого столетия (точнее, в 1099 г. — предпоследнем году XI века) Иерусалим был завоеван крестоносцами.

• В 1119 году девять рыцарей — основателей ордена тамплиеров — (все из французского дворянства) прибыли в Иерусалим и обосновались на месте первого храма Соломона.

• В 1128 году Святой Бернар Клервоский добился официального признания ордена тамплиеров синодом в Труа.

• В 1134 году началось возведение северной башни Шартрского собора — первого образца готической архитектуры.

• В 1145 году впервые в Европе услышали имя «Престер Джон».

• В 1160 году принц Лалибела — будущий монарх Эфиопии, прибыл в Иерусалим как политический эмигрант, спасаясь от преследования сводного брата Харбая (занимавшего в то время трон).

• В 1165 году в Европе ходило адресованное «ряду христианских царей» письмо, предположительно написанное «Престером Джоном» и наводившее страх описанием его огромных армий, несметных богатств и сильной власти.

• В 1177 году папа Александр III написал ответ на вышеуказанный документ, но, что примечательно, сослался в нем на другое послание, полученное позже: требование «Престера Джона» предоставить алтарь в церкви Гроба Господня в Иерусалиме. Это требование, похоже, было передано эмиссарами «Престера» личному врачу папы Филипу во время визита последнего в Палестину. («Престером Джоном», потребовавшим такой уступки, мог быть только сводный брат Лалибелы Харбай, который в том году еще пребывал на эфиопском троне.)

• В 1182 году впервые в литературе (а значит, и в истории) появляется чаша Грааля, а именно — в незаконченной эпической поэме Кретьена де Труа.

• В 1185 году принц Лалибела покинул Иерусалим и вернулся в Эфиопию, где сумел низложить Харбая и захватить трон. Почти сразу же он приступил к строительству группы великолепных церквей, выдолбленных из камня, в своей столице Роха, позже переименованной в его честь в Лалибелу.

• В 1187 году Иерусалим был захвачен армией султана Саладина, изгнавшего крестоносцев вместе с членами эфиопской общины Священного города, нашедшими временное пристанище на острове Кипр. (Кое-кто из тамплиеров также обосновался на Кипре — на деле после падения Иерусалима рыцари купили остров, ставший на какое-то время их штаб-квартирой.)

• В 1189 году посланные к Саладину эмиссары царя Лалибелы сумели убедить мусульманского полководца разрешить эфиопам вернуться в Иерусалим и дать им привилегию, которой они никогда раньше не пользовались и которой Харбай добивался от папы в 1177 году, а именно: придел и алтарь в церкви Гроба Господня.

• Между 1195 и 1200 годами Вольфрам фон Эшенбах приступил к написанию «Парсифаля», ставшего продолжением более раннего произведения Кретьена де Труа, превратившего Грааль в камень, включившего эфиопские элементы в повествование и упоминавшего конкретно как «Престера Джона», так и тамплиеров.

• В то же самое время начались работы по сооружению северного портала шартрского собора с его эфиопской царицей Савской, Граалем (с камнем) и изображением ковчега завета.

Итак, тамплиеры, готическая архитектура, Святой Грааль и представление о существовании где-то в мире сильного неевропейского христианского царя по имени «Престер Джон» были продуктами двенадцатого столетия. В том же столетии, как раз перед завершением строительства северного портала Шартрского собора и написания «Парсифаля», будущий христианский царь Эфиопии Лалибела вернулся на родину, чтобы занять трон, после двадцатипятилетнего пребывания в Иерусалиме.

Из всего узнанного мной вытекало, что все эти события как-то замысловато связаны неким общим знаменателем, оказавшимся неизвестным истории, потому, быть может, что его скрывали преднамеренно. Убедительное доказательство того, что тамплиеры искали — сначала в Иерусалиме, а затем и в Эфиопии — ковчег завета, дало бы такой скрытый общий знаменатель — утраченное звено в сложной цепи взаимосвязанных событий, идей и личностей, которые я идентифицировал. На какое-то мгновение мне даже показалось, что я сделал все что мог в части моего исследования, касавшейся Иерусалима. А что же с Эфиопией? Есть ли там вообще какие-либо свидетельства того, что тамплиеры могли посетить эту страну в поисках ковчега и затем закодировать результаты своего поиска в загадочном вольфрамовском символизме, в его «камне, названном Грааль»?

«ЭТИ ВЕРОЛОМНЫЕ ТАМПЛИЕРЫ...»

Первый успех пришел, когда я заполучил английский перевод полного текста письма, предположительно написанного самим Престером Джоном ряду христианских королей в 1165 году. В отличие от письма папы Александра III Престеру Джону, датированного 1177 годом (и бывшего, как я теперь знаю, подлинным документом, адресованным сводному брату Лалибелы Харбаю), письмо 1165 года вызывало серьезные подозрения ученых. Его дата была подлинной, но считалось совершенно невероятным, что оно могло быть написано кем-то, имевшим право претендовать на титул «Престер Джон», и поэтому к нему относились как к искусной подделке.

Читая его, я понял, почему так было. Если верить автору, в его «царстве» жили — среди прочих — «дикие зайцы величиной с овцу», «птицы под названием грифоны, которые с легкостью могли притащить в свои гнезда быка или лошадь», «рогатые люди с одним глазом на лбу и тремя или четырьмя глазами на затылке», «люди с копытами как у лошадей», «лучники, которые выше пояса люди, а ниже пояса — лошади», фонтан молодости, «песочное море», в котором «любые осколки… превращаются в драгоценные камни», «древо жизни», «семиглавые драконы» и т. д., и т. п. В земле Престера Джона, похоже, можно было найти любое мифическое животное или вещь. Однако в письме не уточнялось, где именно

находится эта страна, если не считать ссылки на «многие Индии», упоминавшиеся в предыдущей главе (и относившиеся, как я уже знал, скорее к Эфиопии, нежели к полуострову Индостан). Больше того, тут и там среди сказочных существ встречались и животные, могущие принадлежать к реальному миру: «слоны» и «одногорбые верблюды», к примеру, а также «единороги» с «единственным рогом во лбу», весьма напоминающие носорогов — тем более что о них часто говорили: «Они убивают львов».

Такие детали заставляли меня задаваться вопросом: может, автор письма не был простым шутником, а прекрасно знал все об Эфиопии (где, конечно же, можно было найти и верблюдов, и слонов, и львов, и носорогов)? Моя догадка, что Так оно и было, укрепилась, когда я обнаружил упоминание «царя Александра Македонского» в связи с «Гогом и Магогом». Я обратил на это внимание, так как вспомнил, что Александр Великий, Гог и Магог были связаны почти в той же манере в очень древней эфиопской рукописи под названием «Лефафа Седек» («Ободок добродетельности»), предположительно остававшейся неизвестной вне Абиссинии до XIX века.

Другим примечательным пунктом было утверждение «Престера Джона» о проживании в его христианском царстве большого числа евреев, которые вроде бы пользовались полуавтономией и с которыми часто приходилось вести войны. Опять же здесь проявлялся привкус эфиопских реалий: вслед за еврейским восстанием во главе с Гулит в X веке (в результате которого временно была свергнута династия Соломона) на протяжении нескольких столетий не затухал конфликт между эфиопскими евреями и христианами.

В целом же, несмотря на многие фантастические и явно сомнительные аспекты письма, я не мог поверить в то, что оно было фальшивкой. Больше того, мне казалось, что главное его назначение состояло в том, чтобы произвести впечатление на европейских правителей и запугать тех, кому оно было адресовано. В этой связи я обратил особое внимание на частые ссылки на величину вооруженных сил «Престера». Например:

«У нас есть… сорок два замка — самые укрепленные и красивые в мире и множество людей на их защите, а именно: десять тысяч рыцарей, шесть тысяч арбалетчиков, пятнадцать тысяч лучников и сорок тысяч пеших воинов… Куда бы мы ни приходили с войной… знайте, впереди нас идут сорок тысяч священников и такое же число рыцарей. Затем следуют двести тысяч пеших воинов, не считая телег с провизией, слонов и верблюдов, груженных оружием».

В этом воинственном монологе самым примечательным было то, что он каким-то образом был связан с чем-то враждебным, а именно: с тамплиерами. В разделе, явно адресованном «царю Франции», прямо говорится:

«Среди вас есть французы — из вашего дома и свиты, которые спутались с сарацинами. Ты доверяешь им и веришь в то, что они должны помочь и помогут тебе, но они лживы и вероломны… Будь же мужествен и смел и, пожалуйста, не забудь отправить на смерть этих вероломных тамплиеров».

Опираясь на эту зловещую подсказку в контексте остального содержания причудливого письма, я задался вопросом: кто из кандидатов на роль «Престера Джона» в 1165 году мог иметь причины, (а) для попытки напугать европейские державы в целом похвальбой о собственной военной силе и (б) облить грязью тамплиеров и, в частности, потребовать «предания их смерти»?

Единственный возможный ответ: это был Харбай — правитель Эфиопии в 1165 году из царствующей династии Загве, который, как я уже упоминал, был явным адресатом письма, написанного Престеру Джону папой Александром III в 1177 году.

Одним из оснований для идентификации мною Харбая в качестве реального автора якобы подложного письма 1165 года был терминологический фактор. В ходе исследования я обнаружил, что все монархи династии Загве любили использовать эфиопское название «джан» в перечне своих званий. Производное от «джано» (красно-пурпурная тога, которую

носили только царствующие лица), это название означало «царь» или «величество» и с легкостью могло быть спутано с именем «Джон». В самом деле, быть может, именно поэтому (вкупе с тем фактом, что несколько правителей из династии Загве были также и священниками) и возникло словосочетание «Престер Джон». [14]

Но имелась и более основательная причина подозревать Харбая. Именно он столкнулся в 1165 году с острой политической проблемой. К тому времени его недовольный сводный брат Лалибела (которому было суждено низложить Харбая) пробыл в изгнании в Иерусалиме уже пять лет — достаточно долго, рассуждал я, для того, чтобы познакомиться и даже подружиться со многими тамплиерами. Быть может, он даже просил рыцарей помочь ему свергнуть Харбая, и весть об этом дошла до самого Харбая.

Подобный сценарий, думалось мне, не так уж недостоверен. Последовавшее вскоре обращение к папе о предоставлении части церкви Гроба Господня (переданное в Палестине «достойными людьми» царства «Престера Джона») подсказывает, что Харбай регулярно посылал эмиссаров в Иерусалим. Они же вполне могли разузнать о затевавшемся в 1165 году заговоре Лалибелы и тамплиеров. Если так оно и было на самом деле, это, несомненно, могло сыграть большую роль в объяснении странно угрожающей подсказки королю Франции о том, что было бы неплохо казнить «вероломных тамплиеров» (в большинстве своем французов в то время). «Письмо Престера Джона» — по крайней мере, согласно данной гипотезе — могло быть «состряпано» агентами Харбая в Иерусалиме для того, чтобы избежать сговора между тамплиерами и принцем Лалибелой.

Такая цепочка умозаключений представляется весьма привлекательной. Но она же кажется и опасно спекулятивной, и я бы отказался от следования ей, если бы не нашел в «Парсифале» определенные места, которые, казалось, подтверждали, что тамплиеры вполне могли вступить именно в такого рода союз с Лалибелой, которого, несомненно, опасался Харбай.

«В ГЛУБЬ АФРИКИ…»

Написанный через несколько лет *после* того, как Лалибела сверг Харбая с трона Эфиопии, «Парсифаль» содержал ряд прямых указаний на тамплиеров, которые, как я уже отмечал, описывались как члены «Роты Грааля».

Мне показалась интригующей несколько раз повторенная Вольфрамом подсказка в том духе, что время от времени тамплиеры отправлялись на заморские задания, которые были сугубо секретными и имели отношение к завоеванию Политической власти. Например:

«На Граале была надпись, гласящая, что любой тамплиер, которому Бог жалует народ в далекой стране… должен запретить этому народу спрашивать его имя или родословную, но призван помочь ему завоевать свои права. Как только ему (тамплиеру) будет задан подобный вопрос, такой народ не может доле удерживать его у себя».

Или:

«Если страна потеряет своего господина и ее народ увидит в этом руку Господа и попросит нового господина у роты Грааля, его мольба должна быть удовлетворена… Бог посылает людей втайне».

Все это очень любопытно, но то, что привлекло мое особое внимание, появилось на следующей странице в длинном монологе члена роты Грааля, который рассказывал среди прочих вещей о путешествии «в глубь Африки… дальше Рохаса».

Ученые, как я обнаружил, ориентировочно отождествляли «Рохас» с Рохитшер Берг в Саангау Стирий. Но подобная этимология представляется мне абсолютно ложной: это вовсе не вытекало из контекста, в котором лишь упоминалась Африка, и меня совершенно не убедили их доводы. Однако я знал кое-что, чего не могли знать специалисты по Вольфраму из университетов Германии и Англии: *Роха* — это старое название города, затерянного в самом глухом высокогорье Эфиопии, ныне называемого Лалибела в честь великого царя,

который родился в нем и сделал его своей столицей, вернувшись туда с триумфом в 1185 году. Эксперты по средневековой немецкой литературе не могли знать и того, что тот же Лалибела провел предварительно четверть века в Иерусалиме, общаясь с рыцарями военно-духовного ордена, штаб-квартира которого находилась на месте храма Соломона, с рыцарями, явно проявлявшими интерес к любому претенденту на трон в стране, в распоряжении которой якобы находился ковчег завета, для хранения которого и был построен храм. Теперь передо мной с необходимостью встал вопрос: существуют ли какие-либо свидетельства о том, что Лалибелу сопровождали рыцари-тамплиеры, когда он в 1185 году вернулся в Эфиопию и сверг Харбая?

Я не предполагал, что легко найти ответ на этот вопрос. К счастью, в 1983 году я побывал в городе Лалибела, когда работал над книгой для эфиопского правительства, и сохранил свои «полевые» дневники. Последние я изучил с особым тщанием. К своему удивлению, я почти сразу наткнулся на любопытные сведения.

На потолке вытесанной из скалы церкви Бета Мариам (еще одно место поклонения Святой Деве Богородице) я заметил «выцветшие красные кресты вроде тех, что использовали крестоносцы». Тогда я отметил: «Они вовсе не похожи на обычные эфиопские кресты. Проверить их происхождение по возвращении в Аддис-Абебу». Я даже сделал набросок одного из таких «крестов крестоносцев» (имеющих треугольные ветви). И, хотя я этого не помнил, я продолжил исследование этого вопроса: под рисунком другими чернилами я позже добавил: «круа пате» («крест с расширяющимися перекладинами»).

Еще в 1983 году я узнал, что эмблемой тамплиеров — принятой после того, как синод в Труа официально признал орден в 1128 году — был как раз красный «круа пате». Но узнал я об этом лишь в 1989 году. Мало того, мне уже было известно, что на протяжении всей своей истории тамплиеры были связаны со строительством великолепных церквей.

Неизбежно у меня появились новые вопросы. Без преувеличения можно утверждать, что одиннадцать церквей Лалибелы были в архитектурном плане самыми совершенными зданиями, когда-либо возведенными в Эфиопии (по просвещенному мнение ЮНЕСКО, они заслужили признания как одно из чудес света) [16]. Больше того, их окружает некая атмосфера загадочности: в стране были и другие вытесанные из скал церкви, но ни одна из них даже отдаленно нс походила на эти одиннадцать. В самом деле, с точки зрения мастерства и эстетики монолиты Лалибелы уникальны. Еще ни один эксперт не смог предположить, как именно они были сооружены, и ходят упорные слухи, что в их строительстве принимали участие иностранцы. Несколько академиков высказывали предположения, что царь Лалибела нанимал каменщиков из числа индийцев или египетских коптов. А эфиопские легенды приписывали стройки ангелам! Теперь я задался вопросом: не были ли тамплиеры истинными строителями церквей Лалибелы.

Мои «Полевые дневники» 1983 года определенно рисовали картину фантастического архитектурного комплекса:

«Вздымающиеся сооружения (записал я тогда) церкви остаются местами богослужения, восемьсот лет спустя после их строительства. Важно подчеркнуть, однако, что они вовсе не были построены в общепринятом понимании, а вырыты и вытесаны непосредственно из монолитного красного вулканического туфа, на котором они и стоят. Вследствие этого они кажутся сверхъестественными не только по своим размерам, но и по мастерству исполнения и замыслу.

Необходимо тщательное изучение, для того чтобы оценить по достоинству эту необычную архитектуру. Подобно другим средневековым загадкам, и здесь были предприняты усилия для того, чтобы скрыть их реальную природу. Эти тайны скрыты в глубоких траншеях и в огромных пещерах разработанных карьеров. Все это объединяет сложный и поразительный лабиринт тоннелей и узких проходов с ответвляющимися

склепами, гротами и галереями — холодный, покрытый лишайником подземный мир, темный и влажный, тихий, если не считать эха далеких шагов священников и дьяконов, занимающихся своим непреходящим делом.

Четыре церкви стоят совершенно обособленно, прикованные к окружающим скалам только своим основанием. Хотя их размеры различаются, и довольно сильно, все они имеют форму больших каменных холмов, возведенных наподобие обычных зданий. Они полностью изолированы в границах глубоко вырытых дворов. Самой поразительной из них является Бета Гиоргис (церковь Святого Георгия). Она стоит в величественном одиночестве на приличном удалении от остальных. Эта церковь возвышается больше чем на сорок футов в центре глубокого, похожего на колодец углубления. Вытесана она была как внешне, так и внутренне таким образом, что своим внешним и внутренним видом напоминает крест. Внутри имеется безукоризненный купол над святая святых, и все работы выполнены с непревзойденным мастерством».

Свои записки 1983 года, из которых привожу выше лишь отрывки, я закончил следующим вопросом:

«Если отвлечься от гипотетической помощи ангелов, то каким именно образом были созданы чудеса Лалибелы? Сегодня, по правде говоря, этого не знает никто. Техника выдалбливания и высекания камня в сталь крупном масштабе и с таким совершенством давно затерялась в тумане истории».

Летом 1989 года, просматривая свои записки шестилетней давности, я с тревогой осознал, что этот туман почти не рассеялся и что мне предстоит еще многое узнать. Интуиция подсказывала, что тамплиеры могли участвовать в создании комплекса Лалибелы. Но дело в том, что не было фактически никакого подтверждения этого предположения, кроме красных «крестов крестоносцев», которые я видел нарисованными на потолке церкви Святой Марии (одной из четырех совершенно обособленных церквей).

И все же настоящая загадка окутывала происхождение этих церквей. Эта загадка отражалась в неспособности ученых объяснить, как они были выдолблены и кто мог быть их архитекторами. Это отразилось и на утверждении некоторых обитателей Лалибелы, настаивающих на том, что в «стройке» участвовали ангелы. Сейчас, изучая свои «полевые дневники» 1983 года, я открыл, что у загадки имеются и иные измерения.

Внутри церкви святой Марии, записал я тогда, священник подвел меня близко к занавешенному входу в святая святых и показал там высокий столб. Я описал его следующим образом:

«Толщиной со ствол дерева приличных размеров, он стремительно возносится из скального пола и исчезает в дымке наверху. Он полностью обернут по спирали в очень древнюю, выцветшую ткань с едва заметными остатками полинявших красок. Священник утверждает, что это священный столб и что на нем выгравированы письмена самого царя Лалибелы. Якобы они рассказывают о секретах того, как были созданы вытесанные из камня церкви. Я поинтересовался, можно ли отодвинуть ткань, чтобы прочитать эти секреты, и бедный священник пришел в ужас. «Это было бы святотатством, — сказал он мне. — Покрывало никогда не убирается».

Как ни горько признаваться, но в моих записках нет больше ничего по этому вопросу. Я записал дальше лишь свои впечатления от «крестов крестоносцев» и покинул церковь святой Марии, чтобы посетить следующий храм комплекса.

Закрывая свою потрепанную большую походную тетрадь, с которой путешествовал в 1983 году, я почувствовал нечто похожее на запоздалую ярость на себя за отсутствие у меня в то время должного любопытства. В Лалибеле было *столько* вещей, которые я так и не удосужился изучить. Остались незаданными столько вопросов, которые я обязан был задать. Золотые шансы, охотно предлагали мне себя повсюду, а я пренебрег ими.

С тяжелым вздохом я обратился к стопке справочных материалов, которые собрал по Эфиопии. Целая куча фотокопий ценных, но — казалось мне — не имеющих отношения к делу академических материалов. Но попался среди них и труд, казавшийся многообещающим. Озаглавленный «Престер Джон из Индий», это был перевод на английский отчета португальского посольства, побывавшего в Эфиопии в 1520–1526 годах. Написанный отцом Франсишко Алварешом, он насчитывает более пятисот страниц. Впервые его опубликовали в Лиссабоне в 1540 году, а в 1881 году он был переведен на английский девятым бароном Стенли Олдерлейским.

Я пользовался относительно новым (1961 года) изданием перевода лорда Стенли. Его редакторы — профессора К. Ф. Бекингем и Дж. У. Б. Хантингфорд из Лондонского университета — называли Алвареша «на редкость глупым или недоверчивым… добрым, тактичным, разумным человеком… свободным от непорядочности путешественником, пытающимся преувеличить свои познания». Вот почему повсеместно ученые считают, что его сочинение «представляет большой интерес благодаря их необычайной подробности [и] служит важным источником по эфиопской истории».

Держа в голове такую блестящую характеристику, я обратился к странице 205 первого тома, где Алвареш начинает описывать свое посещение Лалибелы. Я мог лишь восхищаться пространным описанием каждой церкви с его исчерпывающими подробностями и его простым деловым языком. Наиболее поразительным мне показалось то, как мало изменилось за четыре с половиной столетия, прошедшие между визитом Алвареша и моим собственным. Приводилось даже описание покрывала столба в церкви святой Марии! Приведя другие детали интерьера этой церкви, португальский путешественник добавляет: «В ней также имеется высокая колонна на пересечении поперечного нефа, к которой прикреплен полог, рисунок на котором, казалось, был оттиснут с помощью воска».

Подчеркнув тот факт, что все церкви были «целиком выдолблены из цельной скалы и очень хорошо вытесаны», Алвареш восклицает как бы в отчаянии:

«Я устал уже описывать эти здания, ибо мне кажется, что мне уже не поверят, если я напишу больше, и потому, что, имея в виду уже написанное мною, меня могут обвинить в неправде. Поэтому я клянусь Господом Богом, во власти которого я пребываю, что все написанное мною — правда, к которой ничего не было добавлено, и есть еще больше описанного мною, но я не касался этого в своих записях, чтобы меня не могли обвинить во лжи, так велико было мое желание рассказать миру об этом великолепии».

Как и свойственно хорошему репортеру, которым он, несомненно, был, Алвареш беседовал со старшими священнослужителями в заключение своего визита, который — следует помнить — состоялся лишь через три с половиной столетия после создания церквей. Пораженный всем увиденным, португальский священник спрашивал своих собеседников, знают ли они, как долго велось выдалбливание и вытесывание монолитов и кто осуществлял эти работы. Полученный им ответ, не обремененный более поздними суевериями, заставил сильнее забиться мое сердце:

«Они сказали мне, что вся работа по этим церквам была выполнена за двадцать четыре года, о чем имеется соответствующая запись, и что они были созданы белыми людьми… Они сказали, что это было сделано по указу царя Лалибелы».

Поскольку это венчало все, что я разузнал, я почувствовал, что не могу пренебречь этим ранним и искренним свидетельством. Исторические книги на моих полках, разумеется, не упоминали никаких «белых людей», посетивших Эфиопию раньше самого Алвареша. Но это не исключало возможности того, что белые люди *побывали-таки* там — белые люди, принадлежавшие к военно-духовному ордену, известному своими международными связями и своей скрытностью; белые люди, которые, по словам Вольфрама фон Эшенбаха, «всегда отвергали допросы»; белые люди, которых порой посылали *«в* отдаленные страны… чтобы

помочь им отстоять свои права»; белые люди, чья штаб-квартира в XII веке стояла на фундаменте храма Соломона в Иерусалиме.

Странное заявление священников о «белых людях», прибывших в Лалибелу, поразило меня как нечто в высшей степени важное. Прежде всего, оно укрепило мою убежденность в том, что Вольфрам не занимался домыслами, когда в своем «Парсифале» связал тамплиеров столь тесным образом со своей криптограммой Грааля и с Эфиопией. Да и не был он никогда писателем-фантастом; напротив, он был прагматичным, умным и целеустремленным человеком. Я все больше утверждался в мысли, что мои подозрения относительно него были оправданны и что он действительно имел доступ к внутреннему кругу людей, владевших великой и ужасной тайной — секретом последнего пристанища ковчега завета. Быть может, благодаря услугам своего «источника» — тамплиера Гийо де Провэна или более прямому контакту, орден поручил ему закодировать секрет в захватывающем романе, который будет рассказываться и пересказываться на протяжении столетий.

Почему тамплиеры могли пожелать, чтобы Вольфрам сделал это? Я не мог не подумать об одном, по крайней мере, возможном ответе. Если бы тайна местонахождения ковчега была записана и хранилась в некоем контейнере (например, в погребенном в земле ларце), она могла быть утрачена или забыта в течение одного столетия или могла бы стать достоянием гласности, если бы кто-то откопал ее. Умно закодированная в популярном изложении вроде «Парсифаля» (который, как я уточнил, был переведен почти на все современные языки и переиздавался только на одном английском языке пять раз в 80-е гг. нашего столетия), та же тайна имела прекрасную возможность сохраниться бесконечно долго в мировой культуре. Таким образом, с течением столетий она стала бы доступной для тех, кто окажется способен расшифровать код Вольфрама. Короче говоря, она была бы спрятана на самом виду, воспринималась бы как «отличная шутка», но и была бы доступна лишь тем немногим — посвященным, непосторонним, решительным охотникам — как карта клада, каковой она и была.

Глава 6

СОМНЕНИЯ РАЗВЕИВАЮТСЯ

Посещение Шартрского собора и чтение «Парсифаля» Вольфрама весной и летом 1989 года открыли мне глаза на многие вещи, которые я упустил раньше: прежде всего, на поистине революционную возможность того, что рыцари ордена тамплиеров могли совершить экспедицию в Эфиопию в XII веке в поиске ковчега завета. Как объясняется в главе 5, мне не составило труда понять, что побудило их сделать это. Но теперь мне предстояло установить: есть ли — помимо «поиска» тамплиерами приключений, в чем я уже не сомневался — какое-либо еще действительно убедительное свидетельство того, что последним местом упокоения ковчега завета и в самом деле может быть алтарь в Аксуме?

В конце концов, по всему свету имеются буквально сотни городов и церквей, похваляющихся священными реликвиями того или иного рода — кусками Креста Господня, плащаницей, фалангой пальца Святого Себастьяна, копьем Лонгина и т. д., и т. п. Почти в каждом случае, когда проводилось адекватное исследование, оказывалось, что подобные похвальбы не имели реального основания. Так почему же Аксум должен быть исключением? Тот факт, что его обитатели явно *верили* в собственные легенды, на деле ничего не доказывает, разве только то, что эти обитатели — люди впечатлительные и суеверные.

Одновременно существует ряд основательных причин считать, что эфиопы не обладают ковчегом завета.

ПРОБЛЕМА ТАБОТОВ

Во-первых и прежде всего: в середине XIX века Аксум посетил легат патриарха Армении, полный решимости доказать, что предание о нахождении там ковчега, «в которое верит вся Абиссиния», является на деле «отвратительной ложью». Оказав определенный нажим на

священников Аксума, легат — по имени Димофей — добился, чтобы ему показали пластину из «красноватого мрамора длиной в двадцать четыре сантиметра, шириной в двадцать два сантиметра и толщиной лишь в три сантиметра», которая, подтверждению абиссинских священников, была одной из двух скрижалей, хранившихся в ковчеге. Они так и не показали ему саму вещь, которую эфиопы считали ковчегом, и надеялись, что он удовлетворится видом скрижали, которую они называли: *«Табот* Моисея».

И Димофей действительно остался доволен. С очевидным удовольствием человека, только что разоблачившего большой миф, он записал:

«Камень почти не поврежден и не несет на себе следов старения. Самое большее, он может относиться к тринадцатому или четырнадцатому столетию нашей эры… Глупые люди вроде этих абиссинцев слепо приняли этот камень за оригинал и купаются в лучах незаслуженной славы обладания им, [ибо он] не является истинным подлинником. Знатоки Священного писания не нуждаются в дополнительных доказательствах: дело в том, что скрижали, на которых были записаны божественные законы, были вложены в ковчег завета и утрачены навсегда».

Что мне оставалось думать? Если каменная пластина, показанная армянскому легату, действительно была извлечена из реликвии, которая, по утверждениям обитателей Аксума, и была ковчегом завета, тогда он правильно предположил, что они купаются в лучах незаслуженной славы, ибо излишне даже говорить, что нечто, изготовленное «в тринадцатом или четырнадцатом столетии нашей эры», вряд ли могло быть одной из двух «скрижалей», на которых якобы были записаны десять заповедей более чем за двенадцать веков до рождения Христова. Иными словами, если содержимое было фиктивным, тогда и контейнер должен был быть поддельным, и, значит, все аксумское предание в самом деле является «отвратительной ложью».

И все же мне казалось, что преждевременно делать пбдобный вывод, не попытавшись прежде найти ответ на важный вопрос: действительно ли Димофею показали предмет, считавшийся подлинным *таботом* Моисея, или нечто другое?

Этот вопрос напрашивался сам собой, поскольку армянский легат был явно оскорблен и обижен самой возможностью того, что такие «глупые» люди, как эфиопы, обладают столь ценной реликвией, как ковчег завета, и потому жаждал доказать обратное. Больше того, перечитывая его отчет, я уловил, что его желание подтвердить собственные предположения пересилило исследовательский дух и что он так и не понял всей утонченности и изобретательности эфиопского характера.

Во время его посещения Аксума в 60-х годах прошлого столетия еще не был построен специальный алтарь для ковчега [16] и ковчег — или то, что считалось таковым, — еще хранился в святая святых церкви. Святой Марии Сионской (куда он был помещен в XVII веке императором Фасилидасом после реконструкции этого великолепного здания). Димофею же *не* позволили войти в святая святых. Вместо этого его завели в ветхое надворное деревянное строение, «состоявшее из нескольких помещений и расположенное слева от церкви»: В этом строении ему и показали пластину «из красноватого мрамора».

Из вышесказанного вытекает и немалая вероятность того, что аксумские священники одурачили армянского легата. Эфиопская православная церковь, как я знал, считала ковчег уникальной святыней. Поэтому представляется немыслимым, чтобы ковчег или что-либо из его содержания изымалось даже временно из святая святых церкви Святой Марии Сионской без крайней нужды. Таковой никак нельзя было посчитать неуемное любопытство какого-то грубого иностранца. В то же время этот иностранец был все же эмиссаром патриарха Армении в Иерусалиме, и простое благоразумие подсказывало отнестись к нему с известной долей уважения. Что было делать? Поэтому я и подозреваю, что священники решили показать ему один из многих *таботов,* хранившихся в Аксуме. Поскольку же он изъявил

желание видеть что-либо, связанное с ковчегом, если не сам ковчег, эфиопы исходили из добрых побуждений да и из простой вежливости и желания ублажить его слух словами, которые он явно желал услышать, а именно, что ему показывают «подлинный *табот* Моисея».

Дабы удостовериться в своей правоте по этому вопросу, я позвонил по международному телефону в Аддис-Абебу, где в то время проживал мой соавтор по книге 1983 года для эфиопского правительства, профессор Ричард Пэнкхерст (он вернулся в этот город в 1987 году и занял свою прежнюю должность в Институте эфиопских исследований). Сообщив ему вкратце о своем вновь пробудившемся интересе к аксумскому преданию о ковчеге завета, я спросил его об истории с Димофеем. Считает ли он, что показанный армянскому легату *табот* мог в действительности быть одним из предметов, хранившихся, как были уверены эфиопы, в ковчеге Моисея?

— Скорее всего нет, — ответил Ричард. — Они не показали бы такую священную вещь какому бы то ни было чужеземцу. Я читал книгу Димофея — она полна ошибок и заблуждений. Он был напыщенным человеком, довольно бессовестным в своих отношениях с Эфиопской православной церковью и не совсем честным. Полагаю, аксумское духовенство очень быстро раскусило его и подсунуло ему какой-то другой *табот,* не имевший для них особого значения.

В ходе дальнейшей беседы Ричард сообщил мне фамилии и номера телефонов двух эфиопских ученых, которые, по его мнению, могла бы помочь в моем исследовании, — доктора Белаи Гедаи (несколько лет занимавшегося тщательным изучением античной истории своей страны, используя множество документов на амхарском и геэзском языках) и доктора Хабле-Селассие из Института эфиопских исследований, автора весьма уважаемого труда «История древней и средневековой Эфиопии до 1270 года», с которым я был уже знаком.

Вопрос о том, что именно видел или не видел Димофей в Аксуме, всё еще сильно занимал меня, и я решил поставить этот вопрос перед Хабле-Селассие. И вот я звоню ему, представляюсь и спрашиваю его мнение по интересующему меня вопросу.

Он смеется в ответ:

— Ну, разумеется, этот парень не видел подлинный *табот* Моисея. Дабы удовлетворить его желание, священники показали ему копию, а не оригинал… В Эфиопии каждая церковь обычно располагает не одним *таботом.* В некоторых из них хранится по десять-двенадцать экземпляров, которые используются для различных ритуалов. Так что ему показали один из таких заменителей. В этом не может быть никаких сомнений.

Уверенность, с которой говорил историк, развеяла еще остававшиеся у меня сомнения относительно свидетельства армянского легата. «Камень из красноватого мрамора», который ему показали, не мог служить доказательством ни за, ни против притязания эфиопов на обладание ковчегом завета. Тем не менее его отчет о посещении Аксума вызвал у меня сомнение относительно восприятия эфиопами *таботов* как священных предметов. Насколько я понимал, эти предметы были предположительно *копиями* ковчега завета, который, как я прекрасно знал, был ларцом размером 2,5×1,5×1,5 локтя. И тем не менее показанную Димофею небольшую мраморную пластину называли *таботом* и описывали как одну из *скрижалей,* хранившихся в ковчеге.

Вот это-то мне и предстояло прояснить. Каждая эфиопская церковь обладала собственным *таботом* (и даже несколькими, как я уже знал). Но действительно ли *таботы* являются копиями священного предмета, считавшегося ковчегом, который хранился в святая святых в Аксуме? Если так оно и есть и если все *таботы* — плоские пластины, тогда следует заключить, что и священный предмет должен быть плоской пластиной, т. е. он не может быть ковчегом (хотя и мог бы быть одной из скрижалей, на которых записаны десять заповедей).

Все те таботы, которые я видел за долгие годы знакомства с Эфиопией, — определенно были пластинами, а не ящиками, и пластинами иногда изготовленными из камня, а иногда и из дерева. И именно эта характеристика навела ученую Хелен Адольф на мысль, что Вольфрам фон Эшенбах обладал определенным знанием о *таботах,* когда придумал свой камень Грааля.

Все было бы прекрасно, если *бы таботы* были призваны изображать скрижали, хранившиеся в Ковчеге. С другой стороны, если эти предметы считались копиями самого ковчега, тогда притязание Аксума на владение этой реликвией серьезно подрывалось. Я не забывал, что именно эта проблема — обратившая на себя мое внимание после посещения этнографического хранилища Британского музея в 1983 году — побудила меня оставить первоначальное исследование великой загадки, которая сейчас вновь овладела моим вниманием. Прежде чем продолжить свой поиск, я посчитал необходимым установить раз и навсегда, что именно представляют из себя *таботы.* С этой целью я позвонил доктору Белаи Гедаи — другому эфиопскому ученому, рекомендованному мне Ричардом Пэнкхерстом. Представившись, я перешел прямо к делу и спросил:

— Считаете ли вы, что ковчег завета находится в Эфиопии?

— Да, — категорично ответил он. — И не только я. Все эфиопы верят в то, что ковчег завета находится в Эфиопии и хранится в церкви Святой Марии Сионской в Аксуме. Он был доставлен сюда после посещения императором Менеликом I своего отца Соломона в Иерусалиме.

— А что вы скажете о значении эфиопского слова «табот»? Не означает ли оно «ковчег»? Являются ли *таботы* копиями хранящегося в Аксуме ковчега?

— На нашем языке множественное число слова «табот» — таботат. И они действительно являются копиями. Поскольку имеется лишь один оригинальный ковчег, а обычные люди нуждаются в чем-то осязаемом, с чем они могли бы связывать свою веру, все остальные церкви используют эти копии. В Эфиопии ныне насчитывается более двадцати тысяч церквей и монастырей, и каждая из них владеет, по крайней мере, одним *таботом.*

— Так я и думал. Но все же я озадачен.

— Почему?

— Главным образом потому, что ни один из виденных мной *таботат* не походит на библейское описание ковчега. Все они оказывались пластинами, порой изготовленными из дерева, порой — из камня, и ни один из них не имеет больше фута в длину и ширину и более двух-трех дюймов в толщину. Если подобные предметы считаются копиями реликвии, хранящейся в церкви Святой Марии Сионской в Аксуме, тогда логично заключить, что эта реликвия не может быть ковчегом завета…

— Почему?

— Из-за библейского описания. Книга Исхода четко описывает ковчег как прямоугольный ларец приличных размеров. Не вешайте трубку — я найду это место.

Я взял иерусалимское издание Библии с книжной полки над письменным столом, раскрыл ее на главе 37 Книги Исхода, нашел нужную страницу и прочитал, как ремесленник Веселеил изготовил ковчег в соответствии с божественным планом, переданным ему Моисеем:

«И сделал Веселеил ковчег из дерева ситтим; длина его два локтя с половиною, ширина его полтора локтя и высота его полтора локтя; и обложил его чистым золотом внутри и снаружи…» (Исх. 37: 1–2).

— Какую длину имеет локоть? — спросил Гедаи.

— Приблизительно длину предплечья от локтя до кончика среднего пальца — иными словами, около восемнадцати дюймов. А это означает, что ковчег должен иметь около трех

футов девяти дюймов в длину и два фута три дюйма в ширину и в глубину. *Таботат* просто не подходят под эти размеры. Они гораздо меньше.

— Вы правы, — задумчиво сказал Гедаи. — Тем не менее мы владеем оригинальным ковчегом завета. Это точно. У нас даже есть описание очевидца.

— Вы имеете в виду описание, сделанное армянским легатом Димофеем?

— Нет-нет. Вовсе нет. Он ничего не видел. Я говорю о том, кто побывал здесь гораздо раньше, — о географе по имени Абу Салих, между прочим, тоже армянине. Он жил в самом начале тринадцатого столетия и сделал обзор христианских церквей и монастырей, Главным образом, находившихся в Египте. Кроме того, он посетил ряд соседних стран, в том числе и Эфиопию, и дополнил свою книгу сведениями об этих странах. Здесь-то и дается описание ковчега. Если мне не изменяет память, оно довольно точно согласуется с тем, что вы только что зачитали мне из Книги Исхода.

— Эта книга Абу Салиха… Она была переведена на английский?

— О да. Отличный перевод был сделан в XIX веке. Вы, несомненно, найдете это издание. Издателем был некий мистер Эветтс…

Два дня спустя я победоносно появился из книгохранилища библиотеки Школы восточных и африканских исследований в Лондоне. В моих руках был перевод Б. Т. Эветтса монументальной работы Абу Салиха «Церкви и монастыри Египта и некоторых соседних стран». На странице 284 я прочитал набранный мелким шрифтом подзаголовок «Абиссиния» и следующие восемь страниц наблюдений и комментариев. Среди прочего я прочел:

«Абиссинцы обладают ковчегом завета, в котором хранятся две скрижали с написанными пальцем Бога заповедями для сынов Израилевых. Ковчег завета помещен в алтаре, но он уже алтаря; высотой он с человеческое колено и обложен золотом».

Я одолжил у библиотекаря линейку и измерил собственную ногу от подошвы до колена — двадцать три дюйма. Это было уже настолько близко к двадцати семи дюймам, указанным в Исходе, что знаменательно, особенно если иметь в виду, что человек, «высотой с колено» которого был ковчег, был обут в туфли или сапоги. Я понимал, что подобный приблизительный размер не может служить неопровержимым доказательством; с другой стороны, это вовсе не исключало возможности того, что армянин-географ видел-таки оригинальный ковчег завета при посещении Эфиопии в XIII веке. Как бы то ни было, с моей точки зрения, его описание имело следующее значение: он, бесспорно, описал обложенный золотом ящик или ларец внушительных размеров, а не пластину из дерева или камня в несколько дюймов толщиной вроде *таботат,* которые видел я, или *табота,* показанного Димофею в XIX веке.

Что не менее примечательно: Абу Салих сообщил и некоторые подробности того, как христиане Аксума использовали — на его глазах — этот предмет:

«Литургия с ковчегом служится четыре раза в год в царском дворце, и его накрывают пологом, когда переносят из церкви, в которой он хранится, в дворцовую церковь; а именно: в праздник великого Рождества, в праздник славного Крещения, в праздник Воскресения Христова и в день Страстей Господних».

На мой взгляд, нет сомнений в том, что это более раннее свидетельство очевидца служит серьезным подкреплением притязанию Эфиопии на роль последнего пристанища ковчега завета. Его размеры и внешний вид вполне реальны, а описанный Абу Салихом способ транспортировки реликвии под «пологом» вполне совпадает с правилами, изложенными в Библии:

«Когда стану надобно подняться в путь… и снимут завесу закрывающую, и покроют ею ковчег откровения, и положат на нее покров…». [17]

Пока все хорошо. И все же армянин-географ так и не дал мне ответа на трудный вопрос о форме предметов, известных под названием *«таботат».* Я же никак не мог пренебречь этой проблемой. Поэтому и решил проверить этимологию эфиопского слова. Означало ли оно в своей изначальной форме «ковчег»? Или же «каменную дощечку»? Или совсем другое?

Мой поиск привел меня в интеллектуальную сферу, которой я никогда раньше не занимался (и которой предпочел бы больше никогда не заниматься), а именно: в лингвистику. Роясь в куче непонятных и скучных документов, я установил, что древнеэфиопский язык — *геэз* — вместе с его современным и широко используемым вариантом — амхарским языком, входит в семью семитских языков, к которой принадлежит и иврит. [18]

Затем я узнал, что в библейском древнееврейском чаще всего для обозначения ковчега завета использовалось слово «арон», которое явно никак не похоже на *табот.* Есть и Другое древнееврейское слово — *тебах,* от которого, считают ученые мужи, и было произведено несомненно эфиопское слово *«табот».*

Далее я попытался убедиться, использовалось ли в Ветхом Завете на иврите слово «тебах», и обнаружил, что оно появляется там дважды. Примечательно, что в обоих случаях оно использовалось для обозначения *контейнера* в форме корабля: в первый раз при описании Ноева ковчега, на котором спаслись люди, выжившие во время потопа [19], и во второй раз речь шла о просмоленной корзинке из тростника, в которой младенец Моисей держался на поверхности Нила, когда мать спасала его от гнева фараона [20].

Обратившись затем к «Кебра Нагаст», я нашел одно место, где ковчег завета описывался как «днище корабля»… «Два локтя с половиной будет его длина и полтора локтя — его ширина, и тебе следует обложить его чистым золотом и снаружи, и внутри». В это «днище корабля» должны были быть помещены «две скрижали, с надписями, сделанными пальцем Бога».

Подобный текст не оставляет места сомнениям. В том, что касается и его этимологии; и его раннего использования, эфиопское слово «табот» недвусмысленно обозначало библейский ковчег завета в его изначальном виде — покрытый золотом контейнер, для которого «днище корабля» вполне могло послужить метафорой, способной не только вызвать образ вещи, но и связать ее концептуально с более ранними «кораблями» — Ноевым ковчегом и ковчегом из тростника, имевшими — как тот, так и другой — священное и бесценное содержание.

Лишнее доказательство того, что слово «табот» вовсе не означало плоские прочные пластины из дерева или камня. Так что загадка оставалась неразрешенной. Но эту загадку в конце концов разрешил для меня член Британского научного общества и первый заведующий кафедрой эфиопских исследований Лондонского университета профессор Эдвард Уллендорф. Живший после ухода на пенсию в Оксфорде, этот известный ученый утверждал, что вовсе не трудно объяснить, как эфиопы стали называть ковчегами пластины из дерева и камня:

«Подлинный ковчег, как предполагается, хранится в Аксуме; все остальные церкви могут обладать только копиями. В большинстве случаев, однако, они являются копиями не всего ковчега, а лишь его предполагаемого содержимого, т. е. скрижалей Закона… Иными словами, описание этих каменных или деревянных дощечек словом „таботат" — просто „часть вместо целого", касающаяся самого важного в ковчеге — скрижалей завета».

МУШКИ В ЯНТАРЕ

Устраняя кажущееся противоречие, предложенное Уллендорфом, решение развеяло лишь часть сомнений относительно притязаний Эфиопии на обладание утраченным ковчегом. В труде, озаглавленном «Царица Савская в эфиопских преданиях», Уллендорф подчеркивает, что не следует принимать всерьез «Кебра Нагаст» как исторический труд; его

предназначение заключалось скорее в прославлении Эфиопии, и именно с этой целью в него и введено-понятие «ковчег».

Уллендорф не был одинок в своем мнении о малой достоверности «Кебра Нагаст». Во вступлении к своему переводу этого эпического произведения сэр Уоллис Бадж указал на весьма малую вероятность того, что царица Савская могла быть эфиопкой. «Гораздо вероятнее, — пишет он (как бы опробуя тот довод, с которым я был уже знаком), — что ее родиной была Себха, или Саба, на юго-западе Аравии».

Несколько крупных специалистов придавали большое значение тому факту, что во времена Соломона — за тысячу лет до Христа — Эфиопия не имела, по сути, подлинной цивилизации и уж определенно не могла похвастаться передовым городским обществом, способным выдвинуть такого просвещенного монарха, как царица Савская. В самом деле, по всеобщему мнению, просвещение еще не проникло на Абиссинское нагорье до примерно VI века до н. э. и достигло некоего уровня утонченности не раньше, чем через четыреста лет. К тому же этот период прогресса нельзя рассматривать как чисто эфиопское достижение: катализатором стало нашествие арабских племен, чьи «превосходящие качества» революционизировали вялую культуру местного населения. Происходившие главным образом из Йемена, эти семитские иммигранты «обосновались на севере Эфиопии и в процессе ассимиляции с местным населением привнесли изменения в культуру. С собой они принесли дары, не имевшие цены: религию, более развитую социальную организацию, архитектуру и искусство, а также письменность».

Короче говоря, эфиопская цивилизация была не только значительно моложе, нежели утверждают аксумские легенды, но и позаимствовала многое извне. В глубине души многие эфиопы знали об этом и чувствовали глубокую неуверенность насчет своего наследия. В самом деле, в одном образцовом историческом труде сделано предположение, что популярность «Кебра Нагаст» объяснялась тем, что она удовлетворяла глубокую психологическую потребность абиссинцев «доказать свое древнее происхождение… Народы-выскочки, как и отдельные выскочки, страстно желают обрести предков, и народы, так же как и отдельные люди, не испытывают угрызений совести, подделывая свои генеалогические древа».

На мой взгляд, значение всех этих аргументов заключено не столько в восприятии «Кебра Нагаст» как, прежде всего, фантастического произведения (хотя и не исключается возможность того, что рассказ о похищений ковчега мог быть основан на каком-то реальном факте), сколько в общем мнении о том, что эфиопская цивилизация относительно молода и является производной от цивилизации Южной Аравии.

Это общее мнение сказалось на моих попытках установить степень законности притязаний Эфиопии на обладание ковчегом, ибо это касалось цивилизации не только нагорья в целом, но и конкретно фалашей. «Кебра Нагаст» совершенно ясно указывает на то, что иудаизм проник в Эфиопию в 950-х годах до н. э., когда Менелик и его свита прибыли в страну с ковчегом (там даже говорится, что сама царица Савская была обращена в иудаизм). Поэтому существование туземных черных евреев в Эфиопии служит красноречивым подтверждающим доказательством присутствия там и ковчега. При более тщательном рассмотрении это оказалось не так — во всяком случае, по мнению ученых. Как говорил мне Ричард Пэнкхерст еще в 1983 году [21], академический мир в большинстве своем сходится во мнении, что иудейская вера вряд ли достигла Эфиопии раньше II века н. э. и что она была переправлена через Красное море из Йемена, где после 70 года н. э. бежавшие от римского преследования в Палестине эмигранты основали крупную еврейскую общину.

Одним из самых решительных сторонников такой точки зрения был профессор Уллендорф, представивший пространный аргумент по этому вопросу в своем убедительном труде «Эфиопия и Библия» и категорично утверждавший, что предками фалашей должны

были быть обращенные евреями, которые «проникали в Эфиопию из Южной Аравии» на протяжении длительного периода с 70 по 550 год н. э.

Я решил изучить этот предмет с максимальной тщательностью. Если иудаизм фалашей насчитывал менее двух тысячелетий и пришел из Аравии, тогда огромная масса якобы убедительных «культурных подтверждений» прямых контактов между Эфиопией и Иерусалимом во времена Ветхого Завета может быть отвергнута с ходу, и притязание Аксума на роль последнего пристанища ковчега потеряет в значительной степени, если не полностью, свою достоверность.

Вскоре после того, как я приступил к новой фазе в своем исследовании, мне стало ясно, что единодушие ученых касательно «йеменского следа» проистекает в основном из отсутствия данных для какой-либо иной теории. Нет ничего, что доказывало бы, что иудейская вера *не* пришла в Эфиопию другим путем, но нет и доказательств того, что она-таки пришла другим путем. Отсюда склонность сосредоточиваться на Южной Аравии как на наиболее вероятном исходном пункте миграционного движения из этого региона в Эфиопию.

Это привлекло мое внимание как достойный сожаления недостаток логики, когда отсутствие доказательств рассматривалось на деле как доказательство отсутствия, а это уже совсем иное дело. Повторюсь:, проблема заключалась в отсутствии доказательств того, что иудаизм мог прийти в Эфиопию гораздо раньше и иным путем, нежели склонны думать ученые, но одновременно нет доказательств и того, что так оно и было.

Поэтому я чувствовал, что вопрос остается открытым и что ради собственного удовлетворения мне необходимо изучить предания, верования и поведение фалашей и сделать собственные выводы об их происхождении. Я полагал, что их религиозные отправления могли измениться на протяжении XII века под влиянием гостей с Запада и из Израиля. Поэтому я обратился к более ранним сообщениям, описывавшим их образ жизни до того, как на него оказали пагубное влияние культурные перемены новых времен.

По иронии судьбы, несколько таких сообщений было написано иностранцами, которые посетили Эфиопию с намерением произвести в стране культурные изменения, главным образом христианскими миссионерами XIX века, слышавшими о существовании крупной общины абиссинских евреев и стремившимися обратить их в свою веру.

Одним из таких евангелистов был Мартин Флад — молодой немец, прибывший в Эфиопию в 1855 году для вербовки приверженцев от имени Лондонского общества поощрения христианства среди евреев. Его книга «Фалаши Абиссинии» была опубликована в 1869 году. Я нашел в Британской библиотеке зачитанный, потрепанные томик и вскоре был поражен рядом мест, в которых автор настаивал на том, что евреи появились в Эфиопии самое позднее уже во времена пророка Иеремии (около 627 г. до н. э.), а возможно, и во время царствования Соломона. Отчасти Флад основывал свое утверждение на том факте, что «…фалаши ничего не знают о Вавилонском или Иерусалимском Талмуде, которые были сочинены во время и после Вавилонского пленения. Они также не соблюдают праздников Пурима и Освящения Храма, которые свято соблюдаются евреями нашего времени».

Дальнейшее изучение книги показало, что праздник Освящения Храма был известен как Ханука (что означает буквально «Освящение»). На мой взгляд, самое знаменательное в этом факте состоит в том, что указанный праздник был установлен в 164 году до н. э. и что по этой причине он обязательно должен был соблюдаться еврейской общиной, обосновавшейся в Йемене после 70 года н. э. Академический консерватизм, побудивший меня раньше смотреть на фалашей как на потомков эфиопов, обращенных этими йеменскими евреями, стал вызывать подозрения. Если говорить начистоту, то несоблюдение Хануки подсказывало только один разумный вывод: фалаши обратились в иудаизм до 164 года до н. э., и, значит, он пришел к ним не из Йемена, а из другого места.

Далее я изучил вопрос о празднике Пурима, который, как обнаружил Флад, эфиопские евреи также не соблюдали. Этот праздник, как я узнал, также отмечался уже со II века до н. э. На самом деле он может иметь и более раннее происхождение: отмечаемые им события имели место в середине V века до н. э, и несколько специалистов, с которыми я консультировался, высказывали предположение, что его соблюдение стало весьма популярным ужа к 425 году до н. э. Это указывает на интересную возможность, в существовании которой явно был убежден Флад: что фалаши оказались изолированными от основного русла мирового иудаизма задолго до этой даты, быть может, еще в VI веке до н. э.

Во мне крепло ощущение того, что разрыв между абиссинской легендой и историческим фактом стремительно сокращается: пятьсот лет до Рождества Христова в конце концов удалено лишь на четыреста лет от Соломона. Становилось все вероятнее, что иудаизм фалашей пришел в Эфиопию в начале времен Ветхого Завета, как всегда и утверждали «Кебра Нагаст» и сами фалаши. Если так оно и было, то напрашивался очевидный вывод: история доставки ковчега Менеликом в Эфиопию заслуживает гораздо более серьезного к себе отношения, чем проявлялось до сих пор академиками.

По этому пункту я нашел новое подтверждение в рассказе другого миссионера XIX века — Генриха Аарона Штерна, который сам был обращенным в христианство немецким евреем. Он путешествовал и работал в Эфиопии вместе с Фладом и опубликовал в 1862 году собственный труд «Странствия среди фалашей Абиссинии».

По мере чтения этого трехсотстраничного тома у меня появилась крайняя антипатия к автору, оказавшемуся высокомерным, жестоким и беспринципным вербовщиком новообращенных, совершенно не уважавшим культуру и обычаи людей, среди которых он работал. В целом же я почувствовал несостоятельность и невразумительность его описаний религии и образа жизни фалашей. Поэтому, прочитав лишь половину книги, я ощутил омерзение к ее автору.

Но вот на странице 188 я обнаружил нечто интересное. Здесь, после утомительного описания абсолютного запрета, существовавшего среди фалашей, на «браки с представителями иных племен и иного вероисповедания» Штерн утверждает, что эфиопские евреи соблюдали верность закону Моисея, «в соответствии с которым они строили свой культ». Затем он добавляет:

«Странно слышать в Центральной Африке о еврейском алтаре и искупительных жертвоприношениях… [И все же] позади каждого молельного дома имеется небольшое огороженное место с большим камнем посредине; на этом подобии алтаря забивается жертва и совершаются все остальные ритуалы жертвоприношения».

Хотя в тот момент мои общие познания иудаизма были ограниченными, если не сказать хуже, мне все же было известно, что нигде в мире современные евреи не практикуют уже приношение животных в жертву. Я не имел представления о том, сохраняется ли этот древний обычай среди фалашей в конце XX века. Однако рассказ Штерна ясно указывал на то, что он еще соблюдался сто тридцать лет назад.

Продолжая свое описание жертвенника, немецкий миссионер отмечает:

«Святая святых строго охраняется от незаконного проникновения… и горе тому чужестранцу, который, игнорируя фалашские обычаи, осмелится приблизиться к запретным границам… Однажды я едва не совершил это непростительное преступление. Стоял знойный и душный полдень, когда после нескольких часов изнурительного пути мы добрались до фалашской деревни. Жаждая отдохновения, я стал искать прохладное и спокойное укрытие и случайно углядел посредине одной огороженной лужайки гладкий-камень, выглядевший так, словно его милосердно поместили там, дабы предоставить утомленному путнику уединение и отдых. Колючий частокол с легкостью поддался моему железному копью, и я готов был уже

укрыться за плоским камнем, когда хор разгневанных голосов… напомнил мне о моей ошибке и заставил поспешно убраться оттуда».

Я вдруг обнаружил, что жалею о том, что Штерн избежал наказания за покушение на святое место [22]. В то же время я не мог не быть благодарен ему за привлечение моего внимания к практиковавшемуся фалашами жертвоприношению. Это был своеобразный ключ, который заслуживал исследования, ибо мог дать другой ключ, а именно: ко времени, когда эфиопские евреи отделились от основного течения своих единоверцев.

Я посвятил немало усилий изучению малоизвестной темы иудаистского жертвоприношения во времена Ветхого Завета. Картина, которая в конце концов обрела очертания в тумане ученых изысков, предстала в виде постоянно развивавшегося института, возникшего как простое приношение Боту, которое **мог** сделать кто угодно — жрец или мирянин и практически в любом месте, где стоял местный храм. Такое состояние относительной неурегулированности начало, однако, изменяться после исхода из Египта около 1250 года до н. э. Во время странствий евреев по Синайской пустыне и был сделан ковчег завета и укрыт под походным тентом или шатром». С тех пор все жертвоприношения делались у входа в этот шатер, и любой нарушитель нового закона должен был быть наказан изгнанием:

«…Если кто из дома Израилева… приносит всесожжение или жертву и не приведет ко входу скинии собрания, чтобы совершить ее Господу, то истребится человек тот из своего народа» [23]

Я узнал, однако, что этот запрет был не таким уж абсолютным, как казался. Главная цель этого кодекса состояла не в отмене жертвоприношения в местных храмах в любых обстоятельствах, а, скорее, в обеспечении проведения этого ритуала в централизованном национальном центре вероисповедания, *если и когда существовал такой центр.* В пустыне таким центром был шатер с ковчегом. Позже, примерно с 1200 до 1000 года до н. э., такая национальная святыня была учреждена в Израиле в Шилохе, ставшем новым центром жертвоприношений. Примечательно, однако, что бывали времена политической смуты, когда из Шилоха приходилось уходить, и в такие периоды евреям разрешалось снова делать жертвоприношения в местных храмах.

К 950-м годам до н. э. построенный Соломоном в Иерусалиме храм сменил Шилох в качестве национального религиозного центра. Имеются, однако, свидетельства того, что жертвоприношения делались время от времени и в других местах, особенно среди евреев, живших далеко от столицы. И только при правлении царя Иосии (640–609 гг. до н. э.) начал строго навязываться всеобщий запрет на все виды жертвоприношения вне храма.

Этот запрет воспринимался настолько серьезно, что евреи вроде бы даже не пытались делать жертвоприношения и десятилетия спустя после разрушения храма Навуходоносором в 587 году до н. э. Более ранний обычай пользоваться местными храмами при отсутствии национального центра отправления церковных служб был; похоже, безвозвратно утрачен. Все очень просто: раз нет храма, нет и жертвоприношений.

После возвращения из Вавилонского пленения в Иерусалиме был построен второй храм, и был восстановлен институт жертвоприношений исключительно при нем. Одновременно проводился в жизнь полный запрет на местные жертвоприношения, и ему, похоже, подчинялись беспрекословно. Система централизованного жертвоприношения оставалась непоколебимой с 520 года до н. э., когда был освящен второй храм, и до 70 года н. э., когда он был разрушен до основания римским императором Титом.

Строительство третьего храма даже не планировалось, разве что группами, связывавшими эту мечту с приходом все еще ожидаемого мессии. Вследствие этого евреи повсеместно отказались от жертвоприношений. *Фалаши были единственным исключением из этого правила.* Больше того, отчет Штерна подсказывает, что они совершали

жертвоприношения во всех местах богослужения, когда он работал среди них в XIX веке. Дальнейшее исследование подтвердило, что эта традиция была настолько сильна, что и сегодня большинство общин фалашей продолжают делать жертвоприношения, несмотря на растущее среди них влияние современной иудаистской практики отправления культа.

Размышляя над этим фактом, я понял, что должен существовать целый ряд возможных объяснений. Самое очевидное и привлекательное из них является и самым простейшим — и потому, скорее всего, правильным. Я пометил в своей записной книжке:

«Предки нынешних фалашей, должно быть, были обращены в иудаизм в те времена, когда все еще считалась приемлемой — для тех, кто обитал далеко от центрального национального храма, — практика местных жертвоприношений. Это наводит на мысль, что обращение это произошло до введения запрета царем Иосией, т. е. не позднее VII века до н. э., а возможно, и раньше.

Гипотеза: В какое-то время между сооружением храма Соломона (середина 900-х гг. до н. э.) и царствованием Иосии (середина 600-х гг. до н. э.) группа евреев эмигрировала из Израиля и обосновалась, в Эфиопии. Они установили определенные места поклонения, где совершали жертвоприношения своему богу, — и принялись обращать коренных жителей в свою веру. Возможно, что поначалу они поддерживали контакты с родиной. Однако от нее их отделяло большое пространство, и логично предположить, что со временем они оказались полностью изолированными. Таким образом, их не затронули великие революции в теологии, свершившиеся в иудаистском мире в последующие столетия.

Это объясняет, почему фалаши — единственные евреи, продолжающие все еще практиковать жертвоприношения. Застывшие, как мухи в янтаре, как бы попавшие во временную ловушку, они остались единственными, кто продолжает практиковать подлинный иудаизм первого храма.

Пока все хорошо. Но вот вопрос: *почему* некая группа евреев эмигрировала из Израиля так далеко — аж в Эфиопию? Мы говорим о периоде с X по VII век до н. э., а не об эре реактивных лайнеров. Значит, у эмигрантов был какой-то сильный побудительный мотив. Какой?

Ответ: «Кобра Нагаст» не оставляет сомнений в природе этого мотива. Она указывает, что теми эмигрантами были первенцы израильских старцев и что они прибыли в Эфиопию в свите Менелика, дабы заботиться о ковчеге завета, который они похитили из храма».

УПАДОК

Если описание в «Кебра Нагаст» принятия иудаизма в Эфиопии соответствует истине, рассуждал я, тогда можно надеяться найти где-то, в исторических анналах доказательства того, что иудейская вера пользовалась гораздо большей популярностью в этой стране, чем сегодня. Это было бы понятно, если бы изначально было связано со столь величественной фигурой, как Менелик I. Я припомнил, как мой старый приятель Ричард Пэнкхерст упомянул в разговоре нечто важное для данного направления поиска. Когда мы вместе работали в 1983 году, он говорил мне, что когда-то фалаши были процветающим и сильным народом с собственными царями.

Вот почему я еще раз позвонил Ричарду в Аддис-Абебу и попросил его подсказать мне источники, которые могут пролить свет на упадок и окончательное падение фалашеи.

Он предложил обратиться к книге, о которой я был уже наслышан: «Путешествия к истокам Нила в 1768–1773 годах», принадлежавшей перу шотландского искателя приключений Джеймса Брюса из Киннэрда. Пэнкхерст также порекомендовал мне просмотреть «Царские хроники», составленные во время правления ряда эфиопских императоров, начиная со средних веков. В них задокументированы, сказал он, несколько войн между христианами и евреями, которые могут представлять определенный интерес.

— Кроме этого, — добавил Ричард, — я даже не представляю, где ты мог бы найти нужные сведения. Дело в том, что до Брюса о фалашах не было написано почти ничего серьезного.

Джеймс Брюс из Киннэрда, как я обнаружил, был довольно загадочной личностью. Выходец из пресвитерианской семьи из Стерлингшира, он принадлежал к низшей аристократии, но унаследовал достаточно большое состояние, чтобы удовлетворить свою страсть к заморским странствованиям. Первоначально, как мне показалось, именно эта жажда странствий завлекла его в сердце Эфиопского нагорья. Изучая же его труд о фалашах, я начал понимать, что он проявлял слишком большой и неизменный интерес к этому народу, чтобы объяснять это простым и нормальным любопытством смышленого путешественника. На протяжении ряда лет он проводил тщательное исследование веры, обычаев и исторического происхождения абиссинских черных евреев. В процессе опроса старейшин и религиозных деятелей Брюс записал много античных преданий, которые иначе были бы безвозвратно утрачены для истории.

Одно из таких преданий утверждало, что «царь Аксума Эзана читал Псалмы Давида и познакомился с молодым сирийцем Фрументием, который позже обратил его в христианство». Дальше Брюс ясно дает понять, что знакомство монарха с указанной книгой Ветхого Завета объяснялось *широким преобладанием иудаизма в Эфиопии того времени* [24], т. е. в начале IV века н. э.

В контексте того, что мне было уже известно об обычаях фалашеи, я охотно поверил этому утверждению, и даже воспринял его как дополнительное подтверждение своей стремительно развивавшейся гипотезы, а именно: что некая форма иудейской веры, включавшей архаический обычай кровавого жертвоприношения, существовала в Эфиопии по крайней мере за тысячу лет до появления Фрументия с проповедью Евангелия Господня.

Вскоре я нашел новое подтверждений этого в древней и редкой эфиопской рукописи [25], когда-то хранившейся в тиграйской крепости в Магдале (захваченной и ограбленной в XIX веке британскими войсками под командованием генерала Нейпиера). В рукописи, озаглавленной «История и генеалогия древних царей», я обратил внимание на следующее место:

«Христианство было ввезено в Абиссинию 331 год спустя после Рождества Христова Абуной Саламой, которого первоначально называли Фрументосом или Фрументием. В то время эфиопские цари правили Аксумом. До того, как в Эфиопии стала известна христианская религия, половина ее жителей была евреями, соблюдавшими Закон; другая половина поклонялась Сандо-дракону».

Указание на поклонников «дракона» — предположительно эвфемизм для всякого рода примитивных анимистических богов — вызывало интерес. Оно подсказывало, что иудаизм так никогда и не стал исключительной государственной религией Эфиопии и что в дохристианскую эру фалаши — как и евреи повсеместно — мирились с одновременным существованием языческих вероисповеданий. Я рассуждал в том духе, что фалаши, — несомненно, должны были встревожиться и попытаться забыть о своей традиционной терпимости с появлением воинствующей евангелистской монотеистической секты вроде христиан, которых они с полным основанием должны были воспринимать как реальную угрозу собственной исключительности и своим верованиям. Обращение царя Аксума должно было выглядеть особенно зловещим в таком контексте, и с тех пор шла постоянная борьба между иудеями и христианами.

В записанных Брюсом преданиях многое подтверждает такой анализ. Шотландский любитель приключений утверждал, например, что фалаши:

«…были в большой силе во время обращения в христианство, или, как они сами называли это, в «вероотступничество». В то время они объявили своим сюзереном принца племени Иудиного и расы Соломона и Менелика.

…Этот принц… не пожелал отказаться от религии своих предков».

Подобное состояние дел, добавил Брюс, должно было привести к конфликту, поскольку христиане также претендовали на то, что ими правил царь, ведущий свое происхождение от династии Соломона. Конфликт же возник по исключительно светским причинам.

«Хотя и не дошло до кровопролития из-за различия в религиях, все же в связи с тем, что каждая религия имела своего царя с одинаковыми притязаниями, было множество битв из-за амбиций и соперничества в борьбе за власть».

Брюс не приводит подробностей об этом «множестве битв», книги по истории также хранят молчание, разве что упоминают, что в VI веке христианский царь Аксума Калеб собрал огромную армию и переправил ее через Красное море для сражения в Йемене с Иудейским царем. А не возможно ли, рассуждал я, что та аравийская кампания была эскалацией борьбы между иудеями и христианами в самой Эфиопии?

Свидетельство того, что так оно и могло быть, содержится в «Кебра Нагаст». В заключительной части великой эпопеи я нашел конкретное упоминание о царе Калебе в главе, наполненной антииудейскими чувствами: здесь без какой-либо причины эфиопские иудеи неожиданно названы «врагами Бога»; больше того, в тексте содержится прямой призыв «разрезать их на куски» и опустошить их земли.

Все это сказано в контексте, где Калебу приписываются два сына. Одного из них назвали «Израиль», а другого «Гебра Маскал» (на эфиопском его имя означает «Раб Креста»). Трудно было не усмотреть в этих именах символ «трещины» между иудеями и христианами (христианскую сторону представлял, естественно, Гебра Маскал, а иудейскую — Израиль). Данный анализ обретал еще большую достоверность, когда я припомнил, что фалаши никогда не называли себя «фалашами», а всегда «Бета Израиль», т. е. «Дом Израиля» [26].

Итак, очевиден основной смысл этого послания. Тем не менее все приведенное описание затруднено для понимания какой-то неясной образностью. Несколько раз, например, появляются слова «колесница» и «Сион». О первом я не имел никакого понятия, а второе — «Сион» — было одним из нескольких эпитетов ковчега завета, часто используемых в «Кебре Нагаст» [27].

Все встало на свои места, когда я прочитал, что Израилю и Гебре Маскалу было предопределено бороться друг с другом. После описания боя следует такой текст:

«Бог скажет Гебре Маскалу: «Выбирай колесницу или Сион», и Он повелит ему взять Сион, и он будет открыто править с трона отца своего. И Бог заставит Израиля выбрать колесницу, и он будет править тайно и будет невидимым».

Заканчивается «Кебра Нагаст» в том же стиле:

«Царству иудеев придет конец, и будет установлено царство Христа… Так Бог дал царю Эфиопии больше славы, милости и величия, чем всем остальным царям на земле, из-за величия Сиона, ковчега закона Божьего».

У меня не вызывает ни малейшего сомнения, что здесь описывается — хоть и на затемненном языке символов — конфликт между иудеями и христианами Эфиопии или борьба за верховенство, в которой победили последователи новой веры и были посрамлены последователи старой веры, вынужденные с тех пор жить невидимками в потаенных местах. Также стало ясно, что в центре этой борьбы за власть находился ковчег завета — Сион и что каким-то образом христиане сумели отобрать его у иудеев, которым осталось довольствоваться с тех пор «колесницей», т. е. чем-то менее ценным.

Дальнейшее исследование показало, что фалаши вовсе не безропотно согласились на невидимость и статус второго класса, который пытались навязать им христиане. Напротив, я обнаружил массу доказательств того, что они сопротивлялись с величайшей решимостью и довольно долгое время.

Первый волнующий намек на продолжительную войну между абиссинскими иудеями и христианами я нашел в отчете путешественника IX века по имени Элдад-Хадани, более известного как Элдад «Данянин», поскольку он притязал на принадлежность к потерявшемуся израильскому колену Дана. Совершенно неясно, кем он был и откуда явился. В широко распространенном письме, датированном 833 годом н. э., он утверждал, что даняне и три других потерявшихся еврейских колена проживали в Эфиопии, где пребывали в постоянной вражде с христианскими правителями страны: «И они убивали людей Эфиопии, и по сей день они бьются с сынами царств Эфиопии».

Далее я обнаружил, что ряд специалистов считали Элдада шарлатаном, а его письмо — невероятным, фантастическим произведением. Другие же полагали, что многое из написанного им основывалось на фактах. Я, не колеблясь, стал на сторону второй школы — просто потому, что упоминания Элдада об абиссинских евреях были слишком близки к истине, чтобы быть чистой выдумкой. Например, он утверждал, что фалаши эмигрировали из Святой земли в Эфиопию во времена. Первого храма, вскоре после распада на два царства — Иудейское и Израильское (т. е. около 931 года до н. э.). Соответственно, писал он, они не отмечали праздников, установленных после этой даты, вроде Пурима и Хануки. Не было у них и раввинов, «ибо последние появились со Вторым храмом и сюда не пришли».

Мне уже было известно о несоблюдении фалашами указанных праздников и о соответствующих последствиях. Перепроверив Элдада, я установил, что у фалашей не было и раввинов: своих религиозных деятелей они называли «кахен» — производное от еврейского слова «кохен» (знакомого по распространенному имени Кохен), означающего «жрец» и восходящего к эре Первого храма.

В целом же все выглядит так, как если бы Элдад действительно побывал в Эфиопии и дал довольно достоверное описание состояния иудаизма в этой стране в середине IX века н. э. Его сообщение о длительной борьбе между абиссинскими иудеями и их соседями в тот период также представляется вполне правдоподобным:

«И у них белое знамя, и на нем черным написано:
«Услышь, о Израиль, Господин наш Бог — единый Бог»…
Они бесчисленны, как песчинки в море, и не имеют иного занятия, кроме войны, и, когда бы они ни дрались, они говорят, что сильным людям не след бежать, пусть они умрут молодыми, и не позволяют им бежать, а обязывают их укреплять свое сердце в Боге, и несколько раз они говорят или кричат все вместе: «Услышь, о Израиль, наш Бог — единый Бог», и все они наблюдают».

В заключение Элдад указывает, что еврейские племена в Эфиопии были удачливы в своих воинственных начинаниях и «наложили руки свои на шеи врагов своих». Это, на мой взгляд, ни больше и ни меньше, как довольно точное описание истинного баланса сил христиан и евреев в IX и в начале X века. В конце концов, именно в то время была свергнута христианская Соломонова династия Аксума. Мне же было уже известно, что тот государственный переворот был делом иудейского монарха — великой царицы по имени Гудит (или Иудифь, или, возможно, Иехудифь).

Как было изложено в главе 5, за коротким и кровавым царствованием Гудит последовало — быть может, полстолетием позже — установление династии Загве, к которой принадлежал царь Лалибела. Хотя вначале они почти несомненно были иудеями, позже Загве обратились в христианство, а впоследствии (лет через пятьдесят после кончины Лалибелы) отреклись от трона в пользу монарха, притязавшего на Соломонову родословную.

Какими бы ни были его достижения, быстро стало ясно, что междуцарствие Загве не исправило хроническое состояние конфликта между абиссинскими иудеями и христианами. Продолжая свое исследование, я узнал, что живший в XII веке и много путешествовавший испанский купец Бенхамин из Туделы сообщал о присутствии в Эфиопии иудеев, которые «не находились под ярмом иноверных» и имели «свои города и замки на вершинах гор». Писал он и о войнах с христианами, в которых фалаши обычно были удачливы и брали «военную добычу и трофеи» по своему желанию, ибо ни один человек не мог «превзойти их».

В XV же веке еврей-путешественник Элия из Феррары рассказывал, как встретил в Иерусалиме молодого фалаша, который сообщил ему, как его единоверцы «сохранили свою независимость в горных районах, откуда они постоянно развязывали войны против христианских императоров Эфиопии».

Столетием позже иезуит епископ Овьедо утверждал, что фалаши укрывались «в больших недоступных горах и отобрали у христиан многие земли, став их хозяевами, а цари Эфиопии не могли покорить их, ибо они выступали только малыми силами и было весьма трудно проникнуть в их цитадели в скалах».

Однако епископ ошибался. Свое заявление он сделал в 1557 году — к тому времени фалаши не только никого не обирали, но стали мишенью непрерывных нападений христианских войск, склонявшихся, похоже, к геноциду. Император из Соломоновой династии Сарса Денгел, правивший с 1563 по 1594 год, вел против фалашей непрерывную семнадцатилетнюю кампанию, описанную одним уважаемым ученым как «настоящий крестовый поход, вдохновляемый религиозным фанатизмом».

Во время этой войны с жестокими ударами по фалашским укрепленным районам в Симиенских горах к западу и югу от реки Тэкэзе оборонявшиеся защищались с большим достоинством. Даже льстивый летописец Сарсы Денгела не смог не выразить своего восхищения храбростью одной группы еврейских женщин, которые, чтобы не стать пленницами и наложницами воинов императора, бросились в пропасть с криком: «Да помоги мне *Адонаи* [Бог]!».

Позже фалашский царь Радаи был взят в плен. Когда ему предложили жизнь, если он обратится с молитвой к Деве Марии о милости, Радаи якобы сказал: «Разве упоминание имени Марии не запрещено? Поторопитесь! Мне будет лучше, если я отправлюсь из мира лжи в мир справедливости, из темноты к свету. Убейте меня поскорей». Полководец императора Йонаэл ответил: «Если ты предпочитаешь смерть, умри мужественно и склони свою голову». Радаи склонил голову, и Йонаэл ударил его своим большим мечом: с одного удара фалашский монарх был обезглавлен, а меч пролетел мимо его коленей и вонзился в землю. Видевшие эту ужасную сцену якобы восхитились «мужеством еврея в смерти, объявившего, что земные вещи плохи, а небесные вещи хороши».

К концу описываемой кампании были атакованы две последние крепости фалашей в Симиенских горах и захвачены, несмотря на храбрость их защитников. В обоих случаях командиры и их помощники предпочли самоубийство плену.

Но это не положило конец преследованиям, напротив, еще большие зверства были совершены после 1607 года, когда император Саснейос взошел на престол. Он организовал погром всех фалашей, еще проживавших на нагорье между озером Тана и Симиенскими горами. На протяжении следующих двадцати лет «недопустимой массовой резни» были уничтожены многие тысячи, а дети были проданы в рабство. Немногим выжившим, по словам шотландского путешественника Джеймса Брюса, «было приказано отречься под страхом смерти от своей религии и креститься. И они согласились на это, ибо не видели другого выхода… Многие из них были крещены, и всех их заставили пахать и боронить в субботу».

В результате подобного непрерывного и мстительного притеснения эфиопские — евреи лишились автономной государственности, которой они, несомненно, когда-то пользовались, и

тем самым они были преданы забвению. Просматривая находившиеся в моем распоряжении довольно схематичные исторические документы, я обнаружил, что такое постепенное погружение в безвестность и исчезновение можно выразить в цифрах.

В первом десятилетии XVII века фалаши исчислялись примерно «100 тысячами мужчин». Если предположить, что на каждого мужчину приходилась семья из пяти человек, их общая численность в тот период составляла около 500 тысяч. Приблизительно триста лет спустя — в конце XIX века — еврейский ученый Иосиф Халеви насчитал около 150 тысяч фалашей. К концу первой четверти нынешнего столетия их численность резко упала до 50 тысяч, согласно подсчету другого, несомненно хорошо информированного еврейского, исследователя — Жака Файтловича. Шестьдесят лет спустя, в голодный 1984 год, фалашское население Эфиопии по относительно достоверным источникам оценивалось в 28 тысяч человек.

Прочитанное мною не оставляло сомнений в том, что переломный момент наступил в начале XVII века в ходе кампаний Саснейоса, сломившего сопротивление фалашей. Прежде они были многочисленным и могущественным народом с собственным царством и царями; позже, лишенный всех прав и подвергающийся постоянному избиванию, он стремительно терял свою численность.

Историческая хроника разрешила, таким образом, беспокоившее меня противоречие, а именно: как объяснить более позднее преследование и обнищание фалашей, если соответствовало истине утверждение, что иудаизм был принесен в Эфиопию столь яркой фигурой, как Менелик I, который также доставил в страну священный ковчег завета, — самую ценную и престижную реликвию античного мира. Теперь я понимал, что здесь вообще не крылось никакого противоречия. В самом деле арена, на которой иудаизм когда-то пользовался огромным влиянием, подсказывала единственный возможный мотив для безжалостных погромов, резни и массового закабаления, к которым прибегали Саснейос и другие христианские императоры в отношении своих соотечественников фалашей. Проще говоря, подобное странное и явно психопатическое поведение имело свой, хоть и извращенный, смысл, если христиане в самом деле *боялись* возможности возрождения иудаизма и если их страх проистекал из того факта, что эта конкурирующая монотеистическая религия оказывала исключительно сильное и длительное влияние на эфиопскую жизнь.

«ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ЖЕЛАНИЯ СЕРДЦА…»

Все это, рассуждал я, убедительно подтверждает ту точку зрения, что иудаизм появился в Эфиопии раньше христианства. Тем более что это служило и социальным подтверждением легендарного описания похищения Менеликом ковчега. Я подытожил свои познания:

• Архаичный обычай фалашей приносить в жертву животных, как и некоторые другие религиозные обряды, ставили под серьезное сомнение консервативное академическое мнение о более позднем (южно-аравийском) происхождении эфиопского иудаизма. Напротив, собранные свидетельства довольно убедительно подсказывали, что иудейская вера должна была прийти в Эфиопию во времена Первого храма и оказалась в те же времена изолированной там. Больше того, «Кебра Нагаст» представляет самое красноречивое описание того, как и почему иудаизм пустил корни в сердце Африки в столь древнее время. Поскольку в этом описании центральной была история похищения ковчега, постольку заслуживает серьезного отношения притязание Эфиопии на обладание священной реликвией.

• Имеются четкие сведения, указывающие на то, что иудейская вера играла важную роль в Эфиопии задолго до прихода в IV веке н. э. христианства. Они же подсказывают, что иудеи и христиане позже вступили в длительную борьбу не на жизнь, а на смерть. В ней победили христиане, которые и захватили ковчег завета. С тех пор они постепенно включили

ковчег в свои собственные, неиудейские религиозные обряды. Таково было единственное удовлетворительное объяснение иначе не поддающейся пониманию аномалии, а именно: центральной, уникальной в христианском мире роли, которую в службах Эфиопской церкви играют копии реликвии Ветхого Завета.

• Эти копии являются отражением, содержимого ковчега, т. е. скрижалей, а не самого ковчега. Поначалу этот факт запутал меня; теперь я понял, что это был лишь образец культуры, «экономившей на своих символах». В святая святых каждой из более чем двадцати тысяч православных церквей Эфиопии хранился свой *табот.* За всеми этими *таботат,* да и за суеверным благоговением, которое они внушают населению в целом, скрывается таинственный и могущественный предмет. Теперь мне представлялось вполне возможным, что таковым предметом может на самом деле быть священный ковчег завета.

Разумеется, еще не все концы сходятся с концами. В том числе следует указать важную проблему этнической принадлежности царицы Савской (была ли она действительно эфиопкой?). С нею связано не менее весомое и законное сомнение, высказываемое учеными: возможно ли, что в эпоху Соломона Эфиопия имела достаточно «развитую» цивилизацию, для того чтобы вступить в прямой культурный контакт с Древним Израилем? И наконец, остается проблема Аксума, к которой в 1983 году мое внимание привлек Ричард Пэнкхерст [28]. Этот священный город даже еще не существовал во времена Соломона, и, следовательно, ковчег не мог быть доставлен туда. Но это не исключает возможности, что реликвия хранилась в каком-то ином месте Эфиопии, а позже была перенесена в Аксум. Тогда где находилось это «иное место» и почему я не нашел предании о нем?

Таковы, понимал я, вопросы, на которые мне придется искать ответы. Возникали и другие вопросы. В самом деле, оккультной и скрытой природе ковчега завета присуще то, что он *постоянно* порождает вопросы, путаницу, двусмысленности и предчувствия дурного. Предмет столь редкий и ценный, наделенный подобной силой, горячо почитавшийся на протяжении стольких столетий и заряженный сверхъестественной энергией Бога, едва ли должен выдавать свои секреты с легкостью или любому случайному искателю.

И все же я чувствовал, что уже раскопанные мною сведения, подтверждающие притязание Эфиопии на роль последнего пристанища ковчега, стимулируют работу мысли в достаточной степени, для того чтобы продолжить исследование. Больше того, когда я соединил эти сведения с результатами моей расшифровки «Парсифаля» Вольфрама, мне трудно было удержаться от вывода, что два плюс два действительно равняется четырем.

Короче говоря, зная уже то, что я знал, мне не казалось удивительным, что тайная традиция поиска была сосредоточена на Абиссинском нагорье. В конце концов, для группы рыцарей, личности которых связаны с тайнами храма Соломона, никакая другая реальная историческая реликвия, кроме ковчега не могла послужить более подходящей целью рыцарских усилий. Одновременно лишь в одной стране следовало предпринимать такие усилия со сколь-нибудь реальной надеждой на успех, в стране с живым институтом поклонения ковчегу с наследием Соломона и с правдоподобным притязанием на обладание самим ковчегом.

Поэтому я верил, что прав в своей гипотезе, что в конце XII века тамплиеры направились на поиск в Эфиопию, и верил, что они нашли бесценную реликвию, которую Вольфрам описал как «осуществление сердечного желания». Как я расскажу в следующей главе, я также верил, что они утратили ковчег в очередной раз, что его отобрали у них и они вынуждены были покинуть Эфиопию без него.

Почему? Потому что немногие храбрецы осмеливались посещать Эфиопию в поисках ковчега в XIV веке после полного уничтожения ордена рыцарей храма Соломона.

Дальше: хотя они и путешествовали в разное время, все более поздние искатели приключений были прямо связаны с тамплиерами и унаследовали их традиции.

Глава 7
ТАЙНА И НИКОГДА НЕ КОНЧАЮЩИЙСЯ ПОИСК

С I по VI века империя со столицей в Аксуме в северной Эфиопии по праву могла претендовать на место среди самых мощных и процветающих в известном тогда мире. Она вела дела на равных с Римом и Персией и отправляла свои парусники в далекие порты Египта, Индии, Цейлона и Китая. Впечатляли ее достижения в архитектуре и искусстве, и она стала первым бастионом христианства в Черной Африке, приняв новую религию в качестве государственной в начале IV века н. э. (приблизительно одновременно с удивительным обращением Константина Великого).

К VII же веку свет Аксума стал меркнуть, он уже редко посылал посольства за границу, а его когда-то огромная военная сила пришла в упадок. Эти перемены, приведшие со временем к полной изоляции, были тесно связаны с наступлением воинственных сил ислама и с окружением абиссинского христианства при и после жизни пророка Магомета (570–632). «Окруженные врагами своей религии, — писал Эдуард Гиббон в книге «Упадок и падение Римской империи», — эфиопы спали почти тысячу лет, забыв о мире, который забыл о них».

Указанное великим английским историком тысячелетие длилось примерно с шестого по шестнадцатое столетие, и в тот период, справедливости ради стоит заметить, Эфиопия практически исчезла из мирового сознания. Ранее хорошо известная и привлекавшая довольно большое число путешественников, эта христианская страна в отдаленных нагорьях Африки постепенно превратилась в таинственную землю мифов и магии, в которой, как считалось, обитали драконы и другие чудовища, в *терра инкогнито,* в которую никто не осмеливался проникнуть.

Так и хочется предположить, что абиссинцы вернулись в состояние варварства или пребывали в застое на протяжении долгой черной дыры в своей истории. Мои исследования показали, однако, что истина заключалась в прямой противоположности: как доказали необычайные, высеченные из скалы церкви Лалибелы, в стране сохранялась богатая и своеобразная культура. Больше того, хотя эта культура была обращена внутрь и с подозрением относилась к иностранным державам, она продолжала поддерживать контакт с внешним миром. Сам принц Лалибела провел двадцать пять лет в изгнании в Иерусалиме во второй половине XII века. И именно из Иерусалима он вернулся, чтобы востребовать свое царство и создать монолитные церкви, носящие сегодня его имя.

Как описано в главе 5, мои находки убедили меня в том, что Лалибелу мог сопровождать контингент тамплиеров, когда он покинул в 1185 году Святую землю, чтобы отвоевать свой трон. Эти рыцари, считал я, руководствовались прежде и больше всего желанием найти в Эфиопии ковчег завета. В подтверждение этой цели логично предположить, что они просто жаждали помочь принцу добиться его политических целей, ибо только так они могли надеяться на обретение большого влияния.

Читатель припомнит, что тогда-то мне и стала известна эфиопская легенда об участии таинственных «белых людей» в строительстве церквей Лалибелы. Речь шла о древнем предании. Оно было уже старым, когда его впервые в начале XVI века записал португальский путешественник отец Франсишко Алвареш. Я знал, что тамплиеры были великими строителями и архитекторами, и мне трудно было удержаться от заключения, что они и могли быть теми «белыми людьми», которые приложили руку к созданию высеченных из скалы монолитов. Дальше, поскольку выдалбливание церквей заняло двадцать четыре года, напрашивался вывод, что рыцари находились в. Эфиопии довольно продолжительное время и, возможно, строили планы еще более длительного участия в делах страны.

Подозрение, что так оно и было, усилилось в ходе моего исследования. Для объяснения причины прежде всего необходимо познакомить читателя с тем, что происходило во время и сразу же после жестокого преследования ордена в начале XIV века. Нужно также снабдить

эту информацию перекрестными ссылками на определенные события, имевшие место в Эфиопии примерно в то же время.

ПОГРУЖЕННЫЙ В ТЬМУ ПЕРИОД

Основанный в 1119 году и получивший официальное признание церкви на синоде в Труа в 1128 году, орден тамплиеров стремительно превратился в могущественную международную силу, обрел богатство и престиж, но ему было суждено потерять все это всего лишь через два столетия. История катастрофического коллапса ордена рассказывалась слишком часто и подробно, чтобы излагать ее здесь в деталях. Достаточно сказать, что совершенно неожиданно в пятницу 13 октября 1307 года были арестованы все проживавшие во Франции тамплиеры. Была проведена хорошо спланированная операция, когда приставы и сенешали французского короля Филиппа IV захватили на рассвете одновременно сотни владений тамплиеров. Уже к вечеру 15 000 человек были закованы в цепи, и пятница 13-го завоевала уникальное место в народном воображении как самый несчастливый и зловещий день в календаре.

Для оправдания драматического и унизительного ареста тамплиеров против них были выдвинуты обвинения столь же ужасные, сколь и надуманные. Их обвиняли, например, в отрицании Христа и оплевывании Его образа, в обмене между собой неприличными поцелуями, «оскорбляющими человеческое достоинство, в соответствии с нечестивым ритуалом ордена» (они, как утверждалось, целовали каждого принимаемого в орден во время посвящения в анальное отверстие, в пупок и в рот). Также утверждалось, что тамплиеры занимались широким спектром гомосексуальной практики («навязываемой без возможности отказа от нее») и — последнее, но не менее важное — что они приносили жертвы идолам.

В то время (и до 1377 г.) официальный папский престол находился в городе Авиньон в Провансе. Здесь нет смысла вникать в причины оставления папой Ватикана. Однако очевидно, что перемещение папского престола в столь близко расположенное от французской территории место давало королю Филиппу возможность оказывать огромное влияние на папу (Климента V, которого возвели в сан в Лионе в 1305 г. в присутствии Филиппа). Это-то влияние и пошло во вред тамплиерам, уничтожения которых Филипп добивался не только во Франции, но и во всех странах, где они обосновались. С этой целью французский монарх оказал нажим на Климента V, и тот в установленном порядке издал буллу («Пасторалис прееминенцие» от 22 ноября 1307 г.), которой положил взять под стражу тамплиеров по всему христианскому миру.

Жесткие меры были приняты также в Англии, Испании, Германии, Италии и на Кипре, а в 1312 году новой буллой папы-марионетки орден был запрещен. Тем временем тысячи тамплиеров были подвергнуты страшным пыткам и допросам. Позже многие были сожжены на кострах, в том числе и великий магистр Жак де Моле и настоятель в Нормандии Жоффруа де Шарне.

Я не намерен распространяться здесь о преследованиях, судилищах и уничтожении тамплиеров. Этим вопросом я заинтересовался лишь постольку, поскольку откопал некоторые свидетельства того, что тамплиеры могли искать ковчег завета в конце XII века. Установив, что в 1185 году Лалибелу во время его возвращения из Иерусалима могла сопровождать группа рыцарей, я, естественно, задался вопросом: что могло случиться дальше? И любопытство заставило меня искать ключи в дальнейшей истории ордена тамплиеров.

История эта оказалась довольно короткой: лишь 130 лет спустя после воцарения Лалибелы на троне Эфиопии тамплиеры были схвачены и преданы пыткам и сожжению на костре. Их собственность и деньги были поделены между царствующими домами Европы; их орден приказал долго жить, а их доброе имя было запятнано обвинениями в гомосексуализме, богохульстве и идолопоклонстве.

В истории последнего столетия их существования я не смог найти ни одного указания на длительное пребывание тамплиеров в Эфиопии. После первого десятилетия XIII века не было никаких следов их деятельности: с того времени и до арестов в 1307 году орден занимался, похоже, исключительно своими кампаниями на Ближнем Востоке и преумножением собственной власти и богатства.

Где еще, задавался я вопросом, можно найти нужные мне сведения? Было предпринято немало попыток зафиксировать развитие событий в Эфиопии в занимавший меня период. Мне было известно, что Джеймс Брюс сделал все, что было в его силах, чтобы собрать и записать древние предания во время своего длительного пребывания в стране в XVIII веке. Поэтому я и обратился к его «Путешествиям», которые теперь постоянно находились на моем письменном столе.

В конце первого тома, как я и надеялся, мне попалось несколько страниц, посвященных царю Лалибеле. К сожалению, многое из записанного шотландским любителем приключений не имело значения для моего исследования. Но одна деталь привлекла мое внимание. Основываясь на «считавшихся в Эфиопии подлинными историях и преданиях», Брюс сообщал, что Лалибела предлагал схему уменьшения стока воды в Нильскую речную систему, дабы «уморить голодом Египет». После «точного обзора и подсчета» просвещенный монарх из династии Загве, похоже, убедился в том, «что на вершинах или в самой высокой части [Эфиопии] бегут несколько рек, которые могут быть перехвачены шахтами, а их поток направлен в долину на юге вместо вливания в Нил, увеличения его вод и их ухода на север. Таким образом, обнаружил он, ему удастся избежать притока воды, которой хватило бы Египту для сельского хозяйства». [29]

Подобный проект, не мог не подумать я, вполне устроил бы тамплиеров, которые к концу царствования Лалибелы (1211 г.) начали планировать завоевание Египта. В то время состоялось несколько продолжительных сражений на берегах Нила, и тамплиеры потратили больше года на осаду арабской крепости Дамиетта в дельте. Нет сомнений в том, что они были бы не прочь иметь дело с ослабленным и «голодающим» Египтом.

На деле, однако, проект переброски рек так и не был осуществлен: «Смерть, обычный враг всех этих колоссальных предприятий, вмешалась в данном случае и остановила дело Лалибелы». Брюс далее комментирует правление двух последних монархов из династии Загве:

«Преемником Лалибелы стал Имрахана Кристос, замечательный лишь тем, что он был сыном такого отца, как Лалибела, и отцом такого сына, как Наакуто Лааб; они оба отличались весьма необычайными делами, хоть и очень разными по своему характеру. Труд первого, на который мы уже намекнули, состоял в великих технических предприятиях. Труд другого — операция на мозге еще более трудного характера — победа над собственными амбициями и добровольное отречение от трона».

Я был уже знаком с историческими подробностями дальнейшего. В 1270 году Наакуто Лааба — последнего из Загве — убедили отречься от престола в пользу некоего Иекуно Амлака — монаха, притязавшего на происхождение от Соломона. Этот царь, как припомнит читатель, выжидал удобного случая в отдаленной провинции Шоа, где выжили потомки Соломона по прямой линии — единственного принца, спасшегося во время переворота иудейской царицы Гудит в XI веке.

Брюс почти ничего не говорит о самом Иекуно Амлаке или о его непосредственных преемниках — Ягбе Сионе (1285–1294) и Ведеме Арааде (правившем до 1314 г.). В самом деле похоже на то, что обычно изощренные методы исследования, которые предпочитал шотландский путешественник, не добыли ему сколь-нибудь серьезной информации о столетии, последовавшем за смертью Лалибелы в 1211 году: «Весь этот период погружен в

тьму, — жалуется Брюс. — Мы можем лишь строить догадки, но, поскольку мы не способны на что-либо иное, они нам многого не дадут».

Подобный мрак, как я знал, уже окружал период, предшествовавший восхождению Лалибелы на трон. У меня осталась таким образом куча вопросов. Пожалуй, самый важный из них касался ковчега завета: мне просто необходимо было знать, что случилось с ним на протяжении примерно 300 лет (с X по XIII век), на которые прерывалось царствование династии Соломона. И мне необходимо было знать, имели ли тамплиеры прямой доступ к священной реликвии, если — как я предполагал — они обосновались в Эфиопии во время царствования Лалибелы.

Я вновь позвонил в Аддис-Абебу историку Белаи Ге-даи и попросил его просветить меня своим знанием местных преданий.

— Мы, эфиопы, считаем, — сказал он мне, — что в десятом веке ковчег был вывезен из Аксума священниками и другими людьми, дабы спасти его от уничтожения царицей Гудит, и был доставлен на один остров на озере Звай…

— Вы имеете в виду: в долине Рифт — к югу от Аддис-Абебы?

— Да.

— Далеко же его увезли.

— Да, но на более близком расстоянии он не был бы в безопасности. Гудит была иудейкой, вы знаете. Она хотела внедрить религию фалашей по всей стране и уничтожить христианство. В Аксуме она ограбила и сожгла церкви. Поэтому священники и увезли ковчег, чтобы он не попал в ее руки, и увезли очень далеко — аж на Звай, где, по их мнению, он был ей недоступен.

— Вы знаете, как долго ковчег находился на острове?

— Наши предания говорят, что семьдесят лет, а затем был доставлен обратно в Аксум.

Я поблагодарил Гедаи за помощь и положил трубку. Сказанное им более или менее совпадало с общей картиной средневековой истории Эфиопии, которую я уже составил для себя из множества фрагментов. Я знал, что Гудит занимала трон страны еще несколько лет после того, как она свергла династию Соломонидов, а также — что ее сменил первый монарх из династии Загве, по-видимому, тоже еврей.

Позже (еще задолго до времени Лалибелы) Загве обратились в христианство. Поэтому представляется вполне возможным, что они разрешили вернуть ковчег в его привычный «дом покоя» в Аксуме, где он предположительно и находился, когда к власти пришел Лалибела.

Подтверждением этого довода служило свидетельство очевидца, видевшего ковчег в Эфиопии, — армянского географа Абу Салиха в его «Церквах и монастырях Египта и некоторых соседних стран». Из этого текста (как объяснили во введении его переводчик и редактор) вытекает с очевидностью, что он был написан «в первые годы тринадцатого века» — иными словами, во время царствования Лалибелы. Хотя Абу Салих ни разу не упоминает, в *каком* городе Эфиопии он видел священную реликвию, нет серьезных оснований сомневаться, что речь идет об Аксуме. Больше того, при повторном перечитывании соответствующей страницы меня поразили несколько слов, которые я проглядел прежде. Описывая транспортировку ковчега во время определенных ритуалов, географ отмечает, что «им занимались и переносили его» носильщики «с белым и красным цветом лиц, с красными волосами».

Меня охватило неподдельное волнение, когда я сообразил, что вижу перед собой второе раннее и не вызывающее сомнений свидетельство предполагаемого присутствия таинственных белых людей в Эфиопии во времена царя Лалибелы (тем более что в другом авторитетном переводе в этом месте написано «со светлыми», а не с «красными» волосами).

Алвареш уже писал о старом предании про то, как белые люди создали удивительные церкви, высеченные из скалы, предании, совпадавшем с тем, что я уже знал о продвинутом архитектурном мастерстве тамплиеров. Теперь же, словно ради подкрепления моей эволюционной теории, Абу Салих как бы адресовал мне через семь столетий потрясающее сообщение о том, что мужчины с белым и красным цветом кожи, рыжие или даже блондины, иными словами, весьма похожие на европейцев-северян, были тесно и непосредственно связаны с самим ковчегом завета.

Вероятность того, что эти мужчины могли быть тамплиерами, выглядела весьма привлекательной, но это лишь привязывало мое исследование к началу XIII века, оставляя без ответа ключевые вопросы. Если виденные Абу Салихом европейцы-северяне в самом деле были тамплиерами, то довольствовались ли они тем, что время от времени носили реликвию, или все же пытались вывезти ее из Эфиопии в Европу? И самое важное: если пытались, удалось ли им это?

По всем этим пунктам, пришлось мне признать, я был лишен достоверной исторической информации. Тамплиеры, несомненно, были одержимы скрытностью [30], и меня совсем не удивляло поэтому, что их собственные документы и архивы давали столь мало информации. Да и эфиопские анналы мало что сообщали: после изучения широкого спектра различных источников я вынужден был констатировать, что последовавшее за смертью царя Лалибелы столетие действительно было «погружено во мрак», как и утверждал Джеймс Брюс. Не было известно почти ничего о происходившем в тот период.

Я начал испытывать крайний пессимизм относительно перспектив преодоления этого тупика в исследовании. Тем не менее я позвонил в Аддис-Абебу Ричарду Пэнкхерсту и спросил его, было ли хоть что-то в архивах о возможных контактах эфиопов и европейцев в указанный период.

— Насколько я знаю, до 1300 года нет ничего, — ответил он.

— А что после 1300-го? Полагаю, первый задокументированный контакт с европейцами относится к прибытию в Эфиопию в 1520 году португальского посольства?

— Не совсем так. Небольшое число миссий отправлялось в обратном направлении — в смысле, из Эфиопии в Европу. Так уж случилось, что первая из них была послана в течение столетия после смерти Лалибелы — то есть именно в интересующий тебя период.

В нетерпении я даже сдвинулся на краешек стула:

— И ты знаешь точную дату?

— Да, — ответил Ричард. — Это было в 1306 году. Довольно большая миссия, посланная императором Ведемом Араадом — в нее входило около тридцати человек.

— И какая цель ставилась перед миссией?

— Не могу сказать с уверенностью. Тебе следует проверить источник. Но я знаю, что ее конечным пунктом был Авиньон на юге Франции.

ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ РЕШЕНИЕ?

Ричард даже не осознавал, что подбросил мне небольшую бомбу. Авиньон был престолом папы Климента V, возведенного в сан в Лионе в 1305 году в присутствии короля Франции Филиппа. Больше того, как мне было уже известно, именно Климент V приказал схватить тамплиеров по всему христианскому миру в 1305 году. Теперь я узнал, что эфиопская делегация на высоком уровне (и первая когда-либо посланная в Европу) посетила Авиньон в 1306 году — ровно за год до арестов храмовников. Были ли эти даты и события связаны чистым совпадением? Или в их основе лежала определенная причинно-следственная связь? Дабы получить ответы на эти вопросы, я постарался установить, встретились ли абиссинские посланцы с папой во время своего визита, и, если встретились, мне предстояло попытаться узнать, что они обсуждали.

Изначальным источником информации о миссии 1306 года был генуэзский картограф Джовани да Кариньяно, вычерчивавший карты в 1291–1329 годах. Я с удивлением обларужил, что этот же Кариньяно вызвал ощутимое изменение в представлениях европейцев об Эфиопии: после нескольких столетий путаницы (см. главу 4) он стал первым специалистом, недвусмысленно указавшим на то, что «Престер Джон» правил скорее в Африке, нежели в «Индии».

Кариньяно встретился с членами эфиопского посольства, когда они проезжали через Геную в 1306 году на обратном пути из Авиньона на родину. Из-за неблагоприятных ветров они провели «много дней» в итальянском порту, где картограф и расспросил их о «ритуалах, обычаях и областях» их страны.

К сожалению, трактат Кариньяно, содержавший всю предоставленную эфиопами информацию, был позже утерян. До нашего времени сохранилась лишь короткая выдержка из него в «Бергамской рукописи» конца XV века, составленной неким Якопо Филиппе Форести.

Мне удалось раздобыть английский перевод указанной выдержки. Она состоит из одного-единственного абзаца, в котором Форести хвалит и вкратце излагает трактат Кариньяно:

«Среди многих вещей, записанных в нем о государстве [эфиопов]… говорится, что их император — самый христианский и в верности ему поклялись семьдесят четыре царя и несчетное число принцев… Известно, что этот император в год 1306-й нашего спасения направил тридцать посланников [которые]… почтительно предстали перед папой Климентом V в Авиньоне».

И это — помимо нескольких пустяков и уже упомянутого указания на «Престера Джона» — все, что было, известно о первой эфиопской миссии в Европу. Как бы ни были скудны эти сведения, они все же укрепили меня в предположении, что посланцы встретились-таки с папой Климентом V [31] и было это ровно за год до того, как последний разрешил массовые аресты рыцарей-тамплиеров.

Не было никаких сведений о содержании встречи, как и намека хотя бы на причину желания императора Эфиопии установить контакт с папой Климентом V в 1306 году. Мне казалось невероятным, чтобы Ведем Араад послал столь большое посольство с такой неслыханной и длительной миссией без особо важной причины. И я посчитал себя вправе строить догадки относительно этой причины.

Раскрыв свою записную книжку, я внес следующие предположения, догадки и гипотезы:

«Предположим на минуточку, что тамплиеры сопровождали принца Лалибелу из Иерусалима в Эфиопию в 1185 году и помогли ему взойти на престол. Предположим, что «белые люди», якобы создавшие церкви Лалибелы, действительно были тамплиерами. Предположим также, что «белые люди», которых видели носившими ковчег завета в Эфиопии в первом десятилетии XIII века, были теми же тамплиерами».

Следовательно, орден добился влиятельного и доверительного положения при дворе Лалибелы и всей династии Загве, к которой он принадлежал. Если так оно и было, тогда логично предположить, что два последних монарха из династии Загве (Имрахана Кристос и Наакуто Лааб) также поддерживали добрые отношения с тамплиерами, за которыми они сохранили привилегированный доступ к ковчегу.

Предположим, что все именно так и происходило и что на протяжении шестидесяти лет после смерти Лалибелы в 1211 году тамплиерам разрешалось приближаться к священной реликвии, но только не увозить ее из Эфиопии. Возможно, они *планировали* увезти ее и лишь ждали удобного момента для этого. Тем временем по мере старения рыцарей, первоначально прибывших в Эфиопию, орден, видимо, посылал им замену из земли обетованной. Особой

спешности в этом не было: они могли довольствоваться пока нахождением ковчега в Эфиопии.

Подобное состояние дел должно было измениться коренным образом в 1270 году, когда (по какой бы то ни было причине) Наакуто Лааба убедили отречься от престола и его сменил Иекуно Амлак, претендовавший на принадлежность к Соломонидам. В отличие от Загве Соломониды были неразрывно связаны с ковчегом завета и с представлением о том, что Менелик I — основатель их династии привез его из Иерусалима во времена царствования самого Соломона. В этом контексте нельзя забывать, что первый записанный вариант «Кебра Нагаст» был составлен по распоряжению Иекуно Амлака. Другими словами, хотя к тому времени устная легенда была уже очень старой, Иекуно Амлак пожелал придать ей официальный статус. Почему? Да потому, что тем самым прославлялось и узаконивалось его право на трон.

Отсюда вытекает, что Иекуно Амлак должен был прийти в ужас от присутствия в его стране контингента воинственных, вооруженных (и технически оснащенных) иностранцев вроде тамплиеров, имевших к тому же возможность вызвать подкрепления из числа тысяч членов своего ордена на Ближнем Востоке, иностранцев, проявлявших особый интерес к ковчегу и, возможно, планировавших выкрасть его.

Предположим, однако, что поначалу Иекуно Амлак (еще не совсем уверенный в себе новичок на троне) попытался умиротворить этих сильных и опасных белых людей, возможно, создав у них ложное впечатление, будто желает сотрудничать с ними в том же духе, что и монархи Загве. Такая стратегия выглядела бы вполне логичной, особенно если иметь в виду, что у него была очень маленькая армия, и объяснила бы, почему во время его царствования не случилось ничего захватывающего. Поэтому именно его преемникам выпало искать окончательное решение проблемы освобождения от тамплиеров и сохранения ковчега.

Сын Иекуно Амлака (Ягба Сион, 1285–1294) был, видимо, даже слабее своего отца в военном отношении. Его сменил гораздо более сильный по характеру Ведем Араад, правивший до 1314 года. Примечательно, что именно Араад направил в 1306 году большое посольство в Авиньон к папе Клименту V.

Возможно ли, что посольство было отправлено с целью доставить неприятности тамплиерам и, быть может, дать папе и французскому королю (Филиппу IV) повод безотлагательно расправиться с орденом? Такой повод мог заключаться в предположении, что рыцари планируют доставить ковчег завета во Францию. В конце концов, в тот период воображением людей правили глубокие предрассудки. Располагая такой священной и могучей реликвией, тамплиеры оказались бы в уникальном положении, позволяющем бросить вызов и светской, и религиозной властям страны, а власти эти, без сомнения, предприняли все возможные меры для предупреждения подобной возможности.

Эта теория начала выглядеть особенно привлекательной на фоне арестов тамплиеров во Франции и других странах. Все они были произведены в 1307 году, т. е. через год после отъезда эфиопской миссии из Авиньона. Это полностью совпадает с тем, что известно о поведении короля Филиппа IV: есть свидетельства того, что свою операцию против тамплиеров он планировал еще за год до ее осуществления (т. е. в 1306 г.), как и того, что на протяжении этого, года он несколько раз обсуждал свои планы с папой Климентом..

Было бы, конечно, безумием вообразить, что избиение тамплиеров было вызвано только лоббированием эфиопских эмиссаров. Сыграли роль злоба и алчность Филиппа IV (первая потому, что орден давал несколько раз королю по носу, а вторая потому, что он, несомненно, положил глаз на огромные деньги, хранившиеся в казне тамплиеров в границах его королевства).

Точно так же было бы безумием воображать, будто эфиопская миссия в Авиньон в 1306 году никак не связана с событиями 1307 года. Напротив, более чем вероятно, что такая связь существовала и выражалась, я убежден, в ковчеге завета.

ПОРТУГАЛЬСКИЙ И ШОТЛАНДСКИЙ СЛЕДЫ

Тамплиеры были богатым и сильным международным братством религиозных воинов. По существу, их оказалось не так легко уничтожить, как ни старались король Филипп IV и папа Климент V. Наиболее эффективно и полно они были раздавлены во Франции, но и там отдельные рыцари избежали поимки [32] (как и весь флот тамплиеров, улизнувший из атлантического порта Ла-Рошель утром в день арестов и с тех пор пропавший без следа).

В других странах инквизиция и суды проводились с меньшей строгостью, нежели во Франции. Тем не менее тюремное заключение, пытки, казни, конфискация имущества и окончательный роспуск ордена имели место в Англии (после значительной задержки), Испании, Италии, Германии, на Кипре и других местах.

В Португалии же и Шотландии тамплиеры сумели, похоже, избегать преследования почти полностью. В самом деле, в этих странах сложились столь благоприятные условия, что орден смог в них выжить.

В то время как папа Климент V издал свою буллу, приказав взять под стражу тамплиеров по всему христианскому миру — в ноябре 1307 года, Шотландия была охвачена жестокой борьбой за сохранение национальной независимости против колониальных устремлении Англии. Возглавлял эту борьбу самый известный из шотландских монархов — король Роберт Брюс, который в битве при Баннокберне в 1314 году нанес англичанам столь сокрушительное поражение, что гарантировал на века свободу своей страны. Посвятив всю свою энергию войне, Брюс вовсе не был заинтересован в проведении папской вендетты против тамплиеров. Поэтому он лишь сделал вид, что подавил их: арестованы были только два рыцаря, и единственное, что он потребовал от остальных, чтобы они не высовывались.

Король Шотландии был последователен в своем поведении: все свидетельствует о том, что он гарантировал безопасность не только местным тамплиерам, но и членам ордена, бежавшим от гонений из других стран. Отнюдь не будучи альтруистом, он проводил такую великодушную политику, дабы поощрить вступление беглых рыцарей в свою армию. Далее, довольно убедительно было показано, что контингент тамплиеров дрался-таки на стороне Брюса при Баннокберне, и это предположение заслуживает дополнительного исследования, особенно если помнить, что в знаменитой битве победоносные шотландцы шли в бой за крошечной ракой в форме ковчега [33].

Милость, оказанная Брюсом тамплиерам в Шотландии, и тот факт, что многие рыцари избежали ареста в Англии (из-за отсрочки в реализации там буллы папы), позволили ордену уйти в подполье на Британских островах — иными словами, выжить в скрытой и тайной форме и избежать полного уничтожения. На протяжении столетий ходили слухи о том, что это тайное выживание приняло форму франкмасонства [34] — эта точка зрения опирается на конкретное масонское предание о том, что самая старая шотландская ложа (Килуиннинг) была основана королем Робертом Брюсом после битвы при Баннокберне «для принятия тех рыцарей-тамплиеров, которые сбежали из Франции». В XVIII веке высокопоставленный шотландский масон и историк Эндрю Рэмзи добавил достоверности этому преданию, исследовав массу материалов о связях франкмасонства и тамплиеров. Примерно в то же время ведущий немецкий масон барон Карл фон Хунд заявил, что «франкмасонство берет начало в тамплиерах, и, следовательно, каждый масон является тамплиером».

Неудивительно, что подобные откровенные заявления делались в XVIII веке (а не в более раннем столетии): это был период, когда масоны наконец «вышли из шкафов» и начали говорить о себе и своей истории [35]. Соответственно, когда новый дух открытости поощрил дальнейшее исследование, стало ясно, что «тамплиеризм» всегда был важной

силой внутри масонской системы. Подобное исследование, вместе с совершенно иным материалом, прежде закрытым, было недавно включено в подробное и заслуживающее доверия исследование, которое разбирает по пунктам множество путей, какими формировалось масонство и как беглые тамплиеры оказывали свое влияние на них.

В мои намерения не входит участие в несомненно горячих, запутанных и весьма специфических дебатах. Я лишь хотел подчеркнуть, что масонская система унаследовала-таки многие из главных традиций ордена храма Соломона и что такое наследие было сначала передано на Британских островах в 1307–1314 годах тамплиерами, пережившими папское преследование, благодаря особо благоприятным условиям, созданным в то время в Шотландии.

К тому же Шотландия, как было уже сказано, не была единственной страной, в которой тамплиеры вышли сухими из воды. В Португалии их судили, но признали невиновными и поэтому не пытали и не бросали в застенки. Конечно, будучи верным католиком, португальский монарх (Диниш I) не мог полностью игнорировать указания папы: соответственно на словах он подчинился этим указаниям и распустил орден тамплиеров в 1312 году. Шесть лет спустя он возродился под новым названием: Милиция Иисуса Христа (известная также как Рыцари Христа или — еще проще — орден Христа).

Такое превращение одного ордена в другой позволило португальским тамплиерам не только избежать костров инквизиции в 1307–1314 годах, но и возродиться подобно птице Фениксу из пепла в 1318 году и с тех пор заниматься своими делами как прежде. Вся собственность и средства тамплиеров в Португалии были полностью переданы ордену Христа, как и люди. Больше того, 14 марта 1319 года новая организация получила одобрение и признание папы Иоанна XXII (после смерти Климента V).

В итоге, несмотря на жестокость преследования во Франции и в других странах, португальский орден Христа и британское (особенно шотландское) франкмасонство стали средствами, с помощью которых были сохранены традиции тамплиеров, переданные в отдаленное будущее, быть может, даже до наших дней.

Продвигаясь в своем исследовании, я укрепился в своей вере в то, что одной из увековеченных таким образом традиций был поиск ковчега завета.

«ЖАЖДАЛИ БОЯ, КАК ВОЛКИ, И РЕЗНИ — КАК ЛЬВЫ...»

Даже если моя теория о пребывании тамплиеров в Эфиопии была верна, я понимал, что нет способа установить, что происходило в этой стране после развертывания в 1307 году репрессий в Европе. Исторические архивы практически не располагали сведениями о царствовании Ведема Араада. После направления своей миссии в Авиньон он мог следить, как я мог только догадываться, за развитием событий и получать сведения об уничтожении ордена. Будучи уверенным в том, что никакие рыцари уже не будут досаждать ему, император предпринял, видимо, шаги против еще находившихся в Эфиопии тамплиеров, либо изгнав, либо уничтожив их. Скорее всего последнее.

Такова, во всяком случае, была моя рабочая гипотеза, и я, возможно, не думал бы больше об этой стороне своего исследования, если бы не узнал о «португальском следе» в виде ордена Христа. Ведь за двумя небольшими исключениями [36] *все* известные ранние посетители Эфиопии были португальцами. Мало того, этот интерес Португалии к царству «Престера Джона» проявился, когда не прошло еще и века после уничтожения ордена тамплиеров, и с самого начала направлялся членами ордена Христа.

В тех усилиях первой и наиболее активной фигурой, о которой имеется сколь-нибудь основательная информация, был принц Генрих Мореплаватель — великий магистр ордена Христа, которому его биограф приписывал «силу сердца и исключительную остроту ума» и который «претендовал на свершение великих и высоких дел».

Родившись в 1394 году и уже к 1415 году став опытным моряком, Генрих ставил перед собой амбициозную цель: «познакомиться с землей Престера Джона». Современные ему летописцы, как и нынешние историки, единодушны в том, что он посвятил большую часть своей неординарной жизни именно этой цели. И все же его усилия окружены атмосферой тайны и интриги. Профессор португальского языка, литературы и истории Лондонского университета Эдгар Престэйдж писал:

«Наши знания о путешествиях Генриха далеко неполны, и это главным образом объясняется политикой секретности, которая подразумевала и утаивание фактов… исторических трудов… морских путеводителей, карт, инструкций мореплавателям и их отчетов».

Во времена Генриха настолько велика была приверженность секретности, что опубликование информации о результатах различных разведывательных путешествий наказывалось смертью. Несмотря на это все же известно, что принц был одержим желанием установить прямой контакт: Эфиопией и пытался достигнуть своей цели, обогнув на корабле Африку (поскольку более короткий маршрут через Средиземное море, Египет и Красное море был блокирован мусульманскими войсками). Дальше, еще до того, как проплыть вокруг мыса Доброй Надежды, капитаны португальских кораблей, осмелившиеся плавать вдоль Западной Африки, получали инструкцию расспрашивать о «Престере Джоне», с тем чтобы выяснить, не быстрее ли добраться до его царства по суше.

Можно лишь догадываться об истинной цели португальского принца. Общая точка зрения заключается в том, что он намеревался, как «безупречный крестоносец», сколотить антиисламский союз с христианским императором Эфиопии. Может, и так. Поскольку все серьезные планы по отвоеванию земли обетованной были оставлены за столетие до рождения Генриха, мне трудно было отделаться от мысли, что он мог руководствоваться и иным мотивом — некой скрытой целью, которая, быть может, объясняет и его скрытность, и его одержимость Престером Джоном.

Изучая жизнь великого мореплавателя, я обретал все большую уверенность в том, что его мотивация основывалась на его титуле великого магистра ордена Христа, в качестве которого он должен был унаследовать все мистические традиции ордена храма Соломона. Известно, например, что он углубился в изучение математики и космографии — «курса небес и астрологии» и что его постоянно окружали евреи — врачи и астрономы, которые во многом напоминали вольфрамовского персонажа Флегетания, «видевшего тайны, сокрытые в созвездиях [и] заявлявшего о существовании так называемого Грааля, название которого он прочитал по звездам без какого-либо затруднения».

Безбрачие принца было еще одним свидетельством того, что на него оказывали глубокое влияние традиции тамплиеров. Рыцари Христа не были связаны такими строгими правилами, как их предшественники из ордена Храма.

Однако, подобно великим магистрам тамплиеров до него, Генрих «так никогда и не женился, сохранив великое целомудрие [и] оставшись девственником до своей смерти». Я не мог не задаться вопросом, было ли чистым совпадением то, что просвещенный мореплаватель выбрал для подписания своего завещания день 13 октября 1460 года — 153-ю годовщину арестов тамплиеров во Франции (произведенных 13 октября 1307 года).

Генрих умер в 1460 году вскоре после составления завещания, и лишь совсем недавно — уже в XX веке — увидели свет некоторые секретные архивы, относящиеся к последнему десятилетию его жизни. Среди этих архивов (их подробно опубликовал доктор Хайме Кортеза в журнале «Лузитания» в 1924 г.) была найдена короткая записка о том, что «за восемь лет до смерти Генриха Лиссабон посетил посол Престера Джона». Не известна цель этой миссии, как и содержание бесед принца с эфиопским посланником. Через два года после их встречи, видимо, неслучайно король Португалии Альфонс V даровал ордену Христа духовную

юрисдикцию над Эфиопией. «Мы все еще в неведении, — признает профессор Престэйдж, — относительно причин, приведших к подобному решению».

В год кончины Мореплавателя (1460) в морском порту Симиш на юге Португалии родился достойный его преемник. Этим рыцарем ордена Христа был Васко да Гама, который в 1497 году открыл путь в Индию вокруг мыса Доброй Надежды.

Примечательно, что, отправляясь в прославившее его плавание, да Гама взял с собой две вещи: белый шелковый стяг с вышитым на нем двойным красным крестом ордена Христа и верительные грамоты для вручения Престеру Джону. Мало того, хотя конечным пунктом его назначения действительно была Индия, португальский адмирал посвятил значительную часть своей экспедиции исследованию Африки и — по рассказам — плакал от счастья, когда, став на якорь у берегов Мозамбика, узнал, что Престер Джон живет в глубине материка далеко к северу. *Те же* источники утверждали, что у эфиопского императора «было много городов вдоль побережья». Это утверждение не соответствовало действительности, но следующие остановки да Гамы в Малинди, Момбасе, Браве (где он построил маяк, сохранившийся до сих пор) и Могадишо были вызваны его желанием установить контакт с Престером Джоном [37].

Тем временем в 1487 году — за десятилетие до начала плавания да Гамы — орден Христа финансировал другую инициативу, имевшую целью достижение Эфиопии. В тот год король Португалии Жуан II, одновременно бывший великим магистром ордена, направил своего доверенного помощника Педро де Ковильяна в опасное путешествие ко двору Престера Джона через Средиземное море, Египет и Красное море. Выдавая себя за купца, Ковильян проследовал через Александрию и Каир в Суакин, где в 1488 году поднялся на борт небольшого арабского барка, отправлявшегося в йеменский порт Аден. Затем на его долю выпал ряд приключений, надолго задержавших его в пути. В результате до Абиссинии он добрался лишь в 1493 году и немедленно явился ко двору, где сначала был любезно принят, а затем помещен под домашний арест. Можно лишь догадываться, почему такое случилось. Однако, поскольку известно, что Ковильян был искусным шпионом (прежде он действовал в Испании в качестве секретного агента), трудно удержаться от мысли, что орден Христа поручил ему собрать разведданные о местонахождении ковчега завета. Быть может, он вызвал подозрения, расспрашивая о священной реликвии, кто знает! Во всяком случае он был задержан в Эфиопии до конца своих дней.

Ковильян еще был жив, когда в 1520 году в порту Массауа высадилось первое официальное португальское посольство при дворе Престера Джона и двинулось внутрь страны на встречу с императором из Соломоновой династии Лебна Денгелом, пребывавшем на троне с 1508 года. Одним из членов этого посольства был отец Франсишко Алвареш, который, как припомнит читатель, узнал у местных священников древнее предание о том, что церкви Лалибелы были высечены из скалы «белыми людьми».

Я вновь обратился к английскому переводу пространного повествования, написанного Алварешом после отбытия из Эфиопии в 1526 году. Перечитывая его главу о Лалибеле, я был поражен описанием церкви Святого Георгия. На крыше этого величественного здания был выдолблен «двойной крест, т. е. один крест внутри другого наподобие крестов ордена Христа».

Как мне было уже известно, церкви Лалибелы были высечены из скал во времена тамплиеров — задолго до основания их преемника — ордена Христа. Было бы логичным предположить, что этот орден взял свой крест от тамплиеров, для которых он имел особое значение. Поэтому сообщение об использовании того же рисунка на крыше церкви Святого Георгия — самой искусной во всем комплексе Лалибелы — заинтриговало меня. Мысленно вернувшись к своему собственному посещению его в 1983 году, я никак не мог вспомнить этот двойной крест. Это заинтересовало меня настолько, что я просмотрел все сделанные во

время того путешествия фотографии, которые подтвердили правильность описания Алварешом церкви Святого Георгия — двойной крест там присутствовал.

В середине 20-х годов шестнадцатого столетия, пока португальское посольство все еще находилось при дворе Лебна Денгела, стало очевидным, что Эфиопия вскоре подвергнется нашествию мусульманских орд, сосредоточивавшихся в эмирате Харар в восточной части Африканского рога. Их вел грозный и харизматический полководец Ахмед ибн-Ибрагим эль-Гази, известный под кличкой Грагн (Левша).

После нескольких лет тщательных приготовлений в 1528 году Грагн объявил священную войну и двинул орды диких сомалийцев (поддержанных арабскими и турецкими наемниками) на разграбление христианских плоскогорий. Кампания та затянулась на долгие годы. По всей Эфиопии горели города и деревни, разрушались церкви, разграблялись бесценные сокровища и погибали многие тысячи человек.

Лебна Денгел был довольно холоден с португальцами. На протяжении шести лет, пока их посольство пребывало в Эфиопии (1520–1526), он всячески подчеркивал свою самостоятельность, утверждая, несмотря на угрозу со стороны мусульман (ставшую явной к 1626 г.), что не видит смысла во вступлении в союз с какой бы то ни было иностранной державой. Такое необычно странное поведение могло быть, считал я, вызвано озабоченностью истинными мотивами европейских визитеров, особенно в том, что касалось ковчега завета.

Какие бы опасения ни испытывал император, ему постепенно становилось все яснее, что Грагн представляет собой гораздо большую угрозу, нежели белые люди, — и не только для священной реликвии, но и для самого существования эфиопского христианства. В 1535 году мусульмане напали на Аксута и разрушили до основания самую древнюю и священную, церковь Святой Марии Сионской (из которой — как я расскажу позже в этой главе — священники уже вывезли ковчег на хранение в другое место). В том же году — и это не было чистым совпадением — Лебна Денгел наконец преодолел свое предубеждение против союзов с другими державами и направил эмиссара к королю Португалии с просьбой о срочной военной помощи.

Тем временем весьма затруднились сношения между Эфиопией и Европой (так как турки контролировали большую часть побережья Африканского рога, как и большинство портов Красного моря). Прошло много времени прежде, чем призыв императора достиг пункта назначения, и лишь в 1541 году в Массау высадился контингент из 450 португальских мушкетеров, дабы оказать помощь абиссинской армии, к тому времени практически разбитой и деморализованной (после многих лет постоянного бегства Лебна Денгел скончался от изнурения, и на троне его сменил сын Клавдий, которому едва исполнилось двадцать).

Большая надежда возлагалась на португальское войско, вооруженное мушкетами, пистолетами и несколькими орудиями крупного калибра. Эфиопская царская летопись 1541-года рассказывает о его скрытном перемещении с побережья в нагорье, воздавая хвалу «смелым и отважным воинам, которые жаждали боя, как волки, и резни — как львы». Такая характеристика отнюдь не преувеличивала их качеств: при всей своей немногочисленности они дрались с устрашающей храбростью и одержали ряд решающих побед. Английский историк Эдуард Гиббон подытожил их успехи всего в шести словах: «Эфиопия была спасена четырьмястами пятьюдесятью португальцами».

Примечательно, на мой взгляд, что португальским контингентом командовал не кто иной, как дон Кристофер да Гама — сын знаменитого Васко и, подобно отцу, рыцарь ордена Христа. Джеймса Брюса очень заинтересовал характер молодого авантюриста, которого он описывает следующим образом:

«Он был храбр до безрассудства; опрометчивый и горячий; ревниво относящийся к тому, что он считает честью солдата, и настойчивый в своих решениях… [Однако] в долгом

перечне его несомненных достоинств не было и намека на терпение, весьма необходимое тем, кто командует армиями».

Будучи рыцарем ордена Христа, дон Кристофер, я полагаю, имел особые причины для проведения своих операций в Эфиопии: поначалу он собирался разбить мусульман, затем намеревался разыскать ковчег завета. Его опрометчивость и нетерпеливость стоили ему, однако, жизни прежде, чем он достиг хотя бы одной из своих целей.

Несмотря на их численное превосходство, Кристофер постоянно ввязывался в бой с войсками Ахмеда Грагна (однажды, будучи брошен абиссинцами, португалец столкнулся с 10 000 копьеносцев и разбил их). Такая отчаянная храбрость была-таки чревата большим риском, и в 1542 году дон Кристофер попал в плен (очевидец описывал, как перед тем как его схватили, он «получил пулевое ранение в колено и дрался, держа меч в левой руке, ибо его правая рука была перебита другой пулей»).

Португальского командира сначала жестоко пытали, а затем, согласно описанию Брюсом его последних часов, *«…его привели пред очи мавританского полководца Грагна, обрушившегося на него с упреками, на которые он отвечал такими оскорблениями, что мавр в припадке ярости схватил меч и сам отрубил ему голову».*

Не прошло и года, как погиб и мусульманский полководец. В битве, разгоревшейся 10 февраля 1543 года на берегах озера Тана, его застрелил некий Петер Леон, *«…человек невысокого роста, но очень энергичный и храбрый, бывший слугой дона Кристофера… Мавританская армия не сразу хватилась своего погибшего полководца и обратилась в бегство, а португальцы и абиссинцы преследовали и убивали мавританских воинов до самой ночи».*

Так через пятнадцать лет беспрецедентного разрушения и насилия был положен конец попыткам мусульман покорить христианскую Эфиопию. Португальский контингент заплатил дорогую цену: кроме дона Кристофера в боях погибли около половины из 450 мушкетеров. Потери абиссинцев были неизмеримо большими (достигая десятков тысяч человек), а культурный урон, исчислявшийся сожженными рукописями, иконами и картинами, сровненными с землей церквами и украденными сокровищами, оставил свой отпечаток на цивилизации нагорья на грядущие столетия.

Но величайшее из всех сокровище было спасено: ковчег, вывезенный священниками Аксума за несколько дней до того, как в 1535 году город был сожжен, оказался спрятанным на одном из многочисленных островов-монастырей на озере Тана. Там он хранился еще долго после гибели Грагна. В середине же первого десятилетия XVII века император Фасилидас (которого Брюс называл «величайшим царем, когда-либо всходившим на абиссинский трон») построил новый собор Святой Марии Сионской на развалинах старой церкви, и в него была торжественно возвращена священная реликвия во всей ее былой славе [38].

Фасилидас сделал еще одно важное дело. Несмотря на благодарность его страны португальцам (контингент которых постоянно рос после успешного завершения войны с Грагном), он посчитал своей обязанностью изгнать всех поселенцев. В самом деле, он настолько настороженно относился к их намерениям, что вступил в сговор с турками в Массауа: любой португальский путешественник, прибывающий туда и намеревающийся попасть в Эфиопию, должен был быть схвачен и обезглавлен с выплатой значительной суммы в золоте за каждую доставленную таким образом голову.

ИСТОКИ ТАЙНЫ

После гибели дона Кристофера да Гамы пошла, похоже, на убыль интенсивная заинтересованность ордена Христа в Эфиопии. После же царствования Фасилидаса уже ни один португалец не мог проявить эту заинтересованность.

Однако орден Христа, как уже указывалось, не был единственной организацией, увековечившей традиции тамплиеров. Шотландские франкмасоны также получили свою часть наследия храма Соломона, в котором центральная роль принадлежала ковчегу завета. Из-за этого «шотландского следа» и в связи с тем, что Джеймс Брюс из Киннэрда уверял в своем дальнем родстве с королем, укрывшим беглых тамплиеров в XIV веке, я чувствовал необходимость глубже изучить деятельность самого отважного и решительного из иностранцев, когда-либо посещавших Эфиопию.

При росте в шесть футов четыре дюйма и соответствующем телосложении Брюс был настоящим гигантом («самый высокий человек, которого вы когда-либо видели *бесплатно»,* — так описывал его один из современников). Он также был человеком состоятельным и хорошо образованным. Родившийся в 1730 году в южной части Шотландии, в семейном поместье в Киннэрде, в двенадцатилетнем возрасте он был отправлен в школу Харроу, где учителя оценивали на «отлично» его занятия классическими языками. Позже он завершил свое образование в Эдинбургском университете.

Затем он долго болел. Выздоровев, он отправился в Лондон, чтобы заняться работой, предложенной ему Ост-Индской компанией. В Лондоне он влюбился в красивую женщину по имени Адриана Аллен, на которой и женился в 1753 году. Вскоре он становится партнером тестя в виноторговой компании.

Затем случилась трагедия. Во время поездки во Францию в 1754 году Адриана неожиданно умирает, и, хотя через значительное время он женился вновь и стал отцом нескольких детей, Брюсу понадобилось много времени, чтобы прийти в себя после утраты первой жены.

Не находя себе места и испытывая депрессию, Брюс — начал путешествовать почти беспрестанно, с легкостью изучая новые языки, где бы он ни бывал. Странствия привели его сначала в Европу, где он дрался на дуэли в Бельгии, спустился на судне по Рейну, осмотрел римские развалины в Италии и изучал арабские рукописи в Испании и Португалии. Впоследствии, когда его лингвистические способности получили признание правительства, он был назначен на дипломатический пост британского консула в Алжире. Позже оттуда он отправился в длительное путешествие по побережью Северной Африки, посетил руины Карфагена, а затем и землю обетованную, где осмотрел другие достопримечательности древности. Находилось у него время и для посещения Шотландии, где после смерти отца в 1758 году он стал владельцем семейного имения.

В тот период молодой шотландец занимался астрономией, приобретя два телескопа, которые постоянно возил с собой. Он также овладел топографией и навигацией, которые сослужили ему добрую службу во время путешествий по Абиссинии.

Нет полной ясности, когда он решился на эту последнюю авантюру, но есть свидетельства того, что он довольно долго планировал свое путешествие (известно, например, что он начал изучать уже в 1759 году геэз — классический эфиопский язык). Благодаря таким приготовлениям, включавшим и чтение работ предыдущих путешественников, он приобрел широкие познания об истории страны к тому времени, когда в 1768 году прибыл в Каир, чтобы начать свое эпохальное путешествие.

Что побудило Брюса отправиться в Эфиопию? Сам он однозначно охарактеризовал свои мотивы: я пошел «на риск подвергнуться бесчисленным опасностям и страданиям, самые меньшие из которых погубили бы меня, если бы не постоянное доброе отношение ко мне и защита со стороны провидения», чтобы разыскать истоки Нила. Дабы никто не сомневался в его намерениях, он четко отразил их в полном названии своей объемистой книги:

«Путешествия для открытия истока Нила в 1768, 1769, 1770, 1771, 1772 и 1773 годах».

Однако здесь заключена загадка, которая привлекла внимание не одного историка (хотя так никто и не предложил ее решения). А загадка вот какая: задолго до своего путешествия в

Эфиопию Джеймс Брюс *знал,* что исток Голубого Нила был уже разведан двумя другими европейцами: Педро Паэзом и Жеронимо Лобо (португальскими священниками, жившими в Эфиопии в 1600-х годах, пока Фасилидас не ввел свой запрет).

В ходе исследования, связанного с ковчегом завета, в 1989 году, меня все больше занимала тайна целей. Брюса. Пять объемистых томов его «Путешествий» стали для меня основной справочной литературой, поскольку они давали уникальную картину эфиопской культуры в те времена, когда она еще не была очень уж отделена от своих архаичных истоков. Больше того, я знал, что авантюрист шотландец был человеком ученым, и на меня произвели большое впечатление исключительная точность его наблюдений и общая ценность суждений и мнений по историческим вопросам. Я также отнесся к нему как к человеку честному, не очень склонному к гиперболе, преувеличению и искажению фактов. И я задавался вопросом: поскольку из многих его комментариев было очевидно, что он внимательно изучил труды Паэза и Лобо, — как можно объяснить тот факт, что он не признал их заслуг? Поскольку я полностью согласен с более поздней исторической оценкой (а именно: «Брюс был не столько романистом, сколько самым заслуживающим доверия гидом» [39]), меня все больше озадачивала его очевидная нечестность в важнейшем вопросе — его беспочвенное утверждение относительно того, что «ни один португалец… никогда не видел — и даже не делал вида, что видел, — исток Нила».

Вскоре я открыл для себя; что Брюс солгал не только по этому вопросу. В том, что касается ковчега завета, он был даже еще уклончивее и лживее. Описывая свое посещение священного города Аксум, он комментирует разрушение Ахмедом Грагном первой церкви Святой Марии Сионской и добавляет — совершенно справедливо, — что на ее месте была построена новая.

«В ней, как предполагается, хранится ковчег завета… который, говорят они в своих неправдоподобных легендах, был украден Меneликом у своего отца Соломона перед возвращением в Эфиопию… Я верю, что здесь хранится некая древняя копия Ветхого Завета… но что бы это ни было, оно было уничтожено… Грагном, хотя здесь и утверждают, что оно сохранилось. Это я слышал от самого царя».

В итоге похоже на то, что Брюс пытается уверить нас, будто ковчег никогда не был доставлен в Аксум (поскольку история Менелика и Соломона всего лишь «неправдоподобная легенда»), что хранившаяся когда-то в церкви реликвия была лишь «древней копией Ветхого Завета» и что даже эта реликвия больше не существует, так как была «уничтожена Грагном». Эти заявления были подкреплены затем утверждением, что об этом ему говорил «сам царь». [40]

Если бы не это последнее замечание, я мог бы поверить, что Брюс просто ничего не слышал о том, как ковчег был спасен во время войны с мусульманами и, как позже он был возвращен в Аксум после восстановления церкви Святой Марии Сионской. Утверждение, что «сам царь» подтвердил уничтожение реликвии, было заведомо ложным: в 1690 году — много времени спустя после кампании Грагна и за восемьдесят лет до визита самого Брюса — эфиопский монарх входил в святая святых новой церкви Святой Марии, где он действительно *видел* ковчег (подтвердив, таким образом, его существование). Этот монарх (Иясу Великий) был и царем, и священником, и поэтому ему позволяли не только увидеть священную реликвию, но и заглянуть внутрь. Поскольку невозможно представить себе, чтобы царь во времена Брюса не знал о таком известном и беспрецедентном случае, я не мог не заключить, что шотландский путешественник опять «экономил на правде» [41].

Моя уверенность в том, что так оно и было, укрепилась, когда я понял, что — в противоположность его собственному, процитированному выше заявлению — Брюс вовсе не считал эфиопское предание о Менелике, Соломоне и царице Савской «неправдоподобной легендой». Напротив, относился к нему с большим уважением. В первом томе «Путешествий» (примерно за тысячу страниц до рассказа о его визите в Аксум) пространно описываются

тесные культурные и торговые связи между Эфиопией и землей обетованной в начале времен, описанных в Ветхом Завете. Среди прочих вещей он четко изложил собственную точку зрения, что царица Савская была реальной исторической личностью (а не мифической фигурой), что она действительно побывала при дворе царя Соломона в Иерусалиме («в этом нет никаких сомнений») и что — самое важное — она прибыла именно из Эфиопии, а не из какой-либо другой страны. «[Другие] принимали царицу за арабку, — написал Брюс в заключение, — [но] многие вещи… убедили меня, что она была эфиопкой».

Дальше он называет «не столь уж невероятной» приведенную в «Кебра Нагаст» историю любви царицы и Соломона и последовавшего в результате рождения Менелика. В том же ключе он пересказывает историю визита Менелика в Иерусалим и его возвращения в Эфиопию с «колонией евреев, в том числе и многими знатоками закона Моисея». Эти события, заключает Брюс, привели к «основанию эфиопской монархии и продолжению царской власти в племени Иудином вплоть до настоящего времени… сначала, пока они еще оставались иудеями, затем… после их обращения в христианство».

Все это является не больше и не меньше как кратким изложением «Кебра Наназт» в контексте, придававшем ей гораздо больший вес и историческую достоверность. Странно же то, что, приводя практически все остальные важные подробности, Брюс даже не упоминает о ковчеге завета, — такое упущение могло быть только преднамеренным, если иметь в виду главенствующую и универсальную роль священной реликвии в эфиопском национальном эпосе.

И я лишний раз не мог не прийти к выводу, что шотландский путешественник заведомо вводит читателей в заблуждение относительно ковчега. Но почему он поступил так? Каким мотивом он руководствовался? Мое любопытство подогревалось, я внимательно перечитал его — описание Аксума и натолкнулся на важную деталь, которую пропустил прежде: он посетил Аксум 18–19 января 1770 года.

Этот выбор времени, вдруг сообразил я, не был случайным, ибо именно в эти два дня он должен был стать свидетелем празднования Тимката — самого важного праздника Эфиопской православной церкви. Именно во время этого праздника и ни в какое иное время — как я узнал из разговора со священником-хранителем в 1983 году — ковчег завета традиционно обертывали роскошной парчой («дабы защитить от него мирян») и выносили в крестном ходе. Итак, Брюс побывал в Аксуме в то единственное время в году, когда любой мирянин имел реальную возможность оказаться вблизи от священной реликвии.

Теперь я стал задаваться вопросом: а не могло быть так, что шотландского путешественника влекло в Эфиопию вовсе не желание увидеть ковчег? Его утверждение, будто он отправился туда на поиски истока Нила, не выдерживает никакой критики и отмечено всеми признаками «легенды», призванной скрыть истинные цели поисков. Больше того, его уклончивость в самом вопросе о ковчеге кажется очень странной и могла иметь смысл, только если он действительно проявлял особый интерес к нему — интерес, который он пожелал сохранить в тайне.

Вскоре мне стали известны и другие вещи, лишь укрепившие мои подозрения. Я обнаружил, например, что Брюс свободно владел древними еврейским, арамейским и сирийским языками — мертвыми языками, которые ему незачем было бы изучать, если только он не желал близко познакомиться с ранними библейскими текстами. Больше того, не оставалось никаких сомнений и в том, что он занимался их изучением: знание Ветхого Завета, освещающее практически каждую страницу его «Путешествий», было названо одним знатоком библейских текстов «выдающимся».

И это было далеко не единственным проявлением «необычной эрудиции» Брюса. Как мне было уже известно, он также вел тщательное и оригинальное исследование культуры и обычаев черных евреев Эфиопии. «Я не жалел усилий, — как он сам выразился, — на

проникновение в историю этого любопытного народа и подружился с некоторыми его представителями, считавшимися самыми знающими и понимающими из них». Благодаря своим усилиям Брюс сумел внести внушительный вклад в изучение фалашского общества, вклад, который, как и многое другое, отнюдь не согласовывался с его провозглашенным интересом к географическим открытиям, — но вполне совпадал с поиском потерянного ковчега.

Я позвонил в Аддис-Абебу историку Белаи Гедаи и спросил его мнение о мотивах Брюса. Ответ потряс меня:

«В действительности мы, эфиопы, считаем, что мистер Джеймс Брюс прибыл в нашу страну не для открытия истоков Нила. Мы говорим, что он лишь использовал это в качестве предлога. Мы говорим, что у него были иные побуждения».

— Расскажите побольше об этом, — попросил я. — Если не Нил, то какова, по вашему мнению, была его истинная цель?

— В действительности он приехал, чтобы украсть наши сокровища, — с горечью сказал Гедаи, — наши культурные ценности. Он увез много бесценных рукописей в Европу. Книгу Еноха, например. Из императорского хранилища в Грндэре он унес древний экземпляр «Кебра Нагаст».

Для меня это было новостью, волнующей новостью, если быть откровенным. Я углубился в этот вопрос и вскоре нашел подтверждение правоты Гедаи. Покидая Эфиопию, Брюс действительно увез «Кебра Нагаст», и не один лишь замечательный экземпляр, взятый из императорского хранилища, но и *копию* этого экземпляра, которую изготовил сам (его знание геэза — классического эфиопского языка — было почти безупречным). — Позже он передаст обе рукописи Бодлейской библиотеке Оксфордского университета, где они хранятся по сей день (как «Брюс-93» и «Брюс-97»).

И это еще не все. До XVIII века ученые считали, что книга Еноха была безвозвратно утеряна: сочиненная задолго до Рождества Христова и считающаяся одним из самых важных произведений еврейской мистической литературы, она была известна только по отрывкам и ссылкам на нее в других текстах. Джеймс Брюс сделал настоящий переворот, заполучив несколько копий пропавшей книги во время своего пребывания в Эфиопии. *Это были первые полные издания книги Еноха, когда-либо виденные в Европе* [42].

Меня, естественно, заинтересовало открытие, что Брюс привез в Европу «Кебра Нагаст» и что он не пожалел времени для копирования от руки всего объемистого тома. От этого его умолчание ковчега завета в кратком изложении этого труда выглядело еще подозрительнее, чем я изначально предполагал. Подозрения — не несомненные факты. Только узнав полную историю книги Еноха и услуги, оказанной шотландским авантюристом ученому миру, я уверился в том, что взял верный след.

Я узнал, что книга Еноха всегда имела огромное значение для франкмасонов и что определенные ритуалы, практиковавшиеся задолго до времени Брюса, Отождествляли самого Еноха с египетским богом мудрости Тотом. Затем я нашел в «Королевской масонской энциклопедии» пространную статью, описывающую другие примечательные предания ордена. Например, о том, что Енох был изобретателем письменности, что он «научил людей искусству строительства» и что еще до потопа он «опасался утраты истинных секретов, для предупреждения чего он скрыл Великую Тайну, выгравированную на белом восточном камне порфире, в недрах земли». Статья в энциклопедии заканчивается следующими словами: «Книга Еноха известна с очень древних времен, и на нее постоянно ссылались отцы церкви. Брюс привез из Абиссинии три копии».

Такое краткое и фамильярное упоминание Брюса в сочетании с тем фактом, что он расстарался добыть не одну, а целых три копии книги Еноха, указывает на возможность его принадлежности к франкмасонам. Если он был масоном, тогда само собой напрашивается

решение всех головоломок, окружающих его уклончивость и нечестность. Я уже не сомневался в том, что он проявлял особый интерес к ковчегу завета, который старательно скрывал. Теперь я понимал, каким именно образом у него зародился этот интерес (и почему он хотел скрыть его). Будучи франкмасоном — и шотландским франкмасоном в придачу, — Брюс мог находиться под влиянием преданий тамплиеров о нахождении ковчега в Эфиопии.

Но был ли Брюс масоном? Совсем не легко было найти ответ на этот вопрос. На 3000 с лишним страницах его «Путешествий» нет ни единого ключа, который позволил бы прийти к обоснованному мнению по этому вопросу. Не проливают на него свет и две подробные и пространные его биографии (первая издана в 1836 году, вторая — в 1968 году).

Лишь в августе 1990 года я смог поехать в Шотландию и посетить семейное поместье Брюсов, где я надеялся получить определенную окончательную информацию. Киннэрд-хаус я нашел в пригороде Фолкерк города Ларберт. Далеко отстоящий от главной дороги на просторном и огороженном участке, этот дом из серого камня имел внушительный вид. После вполне понятных колебаний его нынешний хозяин — мистер Джон Файндли Расселл пригласил меня войти и показал дом внутри. По многим архитектурным деталям я понял, что дом не был построен во времена Брюса.

— Совершенно верно, — согласился со мной Файндли Расселл. — Киннэрд-хаус перестал быть собственностью семьи Брюсов в 1895 году и был снесен новым хозяином — доктором Робертом Орром, который и построил нынешний особняк в 1897 году.

Мы с ним стояли в просторном, отделанном деревянными панелями холле перед широкой каменной лестницей. Файндли Расселл указал на нее и с гордостью добавил: «Эти ступеньки, пожалуй, единственная сохранившаяся часть старого дома. Доктор Орр оставил их на месте и построил свой дом вокруг них. Они имеют определенную историческую ценность. Вы знали об этом?

— Вот как? Почему?

— Потому, что Брюс умер как раз на них. Это случилось в 1794 году. Он давал обед в столовой наверху. Провожая гостя вниз по лестнице, он споткнулся и упал головой вниз. Так он и погиб. Великая трагедия.

Перед уходом, я спросил Файндли Расселла, не был ли Брюс франкмасоном.

— Не имею ни малейшего понятия, — ответил он. — Конечно же, я интересовался им, но отнюдь не считаю себя специалистом.

Я разочарованно поблагодарил его кивком. Уже в дверях мне в голову пришел еще один вопрос:

— А вы не знаете, где он похоронен?

— У старой церкви Ларберта. Вам будет, однако, нелегко найти его могилу. Когда-то над ней возвышался большой железный обелиск, но несколько лет назад его снесли, так как он весь проржавел и представлял опасность для посетителей.

Поездка до церкви заняла только десять минут. Обнаружение же места последнего успокоения одного из величайших шотландских исследователей заняло гораздо больше времени.

Было начало мрачного дождливого вечера, и я ощущал все большую подавленность, прохаживаясь вдоль рядов могильных плит. Как личность Брюс несомненно имел многие недостатки. Тем не менее меня не покидало ощущение, что этот отважный и загадочный человек заслуживал внушительного памятника: мне представлялось несправедливым, что он покоится на ничем не примечательной участке земли.

• Тщательно осмотрев центральную часть кладбища и ничего не найдя, я заметил сильно заросший участок, огражденный низкой каменной стеной с крошечной калиткой. Я открыл калитку и спустился по трем ступенькам, которые вели к… свалке. Здесь были кучи

старой одежды, выброшенных туфель, консервных банок и обломков мебели, разбросанных среди густых зарослей жгучей крапивы и ежевики. Над головой сплетались ветви нескольких старых деревьев, и их смешавшиеся листья образовывали роняющий капли зеленый полог, который почти не пропускал света.

Проклиная тучи ос и комаров, поднявшиеся мне навстречу, я принялся притаптывать окружавшую растительность. Все остальное я уже осмотрел, рассуждал я, почему бы не посмотреть и здесь. Почти уже отчаявшись, в центре этого закутка я набрел на несколько каменных плит, покоившихся на земле и полностью покрытых мхом, лишайником и вездесущей крапивой. С чувством почтения — и гнева тоже — я очистил плиты, как смог, и уставился на них. Ничто не говорило за то, что под ними покоится прах Брюса, но я почему-то чувствовал, что так оно и есть. В горле у меня образовался ком. Вот здесь лежит человек — великий человек, — побывавший в Эфиопии до меня. Больше того, если верна моя догадка о его связи с масонами, тогда не может быть сомнений в том, что он отправился в далекую страну на поиск утраченного ковчега. Однако сейчас мне представлялось, что я так и не смогу доказать существование этой связи. Одно можно было сказать уверенно: сам Брюс потерян, потерян и забыт на своей родине.

Некоторое время я стоял там, обуреваемый мрачными мыслями. Потом я покинул маленький закуток, но не через калитку, — через которую вошел, а перемахнув через низкую каменную стенку во двор рядом. Там почти сразу увидел нечто интересное: рядом лежал на боку огромный металлический обелиск. Я приблизился к нему и прочитал имя Джеймса Брюса и под ним следующую эпитафию:

«Его жизнь была посвящена свершению полезных и блестящих дел.
Он исследовал многие отдаленные регионы. Он открыл истоки Нила.
Он был нежным супругом, потакающим детям родителем.
Он горячо любил свою страну. Человечество единодушно вписало его имя Среди имен тех, кто отличился своей Одаренностью, мужеством и добродетелью».

В обелиске меня взволновало больше всего то, что он оказался неповрежденным —. не проржавевшим и не крошащимся, а свежепокрашенным красной грунтовкой. Кто-то явно все еще интересовался исследователем достаточно сильно, чтобы заняться реставрацией памятника, хоть еще и не поставленного над его могилой.

Позже тем же вечером я поспрашивал священников церкви и узнал имя таинственного благодетеля. Походило на то, что памятник был отправлен в ремонт несколько лет назад и вернулся в Ларберт накануне моего приезда. Реставрационные работы были организованы и оплачены не кем иным, как главой семьи Брюсов в Шотландии — графом Элгина и Кинкардина и магистром масонов [43].

Это был обещающий след, и я отправился по нему до самого Брумхолла — прекрасного поместья к югу от залива Ферт-оф-Форт, где проживал лорд Элгин. Сначала я позвонил по телефону, номер которого нашел в телефонной книге, и договорился о встрече утром в субботу 4 августа.

— Я не могу уделить вам больше пятнадцати минут, — предупредил лорд.

— Пятнадцати минут достаточно, — заверил я его. Элгин оказался невысоким, коренастым пожилом мужчиной, заметно хромавшим (видимо, в результате повреждений, полученных в японском плену во время второй мировой войны). Без особых церемоний он провел меня в прекрасно обставленную гостиную, украшенную семейными портретами, и предложил перейти прямо к делу.

До сих пор его манеры выглядели грубоватыми. Втянувшись же в разговор о Брюсе, он стал мягче, и постепенно мне стало ясно из его широких знаний, что он тщательно изучил жизнь шотландского исследователя. В ходе разговора он пригласил меня в другую комнату и показал несколько полок, заполненных старыми и таинственными книгами на многих языках.

— Это книги из личной библиотеки Брюса, — объяснил лорд. — Он был человеком широких интересов… У меня также хранятся его телескоп, квадрант и компас… Если хотите, могу показать вам их.

Пока суд да дело, обещанные мне четверть часа превратились в полтора. Завороженный энтузиазмом Элгина, я ухитрился так и не задать ему интересовавший меня вопрос. И вот, бросив взгляд на свои часы, лорд сказал:

— Господи, посмотрите сколько времени. Боюсь, вам придется уйти. Дела, знаете ли… Должен поехать сегодня вечером в горы. Может, вы сможете навестить меня в другой раз?

— Э… да, я бы очень хотел.

Граф поднялся на ноги, любезно улыбаясь. Я тоже встал, и мы обменялись рукопожатием. Я чувствовал себя неловко, но все же не желал уходить, не удовлетворив своего любопытства.

— Если не возражаете, — промямлил я, — есть еще одна вещь, о которой я непременно хотел спросить вас. Это связано с моей теорией мотивов, побудивших Брюса отправиться в Эфиопию. Вы случайно не знаете… э… ммм… Есть ли хоть какая-то возможность, какой-то шанс того, что Брюс был франкмасоном?

Элгин взглянул на меня несколько удивленно.

— Мой дорогой юноша, — ответил он. — Разумеется, он был масоном. И это было очень, просто *очень* важной частью его жизни.

Часть III

ЭФИОПИЯ, 1989–1990 ГОДЫ. ЛАБИРИНТ

Глава 8

В ЭФИОПИЮ

Во время моего визита в его поместье в Шотландии граф Элгин подтвердил мои догадки относительно Джеймса Брюса: исследователь действительно был франкмасоном (членом ложи Кэнонгейт Килуиннянг № 2 в городе Эдинбург).

Элгин также рассказал мне, что Брюс был очень увлечен «умозрительным» аспектом масонства в отличие от более прагматичного и мирского «ремесленного» масонства. Это означает, что он интересовался по преимуществу эзотерическими и оккультными традициями братства, включавшими традиции рыцарей-тамплиеров, о которых большинство современных масонов ничего не знает и которыми даже не интересуется.

Здесь следует добавить, что я никогда не думал, что все масоны имели доступ к наследию тамплиеров. Напротив, логично предположить, что такой доступ во все времена был ограничен очень немногими людьми.

Брюс же выглядел идеальным кандидатом для членства в этой привилегированной группе. С его широкими знаниями священного писания, его влечением ученого к таким мистическим трудам, как Книга Еноха, и его умозрительными учениями в рамках масонской системы, Брюс был именно таким человеком, который изучил бы предания тамплиеров о последнем пристанище ковчега завета.

Поэтому чувствовал после встречи с лордом Элгином я большую уверенность в том, что именно ковчег, а вовсе не Нил заманил шотландского авантюриста в Эфиопию в 1768 году. Его парадоксальная нечестность по ряду ключевых вопросов (парадоксальная потому, что обычно он был весьма правдивым) теперь обретала смысл, а его уклончивость и скрытность становились ясными. Может, я так никогда и не узнаю, какие тайны открыл Брюс на Абиссинском нагорье столько лет назад, но теперь по крайней мере я мог быть вполне уверен в его мотивах.

Уже летом 1989 года я впервые заподозрил, что Брюс мог быть масоном, но лишь в августе 1990 года я встретился с лордом Элгином. В этом временном промежутке, как сказано

в предыдущей главе, я шел по «португальскому следу», который оставили члены ордена Христа, посетившие Эфиопию в XV и XVI веках.

Все раскопанные мною улики вроде бы указывали на продолжавшийся поиск ковчега — скрытое предприятие, привлекавшее путешественников из самых разных исторических периодов и различных стран к одной и той же возвышенной и вечной цели. Больше того, если таковое происходило в прошлые столетия, не могло ли это иметь место и в настоящем? Не искали ли и другие в Эфиопии ковчег, как искал его я? По ходу исследования я оставлял эти вопросы открытыми, накапливая досье на таких людей, как Джеймс Брюс и Кристофер да Гама. Даже без подстегивающей конкуренции мои находки весной и летом 1989 года убедили меня в том, что пришла пора вернуться в Эфиопию для проведения более подробной «полевой работы», которая дополнила бы то, что было до сих пор в основном интеллектуальным упражнением.

ТРУДНЫЕ ВРЕМЕНА

Я принял такое решение еще в июне 1989 года, но прошло несколько месяцев, прежде чем я наконец смог осуществить это. Почему? Да потому, что 19 мая того года в Аддис-Абебе произошел жестокий переворот, приведший в смятение всю Эфиопию.

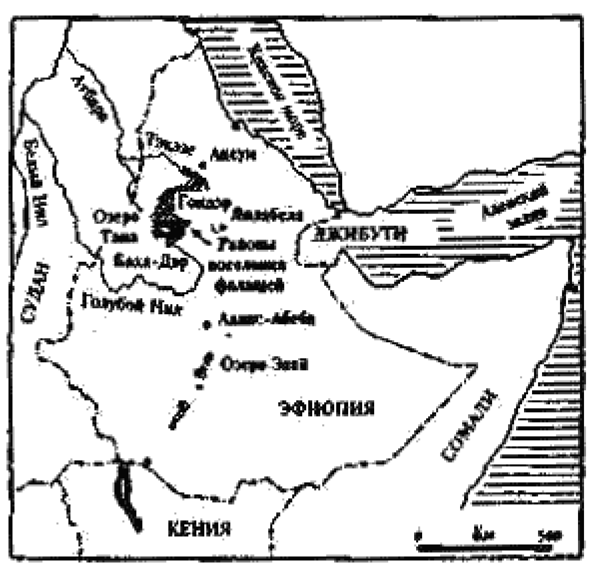
Правительство президента Менгисту Хайле Мариама устояло, но заплатило за это высокую цену. После того как улеглась пыль сражений, были схвачены и арестованы сто семьдесят шесть, мятежных офицеров, в том числе не менее двадцати четырех генералов, включая командующего сухопутными силами и начальника оперативного управления генерального штаба. Аресту и суду предпочли самоубийство начальник генерального штаба Вооруженных сил и командующий ВВС. Еще одиннадцать генералов погибли в боях, а министр обороны был застрелен заговорщиками.

Последствия такой страшной кровавой бани еще долго будут преследовать Менгисту и его режим: обескровленный офицерский корпус практически утратил способность принятия решений по военным вопросам, и подобное состояние дел вскоре обернулось поражениями на поле боя. В самом деле, в месяцы, последовавшие за попыткой переворота, эфиопская армия потерпела ряд сокрушительных поражений, приведших к ее полному изгнанию из провинции Тиграи (которую ФНОТ объявил «освобожденной зоной»), а заодно и из большой части Эритреи (где ФНОЭ уже строил органы независимого государства). С угрожающей скоростью война распространялась и на другие районы, включая северо-восточную часть Волло, где в сентябре 1989 года был опустошен древний город Лалибела, и Гондэр, где была осаждена региональная столица.

Но самым худшим, по крайней мере с моей эгоистической точки зрения, была утрата правительством контроля над Аксумом. В самом деле, как отмечалось в главе 3, священный город был захвачен ФНОТ в конце 1988 года — за несколько месяцев до провалившегося путча. Я сначала надеялся, что все это носит временный характер. Когда же стали разворачиваться зловещие события второй половины 1989 года, я уже был готов к возможности того, что партизаны смогут удержать Аксум неопределенное долгое время.

Мне ничего не оставалось, как познакомиться с представителями ФНОТ в Лондоне и постараться заручиться их содействием, для того чтобы посетить районы, которые он теперь контролировал. Однако я еще не был готов к подобным хлопотам. Мои длительные связи с эфиопским правительством означали, что Фронт освобождения отнесется к моей просьбе с большим подозрением. Единственный возможный вариант, если я не воспользуюсь с умом своими картами, это решительный отказ в моей просьбе посетить Аксум. Откровенно говоря, меня больше заботила безопасность собственной шкуры, если они дадут мне разрешение: как известный друг ненавистного режима Менгисту не буду ли я во время долгого и опасного пути в Тиграи схвачен как шпион каким-нибудь местным партизанским командиром и расстрелян, несмотря на решение их представительства в Лондоне?

В послепутчевой атмосфере Эфиопии ни в чем нельзя быть уверенным, нельзя было и строить какие-либо планы хоть с какой-то долей уверенности, и невозможно было предсказать, что может случиться со дня на день. Теоретически были возможны любые драматические события, в том числе и падение Менгисту и полная победа объединенных сил НФОЭ и ФНОТ. Поэтому я и решил сосредоточиться на других аспектах своего исследования, пока обстановка не прояснится. Поэтому я смог вернуться в Эфиопию лишь в ноябре 1989 года.

ТАЙНОЕ УБЕЖИЩЕ?

Ускорила мою поездку информация, которую предоставил мне его высокопреподобие Лика Берханат Соломон Габре Селассие. Впервые я познакомился с обладателем столь длинного имени, в Лондоне 12 июня 1989 года. Тогда же я открыл, что он обладает и страшно длинной и совершенно седой бородой, орехово-коричневой кожей, сверкающими глазами, великолепным ритуальным нарядом и висящим на шее искусно вырезанным из дерева распятием. Первосвященник церкви Святой Марии Сионской Эфиопской православной церкви в Соединенном Королевстве был по сути миссионером. Он был направлен в Британию несколько лет назад патриархатом Аддис-Абебы для распространения православия. И он сумел обратить в православие определенное число людей, в основном молодых лондонцев вест-индского происхождения, и некоторых из них он привел с собой на встречу, которую я организовал, дабы получить от него сведения о ковчеге.

Первосвященник Соломон показался мне типичным патриархом времен Ветхого, Завета. Вызывающая уважение борода, степенные и одновременно несколько проказливые манеры, харизматическая личность с явными проявлениями неподдельной скромности и абсолютная убежденность в глубокой и твердой вере — все это вместе производило неизгладимое впечатление.

В ходе нашей беседы сразу же стало ясно, что он непоколебимо верит, что священная реликвия находится в Эфиопии. Умный и явно высокообразованный, цитировавший Библию с легкостью и уверенностью человека, изучавшего ее на протяжении, всей жизни, Соломон спокойно и твердо изложил эту точку зрения и отказывался признать даже саму возможность, что он может ошибаться.

Я старательно записывал на листе бумаги, как он настойчиво повторяет: настоящий ковчег завета, построенный у подножия горы Синай для хранения скрижалей с десятью заповедями, именно этот неоскверненный и подлинный предмет покоится ныне в Аксуме.

— По милости Божьей, — настаивал Соломон, — ковчег сохраняет свои божественные силы, и его охраняет все население Тиграи. Сегодня ковчег, — заключил патриарх, — находится в надежных руках церкви и христиан, несущих постоянное дежурство у церкви.

В конце нашей встречи я передал первосвященнику список из пятнадцати вопросов, на которые просил дать подробные ответы. Однако, когда его взвешенные ответы пришли по почте в середине июля, я находился уже далеко—в Египте. Вернувшись через несколько недель домой, я едва взглянул на присланный им десяток страниц, заполненных частью от руки, частью на машинке. Я был настолько занят анализом и работой с собранными в Египте материалами, что даже не послал ему записку с выражением благодарности.

Лишь в начале ноября я наконец выбрал время для просмотра документа, который три месяца назад я положил в корзинку для ожидающих решения бумаг. В нем я нашел ответы на все пятнадцать вопросов. Некоторые из них оказались как интригующими, так и раздражающими.

Например, я спрашивал, использовались ли мнимые «сверхъестественные» силы ковчега правителями Эфиопии для одержания победы в войне. В Библии ясно указывается, что в Древнем Израиле это делалось неоднократно. Если ковчег действительно находился в Эфиопии, значит, логично было бы предположить, что этот обычай сохранился.

«В учении нашей церкви, — отвечал Соломон, — Бог — единственная сила во вселенной. Он — творец всей существующей жизни, видимой и невидимой. Сам же Он — нерукотворный вечный свет, дающий нам и свет, и силу, и милость. Имеется, однако, реальное измерение, в котором мы можем понять связь между Богом и ковчегом, ибо, поскольку ковчег Хранит десять божественных слов Закона, написанных Богом, дар его святости не может быть умален в нем. Поэтому вплоть до сегодняшнего дня Его милость все еще лежит на ковчеге, так что именем Бога он священен и имеет огромное духовное значение».

Все бывшие правители Эфиопии, продолжал разъяснять первосвященник, знали об этом. Поскольку же их первейшая обязанность состояла в охране и защите православной христианской веры, постольку время от времени они на протяжении прошедших веков использовали ковчег во многих войнах «как источник духовной силы в борьбе с агрессорами… Царь сплачивал народ на бой, а священники поступали как в тот день, когда Иешуа проносил ковчег по городу Иерихон. Точно так же наши священники носят ковчег, запевая гимны и вступая в битву во славу Господа».

Такое использование священной реликвии в качестве военного оплота, по утверждению первосвященника Соломона, было свойственно не только далекому прошлому Эфиопии. Напротив: «Совсем недавно — в 1896 году, когда царь царей Менелик II вступил в бой с итальянскими агрессорами при Адуа, что в области Тиграи, священники вынесли ковчег завета на поле битвы, дабы противостоять противнику. В результате Менелик одержал крупную победу и с большой славой вернулся в Аддис-Абебу».

Я перечитал эту часть ответа с немалые интересом, ибо знал, что Менелик II действительно «одержал крупную победу» в, 1896 году. В тот год 17 700 итальянцев под командованием генерала Баратиери, с тяжелой артиллерией и другим самым современным оружием вступили с узкой полоски побережья Эритреи на Абиссинское нагорье с намерением превратить всю страну в колонию. Слабо подготовленные и плохо вооруженные войска Менелика встретили их под Адуа утром 1 марта и менее чем за шесть часов одержали — как позже напишет один историк — «величайшую победу африканской армии над европейской со времен Ганнибала»: «Итальянцы потерпели жестокое поражение… величайшее из когда-либо случавшихся с белыми людьми в Африке».

Ошеломляющее указание на то, что ковчег был использован при Адуа, навело меня на мысль о едва ли возможном использовании его сегодня — быть может, ФНОТ, контролировавшим сейчас Аксум и одержавшим, подобно Менелику II, немало блестящих

побед в последние месяцы. Однако в своих письменных ответах Соломон не спекулировал подобной возможностью. Вместо этого (отвечая на мой вопрос о безопасности ковчега в предназначенной для него церкви во время нынешней тотальной войны правительства с повстанцами) Соломон предложил совершенно иной сценарий.

Во время нашего разговора в июне он казался уверенным в том, что священная реликвия все еще хранится в обычном месте, «охраняемая всем населением Тиграи».

Сейчас он уже не казался столь уверенным. «Бывали, хоть и не очень частые, случаи, — объяснял Соломон, — в периоды разгула насилия и величайших испытаний, когда монах-хранитель, следящий днем и ночью за ковчегом до самой своей смерти, вынужден был укутывать ковчег и вывозить его из Аксума в безопасное место. Мы знаем, например, что такое случилось в шестнадцатом веке, когда на Тиграи обрушились мусульманские армии Ахмеда Грагна и Аксум был почти полностью разрушен. Тогда хранитель вывез ковчег в монастырь Дага Стефанос, расположенный на одном из островов на озере Тана. Там он был спрятан в потаенном месте».

Вывод первосвященника заставил меня чуть ли не подскочить на стуле. В условиях нынешней войны и хаоса в Тиграи, писал он, вполне возможно, что хранитель снова вывез ковчег из Аксума.

ДВА ОЗЕРА, ДВА ОСТРОВА

В Аддис-Абебу я вылетел уже во вторник 14 ноября, а прилетел в среду 15 ноября утром. Несмотря на постоянные бои почти повсеместно в северной Эфиопии, я четко определил цели своей поездки. Если первосвященник Соломон прав в своем анализе, рассуждал я, не может ли священная реликвия, считающаяся ковчегом завета, и сейчас храниться на монастырском острове Дага Стефанос в том же самом «потаенном месте», что и в XVI веке?

Разумеется, этот остров не был единственным местом, где могли спрятать реликвию. Я прекрасно помнил, как доктор Белаи Гедаи сообщил мне в одном из наших телефонных разговоров о другой, более ранней версии спасения ковчега во время мятежа царицы Гудит в X веке. В то время, объяснил эфиопский историк, он был доставлен на один из островов на озере Звай.

Поэтому я прилетел в Эфиопию, чтобы проверить и озеро Тана, и озеро Звай: первое находилось на расколотом войной севере, но в зоне, контролируемой правительством; второе — на более безопасной территории и в двух часах езды на юг от Аддис-Абебы.

В первые дни пребывания в эфиопской столице меня обуревало ощущение неотложности моего дела. Из Англии я вылетел меньше чем через неделю после прочтения ответов первосвященника Соломона на мои вопросы, и спешка объяснялась довольно просто: хотя озеро Звай находилось — по крайней мере временно — в достаточной безопасности, не было абсолютно никаких гарантий, что озеро Тана останется еще долгое время в руках правительства. Повстанческие силы, как мне было известно, окружили город-крепость Гондэр, расположенный примерно в тридцати милях к северу от большого озера. В тоже время порт Бахр-Дар на его южном берегу подвергался спорадическим артобстрелам и внезапным атакам. Поскольку до острова Дага Стефанос я мог добраться только через Бахр-Дар, я просто чувствовал, что не могу терять время.

Не могло быть и речи об оформлении разрешения на поездку по провинциям по обычным бюрократическим каналам. В сопровождении моего давнего друга Ричарда Панкхерста, взявшего на несколько дней отпуск в Институте эфиопских исследований для оказания мне всевозможной помощи, я отправился на встречу с одним из знакомых мне высокопоставленных деятелей — Шимелисом Мазенгия, главой идеологического отдела и старейшиной Политбюро правящей Партии трудящихся Эфиопии.

Высокий, стройный, сорока с небольшим лет, Шимелис был идейным марксистом и одновременно самым интеллигентным и образованным членом Политбюро. Он обладал значительной властью в рамках режима, и, как мне было известно, проявлял поистине восторженное отношение к древней истории своей страны. Вот почему я надеялся убедить его использовать все свое влияние, дабы способствовать намеченному мною исследованию, и от меня не разочаровал. После того как я изложил свой проект, он охотно согласился с запланированными мною поездками на озера Тана и Звай. Было поставлено единственное условие: мое пребывание в районе озера Тана должно быть как можно более кратким.

— Вы составили календарный план? — спросил меня. Шимелис.

Я достал свой дневник и после минутного колебания предложил:

— В понедельник двадцатого я вылечу на озеро Тана, Долечу до Бахр-Дара, найму катер у морского командования, посещу Дага Стефанос и вернусь в Аддис-Абебу, скажем… в среду 22-го. Это даст мне достаточно времени… Если вы не возражаете, я затем выеду на машине на озеро Звай в четверг, 23-го.

Шимелис обратился к Ричарду:

— Вы тоже поедете, профессор Панкхерст?.

— Ну, если это возможно… Конечно, я бы с радостью поехал…

— Разумеется, возможно.

Шимелис тут же позвонил руководству полиции государственной безопасности в Аддис-Абебе и быстро сказал что-то на амхарском. Положив трубку, он заверил нас, что уже вечером мы сможем получить разрешение на поездку.

— Повидайтесь со мной в следующую пятницу, — попросил Шимелис, — после посещения озер. Договоритесь о встрече с моим секретарем.

В приподнятом настроении мы покинули Дом партии.

— Вот уж не думал, что все устроится так легко, — сказал я Ричарду.

Глава 9

СВЯЩЕННОЕ ОЗЕРО

Утренний полет из Аддис-Абебы в Бахр-Дар на южном побережье озера Тана занял примерно полтора часа. Несмотря на сообщения о боях в этом районе, экипаж не соблюдал особых предосторожностей при посадке, и самолет медленно, давая насладиться живописным видом водопада на Голубом Ниле, снизился и запрыгал по ухабистой, покрытой гравием взлетно-посадочной полосе. Взяв такси, мы с Ричардом Панкхерстом проехали несколько километров до города.

Мы вселились в два из сотни пустовавших номеров гостиницы на самом берегу озера и немедленно отправились на базу морского командования, где стоял у причала катер, которым мы надеялись воспользоваться. После длительных переговоров мы уговорили местное начальство предоставить нам катер, но лишь на следующий день — вторник, 21 ноября, и при условии, что мы согласимся на пиратскую плату — 50 американских долларов в час. Поскольку у меня не было иного выхода, я неохотно согласился с таким вымогательством и лишь просил подготовить катер к отплытию в 5 часов утра.

Дабы занять как-то вечер, мы доехали от Бахр-Дара до ближайшей деревни Тиссисат и прогулялись по рыжевато-коричневой округе, покрытой, как лоскутами, полями, до массивного каменного моста над отвесным узким ущельем, построенного португальцами в начале XVII века. Это разрушающееся сооружение казалось очень опасным, но Ричард уверил меня, что он все еще пригоден для эксплуатации. Мы пересекли мост, вскарабкались по склону холма, на вершине которого из кустов внезапно появились два милиционера, которые обыскали нас и проверили паспорта (мой, как всегда, рассматривали вверх ногами), затем жестами показали, что мы можем идти дальше.

Минут через пятнадцать продирания по узкой козьей тропе между пышными тропическими кустами и желтыми маргаритками, мы ощутили под ногами глубокое грозное содрогание почвы. Мы продолжили путь, чувствуя растущую влажность воздуха, и вскоре впервые увидели то, что пришли посмотреть, — великолепный базальтовый утес, с которого с устрашающей силой скатывается Голубой Нил, вырываясь из Эфиопского нагорья.

Водопад на Голубом Ниле и деревушка, через которую нужно пройти, чтобы приблизиться к нему, называются по-местному Тиссисат, что означает «дымящаяся вода». И, зачарованно взирая на радуги, играющие среди пенящихся водяной пылью и высоко вздымающихся струй бурлящего порога, я проникался смыслом этого названия.

Мне припомнилось и поразило своей точностью описание водопада, оставленное после его посещения в 1770 году шотландским исследователем Джеймсом Брюсом:

«Река… ниспадает непрерывной водной завесой шириной более английской полумили с силой и шумом, действительно ужасающими, ошеломившими меня и вызвавшими непродолжительное головокружение. Весь водопад окружен дымкой или туманом, зависшим сверху донизу над потоком, отмечающим его течение, хоть самой воды и не видно… Восхитительное зрелище, которому не суждено изгладиться из моей памяти, проживи я хоть века; оно погрузило меня в своеобразное оцепенение и забвение, так что я уже не сознавал даже, где нахожусь, и забыл обо всех мирских делах».

Эфиопия, — размышлял я, — это страна, в которой время действительно могло останавливаться: сейчас в открывшейся передо мной панораме ничто не указывало на то, что со времени пребывания здесь Брюса протекло два с лишним столетия. В который уже раз, но далеко не последний, я пытался поставить себя на место шотландского путешественника, семейное имя которого случайно принадлежит и мне (по материнской линии моя бабушка была урожденной Брюс, и Брюс является моим вторым именем).

Позже, окруженные толпой местных ребятишек, неизвестно откуда взявшихся, чтобы потребовать у нас денег, ручек и сладостей, мы с Ричардом отправились в сторону деревни Тиссисат. До сих пор вечер отличался почти идиллическим покоем и деревенской простотой. Даже обыскавшие нас раньше милиционеры делали свое дело как-то вяло, но и не без юмора. Сейчас же, когда мы вновь пересекли португальский мост в первой прохладе позднего вечера, мы столкнулись с несообразным и режущим глаз зрелищем: навстречу нам двигались по крайней мере, три сотни вооруженных до зубов и одетых в зеленую полевую форму солдат.

Невозможно было сказать, правительственное это или повстанческое войско. У них не было ни отличительных знаков, ни каких-либо других опознавательных атрибутов. Не походили они и на дисциплинированное войско. Находившиеся под чьим-то командованием, они не шли четким строем, а как-то тупо брели, бросая злые и обиженные взгляды. Я также заметил, что многие солдаты как-то небрежно держали оружие: один пользовался винтовкой как посохом, другой нес свой АК-47 на плече стволом вперед, третий легкомысленно помахивал заряженным гранатометом — а ведь случайный выстрел из него может разрушить здание приличных размеров или тот же мост, на котором мы остановились.

Ричард, лучше меня владеющий амхарским, приветствовал отдельных представителей этой неприветливой толпы с этакой фамильярностью, сердечно пожал руки еще дюжине и делал какие-то эксцентричные, обозначавшие, видимо, дружелюбие жесты остальным.

— Они считают всех иностранцев чокнутыми, — объяснил мне Ричард сценическим шепотом. — Поэтому я подыгрываю им. Поверь мне: с ними лучше всего вести себя именно так.

ЖЕМЧУЖИНА ЭФИОПИИ

На следующее утро мы прибыли на базу морского командования в пять часов утра. Не было заметно никакого движения, и закутавшийся в от холода в одеяло Ричард пробормотал что-то там о синдроме «маамбфак».

— Это еще что такое? — поинтересовался я.

— Тебе назначают встречу и не являются на нее, — проворчал историк.

Но не прошло и получаса, как появился капитан моторного судна «Дахлак». Вместе с ним пришел и чисто выбритый молодой человек в прекрасно сшитом костюме, который назвался Вондему, и с величайшей скромностью представился «вторым помощником заместителя регионального администратора».

— Вчера вечером моему начальнику позвонил из Аддиса товарищ Шимелис Мазенгия и приказал присмотреть за вами. Я немедленно отправился в вашу гостиницу. Но не застал вас. Потом в приемной я узнал о ваших планах на сегодня. И вот, — заключил он с широкой улыбкой, — я здесь.

Вскоре Ричард и Вондему скрылись в кабине, чтобы поболтать и выпить чайку. Очарованный открывшейся перед нами панорамой, упиваясь бодрящим, прямо-таки альпийским воздухом и наслаждаясь романтикой путешествия, я остался на палубе и обозревал постоянно менявшиеся озерные виды, подсознательно содрогаясь по поводу того, сколько мне будет стоить эта туристическая прогулка. До Даги, сообщил капитан, плыть около двух с половиной часов. Поскольку мы собирались пробыть на острове не меньше времени и еще два с половиной часа уйдет на обратное плавание, мне предстояло «отстегнуть» почти 1400 долларов.

Мои нерадостные подсчеты в уме прервало поразительное зрелище двух туземных длинных лодок с высокими загнутыми носами, понесшимися в нашу сторону с отдаленного берега. В розовом свете встающего солнца я разглядел в каждом суденышке сгорбленные силуэты пяти-шести мужчин с веслами, в унисон поднимавшимися и опускавшимися в воду, поднимавшими и погружавшимися…

Подобные танквасы, или местные лодки, как я помнил из своего предыдущего посещения Эфиопии в 1983 году, были типичны для озера Тана. Эти же две, некоторое время плывшие параллельно нашему курсу, но в противоположном направлении, были гораздо крупнее виденных мною раньше. Тем не менее они были практически той же конструкции и построены из связанных вместе пучков папируса.

Проведя значительную часть прошедших месяцев за изучением археологических раскопок в Египте, теперь я мог убедиться собственными глазами в том, на что, как я знал, уже обратили внимание несколько историков, а именно: эфиопские танквасы необычайно походят на папирусные лодки, использовавшиеся фараонами на Ниле для путешествия, охоты и рыбалки. Я видел изображения как раз таких высоконосых лодок на фресках, украшавших могилы в Долине царей и на рельефах на стенах храмов в Карнаке и Луксоре.

Уже в который раз задавался я вопросом, не посещали ли древние египтяне район озера Тана. Речь идет не просто о сходстве в конструкции лодок, предполагающем сильное культурное влияние и подтолкнувшем меня к подобным размышлениям, но и о значении озера как главного резервуара Голубого Нила.

Само озеро официально не считается истоком великой реки, которым полагаются ключи-двойники в горах к югу от него. Эти источники дают начало реке Малый Аббай, протекающей по южной кромке озера (здесь вполне ощутимо ее течение) и вытекающей из него уже как Большой Аббай (местное название Голубого Нила).

В сущности же, географы и инженеры единодушны сегодня во мнении, что реальным источником Голубого Нила *является* озеро Тана, подпитываемое не только Малым Аббаем, но и многими другими реками, стекающими с огромного Абиссинского нагорья. В самом деле, при своем зеркале в 3673 квадратных километра, это огромное внутреннее море дает

приблизительно шесть седьмых общего, объема воды в соединенных потоках Голубого и Белого Нила. Самое важное состоит в том, что именно продолжительный дождливы сезон в Эфиопии дает начало настоящему половодью ниже озера Тана и по всему течению Голубого Нила, вызывавшему с незапамятных времён ежегодные наводнения, приносящего аллювиальную почву и плодородие в египетскую дельту. Для сравнения, более длинный Белый Нил, теряющий более половины своих вод в болотах южного Судана, не добавляет почти ничего.

Наблюдая сейчас за папирусными *танквасами, я* не мог не думать о том, что маловероятно, чтобы жрецы Карнака и Луксора, поклонявшиеся Нилу как жизнетворной силе и даже — что символично — как божеству, не проникали на каком-то этапе своей долгой истории в Эфиопию. Не осталось никаких свидетельств этого, только еще один намек. Тем не менее в то божественное ноябрьское утро я почувствовал уверенность в том, что древние египтяне должны были когда-то посетить озеро Тана и засвидетельствовать ему свое почтение.

Греческий географ Страбон, живший примерно во времена Христа и глубоко изучивший Египет, отдавал себе полный отчет (что не было свойственно более поздним ученым), что Голубой Нил рождался в неком гигантском озере в Эфиопии, которое он называл «Псебое». Во II веке н. э. древнегреческий географ Клавдий Потолемей высказал схожее мнение, хотя и называл озеро «Колое». Я также думал над тем, что афинский драматург Эсхил вдохновлялся не только поэтической фантазией. Когда еще в V веке до н. э. ярко писал о «медно-красном озере… жемчужине Эфиопии, куда снова и снова возвращается все пронизывающее солнце, чтобы погрузить свое бессмертное тело, находя успокоение от утомительного кругового движения в нежной, теплой и ласкающей ряби».

И это были не единственные известные мне указания на связь мистических вод озера Тана с древними культурами Греции, Египта и Ближнего Востока. Сидя на палубе плывшего курсом на остров Дага Стефанос катера «Дахлак», я также припомнил, что сами абиссинцы твердо верили, что Голубой Нил был не чем иным, как той-самой Гихон из Книги Бытие (2; 13) — «второй рекой», которая «обтекает всю землю» Эфиопию. И это было очень древним преданием, почти наверняка дохристианским, что добавляло немалый вес представлению о том, что озеро вместе со своими реками и островами имело в действительности какое-то отношение к ковчегу завета.

Вот почему я с немалым оптимизмом вглядывался сквозь разделяющие нас мили в зеленые склоны острова Дага, вздымавшегося из сверкающих вод как пик погруженной в воду горы.

ДАГА СТЕФАНОС

К Даге мы причалили в 8.30. Солнце уже поднялось высоко, и несмотря на большую высоту (озеро Тана расположено на высоте шесть, с лишним тысяч футов над уровнем моря), утро выдалось жарким, душным и безветренным.

На деревянной пристани нас встретила депутация монахов в удивительно грязных одеяниях. Они явно следили за нашим приближением и не проявили и намека на то, что рады нас видеть. Вондему переговорил с ними, и в конце концов с явной неохотой они повели нас по небольшой банановой плантаций, а затем по круто взбирающейся спиралью тропе к высшей точке острова.

По пути я стянул с себя пуловер, развел руки в стороны и сделал несколько глубоких вдохов. Тропинка извивалась по густому лесу с высокими искривленными деревьями, ветви и листья которых образовывали полог над нашими головами. Воздух был наполнен глинистым запахом недавно вскопанной земли и ароматом тропических цветов. Пчелы и другие крупные насекомые трудолюбиво жужжали вокруг нас, а издалека доносился монотонный гул традиционного каменного колокола.

Наконец на высоте футов трехсот над уровнем озера мы приблизились к низким, крытым соломой круглым зданиям — жилищам монахов. Дальше мы прошли под аркой в высокой каменной стене и в конце концов оказались на лужайке, в центре которой возвышалась церковь святого Стефана. Это было длинное прямоугольное сооружение, закругленное на концах, с крышей, свисающей над дорожкой, идущей вокруг него.

— Она вовсе не смотрится такой уж древней, — сказал я Ричарду.

— Да она и не старая, — ответил он. — Первоначальное здание сгорело в распространившемся по траве пожаре лет сто назад.

— Именно в ту, я полагаю, они привозили ковчег в шестнадцатом веке?

— Да. Некое подобие церкви существовало на этом месте по меньшей мере тысячу лет. Может, даже дольше. Дата считается одним из самых святых мест на озере Тана. Поэтому здесь и хранятся мумифицированные тела пяти императоров.

Вондему в роли самозванного гида и собеседника что-то негромко внушал монахам. Затем подвел одного из них — одетого немного чище остальных — к нам.

— Это, — с гордостью объявил он, — первосвященник Кифле-Мариам Менгист. Он ответит на ваши вопросы.

Первосвященник, казалось имел собственное мнение по этому вопросу. На его сморщенном, красновато-лиловом лице проявилась любопытная смесь враждебности, негодования и алчности. Он молча оглядел нас с Ричардом, потом повернулся к Вондему и прошептал что-то на амхарском.

— Ах… — вздохнул наш гид. — Боюсь, он требует денег. Для приобретения свечей, благовоний и… э… других необходимых церкви вещей.

— Сколько? — спросил я.

— Сколь вам не жалко.

Я предложил 10 эфиопских, быров — около пяти долларов США, но Кифле-Мариам подсказал, что этой суммы недостаточно. В самом деле, заявил он, предложенного банкнота было настолько недостаточно, что он даже не мог принудить себя взять ее у меня.

— Полагаю, вам следует заплатить больше, — вежливо шепнул Вондему мне на ухо.

— Я с радостью сделаю это, конечно, — ответил я. — Но хотел бы знать, что получу взамен.

— Взамен он будет говорить с вами. Иначе он окажется слишком занятым.

После дальнейшего обсуждения мы сошлись на 30 бы-ах. Банкноты были поспешно сложены и мгновенно исчезли в какой-то складке или подобии мешочка в одежде священника. Затем мы подошли к окружающей церковь ограде и присели в тенечке под навесом крыши, крытой соломой. За нами последовали несколько монахов, которые сновали вокруг, делая вид, что не прислушиваются к нашему разговору.

Кифле-Мариам Менгист начал с рассказа о том, что провел на острове восемнадцать лет и стал докой во всех вопросах бытия монастыря. Словно желая доказать это, он ударился в некое подобие краткого курса истории и говорил, говорил…

— Ладно, — прервал я его, когда Вондему передал нам смысл его наводящей скуку речи. — Я хочу-таки получить общую картину, но прежде хотел бы задать первосвященнику один конкретный вопрос. Говорят, что сюда был доставлен ковчег завета в XVI веке, когда Аксум осадили полчища Ахмеда Грагна. Знает ли он эту историю? Правда ли это?

Минут пятнадцать-двадцать длились непонятные споры, в заключение которых Вондему объявил, что священник точно ничего не знает об этой истории. Больше того, раз он ее не знает, значит, и не может сказать, правда это или нет.

Я прибег к другой тактике:

— Есть ли у них свой собственный *табот?* Здесь, в этой церкви? — Я выразительно показал пальцем на алтарь, видневшийся через открытую дверь в темной глубине храма.

После нового тура вопросов и ответов на амхарском Вондему объявил:

— Да, конечно, у них есть свой *табот.*

— Хорошо. Я рад, что мы по крайней мере установили это. Теперь следующий вопрос: считает ли он, что их *табот* — это копия оригинального *табота,* хранящегося в Аксуме?

— Может быть, — прозвучал загадочный ответ.

— Понятно, о'кей. В таком случае, я хотел бы спросить, знает ли он хоть что-нибудь о ковчеге завета. Как он попал в Аксум? Кто привез, его? И тому подобное. Пусть он расскажет все собственными словами.

Последовал немедленный и небрежный ответ.

— Он говорит, что не знает этой истории, — несколько мрачно перевел Вондему. — Говорит, что он не специалист по таким вопросам.

— А нет ли здесь другого специалиста? — в отчаянии спросил я.

— Нет. Кифле-Мариам Менгист — старший священник на острове. Если уж он не знает, тогда невозможно, чтобы это знал кто-то другой.

Я посмотрел на Ричарда:

— Что здесь происходит? Я еще не встречал эфиопского священника, который не знал бы историю ковчега из «Кебра Нагаст».

Историк пожал плечами:

— Я тоже не встречал. Это весьма странно. Может, тебе следует предложил ему… новое поощрение?

Я даже застонал. В конце концов, все дело всегда оказывается в деньгах. Если еще несколько быров помогут разговорить скрытного старого пройдоху, тогда лучше заплатить побыстрее. Все же я прилетел сюда аж из Лондона, дабы проверить «версию» острова Дага-Стефанос, и в данный момент катер «Дахлак» стоит на приколе у пристани и его счетчик отсчитывает примерно доллар в минуту. С мрачной покорностью я передал еще горсть смятых банкнотов.

Однако новое проявление щедрости ни к чему хорошему для меня не привело. Священник не мог ничего больше сказать по любому интересовавшему меня вопросу. Когда это наконец дошло до меня — а на это понадобилось какое-то время, — я откинулся спиной к одному из столбов, поддерживавших крышу, и тщательно обследовал свои ногти, пытаясь сообразись, что делать дальше.

Подходили, сообразил я, два возможных объяснения кажущегося неведения Кифле-Мариама Менгиста. Первое, наименее вероятное: этот человек просто тупица. Второе, гораздо более вероятное: он лжет.

Но зачем бы ему лгать? Этому тоже, размышлял я, могло быть два объяснения. Первое, наименее вероятное: он скрывает нечто важное. Второе, гораздо более вероятное: он жаждет заполучить еще больше банкнотов из моей катастрофически уменьшающейся пачки эфиопской валюты.

Я встал и сказал Вондему:

— Спросите его еще раз, привозили ли сюда в шестнадцатом веке ковчег завета из Аксума. И спросите, находится ли ковчег сейчас здесь. Скажите ему, что я хорошо заплачу за его время, если он покажет мне его.

Наш гид вопрошающе приподнял одну бровь. Я только что сделал не совсем приличное предложение.

— Давайте же, — настаивал я, — спросите его. Последовал еще один долгий разговор на амхарском, затем Вондему обратился ко мне:

— Он говорит все то же самое, что и раньше. Он ничего не знает о ковчеге завета. И также утверждает, что уже давным-давно на Дага Стефанос ничего не привозили извне.

Группа монахов, стоявшая полукругом и слушавшая наш разговор с Кифле-Мариамом Менгистом, в этот момент разбрелась. Один из них — босой, беззубый и одетый в такое тряпье, что смог бы сойти за попрошайку с улиц Аддис-Абебы, — провожал нас, пока мы спускались по крутой тропинке к пристани. Прежде чем мы поднялись на борт катера, он отвел Вондему в сторонку и прошептал что-то в его ухо.

— Что он сказал? — резко спросил я, ожидая нового требования некой суммы.

Но на этот раз речь шла вовсе не о деньгах Вондему нахмурился:

— Он говорит, что нам следует отправиться на Тана Киркос. Похоже на то, что там мы сможем узнать кое-что о ковчеге… что-то важное.

— Что такое этот Тана Киркос?

— Еще один остров… к востоку отсюда. Довольно далеко.

— Пусть скажет, что он имеет в виду под «что-то важное».

Вондему перевел вопрос и ответ:

— Он говорит, что ковчег завета находится на Тана Киркос. Это все, что он знает.

Моей первой реакцией на эту поразительную новость было возведение очей к небу. Я рассеянно подергал себя за волосы, пнул ботинком в борт катера. Тем временем монах, от которого я ждал услышать продолжение, проковылял обратно по пирсу и исчез из виду в банановой рощице.

Я взглянул на часы — почти полдень. Мы находились вне Бахр-Дара уже шесть часов, что уже стоит мне 300 долларов.

— Тана Киркос нам не по пути? — спросил я Вондему.

— Нет, — последовал ответ. — Я там никогда не был. Никто не посещает этот остров. Я лишь знаю, что он расположен примерно к востоку отсюда. Бахр-Дар же на юге.

— Понятно. Сколько может занять плавание туда?

— Не знаю. Спрошу капитана.

И Вондему спросил. Плавание займет полтора часа.

— А после? Сколько времени уйдет на возвращение в Бахр-Дар?

— Еще примерно три часа.

Я сделал быстрый мысленный подсчет. Скажем, еще два часа на острове Тана Киркос, плюс полтора часа на дорогу туда, плюс три часа до Бахр-Дара… это шесть с половиной часов. Скажем, плюс шесть часов уже в пути. Итого: тринадцать часов. *Тринадцать,* черт побери! По пятьдесят баксов за час. Шестьсот пятьдесят долларов. Господи!

Еще какое-то время я внутренне содрогался. В конце концов с сердцем таким же тяжелым, каким легким был мой кошелек, я решил ехать.

Конечно же, ковчега не окажется на Тана Киркос. Я это просто знал. Самый вероятный сценарий: от меня еще раз отделаются туманными отговорками как и на Дага Стефанос. Мало-помалу из меня высосут все деньги. Пока я уже не смогу ничего больше предложить. Потом мне сделают еще один провоцирующий намек на еще один остров — и все повторится сначала, и снова я буду предлагать деньги, дабы обогатить еще одну общину нуждающихся затворников.

Джеймс Брюс вспомнил я, побывавший на Тане еще в XVIII веке, записал: «На озере сорок пять обитаемых островов, если верить абиссинцам, а они неисправимые лгуны во всем…»

ТАНА КИРКОС

Я почти утратил восприимчивость, когда мы приплыли на Тана Киркос. И все же, стоя на носу «Дахлака» и со злостью глядя на приближавшийся остров, я не мог не признать, что он красив и необычен. Полностью покрытый густым зеленым кустарником, цветущими деревьями и высокими кактусами, он круто вздымается из воды высоким пиком, на котором я едва различил соломенную крышу круглого здания. В воздухе носились колибри, зимородки и ярко-синие скворцы. На кустарно сделанном пирсе в маленькой бухточке с песчаным пляжем стояла группа монахов. Широко улыбавшихся.

Мы бросили якорь и высадились с катера. Вондему привычно представил нас и объяснил, кто мы такие. Мы все обменялись рукопожатиями. Обменялись пространными приветствиями. В конце концов нас повели по узкой заросшей тропинке, окаймлявшей серый утес, через арку наверху, опять же высеченную из целого куска камня, на полянку с тремя-четырьмя ветхими домами и дюжиной оборванных монахов.

Окруженная естественными скальными стенами лужайка выглядела тихой и мрачной. Проникавший сюда свет просачивался сквозь нависавшие со всех сторон ветви деревьев и кустов и казался зеленым и приглушенным. Вопреки собственной воле, я начал чувствовать, что здесь может оказаться что-то такое, что следовало бы увидеть. Не знаю, как объяснить, но Тана Киркос казался «подходящим» в том смысле, в каком оказался «неподходящим» Дага Стефанос.

Появился старший священник, и представился нам с помощью Вондему как Мемхир Фиссеха. Худой и благоухающий ладаном, он не просил денег, но спросил, прошли ли мы проверку на благонадежность.

Подобный вопрос, исходивший от традиционной фигуры в монашеской одежде, привел меня в замешательство.

— Мы и в самом деле прошли такую, проверку, — ответил я, достал из кармана полученное в Аддис-Абебе от службы безопасности разрешение и отдал Вондему, который передал его Мемхиру Фиссехе. Старик — неужели все священники Эфиопии так стары? — изучил документ и отдал его мне. Похоже, он был удовлетворен.

Вондему объяснил, что я хочу задать несколько вопросов о Тана Киркос и о ковчеге завета. Согласен ли он ответить?

— Да, — ответил священник как-то, показалось мне, печально. Он пригласил нас жестом пройти в дверь кухни, если судить по закопченным кастрюлям и сковородам. Здесь он присел на маленькую табуретку и пригласил нас последовать его примеру.

— Вы верите, — приступил я, — что Менелик I доставил ковчег завета из Иерусалима в Эфиопию?

— Да, — перевел Вондему.

Я с облегчением вздохнул. Здесь уже было *гораздо* лучше, чем на Дага Стефанос.

— Я наслышан, — продолжил я, — что сейчас ковчег находится здесь, на Тана Киркос. Это правда?

На дубленом лице Мемхира Фиссехи появилось выражением муки, когда он ответил:

— Это было правдой.

Было правдой? Что, черт возьми, это означает?

— Пусть продолжит свое объяснение, — в возбуждении крикнул я Вондему. — Что он хочет сказать этим «было правдой»?

Ответ священника одновременно и взволновал и расстроил меня.

Это было правдой. Но ковчег завета уже не здесь. Его увезли в Аксум.

— Обратно в Аксум? — воскликнул я… — Когда? Когда его увезли?

Последовало долгое обсуждение на амхарском, явно призванное прояснить главный вопрос. Наконец Вондему перевел:

— Ковчег увезли в Аксум тысячу шестьсот лет назад — во времена царя Эзаны. Его не отвезли *обратно,* его просто отвезли туда, и с тех пор он находится там.

Я был озадачен и разочарован.

— Давайте проясним это, — предложил я после минутного замешательства. — Он ведь не говорил, что ковчег находился здесь недавно и теперь вернулся в Аксум, так? Он утверждает, что ковчег был увезен туда давным-давно?

— Точно, тысячу шестьсот лет назад. Вот что он говорит.

— Ладно, тогда спросите его, как ковчег прежде всего попал сюда. Попал ли он сюда из Аксума и потом возвращен туда? Или он находился здесь *до того,* как был перевезен из Аксума? Похоже, он имеет в виду именно это, но я хочу быть полностью уверенным.

Медленно и мучительно раскручивалась история. Ее извлечение походило на удаление корня сгнившего зуба из воспаленной десны. Несколько раз пришлось прибегать к консультации с другими монахами и обратиться к огромной книге в кожаном переплете на древнем геэзе, из которой было зачитано одно место.

Сказанное Мемхиром Фиссехой можно подытожить следующим образом. Ковчег был украден Менеликом I и его спутниками из храма Соломона в Иерусалиме. Они вывезли ковчег из Израиля в Египет. Затем они поднялись вверх по Нилу — сначала по Нилу, а потом по его притоку Тэкэзе, пока не попали в Эфиопию.

Таково, разумеется, предание о краже ковчега, приведенное в «Кебра Нагаст». Новым оказалось сообщенное далее.

— В поисках надежного и подобающего места для хранения бесценной реликвии, — продолжал старый священник, путешественники прибыли на озеро Тана. В то время все озеро было священным. Оно было дорого Богу. Святое место. И вот они прибыли на Тану, на его восточный берег, и избрали этот остров, теперь носящий название «Киркос», в качестве пристанища Ковчега.

— Как долго он находился здесь? — спросил я.

— Восемьсот лет, — последовал ответ. — Он благословлял нас своим присутствием на протяжении восьмисот лет.

— Здесь было какое-то здание для него? Он был помещен в каком-нибудь храме?

— Не было никакого здания. Священный ковчег находился в шатре. И хранился в шатре здесь, на Тана Киркос, восемьсот лет. Тогда мы были иудеями. Позже, когда мы стали христианами, царь Эзана забрал его в Аксум и поместил в великую церковь в том городе.

— И вы утверждаете, что ковчег перевезли в Аксум тысячу шестьсот лет назад?

— Таким образом, если он находился на Тана Киркос на протяжении восьмисот лет до того… Посмотрим… Ковчег тогда должен был попасть сюда примерно две тысячи четыреста лет назад. Так? Вы хотите сказать мне, что ковчег был доставлен сюда около 400 года до Рождества Христова?

— Да.

— Вы знаете, что 400 лет до. н. э. сильно отдалены во времени от Соломона, которого считали отцом Менелика? В самом деле, Соломон умер примерно за пятьсот лет до того времени. Что вы скажете на это?

— Ничего. Я рассказал вам предание, как оно записано в наших священных книгах и в нашей памяти.

Сделанное несколькими минутами ранее замечание страшно заинтересовало меня, и я снова приступил к расспросам:

— Вы сказали, что в то время вы были иудеями. Что это означает? Какую религию вы исповедали?

— Мы были иудеями. И совершали жертвоприношения… приносили в жертву барашка. И занимались этим до тех пор, пока ковчег не увезли в Аксум. Тогда пришел Абба Салама и обратил нас в христианскую веру, и мы построили здесь церковь.

Аббой Саламой, как я уже знал, эфиопы называли Фрументия — сирийского епископа, обратившего царя Эзану и все Аксумское царство в христианство в 330 году н. э. Это означало, что указанные Мемхиром Фиссехой периоды соответствовали действительности, или, по крайней мере, обладали внутренней связью. Единственное противоречие состояло в огромном расхождении между известным временем Соломона — серединой 900-х годов до н. э. и тем временем, когда ковчег был, предположительно, доставлен на Тана Киркос (которое выпадает, если отсчитать восемьсот лет назад от 330 года н. э., на 470 год до н. э.).

Я продолжил расспросы:

— До того как Абба Салама пришел и научил вас христианству, у вас не было здесь церкви?

— Никакой церкви. Я вам сказал. Мы были евреями. Мы совершали жертвоприношения. — Помолчав, священник добавил: — Кровь барашка собиралась в чашу… *гомер.* Затем ею обрызгивали камни, маленькие камни. Они до сих пор находятся здесь.

— Извините, повторите еще раз: что здесь находится до сих пор?

— Камни, которые мы использовали во время жертвоприношения, пока еще были иудеями. Эти камни здесь. На острове. Они здесь сейчас.

— А можно их посмотреть? — поинтересовался я, испытывая немалое волнение.

Если Мемхир Фиссеха говорит правду, значит, он говорит о вещественных доказательствах — реальных вещественных доказательствах рассказанной им странной, но довольно убедительной истории.

— Можно, — ответил старик и поднялся. — Идите за мной, я покажу вам.

КРОПЯ КРОВЬЮ…

Священник, подвел нас к высокой точке на краю утеса вблизи от вершины острова, откуда открывался вид на озеро Тана. Здесь, на приподнятом постаменте из природной необтесанной скалы, он показал нам три сгруппированных вместе невысоких каменных столба. Самый высокий из них — около полутора метров — был квадратным в сечении и имел наверху выдолбленное в форме чаши углубление. Остальные два были около метра в высоту, круглыми в сечении и толщиной с мужское бедро. Наверху они также были выдолблены на глубину до десяти сантиметров.

Несмотря на то, что они обильно заросли зеленым лишайником, я убедился, что три столбика — монолитные камни, свободно стоящие, вытесанные из одного серого гранита. Они выглядели старыми, и я поинтересовался мнением Ричарда на этот счет.

— Я, разумеется, — ответил он, — не археолог, но, судя по тому, как они были высечены, по стилю… особенно квадратный… Я бы сказал, что они были изготовлены в аксумский период, если не еще раньше.

Я спросил Мемхира Фиссеху, для чего нужны были углубления в форме чаши.

— Для собирания крови, — последовал ответ. — После жертвоприношения немного крови разбрызгивалось на камни и часть — на шатер, укрывавший ковчег. Остальное выливалось в эти углубления.

— Вы можете показать, как это делалось?

Старый священник подозвал одного из монахов и отдал негромким голосом какое-то распоряжение. Монах ушел и вернулся через несколько минут с широкой, но мелкой чашкой,

настолько проржавевшей и тусклой, что невозможно было даже догадаться, из какого металла она изготовлена. Это, объяснили нам, *гомер,* в который первоначально собирали кровь принесенной жертвы.

— Что именно означает *«гомер»?* — спросил я Вон-дему.

Он пожал плечами:

— Не знаю. Это не амхарское слово и даже не тигриньяское. Это не похоже ни на один из эфиопских языков.

Я обратился за разъяснением к Ричарду, но он признался, что это слово ему также не знакомо.

Мамхир Фиссеха сказал, что чашка называется «гомер» и всегда так называлась, и это было все, что он знал. Затем он встал рядом с камнями, держа чашку в левой руке, как бы окунув в нее большой палец, взмахнул правой рукой на уровне головы и задвигал ею вверх и вниз.

— Кровь разбрызгивалась таким образом, — объяснил он, — над камнями и над шатром ковчега. После, как я уже говорил, остатки выливались вон там.

Он наклонил сосуд над чашеобразными углублениями наверху столбиков.

Я спросил священника, где именно на острове хранился ковчег в своем шатре. Он отвечал лишь:

— Где-то поблизости… где-то здесь.

Затем я попытался прояснить некоторые детали его сообщения.

— Вы сказали, что ковчег был вывезен из Тана Киркос в Аксум тысяча шестьсот лет назад. Это верно?

Вондему перевел вопрос. Мемхир Фиссеха кивнул.

— О'кей, — продолжил я. — Теперь мне хотелось бы знать следующее: привозили ли его когда-нибудь обратно? Когда бы то ни было? Возвращался ли ковчег сюда?

— Нет. Его увезли в Аксум, и там он и оставался.

— И, насколько вам известно, он до сих пор там?

— Да.

Никакой другой информации ожидать не приходилось, но я и так был больше чем доволен услышанным, тем более что никто ни разу не потребовал денег за информацию. Испытывая благодарность, я протянул 100 быров в качестве добровольного взноса на расходы монастыря. Затем, с разрешения Мемхира Фиссехи, я принялся фотографировать использовавшиеся при жертвоприношении столбы с разных сторон.

В Бахр-Дар мы вернулись к восьми часам вечера. На озере Тана мы в целом провели более четырнадцати часов, и счет за аренду «Дохлака» достиг 750 долларов США.

День выдался дорогостоящим по любым меркам. Но я уже не сожалел о расходах. В самом деле, охватившие меня на Дага Стефанос сомнения развеялись на Тана Киркос, и я был готов теперь продолжить поиск с обновленным чувством убежденности и оптимизма.

Это настроение получило новую подпитку в Аддис-Абебе. Прежде чем отправиться в запланированную на 23 ноября поездку на озеро Звай, я имел возможность посетить университетскую библиотеку и изучить материалы, касающиеся использования жертвенных камней в иудаизме времен Ветхого Завета.

Я открыл для себя, что столбы, аналогичные увиденным нами на Тана Киркос, имели отношение к очень ранним периодам религии как на Синайском полуострове, так и в Палестине. Известные под названием *«массе-бот»,* они устанавливались как алтари на высоких местах и использовались для жертвоприношения и других культовых обрядов.

Затем я заглянул в Библию в поисках конкретных подробностей совершения жертвоприношения во времена Ветхого Завета. И я нашел такие подробности. Читая и перечитывая соответствующие места, я понял, что Мемхир Фиссера описал нам подлинный и весьма древний обряд. Несомненно, многое смешалось и спуталось в воспоминаниях об обычае, передававшемся из поколения в поколение. Когда же священник-островитянин рассказывал о разбрызгивании крови, он был удивительно близок к истине.

В главе 4 Книги Левит, например, я прочитал следующий стих: «…И омочит священник перст свой в кровь и покропит кровью семь раз пред Господом пред завесою святилища». А в Главе 5 я нашел: «…и покропит кровью сей жертвы за грех на стену жертвенника, а остальную кровь выцедит к подножию жертвенника…»

Но лишь обратившись к «Мишне» — письменной компиляции раннего изустного иудейского закона, я понял, насколько точно соответствовал действительности рассказ Мемхира Фиссехи. В трактате «Иома» — втором разделе «Мишны» — я нашел подробные описания жертвенных ритуалов, проводившихся высшим жрецом в храме Соломона перед завесою, скрывавшей ковчег завета от взглядов мирян.

Я прочитал, что кровь жертвы — барашка, козленка или бычка — собиралась в миску и передавалась тому, «кто должен помешивать ее… чтобы она не свернулась». Затем жрец, явившийся из святая святых, «берет кровь у того, кто мешал ее, и снова входит в святая святых и встает опять на место, на котором стоял, и кропит кровью один раз вверх — и несколько раз вниз».

Куда же именно брызгает священник кровью? Согласно «Мишне», он кропит ею «завесу снаружи, напротив ковчега, один раз вверх и семь раз вниз, не так, как если бы намеревался кропить вверх или вниз, а как если бы он держал в руке кнут… Затем он кропит очищенную поверхность алтаря семь раз и выливает остальную кровь».

Мне показалось совершенно невероятным, что Мемхир Фиссеха мог когда-либо читать «Мишну». Как христианину, ему незачем было читать «Мишну», да он и не мог иметь доступ к этой книге на своем далеком островке, как и понять какой-либо из языков, на которые она была переведена. И все же движения его руки, когда он показывал, как кропили кровью, были именно такими, как если бы он держал в руке кнут. И он с уверенностью говорил о кроплении кровью не только камней жертвенника, но и «шатра ковчега».

Соответствия слишком точные, чтобы пренебречь ими, и я был уверен теперь, что когда-то, в далеком прошлом, предмет величайшего религиозного значения был-таки привезен иудеями на остров Тана Киркос. Несмотря на хронологическое несовпадение в дате его предполагаемой доставки, имелись все основания предположить, что — как в то явно верил сам Мемхир Фиссеха — этим предметом действительно был священный ковчег завета.

Глава 10
ПРИЗРАК В ЛАБИРИНТЕ

В разговоре со мной на Тана Киркос священник высказал одну вещь, которая крайне меня заинтересовала. Я имею в виду его замечание относительно *маршрута,* по которому ковчег был доставлен в Эфиопию, и теперь я жаждал исследовать поглубже смысл этого высказывания в библиотеке Института эфиопских исследований. После того как он был украден из храма Соломона в Иерусалиме, рассказывал священник, его доставили сначала в Египет, а — оттуда — по рекам Нил и Тэкэзе — на озеро Тана. Несмотря на все поиски, предпринятые мною в предыдущие месяцы, я так и не занялся маршрутом Менелика. Вот почему я решил посмотреть, что говорит по этому поводу «Кебра Нагаст». Мне также хотелось знать, содержится ли в последней что-то конкретное, противоречащее утверждению священника о том, что ковчег оставался на Тана Киркос восемьсот лет, до того как был увезен в Аксум.

В великой эпопее единственная полезная информация содержалась в главе 84. В ней говорится, что после прибытия в Эфиопию Менелик и его спутники доставили реликвию в место под названием «Дебра Македа». К моему удивлению, Аксум даже не упоминался. Дебра Македа. Где бы это ни было, было указано как первое пристанище ковчега в Эфиопии. Сразу же прояснилось одно из наиболее серьезных несоответствий, беспокоивших меня с 1983 года, а именно, что город Аксум был основан лишь через восемь столетий после предполагаемого путешествия Менелика [44]. Несколько моих источников изначально уверяли меня в том, что Аксум был конечным пунктом того путешествия и что ковчег с самого начала хранился там [45], что было бы исторически невозможно. Теперь же я убедился, что «Кебра Нагаст» не содержит подобного утверждения, а лишь сообщает о том, что Менелик и его спутники доставили реликвию из Иерусалима в Дебра Македу. Я знал, что слово «дебра» означает «гора», а Македа было тем именем, которым эфиопское предание называло царицу Савскую. Стало быть, «Дебра Макета» означает «гора Македа» или «гора царицы Савской».

В кратком описании в «Кебра Нагаст» ничто не указывало на то, что «гора царицы Савской» могла быть островом «Тана-Киркос». Но точно так же я не нашел ничего, что исключало бы такую возможность. В поиске новых ключей я обратился к авторитетному географическому обследованию озера Тана, проведенному в 30-е годы нынешнего столетия, и узнал, что название Киркос было дано острову в сравнительно недавнее время (в честь христианского святого). «До обращения Эфиопии в христианство, — говорилось далее в обзоре, — Тана Киркос назывался *Дебра* Сехел». [46] Сразу же у меня возник вопрос: а что означает слово «Сехел»?

Чтобы узнать его значение, я проконсультировался с несколькими учеными, занимавшимися в тот день в библиотеке. Мне сказали, что это геэзское слово имеет своим корнем глагол «простить».

— Правильно ли тогда предположить, — спросил я, — что полное название «Дебра Сехел» можно перевести как «гора Прощения»?

— Да, — ответили мне. — Правильно.

Это уже становилось по-настоящему интересно. В «Парсифале» Вольфрама фон Эшенбаха, как я прекрасно помнил, местонахождение замка Грааля и храма Грааля называлось Мунсалваэше. Велись споры об истолковании этого слова, и ряд специалистов по творчеству Вольфрама предполагали, что оно является вариантом библейской Монс Салвационис, «горы Спасения» [47].

Не может быть сомнений в том, что идеи «прошения» и «спасения» связаны, ибо для спасения в религиозном смысле слова, человек должен быть сначала прощен. Больше того, в псалме 129 говорится: «Если Ты, Господи, будешь замечать беззакония, — Господи! Кто устоит? Но у Тебя прощение… Да уповает Израиль на Господа, ибо у Господа милость и многое у Него избавление…»

«Избавление» же близкий синоним «спасения». Поэтому я не мог не задаться вопросом: не может ли «гора Спасения» Вольфрама как-то быть связана с эфиопской «горой Прощения», известной ныне как Тана Киркос.

Я сознавал, что предположение подобного рода может быть лишь весьма условным и что трудно отождествить Дебра Сехел с Мунсалваэше. Тем не менее после многократного прочтения «Парсифаля» я уже не забывал, что мистический храм Грааля («гладкий и закругленный, словно выточенный на токарном станке») стоял на озере — вполне возможно, что на каком-то острове на озере. Нельзя и считать совершенно не имеющим отношения к делу тот факт, что эфиопские православные церкви и фалашские молельни были круглой формы в плане [48], какими были в большинстве и церкви тамплиеров (в том числе и сохранившиеся до нашего времени, вроде Храмовой церкви XII века вблизи Флит-стрит в

Лондоне). И я почувствовал во всем этом определенные соответствия, которыми мне никак не следует пренебрегать (как не следует и слишком уж полагаться на них).

Пока же предстояло рассмотреть другую, менее гипотетическую связь между Дебра Селех и Дебра Македой. Как только мне стало известно прежнее название Тана Киркос, эфиопские острова мысленно получили приставку «Дебра» (что означает «гора»). И в самом деле, пик, круто вздымавшийся над поверхностью озера Тана Киркос, выглядел горой, когда я впервые увидел его. Разумеется, это не доказывало, что в «Кебра Нагаст» говорилось о Дебра Сехел в эпизоде с доставкой ковчега на гору царицы Савской. Но, по крайней мере, рассуждал я, это позволяет поднять статус острова до кандидата в горы.

Установив это, я решил вплотную заняться маршрутом, по которому путешествовал Менелик со своими спутниками. Прежде я предполагал, что они плыли на судне из Соломонова порта Епион гебра (ныне Эйлат [49] в заливе Акаба), затем по Красному морю до эфиопского побережья. Сейчас, изучая выданную мне библиотекарем копию «Кебры Нагаст», я обнаружил, что очень заблуждался в своих предположениях. Свое долгое путешествие из Иерусалима Менелик совершил вместе с большим караваном только по суше. [50]

Но каким сухопутным маршрутом он следовал? Его описание в «Кебра Нагаст» имеет эдакий сказочный, чудесный и сюрреалистический характер фантастического рассказа, в котором нелегко найти узнаваемые географические названия и ориентиры. Но имеются и некоторые вполне конкретные и потому важные подробности. Покинув Иерусалим, путешественники добрались до Газы (на израильском побережье Средиземного моря, где до сих пор существует город с тем же названием). Оттуда они, предположительно, последовали по хорошо известному торговому маршруту по северному краю Синайского полуострова в Египет, где вскоре добрались до берега великой реки. Здесь они сказали: «Оставим наши повозки, ибо мы прибыли к воде из Эфиопии. Это Тэкэзе, которая течет из Эфиопии и обводняет долину Египта». Из контекста ясно, что Менелик со товарищи все еще находились в «долине Египта», когда произносили эти слова, и, вероятно, недалеко к югу от современного Каира. Поэтому рекой, у которой они оставили свои повозки, мог быть только Нил. Самым же поразительным было то, что они сразу же опознали Тэкэзе — тот же большой эфиопский приток, который упомянул священник на Тана Киркос.

Взяв у библиотекаря атлас, я провел ногтем по течению Тэкэзе. Так я выяснил, что она берет начало в центре Абиссинского нагорья, недалеко от древнего города Лалибела, течет по извивающемуся руслу в северо-западном направлении через Симиенские горы, сливается с Атбарой в Судане и в конце концов вливается в собственно Нил в нескольких сотнях миль к северу от современного города Хартум, стоящего у слияния Голубого и Белого Нила.

На карте я сразу же обнаружил еще две вещи: во-первых, с эфиопской точки зрения Нил можно рассматривать как продолжение Тэкэзе [51]; во-вторых, вполне логично, что караван с ковчегом завета поднялся по Нилу и затем по Тэкэзе, чтобы попасть в Эфиопию. Иначе им пришлось бы следовать дальше на юг через негостеприимные пустыни Судана до слияния двух Нилов и затем подняться по Голубому Нилу до нагорья. Однако из-за того, что эта река делает большой крюк к югу, прежде чем снова повернуть на север к озеру Тана, путешествие пришлось бы продлить без всякой необходимости. Маршрут же по Тэкэзе, напротив, почти на тысячу миль короче.

Благодаря карте стала очевидной еще одна вещь: путешествие по Тэкэзе к ее истокам должно было привести в конце концов к точке, расположенной менее чем в семидесяти милях от восточного берега озера Тана. А от этого берега было рукой подать до Тана Киркос. Поэтому нет ничего загадочного в том, что этот небольшой остров стал первым пристанищем ковчега в Эфиопии. В поиске надежного места для хранения священной реликвии Менелик и его спутники вряд ли могли сделать лучший выбор.

ТРОЕ В ЛОДКЕ

На следующее утро, когда мы с Ричардом Пенкхерстом отправились на озеро Звай, нас сопровождал мой старый знакомый — генеральный директор государственной туристической компании Йоханнес Берхану. Мы встретились около шести утра в главной конторе компании, поскольку Йоханнес предоставил в наше распоряжение «тойоту-лэндкруизер» с шофером. Через двадцать минут мы уже оставили позади небоскребы и трущобы Аддис-Абебы и загромыхали по широкому шоссе на юг через город Дебра Зейт в сердце долины Грейт Рифт.

Если не считать искусственного водохранилища Кона, озеро Звай является самым северным из вереницы озер в долине Рифт. Его зеркало составляет примерно двести квадратных миль, а максимальная глубина — около пятидесяти футов. Овальной формы, оно все усеяно островами, а его заросшие камышом болотистые берега служат прекрасной средой обитания для аистов, пеликанов, диких уток, гусей и крохалей, а также для огромного количестве бегемотов.

После двухчасовой поездки из Аддис-Абебы мы прибыли к пункту назначения — пирсу на южном берегу озера. Как нам сообщили, министерство рыболовства держало здесь несколько судов, одно из которых нам обязательно должны были предоставить за минимальную плату. Но, как и следовало ожидать, все крупные суда отплыли на ловлю рыбы. Доступной оказалась только одна моторная лодка, но и на ней не было топлива для подвесного мотора.

Последовал долгий разговор с представителями министерства, которые уверяли, что в лодке недостаточно места для Ричарда, Йоханнеса, меня и лоцмана. Остров Дебра Сион, куда в X веке привозили для сохранения ковчег, как мне было известно, находился на большом расстоянии — по крайней мере в трех часах пути на утлом суденышке. К тому же у него не было палубы, под которой мы могли бы укрыться от свирепого солнца. И не могли бы мы прийти назавтра, когда можно будет организовать более подходящий транспорт?

Йоханнес красноречиво отверг это предложение. Профессор Пэнкхерст и мистер Хэнкок, сказал он, должны на следующий день успеть на важную встречу в Аддис-Абебе, которую нельзя отложить ни под каким предлогом. Поэтому мы должны попасть на Дебра Сион сегодня.

Продолжая спорить, мы прошли в конец пирса и попробовали усесться в крошечной лодчонке. Мы ухитрились разместиться в ней, рассевшись по бортам, хотя наш суммарный вес и погрузил ее довольно глубоко в воду.

Что делать? Работников министерства явно обуревали сомнения, но в конце концов они решили пойти у нас на поводу. Суденышко — наше. Они предоставят лоцмана. Никакой платы. Но мы сами должны побеспокоиться о топливе. Может, отправите своего водителя в ближайший город с канистрой?

Мы так и поступили. Мучительно потянулось время. Прошел один час, потом другой. Горя нетерпением, я стоял на конце пирса и знакомился с аистами марабу: огромные печальные, длинноклювые, лысоголовые птицы явно вели свое происхождение от птеродактилей. В конце концов наш водитель вернулся с топливом, и — где-то уже после одиннадцати — мы завели подвесной мотор и отчалили.

Мы медленно плыли по покрытой рябью воде, обходя один густо заросший растительностью остров за другим. Обрамленный камышами берег отступал и затем исчезал за нашими спинами, не было даже признака Дебра Сион, солнце стояло прямо над головами. А наше суденышко протекало довольно заметно.

Тут-то, Йоханнес Берхану и напомнил мне, что озеро кишит гиппопотамами (которых он описал как «очень агрессивных и недружелюбных животных»). Сам он, заметил я, напялил спасательный жилет, который ухитрился раздобыть перед нашим отплытием. Тем временем нос Ричарда Пэнкхерста приобрел интересный розовый цвет вареного рака. А я… я скрежетал зубами и пытался не обращать внимания на переполненный мочевой пузырь. Где же этот

чертов остров? Когда же мы наконец доплывем до него? Бросая нетерпеливые взгляды на часы, я вдруг осознал весь комизм нашего положения. Я имею в виду: одно дело — «Искатели утраченного ковчега» и совсем другое дело — «Трое в одной лодке».

Плавание до Дебра Сион не заняло столько времени, как нам предрекали, но все же было достаточно долгим. И я первым выскочил на берег, пробежал мимо депутации пришедших поприветствовать нас монахов и спрятался за ближайшим кустом, из-за которого выбрался через несколько минут в гораздо лучшем настроении.

Когда я присоединился к остальным, они уже что-то обсуждали с «комитетом по встрече». Я обратил внимание на несколько лодок из папируса и камыша, выстроившихся у берега. Они казались идентичными во всех отношениях виденными нами на озере Тана. Я было уже собрался спросить о них, когда Йоханнес прервал мои размышления, возбужденно воскликнув:

— Грэм? Здесь происходит что-то странное. Похоже, здешние люди говорят на тигринья.

Это действительно было странно. Мы находились в южной части провинции Шоа, население которой говорило на амхарском. С другой стороны, тигринья был родным языком жителей священного города Аксум и провинции Тиграи — в сотнях миль к северу. Из собственного опыта я знал, что в Эфиопии региональные, в частности лингвистические, отличия имеют очень большое значение (достаточно серьезное, чтобы приводить к гражданским войнам). Поэтому так поразительно было то, что амхарский не был родным языком монахов с Дебра Сион.

Как оказалось позже, не только монахов. Вскоре мы установили, что все жители острова, включая крестьян и — рыбаков, говорили обычно на одном из диалектов тигринья, а амхарским (который многие из них знали лишь поверхностно) пользовались лишь в тех редких случаях, когда их посещали правительственные чиновники.

Пока мы поднимались вьющейся по склону тропинкой к вершине холма, где находилась главная церковь острова, я задал вопрос:

— Как так случилось, что все вы говорите на тигринья?

— Наши предки — *выходцы из Тиграи*, — ответили монахи с помощью Йоханнеса.

— Когда они перебрались сюда?

— Это было около тысячи тридцати лет назад.

Я быстро посчитал в уме: 1989 минус 1030 равняется 959 год н. э. Десятый век, думал я. Столетие, в котором царица Гудит свергла династию Соломона, а ковчег завета был, предположительно, вывезен из Аксума на сохранение на Дебра Сион. Я даже не начал еще никого допрашивать с пристрастием, как уже стала отчетливо прорисовываться обоснованность предания, о котором мне рассказывал Белаи Гедаи.

— Почему они прибыли сюда? — спросил я. — Пусть обязательно скажут, как и почему они перебрались сюда.

Йоханнес передал монахам мой вопрос и перевел их ответ:

— Видите ли, их потомки прибыли сюда с *таботом.* Это было во времена Гудит. Она атаковала христиан в Тиграи. Велись ожесточенные бои. Они бежали от нее. И прибыли сюда с *таботом.*

— Каким *таботом'?*

— Говорят, таботом из церкви Святой Марии Сионской в Аксуме.

— Имеют ли они в виду подлинный *табот,* доставленный Меneликом в Эфиопию из Иерусалима? Иными словами, ковчег завета. Или они говорят о каком-то другом *таботе?* Я хочу полной ясности по этому вопросу.

Йоханнес мужественно вступил на это минное поле перевода, пока мы продолжали подниматься по крутому склону. Последовал долгий спор, прежде чем он наконец высказался:

— Я не уверен, что им самим это ясно до конца. Но они утверждают, что это записано… Все это записано в книге, хранящейся здесь, в церкви, и мы сможем обсудить этот вопрос со старшим священником.

УКРАДЕННАЯ ИСТОРИЯ

Через пять минут мы подошли к церкви, которая посвящена — узнал я без особого удивления — Святой Марии Сионской. Это простенькая, без претензий, мазанка, побеленная снаружи, с простым крестом наверху. Отсюда, с вершины холма, открывается потрясающий вид, дающий представление о размерах этого большого острова. За нашими спинами, там, откуда мы пришли, вьется тропинка среди полей, местами отмеченных убогими хижинами крестьян. Перед нами крутой обрыв к берегу озера, заросший акацией и кактусами.

Перед нами предстал старший священник Абба Гебра Христос. Невысокий, жилистый мужчина лет семидесяти, с узкой седой бородой, в поношенном костюме-двойке, на плечи которого накинута белая хлопчатобумажная ткань в типичном для нагорья стиле. Его манеры были достаточно приветливыми и радушными, но в нем также проглядывало что-то лисье, расчетливое, предвещающее неминуемый торг.

Я нервно нащупал в кармане пачку засаленных быров, которой запасся в Аддис-Абебе, и решил платить только за качественную информацию. Затем, без дальнейших проволочек я включил диктофон и задал свой первый вопрос: известна ли ему история о том, как Менелик похитил ковчег завета из храма Соломона в Иерусалиме.

— Да, — перевел Йоханнес. — Разумеется, известна.

— А знает ли он, что случилось дальше?

— Менелик, — отвечал священник, — доставил ковчег в Эфиопию, где он и находится по сию пору.

— Он уверен, — спросил я, — что это был подлинный ковчег завета с десятью заповедями, написанными пальцем Бога на скрижалях?

Йоханнес перевел вопрос, и Абба Гебра Христос веско ответил:

— Да, я уверен.

— Ладно. Хорошо. А теперь скажите мне, привозился ли когда-нибудь этот самый подлинный ковчег на озеро Звай, на Дебра Сион?

— Да, — отвечает священник, — во времена Гудит ковчег был привезен сюда из Аксума.

— Но почему его доставили сюда? — спрашиваю я. — Почему именно сюда? Почему так далеко? Наверняка есть сотни потаенных мест в Тиграи, где можно было бы спрятать ковчег?

— Послушайте… Эта Гудит… Она была сущим дьяволом. Она сожгла в Тиграи множество церквей. И в других регионах страны. То было время жестоких боев и большой опасности. Наши праотцы очень боялись, что она захватит ковчег. Поэтому они вывезли его из Аксума на Звай, где, они были уверены, его смогут сохранить. Они передвигались только по ночам, прячась днем в лесах и пещерах. Они очень боялись, говорю вам! Но таким образом они ускользнули от ее воинов и доставили ковчег на Звай и на этот остров.

— Вы знаете, как долго он находился здесь? Без какого-либо колебания Абба Гебра Христос ответил:

— Через семьдесят два года его вернули в Аксум.

Пришло время, подумал я, задать самый трудный главный вопрос:

— Были ли еще случаи, когда ковчег привозили сюда для сохранения? Быть может, недавно?

Опять без какого-либо колебания:

— Никогда.

— И, насколько вызнаете, он все еще находится в Аксуме?

— Да.

— Даже сейчас, когда в Тиграи идет война?

Абба пожал плечами:

— Я так думаю. Но это лишь мое личное мнение. Если хотите знать наверняка, спросите у людей из Аксума.

Мне в голову пришла другая идея.

— Когда мы поднимались сюда, — сказал я, — кто-то из монахов сообщил, что у вас есть древняя книга, в которой записана история того, как ковчег был доставлен на Дебра Сион во времена Гудит. Это верно? У вас есть такая книга?

Пока Йоханнес переводил мои вопросы, на сморщенном лице Абба Гебра Христоса промелькнуло выражение человека, неожиданно попробовавшего что-то горькое. Однако ответил он с достаточной готовностью:

— Да, есть такая книга.

— Можно ее посмотреть?

После минутного колебания:

— Да… Но в ней уже нет того места, где описывается история с ковчегом.

— Жаль. Но я не понимаю, что именно вы хотите этим сказать?

— Лет двадцать назад сюда явился один человек, вырезал несколько страниц из книги и забрал их с собой.

Как раз те страницы, на которых рассказывалась история ковчега.

— Тот человек… он был иноземцем или эфиопом?

— Ну, эфиопом. Но с тех пор мы так и не смогли разыскать его.

Пытаясь понять значение последнего ответа, я не мог не задуматься над причудливым и запутанным характером своего нынешнего занятия. Должно ли меня заботить то, что какой-то неизвестный вырезал неизвестное число страниц из неизвестной мне книги? Или это не имеет никакого отношения к моему делу? Не напал ли я на следы чьего-то еще поиска ковчега завета? Или здесь речь идет лишь о местном охотнике за рукописями, заработавшем двадцать лет назад, продав несколько иллюстрированных томов на рынке древностей?

Я заподозрил, что никогда этого не узнаю. Охота за ковчегом в Эфиопии оказывалась гораздо более обескураживающей и трудной, чем я мог вообразить. Это и в самом деле походило на преследование призрака в лабиринте. Казавшиеся многообещающими и открытыми проспекты при ближайшем рассмотрении оказывались непроходимыми тупиками, и, напротив, явные тупики не раз становились путями к пониманию.

Вздохнув, я постарался сосредоточиться на обсуждаемом вопросе и сказал Абба Гебра Христосу, что, несмотря на отсутствие самых важных страниц, я все равно хотел бы посмотреть упомянутую книгу и даже, если мне разрешат, сфотографировать ее.

Моя просьба вызвала поток нервных возражений. Нет, заявил престарелый священник, он не может позволить нам сделать это. О фотографиях не может быть и речи, если только не будет получено письменное разрешение патриарха эфиопской православной церкви в Аддис-Абебе. Есть ли у нас такое разрешение?

У нас его не было.

Тогда мы не сможем сфотографировать книгу. Но мы можем посмотреть ее, если хотим.

Я заметил, что мы будем благодарны и за эту малую милость. Абба Гебра Христос кивнул с мудрым видом, провёл нас внутрь церкви и прошел к шкафу в глубине убогого здания. Последовала потрясающая пантомима — старик искал по своим карманам нужным ключ и через пару минут признался, что не может найти его.

Был призван молодой дьякон и послан куда-то. Спустя десять минут, запыхавшийся юноша вернулся с внушительной связкой, по крайней мере, из двадцати ключей. Один за другим они были опробованы, и в конце концов — к моему немалому удивлению — дверца была открыта. Шкаф был практически пуст. Хранившаяся в нем книга оказалась изданием начала XX века, подаренным церкви дочерью императора Менелика II принцессой Заудиту.

В этот момент Абба Гебра Христос вдруг вспомнил важный факт: рукопись, которую мы желали посмотреть, хранится вовсе не в церкви. Несколько недель назад он сам отнес ее в хранилище, расположенное в другом здании на некотором расстоянии от церкви. Если мы соизволим сопровождать его, он покажет нам ее в хранилище.

Я бросил взгляд на часы, решил, что у нас есть еще время до отплытия с острова, и согласился. После долгой пешей прогулки мы добрались до ветхого двухэтажного каменного здания. Священник с величественным видом провел нас в сырую и затхлую заднюю комнату, вдоль стен которой стояли — дюжины деревянных ящиков и кричащего цвета цинковые сундуки. После мгновенного колебания Абба подошел к одному из сундуков и откинул крышку, под которой мы увидели кучу книг. Он достал самую верхнюю — тяжелый том со страницами из пергамента — и протянул ее мне.

Ричард Пэнкхерст и Йоханнес сгрудились вокруг меня, когда я раскрыл книгу, и сразу же подтвердили, что она написана на геэз. К тому же она, несомненно, была очень старой.

— Судя по стилю иллюстраций и по обложке, я бы датировал её тринадцатым веком, — высказался Ричард. — Точно не позднее четырнадцатого. Это, несомненно, очень старая книга. Вероятно, очень ценная.

Мы принялись нетерпеливо листать страницы. Нигде не было и намека на то, что из книги что-то выдрано. Насколько мы могли судить, рукопись не была повреждена. Мы указали на это Абба Гебра Христосу, стоявшему рядом и молча наблюдавшему за нами, и спросили: уверен ли он в том, что рассказывал нам именно об этой книге?

Как оказалось, нет. Извинившись, старик порылся в других ящиках, передавая нам несколько древних рукописей.

— Поразительно, — заметил Ричард. — Столько старых книг. Настоящая коллекция сокровищ. И они разбросаны здесь в полном беспорядке. Они могут размокнуть. Их могут украсть. Да с ними может случиться что угодно. Как бы я хотел перевезти их все в институт.

Последней мы осмотрели заключенную в деревянную обложку и прекрасно иллюстрированную копию эфиопского Жития Святых. Она также не была повреждена. Когда мы пролистали ее, Ричард ткнул меня локтем в бок.

— Я думаю, — сказал он, — что здесь мы ничего не добьемся.

— Думаю, ты прав, — кивнул я. — К тому же уже поздно. Нам пора отчаливать, иначе придется плыть в темноте.

Прежде чем откланяться, я все же попросил Йоханнеса сделать еще одну, последнюю попытку нажать на старого священника. Находится ли книга, в которой рассказывается история ковчега, здесь, или нет?

Разумеется, она здесь, стоял на своем Абба Гебра Христос. Конечно, она здесь. Проблема в том, что он просто не помнит, в какой ящик спрятал ее. Если мы подождем немного — еще чуть-чуть — он наверняка найдет ее.

Я почел за лучшее отказаться от подобного предложения. Мне показалось, что старик преднамеренно скрывал от нас что-то. Если это так, тогда можно предположить, что ему

было что прятать. Но что? Не сам же ковчег, размышлял я. Быть может, даже и не пресловутую книгу. Но что-то он точно прячет.

Озадаченный и немного уязвленный возвращался я к моторке. Мы вежливо попрощались. Имея еще примерно час светлого времени, мы поплыли по спокойным водам озера Звай.

В своем блокноте я записал:

«Не думаю, что есть смысл тратить время на дальнейшее изыскание на Дебра Сион. После беседы с монахами и старшим священником я практически уверен, что значение острова лишь в притягательной силе древних, преданий о ковчеге завета. В широком смысле слова эти предания вроде бы подтверждают сказанное мне Белаи Гедаи по телефону, а именно: ковчег привозили на Дебра Сион в десятом веке ради спасения его от Гудит, он хранился здесь около семидесяти двух лет и затем был возвращен в Аксум.

Тот факт, что родной язык всех обитателей острова — тигринья, а не амхарский, — веское свидетельство в поддержку истории, рассказанной мне, ибо единственное логическое объяснение подобной этнографической особенности может состоять в том, что в отдаленном прошлом действительно имело место перемещение населения из Аксума на Дебра Сион. Нечто исключительно важное, вроде необходимости доставки ковчега в надежное место, могло определенно вызвать подобную миграцию. Больше того, если реликвия хранилась здесь более семидесяти лет до ее возвращения в Аксум, тогда легко понять, почему потомки первых переселенцев пожелали остаться на острове, ставшем для них единственным домом. Также можно было ожидать, что они сохранят народную память о славных событиях, в которых участвовали их праотцы.

Именно с народной памятью я и имел дело большую часть вечера. В процессе выявились некоторые интригующие местные тайны. И даже на минуточку у меня не возникло ощущения, что ковчег и сейчас может находиться здесь. Напротив, я был уверен, что его здесь нет, и больше того — не было здесь по меньшей мере последнюю тысячу лет.

Поскольку то же самое можно сказать и об островах на озере Тана, становится практически очевидным, что Аксум остается самым вероятным местонахождением ковчега. Иными словами, хочу я того или нет, мне придется отправиться в Аксум. Наиболее подходящее время для этого — январь, время празднования Тимката, единственная благоприятная возможность оказаться вблизи от ковчега, не пытаясь проникнуть в святая святых. И именно во время Тимката в 1770 году: там находился Брюс — предположительно с той же целью».

Захлопнув блокнот, я посмотрел на Ричарда и Йоханнеса.

— Как вы думаете, существует ли вероятность, — спросил я, — что-правительство овладеет Аксумом к январю? Я бы очень хотел побывать там во время следующего Тимката;.

Йоханнес промолчал. Ричард состроил гимасу:

— Прекрасная идея. Но это все равно, что планировать полет на Луну.

— Ну что ж, хотеть-то не запретишь, — отозвался я.

Уже в полном темноте мы причалили к пристани министерства рыболовства и только к десяти часам вечера въехали в дальние пригороды Аддис-Абебы. Мы попросили водителя отвезти нас прямо к конторе Йоханнеса в центре города, где утром припарковали свои машины (оставалось еще два часа до комендантского часа, и мы мечтали перехватить что-нибудь в соседнем ресторане). Выходя из «лендкруизера», мы услышали долгие автоматные очереди, доносившиеся, казалось, из многоквартирного дома на противоположной стороне улицы. Через несколько секунд раздались выстрелы из другого оружия. Затем установилась мертвая тишина.

— Что это было? — спросил я.

— Наверное, ничего серьезного, — предположил Ричард. — Такие изолированные стычки происходят здесь после провалившегося мятежа. Постреливают. Но ничего страшного.

— И все же, — вступил в разговор Йоханнес, — я полагаю, что вам лучше забыть об ужине. Давайте-ка по домам.

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ СЛЕД

Вернувшись в «Хилтон», я сладко проспал до семи утра пятницы 24 ноября. Поплескавшись в бассейне и позавтракав, я позвонил в контору Шимелиса Мазенгия. Член политбюро просил Ричарда и меня доложить ему о результатах наших поездок на озера Тана и Звай. Его секретарь сообщила, что ожидала моего звонка и назначила нам встречу с ним на три часа пополудни.

Решив обязательно спросить Шимелиса о Тимкате и Аксуме, несмотря на пессимизм Ричарда, я поехал в Институт эфиопских исследований.

В среду 22-го мне удалось установить достоверность маршрута Нил-Тэкэзе, упомянутого в «Кебра Нагаст» и подтвержденного священником на Тана Киркос [52]. Сейчас же я намеревался проверить гипотезу, сформировавшуюся в общих чертах в моей голове. Если Менелик и Первенцы старцев Израиля действительно доставили ковчег на Тана Киркос, следуя по реке Тэкэзе, то это сказалось бы на распространении иудаизма в Эфиопии. Если в этой легенде есть хоть крупица правды, рассуждал я, тогда традиционный эпицентр фалашского населения должен находиться между Тэкэзе и озером Тана, поскольку именно в этом районе Менелик должен был начать обращение местного населения в иудаизм. Если же легенды врут, тогда можно надеяться, что большинство фалаша жили где-то еще — скорее всего, гораздо дальше к северу, ближе к Красному морю (поскольку консервативные академики утверждают, что их праотцы были обращены в иудаизм еврейскими иммигрантами из Йемена).

В первую очередь я обратился к Джеймсу Брюсу, чей давний труд по фалаша еще раньше произвел на меня большое впечатление. В третьем томе своих «Путешествий» шотландский автор посвятил одну главу тому, что можно было бы назвать «социальной географией» Эфиопии XVIII века. Я не очень хорошо помнил содержание этой главы, но надеялся найти там сведения об основных местах расселения фалаша.

И меня не разочаровал сделанный Брюсом обзор. Он начинался с севера Эфиопии — с порта Массауа на Красном море и шел в глубь страны. Рассказывалось о нескольких этнических группах, но фалаша в связи с Эритреей или Тиграи даже не упоминались. После «перехода через Тэкэзе», однако, местность к югу и западу от нее вплоть до озера Тана описывалась так:

«В большей своей части она заселена евреями, и там царь и царица этой нации, как они говорят, принадлежат к дому Иуды и сохраняют с очень давних времен свой древний суверенитет и религию».

В XIX веке (около восьмидесяти лет после Брюса) немецкий миссионер Мартин Флад зафиксировал такое же распределение населения, указав, что «фалаша живут в четырнадцати провинциях, расположенных к западу от Тэкэзе».

Современные источники, к которым я затем обратился, рисуют ту же картину. Подавляющее большинство эфиопских евреев обитают на территории к западу и югу от реки Тэкэзе: она была их традиционной родиной с незапамятных времен. Одно авторитетное и особенно подробное — исследование включало карту, на которой был заштрихован весь район расселения фалаша — длинная, но относительно узкая полоса, протянувшаяся на юго-запад от Тэкэзе через Симиенские горы и город Гондэр и далее без перерыва вокруг озера Тана.

Трудно было бы найти более убедительное подтверждение моей гипотезы о том, что именно здесь — благодаря уникальному влиянию присутствия ковчега на Тана Киркос — сосредоточилось обращение абиссинцев в иудаизм. На основе собственного исследования (см. главу 6) я уже начал сомневаться в академической теории, утверждавшей, что иудейская вера была сначала завезена на дальний север Эфиопии из Йемена где-то после 70 года н. э. До сих пор моя неудовлетворенность подобными представлениями проистекала главным образом из неспособности академиков объяснить крайне архаичный характер верований и обрядов фалаша (опять же см. главу 6). Теперь же этнографическое доказательство еще более подкрепило доводы против «йеменского следа»: район расселения фалаша выпукло выделялся на карте как отпечаток пальца, подтверждающий, что религия Соломона могла внедриться в Эфиопию только с запада — через Египет и Судан, следуя древними торговыми путями по рекам Нилу и Тэкэзе.

О ПОЛЬЗЕ ТЕРПЕНИЯ

Ровно в три мы с Ричардом явились на встречу с Шимелисом Мазенгия. Член политбюро пожелал прежде всего услышать о том, как прошли наши поездки на озера Тана и Звай. Увенчались ли они успехом? Нашли ли мы что-нибудь?

Я ответил в том духе, что наши открытия на острове Тана Киркос и рассказанные нам там странные архаические предания произвели глубокое воздействие на мое мнение. Теперь я был почти убежден в том, что ковчег завета был доставлен именно в этот район прежде, чем в Аксум.

— Так вы теперь верите, что ковчег у нас? — с улыбкой спросил Шимелис.

— Я все больше верю в это. Постоянно растет число доказательств… — Поколебавшись, я вернул ему вопрос:

— А вы как думаете?

— Я думаю, что в храме в Аксуме хранится нечто особенное. Не обязательно ковчег, но что-то очень особенное. Таково древнее поверье. Им нельзя полностью пренебрегать.

Я поинтересовался, предпринимало ли его правительство какие-либо попытки установить, действительно ли здесь хранится священная и поистине бесценная реликвия. Ведь члены Партии трудящихся — марксисты и не отягощены реакционными предрассудками. И Аксум они совсем недавно отдали ФНОТ. Неужели до этого они даже не попытались взглянуть на нее.

— Мы никогда не интересовались этим, — ответил Шимелис., — Ни разу… Если бы мы этого захотели, то, полагаю, — он иронично улыбнулся, — произошла бы революция. Наш народ очень привержен традициям, как вы знаете, и если бы какой-нибудь правительственный чиновник занялся этим, последовал бы взрыв.

— Вы полагаете, что ФНОТ занимает ту же позицию? — поинтересовался я. — Сейчас, когда он захватил Аксум?

Член политбюро пожал плечами:

— Не мне об этом говорить, но они не славятся религиозными чувствами…

Не без колебания задал я следующий вопрос:

— Не сочтите за дерзость, но я просто должен спросить. Есть ли хоть какой-нибудь шанс, что вы сможете отвоевать город в ближайшем будущем?

— Почему вы спрашиваете об этом?

— Потому что я пришел к выводу, что мне необходимо будет побывать там. Я хотел бы оказаться там на следующем праздновании Тимката.

— Вы говорите о январе?

Я кивнул.

— Невозможно, — резко бросил Шимелись, — да и зачем так торопиться? Если вы правы, то ковчег уже находится в нашей стране на протяжении трех тысячелетий. Через год, самое большее — два мы отвоюем Аксум, и я обещаю вам, что вы будете первым иностранцем, который посетит этот город. Так что будьте терпеливы. Вы получите свой шанс.

Я вынужден был признать здравость его совета. В стране вроде Эфиопии терпение почти всегда считалось добродетелью. Однако я не был намерен ждать два года. Поэтому решил про себя посетить Аксум в январе не 1990-го, а 1991 года. Продемонстрированная Шимелисом уверенность произвела на меня впечатление, и я очень надеялся на то, что к тому времени священный город снова окажется в руках правительства. Одновременно, в порядке предусмотрительности, мне казалось целесообразным вступить в некое подобие диалога с ФНОТ. До сих пор я избегал общения с мятежниками. Но теперь мне представлялось полезным пойти на определенное заигрывание с ними. Я посмотрел через стол на Шимелиса и сказал:

— Вы, конечно, правы. Не могу ли я попросить вас еще об одном одолжении?

Красноречивым жестом руки член политбюро пригласил меня продолжать.

— Я все же хотел бы побывать на церемонии Тимката. Раз уж об Аксуме не может быть и речи, не могу ли я посетить Гондэр уже в этом январе?

Ричард рядом со мной вежливо кашлянул. Названный мною только что город был осажден повстанческими силами, и ходили слухи, что *он* может пасть в ближайшие дни.

— Почему именно Гондэр? — заинтересовался Шиме-лис.

— Потому что он находится в районе озера Тана, который, как я уже установил, тесно связан с древней историей пребывания ковчега в вашей стране. А также потому, что, как я понимаю, в Гондэре и его округе все еще проживает много фалаша. Помню, я проезжал еврейские деревни к северу от города в 1983 году, но в то время я не имел возможности порасспрашивать их обитателей. Так что, если вы не возражаете, я хотел бы убить двух зайцев одним выстрелом: посетить Тимкат в Гондэре и одновременно провести кое-какие исследования, касающиеся фалаша.

— Это возможно, — ответил Шимелис. — Все зависит от военной ситуации, но вполне возможно. Я займусь этим вопросом и извещу вас.

Глава 11

И ТАНЦЕВАЛ ДАВИД ПЕРЕД КОВЧЕГОМ…

18–19 января 1770 года шотландский искатель приключений Джеймс Брюс скромно присутствовал на обрядах Тимката в Аксуме, и, как было показано в главе 7, я считаю, что его цель заключалась в том, чтобы поближе подобраться к ковчегу завета.

Ровно двести двадцать лет спустя, 18–19 января 1990 года я присутствовал на Тимкате в городе Гондэр, что к северу от озера Тана. Больше того, хотя я скрыл свои истинные эмоции от Ричарда Пэнкхерста и Шимелиса Мазенгия, эту поездку я рассматривал как решающий момент поиска.

Несмотря на одержимость великой исторической загадкой, связанной с нахождением ковчега в Эфиопии, мне стало совершенно ясно, что рано или поздно, так или иначе, но мне придется вернуться в Аксум. Я решил совершить эту рискованную поездку в январе 1991 года, пусть даже при содействии мятежников. Поэтому Гондэр был для меня чем-то вроде «пристрелки»: это был самый близкий к Аксуму пункт, все еще находившийся в руках правительства, и к тому же, как и Аксум, — бывшая столица Эфиопии, важная историческая достопримечательность и центр религиозного образования. В подобной среде, рассуждал я, мне удастся подготовить себя в духовном и психологическом плане к ждавшему меня настоящему испытанию, ознакомиться с подробностями тайных обрядов, свидетелем которых

в 1770 году стал и Брюс, собрать всевозможные разведданные и стимулировать собственный поиск.

Но не только этот голос звучал во мне. Я предвидел и возможность иного исхода. Если, к примеру, в Гондэре я обнаружу что-либо, вызывающее серьезные сомнения в законности притязания Эфиопии на роль последнего пристанища ковчега, разве не смогу я с достоинством забыть о запланированном на 1991 год посещении Аксума.

Эта тревожная, но и странно притягательная идея все больше увлекала меня по мере приближения даты поездки в Гондэр. Сама поездка едва не сорвалась: лишь 8 января 1990 года я наконец получил телекс от Шимелиса, подтвердившего, что необходимое разрешение от военного командования получено.

ПОИСКИ ОТВЕТОВ НА ЗАГАДКИ

Я знал, что центральной частью обрядов, посвященных Тимкату, станет крестный ход с *таботат* — символами или копиями ковчега завета, обычно хранимыми в святая святых каждой эфиопской церкви. Разумеется, в Гондэре мне не увидеть тот предмет, который эфиопы считают ковчегом (поскольку не высказывалось даже предположение о том, что он когда-либо хранился в городе). Но все же мне предстояло увидеть событие, в остальных отношениях тождественное происходящему, в главный праздник в эфиопском православном календаре.

Я уже знал, что Тимкат означает «Богоявление» — церковный праздник, который западная церковь связывает с явлением Христа язычникам. Однако Богоявление имеет совершенно иное значение для восточных христиан, которые отмечают его как Крещение Христа. Я установил, что эфиопы полностью согласны по этому пункту с восточной церковью, но коренным образом отличаются от нее в конкретных обрядах. В частности, уникально их использование *табота,* не имеющее ничего подобного в любой другой культуре и не признаваемое даже Коптским патриархатом в Александрии [53], который ставил в Эфиопии своих архиепископов со времени обращения в христианство Аксумское царство в 331 году, до получения Эфиопской православной церковью самостоятельности в 1959 году.

Имея все это в виду, я чувствовал, что непосредственное наблюдение за обрядами *Тимката* и использованием в них *таботат* позволит мне постичь то, что я давно уже рассматривал как центральный парадокс эфиопского христианства, а именно: проникновение в него, даже господство дохристианской реликвии — ковчега завета.

Но не только в этом заключалась цель моего посещения Гондэра: я собирался побеседовать с проживающими в черте города фалаша.

Я предупредил об этом Шимелиса. И он не возражал по той простой причине, что со времени моего прежнего визита в этот район в 1983 году многое изменилось. Тогда, по дороге из Гондэра в Симиенские горы, я не мог — из-за официальной политики — проводить серьезную работу среди черных евреев: посещение их деревень было под запретом, и не было возможности изучить обычаи и порасспрашивать жителей.

Такая репрессивная политика была отменена в ноябре 1989 года, когда после шестнадцатилетнего перерыва Аддис-Абеба и, Иерусалим восстановили дипломатические отношения. В центре этого решения стояло обязательство эфиопской стороны разрешить фалаша — *всем* фалаша — эмигрировать в Израиль. К тому времени их оставалось не так уж много — вероятно, не больше пятнадцати тысяч. Остальные или вымерли от голода в середине 80-х годов, или уже перебрались нелегально в Израиль через лагеря беженцев в Судане (из которых только в 1984–1985 годах по воздушному мосту, получившему название «Операция Моисей», были переправлены более двенадцати тысяч человек).

В итоге к январю 1990 года число эфиопских евреев значительно уменьшилось. За три месяца со времени восстановления дипломатических отношений страну покинули еще три тысячи иудеев. Многие оставили свои деревни и скопились в Аддис-Абебе в надежде на

скорое получение места самолетах. Этот неизбежный и неотвратимый новейший исход набирал скорость, и я уже предвидел тот момент, когда в Эфопии не останется ни одного фалаша. После того можно будет, конечно, порасспрашивать их и изучить их фольклор и обычаи в земле обетованной. Нынешний же год почти наверняка станет последним, когда можно еще будет получить представление об их обычной жизни в привычной для них среде.

Я был полон решимости не упустить, такого шанса: загадка того, как вообще они стали иудеями — туземными, черными евреями — в сердце Эфиопии, была тесно связана с загадкой ковчега завета; решив одну, я смогу решить и другую.

Фалаша, не были единственной этнической группой в районе Гондэра, вызывавшей мой интерес. За неделю изысканий перед самым отлетом из Англии я наткнулся на интригующее упоминание другого народа — так называемых «кемантов», описанных в единственном посвященном в им антропологическом труде как «иудеоязычники». Опубликованная в 1969 году американским ученым Фредериком Гэмстом, эта малоизвестная монография среди прочего утверждает:

«Среди кемантов встречается древняя форма иудаизма, не затронутого изменениями, произошедшими в иудейской религии за последние два тысячелетия. Этот иудаизм преобладает в религии фалаша — соседей кемантов… иногда называемых «черными евреями Эфиопии».

До сих пор мне совершенно ничего не было известно о кемантах, и поэтому меня заинтриговало предположение Гэмста о том, что их религии свойственны древнееврейские элементы, поскольку может пролить свет на древний характер иудейского влияния в Эфиопии, а также на его распространенность.

ЕДИНЫЙ БОГ И ДЕРЕВО-ФЕТИШ

В своем труде Гэмст упоминает, что подружился с религиозным лидером, который в 60-е годы очень помог ему в сборе на местах фактического материала. Этого преподобного, как я знал, звали Мулуна Марша, и он имел сан «уамбар» (что на языке кемантов означает «первосвященник»). У меня было немного времени, и я считал, что лучше всего будет разыскать этого деятеля (которого Гэмст называл «неистощимым источником информации») и расспросить о религиозных верованиях его народа. Правда, я не был уверен, что он еще жив по прошествии стольких лет и что я вообще смогу найти хоть одного кеманта, еще придерживающегося традиционной иудеоязыческой веры (их и во время посещения страны Гэмстом было менее пятисот).

Прибыв в Гондэр в среду 17 января, я поделился своей тревогой со встретившими меня в аэропорту чиновниками, которые сообщили, что осталось совсем немного кемантов, преимущественно стариков, все еще исповедующих древнюю религию. Тут же были «заброшены удочки», по радио были переданы указания партийным руководителям в отдельных уголках, и уже в четверг 18-го меня порадовали известием, что уамбар еще жив. До его родной деревни нельзя было, похоже, добраться по суше, но уже предпринята была попытка убедить его прибыть на промежуточный пункт — Айкел, примерно в двух часах пути на машине к западу от Гондэра. Поездка обещала быть неопасной: в недавних боях мятежники были отброшены, и западный район, куда нам предстояло поехать, считался безопасным в дневное время.

Остаток четверга и всю пятницу все мое внимание было поглощено *Тимкатом,* который я описываю ниже в этой главе. Ранним же вечером в субботу 20 января я наконец смог выехать в Айкел на «тойоте-лендкруизере», предоставленном мне партией вместе с водителем. Кроме того, меня сопровождали молодой и восторженный офицер Легессе Деста, выступавший в роли переводчика. И два суровых солдата с автоматами Калашникова.

Пока мы тряслись по ухабистой грунтовой дороге через раскаленные поля и золотисто-коричневые холмы, я изучал карту Африканского рога, которую теперь постоянно возил с

собой. Я с интересом отметил, что наш пункт назначения находился недалеко от истоков реки Атбара, берущей начало-примерно в пятидесяти милях к северо-западу от озера Тана и текущей в Судан, где она в конце концов сливается с Тэкэзе перед впадением в Нил чуть выше Пятого порога.

Поскольку Тэкэзе протекает так близко от Тана Киркос и конкретно указывается в «Кебра Нагаст», эта река все еще представлялась мне наиболее достойным кандидатом на маршрут доставки ковчега. Из карты становится ясно, однако, что по Атбаре тоже можно было добраться приблизительно до того же района. Я поразмышлял над этим фактом и записал в своем блокноте:

«Реки служат путями по пустыням. В случае Эфиопии все эти «дороги» — будь то Тэкэзе, Атбара или Голубой Нил — ведут на поверку к озеру Тана. Фалаша (и родственные им «иудеоязычные» кеманты) всегда проживали именно в этом районе и являются коренными эфиопами. Поскольку иудаизм (или «евреизм», как предпочитает называть его Гэмст) является привнесенным элементом их культуры, логично заключить, что он должен был быть завезен по этим рекам».

В Айкеле нас встретила группа местных партийных деятелей, сообщивших, что *уамбар* Мулуна Марша уже прибыл и поджидает нас. Нас подвезли к большой круглой хижине с крышей в форме улья и провели внутрь, в полутемную прохладу. Тонкие солнечные лучи проникали сквозь отверстия в мазанке, и в них струились подвешенные в воздухе пылинки. От только что подметенного земляного пола поднимался запах мергеля, смешанный с легким ароматом сандалового дерева.

Уамбар, как я и ожидал, оказался престарелым человеком. Он явно приоделся по такому случаю, ибо на нем были белый тюрбан и белые обрядовые одежды с тонким черным плащом. Сидевший до того на одном из расставленных в хижине стульев, он изящно поднялся при нашем появлении и после необходимых представлений тепло пожал, мне руку.

Воспользовавшись услугами переводчика, он тут же спросил:

— Вы работаете с мистером Гэмстом?

Я вынужден был ответить отрицательно.

— Но я читал книгу, — добавил я, — которую он написал о вашем народе. Поэтому я здесь. Меня очень интересует ваша религия.

Уамбар улыбнулся чуть печально, и я обратил внимание на одинокий, ошеломляюще длинный зуб, свисавший с левой стороны верхней челюсти и торчавший подобно бивню над нижней губой.

— Наша религия, — проговорил он, — дело прошлого. Почти никто сегодня не исповедует ее. Кеманты стали христианами.

— Но вы сами ведь не христианин?..

— Нет. Я *уамбар.* Я следую старым верованиям.

— Но есть же и другие?

— Их немного. — Снова та же улыбка. Потом он добавил лукаво и несколько парадоксально: — Даже те, кто называют себя христианами, не забыли своих старых верований. Все еще ухаживают за священными рощами… Все еще делаются жертвоприношения-. — Пауза на раздумье. Покачивание седой головы, вздох. — Но все меняется… Всегда происходят перемены…

— Вы сказали «священные рощи». Что вы имеете в виду?

— Мы отправляем наши обряды, как положено, на открытом воздухе. И предпочитаем молиться среди деревьев. Для этой цели у нас есть особые рощи, которые мы называем «дэгэна».

Я задал еще несколько вопросов по той же теме и установил, что на самом деле существуют два вида рощ.

Одни — собственно *дэгэна* — используются для ежегодных церемоний. Изначально они были посажены в далеком прошлом, когда места их точного расположения привиделись в снах основателю религии кемантов. В дополнение имелись и значительно меньшие святые места — так называемые *коле,* часто состоящие из одного-едимственного дерева, в котором, как считается, обитает особенно мощный дух. Эти *коле* обычно располагаются на высоких местах. Кстати, на окраине Айкела есть одно *коле,* которое я могу при желании посмотреть.

Я поинтересовался, а почитают ли фалаша священные рощи.

— Нет, — последовал ответ, — не почитают.

— Скажите, их религия похожа хоть чем-то на вашу?

Глубокомысленный кивок.

— Да. Во многом. У нас много общего. — Без подсказки он добавил: — Основателя кемантской религии называли Анайер. Он так давно прибыл сюда, в Эфиопию. Прибыл после семилетнего голода на его родине, которая находится далеко. Путешествуя с женой и детьми, он встретил основателя фалашской религии, также путешествовавшего с женой и детьми. Они обсуждали брачный союз двух групп, но не преуспели в этом.

— Анайер и основатель фалашской религии прибыли из одной и той же страны?

— Да. Но только отдельно. Они не пришли к брачному союзу.

— Но у них была одна и та же родина?

— Да.

— Вы знаете, где она?

— Далеко… На Среднем Востоке.

— Вы знаете название страны?

— То была земля Ханаана. Анайер был внуком Ханаана, сына Хама, сына Ноя.

Меня заинтриговали и такая генеалогия, и поблекшая память о миграции рода со Среднего Востока — память, подсказывавшая также общее место рождения фалашской и кемантской религий. Я не смог добиться от *уамбара* подтверждения того, что упомянутый им Ханаан был библейской землей обетованной. В самом деле, несмотря на то что ему были хорошо известны имена Хама и Ноя, он уверял, что никогда не читал Библии. Я поверил ему, но и не сомневался в том, что в Священном писании скрывается подноготная только что сказанного им. В его рассказе явно проглядывало, например, отражение великого путешествия, совершенного патриархом Авраамом и его женой Саррой, которые бежали из земли Ханаанской и продолжали «идти к югу», ибо «был голод в той земле» [54]. В то же время, подобно Египту из Книги Бытия, страна, из которой пришел Анайер, также была поражена семилетним голодом [55].

— Расскажите мне побольше о вашей религии, — попросил я *уамбара.* — Вы упомянули духов, живших в деревнях. А что вы скажете о Боге? Вы верите в одного Бога или во многих?

— Мы верим в одного Бога, только одного. Но его поддерживают ангелы.

И уамбар принялся перечислять этих ангелов: Джакаранти, Киберуа, Адерайки, Киддисти, Мезгани, Шемани, Анзататера. Каждый из них, похоже, занимал свое собственное место в природе.

— Когда наша религия была в силе, все кеманты обычно отправлялись в такие места, чтобы помолиться ангелам, дабы они вступились за них перед Богом. Самым почитаемым был Джакаранти, потом Мезгани и Анзататера.

— А Бог? — поинтересовался я. — Бог кемантов. У него есть имя?

— Конечно. Его имя — Йеадара.

— Где он пребывает?

— Он всюду. Один Бог и притом вездесущий.

Я начал уже понимать почему Гэмст назвал этот народ иудеоязычниками. Это впечатление было затем подтверждено почти всем тем, что рассказал мне *уамбар* во время долгого разговора в деревне Айкел. Я вел подробную запись нашей беседы и после возвращения в Аддис-Абебу тщательно изучил его ответы, сравнивая их один за другим со Священным писанием. Только завершив это занятие, я смог оценить, насколько сильным и древним было в действительности воздействие иудаизма на кемантскую религию.

Уамбар рассказывал, например, что кеманты не ели животных, не имевших раздвоенных копыт и не жевавших жвачку. Дополнительно он указал, что верблюды и свиньи считались нечистыми и есть их было строго запрещено. Подобные запреты прекрасно согласовывались с наложенными на иудеев в одиннадцатой главе Книги Левит Ветхого Завета [56].

Уамбар утверждал также, что среди кемантов не принято было есть и «чистых» животных, если они не были умерщвлены должным образом.

— Им следует перерезать горло и давать стечь всей крови, — объяснил он, добавив, что по той же причине запрещено есть любое животное, умершее своей смертью. Оба запрета, обнаружил я, вполне согласовываются с иудейским законом [57].

Продолжая разговор о питании, Уамбар сообщил мне, что кемантская религия разрешала потребление мяса и молочных продуктов за одним столом. Он добавил, однако, что считалось омерзительным есть мясо любого животного, приготовленное в молоке. Я же знал, что, правоверным иудеям запрещалось совмещать мясо и молочные продукты во время одного приема пищи. Изучив подноготную этого кошерного ограничения, я узнал, что это правило вытекает из книг «Исход» и «Второзаконие», в которых указывается: «Не вари козленка в молоке матери его» [58]. Примерно тем же правилом руководствовались и кеманты.

Другое совпадение касалось дня отдохновения, который кеманты соблюдали, как и евреи, в субботу.

— В этот день запрещено работать, — сказал мне *уамбер.* — В субботу запрещено и разжигать костры. Если же в день отдохновения случайно загорится какое-то поле, мы не можем доле пользоваться им [59].

Эти и другие аналогичные запреты — почти в полном согласии с библейским законом — все больше утверждали меня в мысли, что религия кемантов имеет глубокий, действительно древнееврейский фундамент. Окончательно же меня убедило в этом то, что *уамбар* описал нечто, не имеющее ничего общего с иудаизмом, а именно: почитание «священных рощ».

Во время нашего разговора он сообщил мне, что на окраине Айкела есть *коле,* где я могу увидеть дерево, считающееся обиталищем мощного духа. Я съездил посмотреть то дерево, которое оказалось огромной, раскидистой акацией. Она высилась к западу от деревни на отроге возвышенности, за которой местность на сотню миль понижалась к границе с Суданом. Мягкий вечерний бриз, сдобренный дыханием далеких пустынь, дул по рыжевато-коричневым каньонам подо мной, бродил среди лощин, и подножий холмов и взмывал на орлиных крыльях над зубчатыми стенами эскарпа.

Сучковатая и массивная акация была такой старой, что легко верилось, что она простояла здесь сотни и даже, возможно, тысячи лет. В окружавшей дерево ограде на земле лежали различные приношения — кувшин масла, куча проса, маленькие кучки жареных кофейных зерен, ждущий жертвоприношения связанный цыпленок. Приношения придавали этому месту особый — мистический и жутковатый — вид, ни в коем случае не грозный, но тем не менее весьма странный.

Это впечатление потусторонности многократно увеличивал, отличая кемантское *коле* от любых других мест поклонения, которых я навидался в своих путешествиях, тот факт, что

каждая ветка дерева до высоты примерно шести футов была увешана плетеными полосками многоцветной ткани. Шелестя под ветерком, эти ленточки и прочие висюльки словно шептали, пытаясь передать какое-то послание. Помню, я подумал, что пойми я это послание — и откроются многие скрытые пока вещи. Я суеверно дотронулся до живого дерева, ощутил его возраст и вернулся к моим спутникам, ожидавшим у подножия холма.

Позже, уже в Аддисе, после того как я проверил другие соответствия между кемантской религией и ветхозаветным иудаизмом, я не замедлил свериться со Священным писанием и трудами по библейской археологии в поиске упоминаний священных деревьев. Я не надеялся найти их. К моему немалому удивлению я обнаружил, что еще на самых ранних стадиях развития иудаизма определенным, специально посаженным рощам придавался священный характер. Я также нашел подтверждение, что такие рощи активно использовались для отправления культа. В Книге Бытие, например, говорится: «И насадил [Авраам] при Вирсавии рощу и призвал там имя Господа, Бога вечного».

Просмотрев дополнительно разные источники, я с определенностью установил следующие факты. Первое: иудеи «заимствовали» использование священных рощ у хананян — исконных обитателей земли обетованной; второе: рощи по обыкновению располагались на возвышенных местах (известных под названием *«бамот»);* третье: в них часто устанавливались каменные столбы жертвенников вроде тех, что я видел на Тана Киркос, называвшиеся — как я уже знал — *«нассеботы»* [60].

Мало было известно о том, как именно использовались рощи, как они выглядели, какие обряды там от правлялись или какого рода приношения там делались, Причина такого неведения заключалась в том, что жреческая элита более поздних библейских времен обрушилась на подобную практику, срубая и сжигая священные деревья и опрокидывая *массеботы.*

Поскольку те же самые священники собрали и издали Священное писание, не следует удивляться, что они не оставили нам ясного представления о внешнем виде и использовании рощ. Мало того, единственное указание, создававшее некое подобие образа, рассматривалось исследователями Библии как какая-то загадка. В Четвертой книге Царств говорилось о месте, «где женщины ткали одежды для Астарты» [61]. При чтении этих слов в моей памяти были еще свежи, воспоминания о плетеных полосках ткани, висевших на всех ветках дерева-фетиша на окраине деревни Айкел. И мне казалось тогда (как кажется и сейчас), что слова из Книги Царств не таят никакой загадки, но все же требуют какого-то объяснения в случае кемантов, которые в сердце Африки ухитрились перенять столь древний иудео-ханаанский обычай.

Все это, чувствовал я, было тесно связано с более важной проблемой более известных соседей кемантов — фалаша.

АСУАН И МЕРОЭ

Несмотря на сильный иудейский привкус их религии, никто и никогда не считал кемантов евреями: слишком много в ней языческого и анимистского, чтобы их признали таковыми. Совершенно иначе обстояло дело с фалаша. Большинство воспринимало их как истинных евреев с начала XIX века, хотя официально они были признаны таковыми Сефардским главным раввином Иерусалима лишь в 1973 году. Два года спустя это же сделал и ашкеназийский главный раввин, что дало возможность израильскому министру внутренних дел заявить о праве фалаша автоматически получить израильское гражданство в соответствии с Законом о возвращении.

По иронии судьбы главной причиной столь запоздалого раввинского признания был явно ветхозаветный характер фалашской религии, который никак не вписывался в Талмуд (свод иудейских законов и знаний, накопленных между 200 г. до н. э. и 500 г. н. э.). Поэтому фалаша казались довольно чуждыми израильтянам и остальным евреям. Позже же было

признано, что незнание талмудических предписаний было лишь следствием того, что эфиопская ветвь иудаизма была отсечена от развивавшегося тела мирового иудаизма на весьма ранней стадии. Та же изолированность объясняла приверженность фалаша давно запрещенной раввинами практике, в частности приношения в жертву животных (см. главу 6).

Важным моментом — имевшим большой вес при даровании официального признания в 70-е годы — был тот факт, что общественное и религиозное поведение фалаша четко и недвусмысленно согласуется с учениями Торы (Ветхий Завет). Больше того, *в рамках Торы,* как и следовало ожидать от доталмудистских евреев с действительно древними религиозными верованиями, они более всего почитали Пятикнижие (то есть пять книг, написанных — по мнению православных — самим Моисеем, а именно: Бытие, исход. Левит, Числа и Второзаконие).

«Фундаментализм» в рамках фалашской религии символизируется строгим соблюдением запретов в питании, перечисленных в Книгах Левит и Второзаконие и отказом есть любое животное — «чистое» или «нечистое», — убитое нееврем. Также признается, что они тщательно соблюдают Моисеевы законы чистоты и непорочности. Особые хижины, к примеру, ставились отдельно для тех членов общины, которые пребывали во временном состоянии нечистоты, — скажем, для менструирующих женщин, которых отделяли на семь дней в полном соответствии с предписанием Левита [62].

Фалашские ритуалы обрезания *(гезрат)* также традиционны и проводятся на восьмой день после рождения мальчика, как и предписано в Пятикнижии [63]. Таким же строго праведным является их поведение в день отдохновения, когда все очаги тушатся до захода солнца в пятницу, в саму субботу не ведутся никакие работы, не берется вода, не разжигается огонь, не варится кофе и разрешается только потребление холодной еды и питья.

Я был в курсе всего этого во время моего пребывания в Гондэре в январе 1990 года и посещения ряда фалашских поселений. Я стремился вступить в контакт с религиозными лидерами, которым намеревался задать ряд конкретных вопросов. Из-за массовой эмиграции эфиопскихевреев в Израиль это было не так просто: многие дома стояли брошенные, лишенные всего движимого имущества, с незапертыми дверями, покинутые жителями. И тем не менее милях в двадцати от Гондэра я нашел одну деревню, все еще, казалось, живой, называлась она Анбобер, ее дома были разбросаны по крутому склону горы, а население почти исключительно состояло из женщин и детей, поскольку большинство мужчин уже отбыли в Израиль.

У фалаша нет ни синагог, ни раввинов; их места богослужения называются *«месгид»,* а их религиозные руководители — *«кахенат»* (в единственном числе *«кахен»,* что означает священник, «жрец»). Вместе с моим переводчиком Легессе Деста мы шли по деревне, сопровождаемые быстро растущей ватагой озорных детей. Мы направлялись к *месгиду,* опознаваемому по звезде Давида на крыше, где я очень надеялся встретить *кахена.*

На этот раз меня не ждало разочарование: внутри бедно обставленного помещения за грубо сколоченным деревянным столом сидел худощавый старик, углубившийся в изучение Торы (красиво написанной на языке геэз на страницах из дубленой овечьей кожи). Легессе объяснил, зачем мы приехали, и спросил священника, не согласится ли он ответить на мои вопросы. После долгого обсуждения он дал согласие и назвался Соломоном Алему. Ему было, по его словам, семьдесят восемь лет, и почти тридцать лет он был *кахеном* Анбобера.

Следующие два часа мы обсуждали различные аспекты фалашской веры и ритуала. Все ответы Соломона подтвердили часто ветхозаветный характер религии и согласовывались со многим, что я уже узнал в ходе своего исследования. Особенно усердно я расспрашивал о приношении животных в жертву, пытаясь установить, почему его народ продолжал это делать, в то время как повсеместно евреи отказались от него еще две тысячи лет назад.

— Мы верим, — ответил Соломон с большой убежденностью, — что Бог на своем троне наблюдает эти обряды и доволен ими.

Соломон мог и не знать, как близко его простое утверждение к тому стиху в Книге Левит, в котором описывается сожжение жертвы как «благоухание, приятное Господу» [64]. Соломон определенно казался мудрым и образованным человеком. Когда я сказал комплимент по поводу его учености, он ответил — без намека на ложную скромность — в том духе, что понимает гораздо меньше в иудейских обычаях фалаша, чем его отец, и добавил, что его отец, в свою очередь, понимал в этом меньше, чем его дед, который также был *кахеном* Анбобера.

— Мы забываем собственное прошлое, — печально проговорил Соломон. — День за днем мы забываем нашу историю.

Воспользовавшись его намеком, я спросил Соломона, знает ли он, сколько веков существует еврейский народ в Эфиопии.

— Мы пришли сюда очень давно, — ответил он. — Задолго до христиан. Христиане молоды в сравнении с нами.

Затем он принялся рассказывать уже известную мне историю царицы Савской, Менелика и доставки ковчега. Таким образом, сказал Соломон, иудейская вера и пришла в Эфиопию.

Я небрежно спросил:

— А вы знаете, каким маршрутом прибыли в страну Менелик и его спутники?

Когда-то его ответ мог поразить меня, но сейчас я воспринял его с полным удовлетворением:

— Согласно нашим преданиям, из Иерусалима они прибыли через Египет и Судан. Чуть ли не скучая, я подсказал:

— Предположительно большую часть пути они проделали вдоль реки Нил?

Кахен кивнул:

— Да. Так говорят наши предания. — Затем он добавил две совершенно новые для меня подробности: — По пути они останавливались на отдых в Асуана и Мероэ.

Асуан, знал я, находится в Верхнем Египте (вблизи от современной высотной плотины того же названия), и во времена фараонов в нем находился крупный карьер гранита, использовавшегося на строительстве пирамид. Древняя столица Нубии Мероэ расположена дальше к югу, в границах нынешней Республики Судан.

Заинтригованный, я стал расспрашивать Соломона о других подробностях, содержащихся в фалашских преданиях и касающихся этих городов. Он же утверждал, что уже рассказанное им — это все, что он знает.

— Я слышал эти названия, — вздохнул он, — в историях, которые рассказывал мне мой дед. Он был мудрым человеком… но его уже нет… Скоро нас всех не будет.

РИТУАЛ С КОВЧЕГОМ

Все, что я узнал во время пребывания в Гондэре, укрепило меня во мнении, что в древности именно в этот регион впервые пришел иудаизм. Фалаша являются настоящими иудеями, и это их родина. Их ближайшие соседи — кеманты — также обладают убедительными признаками древнего и глубоко проникшего иудейского влияния.

Это влияние не ограничивалось одними фалаша и кемантами. Напротив, и в Гондэре, и по всей Эфиопии якобы «правоверные» христиане имели многие несомненно иудейские по происхождению обычаи и верования. Подобно фалаша, как я уже знал, они делали обрезание своим сыновьям на восьмой день после их рождения, как установлено книгой «Левит», и этот обычай из всех народов мира соблюдают сегодня только евреи и эфиопы [65]. Точно так же (примечательный пример феномена, известного как религиозный синкретизм) в

XX веке миллионы абиссинских христиан соблюдают еврейскую субботу, но *не вместо* воскресенья, святого для их единоверцев в других местах, а *вдобавок* к нему.

Отмечаются и другие праздники, хотя внешне христианские, но изначально явно иудейские. Я узнал, например, что эфиопский праздник Нового года *(Инкуташ)* близко соответствует еврейскому Новому году *(Рош Хашанах).* Оба они справляются здесь в сентябре, и за обоими через несколько недель следует второй праздник *(Маскал* в Эфиопии и *Йом Кипур* в Израиле). В обеих культурах этот второй праздник связан с Новым годом периодом искупления и расплаты.

Эфиопские христиане также строго соблюдают многие из законов Пятикнижия, касающиеся чистоты и непорочности. Ни один мужчина, например, и не подумает пойти в церковь после полового акта с женой, как не станет совершать такой акт перед контактом с освященной вещью, в дни поста или с менструирующей женщиной. Христианская вера не устанавливает ни одного из этих ограничений, но Пятикнижие требует соблюдения их всех (особенно Книги Исход и Левит).

Точно так же эфиопские христиане соблюдают законы питания, установленные Ветхим Заветом, старательно избегая есть «нечистых» птиц и млекопитающих (особенно свиней), и даже такие мелкие запреты, как «жила», упоминаемая в Книге Бытие [66]. Той же жилы, как я установил, избегают все абиссинские христиане, называющие ее на геэз «запретный мускул».

Обнаружил я и еще одну интригующую связь: эфиопские церковные одежды, похоже, смоделированы по особому одеянию жрецов древнего Израиля [67] — *кенат* (пояс) соответствует кушаку верховного жреца [68], *коба* (шапочка) — митра [69] и *аскема* (наплечник) с двенадцатью крестами в четыре ряда по три — наперснику священника (который, как следует из главы 28 Книги Исход, был украшен двенадцатью драгоценными камнями, также расположенными в четыре ряда [70]).

В целом же мне трудно было не согласиться с архиепископом Дэвидом Мэтью, который в 1947 году описал «весь комплекс религиозных отправлений в Эфиопии как древний и культовый, пропитанный иудейскими обычаями». Но лишь во время моего участия в праздновании 18 и 19 января эфиопского *Тимката* до меня дошла степень распространенности такого подражания.

Приготовления к *Тимкату* были уже в разгаре в середине вечера в четверг 18 января, когда я протиснулся сквозь возбужденную толпу вверх по ступенькам на внешнюю галерею церкви Медхане Алем (буквально «Спасителя Мира»), расположенную в старейшей части Гондэра. Это большое круглое здание, спланированное в традиционном стиле, — нечто вроде мишени для стрельбы из лука, если смотреть на него сверху — с рядом концентрических аркад, окружающих святая святых *(макдас).*

Такой типично эфиопский рисунок, как я уже знал, повторялся несколько в иной манере и в прямоугольных, и в восьмиугольных церквах, а также в круглых, что, по признанию ученых, восходит к «делению на три части иудейского храма». Ведущий профессор в области эфиопских исследований в Лондонском университете Эдвард Уллендорф пишет:

«Внешняя аркада абиссинской церкви из трех концентрических частей называется кене махлет, то есть место для исполнения псалмов, [и] она соответствует уламу храма Соломона. Следующее помещение — кеддест, где отправляется обряд причащения. Внутренняя часть — макдас, где покоится табот и куда имеют доступ только священники… Такое разделение на три помещения свойственно всем абиссинским церквам, даже самым маленьким. Таким образом, совершенно очевидно, что абиссинцы предпочли форму еврейского храма базилике, принятой первыми христианами повсеместно».

Профессор Уллендорф не стал строить догадки, почему абиссинцы оказали предпочтение дохристианской модели для своих христианских церквей. Когда я вошел в первую аркаду Медхане Алем, ответ казался мне очевидным: сирийский евангелист

Фрументий, обративший Аксумское царство в христианство и назначенный в 331 году н. э. коптским патриархом Александрии первым архиепископом Эфиопии, должно быть, предумышленно приспособил институты новой веры к уже существовавшим иудейским обычаям страны [71]. Уллендорф признает-таки:

«Ясно, что эти и другие традиции, в особенности ковчег завета в Аксуме, были составной частью абиссинского национального наследия задолго до обращения в христианство в четвертом веке, ибо было бы непонятно, почему народ, недавно обращенный из язычества в христианство (и не христианином-евреем, а сирийским миссионером Фрументием), начал бы потом похваляться иудейской родословной и настаивать на израильских связях, обычаях и институтах».

Шагая в одних носках — считается святотатством входить в обуви в эфиопскую церковь, — я прошел по кругу *кене махлет,* рассматривая поблекшие портреты святых и праведников, украшающие его стены: здесь были представлены Святой Георгий на своем белом коне, убивающий дракона; Господь Всемогущий, Предвечные в окружении описанных пророком Иезекиилем «живых существ»; Иоанн, крестящий Христа в Иордане; волхвы и пастухи у яслей; Моисей, получающий скрижали Закона из руки Бога на горе Синай.

Задумчиво созерцая «путешествие» царицы Савской в Иерусалим, я вдруг осознал медленное, басовое биение *кэбэро* — большого овального барабана из коровьей шкуры, натянутой на деревянную раму, используемого во многих обрядах эфиопской православной церкви. К этому варварскому звуку присоединился хор голосов, исполняющий геэзский гимн, а затем мистический перезвон систры.

Поддавшись любопытству, я обошел галерею и около двери, ведущей в *кеддест,* увидел группу священников и дьяконов, собравшихся вокруг барабанщика, сидевшего скрестив ноги на полу и — согнувшегося над *своим кэбэро.*

Эта сцена казалась странной и архаичной: ничто в ней не принадлежало современности, и я почувствовал себя перенесенным назад во времени, как оседлавшим волны музыки, которая, казалось мне, принадлежала не Африке и не христианству, а кому-то другому и какой-то страшно древней вере. Обряженные в традиционные белые мантии и черные наплечные накидки, опираясь на длинные посохи, дьяконы раскачивались и напевали, раскачивались и напевали, погруженные в примитивный ритм танца. Каждый держал в руке серебряный систр, который в промежутках между ударами барабана он встряхивал, извлекая чистый и мелодичный звон.

Попеременно пели два хора: одна группа певцов пела одни фразы, а другая отвечала, и в этом диалоге с обменом стихами и рефренами между хористами псалом исполнялся в нарастающем крещендо. Такая же система, уже знал я, была составной частью иудейской литургии во времена Ветхого Завета.

Пока я размышлял над этим совпадением, из открытой двери *кеддеста* вырвалось ароматное облако ладана. Подобравшись к двери, я заглянул внутрь и увидел кружащуюся фигуру, облаченную в зеленые, вышитые золотыми нитями одежды, — фигуру из сна, полуколдуна-полужреца, кружившегося и вертевшегося с потупленным взором.

Его окружали другие мужчины, одинаково одетые, державшие в руках дымящиеся кадильницы, подвешенные в тонких сеточках из серебряных цепочек. Я напряг зрение, наблюдая и за этими фигурами, в темноте и дыму благовоний едва различил в самом центре *кеддеста* занавешенный вход в святая святых. Я знал, что за тяжелой завесой хранился почитаемый, таинственный, охраняемый суеверием, скрытый и тайный в своем святилище *табот* — символ ковчега завета. Сцена напомнила мне, что в Древнем Израиле первосвященник не мог приблизиться к ковчегу, пока не сожжет достаточное количество фимиама, дабы полностью укрыть его дымом. Густой дым считался необходимым для охраны жизни священника, чтобы, как пугающе указывается в Книге Левит, «ему не умереть» [72].

Я переступил через порог *keддеста,* чтобы рассмотреть вблизи происходящее там, но меня тут же жестами выгнали обратно на внешнюю галерею. В тот же момент дьяконы прекратили петь, барабан замолк, и на какой-то момент наступила абсолютная тишина.

Я кожей чувствовал почти ощутимую атмосферу неизбежности, как если бы в грозовой туче накапливался огромный заряд молнии. Началось всеобщее волнение и движение, люди суетливо задвигались во всех направлениях. В то же мгновение один улыбающийся священник твердо взял меня за руку и вывел из *кеддеста* через *кене махлет* к главной двери церкви, где я и остался, мигая под ярким послеполуденным солнцем, пораженный быстрой сменой настроения.

Уже без того огромная толпа разбухла до неимоверных размеров и полностью заполнила обширную территорию вокруг Медхане Алем, да и дорогу, насколько было видно. Мужчины и женщины, маленькие дети, глубокие старики, калеки, явно больные и умирающие, смеющиеся, счастливые, здоровые люди — здесь, казалось, собралась половина населения Эфиопии. Многие держали какие-то музыкальные инструменты: цимбалы, трубы, флейты, скрипки, лиры и библейские арфы., Через несколько минут после моего выдворения из церкви появилась группа роскошно одетых священников. Это были те, кого я видел в облаках фимиама перед закрытой завесой алтаря, но теперь один из них — стройный, бородатый, с тонкими чертами лица и горящим взглядом — нес на голове *табот,* обернутый в дорогую красно-золотую парчу.

Толпа тут же разразилась криками и топанием ног, женщины издавали пронзительные завывания — нарастающее сотрясение воздуха, которое, как я знал, не один ученый связывал с «определенными музыкальными выражениями в древнееврейском богослужении (еврейское *«халлел»,* эфиопское *«эллел»)...* ликование, выражаемое многократным повторением слова *«эллел»* в виде *«эллеллэл-эллэллелл»* и т. д. Само слово «аллилуйя», возможно, означает «петь *халлел,* или *эллел,* Иегове».

Постояв несколько минут в дверях церкви, пока нарастало возбуждение толпы, священники повернули и обошли всю внешнюю галерею, прежде чем спуститься по ступенькам на землю. Как только их ноги коснулись земли, толпа расступилась перед ними, образовав проход, по которому они могли проследовать, а крики, завывания труб, свист флейт, бренчанье лир и звон бубнов достигли предела, оглушили и наполнили разум изумлением.

Я старался следовать по пятам за группой священников, как бы затягиваемый их турбулентным следом. И хотя по сторонам стояли сотни людей, хотя многие уже успели опьянеть от пива из проса или от суматохи, хотя меня постоянно толкали и не раз чуть ли не сбивали с ног, я и на секунду не почувствовал страха или тревоги.

То втягиваясь, как в воронку, в узкие переулки, то разливаясь на открытых площадках, иногда быстрее, иногда медленнее, постоянно сопровождаемые музыкой и пением, мы продвигались по древнему городу. И я старался не спускать глаз с красно-золотой упаковки *табота,* оказавшегося уже довольно далеко впереди меня. На какое-то время, когда в процессию из боковой улицы влилась новая толпа, я полностью потерял из виду священный предмет. Встав на цыпочки и вытянув шею, я все же углядел его и поспешил вперед. Полный решимости не отставать от него, я забрался за заросший травой вал, припустил вперед, обогнав плотную группу из двухсот-трехсот человек, проскочил мимо священников и соскользнул вниз на дорогу ярдах в двадцати впереди них.

Здесь я понял, почему толпа то останавливалась, то снова пускалась в путь. Впереди *талбота* оказалось несколько импровизированных трупп танцоров — как смешанных, так и состоящих только из мужчин или только из женщин, одетых в повседневную рабочую или в церковную одежду. В центре каждой такой группы находился барабанщик с *кэбэро* на шее, задававший древний дикий ритм, кружившийся, подпрыгивавший и покрикивавший, а

окружавшие его танцоры взрывались энергией, прыгали и вращались, прихлопывали в ладоши, гремели бубнами и цимбалами, обливаясь потом от столь бурного танца.

И вот, откликаясь на завывания труб, крики, бренчание десятиструнной *бэгэны*[73] и навязчивые звуки пастушьего рожка, в каком-то дикой танце солировал молодой человек в традиционных одеждах из белой хлопчатобумажной ткани, а священники остановились, высоко держа над головами *табот* и едва сдерживая толпившихся за ними людей. Юноша, красивый своей гибкостью и силой, восхищавший дикой энергией, как бы впал в транс. Притягивая взоры окружавших, он обошел по кругу вибрирующий *кэбэро,* кружась и покачиваясь, подергивая плечами, кивая, словно потерявшийся в собственном внутреннем ритме, хваля Господа каждой конечностью, каждой унцией своей силы, каждой частицей своего существа. И я почувствовал, что так оно и было три тысячелетия назад у ворот Иерусалима, когда…

«…Давид и весь дом Израилев несли ковчег Господень с восклицаниями и трубными звуками, …играли пред Господом на всяких музыкальных инструментах из кипарисового дерева, и на цитрах, и на псалтирях, и на тимпанах, и на систрах, и на кимвалах… Давид скакал из всей силы пред Господом…». [74]

Совершенно неожиданно юноша рухнул и растянулся на земле в глубоком обмороке. Несколько зрителей подхватили его на руки, вынесли на обочину и устроили поудобнее. Затем толпа снова двинулась вперед, и новые танцоры занимали место дошедших до изнеможения.

Вскоре произошла перемена. Протиснувшись по последней узкой улице, толпа вылилась на огромную открытую площадь. И на ту же площадь с трех других сторон приблизились три другие процессии, схожие с нашей по числу участников, и каждая из них следовала за своим собственным *таботом,* который несла группа священников, и каждая как бы вдохновлялась тем же божественным духом.

Подобно четырем сливающимся рекам отдельные процессии теперь сомкнулись и перемешались. Священник, несший *табот* из церкви Медхане Алем, за которым я неотступно следовал до сих пор, построился в одну линию с другими священниками, несшими *таботы* из трех других главных церквей Гондэра. За этим первым, священным рядом выстроились священники и дьяконы, а за ними — их прихожане, образовавшие целую армию из не менее чем десяти тысяч человек.

Как только процессии соединились, все снова двинулись вперёд, на выход с площади по крутому широкому шоссе с *таботами* во главе колонны. Время от времени ко мне прибивало детей, которые стеснительно брали меня за руки, шагали рядом со мной, потом оставляли меня… Ко мне приблизилась старая женщина, что-то долго говорила мне на амхарском и беззубо улыбалась… Две юные девушки, хихикая и нервничая, коснулись моих светлых-волос с любопытством зачарованных и поспешно скрылись… И вот так, совершенно захваченный весельем и энергией происходящего, я отдался на волю толпы, не замечая уже течения времени.

И тут внезапно за поворотом дороги показался окруженный внушительными стенами участок, как некий образ из легенды. На каком-то расстоянии за большим валом я вроде бы разглядел башенки большого замка с «удивительными зубцами и бойницами». Уже не в первый раз в своих путешествиях по Эфиопии я невольно вспоминал «дивное святилище Грааля», описанное Вольфрамом фон Эшенбахом — с «неприступной цитаделью», ее «башнями и дворцами», стоявшей на берегу таинственного озера в царстве Мунсалваэше.

В центре стены находился узкий арочный вход, через который шедшие в процессии впереди меня начали вливаться в огражденное пространство и в который неудержимо втянуло и меня. В самом деле этот людской поток обладал страшной силой, и нас словно втягивал в себя как попало мощный водоворот.

Когда меня уже втянуло под арку, когда затолкали и сжали окружавшие тела, меня на мгновение прижало к неотесанному камню, и с моей руки как бы снесло часы, но почти тут же кто-то из идущих за мной сумел подхватить их с земли и сунуть мне в руку. Прежде чем я успел поблагодарить моего благодетеля, меня протиснуло сквозь горловину «воронки», и я в полубессознательном состоянии оказался на просторной лужайке, огороженной стеной. Жуткое сдавливание и стискивание прекратились, и я испытал восхитительное чувство свободы…

Огражденное пространство оказалось прямоугольной формы, размером примерно в четыре городских квартала. В центре этого большого, заросшего травой участка находилось еще одно ограждение, за ним виднелся высокий замок с башенками, который я заметил еще раньше и который сзади и с боков был окружен искусственным озером. Замок был построен императором Фасилидасом в XVII веке. Единственный доступ к нему — узкий каменный мост над глубоким рвом, ведущий прямо к массивным деревянным воротам в фасаде здания.

Толпа все еще вливалась через узкую арку, в которую я протиснулся несколько минут назад, и люди бесцельно кружили, приветствуя друг друга с громогласным и пылким дружелюбием. Справа от меня прямо перед замком собралась большая группа священников и дьяконов, и теперь я насчитал семь *таботов.* Я предположил, что где-то по пути процессии еще из трех городских церквей присоединились к четырем, собравшимся ранее на главной городской площади.

Держа завернутые *таботат* на головах, священники выстроились в один ряд плечом к плечу. За их спинами толпилось множество священников, раскрывших над головами цветастые ритуальные зонтики с бахромой по кромке, украшенные крестами, звездами, солнцами, месяцами и другими, более любопытными рисунками. В пяти метрах слева находились еще два ряда священников, стоявших лицом друг к другу и вооруженных длинными посохами и серебряными систрами. Между ними сидел барабанщик, сгорбившись над своим *кэбэро.*

Пока я подбирался к ним поближе, стоявшие лицом друг к другу священники стали раскачиваться перед *таботат* в медленном танце, исполнявшемся в том же гипнотизирующем ритме и под то же переменное пение двух хоров, которое я уже слышал в церкви Медхане Алем. Через несколько минут танец прервался также внезапно, как и начался, танцоры разошлись, а священники с семью *таботат* величественно проследовали через каменный мост в замок. Здесь они задержались на мгновение в теплых лучах заходящего солнца, а женщины в толпе снова дико заголосили. Затем бесшумно растворилась на смазанных маслом петлях тяжелая деревянная дверь крепости, давая возможность бросить взгляд в темноту внутри, и *таботат* были занесены внутрь.

Собравшиеся тысячные толпы постепенно стали рассеиваться по садам. Кто-то принес с собой одеяла, кто-то — бумажные *шеммас* (шали) или более теплые шерстяные *геббис* (плащи). У всех на лицах было написано, что они собираются пробыть здесь на протяжении всего праздника, и все выглядели умиротворенными, успокоившимися после энергичного и экзальтированного участия в процессиях, готовыми к всенощному бдению.

К девяти часам вечера горело уже множество костров. Вокруг них сгрудились люди в *шеммас* и одеялах, таинственно перешептываясь, и их слова на старом эфиосемитском языке вырывались из ртов заметными облачками.

Взбодренный прохладным афро-альпийским воздухом, я сел на траву, откинулся на спину, подложив под голову руки, и с наслаждением наблюдал за множеством звезд, взошедших на небосклоне. Мысли мои разбрелись, потом сосредоточились на звуке воды, лившейся потоком в озеро где-то поблизости. Как раз в тот момент из старого замка послышалось негромкое ритмичное пение и барабанная дробь — сверхъестественные,

потрясающие до глубины души звуки поначалу были столь легкими и приглушенными, что я едва мог расслышать их.

Я встал и подошел поближе к мосту надо рвом. Я не собирался переходить его (да и не думал, что мне позволят сделать это), скорее надеялся найти более выгодную позицию, с которой была бы лучше слышна музыка. Случилось же нечто необъяснимое — я почувствовал, как множество рук подталкивает меня вперед, настойчиво и в то же время нежно, пока я не оказался на мосту. Здесь ребенок подвел меня к огромной двери, отворил ее и улыбкой показал мне, чтобы я вошел.

Я опасливо переступил порог большого, квадратного, с высоким потолком, наполненного фимиамом помещения, освещенного дюжинами свечей, установленных в нишах неотесанных каменных стен. Ветерок сквозил под дверью, которую я только что притворил за собой, и сквозняк дул со всех сторон через щели и проломы в кладке, заставляя оплывать и тускнеть свечи.

В этом призрачном полумраке я разглядел облаченные в мантии и капюшоны фигуры, стоявшие двумя рядами и образовывавшие почти полный круг, разорванный только у двери, где остановился я. Хотя трудно было быть в чем-то уверенным, мне казалось, что здесь собрались одни мужчины и что большинство из них священники или дьяконы, ибо они держали в руках посохи и систры и напевали на геэз какой-то псалом, настояько трогательный и пробуждающий чувства, что я ощутил, как покалывает затылок — и волосы встают дыбом. Прямо передо мной на камне-плитняке, усыпанном свежескошенной травой, сидел барабанщик, облаченный в белую *шемму* и отбивавший на натянутой коже *кэбэро* негромкий, но настойчивый ритм.

Не нарушая темпа, несколько членов хора подзывали меня кивками голов, и я почувствовал вебя втягиваемым в их круг, согреваемым их вниманием, становящимся частью всего происходящего. В мою правую руку вложили систр, а в левую посох. Пение же продолжалось, и певцы слегка покачивались из стороны в сторону.

Я почувствовал, как мое тело подчиняется ритму. Следя за другими и отбросив чувство неловкости, я поднимал и опускал свой систр в промежутках между ударами барабана, и маленькие металлические диски в древнем инструменте издавали немелодичное дребезжащее звяканье. Этот странный, неотразимый звук был гораздо старше, как я знал, храма Соломона, даже старше пирамид, ибо подобные систры использовались впервые еще в додинастическом Египте и перешли оттуда через жрецов времен фараонов в литургию Израиля.

До чего же необычен оказался этот торжественный ритуал, но еще необычнее казалось мое участие в нем, здесь, в сердце Эфиопского нагорья, на берегу священного озера. Дрожа от волнения, я размышлял над тем, что в развертывавшейся передо мной сцене нет ничего, ну абсолютно ничего, что принадлежало бы XX веку н. э., когда Соломон поместил ковчег завета в святая святых и когда священники,

«одетые в виссон, с кимвалами и с псалтирями и цитрами стояли на восточной стороне жертвенника… издавая один голос к восхвалению и славословию Господа; и когда загремел звук труб и кимвалов и музыкальных орудий, и восхваляли Господа, ибо Он благ, ибо вовек милость Его…». [75]

Не так ли и священники Эфиопии — среди которых сейчас находился я — восхваляли Господа? Не с таким же рвением и убеждением благодарят они Его за милость Его и славословят Его святое имя, напевая:

«И ныне, Господи Боже, стань на место покоя Твоего, Ты и ковчег могущества Твоего, Священники Твои, Господи Боже, да облекутся во спасение, и преподобные Твои да насладятся благами». [76]

Ночь прошла как во сне, — в котором беспорядочно смешались реальные и невозможные вещи. В отдельные моменты у меня были галлюцинации, будто сам ковчег пребывает здесь, спрятанный в старом замке. В глубине души я, конечно, знал, что еще не приблизился к концу своего путешествия, что ковчега нет в Гондэре и что впереди меня ждут долгие мили и месяцы, прежде чем я смогу даже надеяться приблизиться к этому. Сейчас же я был бы удовлетворен и *таботат,* покоившимися где-то в замке, — семью свертками, которые алхимией слепой веры с легкостью превратились за последние сутки в объекты огромного символического значения.

Перед рассветом священники проводили меня из замка и вернулись через узкий мост. Пока небо постепенно светлело, я провел около часа, обследуя большой лагерь. Если вечером здесь было десять тысяч человек, сейчас их вряд ли было меньше. Одни прогуливались парами и тройками и беседовали, другие собирались в большие группы, третьи все еще грелись у побледневшего пламени костров. И я не мог не ощутить того же настроения надежды, того же чувства беспокойного и нетерпеливого предвосхищения, которое предшествовало выносу *табота* из церкви Медхане Алем прошлым вечером.

Я сделал полный круг по внутреннему лагерю, окружавшему замок и озеро. Добравшись до дальнего края огороженного места, я взобрался на стену и насладился причудливой и одновременно прекрасной сценой. Подо мной земляная насыпь футов в пять шириной окружала спокойные, поблескивающие воды, и на каждом квадратном дюйме насыпи стояли настороженные, словно ожидавшие какого-то события люди, а поднявшееся уже солнце высвечивало их отражения в воде.

Из задней стены замка выступал балкон, и вот на него в облаке фимиама вышла группа священников, одетых в великолепные зелено-красные мантии. Из толпы раздались громкие крики, начался короткий ритуал, который (как я узнал позже) призван был благословить и освятить воды. Потом с поразительной поспешностью — и явно не обращая внимания, на утреннюю прохладу — люди принялись прыгать в озеро. Одни — полностью одетые, другие — полностью раздетые. В одном месте молодая женщина с роскошной грудью окунула в воду своего голого ребенка и тут же выхватила его, кашлявшего и отплевывавшегося, в фонтане брызг. В другом месте худой, согбенный и немощный старик неловко вошел в воду по грудь. В третьем плавала и резвилась группа подростков. Дальше матрона средних лет, обнаженная по пояс, стегала свою спину и плечи мокрой веткой… Тем временем из лагеря перед замком послышался возбужденный рев толпы, когда тысячи людей влились во всеобщую толчею, брызгаясь и ныряя, — окунаясь и шаля.

Я спустился с ограды, дававшей хороший обзор, и поспешил к передней части лагеря, надеясь воспользоваться всеобщим весельем, чтобы снова проникнуть в замок. *Таботат* не находились в помещении, где я провел большую часть ночи, напевая, танцуя и раскачиваясь. Тогда где они? И что будет дальше?

Не замеченный дошедшей почти до истерии толпой, я пересек мост над рвом, распахнул дверь и вошел. Пол большой комнаты все еще был усыпан травой, а его стены почернели от дыма свечей. Было уже около 7 часов утра, и яркий солнечный свет захватил врасплох группу дьяконов. Напротив меня, из дверного проема, прикрытого завесой, вышел священник. Он насмешливо взглянул на меня, потом улыбнулся вроде бы в виде приветствия.

Я подошел к нему и показал жестом, что хотел бы пройти за занавес. Священник красноречиво покачал головой.

— Нет, — прошептал он на английском. — Нет. Это невозможно. Там *табот.*

И он снова скрылся за занавесью, за которой, как мне показалось, слышались какие-то движения и шаги.

Я позвал, надеясь привлечь внимание какого-нибудь начальства, но не дождался ответа. Затем нагло прикоснулся рукой к занавеси и попытался отвести ее в сторону. В то же

мгновение трое стоявших, за моей спиной дьяконов подскочили ко мне, схватили за руки и повалили на пол, нанеся мне немало ушибов.

Я ругался и сопротивлялся, ничего не соображая, сознавая только, что ошеломлен и шокирован: всего лишь несколько часов назад я чувствовал себя здесь как дома, и вот меня уже избивают. С большим трудом я стряхнул с себя напавших и поднялся на ноги. Это было неправильно истолковано как еще одна попытка проникнуть за занавесь, и меня снова принялись волтузить, а дверной проем заблокировали еще несколько дьяконов.

— Туда нельзя, — предостерег один из них, указывая на помещение за занавесью. — Туда входят только священники. — Он погрозил мне пальцем и добавил: — Вы очень плохой человек.

Затем меня бесцеремонно вытолкали за дверь замка и грубо бросили на узкий мост на глазах у многотысячной толпы, и я подумал: если мне так попало лишь за попытку войти в помещение, где-находились какие-то *таботат,* то что со мной произойдет в Аксуме, когда я попытаюсь взглянуть на сам ковчег?

Я пересек мост, протиснулся сквозь толпу и остановился на свободной от людей полоске земли, все еще дрожа оттого, что мою кровеносную систему заполнил адреналин. Осмотревшись, я заметил, что озеро все еще заполняли плещущиеся и кричащие люди. Большинство из них уже выбрались из воды, собрались на просторных лужайках перед замком и стояли, вытянув шеи. Люди были возбуждены, но, как ни странно, молчаливы.

Вскоре в дверях замка появились семь тщательно одетых священников с завернутыми в ткань *таботат* на головах. Неспешно и осторожно они вступили на мост, перешли его, сопровождаемые другими священниками с ритуальными зонтиками. В это мгновение толпа издала громкий общий вздох благоговения и набожности, за которым последовали уже знакомое подвывание женщин и шарканье ног, когда люди начали отступать назад, чтобы открыть путь *таботат.*

Утро тянулось медленно, и одновременно с подъемом солнца к зениту я следовал за процессией по улицам Гондэра до главной городской — площади. Там вновь был инсценирован танец Давида перед ковчегом под крики и звуки тамбуринов и цимбал, труб, систров и струнных инструментов.

В конце концов семь священников с *таботат* на головах разделились, и толпа тоже разделилась на семь неравных частей — семь разных ходов, вытекавших с площади в семи разных направлениях.

Перейдя на бег, тяжело дыша и потея, я следовал сразу за *таботом* из Медхана Алема до самой этой круглой церкви, и там, окруженный тысячами танцующих и поющих людей, наблюдал, как священник с *таботом* на голове обошел ее здание раз и еще раз и затем, наконец, сопровождаемый радостным, одобрительным ревом, исчез из виду в темноте святая святых, в тайне тайн.

ГОДОВАЯ ОТСРОЧКА...

Уезжая в январе 1990 года из Гондэра, я был убежден, что правильно ищу ковчег в Эфиопии. Несмотря на тонкий поверхностный христианский слой, центральная роль *таботат* в ритуалах, свидетелем которых я стал, необычные танцы священников, горячечное поклонение мирян, архаичная музыка систров, тамбуринов, труб, барабанов и цимбал — все эти элементы явились прямо из самого далекого и темного прошлого. Мне казалось тогда и кажется сейчас, что все эти сложные ритуалы и установления, сфокусированные на ветхозаветном поклонении ковчегу завета, не исполнялись бы с таким рвением и тщанием на протяжении стольких столетий, если бы за ними стояли лишь *копии.*

Нет. Эфиопы владеют самим ковчегом. Возможно, путем, описанным в «Кебра Нагаст», или иными исторически вероятными путями, о которых я смогу узнать со временем, он

достался им в первом тысячелетии до н. э. И сейчас, к самому концу второго тысячелетия н. э., они все еще владеют ковчегом — спрятанным, скрытым от любопытных глаз. Но где?

Отвечая на последний вопрос, я просто не мог пренебречь результатами собственного исследования: священной реликвии не было на острове на озере Звай; ее не было на острове на озере Тана; все, напротив, свидетельствовало о том, что она находилась в своем традиционном пристанище — в святая святых придела храма в Аксуме.

Полной уверенности в этом, естественно, не было, но мысленно я не сомневался, что прав. Поэтому двенадцать месяцев спустя, когда в январе 1991 года снова наступит *Тимкат, я* намеревался навестить Аксум и увидеть ее, если только это возможно.

Я ощущал такую неизбежность во всем этом, как если бы мне бросили вызов — такой же четкий и безотказный, как упрек Зеленого рыцаря сэру Гавейну:

«Я многим известен, и если ты намерен найти меня, ты просто не сможешь не сделать этого. Поэтому приходи! Иначе тебя назовут трусом, чего ты и заслуживаешь… И все же я дам отсрочку, пока не пройдет один год и один день».

Что же мне делать во время передышки — пожалованного мне года отсрочки? Узнаю, решил я, все что смогу о зловещем предмете, привлекавшем меня, — о его происхождении и его качествах. Я изучу ковчег завета и попытаюсь узнать, нет ли рационального объяснения тех ужасов и чудес, которые ему приписывались во времена Ветхого Завета.

Часть IV

ЕГИПЕТ, 1989–1990 ГОДЫ

ЧУДОВИЩНОЕ ОРУДИЕ

Глава 12

МАГИЯ… ИЛИ МЕТОД?

В 1989–1990 годах, погрузившись еще глубже в тайны потерянного ковчега завета, я интересовался уже не только тем, где он находится, но и тем, что он собой представляет. Я, естественно, обратился в первую очередь к Библии, в которой самое раннее упоминание ковчеги приходится на период «странствий по пустыне», сразу после того, как пророк Моисей увел сынов израилевых из плена в Египте (ок. 1250 г. до н. э.). В главе 25 Книги Исход мы читаем, что точные размеры святой реликвии и материалы для ее изготовления были даны Моисею на горе Синай самим Богом:

«Сделайте ковчег из дерева Ситтим: длина ему два локтя с половиною, и ширина ему полтора локтя, и высота ему полтора локтя, и обложи его чистым золотом, изнутри и снаружи покрой его; и сделай наверху вокруг него золотой венец; и вылей для него четыре кольца золотых и утверди на четырех нижних углах его: два кольца на одной стороне его, два кольца на другой стороне его. Сделай из дерева ситтим шесты и обложи их [чистым] золотом; и вложи шесты в кольца, по сторонам ковчега, чтобы, посредством их носить ковчег; в кольцах ковчега должны быть шесты и не должны отниматься от него… Сделай также крышку из чистого золота: длина ее два локтя с половиною, и ширина ее полтора локтя; и сделай из золота двух херувимов: чеканной работы сделай их на обоих концах крышки; сделай вдного херувима с одного края, а другого херувима с другого края; выдавшимися из крышки сделайте херувимов на обоих краях ее; и будут херувимы с распростертыми вверх крыльями, покрывая крыльями своими крышку, а лицами своими будут друг к другу: к крышке будут лица херувимов. И положи крышку на ковчег сверху… там Я буду открываться тебе и говорить с тобою над крышкою, посреди двух херувимов, которые над ковчегом откровения…» [77]

Этот «божественный проект» представляет собой, несомненно, одно из самых странных мест в Библии. Получив его, Моисей передал его устно мастеру по имени Веселеил, которого Господь «исполнил… Духом Божиим, мудростью, разумением, ведением и всяким искусством…» [78] Веселеил изготовил ковчег точно по плану [79]. И, когда он был готов, Моисей

вложил в него две скрижали, которые были даны ему также на горе Синай и на которых Бог записал десять заповедей [80]. Священная реликвия, наполненная теперь бесценным содержанием, была установлена за «завесой» в святая святых скинии [81] — переносном шатрообразном сооружении, которое израильтяне использовали как место поклонения во время своих странствий по пустыне.

УЖАСЫ И ЧУДЕСА

Вскоре начали происходить ужасные вещи. Первая случилась с Надавом и Авиудом, сынами Аарона, верховного жреца И брата самого Моисея. Будучи членами семьи жреца, они имели доступ в святая святых, в которую однажды они вошли с кадильницами с курениями [82]. Согласно Книге Левит, они «принесли пред Господа огонь чуждый, которого Он не велел им» [83]. В результате разрушительный огонь вырвался из ковчега «и сжег их, и умерли они…». [84]

«И говорил Господь Моисею по смерти двух сынов Аароновых, когда они, приступив [с чуждым огнем) пред лице Господне, умерли, и сказал Господь Моисею: скажи Аарону, брату твоему, чтоб он не во всякое время входил во святилище за завесу пред крышку [чистилище], что на ковчеге [откровения], дабы ему не умереть, ибо над крышкою Я буду являться в облаке» [85].

«Трон милости» («крышка» в русском переводе) был пластиной из чистого золота, служившей крышкой ковчега. Читатель вспомнит, что на каждом краю ее лицом друг к другу расположены золотые фигуры двух херувимов. «Облако над крышкой», грозившее смертью Аарону, можно было, следовательно, видеть между херувимами. Оно присутствовало не всегда, но в тех случаях, когда оно материализовывалось, по поверью израильтян, «царили демоны», и тогда даже Моисей не осмеливался приблизиться к Ковчегу» [86].

Другие якобы сверхъестественные явления случались «между херувимами», сидевшими лицом к лицу на золотой крышке ковчега. К примеру, лишь через несколько дней [87] после кошмарной кончины двух сыновей Аарона Моисей вошел в святилище скинии, все еще стоявшей в тени горы Синай. Войдя, пророк услышал «голос, говорящий ему с крышки, которая над ковчегом откровения между двух херувимов» [88]. Некоторые очень древние еврейские легенды утверждают, что этот голос снисходит с неба «в виде огненной трубы». И огонь — в том или ином обличий, со смертельным облаком или без него — часто, похоже, связывается с херувимами. Согласно живучей народной памяти, к примеру, «две искры (в других местах описываемые как «огненные струи») выскакивают из херувимов, затеняющих ковчег» — и эти искры порой сжигали или разрушали находившиеся вблизи вещи.

Пришло время израильтянам покинуть свою стоянку у подножия горы Синай, также называвшейся «горой Яхве» (по имени Бога):

«И отправились они от горы Господней на три дня пути, и ковчег завета Господня шел пред ними три дня пути, чтобы усмотреть им место, где остановиться… Когда поднимался ковчег в путь, Моисей говорил: восстань, Господи, и рассыплются враги твои, и побегут от лица Твоего ненавидящие Тебя! А когда останавливался ковчег, он говорил: возвратись, Господи, к тысячам и тьмам Израилевым!» [89]

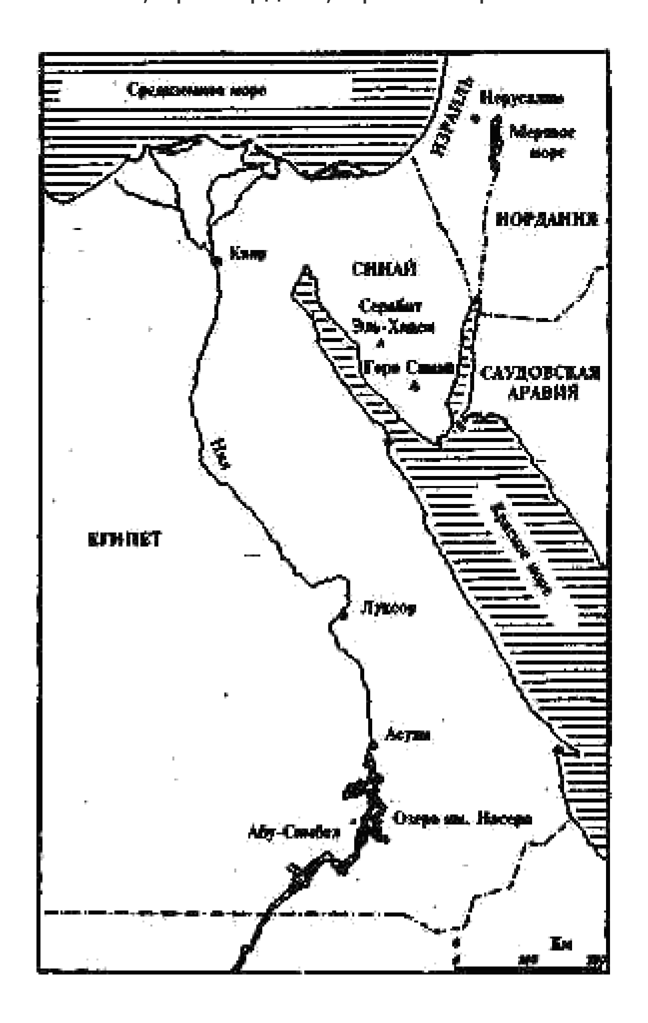
Путешествуя впереди израильской колонны, священная реликвия ехала на плечах «сынов Каафовых» — колена семьи Левита, к которому принадлежали и Моисей, и Аарон. Согласно нескольким легендам и раввинским толкованиям Ветхого Завета, эти носильщики порой погибали от «искр», испускаемых ковчегом, и время от времени их приподнимало от земли, ибо «ковчег был способен нести своих носильщиков как и самого себя». И это не единственное еврейское предание, подсказывающее, что ковчег обладал таинственной силой, которая каким-то образом преодолевала силу тяготения. Некоторые другие источники также свидетельствуют, что ковчег иногда поднимал с земли своих носильщиков, тем самым освобождая их от своего значительного веса [90]. Так, одна особенно поразительная еврейская

легенда сообщает о случае, когда священники попытались нести ковчег, «невидимая сила бросила их в воздух и ударяла раз за разом о землю» [91].

Если ковчег действительно обладал такой необычной энергией, то нет ничего удивительного в том, что во время своих странствий по пустыне израильтяне сумели использовать его как оружие — оружие такой ужасающей силы, что оно приносило победу в самых неблагоприятных обстоятельствах [92]. В описании одной такой битвы рассказывается, как ковчег сначала издал «стонущий звук», затем поднялся над землей и устремился, навстречу врагу, который — что тоже не удивительно — дрогнул и был разбит наголову. В другом случае, как подтверждение общего правила, оказались разбитыми сами израильтяне. Это случилось, как говорится в Библии, когда у них не было с собой ковчега: Моисей спрятал его от них, предупредив, чтобы они не атаковали в том месте.

Но они дерзнули подняться на вершину горы; ковчег же завета Господня и Моисей не оставляли стана. И сошли Амаликитяне в Хананеи, живущие на горе той, и разбили их, и гнали их до Хормы [и возвратились в стан]» [93].

Согласно Библии, евреи провели в пустыне сорок лет [94], во время которых поняли, что, в их же интересах беспрекословно следовать советам Моисея. С тех пор под его руководством и с помощью ковчега они успешно покорили дикие племена Синайского полуострова, завоевали Трансиорданию, ограбили мадианитян [95] и вообще разорили всех тех, кто выступал против них. И, наконец, по завершении четырех десятилетий скитаний они «остановились на равнине Моава, при Иордане, Против Иерихона» [96].

За Иорданом находилась земля обетованная. К этому времени уже умер брат Моисея Аарон [97] и его сын Елеазар сменил его на посту первосвященника [98]. Тем временем Бог предупредил Моисея, что ему не дано войти в землю Ханаанскую, и соответственно Моисей назначил своим преемником «Иисуса, сына Навина» [99].

Вскоре Моисей умер [100], но прежде посвятил Иисуса в таинства ковчега завета [101]. Так новый лидер получил в свое распоряжение грозное оружие и использовал его для подавления сопротивления, с которым он столкнулся в сильно укрепленном городе Иерихоне.

Иисус Навин, похоже, знал, что ковчег — обоюдоострый меч и что при неподобающем использовании он может навредить израильтянам, а не только их врагам. В самом начале кампании планируя форсирование реки Иордан в сторону Иерихона, он послал своих надзирателей в стан сказать людям:

«…Когда увидите ковчег завета Господа Бога вашего и священников [наших и] левитов, несущих его, то и вы двиньтесь с места своего и идите за ним; впрочем, расстояние между вами и им должно быть до двух тысяч локтей мерою; не подходите к нему близко…» [102]

И когда все было готово, …«священникам же сказал Иисус: возьмите ковчег завета [Господня] и идите пред народом… Итак… лишь только несущие ковчег… вошли в Иордан… вода, текущая сверху, остановилась и стала стеною… а текущая в море с равнины… ушла и иссякла… Священники же, несшие ковчег завета Господня, стояли на суше среди Иордана твердою ногою… И когда священники, несшие ковчег завета Господня, вышли из Иордана, то, лишь только стопы ног их ступили на сушу, вода Иордана устремилась по своему месту… и Иисус сказал… …Господь Бог ваш иссушил воды Иордана для вас, доколе вы не перешли его…» [103]

Любой знакомый с иудеохристианским неписаным законом наверняка знает и подробности штурма Иерихона, последовавшего за триумфальным переходом через Иордан. Пока основная масса народа держалась на обязательном расстоянии в две тысячи локтей (более полумили), группа тщательно отобранных священников, дуя в трубы, обошла стены города с ковчегом. Эта процедура повторялась шесть дней.

«В седьмой день встали рано, при появлении зари, и обошли таким же образом вокруг города семь раз… Когда в седьмой раз священники трубили трубами, Иисус сказал народу: воскликните, ибо Господь предал вам город!.. Народ воскликнул, и затрубили трубами. Как скоро услышал народ голос трубы, воскликнул народ [весь вместе] громким [и сильным] голосом, и обрушилась [вся] стена [города] до своего основания, и [весь] народ пошел в город… и взяли город. И предали заклятию все, что в городе…» [104]

В пустыне пока еще новый ковчег был прямо-таки непобедимым и, как свидетельствует Библия, во время кампаний Иисуса в земле обетованной еще долго после падения Иерихона продолжал играть важную военную роль [105]. Однако через полтораста лет после смерти Иисуса Навина наступила перемена: близкое ознакомление с имеющими отношение к делу книгами Ветхого Завета показывает, что к тому времени уже не было обыкновения выносить реликвию во время битвы, и она была установлена (в своей скинии) в доме Божием в Силоме, где и находилась постоянно [106].

Причиной такой перемены стали растущая мощь и уверенность израильтян в себе, ибо к одиннадцатому веку до н. э. они сумели захватить, заселить и взять под свой контроль большую часть земли обетованной и считали, очевидно, ненужным в новых обстоятельствах использовать свое секретное оружие.

Такая самоуверенность, однако, подвела их во время важной битвы при Авен-Езере, когда израильтяне были разбиты филистимлянами, которые побили около четырех тысяч человек [107]. После этого разгрома

«…пришел народ в стан; и сказали старейшины Из-раилевы: …возьмем себе из Силома ковчег завета Господня, и он пойдет среди нас и спасет нас от руки врагов наших». [108]

Это предложение было немедленно принято.

«И послал народ в Силом, и принесли оттуда ковчег завета Господа Саваофа, седящего на херувимах… И когда прибыл ковчег завета Господня в стан, весь Израиль поднял такой сильный крик, что земля стонала». [109]

Услышав этот шум, филистимляне сказали:

«…отчего такие громкие восклицания в стане Евреев? И узнали, что ковчег Господень прибыл в стан. И устрашились Филистимляне, ибо сказали: Бог тот пришел к ним в стан. И сказали: горе нам! Ибо не бывало подобного ни вчера, ни третьего дня; горе нам! Кто избавит нас от руки этого сильного Бога?.. Укрепитесь и будьте мужественны, Филистимляне, чтобы вам не быть в порабощении у Евреев… будьте мужественны и сразитесь с ними». [110]

Битва разгорелась вновь, и к изумлению всех участников, «поражены были Израильтяне, и каждый побежал в шатер свой, и было поражение весьма великое, и пало из Израильтян тридцать тысяч пеших. И ковчег Божий был взят…» [111]

То была настоящая катастрофа. Никогда прежде не были разбиты израильтяне, когда несли в бой ковчег, и никогда прежде не был захвачен сам ковчег. О таком даже подумать нельзя было, такого нельзя было даже вообразить, и все же это случилось.

Пока филистимляне триумфально уносили ковчег, был послан гонец с плохими известиями к священнику Илию, оставшемуся в Силоме.

«…Илий сидел на седалище при дороге у ворот и смотрел… Илий был тогда девяносто восьми лет; и глаза его померкли, и он не мог видеть. И сказал тот человек Илии: я пришел из стана, сегодня же бежал я с места сражения. И сказал Илий: что произошло, сын мой? И отвечал вестник и сказал: побежал Израиль пред Филистимлянами, и поражение великое произошло в народе… и ковчег Божий взят. Когда упомянул он о ковчеге Божием, Илий упал с седалища навзничь у ворот, сломал себе хребет и умер: ибо он был стар и тяжел. …Невестка его… была беременна уже пред родами. И когда услышала она известие о взятии ковчега Божия… то упала на колени и родила, ибо приступили к ней боли ее». [112]

И назвали младенца Ихавод, что означает «бесславие». Выбрали же такое любопытное имя, объясняет Библия, потому, что мать закричала от горя при известии об утрате ковчега. «Она сказала: отошла слава от Израиля, ибо взят ковчег Божий». [113]

Далее произошли еще более странные и более тревожные события.

«Филистимляне же взяли ковчег Божий и принесли его из Авец-Езерав в Азот. И взяли Филистимляне ковчег Божий, и внесли его в храм Дагона (своего божества. — Г.Х.), и поставили его подле (статуи. — Г.Х.) Дагона. И встали Азотяне рано на другой день, и вот, Дагон лежит лицом своим к земле пред ковчегом Господним. И взяли они Дагона и опять поставили его на свое место. И встали они поутру на следующий день, и вот, Дагон лежит ниц на земле пред ковчегом Господним: голова Дагонова и [обе ноги его и] обе руки его [лежали] отсеченные, каждая особо, на пороге, осталось только туловище Дагона. Посему жрецы Дагоновы и все приходящие в капище Дагона в Азот не ступают на порог Дагонов до сего дня [а переступают через него]. И отяготела рука Господня над Азотянами, и Он поражал их и наказал их мучительными наростами, в Азоте и в окрестностях его… И увидели это Азотяне и сказали: да не останется ковчег Бога Израилева у нас, ибо тяжка рука Его и для нас и для Дагона, бога нашего. И послали, и собрали к себе всех владетелей Филистимских, и сказали: что нам делать с ковчегом Бога Израилева? И сказали [Гефяне]: пусть — ковчег Бога Израилева перейдет [к ним] в Геф: И отправили ковчег Бога Израилева в Геф. После того, как отправили — его, была рука Господа на городе — ужас весьма великий, и поразил Господь жителей города от малого до большого, и показались на них наросты. И отослали они ковчег Божий в Аскалон; и когда пришел ковчег Божий в Аскалон, возопили Аскалонитяне, говоря: принесли к нам ковчег Бога Израилева, чтоб умертвить нас и народ наш. И послали, и собрали всех владетелей Филистимских, и сказали: отошлите ковчег Бога Израилева; пусть он

возвратится в свое место, чтобы не умертвил он нас и народа нашего. Ибо смертельный ужас был во всем городе; весьма отяготела рука Божия на них, [когда пришел туда ковчег Бога Израилева]. И те, которые не умерли, поражены были наростами, так что вопль города восходил до небес». [114]

Пораженные из-за ковчега ужасными недугами, филистимляне в конце концов — через семь месяцев [115] — решили «отпустить его в свое место» [116]. С этой целью они погрузили его на «колесницу новую», запрягли в нее «двух первородивщих коров» [117] и отправили его к Вефсамису — ближайшей точке на территории Израиля. [118]

Последовало новое несчастье, но на этот раз не филистимляне стали его жертвами.

«Жители Вефсамиса жали тогда пшеницу в долине, и взглянув, увидели ковчег Господень, и обрадовались, что увидели его. Колесница же пришла на поле Иисуса Вефсамитянина и остановилась там; и был тут большой камень, и раскололи колесницу на дрова, а коров принесли во всесожжение Господу… И поразил Он жителей Вефсамиса за то, что они заглядывали в ковчег Господа, и убил из народа пятьдесят тысяч семьдесят человек; и заплакал народ, ибо поразил Господь народ поражением великим». [119]

Переводчик дает текст по православной Библии в русском переводе. Другие, более поздние переводы Библии, согласны с тем, что какие-то люди из Вефсамиса были поражены или «скошены» ковчегом, но оценивают число убитых в *семьдесят,* а не в пятьдесят тысяч семьдесят, и современные ученые единодушны в том, что цифра правильная.

Итак, семьдесят человек заглянули в ковчег завета после того, как он прибыл на поле Иисуса Вефсамитянина, и в результате погибли [120]. Нигде не говорится точно, *как* они умерли, но не может быть сомнений в том, что они были убиты ковчегом, причем в достаточно драматичной и ужасающей форме, чтобы подвести выживших к выводу: «Кто может стоять пред Господом, сим святым Богом? И к кому Он пойдет от нас?» [121] В этом месте неожиданно и довольно таинственно появилась группа священников-левитов, «сняли ковчег Господа» [122] и унесли его, но не в свой бывший дом в Силоме, а в место под названием Кириаф-Иарим, где его поместили «в дом Аминадава». [123]

И в том доме на холме он хранился около полувека. [124] В самом деле его доставили обратно, когда царем Израиля стал Давид. Сильный и жесткий, он только что овладел городом Иерусалимом и намеревался укрепить свою власть, доставив в новую столицу самую священную реликвию своего народа.

Случилось это, должно быть, между 1000 и 990 годами до н. э. Вот как это происходило.

«И поставили ковчег Божий на новую колесницу и вывезли его из дома Аминадава, что на холме. Сыновья же Аминадава, Оза и Ахио, вели новую колесницу. И повезли ее с Ковчегом Божиим из дома Аминадава, что на холме; и Ахио шел пред ковчегом… И когда дошли до гумна Нахонова, Оза простер руку свою к ковчегу Божию [чтобы придержать его] и взялся за него, ибо волы наклонили его. Но Господь прогневался на Озу, и поразил его Бог там же за дерзновение, и умер он там у ковчега Божия». [125]

Совершенно естественно

«…устрашился Давид в тот день Господа и сказал: как войти ко мне ковчегу Господню? И не захотел Давид везти ковчег Господень к себе, в город Давидов». [126]

Вместо этого об «обратил его в дом Аведдара Гефянина». [127] В этом доме ковчег оставался три месяца, ибо еврейский монарх хотел посмотреть, не убьет ли он еще кого-нибудь. Но больше не случилось никаких несчастий. Напротив, «благословил Господь Аведдара и весь дом его». [128] В Священном писании не конкретизируется это благословение. Согласно же древним народным преданиям, «Аведдар был осчастливлен многими детьми… Женщины в его доме рожали после даухмесячной беременности и рожали по шесть детей зараз».

Библия дает следующее продолжение этой истории:

«Когда донесли царю Давиду, говоря: «Господь благословил дом Аведдара и все, что было у него, ради ковчега Божия», то пошел Давид и с торжеством перенес ковчег Божий из дома Аведдара в город Давидов». [129]

В этом путешествии

«…понесли сыновья левитов ковчег Божий, как заповедал Моисей по слову Господа, на плечах, на шестах». [130]

Давид возглавлял радостную процессию в Иерусалим *«с* восклицаниями и трубными звуками» [131], и «все сыны Израилевы играли пред Господом на всяких музыкальных орудиях из кипарисового дерева, и на цитрах, и на псалтирях, и на тимпанах, и на систрах, и на кимвалах». [132]

Давид намеревался построить в Иерусалиме храм, в который можно было бы поместить ковчег. Ему не удалось исполнить задуманное и пришлось довольствоваться простой скинией того типа, что использовалась во время скитаний по пустыне. [133]

Слава [или тщеславие?] сооружения храма досталась другому человеку. Сам Давид так говорил об этом перед смертью:

«…Было у меня на сердце построить дом покоя для ковчега завета Господня и подножие ногам Бога нашего, и потребное для строения я приготовил. Но, Бог сказал мне: не строй дома имени Моему… Соломон, сын твой, построит дом Мой…» [134]

Это пророчество исполнилось должныш образом. Строительство храма под руководством Соломона началось около 966 года до н. э. и завершилось через десятилетие с небольшим, вероятно, в 955 году до н. э. [135] Все было сделано, было подготовлено святилище — место, которому Господь повелел быть совсем темным, — для бесценного предмета, ради которого и строился храм.

«Тогда созвал Соломон старейшин Израилевых… чтобы перенести ковчег заветам Господня из города Давидова… И пришли все старейшины Израилевы; и подняли священники ковчег, и понесли ковчег Господень… А царь Соломон и с ним все общество Израилево, собравшееся к нему, шли пред ковчегом, принося жертвы из мелкого и крупного скота, которых невозможно исчислить и определить по множеству их. И внесли священники ковчег завета Господня на место его, в давир храма, во Святое Святых…» [136]

И там хранилась священная реликвия, обитая «во мгле», пока не исчезла таинственно где-то между X и VI веками до н. э. [137] Как я уже указывал в главе 1, не существует никаких объяснении его исчезновения, которое ученые считают одной из величайших нерешенных загадок Библии. Почти такими же загадочными представляются ужасные силы, которыми ковчег обладал в свою лучшую пору и которые описаны в Ветхом Завете как исходящие прямо от Бога.

БОГ ИЗ МАШИНЫ

Пытаясь проникнуть в суть ковчега, я снова и снова возвращался к озадачивающему вопросу об этих силах. Как их можно объяснить? Мне казалось, что возможны три ответа.

1. Ветхий завет прав. Ковчег *действительно был вместилищем божественной энергии*, которая и была источником всех совершенных им «чудес».

2. Ветхий Завет не прав. Ковчег был всего лишь декоративным ларцом, а сыны Израилевы были жертвами коллективной галлюцинации, длившейся несколько столетий.

3. Ветхий Завет был прав и не прав одновременно. Ковчег обладал-таки подлинным могуществом, но оно не было ни сверхъестественным, ни божественным. Напротив, оно было создано руками людей.

Я рассмотрел все три варианта и пришел к выводу, что никак не могу согласиться с первым, ибо тогда мне пришлось бы согласиться и с тем, что Бог израильтян Яхве был

психопатическим убийцей либо эдаким злобным гением, живущим в ящике. Не мог я согласиться и со вторым вариантом, главным образом потому, что Ветхий Завет, представляющий собой компиляцию книг, охватывающих далеко отстоящие друг от друга периоды, примечательно *последователен* в отношении ковчега. Во всем Священном писании это *единственный* изготовленный людьми предмет, которому неизменно и недвусмысленно приписывается сверхъестественное могущество. Все остальные изделия человека описываются весьма прозаично. В самом деле, даже такие святые вещи, как золотой семисвечник *«менора»,* так называемый «стол для хлебов предложения» и жертвенник, описывались всего лишь как важные, предметы ритуальной мебели.

Ковчег же был совершенно уникальным, непревзойденным в том почитании, которое оказывали ему книжники, и не имеющим равных по ужасным делам, приписываемым ему на протяжении долгого времени, когда он превалировал в библейской истории. Больше того, приписываемое ему могущество вовсе не было литературным приукрашиванием. Напротив, со времени его изготовления у подножия горы Синай и до его внезапного и необъяснимого исчезновения через несколько столетий он продолжал выступать все с *тем же* эффектным, хоть и ограниченным репертуаром. Так, он постоянно поднимал себя, своих носильщиков, другие предметы вокруг себя; он излучал свет; его постоянно связывали со странным «облаком», материализовавшимся «между херувимами»; он поражал людей болезнями вроде «проказы» [138] и «наростами»; он постоянно убивал тех, кто случайно дотрагивался до него или открывал его. Примечательно, однако, что он не проявлял ни одного из других чудодейственных свойств, которых можно было бы ожидать, если бы речь шла о массовой галлюцинации либо о привнесении в описание большой доли фантазии. К примеру, он ни разу не принес дождя, не превращал воду в вино, не воскрешал мертвых, не изгонял дьяволов и не всегда побеждал в битвах, в которые его брали (хотя обычно все же побеждал).

Иными словами, на протяжении всей своей истории ковчег вел себя как мощная машина, сконструированная для выполнения определенных, весьма конкретных задач и эффективно функционировавшая только в их рамках, но даже и тогда он — как и всякая машина — давал сбои из-за конструктивных недостатков и влияния на нее ошибок человека и износа.

Поэтому я сформулировал следующую гипотезу в соответствии с изложенным выше третьим вариантом: Ветхий Завет был и прав и не прав одновременно. Ковчег обладал подлинным могуществом, но оно не было ни сверхъестественным, ни божественным; напротив, оно должно было быть продуктом гениальности и умения *человека.*

Разумеется, это только теория, рассуждение, призванное ориентировать мое дальнейшее исследование, и ей противостояли многие законные сомнения. Самое важное из них: как могли люди изготовить столь мощное приспособление более трех тысячелетий назад, когда цивилизация и технология пребывали на самом элементарном уровне?

Этот вопрос, чувствовал *я,* представляет собой сердцевину загадки. В поисках ответа я понял, что должен принять во внимание прежде всего культурный контекст священной реликвии, то есть почти исключительно египетский контекст. Ведь ковчег был изготовлен в Синайской пустыне через несколько месяцев после того, как Моисей вывел свой народ из Египетского плена, который длился более четырех столетий. [139] Следовательно, Египет был самым подходящим местом, где следовало искать ключи к истинной природе ковчега.

НАСЛЕДИЕ ТУТАНХАМОНА

В своей правоте я убедился после того, как посетил Каирский музей. Расположенное в самом центре египетской столицы, у восточного берега Нила, это внушительное здание является не имеющим себе равных хранилищем изделий рук человеческих времен, фараонов, датируемых вплоть до четвертого тысячелетия до н. э. Один из верхних этажей отдан под постоянную экспозицию предметов, извлеченных из могилы Тутанхамона — юного монарха,

правившего Египтом с 1352 по 1343 год до н. э., то есть примерно за столетие до времени Моисея. [140] Я был очарован этой выставкой и провел несколько часов, обходя витрины и изумляясь красоте, разнообразию и самому количеству выставленных реликвий. Меня совсем не удивило, что английский археолог Хауард Картер потратил целых шесть лет на то, чтобы извлечь все захороненное в великой гробнице, которую он нашел в 1922 году в Долине царей. Больше же всего в раскопанных им сокровищах меня заинтересовало то, что среди них были дюжины ковчегоподобных ларцов или ящиков (некоторые из них вместе с шестами для переноски).

Самыми поразительными из всех этих предметов были четыре гробницы, в которые был заключен саркофаг Тутанхамона. Эти усыпальницы, которые я тщательно осмотрел, имели форму больших прямоугольных ларцов. Изначально они были вставлены друг в друга, а сейчас выставлены в отдельных витринах. Поскольку каждая сделана из дерева и обложена «чистым золотом изнутри и снаружи» [141], напрашивается вывод, что задумавший ковчег завета человек был знаком с подобными вещами.

Этот вывод подтверждается наличием на дверцах и задней стенке каждой усыпальницы двух мифических фигурок: страшных, высоких, крылатых женщин, жестких и властных по виду, наподобие суровых ангелов мщения. Эти мощные и внушительного вида создания, призванные дать ритуальную защиту драгоценному содержанию гробницы, считались образами богинь Исиды и Нефтиды [142]. Хотя их личности не имели для меня особого значения, я не мог не заметить, что крылья этих богинь были «расправлены вверх», как у херувимов ковчега, описанных в Библии. Они также расположены лицом друг к другу, как и библейские херувимы. Хотя они изображены горельефом на плоских дверцах и не являются отдельными статуэтками, но изготовлены из «золота… чеканной работы», как и библейские херувимы [143].

Ни один ученый, насколько я знал, так и не установил, как выглядели те херувимы. Все единодушны только в том, что они никак не могли быть похожи на пухленьких ангелочков, появившихся гораздо позднее в западном искусстве, таких облагороженных и христианизированных отражений истинно древнего и языческого понятия. В Каирском музее я решил, что внушительные крылатые стражи вставленных друг в друга усыпальниц Тутанхамона были самыми непосредственными образцами, которые я только мог надеяться обнаружить, для пары херувимов ковчега, которые и в самом деле были задуманы как постоянная стража и часто служили также проводниками его огромной и смертельной мощи.

ТАБОТАТ АПЕТА

Позже я обнаружу, что египетское происхождение ковчега еще шире и глубже. Тутанхамон оставил и другое наследие, которое помогло мне понять полное значение этого происхождения. Во время посещения великого храма в Луксоре в Верхнем Египте в апреле 1990 года, проходя через изящную колоннаду, которая тянется на восток от дворца Рамсеса II, я проходил сквозь историю, вырезанную в камне, — долговременный и богато иллюстрированный отчет о значительном «Апетском празднике», вырезанный здесь в четырнадцатом столетии до н. э. по прямому указанию Тутанхамона.

Несмотря на эрозию на протяжении нескольких тысячелетий, рельефы на западной и восточной стенах колоннады все еще достаточно различимы, чтобы почерпнуть элементарные сведения о празднике, отмечавшемся во времена Тутанхамона пик ежегодного полноводья Нила, от которого зависело все египетское сельское хозяйство. Я уже знал, что эти периодические наводнения (сдерживаемые ныне Асуанской высотной плотиной, приведшей к весьма пагубным экологическим последствиям) были результатом исключительно длительного дождливого сезона на Эфиопском нагорье, вызывавшего настоящую водную лавину, которая вырывалась из озера Тана и прокатывалась по Голубому Нилу, принося сотни тысяч тонн плодородного ила на поля дельты и составляя примерно шесть седьмых общего стока воды по нильской речной системе. Открывалась возможность

того, что египетские ритуалы в какой-то степени окажутся важными для моего поиска: в конце концов, они отражали очевидную связь между жизнью в Древнем Египте и событиями в далекой Эфиопии. Весьма вероятно, что эта связь — не более чем совпадение климата и географии. Тем не менее я считал ее по крайней мере любопытной.

Но, как оказалось, здесь крылось нечто гораздо более важное.

Рассматривая западную стену колоннады с рельефами Тутанхамона, я обратил внимание на нечто, похожее на ковчег, поднятый — на шестах на уровень плеч группой жрецов. Подойдя поближе, я тут же убедился, что так оно и есть, но с одной оговоркой: изображенный на рельефе предмет скорее напоминал миниатюрную лодку, нежели ларец, а в целом представшая мне сцена казалась точной иллюстрацией того места в первой книге Паралипоменон, где описывается, как «сыновья левитов» понесли «ковчег Божий, как заповедал Моисей по слову Господа, на плечах, на шестах». [144]

Отступив назад, чтобы охватить взглядом всю картину, я обнаружил, что вся западная стена колоннады заполнена образами, весьма похожими на те, что привлекли мое внимание. В массовой и, казалось, радостной процессии я разглядел формы нескольких ковчегоподобных лодок. Их несли на плечах несколько групп жрецов, перед которыми музыканты играли на систрах и других музыкальных инструментах, крутились акробаты, танцевали и пели люди, возбужденно хлопая в ладоши.

С забившимся от волнения сердцем я присел на разбитый цоколь колонны в тенечке и стал размышлять над охватившим меня ощущением, что я уже где-то видел это. Прошло всего лишь три месяца с той поры, как я присутствовал на *Тимкате* в эфиопском городе Гондэре 18–19 января 1990 года. Подробности ритуалов, свидетелем которых я был в те два дня религиозного неистовства, все еще были свежи в памяти. Настолько свежи, что я просто не мог не заметить сходства между ними и исступленной процессией, изображенной на полустертых камнях египетского храма. Оба события, сообразил я, отражали своеобразное «поклонение ковчегу», когда группы жрецов носят ковчеги, окруженные истеричными толпами. И это еще не все: *Тимкат* характеризовался дикими плясками и игрой на музыкальных инструментах перед ковчегами. Теперь стало очевидно, что подобное поведение отличало и праздник Апета вплоть до использования музыкальных инструментов, идентичных во многих случаях тем, что я видел в Гондэре. Разумеется, плоские *таботат,* которые несли на головах эфиопские священники, внешне весьма отличались от ковчегоподобных лодок, которые несли на плечах их давно ушедшие из жизни египетские коллеги. Основываясь на своих предыдущих исследованиях (подробно освещенных в главе 6), я знал, что, согласно установленной этимологии, *табот* изначально означал «кораблеподобный контейнер». И в самом деле, как я уже прекрасно знал, архаичное еврейское слово *«тебах»* (производным от которого и является эфиопский термин) [145] использовалось в Библии применительно к кораблеобразным ковчегам, а именно: к Ноеву ковчегу и камышовой корзине, в которой плавал по Нилу младенец Моисей. Неслучайно, понял я, и данное в «Кебра Нагаст» описание ковчега завета как «днища корабля», содержащего «две скрижали, написанные пальцем бога».

Успокоившись, я встал и вышел из тени на жестокое полуденное солнце, в котором купалась вся колоннада. Затем я приступил к изучению полустертых рельефов на западной стене, посвященных празднику Апет и изображавших перенос ковчегов из Карнака в храм Луксора (на расстояние около трех миль), а также на восточной стене, где показано возвращение процессии из Луксора вдоль Нила в Карнак, в их изначальные «дома покоя». Каждая подробность этих сложных и прекрасно исполненных сцен напоминала мне праздник *Тимката* в Гондэре, во время которого я наблюдал и процессию выноса (перенесения *таботат* из церквей к «крестительному озеру» возле старого замка) и обратный ход (возвращение *таботат* в их родные церкви). Больше того, теперь я четко понимал, что и причудливые ритуалы, которые я видел ранним утром 19 января на озере, тоже были предвосхищены

праздником Апет, на каждом этапе которого также проявлялось особое почитание воды (в самом деле, рельефы, относящиеся к начальной части процессии, свидетельствуют, что ковчеги из храма несли прямо к берегу Нила, где совершалось несколько сложных обрядов).

ПОДТВЕРВДЕНИЕ УЧЕНЫХ

После посещения Египта в 1990 году я занялся дополнительным исследованием обнаруженных мной фактов. Так я узнал, что мои догадки не противоречат мнению экспертов. Во время одной встречи, к примеру, профессор египтологии Ливерпульского университета Кеннет Китчен подтвердил, что усыпальницы из погребения Тутанхамона, которые я видел в Каирском музее, действительно могли послужить прототипом ковчега завета.

— По меньшей мере, — сказал он с типичным йоркширским акцентом, — они свидетельствуют, что обложенные золотом деревянные ящики были обычными предметами религиозной мебели того периода и что Моисей, следовательно, мог иметь в своем распоряжении умельцев для изготовления ковчега. Технологические приемы, к которым он прибег, и использование подобных «запрограммированных» устройств для религиозных целей подтверждаются множеством египетских развалин, картин и текстов, относящихся к длительному временному периоду. [146]

Я также нашел научное подтверждение той связи, которая, как я считал, существует между праздником Апет и древними иудейскими ритуалами с использованием ковчега завета. Роясь в куче справочного материала в Британской библиотеке, я наткнулся на книгу, изданную в 1884 году Обществом религиозных трактатов и озаглавленную «Новый свет от древних памятников». Я мот бы пренебречь этой тоненькой и невзрачной брошюркой, если бы не обратил внимания на то, что ее автором был А. Х. Сейс (бывший в то время помощником профессора филологии Оксфордского университета). Вспомнив, что один из крупнейших специалистов в египетской религии Уоллис Бади высоко чтил Сейса (характеризуя его как «выдающегося ученого»), я раскрыл его брошюру на той странице, где начиналась глава «Исход из Египта», и прочитал, что «закон и ритуалы израильтян» основаны на многих источниках. Среди них — «различные праздники и посты», в которых

«…во время хода богов носили в «кораблях», которые, как мы знаем из скульптур, походили по форме на иудейский ковчег и которые люди носили на плечах с помощью шестов».

Подбодренный подтверждением своих рассуждений, полученным от известного профессора XIX века, я продолжал просматривать справочную литературу и смог убедиться в том, что выносимые во время обрядов Апета кораблеподобные ковчеги действительно хранили богов или, вернее, небольшие статуэтки различных божеств египетского пантеона. Эти статуэтки были изготовлены из камня и тем самым, — казалось мне, не многим отличались по сути от каменных «скрижалей Откровения», предположительно хранившихся в ковчеге завета и почитавшихся израильтянами за олицетворение их Бога. Один еврейский ученый писал в основополагающем труде, опубликованном в 20-е годы нынешнего столетия:

«Предание о двух божественных скрижалях в ковчеге наводит на мысль, что изначально в нем хранился священный камень… [который] воспринимался либо как само божество, либо как предмет, в котором это божество пребывало постоянно».

И это не было единственным связующим звеном, которое я смог установить между ковчегом завета и кораблеподобными ковчегами, выносившимися во время обрядов Апета. Такие ритуалы, следует помнить, проводились в Верхнем Египте, в городе, ныне известном как Луксор (сравнительно недавнее название, производное от арабского «Л'Уксор», что означает «дворцы»). Гораздо раньше, в период, когда Египет испытывал сильное влияние Греции (начиная примерно с V века до н. э.), весь этот район, включая близлежащий храм в Карнаке, был известен под названием «Тебай». Современные европейцы позже исказили это

название до более знакомого нам «Фивы». При этом была затемнена интригующая этимология: слово «Тебай» произведено в самом деле от «Тапет» — под этим названием религиозный комплекс Луксор-Карнак был известен в эпоху Тутанхамона и Моисея. «Тапет» же всего лишь женская форма слова «Апет». Иначе говоря, Луксор и Карнак изначально назывались по названию большого праздника, которым они славились и центральной частью которого были процессии с перенесением ковчегов из одного храма в другой. Меня, естественно, заинтриговало фонетическое сходство слов *«тапет»* и *«табот»,* которое представлялось еще менее случайным после того, как я узнал из одного научного источника, что форма ковчегов Тапета изменилась с течением веков, и они постепенно перестали очень уж походить на корабли и стали «все больше и больше походить на ларец».

Как отмечалось выше, я давно уже установил, что эфиопское слово *«табот»* — производное от еврейского *«тебах»,* означавшего «кораблеподобный контейнер». Теперь я начал задаваться вопросом, не было ли слово *«тебах»* изначально производным от древнеегипетского *«тапет»* и не объяснялось ли это словопроизводство тем, что ритуалы с ковчегом завета были смоделированы по образцу праздника Апета. [147]

Подобные совпадения и связующие звенья, хоть и ни в коей мере не могут служить убедительным доказательством, все же усилили мою убежденность в том, что ковчег завета можно понять должным образом только в контексте его египетского происхождения. Среди прочего, как указывал профессор Китчен, это происхождение свидетельствует, что Моисей должен был быть знаком с технологией и навыками, необходимыми для выполнения повеления Бога построить «ковчег из дерева ситтим» и «обложить его чистым золотом изнутри и снаружи».

В то же время священная реликвия была чем-то неизмеримо большим, нежели *просто* деревянным ящиком, обложенным золотом. Я поэтому задался вопросом: а не следует ли искать в Египте и объяснение ее пагубной и разрушительной мощи?

В поисках такого объяснения я несколько раз посетил эту страну и расспрашивал теологов, специалистов по Библии и археологов. Я также покопался в редких книгах, религиозных текстах, фольклоре, мифах и легендах в попытке разглядеть нити фактов среди диких фантазий.

В ходе исследования я — все больше заинтересовывался личностью Моисея — еврейского пророка и законодателя, бросившего вызов фараону, поведшего сынов Израилевых в землю обетованную и приказавшего изготовить ковчег завета, после того как он якобы получил его «чертежи» от самого Господа. Чем больше я приглядывался к этой выдающейся, героической личности, тем больше убеждался в том, что особо важные сведения для моего понимания ковчега можно найти в его жизнеописании.

«ВОЛШЕБНИК НАИВЫСШЕГО РАНГА...»

Вполне вероятно, что в каком-то сокровенном уголке своей души каждый живущий христианин, мусульманин и еврей хранит призрачный образ пророка Моисея. Я определенно не был исключением из этого правила, когда всерьез задумался над ним и над его ролью в тайне ковчега. Проблема для меня заключалась в том, чтобы облечь в плоть тот карикатурный образ, который сформировался у меня в воскресной школе, и — в процессе — попытаться поглубже понять человека, которого ученые единодушно называли «выдающейся личностью в возникновении и формулировании иудейской религии».

В выполнении этой задачи мне очень помогли исчерпывающие и авторитетные исторические труды Иосифа Флавия — фарисея, жившего в I веке н. э. в оккупированном римлянами Иерусалиме. В своих «Иудейских древностях», составленных на основе преданий и недоступного ныне справочного материала, этот усердный ученый составил хронику событий четырехсотлетнего Египетского пленения евреев, длившегося примерно с 1650 по 1250 год до н. э. — до приблизительной даты Исхода. Ключевым событием этого периода

было рождение Моисея, предсказанное одним египетским «книжником», обладавшим, как утверждает Иосиф, «незаурядным умением точно предсказывать будущее» и сообщившим фараону, что среди израильтян появится:

«…тот, кто унизит владычество египтян, достигнув зрелости, и превзойдет всех людей своей добродетелью и вечной славой. Встревоженный царь по совету мудреца приказал уничтожить каждого родившегося у израильтян младенца мужского пола, бросив его в реку».

Услышав о таком указе, некий Амрам (будущий отец Моисея) впал в «горестное раздумье», ибо «его жена носила тогда ребенка». Но во сне ему явился бог, успокоивший его известием:

«Ребенок, чье рождение наполнило египтян таким ужасом, что они обрекли на смерть всех отпрысков израильтян, улизнет от тех, кто жаждет уничтожить его, и, достигнув чудесной мудрости, выведет еврейский народ из плена в Египет, и его будут помнить, пока будет существовать вселенная, не только евреи, даже и инородные народы».

Эти два абзаца оказались весьма полезными, ибо они существенно расширили библейское описание рождения Моисея в первых главах Книги Исход. Для себя я отметил, что великого законодателя иудеев помнят-таки «даже и инородные народы». Больше же всего меня заинтересовало особо подчеркнутое пророчество «книжника», который при его-то умении предсказывать будущее мог быть только астрологом при дворе фараона. Иосиф как бы намекает тем самым, что с самого начала в Моисее было нечто магическое. В соответствии с освященной временем традицией, когда вор кричит: «Держи вора!», здесь один мудрец предсказывает появление другого мудреца.

Последовавшие за рождением младенца события слишком хорошо известны, чтобы заниматься их пространным перечислением: в трехмесячном возрасте родители положили его в корзину из папируса, обмазанную битумом, и отправили в плавание по Нилу; ниже по течению в реке купалась дочь фараона, она увидела плывущую колыбель, услышала крики и послала служанку спасти хныкавшего младенца.

Впоследствии Моисеи был воспитан в царском доме, где, согласно Библии, был научен «всей мудрости Египетской» [148]. Иосиф мало что добавил к этому, но другой авторитет — Филон (еврейский философ, живший приблизительно одновременно с Христом) дал довольно подробное описание того, чему именно был научен Моисей:

«Ученые египтяне преподавали ему арифметику, геометрию, размер, ритм и гармонию. Они же научили его философии, выраженной символами в так называемых священных писаниях». Одновременно «обитателям соседних стран» было поручено учить его «ассирийской литературе и халдейской науке о небесных телах. Последней он также учился у египтян, которые уделяли особое внимание астрологии».

Воспитанный как приемный сын царской семьи, Моисей даже довольно долго рассматривался как наследник трона. Смысл его особого статуса, как я узнал, заключался в том, что в молодости Моисей был посвящен в самые сокровенные секреты жрецов и в тайны египетской магии [149], курс которой должен был включать не только знание звезд, как сказано Филоном, но и колдовство, прорицание и другие аспекты оккультизма. [150]

Косвенное подтверждение тому мы находим в Библии, где о Моисее говорится, что он «был силен в словах и делах» [151]. По убедительной и заслуживающей доверия оценке великого исследователя и лингвиста сэра Уоллиса Баджа, эта фраза — вероятно, не случайно использованная и для характеристики Иисуса Христа [152], — содержит закодированный намек на то, что еврейский пророк был «косноязычным», как египетская богиня Исида. Это означало, хоть Моисей и признавал самокритично, что не обладает ораторским красноречием [153], что он был способен делать властные заявления, «которые он правильно произносил, не спотыкался в речи и превосходно отдавал команды и приказывал». Опять же подобно Исиде, известной своим искусством во всякого рода колдовстве, Моисей также был обучен

использовать мощные чары. Поэтому его окружение, должно быть, относилось к нему с огромным уважением, поскольку они, несомненно, верили в его способность подчинить реальность и попрать физические законы, изменив нормальные порядок вещей.

Я сумел найти значительное количество свидетельств в Ветхом Завете, подкрепляющих утверждение, что Моисея воспринимали именно так. Присутствует, однако, одна важная оговорка: его магия везде описывается как совершаемая исключительно по команде Бога евреев Яхве.

Согласно Книге Исход, первая встреча Моисея с Яхве состоялась в пустыне (куда он бежал после того, как убил египетского надсмотрщика, издевавшегося над еврейскими поденщиками). Судя по географическим подсказкам, эта пустыня должна была находиться в южной части Синайского полуострова, скорее всего там, откуда можно было видеть пик горы Синай (где позже Моисей получит десять заповедей и «чертежи» ковчега). Во всяком случае, в Библии говорится о «горе Бога», у подножия которой оказывается Моисей, когда Господь явился ему «в пламени огня из тернового куста. И увидел он, что терновый куст горит огнем, но куст не сгорает». [154] Бог повелевает Моисею вернуться в Египет, чтобы вывести его народ из Египетского рабства. [155] Прежде чем согласиться, пророк опрашивает обратившееся к нему странное и мощное существо, *как его зовут.* [156]

Дерзкий вопрос сам по себе подтверждает личность Моисея как кудесника, ибо, как указывал великий антрополог сэр Джеймс Фрейзер в своем основополагающем труде «Золотой сук»,

«…каждый египетский маг… верил, что тот, кто обладает истинным именем, обладает и самим существом бога или человека и может заставить даже божества подчиниться себе, как раб подчиняется своему хозяину. Таким образом, искусство волшебника заключается в получении от богов открытия их божественных имен, и он делал все возможное ради достижения этой цели».

Господь не дал прямого ответа на вопрос пророка. Он ответил кратко и загадочно: «Я есмь Сущий», и в порядке пояснения добавил: «Бог отцов-ваших, Бог Авраама, Бог Исаака и Бог Иакова». [157]

Фраза: «Я есмь Сущий» является, как я узнал, коренным значением имени «Яхве», используемого в Ветхом Завете и переиначенного позже в английском переводе времен короля Якова в «Иегову». Но это было на самом деле не именем, а, скорее, уклончивой формулой, основанной на еврейском глаголе «быть», записанной четырьмя согласными, передаваемыми латинскими буквами «YHWH». Известное теологам как слово из четырех букв, оно не означало ничего иного, кроме активного *существования Бога,* и тем самым продолжало скрывать божественную личность от современных ученых так же эффективно, как скрывало ее когда-то и от Моисея. Настолько таинственны эти четыре буквы, что даже сегодня никто не знает точно, как их следует произносить; передача четырехбуквенного сочетания с добавлением гласных «а» и «е» как «Яхве» стало общепринятой. [158]

С библейской точки зрения, значение всего этого состояло в том, что божество знало и произносило имя Моисея, а Моисей же добился от Него лишь ритуального заклинания: «Я есмь Сущий». Впредь пророк обязан был отвечать Богу и выполнять его приказания; точно так же все его волшебство в будущем будет производным от власти Бога, и только от нее.

Понятно желание более поздних редакторов Священного писания представлять именно таким образом отношения между всемогущим Богом и подверженным ошибкам человеком. Чего они не смогли сделать, однако, это уничтожить доказательства того, что этот человек действительно был колдуном, как и скрыть наиболее убедительные проявления его волшебства — те бедствия и наказания, которые Моисей вскоре нашлет на египтян, дабы заставить фараона отпустить сынов Израилевых из плена.

В осуществление этих жутких чудес Моисею помогал его сводный брат Аарон, часто выступавший его агентом и глашатаем. И Моисей, и Аарон были вооружены жезлами — поистине волшебными палочками, которые они и использовали для колдовства. Порой палочка Моисея называется «жезлом Божиим» [159] и впервые появляется, когда пророк жалуется Яхве на то, что ни фараон, ни сыны Израилевы не поверят в получение им божественного задания, если он не сможет представить никакого доказательства. «Что эти в руке у тебя? — спросил Бог, и Моисей ответил: «Жезл» [160]. Тогда Бог повелел ему: Брось его на землю… чтобы поверили [тебе], что явился тебе Господь…»

«Он бросил его на землю, и жезл превратился в змея, и Моисей побежал от него. И сказал Господь Моисею: простри руку твою и возьми его за хвост. Он простер руку свою, и взял его [за хвост]; и он стал жезлом в руке его». [161]

Также Священное писание подчеркивает первичность роли Бога, что и понятно. И еще раз не проходит незамеченной связь с египетским оккультизмом. Превращение неодушевленного жезла в змею и обратно было обычным трюком фокусников в этой стране; точно так же египетские жрецы с незапамятных времен притязали на умение контролировать движения ядовитых змей. Последнее, но не менее важное: все египетские маги — в том числе мудрый Абаанер и царь-кудесник Нектанебий — обладали волшебными палочками из черного дерева.

С этой точки зрения я не нашел ничего удивительного в том, что первые соревнования между Моисеем и Аароном, с одной стороны, и жрецами при дворе фараона, с другой, закончились практически ничьей. Дабы произвести впечатление на египетского тирана, Аарон бросил на землю свой жезл, который, конечно же, превратился в змею. Не утратив присутствия духа, фараон призвал своих собственных мудрецов и чародеев, «и эти волхвы Египетские сделали то же своими чарами: каждый из них бросил свой жезл, и они сделались змеями». Но затем наделенный превосходящей мощью Яхве «жезл Ааронов поглотил их жезлы» [162].

Во время следующей встречи Моисей и Аарон превратили воды Нила в — кровь. Но даже такое замечательное волшебство не произвело впечатления на фараона, ибо «волхвы Египетские чарами своими сделали то же самое» [163].

Последовавшее затем нашествие жаб также было повторено волхвами фараона [164]. А вот нашествие мошек было им уже не под силу повторить: «Старались также и волхвы чарами своими произвести мошек, но не могли. И были мошки на людях и на скоте. И сказали волхвы фараону: это перст Божий» [165].

И все же жестокосердный царь отказывался отпустить евреев. За это он был наказан нашествием песьих мух [166], а вскоре моровая язва погубила весь скот египетский [167]. Дальше наслал Моисей (подбросив горсть пепла в воздух) «воспаление с нарывами по, всей земле Египетской» [168], а затем, пользуясь своим жезлом, насылал на Египет гром и град, потом саранчу и «осязаемую тьму» [169]. В конце концов еврейский пророк устроил смерть «всех первенцев в земле Египетской, от первенца фараона… до первенца узника, находившегося в темнице, и всего первородного из скота» [170]. После этого «понуждали Египтяне народ, чтобы скорее выслать его из земли той; ибо говорили они: все мы помрем» [171].

И так начался Исход, а с ним и длительный, полный опасностей и волшебства период, во время которого у подножия горы Синай был изготовлен ковчег завета. Но прежде чем попасть на Синайский полуостров, пришлось перейти через Красное море. Здесь Моисей вновь устроил драматическую демонстрацию своего мастерства в оккультной области.

«И простер Моисей руку свою на море, и гнал Господь море сильным восточным ветром всю ночь и сделал море сушею, и расступились воды. И пошли сыны Израилевы среди моря по суше: воды же были им стеною по правую и по левую сторону». [172]

Как припомнит любой, посещавший воскресную школу, египетское войско, преследовавшее израильтян, вошло «за ними в средину моря, все кони фараона, колесницы его и всадники его» [173]. Затем

«…простер Моисей руку свою на море… И вода возвратилась и покрыла колесницы и всадников всего войска фараонова, вошедших за ними в море; не осталось ни одного из них. А сыны Израилевы прошли по суше среди моря: воды [были] им стеною по правую и [стеною] по левую сторону». [174]

И снова, вполне предсказуемо. Библия подчеркивает власть Бога: Моисей дважды простирал руку свою, но именно Господь заставил воды «расступиться» и «возвратиться». Однако мне было труднее принять подобную «односторонность» Священного писания, после того как я узнал, что и египетские жрецы и чародеи славились умением командовать водами морей и озер. Например, один из древних документов, привлекших мое внимание («Папирус Весткар»), рассказывает о деяниях Херхеба, или Верховного жреца, по имени Тшатша-эм-анх, состоявшего при дворе фараона Сенеферу. Однажды фараон плавал на лодке в приятной компании «двадцати юных дев с прекрасными волосами, восхитительными формами и стройными ногами». Одна из леди уронила в озеро любимое украшение и страшно расстроилась. Фараон призвал Тшатша-эм-анха, который

«произнес определенные магические слова (хекау), отчего одна часть воды озера поднялась и переместилась на другую часть, нашел украшение и вручил его девице. Озеро имело глубину в двенадцать локтей. Когда же Тшатша-эм-анх поднял одну половину воды на другую, глубина двух половин достигла двадцати четырех локтей. Волхв произнес еще какие-то магические слова, и вода озера стала такой, какой была до того, как он заставил одну ее половину подняться на другую половину».

Хотя речь идет о пустячке, история в «Папирус Весткар» содержит многие элементы, которые поразительно напоминают, как расступились воды Красного моря. С моей точки зрения, это не оставляет места сомнению в том, что виртуозное исполнение Моисеем величайшего чуда подтверждает его причастность к древнему и истинно египетскому оккультизму. Сэр Уоллис Бадж, с которым я познакомился благодаря его переводу «Кебра Нагаст» и который служил хранителем египетских и ассирийских древностей в Британском музее, писал по этому поводу:

«Моисей умело исполнял магические ритуалы и глубоко знал соответствующие магические формулы, заклинания и заговоры всякого рода… [Больше того], совершавшиеся им чудеса… указывают, что он был не только священником, но и волшебником наивысшего ранга, и даже, возможно, Херхебом».

ТАЙНАЯ НАУКА?

Как Херхеб (Верховный жрец) египетского храма Моисей, несомненно, имел доступ к значительному объему эзотерических знаний и магическо-религиозной «науке», которую сословие жрецов хранило в тайне от мирян. Я уже знал, что современные египтологи признают, что существовала подобная совокупность знаний. [175] Я также знал, что они плохо представляют себе, в чем они заключались: смутные намеки *на* эти знания имелись в надписях в могилах старших жрецов храма, но до наших дней не дошло почти ничего существенного в письменной форме. Многое, вероятно, передавалось исключительно в устной форме и только посвященным. По мнению ученых, основной объем этих знаний был уничтожен либо предумышленно, либо случайно. Кто может знать, какие сокровища знания были утрачены, когда огонь пожрал великую Александрийскую библиотеку, в которой ко II веку до н. э., как считалось, хранилось более 200 тысяч свитков?

В одном вопросе Нет сомнений: как писал Геродот в V веке до н. э., «в Египте больше чудес, чем в любой другой стране мира, и больше, чем где бы то ни было, не поддающихся описанию сооружений». Среди прочих достижений этот много путешествовавший греческий

историк — труды которого издаются по сию пору — приписывал египтянам «изобретение года и его двенадцати подразделений по сезонам». Геродот утверждал также, что смог вникнуть в некоторые тайны египетского духовенства, и довольно загадочно добавлял, что не может и не станет открывать, что он узнал.

Геродот не был ни первым, ни последним посетителем Египта, вынесшим впечатление, что там хранятся некие секреты, которые могут скрывать нечто большее, нежели чисто религиозные суеверия. В самом деле, представление о том, что эта древняя культура изначально достигла своего величия благодаря использованию некоего передового, но ныне утраченного научного знания, как я обнаружил, является одним из наиболее устойчивых в истории человечества: оно оказалось одинаково привлекательным и для неистовых критиканов, и для трезвых ученых, и стало предметом огромного множества споров, колкостей, диких домыслов и серьезных исследований.

Далее, это представление прямо посягало на мой поиск, ибо указывало на интригующую возможность: не мог ли Моисей, как кудесник, овладевший египетской «божественной наукой», иметь в своем распоряжении гораздо больше знаний и технологий, чем до сих пор признавали археологи? Не применил ли он эти знания и технологии при изготовлении ковчега завета?

Подобная гипотеза заслуживала дальнейшего исследования. Я быстро обнаружил, однако: что известно о технологических достижениях древних египтян, ставит не меньше вопросов, чем дает ответов.

Было очевидно, например, что древние египтяне были умелыми работниками по металлу: их весьма изысканные драгоценности из золота, в частности, свидетельствовали о высокой степени мастерства, с которым редко кому удавалось сравняться с тех пор. Замечено также, что в самые древние времена кромки их бронзовых орудий труда обладали удивительной твердостью — ими можно было резать сланец и даже известняк. Ни один современный кузнец, насколько мне известно, не может добиться такого результата с медью. Считается вероятным, что «утраченное мастерство» заключалось не столько в изготовлении орудий, сколько в умении каменщиков пользоваться ими.

Изучение сохранившихся иероглифов и папирусов убедило меня в том, что древние египтяне были — по меньшей мере — неплохими по современным меркам математиками. Они использовали дроби и развили особую форму измерения бесконечно малых величин, позволявшего им рассчитывать объемы сложных предметов. Также представляется весьма вероятным, что более чем за два тысячелетия до греков они знали, как использовать туманное число «пи» для вычисления окружности любого круга по его диаметру [176].

Еще в очень древние времена египтяне достигли большого прогресса в астрономии. По мнению американского профессора истории науки Ливио Стеккини, специализирующегося на древних измерениях, использовавшаяся уже в 220 году до н. э. астрономическая техника позволила египетским жрецам рассчитать длину градуса широты и долготы с погрешностью в несколько сотен футов — другие цивилизации не смогли сделать это еще на протяжении почти четырех тысячелетий.

Египтяне были и превосходными медиками: они умело использовали различные сложные процедуры, до тонкости разбирались в нервной системе человека, их фармакопея включала впервые зарегистрированное применение ряда хорошо известных лекарств.

Нашел я и многие другие свидетельства, подтверждающие относительно передовое состояние египетской науки во времена, когда европейские народы все еще пребывали в варварстве. На мой взгляд, однако, ни одно из этих сведений не предполагало существования какой-либо науки, которую сегодня мы могли бы назвать поистине поразительной, либо какого-либо технического достижения, достаточно изощренного, чтобы объяснить ту мощную энергию, которую мог развить ковчег завета. Тем не менее, я уже

отмечал это, вера в то, что египтяне обладали некой «великой и тайной мудростью», была широко распространена и почти неоспорима.

Я знал, что подобная горячая убежденность часто проистекала скорее из подсознательного желания прославить прошлое человечества, нежели из рационального рассмотрения эмпирических фактов. Таково было, несомненно, превалировавшее мнение археологического сообщества, в большинстве своем считавшего эту теорию «великой и тайной мудрости» галиматьёй и утверждавшего, что в Египте не было найдено ничего экстраординарного за столетие с лишним кропотливого раскапывания и просеивания. Я сам по характеру скептик и прагматик. Тем не менее должен признать, что вещественные доказательства, встреченные мною повсеместно в ходе ряда исследовательских экспедиций в эту прекрасную и древнюю страну, убедили меня в том, что академики не располагают всеми ответами, что многое еще предстоит объяснить и что целый ряд аспектов египетского опыта еще, к сожалению, недостаточно изучен просто потому, что они оказались вне поля зрения обычной археологии и, вероятно, всех остальных форм научного исследования.

Три района произвели на меня особенно сильное впечатление: храмовый комплекс в Карнаке, «ступенчатая» пирамида Джосера в Саккаре и Великая пирамида в Гизе в пригороде Каира. Мне казалось, что особая смесь грубой силы, изящества, внушительного величия, таинственности и бессмертия этих сооружений проистекала из тонкого и весьма развитого понимания гармонии и пропорции, понимания, которое вполне резонно приравнять к науке. Эта наука, сочетающая технику, архитектуру и дизайн, удивительна по любым меркам. Она так и не была превзойдена до сих пор в поощрении религиозного благоговения, и в Европе, с ней можно сравнить только великие готические соборы средневековья вроде Шартрского.

Случайность ли это? Оказывали ли египетские монументы и готические соборы схожее по сути воздействие на чувства по чистой случайности или между ними существует связь?

Я давно подозревал, что такая связь существует и что рыцари ордена тамплиеров, благодаря своим открытиям во время крестовых походов, стали потерянным звеном в цепи передачи секретных архитектурных знаний [177]. В Карнаке, медленно проходя вдоль угрожающих размеров пилонов в Великий двор и через целый лес гигантских колонн Гипостильного зала, я не мог не вспомнить Святого Бернара Клервоского — патрона тамплиеров, давшего — что удивительно для христианина — такое определение Бога: «длина, ширина, высота и глубина». Не забывал я и о том, что сами тамплиеры были великими строителями и архитекторами и что монашеский орден цистерцианцев, к которому принадлежал и Святой Бернар, также отличался в этой области человеческой деятельности.

За многие столетия и целые цивилизации до них древние египтяне стали первыми мастерами строительной науки — первыми и до сих пор величайшими архитекторами и каменщиками, которых когда-либо знал мир. Более того, оставленные ими памятники не поддаются описанию и бросают вызов самому времени. Типичными в этом смысле являются два высоких обелиска, господствующие в комплексе Карнака и привлекавшие мое особое внимание во время посещений города. Как я узнал, первый был воздвигнут фараоном Тутмосом I (1504–1492 гг. до н. э.), а второй — царицей Хатшепсут (1473–1458 гг. до н. э.). Оба представляют собой монолиты, высеченные из твердого розового гранита. Первый — высотой в 70 футов и весом примерно в 143 тонны; второй — высотой в 97 футов и весом приблизительно в 320 тонн. В нескольких минутах пешего хода к югу, над священным озером, использовавшемся жрецами храма для сложных обрядов очищения, лежит третий — поверженный и разбитый — обелиск, верхние 30 футов которого, заканчивающиеся заостренной пирамидальной верхушкой, остались неповрежденными. Однажды, следуя совету имевшегося у меня путеводителя, я переступил ограждавшую его веревку и приложил ухо к углу пирамидальной вершины, затем сильно стукнул раскрытой ладонью по граниту и

был поражен, услышав, как весь монолит завибрировал от низкого, басового звука, как некий странный и удивительный музыкальный инструмент.

Мне кажется, что этот феномен никак нельзя назвать случайным. Напротив, неординарное умение, необходимое для изготовления подобных монолитов (в то время как такой же великолепный визуальный эффект мог быть достигнут путем укрепления с помощью цемента друг на друге "каменных блоков), имело смысл лишь при условии, что древние египтяне хотели придать особое свойство целому куску камня.

Во всяком случае, нечто большее, чем чисто эстетические соображения, должно было стоять за сооружением этих изящных и безукоризненных стел. Я узнал, что они не были вытесаны на месте, а доставлены по реке из гранитных карьеров более чем в 200 километрах к югу.

Нил был широкой и глубокой дорогой. Поэтому можно предположить, что, будучи погруженными на баржи, обелиски с легкостью были спущены по течению. Гораздо труднее понять, каким образом древние египтяне грузили эти массивные каменные иглы на баржи и затем выгружали в месте назначения. Один монолит остался на месте, в карьере, лишь частично отделенный от скального основания, поскольку он треснул до окончания вытесывания. Если бы не это, получился бы обелиск высотой в 137 футов и почти 14 футов толщиной у основания. Очевидно, что, начав высекать его, мастера были уверены в том, что этот чудовищный предмет — весом аж в 1168 тонн — будет перевезен и где-то установлен. И все же трудно даже представить себе, каким образом это могли бы сделать люди, которые (если верить археологам) не пользовались даже простейшими лебедками и воротами. В самом деле, перемещение столь огромного изделия из одного камня на несколько сот футов — не говоря уже о нескольких сотнях километров! — исчерпало бы лимит гениальности современной бригады строительных инженеров, использующих самые изощренные и мощные машины.

Не менее поразительно и то, как эти монолиты, будучи доставленными в Карнак, были подняты на свои пьедесталы с такой безукоризненной точностью. В одном из храмов рельеф изображает, как фараон поднимает обелиск без чьей-либо помощи, используя лишь одну веревку. Обычное дело для правителя — позировать за совершением героических дел, и, быть может, здесь речь идет лишь о символическом представлении реального процесса, в котором сотни рабочих умело тянули за многочисленные веревки. Но я все же не мог отделаться от подозрения, что тут скрыто нечто большее. По мнению опытного египтолога Джона Энтони Веста, фараонов и жрецов заботил принцип «Маат», что часто переводится как «равновесие». Вполне возможно, предположил Джон, что этот принцип был перенесен в практические сферы и «что египтяне понимали и использовали неизвестную нам технику механического уравновешивания». Подобная техника позволяла им «управляться с этими огромными камнями с легкостью и точностью. …То, что нам представляется магией, для них было методом».

Если даже обелиски казались произведениями почти сверхчеловеческого умения, то приходится признать, что пирамиды превосходили их во всех отношениях. Основатель современной египтологии Жан Франсуа Шампольон однажды заметил: «Египтяне античности мыслили как люди ста футов ростом. Мы же, европейцы, просто лилипуты». Когда я впервые вошел в Великую пирамиду Гизы, я точно почувствовал себя лилипутом — приниженным и слегка напуганным не одной только массой и размерами этой горы из камня, но и почти физическим ощущением накопленной тяжести веков.

В предшествовавшие посещения я осматривал пирамиду только снаружи, не желая смешиваться с толпами туристов, вливавшимися внутрь. Однако 27 апреля 1990 года рано утром я сумел с помощью скромной взятки проникнуть в великое сооружение в полном одиночестве, В слабом свете маломощных лампочек, согнувшись почти пополам, чтобы не удариться головой о нависающие камни, я взобрался по восходящему коридору длиной в 120

футов, прошел затем по более просторной стопятидесятисемифутовой Большой галерее и вошел в прямоугольное помещение так называемого Царского покоя со сторонами 34 фута 4 дюйма на 17 футов и 2 дюйма и высотой более 19 футов. Потолок этой комнаты в самом центре пирамиды состоял из девяти монолитных гранитных блоков, каждый из которых весит приблизительно 50 тонн.

Не помню, как долго я находился в покое. Воздух был кислым и теплым, как дыхание какого-то гигантского зверя. Окружавшая меня тишина казалась абсолютной, всеохватывающей и плотной. В какой-то момент, не сознавая, что делаю, я шагнул в самую середину комнаты и издал низкий звук, похожий на «пение» поверженного обелиска в Карнаке. Стены и потолок как бы собрали и усилили этот звук, а затем вернули его мне, так что я чувствовал ответные колебания воздуха ногами, скальпом и кожей. Меня как бы наэлектризовало и возбудило, я ощутил волнение и одновременно спокойствие, словно оказался на пороге страшного, но абсолютно неизбежного открытия.

Меня настолько потрясло это посещение Великой пирамиды, что я посвятил несколько недель изучению ее истории. Так я узнал, что она была построена около 2550 года до н. э. для Хуфу (или Хеорса) — второго фараона четвертой династии и является самым крупным единичным сооружением, воздвигнутым человеком. Археологи сходятся во мнении, что пирамида была построена исключительно в качестве усыпальницы. Это предположение показалось мне совершенно непонятным: в ней не было найдено мумии какого-либо фараона, а лишь бедный и лишенный украшений саркофаг в так называемом Царском покое (саркофаг, кстати сказать, оказался без крышки и совершенно пустым, когда его впервые извлек халиф Аль-Мамун — арабский правитель Египта, который с бригадой землекопов вскрыл пирамиду в XIX веке н. э.).

Дальнейшее исследование показало, что истинное назначение Великой пирамиды является предметом немалых споров. С одной стороны, самые консервативные и прозаичные учения настаивают, что она не больше, чем мавзолей. С другой стороны, апокалиптияеское племя пирамидологов находит всякого рода пророчества и знаки практически в каждом измерении огромного сооружения.

Помешательство этих последних было подытожено, пожалуй, лучше всего одним американским критиком, указавшим, что цифры можно подогнать так, чтобы доказать что угодно: «Если использовать подходящую единицу измерения, то определенно можно найти точный эквивалент расстояния до Тимбукту в числе уличных фонарей на Бонд-стрит, в удельном весе грязи или в среднем весе взрослой золотой рыбки».

И это правда. Тем не менее определенные удивительные факты, к которым настойчиво привлекают внимание пирамидологи, представляются не совсем случайными. Например, факт, что пересекающиеся на Великой пирамиде линии широты и долготы (30 градусов северной широты и 31 градус восточной долготы) проходят наибольшее расстояние по суше. Таким образом пирамида оказывается в самом центре обитаемого мира. Также является фактом то, что при построении обращенного к северу квадранта (четверть круга) с осью в пирамиде такой квадрант полностью накрывает дельту Нила. И наконец, является фактом то, что все пирамиды Гизы построены в точном соответствии со сторонами света — севером, югом, востоком и западом [178]. Чрезвычайно трудно, на мой взгляд, объяснить; каким образом могла быть достигнута подобная топографическая точность задолго до предполагаемой даты изобретения компаса.

Больше же всего Великая пирамида заинтриговала меня своими размерами и замыслом. Занимая поверхность земли в 13,1 акра, центральная каменная кладка сооружения, как я выяснил, состояла не менее чем на 2,3 миллиона блоков известняка, каждый весом в 2,5 тонны. В соответствии с информацией, полученной Геродотом от одного египетского жреца, пирамиду сооружала на протяжении 20 лет армия из 100 тысяч рабочих (трудившихся только в трехмесячный сезон, свободный от сельскохозяйственных работ), а строительная техника

состояла из «коротких деревянных ваг», использовавшихся для поднятия массивных блоков. С тех пор ни один исследователь не смог разгадать, какими именно были эти «ваги» и как они применялись. Приняв во внимание все то время, что потребовалось для расчистки площадки, добычи камня, его подъема и других видов работ, инженер-строитель П. Гард-Хансон из Датского инженерного института подсчитал, что каждый день укладывались 4 тысячи блоков из расчета 6,67 блока в минуту, если работы действительно велись на протяжении 20 лет. «Вообще говоря, — заключает инженер, — я считаю, что для организации армий, необходимых для осуществления всех предполагаемых работ, необходим был объединенный гений Кира, Александра Великого и Юлия Цезаря, да и Наполеона и Веллингтона в придачу».

Затем я узнал, что бригада японских инженеров недавно попыталась соорудить копию Великой пирамиды в 35 футов высотой (гораздо меньше оригинала, имеющего 481 фут 5 дюймов в высоту). Бригада начала с того, что строго ограничилась техникой, использовавшейся, как доказала археология, во времена Четвертой династии. Однако построить копию в таких условиях оказались невозможно, и в конце концов на строительной площадке появились землеройные, камнерезные и подъемные машины. Но все равно дело не шло, и японцам пришлось забросить свой проект [179].

В общем. Великая пирамида со всеми ее многочисленными загадками и тайнами убедила меня в том, что древние египтяне были кем-то гораздо большими, нежели «технически искусными примитивными людьми» (как их часто описывали), и обладали особым научным знанием. Если так оно и было, тогда вполне возможно, что страшная сила ковчега завета была плодом этой науки, знатоком которой несомненно был и Моисей.

Глава 13

СОКРОВИЩА МГЛЫ

Собственное исследование убедило меня в том, что древние египтяне могли обладать передовыми, но тайными научными знаниями, которые Моисей мог применить в конструкции ковчега завета.

Но откуда пришли эти знания? Сам Древний Египет дает, как мне было хорошо известно, простой, хоть и сверхъестественный ответ. Каждая из дошедших до нас и имеющих отношение к делу записей, изученных мною, недвусмысленно указывает, что они были даны человечеству богом Луны Тотом — господином и умножателем времени, небесным писцом и стражем индивидуальных судеб, изобретателем письма и всей мудрости, покровителем колдовства.

Часто изображавшийся на стенах храмов и усыпальниц ибисом или ибисоголовым человеком и реже — бабуином, Тот почитался по всему Египту как истинное лунное божество, отождествляющееся в некоторых проявлениях с самой Луной, гарантированно следующей своим курсом по ночному небу, прибывающей и убывающей, исчезающей и появляющейся вновь именно тогда, когда и должна. Именно в качестве божественной регулирующей силы, отвечающей за все небесные расчеты и комментарии, Тот измерял время, разделяя его на месяцы (первому из которых он даже дал свое имя).

Его могущество простиралось гораздо дальше простого разделения на сезоны. Согласно распространенному и влиятельному мнению клана жрецов священного города Гермополя в Верхнем Египте, Тот был творцом, создавшим мир одним звуком своего голоса, произнеся только одно магическое слово [180].

Воспринимаемый египтянами как божества, понимающее в тайнах «всего, что спрятано под небесным сводом», Тот также считался способным наградить мудростью особо избранных людей. Говорили, что он записал наметки своего тайного знания на 36 535 свитках и спрятал по всей земле, чтобы их искали будущие поколения, но нашли «лишь достойные люди», призванные использовать свои открытия на благо человечества.

Отождествленный позже греками со своим богом Гермесом, Тот на деле стоит в центре огромного множества египетских преданий, восходящих к самому далекому и недоступному прошлому. Ни один ученый, как я узнал, не мог с уверенностью установить возраст бога Луни или хотя бы высказать догадку о том, когда и где возник его культ. На заре египетской цивилизации Тот уже присутствовал в Египте. Больше того, на протяжении трех с лишним тысячелетий династического периода его неизменно почитали за ряд приписывавшихся ему весьма специфических качеств и за его предполагаемый вклад в благосостояние человечества. Так, его считали изобретателем рисунка, иероглифической письменности и всех наук, в частности, архитектуры, арифметики, топографии, геометрии, астрономии, медицины и хирургии. Его также чтили как самого сильного, кудесника, обладавшего полным Знанием и мудростью. Его прославляли как автора великой и ужасной книги магии, которую жрецы Гермополя считали источником своего понимания оккультного. Больше того. Целые главы знаменитой «Книги мертвых» приписывались также Тоту, как и почти все собрание тщательно охраняемой священной литературы. Короче говоря, считалось, что он обладал настоящей монополией на эзотерические знания, и поэтому его называли «загадочным» и «непостижимым».

Древние египтяне были убеждены, что их первыми правителями были боги. Неудивительно поэтому, что Тота называли одним из таких божественных царей. Его царствование на земле — во время которого он передал человечеству свои величайшие и благотворнейшие изобретения — якобы длилось 3226 лет. До него, по поверьям египтян, ими правило другое божество — Осирис, также тесно связанное с Луной (и с числами семь, четырнадцать и двадцать восемь, фиксирующими физические циклы Луны). Хотя Осирис и Тот сильно отличались друг от друга в некоторых своих проявлениях, они были — как я смог установить — похожими или связанными в других проявлениях (в ряде древних текстов их называли братьями). Некоторые папирусы и надписи идут дальше и описывают их как одно и то же существо или, по меньшей мере, как исполнителей одних и тех же функций.

Их чаще всего связывали с небесным залом суда, где на Великих весах взвешивались души умерших. Здесь Осирис — как судья и последний арбитр — предстает вроде бы в качестве старшего из двух богов, в то время как Тот был лишь писцом, записывавшим вердикт. Многие иллюстрации из «Книги мертвых» перевертывают их отношения, как и виньетка с изображением сцены суда, найденная среди фиванских похоронных папирусов времен Нового царства. В последнем документе Осирис изображен пассивно сидящим в стороне, пока Тот определяет, записывает и объявляет вердикт. Иными словами. Тот и Осирис были не только богами Луны и богами мертвых (а возможно, и братьями), но и судьями и законодателями.

Мое исследование продолжалось, и я с интересом отмечал эти совпадения, но поначалу не увидел их значения для собственного поиска ковчега завета. Позже я осознал, что существует связующее звено между двумя божествами и Моисеем и всеми его деяниями. Как и он, они превосходили всех остальных героев цивилизации, даровавших своим последователям блага религии, закона, общественного порядка и процветания.

Тот, следует помнить, создал письмо и науку и принес в мир эти и другие чудеса просвещения, дабы изменить к лучшему судьбу египетского — народа. Точно так же, по всеобщему поверью, Осирис сыграл основную роль в эволюции и развитии египетского общества. Когда началось его правление на земле в качестве божественного монарха, страна пребывала в варварском состоянии, дикости и бескультурье, а египтяне еще были каннибалами. Когда он вознесся на небо, то оставил на земле передовой и опытный народ. Среди прочего он научил свой народ обрабатывать почву, выращивать пшеницу, ячмень и виноград, поклоняться богам, отказавшись от своих прежних диких обычаев. Он также дал им свод законов.

Подобные истории могли быть, разумеется, выдумками. И все же я не мог не задаться допросом: не скрывается ли нечто большее, нежели чистая фантазия и легенда, за преданием о том, что дары Тота и Осириса превратили Египет в великую страну? Не был ли, размышлял я, мудрейший и все знавший бог Луны мифической версией правды, метафорическим портретом реального человека или группы людей, который или которая в самой глубокой древности принес или принесла блага цивилизации и науки в примитивную страну?

ЦИВИЛИЗАТОРЫ

Я мог бы не задумываясь отбросить такое предположение, если бы вскоре не узнал о существовании одной великой загадки, окончательного решения которой так никто и не предложил. Вместо того чтобы пройти путь медленного и мучительного развития, цивилизация Египта возникла как бы сразу и полностью оформленная. В самом деле, по общему мнению, период перехода от примитивного к передовому обществу был так короток, что не имеет исторического объяснения. Технические навыки, развитие которых должно было занять столетия и даже тысячелетия, появились почти мгновенно и как бы не имели прошлого.

Развалины, например, датируемые додинастическим периодом около 3600 года до н. э., не дали и намека на письменность. Затем внезапно и необъяснимо стали появляться иероглифы, знакомые нам по множеству развалин Древнего Египта, уже в своей полной и совершенной форме. Не будучи лишь изображениями предметов или действий, это был сложный и организованный письменный язык со знаками, передававшими только звуки, и подробной системой цифровых символов. Даже самые ранние иероглифы были уже стилизованы и изображались условно, к тому же уже на заре Первой династии широко использовалась скоропись.

Самым поразительным во всем этом не показалось полное отсутствие следов эволюции, от простого к сложному стилю. То же самое можно сказать и о математике, медицине, астрономии и архитектуре, а также об удивительно богатой и сложной религиозно-мифологической египетской системе (даже такие совершенные труды, как «Книга мертвых», существовали в самом начале династического периода).

К сожалению, здесь не места для изложения всех или даже крошечной части сведений, подтверждающих полнейшую внезапность, с которой возникла египетская цивилизация. В качестве резюме я лишь процитирую авторитетное мнение профессора египтологии Лондонского университета Уолтера Эмери:

«Приблизительно в 3400 году до н. э. в Египте происходит великая перемена, и страна стремительно переходит от культуры неолита со сложным племенным характером к хорошо организованной монархии…

Одновременно появилась письменность, монументальная архитектура, искусства и ремесла развиваются до поразительного уровня, и все свидетельствует о существовании роскошной цивилизации. Все это было достигнуто за сравнительно короткий период времени, ибо до того почти не было или было очень мало оснований для подобных основополагающих успехов в письменности и архитектуре».

Напрашивалось одно объяснение: Египет просто получил неожиданную и мощную культурную подпитку от какой-то другой известной цивилизации античного мира, и наиболее вероятным кандидатом на эту роль был Шумер в Южном Двуречье. Больше того, несмотря на множество основополагающих различий, я смог установить, что ряд общих строительных и архитектурных стилей указывает на связь между двумя регионами. Ни одно из этих подобий, однако, не было достаточно сильным для того, чтобы заключить, что эта связь была случайной, что одно общество оказывало прямое влияние на другое. Напротив, профессор Эмери отмечает:

«Впечатление такое, словно речь идет о непрямой связи и, возможно, о существовании третьего участника, влияние которого сказалось как на Евфрате, так и на Ниле… Современные ученые склонны пренебрегать возможностью иммиграции в оба региона из какой-то гипотетической и пока еще не открытой области. Однако существование третьей стороны, культурные достижения которой были переданы отдельно в Египет и в Месопотамию, — наилучшее объяснение общих характеристик и основных различий между двумя цивилизациями».

Такая теория, чувствовал я, проливает свет на тот таинственный факт, что египтяне и шумерский народ Месопотамии поклонялись практически идентичным божествам Луны, одним из самых старых в соответствующих пантеонах. Точно так же, как и Тот, шумерский бог Луны Син отвечал за течение времени («В начале месяца, дабы светить на землю, ты будешь показывать два рога, чтобы отмерить шесть дней. На седьмой день раздели корону надвое. На четырнадцатый день покажи полностью свое лицо» [181]). Подобно Тоту, Син считался всезнающим и мудрейшим. В конце каждого месяца остальные боги шумерского пантеона приходили советоваться с ним, а он принимал за них решения. Я был не одинок в интуитивном понимании, что нечто большее, нежели простая случайность, должно было лежать в основе подобного сходства между Сином и Тотом. Выдающийся египтолог сэр Уоллис Бадж отмечал:

«Между двумя… богами сходство слишком большое, чтобы быть случайным… Неверно было бы говорить, что египтяне заимствовали что-то у шумеров или что шумеры заимствовали что-то у египтян, но можно сказать, что интеллектуалы обоих народов заимствовали свои теологические системы из какого-то общего, очень древнего источника».

Таким образом вопрос ставится так: что же это был за «общий, но очень древний источник», эта «гипотетическая и пока еще не открытая область», эта передовая «третья сторона», на которую ссылались и Бадж, и Эмери? Подставив себя под удар, оба авторитета, к моему глубочайшему сожалению, не осмелились пойти дальше. Эмери все же намекнул на то, где следует искать колыбель египетской цивилизации: «Громадные пространства Среднего Востока, Красного моря и Восточно-Африканского побережья, — довольно скромно заметил он, — остаются не исследованы археологами».

Я убежден, что если Египет действительно получил цивилизацию и науку в дар откуда-то еще, то должна была сохраниться какая-то регистрация такой важнейшей сделки. Обожествление двух великих цивилизаторов — Тота и Осириса служит определенным свидетельством: представляемые в качестве теологии легенды об этих богах звучали в моих ушах как эхо давно забытых событий, имевших место в действительности. Но я чувствовал, что необходимо нечто более ощутимое, нечто ясно и бесспорно свидетельствующее о благотворных контактах с передовым обществом-донором, а также объясняющее, как это общество ухитрилось бесследно исчезнуть.

Я все-таки нашел такое объяснение — знакомая всем история затерянного континента Атлантида, история, в последнее время настолько основательно, развенчанная нелепыми теориями, что стала эдакой формой профессионального самоубийства для любого ученого, проявившего к ней серьезное отношение (не говоря уже о серьезном исследовании). Отделив всю шелуху нового времени, я поразился одному существенному факту: самое раннее из дошедших до нас сообщений об Атлантиде было оставлено греческим философом Платоном, одним из основателей рационального западного мышления, утверждавшим, что все сказанное им об Атлантиде «не фантазия, а истинная история». Свою историю Платон писал в начале IV века до н. э. и указал в качестве источника одного египетского жреца, говорившего о периодическом разрушении цивилизаций потопами и отзывавшегося о греках следующим образом:

«Все вы молоды умом… Вы не владеете знанием, убеленным сединой. Наши же предания самые старые… В наших храмах — мы храним записи обо всех великих и блестящих

достижениях и о заметных событиях, дошедших до наших ушей, случившихся в вашей части мира либо здесь, либо где бы то ни было еще; тогда как у вас и других письменность и другие признаки цивилизации только-только возникают, когда наступает периодический потоп и не спасается никто, кроме неграмотных и некультурных, и тогда приходится начинать все заново — как детям, в полном незнании, что происходило в нашей части мира или в вашей в прежние времена».

За несколько тысячелетий до нашей встречи, рассказывал далее жрец,

«напротив пролива, который вы называете Геркулесовыми столбами, существовал остров больший, чем Ливия и Азия вместе взятые; в те дни путешественники с него могли попасть на другие острова, а с них — на целый противостоящий континент, окружающий то, что можно поистине назвать океаном. На этом острове Атлантида правила могущественная и удивительная династия царей. …По своему богатству она превосходила любую предыдущую династию, как и любую из всех последующих, и у них было все, что только могло понадобиться. Благодаря своему могуществу они ввозили много товаров, но большинство потребностей удовлетворялось самим островом. Там были минеральные запасы, из которых извлекались твердые материалы и металлы, в том числе и металл, от которого сегодня сохранилось только название и который добывался в больших количествах в нескольких местах острова, — оричалк, в те дни более ценный металл, чем золото. Там было большое количество строительного леса, и были всякие домашние и дикие животные, в том числе и множество слонов. Ибо там было много пищи для этих самых крупных и прожорливых зверей, как и для всех созданий, местом обитания которых являются топи, болота, реки, горы и низины. Кроме всего этого, земля давала все ароматические вещества, которые известны сегодня… Там выращивали урожаи… Плодоносили деревья. Все это производилось на священном острове до тех пор, пока он еще оставался под солнцем, в изобилии и удивительного качества».

Но раю не суждено было «оставаться под солнцем» и дальше, так как вскоре — в наказание его обитателям за злодеяния и избыток упоения вещественным — произошли «крайне сильные землетрясения и наводнения, и за один ужасный день и одну ночь остров Атлантида был поглощен морем и исчез».

Мой интерес к этой истории проистекал не из того, что в ней рассказывалось о самой Атлантиде, и не был я уверен в правильности предположения о нахождении острова «напротив Геркулесовых столбов». Моя точка зрения — поддержанная геофизическими изысканиями — состояла в том, что в Атлантическом океане просто не мог существовать такой материк, что те, кто продолжает искать его там, явно идут по ложному следу.

И все же мне кажется — и с этим, хоть и неохотно, соглашаются авторитеты, — что у рассказа Платона было *какое-то,* основание. Он, вне сомнения, внес многие искажения и преувеличения, но тем не менее писал о чем-то действительно случившемся где-то в мире и давным-давно. Больше того — и это имеет величайшее значение для меня, — он дал ясно понять, что память о том событии хранится египетскими жрецами и зафиксирована в их «писаниях».

Я рассуждал так: если такое же воспоминание сохранилось в Месопотамии, тогда возможность простого совпадения весьма невелика. Гораздо вероятнее, что один и тот же катаклизм — где бы он ни произошел — стал основой преданий в обоих регионах. Соответственно, я вновь просмотрел легенды, в которых обнаружил сходство между Тотом и шумерским богом Луны Сином. Вычитанное совсем не удивило меня: подобно своим египетским современникам, шумеры не только поклонялись мудрому лунному божеству, но и сохранили записи о древнем потопе, уничтожившем великое, могущественное и процветающее общество.

По мере продвижения моего исследования Атлантида начала символизировать для меня «гипотетический и еще неоткрытый район», откуда пришли удивительные цивилизации Египта и Шумера. Как уже отмечалось, я не верил, что такой район мог находиться в Атлантическом океане или вблизи от него. Я даже всей душой соглашался с мнением профессора Эмери о том, что такой район должен был находиться на примерно равном удалении от дельты Нила и Нижнего Евфрата — быть может, на каком-то исчезнувшем архипелаге, похожем на современные Мальдивы (который, считают ученые, был полностью затоплен в течение пятидесяти лет в результате подъема уровня моря в связи с глобальным потеплением), или на обширных не раскопанных берегах Африканского рога, либо в каком-то подверженном наводнениям районе Индостана, вроде современной Бангладеш. Подобные тропические районы казались еще более вероятными, когда я припомнил упоминание Платоном слонов в его «Атлантиде», а ведь они жили на протяжении многих тысячелетий только в Африке, Индии и Юго-Восточной Азии.

Чем больше я размышлял над этими фактами, тем больше они заслуживали дальнейшего исследования. В качестве плана своих усилий я записал в блокноте следующие догадки и гипотезы:

«Предположим, что где-то в бассейне Индийского океана в начале или середине четвертого тысячелетия до н. э. наводнением было уничтожено технически развитое общество. Предположим, что это было общество мореплавателей. Предположим, что после этого потопа кое-кто уцелел. И предположим, что они приплыли на своих судах в Египет и Месопотамию, сошли там на берег и принялись цивилизовать встретивших их первобытных людей».

И самое важное: предположим, что в Египте жрецы сохраняли и передавали из поколения в поколение священные знания, ремесла и технологию поселенцев, к которым Моисей приобщался с детства. В Египте этот обычай ассоциировался с самого начала с поклонением богу Луны Тоту (а в Месопотамии — Сину). Возможно потому, что сами поселенцы чтили Луну или умышленно и хладнокровно поощряли обожествление бросающегося в глаза и знакомого, но одновременно пугающего и призрачного небесного тела. В конце концов, их цель состояла в том, чтобы сформировать и направлять мышление простых и диких людей, среди которых они оказались, и создать устойчивый культ, способный пережить тысячелетия, в качестве носителя их довольно хрупкого и легко забываемого знания. В подобных обстоятельствах нетрудно понять, почему они выбрали светящегося и жутковатого лунного бога, а не более абстрактное и изощренное, но менее видимое и не столь телесное божество.

Как бы там ни было, как только культ Тота утвердился в Египте и его жрецы выучили и возвели в закон свои научные и технические «профессиональные приемы», переданные переселенцами, начался — логично предположить — бесконечный процесс: недавно обретенные ценные знания нужно было оградить таинствами, защитить от чужаков всякого рода ритуальными запретами и затем передавать от одного посвященного к другому в конфиденциальной, секретной форме. Эти знания определенно давали их обладателям беспрецедентную власть над физическим миром, по крайней мере по зачаточным нормам туземной культуры, преобладавшей в Египте до появления поселенцев, и выражались таким образом, что казались поразительными для непосвященных (в том числе и в возведении колоссальных, внушающих благоговение сооружений). Поэтому легко понять, как вера в «изобретение» ботом Луны науки и магии укоренилась во всем населении и почему именно жрецов этого божества считали мастерами колдовства.

СПАСШИЕСЯ ИЗ ВОДЫ

По мере продвижения поиска я нашел ряд доказательств, вроде бы основательно подкреплявших главные из перечисленных выше гипотез, а именно: конфиденциальная передача в устной форме знания и просвещения осуществлялась и сохранялась в рамках

культа Тота — традиция, которая уходит корнями в самое далекое прошлое и начало которой доложили просвещенные иммигранты, пережившие потоп. В этом отношении весьма примечательна та навязчивая тема, следы которой я проследил почти во всей духовной литературе и которая постоянно связывает мудрость и другие качества героя-цивилизатора с людьми, «спасшимися из воды».

Во-первых, я обнаружил, что Тоту, которого египтяне считали источником всех знаний и науки, приписывали наказание человечества за его греховность потопом [182]. В этом эпизоде, приведенном в Главе CLXXV «Книги мертвых», он действовал заодно со своим двойником Осирисом. Позже оба божества правили на земле, после того как человечество вновь стало процветать. Еще больше я разволновался, вникнув в историю Осириса и узнав, что он «спасся из воды».

Наиболее полное изложение оригинальной египетской легенды было оставлено Плутархом, утверждавшим, что после улучшения условий жизни своих подданных, обучения их всевозможным ремеслам и вооружения их первым сводом законов Осирис покинул Египет и отправился в путешествие по свету, дабы принести блага цивилизации в другие страны. Он никогда не навязывал варварам свои законы, предпочитая спорить с ними и взывать к их разуму. Также было зафиксировано, что свое учение он передавал туземцам с помощью псалмов и песен под аккомпанемент музыкальных инструментов.

Пока он отсутствовал, семьдесят два его придворных во главе с его зятем Сетом организовали против него заговор. Когда Осирис вернулся, Заговорщики пригласили его на пиршество, на котором предложили в качестве приза великолепный Сундук из дерева и золота любому гостю, которому он точно подойдет по размерам. Осирис и не подозревал, что сундук был изготовлен в точном соответствии с его размерами. Поэтому все гости, пытавшиеся влезть в него, не смогли сделать этого. Бог-царь дождался своей очереди и удобно разместился в сундуке. Не успел он выскочить из него, как заговорщики забили гвоздями крышку сундука и даже залили все щели расплавленным свинцом, чтобы у Осириса не было воздуха для дыхания. Затем сундук бросили в Нил, по которому он плыл некоторое время, пока не застрял в камышовых болотах в восточной части дельты. [183]

Тут-то и вмешалась жена Осириса Исида. Используя свои величайшие чары и помощь бога Луны Тота, она отправилась на поиски сундука, нашла его и спрятала в потаенном месте. Ее брат-злодей Сет, охотившийся в болотах, обнаружил местоположение кофра, открыл его и в слепой ярости разрезал царское тело на четырнадцать кусков, которые затем разбросал по всей стране.

Исида вновь отправилась «спасать» своего супруга. Она соорудила небольшую лодку из папируса, осмолила ее битумом и поплыла по Нилу в поисках его останков. Собрав их, она снова призвала на помощь Тота, который помог ей использовать сильные заклинания для соединения расчлененного тела в прежнем виде. Затем, будучи уже целым, Осирис подвергся процессу воскресения и превратился в бога мертвых и царя подземного мира, откуда — как говорит легенда — он изредка возвращался на землю в образе смертного человека.

Наибольший интерес у меня вызвали три детали этой истории. Во-первых, тот факт, что во время своего царствования на земле Осирис был цивилизатором и законодателем; во-вторых, его поместили в деревянный сундук и бросили в Нил; в-третьих, Исида отправилась спасать его в просмоленной папирусной лодке. Параллели с биографией Моисея не могли быть более очевидными: он тоже стал великим цивилизатором и законодателем, его тоже оставили на волю Нила, он тоже плыл в просмоленном судне из папируса, и его тоже спасла египетская принцесса. В самом деле, как указал историк Иосиф, само имя «Моисей» означает «спасенный из воды», ибо египтяне называли воду *«моу»,* а спасенных — «эсес». Другой классический комментатор Филон подтверждает это такой этимологией: «Поскольку его взяли с воды, Принцесса дала ему производное от нее имя и назвала Моисеем, поскольку «моу» на египетском означает «вода».

Я задался вопросом: нет ли других примеров — в Египте и, возможно, в Месопотамии — героев-цивилизаторов, в свое время спасенных из воды? Поиск в древних источниках и легендах показал, что таких примеров масса. Например, сын Исиды и Осириса Гор был убит титанами и брошен в Нил. Исида выудила его и оживила своим колдовством. Затем он научился у нее «искусству физики и прорицанию и использовал их во благо человечества». В Месопотамии же Саргон Великий, правление которого принесло несравненное богатство, великолепие и стабильность Шумеру и соседним территориям в конце третьего тысячелетия до н. э., утверждал вполне определенно, что был спасен из воды: «Моя мать была жрицей. Я не знал своего отца. Моя мать-жрица зачала меня и родила втайне. Она положила меня в камышовую корзинку и заклеила крышку смолой. Корзинку она пустила по течению реки, которое принесло меня к Акки, отвечавшему за возлияния. Акки отнесся ко мне с добротой и извлек меня из реки».

Я также обнаружил, что и в Ветхом Завете неизменно присутствует тема спасения из воды. Пророк Иона был брошен в бушующее море, проглочен живьем гигантской рыбой и три дня спустя «извергнут на сушу», дабы проповедовать слово Господне горожанам Ниневии и отвратить их «от злого пути своего» [184].

Еще известнее гораздо более древняя история Ноя, который вместе с семьей и с «от всякой плоти по паре» [185] выплыл из потопа на замечательном спасательном судне, известном нам под названием «ковчег» («Сделай себе ковчег из дерева гофер… и осмоли его смолою внутри и снаружи» [186]). Когда отступили воды потопа, три сына Ноя — Сим, Хам и Иафет услышали повеление Бога: «плодитесь и размножайтесь» — и принялись заново заселять мир [187].

Но гораздо более известной и влиятельной библейской личностью, «спасенной из воды», был, конечно, сам Иисус Христос — единственный, помимо Моисея, описанный в Священном писании как «сильный в деле и слове» [188] (фраза, как я уже знал, означавшая умение произносить магические слова). Эпизод с ним не был истинным спасением, а скорее носил символический характер и принял форму таинственного ритуала крещения в водах реки Иордан. Это, объяснял Иисус, было совершенно необходимо для *спасения:* «Если кто не родится от воды… не может войти в Царствие Божие» [189].

«Я было в те дни, пришел Иисус из Назарета Галлилейского и крестился от Иоанна в Иордане. И когда выходил из воды, тотчас увидел Иоанн разверзающиеся небеса и Духа, как голубя, сходящего на Него. И глас был с небес: Ты Сын Мои возлюбленный, в Котором Мое благоволение» [190].

Рассмотрев все собранные данные, я сделал следующую запись в своем блокноте:

«Тема цивилизатора, отца-основателя, великого пророка, законодателя или Мессии, тем или иным образом «спасшегося из воды», повторяется в Священном писании и в мифологии Египта и Среднего Востока столь часто и с таким постоянством, что это не может быть чистой случайностью. Я не хочу сказать, что все связанные с ней люди были единственными уцелевшими из той «гипотетической и еще неоткрытой области», технически развитое общество которого могло быть колыбелью цивилизаций и Месопотамии, и Египта. Дело в том, что только Ной, Осирис и, возможно, Гор принадлежали к достаточно далекой доисторической эпохе, чтобы считать их цивилизаторами. Саргон, Моисей, Иона и Иисус (вместе со многими другими личностями в разных местах и в разные эпохи) также были спасены из воды — буквально или символически. Поэтому мне представляется, что этот повторяющийся эпизод описывает посвящение указанных лиц в тайную мудрость, устная передача которой началась давным-давно уцелевшими в потопе для сохранения жизненно важного знания и умения, которые иначе могли быть быстро забыты».

Доискиваясь до происхождения мифов и легенд, я нашел в Египте довольно убедительное свидетельство, подкрепляющее «теорию спасенных из воды». Я знал, что это

доказательство — полностью оснащенные океанские суда, захороненные рядом практически со всеми крупными усыпальницами фараонов и придворных и рядом со всеми пирамидами, — до сих пор воспринималось археологами в соответствии с древним изречением: «Если не понимаешь какого-нибудь обычая, тогда самое надежное — приписать его религии». Однако до меня постепенно дошло, что захоронение судов вполне могло быть вызвано чем-то иным, нежели простым желанием поместить рядом с могилой «физическое воплощение символического корабля, призванного доставить душу умершего царя к ее конечному пункту назначения на небесах».

Первым был обнаружен корабль из древесины кедра, разобранный и погребенный у южного края Великой пирамиды в Гизе и выставленный ныне в собранном виде в специальном музее на том же месте. Прекрасно сохранившиеся и через 4,5 тысячелетия после постройки, это гигантское судно имеет более 142 футов в длину и водоизмещение около 40 тонн. Его конструкция вызывает особый интерес, ибо обладает (по просвещенному мнению Тура Хейердала) «всеми характерными свойствами морского корабля, с носом и кормой, задранными вверх выше, чем на ладьях викингов, позволяющими преодолевать буруны и плавать по открытому морю, а не довольствоваться легкой рябью на поверхности Нила» [191]. Другой специалист считает, что тщательно выверенная и весьма разумная конструкция этого странного судна из пирамиды делала его «более пригодным для морского плавания, чем любой из кораблей Колумба». В самом деле, на нем, возможно, нетрудно было бы совершить и кругосветное плавание!

Поскольку древние египтяне славились своим искусством в создании уменьшенных моделей всякого рода вещей для символических целей, мне показалось неправдоподобным, что они затратили бы столько усилий на постройку и последующее захоронение столь сложного судна, если бы единственное его назначение состояло в доставке души царя на небо. Эта цель могла быть достигнута не менее эффективно с помощью гораздо меньшего судна. Кроме того, я узнал, что недавно в Гизе был обнаружен еще один большой корабль также с южной стороны пирамиды, все еще остающийся в своей яме, и найдены еще три (ныне пустые) ямы, высеченные в скале с восточной стороны. Один довольно консервативный египтолог признал: «Трудно понять, зачем понадобилось столько ям для кораблей». Но, как и можно бьюо предсказать, он скатился обратно на запасную позицию всех озадаченных ученых и заявил: „Ясно, что их присутствие необходимо для некой религиозной цели, связанной с загробной жизнью царя“».

Но именно это и было совершенно не очевидно для меня, особенно, если иметь в виду, что, как отмечено в предыдущей главе, не было найдено и намека на то, что в Великой пирамиде когда-либо был похоронен фараон. Больше того, самые древние похоронные корабли, обнаруженные в Египте, датируются тем таинственным периодом перед самым началом Первой династии, когда цивилизация и техника в долине Нила претерпели внезапную и необъяснимую метаморфозу. Поэтому мне трудно было удержаться от заключения, что любопытный обычай захоронения лодок, скорее всего, был связан с твердо установившимся обычаем «спасения из воды», нежели с чисто религиозной символикой. Прочные океанские суда, рассуждал я, должны были иметь огромное значение для группы иноземцев, которые выжили во время потопа и обосновались в Египте, приплыв с места катастрофы. Быть может, они или те, кто пришел по их стопам, верили, что захороненные корабли могут однажды потребоваться не для увеселительных прогулок перевоплощенных душ по небу, а для спасения живых от нового страшного потопа.

БОГАТСТВА, СПРЯТАННЫЕ В ПОТАЕННЫХ МЕСТАХ

Поистине великие достижения Древнего Египта — относятся к раннему периоду, пик которого приходится на Третью-Пятую династии, приблизительно с 2900 до 2300 года до н. э. С тех пор, хотья и постепенно, и с рядом заметных возрождении, все приходило в упадок. Такой сценарий, признанный всеми учеными, полностью соответствовал, на мой взгляд,

теории о приходе цивилизации в долину Нила в четвертом тысячелетии до н. э. из какой-то технически развитой, но до сих пор неопознанной страны. В конце концов нельзя ожидать, что ввезенная культура получит свое наивысшее выражение с самого момента прибытия, поселенцев. Несомненно, должен был произойти великий скачок вперед в тот момент, но весь потенциал не мог быть реализован до тех пор, пока туземное население не обучилось новой технике.

И именно так, похоже, все и случилось в Египте. Перед самым началом Пятой династии (около 3400 г. до н. э.) вдруг возникли письменность, арифметика, медицина, астрономия и сложная религия, причем без каких-либо местных свидетельств о предшествовавшей эволюции в этих областях. Одновременно строились весьма сложные памятники и гробницы, воплотившие передовые архитектурные концепции, — опять же без намека на предшествовавшую эволюцию. При Первой и Второй династиях (скажем, начиная с 3300 г. до н. э.) были построены еще более сложные памятники, воплотившие возросшую веру в силу знаний и ремесел, завезенных в Египет. И эта тяга ко все большей красоте и совершенству нашла, как считают современные ученые, свое максимальное выражение в удивительных каменных сооружениях погребального комплекса царя Джосера — первого фараона Третьей династии.

В этом комплексе (который я посетил несколько раз в 1989–1990 гг.) доминирует башня шестиярусной пирамиды высотой в 197 футов, расположенная в Саккаре к югу от Каира. Весь комплекс занимает прямоугольную площадку почти в 2000 футов длиной 1000 футов шириной, первоначально окруженную одной массивной каменной стеной, крупные секции которой сохранились до наших дней. Он включает длинную колоннаду из сорока высоких колонн, изящный внутренний двор и многочисленные гробницы, храмы и надворные постройки колоссальных размеров, но отличающиеся чистотой и изысканностью линий.

Я установил, что, по египетским преданиям, гениальным автором замысла планировки всего комплекса Джосера был Имхотеп Строитель, носивший также титулы: Мудрец, Волшебник, Архитектор, Главный жрец, Астроном и Врач [192]. Меня заинтересовала эта легендарная фигура, поскольку последующие поколения всячески восхваляли его научные и магические достижения. И в самом деле, подобно Осирису, он достиг таких высот в указанных областях, что со временем его обожествили. Имеющий на своем счету такие уникальные и впечатляющие инженерные сооружения, как пирамида Джосера, Ихотеп казался мне явным приверженцем культа Тота: монументы в Саккаре вроде бы красноречиво подтверждают, что он усвоил и затем блестяще воплотил на практике свойственное этому культу техническое мастерство.

Позже меня сильно взволновало открытие, что Имхотепа часто характеризовали в надписях как «образ и подобие Тота», а также как «преемника Тота» после восхождения божества на небо. Затем я узнал нечто еще более важное: в древности Моисея также часто сравнивали с Тотом (в самом деле, во II веке до н. э. иудеогреческий философ Артапан посвятил отдельный труд подобным сравнениям, приписав пророку целый ряд замечательных и чисто «научных» изобретений).

Тот факт, что исторические лица, столь далеко разведенные во времени, как Моисей и Имхотеп, были явно связаны между собой через культ бога Луны, представляется мне основательным косвенным доказательством не только существования тайной передачи знаний из поколения в поколение, но и живучести этой традиции… Соответственно я начал задаваться вопросом: существовали ли и другие маги и волхвы вроде Имхотепа, которым приписывались бы замыслы особенно сложных и прогрессивных сооружений?

К сожалению, не сохранилось никаких сведений об архитекторе, построившем Великую пирамиду в Гизе. Это удивительное сооружение определенно стало венцом великолепной Четвертой династии, во времена которой египетская цивилизация достигла своего зенита. Авторитетный ученый Вест отмечал:

«Фараоны уже не строили в подобных масштабах и с такой безупречностью. Этот уровень совершенства был перенесен почти во все отрасли искусства и ремесла. При Четвертой династии изготавливались самая элегантная мебель, тончайшее полотно, самая изящная и совершенная скульптура… Некоторые ремесла вроде инкрустации достигли уровня, граничащего со сверхъестественным. Более поздние династии могли производить лишь посредственные копии, и в конце концов эти знания были полностью утрачены».

Я не мог не согласиться с большинством вышеприведенных высказываний. Однако мне кажется, что весьма специфические технические умения, необходимые для возведения великолепных и внушительных монументов, сохранялись еще долгое время, пока не были «полностью утрачены». Хотя они не получили практической реализации, нет сомнений в том, что эти ремесла выжили каким-то образом на протяжении многих столетий культурного застоя, наступившего после Четвертой династии, и вновь проявили себя в замечательном возрождении во времена Восемнадцатой и Девятнадцатой династий (1580–1200 гг. до н. э.).

Венцом этого более позднего периода, внушавшим мне благоговение каждый раз, когда я его видел, стал прекрасный обелиск царицы Хатшепсут в Карнаке. Поблизости от него, на западном берегу Нила, та же царица построила внушительный погребальный храм, который позже рассматривался как один из величайших архитектурных шедевров мира.

Я узнал, что давно почившего архитектора, соорудившего оба памятника, звали Сенмут. Любопытно, что составленная им самим надпись на стене его усыпальницы оставляет мало сомнений в том, что свои особые знания и умения он обрел после того, как был посвящен в таинства древней мудрости. «Вникнув во все писания божественных пророков, — похвалялся он, — я узнал все, что случилось с начала времен».

«Предположим, — записал я в своем блокноте, — что Моисей (живший всего через 200 лет после Сенмута) также был посвящен в ту же тайную премудрость, уходившую корнями за горизонт истории через Имхотепа к царям-богам Тоту и Осирису и протянувшуюся в будущее до других великих ученых и цивилизаторов вроде Иисуса Христа. Если в этой гипотезе есть что-то, тогда не может ли быть так, что некоторые из поистине удивительных мыслителей более недавнего времени также были наследниками «оккультного» знания, вдохновлявшего строителей пирамид и обелисков и давшего Моисею возможность совершать свои чудеса?»

В поисках ответа на этот вопрос я вновь обратился прежде всего к рыцарям ордена тамплиеров, которые в 1119 году н. э. завладели первоначальным местом храма Соломона в Иерусалиме и, как я считаю, узнали в Священном городе нечто, что впоследствии заставило их искать ковчег завета в Эфиопии. Как рассказано в главе 5, собственное исследование верований и поведения этой необычной группы воинствующих монахов убедило меня в том, что они проникли в очень древнее и мудрое предание и что обретенные ими таким образом знания были использованы в строительстве церквей и замков, которые в архитектурном плане далеко опережали другие стройки XII и XIII веков.

Не возможно ли, спрашивал я себя, что премудрость, в которую оказались посвящены тамплиеры, была той самой, которой владели Моисей, Сенмут и Имхотеп? Если это так, то не возможно ли также, что поиск рыцарями ковчега был связан с этими знаниями? Я знал, что скорее всего будет невозможно привести доказательства подобных эзотерических догадок. Но меня все же взволновало открытие ряда древнееврейских преданий, утверждавших, что ковчег содержал «корень всех знаний». К тому же, как припомнит читатель, золотая крышка священной реликвии была украшена фигурами двух херувимов. Было ли чистым совпадением то, что в иудейских источниках *«знание»* является отличительной чертой херувима»?

Это были далеко не единственные волнующие намеки, подсказывавшие мне, что поиск ковчега может также означать поиск мудрости. Не менее знаменательно и то, что в начале XIV века, когда тамплиеров преследовали, пытали и осуждали, многие из них признались в поклонении таинственному бородатому человеку, имя которого было Бафомат. Ряд

специалистов указывали на близкие отношения рыцарей с исламскими мистиками и отождествляли Бафомата с Магометом, беспечно пренебрегая тем фактом, что ислам вряд ли мог вдохновить на подобное поведение (поскольку мусульмане, как мне было уже известно, считали своего пророка человеком, а не божеством, и с отвращением относились к любому идолопоклонству). Гораздо более убедительное объяснение дал доктор Хью, Шонфилд, специализировавшийся на раннем христианстве и расшифровавший секретный код, использовавшийся в ряде «Свитков Мертвого моря», код, который тамплиеры могли с легкостью узнать во время своего долгого пребывания на Святой земле. Доктор Шофилд показал, что если имя Бафомет было записано в этом ключе и затем, транслитерировано, в результате было получено греческое слово «София» [193], означавшее не больше и не меньше как «Мудрость».

Из такого анализа вытекает, что, поклоняясь Бафомету, тамплиеры в действительности чтили принцип мудрости. И именно этим занимались древние египтяне, поклоняясь Тоту как «олицетворению ума Бога», как «автору каждого труда в каждой области знания, как человеческого, так и божественного», и как «изобретателю астрономии и астрологии, геометрии и топографии, медицины и ботаники». Это вдохновило меня на новые поиски.

Довольно быстро выяснилось, что франкмасоны также питали особое уважение к Тоту. В самом деле, согласно одному старому масонскому преданию, Тот «сыграл важную роль в сохранении знаний о ремесле каменщиков и передачи их человечеству после потопа» [194]. Дэвид Стивенсон, автор фундаментального академического исследования истоков франкмасонства, даже утверждал, что в первое время масоны считали Тота своим покровителем. Мне было уже известно (см. главу 7), что между тамплиерами и франкмасонами существовали тесные связи, причем последние почти определенно были преемниками первых. Теперь я понимал: то, о чем я уже привыкал думать как о «следе Тота», относило эти связи к древнему и живучему контексту традиции мудрости, восходящей ко временам фараонов. Поэтому я спрашивал себя: были ли помимо тамплиеров и масонов другие группы или лица, дела и мысли которых казались необычно передовыми и кто еще мог быть посвящен в ту же изустную передачу мудрости?

Таких, обнаружил я, было множество. Например, астроном эпохи Возрождения Коперник, чья теория гелиоцентрической Вселенной перевернула самодовольство средневековой веры в то, что земля является центром вселен-лой, открыто заявил, что пришел к своему революционному озарению, изучая секретные писания древних египтян, включая тайные труды самого Тота. Точно так же математик XVII века Кеплер (среди прочего написавший фантастический рассказ о путешествии на Луну) признавал, что при формулировании своих законов движения планет он лишь «крал золотые сосуды египтян».

В том же духе сэр Исаак Ньютон высказал мнение, что «египтяне скрыли тайны, недоступные пониманию обычного стада, за завесой религиозных обрядов и иероглифических символов». Среди этих тайн, считал он, было и знание о том, что Земля вращается вокруг Солнца, а не наоборот: еще очень древние знали, что планеты вращаются вокруг Солнца, что Земля, как одна из планет, совершает ежегодный путь вокруг Солнца и в то же время ежедневно обращается вокруг своей оси и что солнце пребывает в покое».

Большой интеллект и ученость позволили Ньютону заложить основы физики как современной науки. Его конкретные достижения включали открытия мирового значения в механизме, оптике, астрономии и математике (формула бинома, дифференциальное и интегральное исчисления), заметные шаги вперед в понимании природы света и — сверх всего — формулирование закона всемирного тяготения, перевернувшего представление человечества о космосе.

Гораздо меньше известно о великом английском ученом то, что он провел значительную часть своей взрослой жизни за углубленным изучением герметической и алхимической литературы (более одной десятой его личной библиотеки занимали алхимические трактаты).

Больше того, он был одержим — буквально одержим — идеей, что на страницах Священного писания скрыта тайная мудрость. Особенно его привлекали, Книга пророка Даниила из Ветхого и Евангелие от Иоанна из Нового Завета, поскольку «пророческие писания написаны символическим и иероглифическим языком и их понимание требует совершенно иного метода толкования».

Дальнейшее изучение трудов Ньютона навело меня на мысль, что следование этому методу объясняет, почему он занялся обременительным исследованием около двадцати различных версий Откровения. Ради этого он выучил иврит и затем так же тщательно изучил Книгу пророка Иезекииля. Я также установил, что он воспользовался информацией, содержащейся в ней, для изнурительной реконструкции плана храма Соломона. Почему? Да потому, что он был убежден, что построенное для хранения ковчега завета великое здание являлось чем-то вроде криптограммы Вселенной. Если бы ему удалось расшифровать эту криптограмму, он, узнал бы мысли Бога.

Составленный Ньютоном план храма сохранился в библиотеке колледжа Бейбсона. Ученый XVII века изложил другие свои «теологические» находки и наблюдения в частных записках, насчитывающих более миллиона слов. В середине XX века эти довольно удивительные рукописи увидели свет и были приобретены на аукционе Джоном Мейнардом Кейнсом. «Ньютон не был первым представителем эры разума, — заявил явно взволнованный экономист, выступая в Королевском обществе, — он был последним из магов, последним из вавилонян и шумеров, последним великим умом, который глядел на мир теми же глазами, что и те, кто начал создавать наше интеллектуальное наследие немного менее десяти тысячелетий назад». Кейнс весьма тщательно изучил рукописи Ньютона и пришел к заключению (весьма важному, на мой взгляд), что Ньютон воспринимал

«всю Вселенную и все, что в ней есть, как головоломку, как тайну, которую можно прочитать, приложив лишь чистую мысль к определенным фактам, к определенным мистическим ключам, которые Бог спрятал в мире, дабы позволить тайному братству что-то вроде философских поисков сокровищ. Он верил, что эти ключи можно найти отчасти в данных неба, отчасти в строении элементов и, отчасти, в определенных трудах и преданиях, передаваемых братьями по неразрывной цепи, уходящей к изначальному загадочному откровению».

И это действительно так! И хотя я знал, что, быть может, никогда не смогу доказать, что упомянутые «братья» были непосредственно связаны с загадочными — преданиями о боге Луны Тоте и с теми учеными и цивилизаторами, что были «спасены из воды», я чувствовал, что по крайней мере имеется достаточно оснований, подтверждающих один интригующий факт. Делая величайшие открытия, Ньютон неоднократно указывал, что использует при этом не только собственную гениальность, но и некое очень старое и секретное хранилище мудрости. Однажды он заявил без обиняков, что, например, изложенный в его «Началах» закон тяготения не нов и был известен и полностью понятен еще в древние времена, а он пришел к нему, расшифровав священную литературу прошлых эпох. В другом случае он описывал Тота как приверженца системы Коперника. Еще раньше он поддержал немецкого физика и алхимика Михеля Майера (1588–1622), утверждавшего, что на протяжении всей истории все истинные адепты науки получали свои знания от египетского бога Луны.

Среди прочих любопытных фактов я обнаружил, что Ньютон был поражен тем, что «среди древних народов существовали общие предания о потопе», и проявил немалый интерес к библейскому утверждению, что Ной был общим предком всего человечества. Больше того, несмотря на свою преданность религиозным убеждениям, Ньютон временами, казалось, воспринимал Христа скорее как особо одаренного *человека* и интерпретатора плана Бога, нежели как сына Бога. Самым же очаровательным мне показалось то, что центральной фигурой в теологии Ньютона и в его концепции ранней науки был не кто иной, как пророк Моисей, которого он воспринимал как посвященного — в тайны Вселенной,

мастера алхимии и свидетеля двойного откровения Бога (выраженного в Его слове и Его делах).

За много веков до нашего просвещенного времени, верил Ньютон, Моисей знал, что материя состоит из атомов и что эти атомы тверды, крепки и неизменны: «тяготение присуще и атомам, и телам, из которых они состоят; тяготение пропорционально количеству материи в каждом теле». Ньютон также рассматривал рассказ о творении в Книге Бытие — приписывавшийся Моисею — как аллегорическое описание алхимического процесса:

«Древний теолог Моисей, описывая и излагая самую удивительную архитектуру этого великого мира, говорил нам, что дух Бога двигался над водами, которые были беспорядочным хаосом, или массой, сотворенной прежде Богом».

Позже, ссылаясь на усилия алхимиков, великий английский ученый добавлял:

«Как мир был сотворен из темного хаоса рождением света и отделением эфирного небосклона и вод от земли, так наша работа родит начало из черного хаоса и его первую материю через разделение элементов и освещение материи».

И последнее, но не менее важное: я считал неслучайным, что любимым местом Ньютона в Библии было то, где делается намек на существование некой формы тайного знания, доступного только посвященным:

«…И отдам тебе хранимые во тьме сокровища и сокрытые богатства, дабы ты познал, что Я Господь, называющий тебя по имени, Бог Израилев» [195].

Я рассуждал так: если Ньютон действительно имел доступ к тем же «сокровищам тьмы» и тем же «сокрытым богатствам», что и Моисей, тогда выходит, что на протяжении по крайней мере тысячелетий постоянно существовала подпольная секция или культ, организованный для передачи особой конфиденциальной мудрости. Это кажется притянутым за уши, но вовсе не невозможным. Напротив, часто от поколения к поколению» передавались знания и умения, как и из одного региона мира в другой без каких-либо конкретных данных, документировавших бы этот процесс. Например, известно, что живший в Константинополе в XII веке математик Рабдас использовал метод извлечения квадратных корней, существовавший только в Древнем Египте за два с лишним тысячелетия до него и не использовавшийся где-либо еще. Как и откуда узнал он этот методы — не так-то легко объяснить. Я также сознавал, что передача секретной информации в сочетании с учением и участием в тайных обрядах и ритуалах происходила на протяжении столетий в рамках различных масонских лож без какого-либо разглашения.

Неблагодарное дело — обрисовывать контуры поистине скрытной секты. Но еще более неблагодарное — разгадывать истинную природу науки и техники, которые охранял и сохранял столь долговечный и замкнутый институт, как культ Тота, особенно если эти наука и техника, как я подозревал, брали истоки в исторически отдаленной и ныне полностью разрушенной культуре. В своем блокноте я записал:

«Было бы ошибкой думать, что наша техника и изобретения двадцатого века могут служить руководством. Напротив, если какое-то передовое общество существовало в архаические времена, то его мудрость, скорее всего, значительно отличалась от чего бы то ни было, с чем мы знакомы, а его машины определенно могли действовать на основе неизвестных нам принципов».

ЧУДОВИЩНОЕ ОРУДИЕ

Размышляя таким образом, я обратил внимание на странные места в книгах Исход и Второзаконие Ветхого Завета, в которых описывались встречи Бога и Моисея на горе Синай. Среди грома и огня, электрических бурь и облаков дыма Яхве якобы изложил еврейскому волхву конструкцию ковчега завета и подарил ему скрижали Закона с десятью заповедями. Затем и сам ковчег был построен мастером Веселеилом, строго следовавшим «божественному» плану, как если бы он знал, что выковывает чудовищное орудие.

Именно таким, на мой взгляд, и был в действительности ковчег — чудовищным орудием, способным высвободить страшную энергию в неконтролируемом и катастрофическом виде, если с ним плохо обращаться или неправильно его использовать, орудием, которое замыслил не Бог, как утверждается в Библии, а, скорее, Моисей.

Будучи волшебником в эпоху, когда колдовство и наука не отличались одно от другой, Моисей, вполне возможно (и, вероятно, более чем возможно), владел техническими знаниями — и, следовательно, умением, — чтобы сконструировать подобный аппарат. Нет никаких доказательств этого, что и естественно. Тем не менее я полагаю, что только люди с педантичным и придирчивым отношением к истории способны настаивать на том, что древняя Мудрость Египта могла и не содержать особых умений или идей технического характера, которыми мог воспользоваться пророк, чтобы наделить ковчег страшной силой, приписываемой ему в Ветхом Завете. Полезно поразмышлять над подобными вопросами, и я предлагаю читателям, заинтересованным в более глубоком проникновении в тайну, следующие гипотезы и предположения как пищу для ума.

МОТИВ И ВОЗМОЖНОСТЬ

Предположим, что Моисей действительно обладал техническими знаниями для создания «чудовищного орудия», способного разрушить городские силы (как в случае с Иерихоном [196]), умерщвлять людей как в случае с «жителями бефсамиса» [197]), насылать раковые опухоли на приближавшихся к нему без должной защиты (как в случае с филистимлянами после битвы при Авен-Езере [198]) и противостоять силе тяжести (как в случае с носильщиками, которых однажды ковчег раз за разом подкидывал в воздух и бросал на землю).

Если Моисей смог сделать такую машину, тогда остается лишь спросить: имел ли он для этого какой-то мотив и возможность?

Я бы предположил, что у него был достаточный мотив. Поскольку он был одним из многих героев-цивилизаторов, «спасенных из воды», — есть основания подозревать, что главной целью его жизни было не основание иудейской религии (хоть он ее и основал), а цивилизация израильтян, которые до Исхода представляли собой не больше чем анархическое племя иностранных кочующих неквалифицированных рабочих, слоняющихся по Египту.

Предположим далее, что пророк решил вдохновить (и тем самым мобилизовать) примитивную и почти неуправляемую группу бродяг, убедив их, что собирается привести их в «землю обетованную» — Ханаан, которую он заманчиво описывал как «землю хорошую и пространную, где течет молоко и мед» [199]. В таком случае он был слишком хитрым вождем и слишком уж проницательным знатоком слабости человеческой, чтобы привести туда совершенно не организованную толпу. Он знал, что израильтяне столкнутся с сильными врагами, когда прибудут туда. Если они хотят победить этих врагов, тогда ему придется сначала воспитать и сформировать их, подчинить своей воле и навязать им определенную дисциплину.

Эти соображения привлекают меня, поскольку они вроде бы дают логическое объяснение чего-то, что иначе имело бы мало смысла, а именно: того факта, что израильтяне якобы провели сорок лет, скитаясь по унылой пустыне Синайского полуострова [200]. В то время существовало по крайней мере два хорошо известных и исхоженных торговых пути, которые обычно позволяли путешественникам пересекать пустыни между Египтом и Ханааном всего за несколько дней [201]. Поэтому мне кажется, что решение Моисея не пойти этими проторенными дорогами (и взвалить на плечи своего народа долгие тяготы) могло быть лишь преднамеренной и просчитанной стратегией: в этом он — видел, должно быть, наилучший способ заставить израильтян войти в форму, необходимую для завоевания земли обетованной [202].

Подобная стратегия, конечно же, имела и свои недостатки — прежде всего задача убедить своих соплеменников держаться, вместе в пустыне и выдержать все трудности и нехватки кочевой жизни. Это была поистине узловая проблема: из библейского описания скитаний по пустыне становится совершенно ясно, каких трудов стоило Моисею сохранить доверие своего народа и заставить его подчиняться себе. Они действительно становились на какое-то время вполне покорными ему, как только он сотворял очередное чудо (их ему приходилось совершать множество); в других случаях, однако, особенно когда люди сталкивались с напастями, они кипели негодованием, горько критиковали его и иногда даже открыто восставали.

Не резонно ли в подобных обстоятельствах предположить, что пророк отдавал себе отчет в необходимости вооружиться некой портативной «чудодейственной машиной», дабы увлечь и произвести впечатление на израильтян, когда бы и где бы ни потребовалось немного «магии»? И разве не был ковчег именно такой портативной чудодейственной машиной, которую Моисей использовал ради обеспечения покорности своего народа в каких бы то ни было тяжелых обстоятельствах?

В Библии нетрудно найти примеры именно такого использования священного предмета. В самом деле, поведение Моисея изменилось после сооружения ковчега. Прежде он отвечал на постоянные требования и жалобы израильтян относительно мелкими проявлениями колдовства — ударял своим жезлом по камню в пустыне и извлекал из него свежую воду [203], извлекал питьевую воду из стоячего пруда [204], поставлял пищу в виде манны и перепелов [205] и т. д., и т. п. Позже же пророк не занимался подобными магическими фокусами. Когда же народ начинал ворчать, восставал против него или осмеливался оспаривать его лидерство в какой-либо форме, он просто включал ковчег — с предсказуемыми ужасными последствиями.

В одном довольно типичном случае Моисей использовал ковчег, чтобы наслать проказу на свою сестру Мариам, так как она оспорила его действия [206]. После того как Мариам исправилась, следы проказы исчезли с ее кожи. Поскольку они появились сразу же после воздействия на нее таинственного облака, которое иногда возникало между двумя херувимами на крышке ковчега, они, скорее всего, не были следствием проказы [207]. Не были ли они вызваны химическим или иным загрязняющим веществом, выпущенным ковчегом?

Мариам была не единственным человеком, который подвергся подобному наказанию, вызвав гнев Моисея. Больше того, другие несогласные, которым не повезло быть членами семьи пророка, несли более серьезные наказания.

Особый интерес вызывает ряд событий, последовавших за одним бунтом, во время которого открыто оспаривался авторитет Моисея и Аарона.

«…Восстали на Моисея, и с ними из сынов Израилевых двести пятьдесят мужей… И собрались против Моисея и Аарона и сказали им: полно вам; все общество, все святы, и среди них Господь! Почему же вы ставите себя выше народа Господня?» [208]

Моисей поначалу был настолько шокирован такой непокорностью, что «пал на лице свое» [209]. Однако он быстро пришел в себя и предложил провести следующий «тест»: дабы узнать, действительно ли двести пятьдесят мятежников были так «святы», как он сам, Моисей предложил им наполнить медные кадильницы курениями и зажечь их перед ковчегом [210]. Если поступить так, сказал Моисей, то «кого изберет Господь, тот и будет свят» [211].

Вызов был принят: «И взял каждый свою кадильницу, и положили в них огня, и всыпали в них курения, и стали при входе в скинию собрания; также и Моисей и Аарон» [212]. Как только все собрались, «явилась слава Господня всему обществу» [213]. Затем Бог якобы дал своим «любимчикам» трехсекундное предупреждение о своем намерении: «И сказал Господь Моисею и Аарону, говоря: отделитесь от общества сего, и Я истреблю их во мгновение» [214]. Тут пророк и первосвященник упали на лица свои… И вышел огонь от Господа (из ковчега. — *Г.Х.*) и пожрал тех двести пятьдесят мужей, которые принесли курения [215].

Позже:

«…сказали сыны Израилевы Моисею: вот, умираем, погибаем, все погибаем! Всякий, приближающийся к скинии Господней, умирает: не придется ли всем нам умереть?» [216]

Они, похоже, усвоили полезный урок. Покоренные мощью ковчега, они уже не устраивали больше никаких существенных мятежей. Напротив, если не считать некоторого негромкого ропота и шепотка, все они вполне покорились Моисею и делали только то, что он повелевал им, все оставшееся им время пребывания в пустыне.

Хватит о мотиве. Моисей явно испытывал потребность в переносной чудодейственной машине наподобие ковчега. Больше того, вооружившись этой машиной — если это действительно была машина, — он, не колеблясь, применял ее.

Одни только мотивы и способности, однако, еще не складываются в связное дело. Возникает следующий вопрос: имел ли Моисей возможность сделать надлежащий проект ковчега и изготовить для него «элемент питания» — некий источник энергии, с помощью которого ковчег приводился в действие?

Ответ — да, имел полную возможность. Для понимания такого утвердительного ответа стоит вспомнить основные события из жизни Моисея в том порядке, в котором они происходили.

1. Он родился в Египте.

2. Его пустили плыть по Нилу в просмоленной корзинке из папируса.

3. Его «спасла из воды» дочь фараона.

4. Он воспитывался в царском доме, где изучил «всю мудрость египтян», и стал мастером колдовства и определенно верховным жрецом [217].

5. В сорок лет [218], согласно Библии, Моисей узнал, что его народ — израильтяне — притесняется египтянами. Поэтому он покинул двор и взялся за изучение истинного положения дел. Он обнаружил, что евреи жили в рабстве, вынужденные день и ночь выполнять тяжелые работы. Придя в ярость от такого жестокого обращения и высокомерия египтян, Моисей вышел из себя, убил надсмотрщика и скрылся из страны [219].

6. В возрасте восьмидесяти лет [220] — то есть сорок лет спустя — Моисей вернулся из эмиграции, чтобы вывести израильтян из плена.

Что происходило в прошедшие сорок лет? Библия не дает ответа на этот вопрос, посвящая описанию всего этого периода лишь одиннадцать стихов [221]. Но в ней дается одно ясное указание: ключевым моментом во всем этой длительном периоде была встреча Моисея с Яхве у неопалимой купины, состоявшаяся у подножия горы Синай, где позже будет построен ковчег завета.

Это случилось задолго до того, как Моисей уговорил свой народ последовать за ним через Красное море. Не означает ли это, что он хорошо изучил страшные пустыни Синайского полуострова? Месторасположение неопалимой купины не оставляет сомнений в том, что по крайней мере часть своего сорокалетнего изгнания он провел в этих отдаленных гористых пустынях. В самом деле, возможно даже, что он провел там большую часть или весь этот период, — этой точки зрения придерживается значительная часть ученых. По мнению опытного египтолога Ахмеда Османа, Моисей мог провести там до четверти века, проживая в поселении на горе Серабит эль-Хадем всего лишь в пятидесяти милях от горы Синай [222].

В июне 1989 года я посетил Серабит эль-Хадем, возвышающуюся на суровом и голом нагорье в центре южной части Синайского полуострова. На плоской вершине горы, совершенно не посещаемой туристами, находятся развалины поселения, в котором якобы жил Моисей. В нем высятся обелиски, алтари и изящные колонны, которые когда-то были частью большого египетского храма. Как верховный жрец древнеегипетской религии Моисей должен был, на мой взгляд, чувствовать себя здесь вполне комфортно. Если же он

действительно бежал от гнева фараона после убийства надсмотрщика, как говорится в Библии, тогда он находился в относительной безопасности в этом глухом месте.

Я решил побольше разузнать о Серабит эль-Хадеме, и после посещения горы провел целое исследование, в ходе которого высветились два примечательных факта.

Во-первых, местоположение виденного мною храма было тщательно исследовано в 1904–1905 годах великим английским археологом сэром Уильямом Флиндерсом Петри, раскопавшим обломки каменных табличек. На них были обнаружены надписи на странном пиктографическом алфавите, принадлежавшем, как оказалось, семитско-ханаанскому языку, родственному древнееврейскому.

Во-вторых, я обнаружил, что поселение на Серабит эль-Хадеме было важным центром добычи и производства меди и бирюзы примерно с 1990 до 1190 год до н. э. Эти временные рамки означают, что нет никакого анахронизма в предположении, что Моисей мог проживать здесь в XIII веке до н. э. — непосредственно перед началом исхода. Доказательства того, что примерно в то же время там использовался родственный еврейскому алфавит, выглядит как новое подтверждение этой точки зрения. Меня же очень заинтересовал тот факт, что Серабит представлял собой что-то вроде промышленного и металлургического комплекса и что во всем этом районе велись горные работы в широком масштабе. Если Моисей действительно жил здесь долгое время, то он не мог не обрести знаний о минералах и рудах южной части Синайского полуострова.

После посещения Серабит эль-Хадема в июне 1989 года я проехал на своем джипе пятьдесят миль по пустыне до горы Синай. В определенном смысле слова «пустыня» нельзя считать правильным названием этого района, ибо, несмотря на большие песчаные пространства, местность состоит в основном из иссушенных горных хребтов красного цвета, на которых почти ничего не растет. Единственные пятна зелени созданы редкими оазисами в долинах, и один из таких оазисов, богатый финиковыми пальмами, расположен у подножия горы Синай. В IV веке н. э. здесь была возведена христианская часовня на предполагаемом месте неопалимой купины. В последующие годы часовня была значительно расширена и к V веку превратилась в солидный монастырь под патронажем коптской церкви Александрии. В VI веке римский император Юстиниан воздвиг вокруг монастыря массивные стены, чтобы он мог выдержать набеги мародерствовавших племен бедуинов. В конце концов в XI веке весь монастырский комплекс был посвящен Святой Катерине. И сегодня он известен как «Святая Катерина», и в нем еще сохранились постройки V и VI веков.

Прежде чем взойти на вершину горы Синай высотой в 7450 футов, я провел некоторое время в древнем монастыре. Главная церковь имела несколько примечательных икон, мозаичных и живописных картин, некоторые из которых насчитывали почти полторы тысячи лет. В садах за каменной оградой рос большой малиновый куст, который монахи считают подлинной неопалимой купиной. Это определенно не так, и я даже был убежден в том, что и притязание горы Синай на титул «горы Синай», упомянутой в Библии, не было окончательно обосновано. Однако монастырские предания, восходящие по крайней мере к IV веку н. э., называли именно этот источник «горой Бога» и почти определенно основывались на надежных источниках информации, ныне утраченных. Больше того, я знал что это подтверждают и предания местных племен: бедуины называли гору Синай просто «Джебель Муса» — «гора Моисея». Ученые также связывают библейскую гору Синай с пиком, носящим это название сегодня, и лишь кое-кто предпочитает ему другие, расположенные вблизи пики (например, Джебель Сербаль [223]).

Должен признаться, что после восхождения на гору Синай в июне 1989 года я уже не сомневался, что это и была та гора, к которой Моисей привел израильтян «на третий месяц» после исхода из Египта. На вершине я задержался, взирая на мили и мили выветрившегося и зубчатого высокогорья, спускавшегося вдали к сухим равнинам. В воздухе висела голубовато-зеленоватая дымка… и тишина, нет, скорее, неподвижность. Потом внезапно подул ветер —

прохладный и сухой на этой высоте, и я увидел, как орел воспарил в восходящем потоке теплого воздуха, заскользил на одной высоте со мной и исчез из вида. Я постоял еще в одиночестве в этом безжалостном и неприветливом месте, и, помню, думал, что Моисей вряд ли мог выбрать более впечатляющее и более подходящее место для получения из руки Бога десяти заповедей.

Но за этим ли пришел еврейский волхв на гору Синай? Мне казалось, что существует и альтернативный сценарий. Не состояло ли изначально его намерение в Изготовлении ковчега завета *и в помещении в него некоего мощного источника энергии, сырье для которого он со знанием дела искал на вершине именно этой горы?*

Это весьма гипотетический тезис, но именно гипотезами мы и занимаемся здесь, и поэтому всегда есть место воображению. Если Моисей знал о существовании на вершине горы Синай некой мощной субстанции, тогда что могла представлять собой эта субстанция?

Одна догадка (изложенная в ином контексте в главе 3) состоит в том, что скрижали, на которых Бог якобы записал десять заповедей, были в действительности двумя кусками метеорита. Будучи отражением камня Грааля Вольфрама (который якобы ангелы спустили с неба), эта интригующая возможность рассматривается всерьез несколькими первоклассными специалистами по Библии, которые указывают на поклонение метеоритным осколкам в ряде древних семитских культур и замечают:

«Сокрытие скрижалей в закрытом контейнере представляется несколько странным… Слова закона, выгравированные на камне, явно предназначались для обнародования… [можно поэтому] предположить, что в ковчеге хранились не две скрижали, а камень-фетиш, метеорит с горы Синай».

Если это предположение верно, тогда остается только гадать, какой именно элемент мог входить в «метеорит с горы Синай». В любом случае логично предположить, что он мог быть радиоактивным или обладал некими химическими свойствами, которые делали его полезным для Моисея, если он намеревался изготовить мощный и долговечный источник энергии и установить его в ковчеге.

Идея, что Моисей мог что-то изготовить на горе Синай, определенно не исключается Священным писанием. Напротив, многие места в относящихся к делу главах Книги Исход достаточно своеобразны и запутанны, чтобы подвести именно к такому толкованию.

Так называемое «богоявление», или явление божества смертному человеку, началось сразу же после того, как израильтяне разбили лагерь у подножия горы, когда «Моисей взошел к Богу [на гору], и воззвал к нему Господь с горы…» [224]

На этой ранней стадии Библия не упоминает дым или огонь либо какой-нибудь еще особый трюк, которые вскоре вступят в игру. Вместо всего этого пророк просто взошел на гору и побеседовал с Яхве наедине, без свидетелей. Примечательно, что в числе первых инструкций, полученных им от божества, была следующая:

«…И проведи для народа черту со всех сторон и скажи: берегитесь восходить на гору и прикасаться к подошве ее; всякий, кто прикоснется к горе, предан будет смерти… пусть побьют его камнями, или застрелят стрелою… да не останется в живых» [225].

Само собой разумеется, что у Моисея были серьезные основания наложить такой строгий и «Богом указанный» запрет, если он действительно планировал изготовить или переработать некое вещество на горе Синай: перспектива быть побитыми камнями или стрелами обязательно удержала бы любопытных от попыток увидеть, чем там занимается Моисей, и тем самым позволила бы ему поддержать иллюзию того, что встречается с Богом.

Как бы там ни было, лишь после того, как он провел на горе три дня, и началась настоящая драма:

«На третий день, при наступлении утра, были громы и молнии, и густое облако над горою [Синайскою], и трубный звук весьма сильный; и вострепетал весь народ, бывший в стане… Гора Синай вся дымилась оттого, что Господь сошел на нее в огне; и восходил от нее дым как дым из печи…» [226]

Поначалу Моисей вроде бы проводил только часть времени в одиночестве на вершине и часто бывал в стане. Однако вскоре Бог сказал ему:

«Взойди ко Мне на гору и будь там; и дам тебе скрижали каменные, и закон, и заповеди, которые Я написал…» [227]

То была лишь прелюдия к ключевому событию на горе Синай — получению Моисеем двух скрижалей, которые он позже вложит в ковчег завета.

Восхождение пророка сопровождалось новыми особыми эффектами:

«И взошел Моисей на гору, и покрыло облако гору, и слава Господня осенила гору Синай; и покрывало ее облако шесть дней, а в седьмой день [Господь] воззвал к Моисею из среды облака. Вид же славы Господней на вершине горы был пред глазами сынов Израилевых, как огонь поядающий. Моисей вступил в средину облака и взошел на гору; и был Моисей на горе сорок дней и сорок ночей» [228].

Стал бы всемогущий Бог тратить сорок дней и сорок ночей на передачу двух скрижалей своему пророку? Едва ли для этого понадобился бы столь долгий период. Если же Моисей вовсе не получал «скрижалей откровения», а изготовлял или доводил до ума некий компактный камнеподобный источник энергии, который собирался поместить в ковчег, тогда ему вполне могло понадобиться все это время для завершения работы.

С этой точки зрения, «огонь поядающий» на вершине горы, который израильтяне истолковали как «славу Господню», был на самом деле адским пламенем, производимым какими-то приспособлениями или химическими процессами, которые пророк использовал для достижения своей цели. Хотя эта гипотеза кажется притянутой за уши, ей все же далеко до необычной информации о скрижалях, содержащейся в Ветхом Завете, в Мишне, в Мидраше, в Талмуде и в наиболее древних еврейских легендах.

КАМЕННЫЕ СКРИЖАЛИ?

Наиболее четкое описание скрижалей приводится в талмудистско-мидрашских источниках, которые сообщают следующие сведения: 1) они были сделаны «из сапфироподобного камня»; 2) они были «не более шести пядей в длину и такие же в ширину», но, тем не менее, были страшно тяжелы; 3) даже будучи твердыми, они были также гибкими; 4) они были прозрачны.

Именно на таких своеобразных камнях были якобы записаны десять заповедей и не кем иным, как самим Яхве, как старательно указывается в Библии.

«И когда [Бог] перестал говорить с Моисеем на горе Синае, дал ему две скрижали откровения, скрижали каменные, на которых написано было перстом Божиим… И обратился и сошел Моисей с горы; в руке его были две скрижали откровения [каменные], на которых написано было с обеих сторон: и на той и на другой стороне написано было; скрижали были дело Божие, и письмена, начертанные на скрижалях, были письмена Божий» [229].

Теологически, следовательно, не пристало сомневаться в святости или значении ноши пророка: надписанные перстом самого Бога две скрижали буквально были фрагментами божественного. С библейской точки зрения, никогда еще смертному человеку не доверялось что-либо более ценное. Можно было подумать, что уж Моисей обязательно позаботится о них. Но он не сделал этого, напротив, в порыве раздражения он разбил эти чистые и совершенные дары.

Почему он сделал такую непонятную вещь? Согласно приведенному в Книге Исход объяснению, это случилось потому, что вероломные израильтяне потеряли надежду на то,

что он когда-либо вернется после проведенных им на горе сорока дней, и изготовили золотого тельца, которому и поклонялись. Прибыв в стан, Моисей застал их «на месте преступления», когда они совершали жертвоприношения, плясали и простирались ниц перед идолом. При виде такго вероотступничества пророк «воспламенился гневом и бросил из рук своих скрижали и разбил их под горою» [230]. Затем он разделался с золотым тельцом, предал смерти около трех тысяч злейших идолопоклонников и восстановил порядок [231].

Но хватит уже об официальной версии того, как и почему были разбиты подлинные скрижали каменные. Но они были жизненно важны, и потому их следовало заменить. Соответственно Бог повелел Моисею вернуться на вершину горы и получить две новых скрижали. Пророк повиновался и «пробыл там [Моисей] у Господа сорок дней и сорок ночей… и написал [Моисей] на скрижалях слова завета, десятословие» [232]. Затем Моисей снова сошел с горы, неся в руках скрижали, как и раньше. Тщательное изучение соответствующих библейских отрывков позволяет обнаружить одно существенное и красноречивое различие между двумя сошествиями его с горы: во втором случае «лицо его стало сиять лучами» [233]; в первом же такое странное явление не упоминается.

Что могло заставить засиять лицо пророка? Библейские книжники, естественно, предположили, что причиной тому была близость его к Богу и объясняли: «лице его стало сиять лучами оттого, что Бог говорил с ним» [234]. Но ведь Моисей уже несколько раз — начиная со встречи у неопалимой купины — близко стоял к Яхве и не испытывал каких-либо последствий. Типичный случай имел место перед его второй сорокадневной экспедицией на Синай. Еще находясь встане израильтян, он имел долгую и близкую встречу с божеством в специально освященной постройке под названием «скиния собрания» [235]. Там «говорил Господь с Моисеем лицем к лицу, как бы говорил кто с другом своим» [236], но нет даже намека на то, что в результате кожа пророка засияла.

Так что же вызвало подобный эффект? Не резонно ли предположить, что это сделали сами скрижали? Косвенное подтверждение можно найти в талмудистских и мидрашских источниках, настаивающих на том, что скрижали были насыщены «божественным сиянием». Когда Бог передавал их Моисею, «Он взял их за верхнюю треть, а Моисей — за нижнюю треть, но одна треть осталась открытой, и таким способом божественное сияние пролилось на лицо Моисея».

Поскольку этого не случилось с первыми скрижалями (которые Моисей разбил), резонно спросить: почему во второй раз все было иначе? Может быть, Моисей обнаружил, что первый комплект скрижалей был технически несовершенным как источник энергии именно потому, что они *не* обожгли его лицо? Тогда стало бы ясно, почему он разбил их. От второго же комплекта он получил ожог. Может быть, это убедило Моисея, что использованный для их изготовления процесс сработал, и он уверился, что они будут исправно служить внутри ковчега.

Мысль о том, что сияние или свечение лица Моисея было вызвано ожогом, конечно же, чисто гипотетическая. Она не находит подтверждения в Библии. Тем не менее она представляется мне вполне резонным выводом — столь же резонным, что и любой другой — из ограниченного числа доступных сведений. Описание сошествия пророка с горы со вторым комплектом скрижалей ограничено всего семью стихами в главе 34 Книги Исход [237]. Но и из них совершенно ясно, что вид его был настолько страшен, когда он явился в стан, что все израильтяне «боялись подойти к нему» [238]. Щадя их чувства, он «положил на лице свое покрывало» [239] и с тех пор постоянно носил его и снимал только, оставшись один в своем шатре [240].

Разве это выглядит как поведение человека, которого коснулось сияние Бога или, скорее, это поведение человека обожженного — и сильно — неким мощным источником энергии?

ЗАВЕТ ЗАБЫТЫХ ИСТИН

Можно бесконечно долго заниматься домыслами относительно истинного характера ковчега завета и его содержимого. Я прошел по этому пути настолько далеко, насколько пожелал. Читателю, который пожелает пойти дальше меня, будет небезынтересно изучить в первую очередь материалы, из которых был изготовлен ковчег. Похоже, было использовано значительное количество золота, а оно не только красиво и благородно, но и химически инертно и исключительной плотности. В частности, крыша реликвии, по мнению ученого раввина Моше Левина (жившего в XII веке н. э.), была в ладонь толщиной. Поскольку ладонь обычно измерялась от кончика большого пальца до вытянутого кончика мизинца, это означает, что ковчег закрывался массивным бруском цельного золота толщиной в девять дюймов. Почему потребовалось столько ценного металла? И случайно ли, что источником этой информации, как и большого числа других сведений о священной реликвии был раввин Шеломо Ицхаки, родившийся и проведший большую часть жизни в городе Труа в самом сердце Шампани во Франции? [241] Этот же город был родным и для Кретьена де Труа, сочинение которого о Граале, написанное семьдесят пять лет спустя после смерти раввина, положило начало жанру, который вскоре продолжит Вольфрам фон Эшенбах. И именно в Труа Святой Бернар Клервоский составил устав ордена тамплиеров. Таким образом множились загадки и «следы».

Любопытным не помешает поразмыслить и над своеобразными одеждами, которыми пользовались первосвященники древнего Израиля, когда они приближались к ковчегу [242]. Считалось, что без таких одежд их жизнь подвергалась опасности [243]. Шла ли речь лишь о суеверии и ритуале? Или защитная одежда была необходима по той причине, что она была связана с природой самого ковчега?

С этим связан и другой момент: необычные покрывала из двух слоев ткани и одного слоя кожи, в которые завертывали ковчег, прежде чем транспортировать его [244] (явно для того, чтобы уберечь от смерти любого, кто мог случайно прикоснуться к нему во время передвижения). Даже когда выполнялись все эти предосторожности, священная реликвия порой убивала своих носильщиков — с помощью «искр» [245]. Но что это были за искры? И должны ли были покрывала — сделанные из непроводящих материалов [246] — служить изоляцией? [247]

Представляет потенциальный интерес и история сыновей Аарона Надава и Авиуда, пораженных ковчегом вскоре после его установки в скинии (я описал вкратце этот эпизод в главе 12: согласно Священному писанию, из ковчега вырвался огонь «и сжег их, и умерли они…» [248]). Удивительно, что Моисей пренебрег обычно долгими еврейскими похоронными обрядами и приказал вынести тела далеко «за стан» [249]. Почему он поступил таким образом? Чего именно он боялся?

Переместившись вперед во времени, подскажу тем, кто желает узнать побольше: не ограничивайтесь изучением текста в Библии, в котором описываются страшные напасти, насланные ковчегом на филистимлян на протяжении семи месяцев, что он находился в их руках после его захвата в битве при Авен-Езере [250]. Я описал эти события в главе 12, но я о многом умолчал из того, что можно было бы сказать.

Много головоломок можно было бы решить при тщательном изучении событий, происходивших после того, как Ковчег был возвращен филистимлянами израильтянам, и до того, как царь Соломон, в конце концов установил его в святая святых своего храма в Иерусалиме. Уверен, что существует объяснение тех чудес и ужасных происшествий, которые ему приписывают в тот период [251], разумное объяснение, связанное с природой аппарата, изготовленного человеком, а не божьим промыслом или неземными силами.

Собственные изыскания привели меня к выводу, что священную реликвию можно понять должны образом, только если рассматривать ее под этим углом — не как хранилище

сверхъестественных сил, а как изделие человека и орудие. Нет сомнений в том, что это орудие сильно отличалось от любого известного нам сегодня, и все же оно было продуктом человеческого гения, изготовленным руками человека для достижения вполне человеческих целей. Но и в таком случае он остается тайной и загадкой для меня. Дар древней и тайной науки наводит на мысль, что он является ключом к загадочной и забытой истории рода человеческого, символом нашей забытой славы и свидетельством утраченных истин о нас самих.

И разве поиск ковчега, или Грааля, не является поиском знания, поиском мудрости, поиском просвещения?

Часть V

ИЗРАИЛЬ И ЕГИПЕТ, 1990 ГОД. ГДЕ ЖЕ СЛАВА?

Глава 14

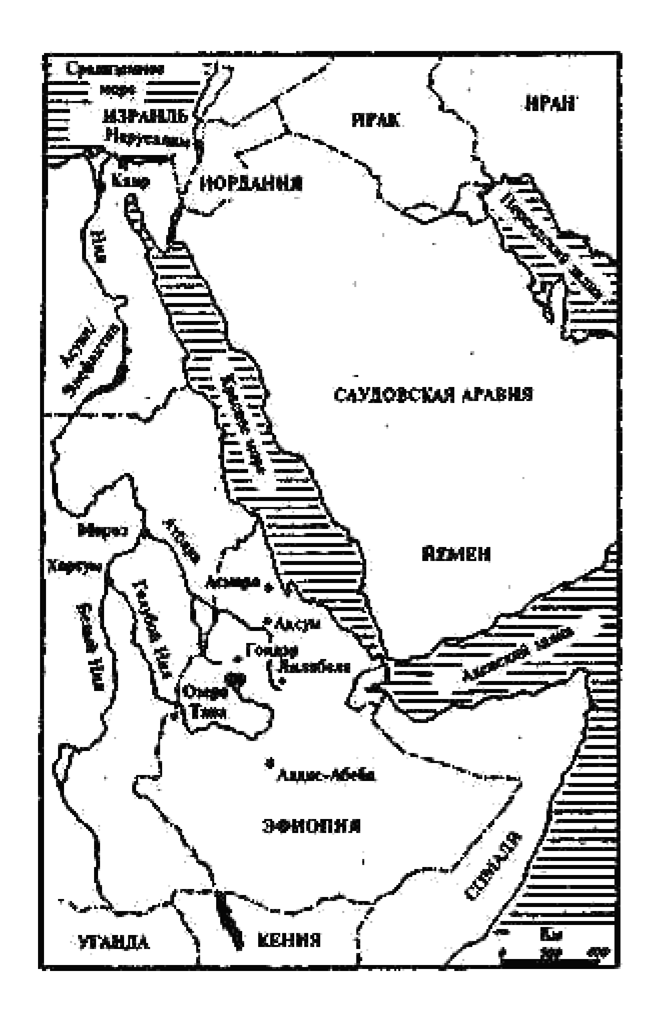
СЛАВА ИЗМЕНИЛА ИЗРАИЛЮ

Вечером 4 октября 1990 года я вступил в древний Иерусалим через Яффские ворота. Перейдя через площадь Омара ибн эль-Хатаба с ее гостеприимными кафе и лотками уличных торговцев, я вступил в запутанный лабиринт узенький улочек, мощеных древними булыжниками.

Несколько лет назад весь этот район наверняка был бы запружен покупателями и туристами, но сейчас он был пустынен. Палестинская «интафада» и недавние угрозы Ирака «выжечь» Израиль ракетами «Скад» разогнали почти всех иностранцев.

Справа от моего маршрута находился армянский квартал, а слева — христианский с храмом Гроба Господня. В этом большом здании расположен придел Обретения креста, который победоносный мусульманский полководец Саладин даровал — по просьбе царя Лалибелы — эфиопской общине Иерусалима после изгнания крестоносцев из города в 1187 году. В последующие годы эфиопы утратили свои права на придел. Однако, как я знал, они сохранили на его крыше крупный монастырь.

Я продолжал шагать в восточном направлении тихими и пустынными улочками, многие из которых были укрыты брезентовыми навесами от яркого и жаркого вечернего солнца, отчего создавалось впечатление, будто находишься в подземном мире. Несколько потерявших всякую надежду торговцев, сидевших в дверях своих лавочек, делали несмелые попытки продать какие-то никому не нужные сувениры и мешки апельсинов, которые мне вовсе не улыбалось тащить на себе.

Я шагал по улице Оков, и справа от меня располагался еврейский район, где сновали в драчливом настроении группы юных хасидов в темных костюмах и неуместных меховых шапках, выказывавших языком своих тел, что они хозяева всего окружающего. Слева располагался мусульманский район, полнившийся несчастьем, крахом всех надежд и мятущимся отчаянием. А впереди, среди хаоса древнего горда, как золотой символ надежды, высился Каменный купол — красивая мечеть, воздвигнутая халифом Омаром и его преемниками в VII веке н. э. и считающаяся третьим по своему значению священным местом в исламском мире [252].

Именно Каменный купол я и приехал посмотреть не столько из-за его значения для мусульман, сколько из-за того, что он был сооружен на месте храма Соломона. Внутри него, как я знал, я увижу большой камень, который ортодоксальные иудеи называли *Шетийя,* или краеугольным камнем мира. В X веке именно на этот камень «во мгле» святилища сам Соломон возложил ковчег завета [253]. Как человек, стремящийся вызвать в памяти образ давно ушедшей возлюбленной, поглаживая какой-либо предмет ее одежды, я надеялся, что, прикоснувшись к *Шетийе,* обрету более глубокое и прочное понимание потерянной реликвии, поисками которой занимался.

В тот октябрьский вечер мои намерения не ограничивались этим. Я знал что в нескольких сотнях метров от купола я смогу посетить другое здание особой важности для моего поиска — мечеть Аль-Акса, которую тамплиеры использовали в XII веке в качестве своей штаб-квартиры. С этой базы, подозревал я, тамплиеры вели собственные изыскания в пещерах под *Шетийей,* где, как подсказывают некоторые легенды, был спрятан ковчег незадолго до разрушения храма Соломона [254].

И все же сначала я посетил мечеть Аль-Акса, скинув туфли и войдя в просторное и прохладное прямоугольное помещение, почитаемое мусульманами как «самое дальнее святилище», в которое ангелы якобы перенесли Магомета во время его знаменитого Ночного путешествия. Существовавшие при жизни пророка (570–632 гг.) молельни исчезли давным-давно, и я столкнулся с мешаниной архитектурных стилей, старейший из которых датируется 1035 годом, а самый недавний — периодом 1938–1942 годов, когда итальянский диктатор Муссолини даровал комплексу целый лес мраморных колонн, а египетский царь Фарук финансировал реставрацию потолка.

Тамплиеры также оставили свой след в великой мечети. Заняв ее в 1119 году и оставаясь в ней до 1187 года, когда их изгнал из Иерусалима Саладин, они среди прочего пристроили к центральному порталу три великолепных пролета. Остальные архитектурные изыски рыцарей впоследствии были разрушены. Сохранилась их трапезная (присоединенная к соседней женской мечети), и просторный подвал, который они использовали под конюшни для своих лошадей (так называемые «Конюшни Соломона»), также в отличном состоянии [255].

Осторожно пробираясь в одних носках среди мусульман, уже собиравшихся на вечернюю молитву, я ощущал странное и легкомыслие и одновременно настороженность. Беспорядочная смесь разных эпох, старое, перемешанное с новым, мраморные колонны Муссолини и исламские мозаики одиннадцатого столетия как бы вступили в заговор, чтобы усложнить мое восприятие. Пронизанные ароматами курений сквозняки гуляли по просторному, зашитому светом помещению, вызывая видения европейских рыцарей, живших так давно и умиравших здесь, назвавших свой странный и скрытый орден по названию храма Соломона, место которого, ныне занятое Каменным куполом, находилось лишь в двух минутах ходьбы отсюда.

Появление храма объяснялось весьма просто. Он был задуман и спланирован не более и не менее как «дом покоя для ковчега завета Господня». Ковчег давно исчез, не стало и храма. Он был полностью разрушен вавилонянами в 587 году до н. э., и через полвека сооружение Соломона сменил второй храм, который, в свою очередь, сровняли с землей римляне в 70-е годы н. э. Площадка не использовалась до нашествия мусульманских армий в 638 году, когда и был построен Каменный купол. На протяжении всех этих превратностей *Шетийя* оставалась на своем месте. Святой пол, на коем покоился когда-то ковчег, — единственный постоянный фактор, который пережил все исторические бури, видел иудеев и вавилонян, римлян, христиан и мусульман, видел, как они приходили и уходили, и выжил до нашего времени.

Покинув мечеть Аль-Акса, надев туфли, я направил стопы к обрамленному деревьями участку Храмовой горы и к Каменному куполу, само название которого отражает хранение в нем *Шетийи.* Огромное, изящное восьммугольное здание, облицованное роскошной голубой плиткой, отличается прежде всего своим массивным золотым куполом, который действительно видно из разных районов Иерусалима. На мой взгляд, в этом высоком и совершенном памятнике не было ничего подавляющего. Напротив, он вызывал сложное чувство легкости и изящества в сочетании со сдержанной, но обнадеживающей силой.

Первое впечатление находило свое подкрепление и дополнение в интерьере, от которого у меня буквально перехватило дыхание. Парящий потолок, колонны и арки, поддерживающие внутренний восьмиугольник, разного рода ниши и альковы, мозаичные картины, надписи — все эти и многие другие элементы сливались в благородной гармонии пропорций и дизайна, красноречиво свидетельствующей о стремлении человечества к божественному и придающей этому стремлению благородство и глубину.

Мой взгляд невольно устремился вверх, как только и вошел, — вверх к куполу, дальние очертания которого терялись в прохладной мгле. Затем, словно притянутый мощным магнитным полем, мой взгляд упал на самый центр мечети, где прямо под куполом лежала огромная рыжевато-коричневая скала, местами плоская, местами с зазубринами.

Это и была *Шетийя.* Приближаясь к ней, я чувствовал, как мое сердце забилось быстрее, чем обычно, и что я дышу с трудом. Нетрудно было понять, почему древние воспринимали, этот огромный валун как краеугольный камень мира и почему Соломон избрал его в качестве главного украшения своего храма. Асимметричный, с грубой поверхностью, он выдавался из скального основания горы Мориа столь же прочный и непоколебимый, как сама земля.

Ограда из резного дерева опоясывала всю центральную часть, но в одном углу ограды был устроен проход, через который мне позволили пройти и коснуться рукой *Шетийи.* Ее текстура от прикосновения бесчисленных поколений паломников была гладкой, почти как стекло, и я стоял, погруженный в размышления, впитывая через поры пальцев неимоверную древность этого странного и удивительного камня. Пусть это была и небольшая победа, но она значила для меня чрезвычайно много, ибо давала возможность насладиться этим моментом спокойного размышления у источника тайны, которую я пытался разгадать.

В конце концов я оторвал руку от камня и продолжил обход *Шетийи.* С одной стороны от нее ступеньки вели в глубокий провал под камнем — пещерообразную каменную гробницу, которую мусульмане называли Бир эль-Арвех — «Колодцем душ». Здесь порой, по словам правоверных, можно услышать голоса умерших и звуки райских рек. Когда же я спустился по ступенькам, то не ус-лышал ничего, кроме произносимых шепотом молитв нескольких паломников, спустившихся сюда раньше меня, простершихся ниц на холодном скальном полу и взывавших на сладкозвучном арабском к Аллаху, Сострадательному, Милосердному, — к божеству, пророками которого задолго до Магомета были Авраам и Моисей и который в своей абсолютной *исключительности* ничем не отличался от Яхве, Бога ковчега [256].

Я уже знал, что ряд иудейских и исламских легенд описывает запечатанный секретный проход под колодцем душ, ведущий внутрь земли, где, предположительно, был спрятан ковчег во время разрушения храма Соломона и где, по мнению многих, он все еще покоится, охраняемый духами и демонами. Как отмечалось во второй части этой книги, я подозревал, что тамплиеры могли узнать об этих легендах и искали здесь ковчег еще в XII веке. Одна из таких легенд могла вызвать у них особый интерес, ибо представляла собой свидетельство очевидца — некоего Баруха о появлений «ангела Господня» за несколько мгновений до вторжения вавилонской армии в Храм:

«И я увидел, как он спустился в святая святых и снял с него завесу, и священный ковчег, и его крышку, и две скрижали… И крикнул он громким голосом: «Земля! Земля! Земля! Выслушай слово Бога Всемогущего и прими, что я вручу тебе, и храни все до последних времен так, что, когда тебе прикажут, ты вернешь их, а чужаки не завладеют ими…» И земля открыла свой зев и поглотила их».

Если тамплиеры были вдохновлены этим текстом на поиски под Колодцем душ; то не смогли бы — в этом я был уверен — найти там ковчег. Так называемый «Апокалипсис Баруха» (из которого взята вышеприведенная цитата) вполне мог показаться им подлинным древним документом, датированным VI веком до н. э. Истина же заключаетсяч, как установили позднее современные ученые, в том, что он был написан в конце I века н. э. и не мог поэтому быть свидетельством очевидца сокрытия священной реликвии ангелом или кем-то другим. Напротив, с начала и до конца это был плод разыгравшегося воображения, который — несмотря на его пробуждающий страх и иные чувства тон — не имел какой-либо исторической ценности.

По этому и другим соображениям я был уверен, что тамплиеров постигла неудача в раскопках под Храмовой горой. Я также подозревал, что позже они узнали о притязании Эфиопии на роль последнего пристанища ковчега и что поэтому группа рыцарей в конце концов отправилась туда, чтобы разузнать все самим [257].

Я следовал тем же путем, что и тамплиеры, за много столетий до меня, и чувствовал, что он повелительно ведет к святилищу в священном городе Аксум. Прежде чем проникнуть в

раздираемое войной нагорье Тиграи, я хотел убедиться, что утерянная реликвия не находится ни в какой другой стране, ни в каком другом месте. Именно это желание привело меня 4 октября 1990 года к изначальному местоположению храма Соломона. И именно это желание тянуло меня к *Шетийе,* на котором когда-то стоял ковчег и с которого он исчез.

Это была моя отправная точка, и теперь я намеревался использовать оставшееся мне в Иерусалиме время для бесед с религиозными деятелями и учеными и для наиболее глубокого исследования всех известных обстоятельств таинственного исчезновения реликвии. И только если я и после этого буду все еще убежден в достоверности притязания Эфиопии, я окончательно решусь на поездку в Аксум. Оставалось лишь четыре месяца до обрядов *Тимката* в январе 1991 года, во время которых на крестный ход будет вынесен, как я надеялся, предмет, считающийся ковчегом. Я остро сознавал, что мое время истекает.

КАКОЙ ДОМ ТЫ МОЖЕШЬ ПОСТРОИТЬ ДЛЯ МЕНЯ?

Помещение ковчега в храм Соломона, которое — как я уже установил — имело место где-то около 955 года до н. э., [258] описывается в Третьей книге Царств:

«Тогда созвал Соломон старейшин Израилевых… И внесли священники ковчег завета Господня на место его, в давир храма, во Святое Святых… Когда священники вышли из святилища, облако наполнило дом Господень; и не могли священники стоять на служении, по причине облака, ибо слава Господня наполнила храм Господень. Тогда сказал Соломон: Господь сказал, что он благоволит обитать во мгле; я построил храм в жилище Тебе, место, чтобы пребывать Тебе во веки… Поистине, Богу ли жить на земле? Небо и небо небес не вмещают Тебя, тем менее сей храм, который я построил…» [259]

Согласно священному писанию, позже жены Соломона «склонили сердце его к иным богам», и с особым усердием он стал «служить Астарте, божеству Сидонскому, и Милхому, мерзости Аммонитской» [260]. В связи с такой склонностью к вероотступничеству трудно поверить, что монарх, чья легендарная мудрость была «выше… всей мудрости Египтян» [261], когда-либо питал особое уважение к Яхве. По той же причине я не думал, что он действительно отдавал должное всемогуществу и вездесущности Бога Израиля, когда выразил сомнения о способности храма «вместить» ковчег. Напротив, как мне кажется, произнося эти любопытные слова, Соломон выразил искренние опасения скорее прагматического, нежели духовного свойства. Не может ли священная реликвия вырваться на свободу несмотря на то, что была установлена на сам краеугольный камень мира? Не могут ли заключенные в ней непредсказуемые силы оказаться достаточно мощными и опасными, чтобы прожечь «мглу» святая святых и разрушить великий храм, построенный вокруг нее?

Именно в этом, чувствовал я, заключался реальный смысл того, что храм был построен не столько как земной дворец для любимого и дорогого, но бестелесного божества, сколько как своеобразная тюрьма для ковчега завета. В святая святых, над двумя херувимами золотой крышки реликвии Соломон установил двух дополнительных херувимов гигантского размера — эдаких покрытых золотом мрачных охранников с размахом крыльев в пятнадцать с лишним футов [262]. Святая же святых — предназначенная, как указывается в Библии, для того, чтобы «поставить там ковчег завета Господня» [263] — представляла собой идеальный, сильно укрепленный куб тридцати футов в длину, ширину и высоту [264]. Его пол, стены и потолок были обложены чистым золотом общим весом около 45 тысяч, фунтов [265], закрепленным золотыми же гвоздями [266].

Эта золотая клетка была не единственным элементом здания храма, привлекшим мое внимание. Не менее интересной была и родословная ремесленника (иноземца), позванного проделать все работы по металлу;

«И послал царь Соломон и взял из Тира Хирама, ***сына одной вдовы****, из калена Неффалимова… Он владел способностью, искусством и уменьем выделывать всякие вещи из меди»* [267].

Выделенные курсивом слова сразу же захватили мое внимание. Почему? Да потому, что я уже знал, что в первом же упоминании в литературе Грааля герой Парсифаль описывает ее почти теми же словами: «сын овдовевшей дамы». В самом деле, и Кретьен де Труа, основатель жанра, и его преемник Вольфрам фон Эшенбах дали ясно понять, что мать Парсифаля была вдовой.

Не наткнулся ли я еще на одно из причудливых совпадений, в котором с помощью крайней и подчас обманчивой символики фантастический поиск святого Грааля был, похоже, придуман для кодирования реального поиска утерянного ковчега? Я уже давно убедился в ключевой роли тамплиеров в обоих поисках, как и в том, что после уничтожения ордена в XIV веке многие их традиции были сохранены франкмасонами. Меня заинтриговал тот факт, что Хирам из Тира, призванный, судя по Библии, Соломоном в Иерусалим, был не только сыном вдовы, как Парсифаль, но и фигурой огромного значения для франкмасонов, называвших его Хирамом Абиффом и ссылавшихся на него во всех своих наиболее важных ритуалах [268].

Согласно масонскому преданию, Хирам был убит тремя своими помощниками вскоре после завершения работ по меди в храме. Этот эпизод по какой-то причине считался столь значимым, что он отмечался в церемониях масонов посвящения в магистры, в которых посвящаемый обязан был играть роль жертвы убийства. В одном солидном издании я нашел описание современной церемонии (которая регулярно совершается и сегодня):

«Лежа на земле с завязанным глазами, посвящаемый слышит, как три убийцы решают похоронить его в куче бута до полуночи, когда они отнесут тело от храма. Дабы символизировать захоронение Хирама Абиффа, кандидата заворачивают в одеяло и относят к стене комнаты. Вскоре он слышит двенадцать ударов колокола, и его переносят из бутовой могилы к могиле, выкопанной на склоне холма «к западу от горы Мориа (от Храмовой горы)». Он слышит, как убийцы решают отметить его могилу побегом акации, а затем бегут в Эфиопию через Красное море».

Отметим здесь новые совпадения: менее важное в виду побега акации (того же дерева, что было использовано для изготовления ковчега) и более важное в виде масонского предания о намерении убийц Хирама бежать «в Эфиопию». Я даже не знал, сколь весомы эти подробности, но не мог отделаться от ощущения, что они имеют отношение к моему поиску.

Мое подозрение усилилось, когда я обратился к Библии и обнаружил, что одним из медных предметов храмовой мебели, изготовленных Хирамом, было

«литое из меди море, — от края его до края его десять локтей, — совсем круглое, вышиною в пять локтей, и снурок в тридцать локтей обнимал его кругом… Толщиною оно было в ладонь, и края его, сделанные подобно краям чаши, походили на распустившуюся лилию. Оно вмещало две тысячи батов» [269].

Это «море», знал я, стояло во дворе храма. То был огромный медный бассейн диаметром в пятнадцать футов и высотой в семь с половиной футов. Весил он около тридцати тонн пустым, но обычно он был наполнен примерно 10 тысячами галлонов воды. Многие специалисты открыто признают, что не знают, каково было его предназначение, хотя некоторые полагают, что он символизировал «первичные воды», упомянутые в Книге Бытие, а другие считают, что священники использовали его для своих ритуальных омовений. Мне же ни одна из этих гипотез не показалась удовлетворительной, и меньше всего вторая, поскольку Библия совершенно ясно указывает, что Хирам изготовил десять более мелких медных умывальниц именно для этой цели (каждая умывальница, стоявшая на своей подставе с колесами, вмещала «сорок батов» [270]). Рассмотрев все эти факты, я записал в своем блокноте следующие рассуждения:

«Возможно ли, что медное «море», изготовленное Хирамом для двора храма Соломона, было возвратом к древнеегипетским ритуалам, по которым были смоделированы церемонии с

ковчегом? На празднике Апета в Луксоре «ковчеги» с изображениями богов всегда выносились к воде [271]. То же самое происходит сегодня в Эфиопии: во время Тимката в Гондэре таботат выносят к берегу «священного озера» позади замка [272]. Так не было ли медное Море своеобразным священным озером?»

Согласно Библии, Хирам также изготовил для храма Соломона «и тазы, и лопатки, и чаши» [273], а помимо того

«два медных столба, каждый в восемнадцать локтей вышиною, и снурок в двенадцать локтей обнимал окружность того и другого столба… И поставил столбы к притвору храма; поставил столб на правой стороне и дал ему имя Лахин, и поставил столб на левой стороне и, дал ему имя Воаз… Так окончена работа над столбами» [274].

Иахин и Воаз, как я разузнал, также фигурируют в преданиях масонов. В соответствии со «старым ритуалом» эти большие столбы были полыми. В них были спрятаны «древние записи» и «ценные писания», принадлежавшие прошлому еврейского народа. Среди этих записей, утверждали франкмасоны, хранились «тайна магического *Шамира* и история его способностей».

Упоминание «магического *Шамира»* разбередило мое любопытство. Что это такое? Только ли часть тайн масонов, или он упоминается в Библии?

После изнурительного поиска я смог убедиться, что слово «Шамир» появляется в Ветхом и Новом Завете только четыре раза: [275] трижды как название места и однажды как **имя** человека. Очевидно, что ни то, ни другое не могло быть «магическим» Шамиром, тайны которого, по утверждениям масонов, были скрыты в медных столбах Хирама.

Искомую информацию я нашел не в Священном писании, а в талмудистско-мидрашских источниках. Поскольку Моисей повелел израильтянам строить жертвенники, «не поднимая на них железа» [276], Соломон приказал не пользоваться молотками, топорами и зубилами для вырезания и обработки множества массивных каменных блоков, из которых строились внешние стены и двор храма. Вместо них он предложил ремесленникам древнее приспособление, восходившее ко временам самого Моисея [277]. Это приспособление или инструмент носило название *«момир»,* и с его помощью можно было резать самые твердые материалы без трения и разогрева. Его также называли «камнем, расщепляющим скалы»:

«Шамир нельзя помещать в железную посудину и вообще в любую металлическую посудину — он разорвет ее на куски. Его хранят завернутым в шерстяную ткань и помещенным затем в свинцовое ведро, наполненное ячменными отрубями… С разрушением храма шамир исчез».

Я был просто очарован этим странным древним преданием, в котором утверждалось также, что шамир «обладал удивительным свойством — он мог резать твердейший из алмазов». Позже я нашел другую версию той же легенды, в которой добавлялось, что этот инструмент работал совершенно бесшумно.

Принимая все во внимание, я пришел к выводу, что эти свойства (как и многие свойства ковчега завета) скорее технологичные по своей природе, нежели просто «магические» или сверхъестественные. И я также посчитал примечательным то, что такое приспособление — опять же подобно ковчегу — было напрямую связано с Моисеем. И наконец, мне не показалось странным, что и франкмасоны создали собственные предания о нем, утверждавшие» что его секреты были упрятаны в двух медных столбах, поставленных сынов вдовы Хирамом «к притвору храма».

Без знания этих давно утраченных секретов, сознавал я, мне нечего и надеяться на продвижение по этой линии исследования. В то же время я чувствовал, что история шамира усиливает таинственность, окружающую истинную природу огромного бастиона на вершине Храмовой горы, построенного и недвусмысленно освященного как «дом покоя ковчега завета Господня». Со своими медными столбами и медным «морем», со своими гигантскими

херувимами и золотым внутренним святилищем храм Соломона явно был особым местом, великолепно оформленным, центром суеверия и религиозного страха, центром иудейской веры и культурной жизни. Как тогда мог ковчег исчезнуть из него?

ШИШАК, ИОАС И НАВУХОДОНОСОР

Самый очевидный ответ на последний вопрос (будь он правильным, он полностью отметет притязание Эфиопии): ковчег мог быть взят силой из храма во время одного из нескольких военных поражений Израиля после смерти Соломона.

Первое имело место в 926 году до н. э., во время неудачного правления сына Соломона Ровоама: Согласно Третьей книге Царств, египетский фараон Сусаким (или Шишак) осуществил полномасштабное вторжение.

«На пятом году царствования Ровоамова, сусаким, царь Египетский, вышел против Иерусалима и взял сокровища дома Господня и сокровища дома царского… Все взял…» [278]

В этом в высшей степени кратком отчете нет ничего, указывающего на то, что добыча Шишака *не* включала ковчег завета. Если же ковчег действительно был захвачен всего лишь через тридцать лет после того, как Соломон установил его в храме, тогда, как мне кажется, книжники так и записали бы и к тому же оплакали бы утрату ценной реликвии. Однако они даже не упомянули ковчег [279], что, на мой взгляд, означает одно из двух: *либо* ковчег был тайно изъят до появления египетской армии (быть может, еще во время царствования Соломона, как то утверждает эфиопская легенда), *либо* он оставался на месте, в святая святых на протяжении всего нашествия. Мысль же о том, что фараон мог забрать его, представляется самой невероятной.

Новое подтверждение этого оставил сам Шишак в виде триумфального рельефа в Карнаке. Во время нескольких посещений Египта я хорошо изучил рельеф и уверен, что в нем нет и намека на ковчег завета, как и, собственно говоря, на осаду или разграбление Иерусалима. Дальнейшая проверка показала правильность этого впечатления. В одном солидном исследовании ясно указывается, что большинство городов и селений, разграбленных Шишаком, находилось на самом деле в северной части Израиля.

«В этом списке отсутствует Иерусалим — мишень кампании Шишака, если верить Библии. Хотя надпись сильно повреждена, Иерусалим определенно не был включен в список, ибо он составлен в географической последовательности, не оставляющей места для Иерусалима».

Что же случилось со священным городом, что могло бы объяснить библейское утверждение, будто Шишак «взял сокровища дома Господня и сокровища дома царского»?

Ученые, как я обнаружил, единодушны в том, что фараон окружил Иерусалим, но так и не вошел в него, — «от него откупились сокровищами храма и дворца Соломона». Сокровища эти не могли включать ковчег, если даже он все еще находился там в 926 году до н. э. Скорее, они состояли из гораздо менее священных предметов — главным образом народных и царских даров Яхве. Подобные предметы — обычно весьма ценные, изготовленные из серебра и золота — хранились не в святая святых, а во внешних помещениях храма — в специальных сокровищницах, которые в Ветхом Завете постоянно упоминаются вместе с сокровищницами царского дома. «Порой, — пишет известный библиолог Менахем Харан, — эти сокровищницы опустошались либо иностранными захватчиками, либо самими царями, когда они нуждались в средствах. Поэтому сокровищницы постоянно то наполнялись, то истощались… Нашествие Шишака, следовательно, не имело никакого отношения к святилищам Храма, и было бы совершенно неправильно связывать с ним исчезновение ковчега» [280].

Та же осторожность, узнал я, проявлялась и в отношении следующего эпизода, когда храм якобы был разграблен. Он случился в то время, когда выкованное Давидом и Соломоном единое государство распалось на два враждующих царства — Иудейское

(включавшее Иерусалим) на юге и Израильское на севере. В 796 году до н. э. [281] монарх северного царства Иоас вступил в бой при Вефсамисе с иудейским царем Амасией.

«И разбиты были Иудеи Израильтянами, и разбежались по шатрам своим. И Амасю, царя Иудейского… захватил Иоас, царь Израильский, в Вефсамисе. И пошел в Иерусалим и разрушил стену Иерусалимскую… И взял все золото и серебро, и все сосуды, какие нашлись в доме Господнем и в сокровищницах царского дома…» [282].

Но опять же ограбление храма не затронуло святая святых и ковчег завета. Специалист по этому периоду Менахем Харан объяснял:

«Иоас не вошел даже во внешнее святилище храма, не говоря уже о внутреннем… Упомянутые в связи с Иоасом слова «дом Господдень»… являются сокращенной формой фразы «сокровищницы дома Господня». Это видно из того факта, что упомянуты и «сокровищницы царского дома», которые постоянно связываются с «сокровищницами дома Господня».

Но хватит о Шишаке и Иоасе. Теперь мне стало совершенно ясно, почему ни один из них не заявлял, что захватил ковчег, и почему об этом не упоминается в Библии: они даже близко не подходили к святая святых, где хранилась священная реликвия, а попользовались лишь менее ценными золотыми и серебряными сокровищами.

Но нельзя сказать то же самое о следующем захватчике — вавилонском царе Навуходоносоре. Он осадил и оккупировал священный город не один раз, а дважды, и уже в первый раз — в 598 году до н. э. явно проник в глубину самого храма. В Библии так описывается это нашествие:

«В то время подступили рабы Навуходоносора, царя Вавилонского, к Иерусалиму, и подвергся город осаде.

И пришел Навуходоносор… к городу, когда рабы его осаждали его: И вышел Иехония, царь Иудейский, к царю Вавилонскому, он и мать его, и слуги его, и князья его, и евнухи его, — и взял его царь Вавилонский в восьмой год своего царствования. И вывез он оттуда все сокровища дома Господня, все золотые сосуды, которые Соломен, царь Израилев, сделал в храме Господнем…» [283].

Из чего состояла добыча Навуходоносора? Я уже знал, что «сокровища дома Господня и сокровища царского дома» не могли содержать какие-либо действительно священные предметы вроде ковчега. Как было отмечено выше, эти фразы имеют весьма отчетливое и определенное значение в древнееврейском оригинале и касаются только несущественных предметов, хранившихся в царских и храмовых сокровищницах.

Гораздо примечательнее указание на то, что вавилонский царь «изломал… все золотые сосуды, которые Соломон, царь Израилев, сделал в храме Господнем». Еврейское слово «хекал», которое переводчики Библии передали как «храм», имеет более точное значение: «внешнее святилище» [284]. Пытаясь представить себе его месторасположение, я восстановил в памяти планировку эфиопских православных церквей, которая — как я узнал во время посещения Гондэра в январе 1990 года — точно отражала деление храма Соломона на три части [285]. Сопоставив этот мысленный образ с наилучшим научным исследованием по этому вопросу, я смог установить, вне всякого сомнения, что «хекал» соответствует «кеддесту» в Эфиопских церквах. Это означает, что разграбленный Навуходоносором «храм Господень» был не святая святых, где хранился ковчег, а, скорее, прихожей святилища. Само святая святых — внутреннее святилище — называлось на древнееврейском *«дебир»* и соответствует *«макдасу»,* в котором хранятся *таботат* в эфиопских церквах [286].

Если бы ковчег еще находился в храме во время первого нашествия Навуходоносора, тогда — а это очень большое «если» — вавилонский царь определенно не завладел им. Он удовольствовался тем, что «изломал» и забрал «золотые сосуды», которые Соломон поместил в *«хекал»* [287]. Навуходоносор забрал и другие вещи по весьма конкретному списку:

«…Светильники — пять по правую сторону и пять по левую сторону, пред задним отделением храма (цебиром. — Г.Х.), из чистого золота; и цветы, и лампадки, и щипцы из золота; и блюда, и ножи, и чаши, и лотки, и кадильницы из чистого золота, и петли у дверей внутреннего храма Святом Святых и у дверей в храме (хекале. — Г.Х.) из золота же» [288].

Слова «заднее отделение храма», *«дебир»* и «святая святых» взаимозаменяемы и относятся к одному и тому же святилищу, то есть месту, в котором Соломон установил ковчег так много столетий назад [289]. Как только я понял, что дело именно так и обстоит, мне стал вдруг ясен один непреложный и важные факт: Навуходоносор не ограбил святая святых, но забрал петли с ее дверей. Из этого можно смело заключить, что двери были сняты с петель и что вавилонский царь или выполнявшие его приказы солдаты могли заглянуть в *дебир.*

Я понял, какая это важная, даже решающая находка. Заглянув во внутреннее святилище, вавилоняне сразу же увидели бы двух гигантских херувимов, покрытых золотом, которых Соломон поставил часовыми у ковчега, а также и сам ковчег. Поскольку они без какого-либо сожаления содрали золото со всей мебели в *хекале,* напрашивается вопрос: почему они не ворвались тут же в *дебир* и не содрали еще большее количество золота с его стен и с херувимов и почему не захватили с собой ковчег в качестве трофея?

Вавилоняне продемонстрировали свое полное пренебрежение к евреям и их религии [290]. Поэтому трудно предположить, что они воздержались от разграбления святая святых из своеобразного альтруистического желания пощадить чувства побежденных. Напротив, все факты указывают на то, что, увидев богатую добычу вроде ковчега, слоев золота на стенах и херувимах, Навуходоносор и его люди не колеблясь забрали бы все.

Это тем вероятнее, если иметь в виду, что в тот период вавилоняне имели обыкновение забирать главных идолов и другие предметы культа побежденных народов и увозить их в Вавилон, чтобы поместить в собственном храме перед своим богом Мардуком. Ковчег стал идеальным кандидатом на подобное обращение. Но его даже не лишили золотого покрытия, не то что унесли целиком. Ни сам ковчег, ни херувимы не были даже упомянуты.

«Напрашивается логический еывод (записал я в своем блокноте): ковчега и херувимов не было в дебире в 598 году, когда произошло — первое вавилонское нашествие, а стены, пол и потолок дебира лишились своего золота до него. Это, казалось бы на первый взгляд, подкрепляет эфиопскую версию, поскольку я уже установил, что Шишак и Иоас не завладели ковчегом или другими ценными предметами дебира, и поскольку они были единственными предыдущими захватчиками, завладевшими какими-либо сокровищами из храма».

Вавилонское нападение на Иерусалим в 598 году было не последним, и записанный мной вывод окажется абсолютно ложным, если обнаружатся факты, свидетельствующие, что Навуходоносор забрал ковчег, когда грабил священный город во *второй* раз.

После успешной операции в 598 году до н. э. он посадил на трон марионеточного царя Седекию [291]. Но «марионетка» взбунтовалась против своего сюзерена уже в 589 году [292] до н. э.

Ответ последовал мгновенно. Навуходоносор вновь осадил Иерусалим, в конце концов пробил бреши в его стенах и опустошил его в конце июня или начале июля 587 года до н. э. [293] Месяцем позже: [294]

«Навузардан, начальник телохранителей, слуга царя Вавилонского… сжег дом Господень и дом царя, и все домы в Иерусалиме… и стены вокруг Иерусалима разрушило войско Халдейское, бывшее у начальника телохранителей… Столбы медные, которые были у дома Господня, и подставы, и море медное, которое в доме Господнем, изломали Халдеи и отнесли медь их в Вавилон; и тары, и лопатки, и ножи, и ложки, и все сосуды медные, которые употреблялись при служении, взяли; и кадильницы, и чаши, что было золотое и что было серебряное, взял начальник телохранителей: столбы числом два, море одно, и подставы… меди во всех сих вещах не было весу» [295].

Такова данная в Библии подробная опись всех предметов и сокровищ, разломанных или увезенных в Вавилон во время второго нападения Навуходоносора на город. Примечательно, что опять не упоминаются ни ковчег завета, ни золото, которым Соломон покрыл святая святых и больших херувимов, стоявших в святилище. Не было упомянуто больше ничего, и, значит, основная добыча, взятая в 587 году до н. э., состояла из меди столбов, «моря» и умывальниц на колесах, изготовленных Хирамом четырьмя столетиями ранее.

Достоверность в целом указанной описи подтверждается ее соответствием библейскому описанию того, что было взято из храма в 598 году до н. э. В тот раз Навуходоносор оставил медные изделия на месте, но забрал «сокровища дома Господня и сокровища царского дома» и содрал все золото с мебели *хекала.* Вот почему одиннадцать лет спустя добыча Навуходоносора в золоте и серебре состояла лишь из нескольких кадильниц и чаш: [296] он не нашел ничего более ценного по той простой причине, что самые ценные вещи были увезены в Вавилон еще в 598 году до н. э.

Поскольку я уже убедился в том, что в их число ковчег не входил, и поскольку реликвии не было и во второй добыче, я все больше полагался на свой вывод о том, что она исчезла до нашествий вавилонян. Точно так же все менее состоятельным выглядело и другое, часто дававшееся объяснение утраты реликвии — что она была уничтожена большим пожаром, устроенным Навузарданом. Если же ковчег был действительно вывезен до 598 года до н. э. (возможно, в Эфиопию), то он, конечно, спасся при разрушении храма.

Позволяет ли такая цепочка рассуждений сделать вывод, что ковчег был-таки увезен в Эфиопию? Разумеется, нет. Продолжая свое исследование, я обнаружил, что иудейские предания дают несколько альтернативных объяснений случившегося, любое из которых могло бы оказаться фатальным для «эфиопского следа», — а все они заслуживают отдельного рассмотрения.

ГЛУБОКИЕ И ИЗВИЛИСТЫЕ ТАЙНИКИ

Во-первых, мне стало совершенно ясно, что евреи в целом осознали утрату ковчега — как и то, что эта утрата представляет собой великую тайну, — во время строительства второго храма.

Я уже знал, что в 598 году до н. э. Навуходоносор сослал в Вавилон огромное число обитателей Иерусалима [297]. После сожжения храма Соломона в 587 году до н. э.

«…прочий народ, остававшийся в городе, и переметчиков, которые передались царю Вавилонскому, и прочий простой народ выселил Навузардан, начальник телохранителей… И выселены Иудеи из земли своей». [298]

Тяготы изгнания, унижения плена и твердая решимость не забывать Иерусалим вскоре были увековечены в одном из самых жгучих и памятных стихов во всем Ветхом Завете:

«При реках Вавлона, там сидели мы и плакали, когда вспоминали о Сионе; на вербах, посреди его, повесили мы наши арфы. Там пленившие нас требовали От нас слов песней, и притеснители наши — веселья: «пропойте нам из песней Сионских». Как нам петь песнь Господню на земле чужой? Если я забуду тебя, Иерусалим, — забудь меня десница моя; прилипни язык мой к гортани моей, если не буду помнить тебя, если не поставлю Иерусалима во главе веселия моего». [299]

Это выселение целого народа не было последним. Навуходоносор начал процесс в 598 году и закончил в 587 году до н. э. Чуть меньше полувека спустя разросшаяся под его правлением империя была полностью разгромлена царем Персии Киром Великим, победоносные армии которого вошли в Вавилон в 539 году до н. э.

Кир, которого называли «одним из самых поразительных строителей империй в мире», проявлял просвещенный подход к покоренным народам. В вавилонском пленении находились не только евреи. Кир решил предоставить всем свободу. Больше того, он разрешил им забрать украденных у них идолов и другие предметы культа из храма Мардука и увезти на

родину. Евреи, разумеется, не могли полностью использовать эту возможность, поскольку их главный культовый предмет — ковчег завета не был привезен в Вавилон. Тем не менее еще оставались целыми в большом числе менее ценные сокровища, захваченные Навуходоносором и в торжественной обстановке переданные персами официальным иудейским представителям. Ветхий Завет приводит подробный отчет об этой передаче:.

«И царь Кир вынес сосуды из дома Господня, которые Навуходоносор взял из Иерусалима и положил в доме бога своего, — и вынес их Кир, царь Персидский, рукою Мифредата сокровищехранителя, а он счетом сдал их Шешбацару князю Иудыну. И вот число их: блюд золотых тридцать, блюд серебряных тысяча, ножей двадцать девять, чаш золотых тридцать, чаш серебряных двойных четыреста десять, других сосудов тысяча: всех сосудов, золотых и серебряных, пять тысяч четыреста. Все это взял с собою Шешбацар, при отправлении переселенцев из Вавилона в Иерусалим». [300]

Возвращение состоялось в 538 году до н. э. Весной же 537 года до н. э. началось строительство второго храма на фундаменте первого [301]. Завершилось оно около 517 года до н. э. Хоть это и было поводом для большой радости, оставались и немалые печали. Исчезновение ковчега завета из первого храма — когда бы оно ни произошло — хранилось в тайне от народа (задача не столь уж и трудная, поскольку никому, кроме первосвященника, не позволялось входить «в святая святых). Но сейчас, после возвращения из Вавилона, было невозможно скрыть сам факт того, что ценная реликвия пропала и потому не будет установлена во внутреннем святилище второго храма. Эта великая перемена была признана в Талмуде: «Первый храм отличался от Второго пятью вещами: Ковчегом, крышкой Ковчега, Херувимами, Огнем и Уримом и Туммимом». Урим и Туммим были таинственными предметами (представленными в данном случае коллективно как один предмет), которые, возможно, использовались для прорицания и хранились в нагруднике первосвященника во времена Моисея. Их не оказалось во Втором храме. Как и небесного огня, который всегда связывали с ковчегом завета. И, разумеется, отсутствовал сам ковчег вместе с его толстой золотой крышкой и двумя золотыми херувимами, водруженными на нее [302].

Таким образом, тайна стала известна: пропала самая ценная реликвия иудаизма. Больше того, люди знали, что она не была доставлена вместе с ними в Вавилон. Так куда она делась?

Почти сразу же возникли всевозможные теории, некоторые, из них быстро приобрели характер самой истины. Большинство предположило, что мародеры Навуходоносора не нашли ковчега потому, что еще до их появления он был спрятан где-то в самой Храмовой горе, где теперь стоял второй храм на месте, прежде занятом первым. Согласно одной легенде, возникшей после вавилонского пленения, Соломон предвидел разрушение храма еще во время его строительства. Поэтому он «придумал место для сокрытия ковчега в глубоких извилистых тайниках» [303].

Именно это предание, чувствовал я, могло вдохновить автора «Апокалипсиса Баруха» на предположение, что реликвия была поглощена землей под большим «краеугольным камнем» под названием *«Шетийя».* Я знал, естественно, что совершенно нельзя полагаться на этот относительно поздний и неканонический текст. Тем не менее я сознавал, что имеются и другие рассказы, называвшие последним пристанищем ковчега некую таинственную пещеру в Храмовой горе.

Развивая идею пещеры, расположенной непосредственно под святая святых. Талмуд утверждает, что «Ковчег был похоронен в своем месте». Это захоронение, похоже, было делом царя Иосии, правившего в Иерусалиме с 640 по 609 тод до н. э., то есть за десятилетие до первого захвата города вавилонянами. К концу своего, долгого царствования, предвидя «неминуемое разрушение Храма», «Иосия спрятал Ковчег и все его принадлежности, дабы предохранить их от осквернения врагом».

Такова была, как я узнал, распространенная версия. Однако не все источники единодушны в том, что ковчег был спрятан в непосредственной близости от святая святых. Другое предание, записанное в Мишне, утверждает, что реликвия была похоронена «под мощеным полом дровяного сарая, чтобы она не попала в руки врага». Этот дровяной сарай находился на территории храма Соломона, но место его расположения ко времени возвращения евреев из Вавилонского пленения было забыто и таким образом «осталось тайной на все времена». В Мишне говорится, что однажды *один священник работал во дворе Второго храма и случайно наткнулся на «участок мощения*, отличавшийся от остального»,

«Он пошел и сказал об этом своему приятелю, но не успел он закончить, как жизнь оставила его. Так они точно узнали, что там покоится ковчег».

Совершенно иную версию сокрытия реликвии предлагает Вторая книга Маккавейская, составленная между 100 годом до н. э. и 70 годов н. э. евреем-фарисеем, писавшим на греческом. В ней говорится, что пророк Иеремия, «по бывшему его Божественному откровению (о грядущем разрушении Храма. — *Г.Х.*), повелел скинии и ковчегу следовать за ним, когда он восходил на гору, с которой Моисей, взойдя, видел наследие Божие. Придя туда, Иеремия нашел жилище в пещере и внес туда скинию и ковчег и жертвенник кадильный, и заградил вход» [304].

По мнению ученых, сделавших авторитетный перевод на английский Иерусалимской Библии (из которой взята приведенная выше цитата), предполагаемая экспедиция Иеремии для сокрытия ковчега была всего лишь сказкой, которой автор Второй книги Маккавейской попытался возродить интерес экспатриированных евреев к родине. Издатели «Оксфордского словаря Христианской церкви» также считали, что этот эпизод не имеет исторической ценности. Поскольку же книга была написана примерно через пять столетий после смерти Иеремии, ее даже не назовешь древним преданием [305], хотя автор попытался представить его таковым, утверждая, что строит свой рассказ на некоем документе, найденном «в архивах» [306].

Пророк же Иеремия (в отличие от автора Второй книги Маккавейской) жил примерно во время разрушения храма Соломона, а это означает, что он вполне мог сыграть какую-то роль в сокрытии ковчега. Больше того, «гора, с которой Моисей… видел наследие Божие» — гора Нево [307] — хорошо известна и расположена всего лишь в пятидесяти километрах по прямой от Иерусалима [308]. Ставший частью культуры по ассоциации с основателем иудаизма, этот почитаемый пик выглядел вполне подходящим схороном с географической точки зрения.

Маккавейская история поэтому не отвергалась полностью последующими поколениями евреев. Напротив, хотя она так никогда и не была включена в каноническое Священное писание, ее основательно отредактировали и приукрасили в фольклоре, где, к примеру, узловой вопрос о том, как именно Иеремия (постоянно ссорившийся со священниками храма [309]) ухитрился забрать священные предметы из святая святых и перенести через долину Иордана на гору Нево, был решен с помощью ангела! [310]

Вернувшись к тем еврейским преданиям, которые я изучал на предмет последнего пристанища ковчега, я сделал следующую итоговую запись в своем блокноте:

«Кроме Талмуда, Мишны, «Апокалипсиса Баруха», Второй книги Маккавейской и ряда красочных легенд в еврейских поверьях нет ничего существенного о местонахождении ковчега завета. Поскольку уже представляется очевидным, что его не украли ни Шишак, ни Иоас, ни Навуходоносор, тогда следует, что единственно возможные альтернативы его нахождения в Аксуме — а) весьма схематичны, б) исторически сомнительны и в) лишены жизненности (в отличие от массовой религиозной веры эфиопов в то, что реликвия находится в их стране).

По всем этим соображениям «эфиопское дело» представляется все более правдоподобным. Однако нельзя о ходу отвергать и еврейские «альтернативы» только потому, что они кажутся немного хрупкими.

Задача: узнать, велись ли археологические раскопки на горе Нево или на Храмовой горе и вокруг нее — в двух единственных местах, которые евреи считают «последним пристанищем ковчега».

Эту запись я сделал в гостиничном номере в Иерусалиме в ночь на 6 октября 1990 года. Двумя днями позже, утром 8 октября, я намеревался посетить еще раз Храмовую гору и побывать на раскопках, которые, как я знал, велись недалеко, от святых мест — метрах в ста к югу от мечети Аль-Акса. Но когда я «приближался к ним вдоль стены города от крепости Давида к Навозным воротам, звуки выстрелов и крики людей предупредили меня, что происходит что-то серьезное.

СМЕРТЬ НА ГОРЕ

Так я стал свидетелем того, что позже назвали «побоищем на Храмовой горе», когда прорвалась наружу копившаяся годами ненависть евреев и арабов Иерусалима друг к другу, а непосредственным поводом послужила демонстрация ультраконсервативной сионистской организации «Правоверные Храмовой горы». Ее члены несли огромный флаг со звездой Давида и провокационной надписью на еврейском:

«Храмовая гора — символ нашего народа в руках наших врагов».

Демонстранты намеревались взойти на Храмовую гору через ворота Могхраби, подойти к Каменному куполу и заложить там краеугольный камень Третьего храма. Это притязание явно было чревато политическим взрывом: со времени начала строительства Каменного купола в VII веке н. э. весь район Храмовой горы стал святым местом огромной важности для ислама, как и для иудаизма. Больше того, к большой досаде группировок вроде «Правоверных Храмовой горы» именно мусульмане владеют этим районом, в котором не осталось иудейских церквей после разрушения Второго храма римлянами в 70 году н. э. Желая защитить этот *статус кво* от реальной — как им, должно быть, казалось — угрозы, около пяти тысяч воинственных арабов собрались у Храмовой горы, вооружившись камнями, которыми собирались закидать подступающих снизу сионистов.

В этой напряженной атмосфере начали свой поход «Правоверные Храмовой горы» октября. Дело осложнялось тем, что они намеревались войти через ворота Могхраби: они выходили на площадку перед центральным портиком мечети Аль-Акса. Эти ворота встроены в южный конец западной стены, внешняя сторона которой известна как Стена плача — самое важное святое место для евреев. Относящаяся ко времени второго храма, она является частью контрфорса, построенного Иродом Великим в конце I века до н. э. Эта стена избежала разрушения римлянами в 70 годы н. э. (благодаря, говорится в Мидраше, «Божественному присутствию» над ней), и в последующие годы стала великим символом националистических устремлений еврейского народа во время диаспоры. Даже после образования государства Израиль, административно она оставалась в составе Иорданского Хашимитского королевства, и лишь после «Шестидневной войны» 1967 года была включена в состав Израиля. Тогда перед ней была расчищена большая площадь, освященная как официальное место богослужения, где по сей день собираются евреи со всего света, чтобы оплакивать отсутствие у них храма. Во избежание чреватого катастрофой столкновения с исламистами все еще запрещаются еврейские богослужения в любой форме на самой Храмовой горе, остающейся под исключительным контролем иерусалимских мусульман и возвышающейся непосредственно над Стеной плача.

Решив войти на Храмовую гору через ворота Могхраби, «Правоверные Храмовой горы» явно напрашивались на неприятности. Израильская полиция отказалась пропустить их внутрь, но когда они свернули в сторону, собравшиеся на горе пять тысяч арабов принялись

забрасывать камнями не только фанатиков, но и большое число евреев, молившихся у Стены плача. Таким образом то, что началось как внешне символическая демонстрация, очень быстро превратилось в полномасштабное бесчинство, во время которого пострадали одиннадцать молившихся израильтян и восемь полицейских, были застрелены двадцать один и тяжело ранены сто двадцать пять арабов.

К тому времени, когда я прибыл на место происшествия, все было уже кончено: у подножия Стены плача среди луж крови лежали груды камней; кареты «скорой помощи» уже увезли всех раненых, а полиция, в полном снаряжении для разгона бунтовщиков и вооруженная до зубов, казалось, уже полностью контролировала ситуацию. Храмовая же гора после штурма силами безопасности оказалась недоступной, как и место раскопок к югу от нее, которое я намеревался посетить. Сотни возбужденных и разгневанных евреев, некоторые из которых с гордостью выставляли напоказ окровавленные повязки, роились вокруг в воинственном настроении. Вскоре началось дикое празднование у Стены плача, а я просто не мог понять, как кто-то мог радоваться жестокому убийству группы юных арабов.

С чувством отвращения и подавленности я ушел оттуда и поднялся по лестнице в Еврейский район древнего города, пересек улицу Оков, по которой я шагал до первого посещения Храмовой горы. Здесь я наблюдал сцены беспричинного насилия, когда вооруженные автоматами и дубинками полицейские устраивали облавы на палестинцев, подозревавшихся в участии в беспорядках. На моих глазах получил несколько ударов один юноша, кричавший о своей невиновности пронзительным и испуганным голосом; другой попытался спастись бегством по узкому проулку, но был окружен и избит прежде, чем его увезли.

В целом то пренеприятнейшее утро отравило мое пребывание в Иерусалиме. Не только потому, что в результате этих событий с местом, где когда-то стоял ковчег, теперь связывалось человеческое страдание, но и потому, что Храмовая гора и место раскопок к югу от нее оставались заблокированными силами безопасности еще долго после того, как я покинул Израиль. Несмотря на столь зловещие обстоятельства, я был полон решимости максимально использовать оставшиеся несколько дней в этой несчастной стране для продолжения своих поисков.

РАСКАПЫВАЯ СВЯТЫЕ МЕСТА

Прежде всего я искал ответ на вопрос, который записал в своем блокноте в ночь на 6 октября: предпринимали ли археологи попытки провести раскопки на Храмовой горе или на горе Нево для проверки еврейских преданий о последнем пристанище ковчега?

Начал я с раскопок, которые безуспешно пытался посетить утром 8 октября. Доступ к ним был закрыт, но я смог пообщаться кое с кем из археологов и обследовать их находки. Так я узнал, что сами раскопки начались в феврале 1968 года — примерно через восемь месяцев после того, как в ходе «Шестидневной войны» израильские парашютисты установили контроль над Иерусалимом. Хотя все раскопки проводились вне священной территории Храмовой горы, они с самого начала оказались в фокусе полемики. По словам руководителя раскопок Меира Бен-Дова, они столкнулись с сопротивлением членов Высшего мусульманского совета, заподозривших заговор против своих интересов.

— Раскопки на деле не являются научным предприятием, — жаловались они, — их сионистская цель состоит в том, чтобы подрыть южную стену Храмовой горы, являющуюся и южной стеной мечети Аль-Акса, и привести к разрушению мечети.

К удивлению Бен-Дова, и христиане поначалу противились.

— Последние подозревали, — объяснил он, — что цель раскопок — заложить фундамент для здания третьего храма, а все разговоры на археологические темы служат лишь прикрытием возмутительного заговора. Я могу лишь сказать, что, пока не услышишь подобные слухи собственными ушами, они кажутся плодом демонического воображения. И

все же — то ли в шутку, то ли всерьез — историки и археологи необычайного ума и способностей прямо спрашивали меня: «Уж не намерены ли вы восстановить храм».

Самое же сильное сопротивление оказали еврейские религиозные руководители, согласия которых на раскопки требовало правительство еще до начала работ. Профессор. Археологического института Еврейского университета Мазар вел переговоры с сефардским и ашкеназским главными раввинами, которые ответили категорическим отказом, когда он заговорил с ними впервые в 1967 году.

— Сефардский главный раввин Ниссим объяснил свой отказ тем, что район планировавшихся раскопок — святое место. В ответ на просьбу прояснить свою позицию он дал понять, что мы, чего доброго, откопаем доказательства того, что Стена плача не была на самом деле западной стеной Храмовой горы. Иначе какой бы был смысл в раскопках для научных целей, когда они не имеют никакого значения? Со своей стороны, ашкеназский главный раввин Унтерман мучился вопросами иудейского закона. «Что случится, — размышлял он, — если в результате археологических раскопок вы найдете ковчег завета, который, по еврейскому преданию, похоронен в глубине земли?»

— Это было бы замечательно! — вполне искренне ответил профессор Мазар.

Уважаемый же раввин сказал ученому, что именно *этого* он и опасается. Поскольку сыны Израилевы «нечисты» с точки зрения еврейского религиозного закона, им запрещено касаться ковчега завета. Поэтому немыслимо даже думать о раскопках до прихода Мессии!

Беспокойство раввина относительно ковчега вполне объяснимо. И в самом деле, считалось, что евреи пребывали в состоянии «нечистоты» со времени разрушения второго храма и это состояние якобы закончится лишь с приходом истинного Мессии. Подобного рода догма стала серьезным препятствием на пути археологов. Тем не менее со временем они сумели убедить раввинов, а также преодолеть возражения представителей двух других монотеистических религий, ведущих происхождение от ветхозаветного поклонения Яхве. И начались раскопки. Больше того, несмотря на то, что они велись *вне* Храмовой горы, были найдены изделия времен Первого храма. Впрочем, как и ожидалось, не было найдено и следа ковчега завета, а большая часть находок относилась к позднему периоду Второго храма, периодам мусульманского владычества и крестовых походов.

Короче говоря, я понял, что раскопки Меира Бен-Дова *не* подтвердили еврейских преданий о сокрытии ковчега, но и не опровергли их окончательно. Для этого необходимо только одно: тщательные и кропотливые раскопки на самой Храмовой горе.

В моем же представлении, как припомнит читатель, такие раскопки были проведены тамплиерами много веков назад, даже еще до того, как была придумана археология, и они тоже не нашли ковчега. И все же необходимо было узнать, проводились ли такие раскопки в новые времена, и если проводились, что было найдено. Эти вопросы я адресовал археологу Габби Баркаю из иерусалимского Еврейского университета, специализирующегося на периоде первого храма.

— После зарождения современной археологии, — напрямик ответил он, — не было попыток вести раскопки на Храмовой горе.

— Почему? — поинтересовался я.

— Потому что это последнее святое место. Мусульманские власти противятся проведению здесь каких бы то ни было научных исследований. С их точки зрения, это было бы наихудшим осквернением его. Поэтому Храмовая гора остается загадкой для археологии, Наши знания о ней ограничены теорией и интерпретацией. В археологическом плане мы располагаем лишь находками Чарлза Уоррена. Ну и Паркера, естественно. Он действительно копал внутри Каменного купола — в 1910 году, если мне не изменяет память. Но он был не археологом, а чокнутым — он искал ковчег завета.

Я не совсем понял, назвал ли Баркай Паркета «чокнутым» потому, что он искал ковчег, или же он искал ковчег потому, что был «чокнутым». Или его безумие проявилось еще до того, как он начал копать внутри Каменного купола? И я счел за лучшее воздержаться от упоминания о том, что и я ищу ковчег. Поэтому ограничился вопросом: где я могу узнать побольше о Паркере, да и о Чарлзе Уоррене, также упомянутом им?

Во время двухдневного поиска в архивах я узнал, что Уоррен был молоденьким лейтенантом британских саперных частей, которому лондонский фонд исследования Палестины поручил в 1867 году провести раскопки на Храмовой горе. Но его поиск ограничился практически тем же районом — к югу от храмовой территории, более тщательно исследованным столетие спустя Меиром Бен-Довом и его коллегами.

Разница заключалась в том, что Уоррен энергично настаивал на разрешении копать на самой Храмовой горе. Но все его попытки были отвергнуты турками-оттоманами, управлявшими в то время Иерусалимом. Больше того, когда Уоррен прорыл туннель на север и подкопался под внешние стены, шум от молотов и других орудий, использовавшихся при раскопках, потревожил правоверных, молившихся наверху, в мечети Аль-Акса. В результате на рабочих обрушился дождь камней, и последовал приказ губернатора города Иззет-паши прекратить раскопки.

Несмотря на все трудности, Уоррен стоял на своем и убедил оттоманов разрешить ему продолжить работы. Позже он предпринял еще несколько скрытых попыток прорыть туннель под Храмовой горой, где надеялся «обнаружить и нанести на карту все древние развалины». Но ему не удалось добиться своего, и он добрался только до фундамента внешних стен. Разумеется, он не нашел ковчега завета, и не было сведений о том, что он вообще намеревался искать его. Его главным образом интересовал период Второго храма, и в этом плане он сделал множество бесценных находок для ученого мира.

Чего не скажешь о Монтагью Браунслоу Паркере, сыне пэра Морли, отправившемся в Иерусалим в 1909 году с явным намерением найти ковчег и не сделавшем никакого вклада в науку.

Экспедиция Паркера, позже вежливо названная известным английским археологом Кэтлин Кеньон «исключительной со всех точек зрения», была детищем финского мистика Вальтера Ювелиуса, который еще в 1906 году представил в университете г. Стокгольма диссертацию по теме разрушения храма Соломона вавилонянами. Ювелиус утверждал, что раздобыл достоверную информацию о потайном месте на территории храма, где спрятан «инкрустированнй золотом ковчег завета», и что тщательное изучение имеющих отношение к делу библейских текстов выявило существование тайного подземного прохода, ведущего в Храмовую гору из какого-то квартала Иерусалима. После изучения отчетов Чарлза Уоррена он убедил себя в том, что этот тайный ход следует искать к югу от мечети Аль-Акса, то есть там, где уже производил раскопки Уоррен. Пообещав вознаграждение в 200 миллионов долларов (которых, по его мнению, стоил бы ковчег, будь он обнаружен), Ювелиус принялся искать инвесторов для финансирования экспедиции, призванной найти и расчистить указанный проход, дабы получить доступ к сокровищу.

Его усилия ни к чему не приводили, пока он не встретил в Лондоне тридцатилетнего Монтагью Браунслоу Паркера и не заручился его поддержкой. Вытянув средства у своих приятелей из британской аристократии и даже за границей, в частности у состоятельной чикагской семьи Армуров, Паркер быстро собрал внушительную сумму в 125 тысяч долларов. Экспедиция отправилась в путь и к августу 1909 года обосновалась на Масличной горе в непосредственной близости от Храмовой горы.

Немедленно начались работы на месте прежних раскопок Уоррена. Паркера и Ювелиуса не пугал тот факт, что их просвещенный предшественник не нашел ничего значительного;

напротив, они действовали с немалым оптимизмом, поскольку наняли ясновидящего ирландца для поиска предполагаемого «секретного туннеля».

Шло время. Последовали протесты верующих всех конфессий. С наступлением зимы погода испортилась, и место раскопок затопляли потоки грязи. Вполне понятно, Паркер отчаялся. Он временно приостановил работы и возобновил их лишь с наступлением лета 1910 года. Последовало несколько месяцев энергичных поисков. Однако секретный туннель упорно отказывался обнаружить себя, а тем временем росло сопротивление осуществлению всего проекта. К весне 1911 года ярый сионист барон Эдмон де Ротшильд, член знаменитой семьи банкиров, взял на себя задачу предотвратить возможное осквернение святейшего места иудаизма и с этой целью приобрел соседние с раскопками земли, с которых мог непосредственно угрожать Паркеру.

Молодой британский аристократ был напуган подобным развитием событий. В апреле 1911 года он отказался от поиска туннеля и предпринял поистине отчаянный шаг. Иерусалим все еще пребывал под управлением Оттоманской империи, а губернатор города Амзе и Бей-паша не отличался чистоплотностью. Взятка в 25 тысяч долларов обеспечила его поддержку, а значительно меньшая сумма убедила наследного хранителя Каменного купола шейха Халила допустить Паркера с его бригадой в святое место и закрыть глаза на то, что они там делали.

По очевидным соображениям работы производились под покровом ночи. Переодевшись арабами, искатели сокровищ копали на протяжении недели в южной части Храмовой горы вблизи от мечети Аль-Акса, где — полагали Ювелиус и ясновидящий ирландец — и был захоронен ковчег. Но их усилия оказались безуспешными, и на рассвете 18 апреля 1911 года Паркер переключился на Каменный купол и на легендарные пещеры, якобы расположенные под Шетийей.

В то время еще не была установлена лестница, ведущая к «Колодцу душ», и Паркеру с его командой приходилось спускаться самим и спускать свое снаряжение на веревках, закрепленных на священном камне. Внизу они зажигали фонари «летучая мышь» и начинали вгрызаться в пол пещеры в надежде пробиться к последнему пристанищу ковчега.

Не успели они даже установить, находились ли под ними другие пустоты, как грянула беда. Хотя наследный хранитель шейх Халил был подкуплен, в мечети появился другой служитель (рассказывают, что он решил переночевать на Храмовой горе, так как его дом был переполнен гостями). Услышав подозрительные звуки, доносившиеся из Каменного купола, он ворвался туда, заглянул в Колодец душ и к своему ужасу увидел там безумных иностранцев, рывших кирками и лопатами святую землю.

Последовала драматическая реакция обеих сторон. Шокированный служка издал пронзительный вопль и убежал в ночь, созывая криками правоверных. Сообразив, что погорели, англичане поспешно ретировались. Даже не заглянув в свой базовый лагерь, они тут же покинули Иерусалим и поспешили в Яффу, где предусмотрительно держали на якоре моторную яхту. Так они едва успели спастись от разъяренной толпы, собравшейся на Храмовой горе через несколько минут после их бегства и обрекшей несчастного шейха Халила на неописуемую смерть.

К утру Иерусалим охватили полномасштабные беспорядки, и Амзей Бей-паша — которого небезосновательно подозревали в соучастии — подвергся оскорблениям и нападкам. Отреагировал он таким образом: закрыл доступ к Храмовой горе и приказал схватить охотников за *сокровищами,* как только они появятся в Яффе. Тем не менее распространились слухи, что Паркер нашел и выкрал ковчег завета, и руководители мусульманской и еврейской общин потребовали не допустить, чтобы священная реликвия покинула страну.

Предупрежденные по телеграфу полицейские и таможенники Яффы задержали беглецов, изъяли все их вещи и провели тщательный обыск. Ничего не найдя и растерявшись, власти заперли весь багаж, но разрешили англичанам отплыть на лодке на их яхту, решив одновременно продолжить допросы. Как только они оказались на борту, Паркер приказал команде сниматься с якоря.

Через несколько недель он уже вернулся в Англию. Ему не удалось найти потерянный ковчег, но он ухитрился потерять все 125 тысяч долларов, которые доверили ему инвесторы из США и Великобритании. «Весь этот эпизод с раскопками, — писала много лет спустя Кэтлин Кеньон, — не сказался на репутации британской археологии».

Однако британские археологи не приняли участия в следующей попытке найти ковчег, предпринятой в 20-х годах на горе Нево в соответствии со Второй книгой Маккавейской, судя по которой пророк Иеремия спрятал там священную реликвию перед самым разрушением храма Соломона.

Главным вдохновителем новой экспедиции был эксцентричный американский исследователь, любивший наряжаться в свободные арабские одежды и носивший не свойственное мужчине имя Антония Фредерик Фаттерер. После тщательного обследования горы Нево (и соседнего пика Фасги) он утверждал с поистине впечатляющей оригинальностью, что нашел… секретный ход. Последний был заблокирован некой стеной, и Фаттерер даже не попытался сломать ее. Изучив ее с помощью фонарика, он обнаружил… древнюю надпись, которую точно скопировал и привез в Иерусалим. Один «ученый» из Еврейского университета помог ему расшифровать иероглифы, означавшие:

ЗДЕСЬ ЛЕЖИТ ЗОЛОТОЙ КОВЧЕГ ЗАВЕТА.

К сожалению, Фаттерер не назвал имени ученого, сделавшего этот перевод, и впоследствии никто не взял на себя авторство. Не смог Фаттерер позже и предъявить ту копию, которую он якобы сделал с надписи, как и не вернулся больше на гору Нево, чтобы достать ковчег из предполагаемого потайного хода.

Полвека спустя эстафету Фаттерере подхватил американский исследователь по имени Том Кротсер, предыдущие «открытия» которого включали Вавилонскую башню, Ноев ковчег и Город Адама. В 1981 году этот джентльмен добыл какими-то обходными путями бумаги, оставленные Фаттерером, вроде бы включавшие схему потайного хода в горе Нево, где якобы находился ковчег завета.

Гора Нево расположена в границах нынешней Иордании, и именно в эту страну прилетел Кротсер вместе с группой рьяных коллег из так называемого Международного института восстановления истории (со штаб-квартирой в Уинфилде, штат Канзас). Своей миссией они, конечно же, считали спасение ковчега. С этой целью они провели четыре дня и ночи на горе Нево к ужасу францисканцев Святой земли, которым принадлежит эта вершина и которые охраняют византийскую церковь, возведенную на предполагаемом месте захоронения Моисея, и уже вели на протяжении нескольких десятилетий тщательные профессиональные археологические раскопки в этом районе.

Нечего и говорить, что францисканцы не нашли ковчега, как не нашел его и Кротсер, во всяком случае не на горе Нево. Завершив там свои изыскания, Кротсер и его команда перебрались на соседнюю гору Фасгу (где ранее также побывал Фаттерер). Здесь они наткнулись на лощину и убедили себя, что она-то и приведет их к «потайному ходу», изображенному на схеме Фаттерера.

Тот факт, что часть дна лощины была отгорожена листом жести, только укрепил их веру. В ночь на 31 октября 1981 года они убрали хрупкую преграду, и перед ними

действительно открылся проход. Они последовали по этому ходу, имевшему, по их словам, четыре фута в ширину и семь футов в высоту на расстояние около шестисот футов в недра земли, наткнулись на стену, точно соответствовавшую описанию Фаттерера, и без дальнейших проволочек разрушили ее.

За ней оказался вырубленный в скале тайник примерно семь футов на семь, в котором находился покрытый золотом прямоугольный ларец, имевший шестьдесят два дюйма в длину, тридцать семь дюймов в ширину и столько же в высоту. Рядом с ним покоились явно предназначавшиеся для его переноски шесты, полностью соответствовавшие библейскому описанию. В сторонке лежали свертки из ткани, которые Кротсер принял за херувимов, когда-то украшавших крышку ковчега.

Американцы не сомневались, что нашли священную религию. Они не стронули ее с места, не касались ее и не открывали, но сделали с помощью вспышки цветные фотографии. Затем они вернулись из Иордании в США, где сразу же поставили в известность о своем открытии информационное агентство ЮПИ. Новость получила всемирное освещение.

Так что же — ковчег действительно нашли? Ясно, сделанные в склепе фотографии явились бы решающим доказательством сенсационного заявления американцев, если бы их имели возможность изучить археологи, специализирующиеся на библейских сюжетах. Поэтому трудно понять, почему Кротсер постоянно отказывался показывать эти фотографии кому бы то ни было. Мало кого убедили его доводы в том смысле, что Бог надоумил его передать их только Дэвиду Ротшильду, являющемуся, по утверждению Кротсера, прямым потомком Иисуса Христа и избранному Господом для строительства Третьего храма, где извлечённый из своего тайника ковчег займет центральное место.

Член той же международной семьи банкиров, которая противилась раскопкам Монтагью Паркера на Храмовой горе в 1910 году, Ротшильд холодно опроверг известие о том, что он якобы получил фотографии, которые Кротсер все еще хранит у себя дома в Уинфилде, штат Канзас, отказываясь публиковать их и одновременно выражая готовность показать избранным посетителям.

В 1982 году одним из таких посетителей был известный археолог Зигфрид Хорн, специализировавшийся на районе горы Нево и опубликовавший больше дюжины научных трудов. Какое-то время он внимательно изучал фотографии Кротсера, которые, к сожалению, оказались не очень четкими.

«Лишь на двух из них что-то проявилось. На одной смазанно проступает некое помещение с желтым ящиком в центре. Другой, вполне качественный слайд дает четкое изображение передней части ящика».

Сразу после посещения дома Кротсера Хорн — ко всему прочему умелый рисовальщик — нарисовал ящик, виденный им на слайде. Некоторые части оклада желтого металла показались ему сделанными не из золота, а из бронзы, и к тому же были покрыты ромбовидным рисунком, скорее всего машинной работы. Еще более убийственным оказался тот факт, что торчащий в правом верхнем углу гвоздь имел вполне современную шляпку. Хорн пришел к следующему выводу:

«Не знаю, что собой представляет этот предмет, но фотографии убедили меня в том, что он является не древним, а современным изделием с декоративными полосками и металлическим листом машинной выработки».

ОТ ВЫДУМОК К ФАКТУ

Упорно работая с археологическими отчетами в Иерусалиме, я не смог отыскать упоминаний других экспедиций, пытавшихся проверить иудейские предания о последнем пристанище ковчега завета. Ученые, с которыми я имел возможность побеседовать, подтвердили ограниченность этой области исследований: Чарлз Уоррен и позже Меир Бен-Дов и его команда копали поблизости от Храмовой горы (хотя и не искали ковчег); Монтагью

Браунслоу Паркер — не археолог, а «чокнутый», как его охарактеризовал Габби Баркай, — вел раскопки на Храмовой горе, но ничего не нашел; Антония Фредерик Фаттерер нашел, но не разведал потайной ход, в котором, по его мнению, хранился ковчег; Том Кротсер утверждал, что нашел сам ковчег в том же ходе, который почему-то переместился с горы Нево на гору Фасги за пятьдесят лет, прошедшие со времени экспедиции Фаттерера.

Вот так. И это все, если не считать моих собственных поисков. А что делал я? Искал ковчег, разумеется, впутался в авантюру, в которую, должен признаться, меня обескуражило подобное открытие — мне предшествовали только мессианские провидцы и тронутые чудаки.

Мое спасение, полагал я, лишь в том, что я не имел ни малейшего желания построить Третий храм и не верил в то, что ковчег был похоронен тюд Каменным куполом или на горах Нево или Фасги. Я понял, что практически невозможно *доказать* отсутствие каких-либо тайн в указанных местах, но и удовольствоваться тем, что священная реликвия не была схоронена в упоминаемых иудейскими преданиями местах, не была увезена ни египтянами, ни вавилонянами и не была разрушена.

Ее исчезновение поэтому все больше и больше выглядело поистине непостижимой тайной — «одной из великих загадок Библии», как однажды выразился профессор древнееврейской и сравнительной религии Калифорнийского университета Ричард Эллиот Фридман. Вся проделанная в 1989–1990 годах работа укрепила мою убежденность в том, что решение загадки следует искать в Эфиопии. И все же… И все же… Одна проблема, которой я вовсе не занимался ни на какой стадии исследования, заключалась в том, что притязание Эфиопии на обладание ковчегом покоилось на столь же хрупком фундаменте, что и «аппокалипсис Баруха» или Вторая книга Маккавейская.

Откровенно говоря, я начал чувствовать, что смелые утверждения «Кебра Нагаст» недостаточно достоверны в качестве исторического свидетельства для оправдания поездки в священный город Аксум, во время которой мне пришлось бы рискнуть жизнью. Упорство в том, что царица Савская была эфиопкой, и связанное с этим утверждение, что она родила сына от царя Соломона, который в должное время выкрал ковчег из Иерусалима, больше походили на нелепые выдумки, нежели на трезвую правду. Конечно, я раскопал в Эфиопии большое количество фактов, притом убедительных фактов, в значительной степени подкреплявших представление о том, что реликвия действительно могла покоиться в храме Аксума. Теперь я был убежден, что ни одно другое место не может претендовать на большую достоверность. Но это отражало не столько достоинство описания в «Кебра Нагаст» того, как ковчег попал в Эфиопию, сколько слабость других вариантов.

Прежде чем решиться на поездку в Аксум, чувствовал я, мне необходимо найти более убедительное, нежели в «Кебра Нагаст» объяснение того, как «самый важный в мире, с точки зрения Библии, предмет» мог оказаться в сердце Африки. К тому времени, когда в октябре 1990 года я выехал из Иерусалима, я нашел такое объяснение, о чем рассказываю в следующей главе.

Глава 15
ТАЙНАЯ ИСТОРИЯ

В результате изнурительного исследования я убедился в том, что притязание Эфиопии на роль последнего пристанища утраченного ковчега не оспаривается какой-либо особо сильной или разительной альтернативой. Но это открытие не было единственным результатом моего исследования. В своем блокноте я записал:

«Никто из тех, кто проследил историю ковчега с момента его изготовления у подножия горы Синай до момента помещения в храм Соломона, не станет всерьез оспаривать его огромную важность для еврейского народа. И все же Священное писание, столь насыщенное присутствием реликвии до Соломона, как бы совершенно забывает о ней после Соломона. Формально признается, что она утрачена во время сооружения второго храма. Величайшая же

загадка заключается, если воспользоваться словами профессора Ричарда Фридмана, в следующем: «Нет сообщения о том, что ковчег куда-то увезли или уничтожили…» Нет даже указания вроде: «И тогда ковчег исчез, и мы не знаем, что с ним случилось», или: «И никто не знает, где он по сей день». Самый важный на свете предмет, с библейской точки зрения, просто перестал быть, и все».

Пересматривая собранные факты, я спросил себя: почему так случилось? Почему составители Ветхого Завета позволили ковчегу исчезнуть из священных текстов — и не с шумом, как можно было бы ожидать, а всего лишь с похныкиванием?

«Кебра Нагаст», как я знал, давала четкий ответ именно на этот вопрос. В главе 62 описывается горе Соломона после того, как он обнаружил, что его сын Менелик выкрал реликвию из храма и увез ее в Эфиопию. Когда же царь собрался с мыслями, то обратился к старейшинам Израиля, также громко оплакивавшим утрату ковчега, и предостерег их:

«Перестаньте, дабы необрезанные не глумились над вами и не могли сказать: «Их славу забрали, и Бог оставил их». Ничего не открывайте чужим…

И… старейшины Израиля сказали ему в ответ: «Да исполнится воля твоя, как и воля Господа Бога! Что же до нас, то никто из нас не нарушит слово твое, и мы не сообщим кому-либо, что ковчег был забран у нас». И к такому соглашению они пришли в доме Божьем — старейшины Израиля со своим царем Соломоном»..

Иными словами, если верить «Кебра Нагаст», было организовано массовое прикрытие. Ковчег был увезен в Эфиопию при жизни Соломона, но вся информация об этой трагической утрате скрывалась, и поэтому о нем не упоминается в Священном писании.

Многое говорит в пользу подобного положения вещей. Еврейскому царю имело смысл скрыть от толпы исчезновение ковчега. Одновременно у меня вызывали беспокойство другие аспекты отчета в «Кебра Нагаст», и прежде всего то, что, касается эфиопского происхождения царицы Савской, ее любовной связи с Соломоном, рождения их сына Менелика, утверждения, что последний доставил ковчег в Эфиопию, и указания на то, что все это случилось в X веке до н. э.

1. Нет, похоже, подтверждения смелого утверждения в «Кебра Нагаст» о том, что царица Савская была эфиопкой. Но нет оснований и считать это совершенно невозможным (в своих «Иудейских древностях» Иосиф Флавий называл ее «царицей Египта и Эфиопии»). В итоге историческое исследование не указывает на то, что она начала свое путешествие на Абиссинском нагорье, когда она прибыла, как говорится в Библии, «в Иерусалим с весьма большим богатством: верблюды навьючены *были* благовониями и великим множеством золота и драгоценными камнями…» [311]

2. Если факты, связывающие царицу Савскую с Эфиопией, хрупки, то факт самого *существования* ее сына Менелика еще менее достоверен. Я уже давно — знал, что историки считали предполагаемого основателя: «Соломоновой» династии Эфиопии чисто легендарной фигурой, и за два года исследований не узнал ничего такого, что убедило бы меня, что они ошибаются в этом ключевом вопросе.

3. В частности, представляется невероятным существование передовой культуры и централизованной монархии, описанных в «Кебра Нагаст», в абиссинских горах в X веке до н. э. «Во времена царствования Соломона, — писал Уоллис Бадж, — коренные жители страны, которую сегодня мы называем Абиссинией, были дикарями». Такова была консервативная точка зрения, и я не нашел ничего, что дало бы мне возможность оспорить ее.

4. Еще более убийственными для буквального восприятия «Кебра Нагаст» были данные, собранные мной самим в Эфиопии. Из всего множества преданий, услышанных мной в этой стране, самое чистое и наиболее убедительно указывает на то, что ковчег завета был доставлен первоначально на озеро Тана и там спрятан на острове Тана Киркос. Священник

Мемхир Фиссеха, с которым я беседовал там (см. главу 9), уверил меня в том, что реликвия оставалась на острове на протяжении восьми столетий, пока не была в конце концов доставлена в Аксум во времена обращения Эфиопии в христианство. Поскольку указанное обращение произошло около 330 года н. э., смысл народной памяти, сохраняемой на Тана Киркос, заключался в том, что ковчег должен был прибыть в Эфиопию в 470 году до н. э. или около того. Иными словами, через пятьсот лет *после* Соломона, Менелика и царицы Савской.

И это были далеко не единственные трудности, с которыми я столкнулся при прочтении «Кебра Нагаст». Меня сильно беспокоил, кроме того, практический вопрос: как Менелик и его спутники смогли извлечь столь ценный и столь *тяжелый* предмет, как ковчег, из храма Соломона, не обратив на себя внимания фанатичных левитов, охранявших святая святых.

Были и другие сомнения, вынудившие меня вместе с перечисленными выше согласиться с учеными, экспертами в том, что «Кебра Нагаст» действительно является примечательным докуметом и что одновременно к нему следует относиться скептически. И, тем не менее, я не намеревался отвергнуть великую эпическую поэму напрочь. Наоборот, я чувствовал, что как во многих других легендах, и здесь существует вполне реальная возможность того, что над прочным фундаментом исторической правды была возведена сложная беллетристическая надстройка. Короче говоря, неохотно отвергая притягательную мысль о романе между Соломоном и царицей Савской и нахальное предположение о том, что ковчег был украден из храма их сыном Менеликом, я не видел оснований для заключения, что реликвия не могла быть доставлена в Эфопию иными путями. Таким образом возникла загадка, которую «Кебра Нагаст» гораздо позже объяснила в своеобразной, оригинальной и красочной манере. В самом деле, я убедился в том, что социальные и культурные факторы самой Эфиопии основательно подтверждали притязание этой страны на роль последнего пристанища ковчега. Поскольку же теперь я знал, что ни одна другая страна или регион не могут предъявить более убедительной претензии, я больше, чем когда-либо, склонялся поверить, что ковчег действительно находится там.

Тем не менее еще предстояло найти место последним частям головоломки. Если царица Савская не была возлюбленной Соломона и не родила ему сына по имени Менелик, как утверждают легенды, тогда кто на самом деле привез ковчег в Эфиопию, когда и при каких обстоятельствах?

ЛЕДИ ЧЕРЕСЧУР ПРОТЕСТУЕТ, Я ДУМАЮ...

В попытке найти ответ на эти вопросы я постоянно держал в голове вполне приемлемую мысль, выдвинутую в «Кебра Нагаст»: изъятие ковчега завета из святая святых могло быть произведено под прикрытием заговора молчания, организованного высшими священниками и царем. Но каким другим царем, если не Соломоном?

«Прикрытие» определяется, конечно, тем, что его трудно обнаружить. Поэтому я и не надеялся с легкостью отыскать доказательства такого рода в Ветхом Завете. Эта великая и сложная книга хранила свои секреты более двух тысячелетий, и не было никакой надежды на то, что она выдаст мне их сейчас.

Я начал с того, что отпечатал все упоминания ковчега завета в Библии. Даже имея доступ к лучшим специалистам в этой области, было совсем не легко извлечь их все. Закончив свой поиск, я получил документ из более чем пятидесяти страниц. Примечательно и поразительно то, что только на последней из них появились ссылки на период после смерти Соломона. Все остальные касались истории ковчега во время скитаний по пустыне, завоевания земли обетованной, царствования Давида и самого Соломона.

Библия, как я понимал, содержит мешанину материалов, записанных писцами нескольких разных школ на протяжении сотен лет. Многие из упоминаний ковчега были действительно очень старыми, другие — относительно недавними. Ни одно из содержащихся в Третьей книге Царств, например, не было датировано раньше царствования Иосии (640–

609 гг. до н. э.). Значит, описание установки ковчега в храме Соломона в главе 8 Третьей книги Царств, хоть и основано, несомненно, на древних устных и рукописных преданиях, было сделано священниками, которые жили некоторое время спустя после этого события. То же самое можно сказать и об упоминаниях в Книге Второзаконие, поскольку и она была более поздним документом, датированным временем царя Иосии. Следовательно, если ковчег был извлечен из святая святых до разрушения храма в 587 году до н. э., то представлялось вероятным найти следы прикрытия в книгах Царств и во Второзаконии, если их вообще можно найти где бы то ни было, поскольку при составленииэтих книг у книжников была возможность исказить факты, дабы создать желаемое впечатление, будто «слава» и не покидала Израиль.

При внимательном изучении текста я наткнулся на одно место в главе 8 Третьей книги Царств, которое как-то выпадало из контекста, расходилось любопытным образом с остальным описанием великой церемонии, сопровождавшей помещение ковчега в святая святых. Вот это место:

«И внесли священники ковчег завета Господня на место его, в давир храма, во Святое Святых, под крылья херувимов. Ибо херувимы простирали крылья над местом ковчега, и покрывали херувимы сверху ковчег и шесты его. И выдвинулись шесты так, что головки шестов видны были из святилища пред давиром, но не выказывались наружу; они там и до сего дня». [312]

Почему, задался я вопросом, библейский книжник, отвечавший за этот пассаж, посчитал необходимым уверять, что шесты ковчега в его время можно было видеть выступающими из внутреннего святилища? Какой смысл был бы в таком утверждении, если только реликвии в самом деле *не* было там во время написания этих слов (примерно в 610 г. до н. э., если верить специалистам)? Странно защитительный тон, думалось мне, походит на твердые уверения в невиновности, которые делают порой виновные ради затемнения истины. Короче говоря, автор Третьей книги Царств вызвал у меня подозрения тем, что, подобно известной леди из шекспировского «Гамлета», «слишком уж протестовал».

Меня порадовало то, что я был не одинок в своей догадке. В 1928 году ведущий специалист по Библии Юлиан Моргенштерн также поразился этим странным словам: «они там и до сего дня». Он пришел к заключению (в научной статье, опубликованной в «Ежегоднике Еврейского колледжа), что книжник пытался

«уверить читателей в том, что шесты ковчега и, следовательно, сам ковчег находились во внутренней части храма, даже если их не могли видеть простые люди или фактически никто, кроме первосвященника, входившего в святая святых один раз в год. — во время Иом-Кипура… Тот-факт, что [писарь] считал себя обязанным настаивать таким образом на тем, что в его время ковчег все еще находился в храме… свидетельствует, что он должен был противостоять широко распространенному и упорному сомнению в этом — сомнению, основанному, по всей вероятности, на реальном факте».

И это еще не все. В следующем же стихе той же главы Третьей книги Царств говорится:

«В ковчеге ничего не было, кроме двух каменных скрижалей, которые положил туда Моисей… когда Господь заключил завет с сынами Израилевыми, по исшествии их из земли Египетской; они там и до сего дня» [313]*. (Внимание! Подчеркнутого нет в наш. Библ.)*

В Книге Второзаконие, написанной в то же время, говорится практически то же самое: Моисеи положил скрижали в Ковчег, «чтоб они там были» [314]. Моргенштерн заключает из анализа этих слов, что они «должны были быть внесены с особой целью». Обратившись затем к оригинальному тексту на древнееврейском, он приходит к выводу, что эта цель могла заключаться только в приведении «прямого и решительного доказательства — *как если бы в ответ на какое-то сомнение или вопрос* — того, что скрижали с десятью заповедями все еще находились в ковчеге во времена… автора этого стиха».

Второзаконие и Третья книга Царств освещают, разумеется, совсем разные периоды израильской истории. Ключевой же — и столь важный, что заслужил повторения, — момент состоял в том, что обе книги были составлены в одно и то же время, во время — как я уже установил — царствования Иосии, то есть в 640–609 годах до н. э.

С удвоенным интересом обратился я к машинописному тексту со всеми ссылками на ковчег в Библии. Я помнил, что лишь очень немногие из них относились ко времени после смерти Соломона. Теперь я убедился, что их было только две: один эпизод был записан во время царствования Иосии, другой цитировал слова самого Иосии, и оба были записаны на последней странице подготовленного мной документа.

ИОСИЯ И ИЕРЕМИЯ

В своем исследовании я уже сталкивался с Иосией. Изучая древние религиозные обычаи чернокожих иудеев Эфиопии, я узнал, что именно во время его царствования, институт жертвоприношения был сосредоточен в Иерусалиме и запрещен во всех иных местах (см. главу 6). Поскольку фалаша продолжали совершать жертвоприношения в Эфиопии (и держали жертсвенники во всех своих деревнях), я записал в блокноте следующий вывод:

«Их предки должны были быть обращены в иудаизм в те времена, когда еще считалось приемлемым совершать жертвоприношения в местах, удаленных от центрального национального святилища. Из этого следует, что обращение имело место до введенного царем Иосией запрета, то есть не позднее VII века до н. э.».

Мое исследование распространилось на области, о которых я даже и подумать не мог, когда записал приведенные слова в 1989 году, и теперь я столкнулся с особо интересными обстоятельствами. Сидя в своем номере отеля в Иерусалиме в октябре 1990 года, я раскрыл блокнот и записал следующие пункты:

«В главе 8 Третьей книги Царств и во Второзаконии налицо признаки попыток убедить народ в том, что ковчег все еще находится на своем месте в храме; это похоже на старания скрыть правду, то есть тот факт, что реликвии уже не было там. Имеющие отношение к делу эпизоды были записаны во времена царя Иосии.

Исходя из этого, я делаю вывод, что ковчег был изъят из храма во время царствования Иосии; однако, скорее всего, в то время было обнаружено лишь его отсутствие, а утрачен он был еще раньше. Почему? Потому что Иосия был усердным реформатором, стремившимся подчеркнуть первостепенное значение храма в Иерусалиме; и потому, что предназначение храма состояло в том, чтобы служить «домом покоя для ковчега завета Господня». Практически немыслимо, чтобы такой монарх позволил изъять из святая святых главный символ иудаизма, свидетельство присутствия Яхве на земле. Напрашивается логический вывод: ковчег был похищен до воцарения Иосии, то есть до 640 года до н. э.

Религиозные обычаи фалаша включают местные жертвоприношения; которые были окончательно запрещены при царе Иосии. На основании этого и других сведений у меня сформировалось мнение о том, что предки фалаша мигрировали в Эфиопию до 640 года до н. э.

Такие дела определенно не могут не быть связанными между собой».

Цепочка фактов выглядела убедительной: ковчег был изъят из храма до 640 года до н. э.; предки фалаша мигрировали в Эфиопию до 640 года до н. э. Так не резонно ли предположить, что предки фалаша могли привезти с собой и ковчег?

Эта гипотеза показалась мне вполне логичной. Она, однако, не указывала, в *какое* именно время до 640 года до н. э. имела место предполагаемая миграция из Иерусалима. Не исключала она полностью и возможность того, что ковчег мог быть похищен во время царствования Иосии. Последнее предположение выглядит довольно смелым, если принять во внимание религиозную чистоту и традиционализм этого монарха. Однако его нельзя скидывать со счетов хотя бы потому, что, как я уже знал (см. предыдущую главу),

определенные еврейские легенды предоставляли ему веский мотив. В последние годы его царствования, говорится в таких легендах, он предвидел разрушение храма вавилонянами и спрятал «святой ковчег и все его принадлежности, дабы уберечь их от осквернения в руках врага». Больше того, считалось, что он, возможно, прибег к каким-то чудодейственным способам и упрятал реликвию «на ее собственном месте».

Теперь я был убежден как никогда прежде, в том, что ковчег не был захоронен на Храмовой горе или где-либо еще в Святой земле. Тем не менее я все еще задавался вопросом: возможно ли это? Мог ли в действительности Иосия предвидеть судьбу храма и предпринять шаги для спасения ковчега?

Рассмотрев этот сценарий, я пришел к выводу: если только иудейский царь не обладал поистине удивительным даром предвидения, он никак не мог предсказать события 598–587 годов до н. э. Он умер в 609 году до н. э. — за пять лет до того, как Навуходоносор, разрушитель Иерусалима, унаследовал вавилонкий трон. Больше того, предшественник Навуходоносора — Набопаласар совсем или почти не проявлял военных намерений в отношении Израиля и занимался лишь войнами с Ассирией и Египтом.

Таким образом исторический фон царствования Иосии не подтверждает теорию о том, что он мог спрятать ковчег завета. Еще убийственнее было последнее упоминание священной реликвии в Ветхом Завете — в том месте Второй книги Паралипоменон, где описывается кампания по восстановлению традиционных ценностей богослужения в храме:

*«И изверг Иосия все мерзости из всех земель, которые у сынов Израилевых… И поставил он священников на местах их… и сказал левитам, наставникам всех Израильтян, посвященным Господу: **поставьте ковчег святый в храме**, который построил Соломон, сын Давидов, царь Израиле»; нет вам нужды носить его на раменах…».* [315]

Мне сразу же стало ясно, что эти короткие стихи, особенно выделенные мною слова, имеют огромное значение для моего поиска. Почему? Да просто потому, что Иосии не было нужды просить левитов поставить ковчег в храме, если он уже находился там. Напрашивались два неизбежных вывода: во-первых, сам царь не мог изъять реликвию, поскольку он явно думал, что ее забрали традиционные носильщики левиты, и, во-вторых, дата исчезновения ковчега из храма могла быть теперь установленной как время незадолго до процитированной маленькой речи Иосии.

Когда же именно была произнесена эта речь? К счастью, Вторая книга Паралипоменон дает очень точный ответ на этот вопрос: «в восемнадцатый год царствования Иосии» [316], иными словами, в 622 году до н. э. [317] Однако Паралипоменон умалчивает, выполнили ли левиты царский приказ. В самом деле, не только нет красочного описания церемонии возвращения ковчега в храм, но и нет никакого продолжения ни в этой книге, ни где-либо еще в Библии.

Напротив, становится ясно, что его слова не были услышаны, а если и были, то только теми, кто был не в состоянии выполнить их.

Хронологически, как я уже заметил, речь Иосии содержала последнее упоминание ковчега завета во всем Ветхом Завете. Я вернулся к изучению предпоследнего эпизода в Книге Иеремии, в главе, составленной самим Иеремией около 626 года до н. э. [318] в форме пророчества, адресованного населению Иерусалима:

«И будет, когда вы размножитесь и сделаетесь многоплодными на земле, в те дни, говорит Господь, не будут говорить более: «ковчег завета Господня»; он и на ум не придет, и не вспомнят о нем, и не будут приходить к нему, и его уже не будет. В то время назовут Иерусалим престолом Господа; и все народы ради имени Господа соберутся в Иерусалим и не будут более поступать по упорству злого сердца своего». [319]

Как и Иосии, мне было известно, что некоторые еврейские легенды, да и апокрифическая Книга Маккавейская утверждали, будто Иеремия спрятал ковчег на горе

Нево незадолго до разрушения храма (см. предыдущую главу). Приведенная же выше цитата имеет бесконечно большую цену исторического свидетельства, нежели легенды или апокрифы, поскольку приводятся слова, произнесенные в известное время реальным лицом — самим Иеремией [320]. Больше того, в контексте всего остального, что я разузнал, не оставалось сомнений относительно смысла этих слов или их последствий. Короче говоря, они подтвердили впечатление от речи Иосии в том смысле, что к 626 году до н. э. ковчега уже не было в храме, и отодвинули назад, по крайней мере до 626 года до н. э., вероятную дату его исчезновения. Я сказал «по крайней мере до 626 года до н. э.» потому, что именно в этом году, — как отмечено выше, произнес Иеремия свое пророчество. Очевидно, однако, что, произнося его, он как бы отвечал — по крайней мере отчасти — на широко распространившиеся и, вероятно, к тому времени уже давние мучения, вызванные утратой ковчега. Таково единственно возможное объяснение следующего стиха: *«И* будет, когда вы размножитесь и сделаетесь многоплодными на земле… не будут говорить более: «ковчег завета Господня». Очевидно: если люди не говорили таких вещей в 626 году до н. э. и значительное время до этого, тогда Иеремии не было бы нужно делать подобное пророчество.

Придя к такому суждению, я с удовольствием удостоверился в том, что оно пользуется полной поддержкой одного из ведущих мировых специалистов по Библии — профессора иерусалимского Еврейского университета Менахема Харана. В своем известном трактате «Храмы и храмовая служба в Древнем Израиле» этот знающий ученый рассматривает приведенный отрывок и приходит к следующему заключению:

«Этот стих следует за словами утешения и сам содержит утешение и сострадание. Пророк обещает здесь, что в грядущее доброе время уже не будет нужды в ковчеге, намекая, что его отсутствие не будет вызывать печаль. Эти слова были бы, конечно, лишены всякого смысла, если бы ковчег все еще находился в то время в храме».

Исходя из вышесказанного, я считал, что мне следует присмотреться к периоду до 626 года до н. э., если хочу установить действительную дату исчезновения ковчега. Больше того, я не считал необходимым тратить время на тщательное изучение первых лет царствования Иосии, то есть 640–626 годы до н. э. Как я уже знал, в 622 году этот монарх безуспешно пытался вернуть реликвию в храм. Так что вряд ли можно возлагать на него ответственность за изъятие ковчега. Виновным в этом должен был быть один из его предшественников — любой из пятнадцати царей, правивших Иерусалимом со времени Соломона, поместившего ковчег в святая святых в 955 году до н. э.

ИЩИТЕ И ОБРЯЩЕТЕ

Итак, мне предстояло рассмотреть период в 315 лет — с 955 года до н. э. до воцарения Иосии в 640 году до н. э. В тот период Иерусалим, и храм находились в центре чрезвычайно сложного ряда событий. Хотя они были довольно подробно описаны в нескольких книгах Библии, ковчег завета при этом не упоминался ни разу: между царствованиями Соломона и Иосии, как я уже установил ранее, священная реликвия была окутана густым облаком умолчания.

Я прибег к современным методам исследования, дабы посмотреть, насколько толстым в действительности было это древнее облако. На письменном столе в моем гостиничном номере в Иерусалиме появилась компьютерная версия английского перевода Библии, утвержденного королем Яковом, которую я захватил с собой из Англии. Я знал, что касательно заинтересовавшего меня периода бесполезно запускать программу поиска на слова «ковчег», «ковчег завета», «ковчег Божий», «Святой ковчег» или иной синоним: они просто не появлялись. Но у меня был выход: поискать фразы, регулярно ассоциируемые с ковчегом ранее в Священном писании, сообщения о бедствиях, обычно вызывавшихся ковчегом.

В области бедствии я остановился на слове «прокаженный», так как в главе 12 Книги Числа Моисей наказал Мариам за критику, наслав на нее с Помощью ковчега проказу [321]. Из фраз я выбрал «между херувимами», поскольку Бог Израилев обитал, как считалось, «между херувимами», установленными на золотой крышке ковчега, и поскольку вплоть до царствования Соломона эта формула всегда употреблялась исключительно в связи с ковчегом [322].

Начал я со слова «прокаженный». Моя электронная Библия, конечно же, высветила его в главе 12 Книги Числа, где описывается случившееся с Мариам. Затем оно появляется лишь дважды во всем Священном писании: в Четвертой книге Царств, где без какой-либо пользы для меня упоминаются «четыре человека прокаженных», сидевших у ворот северного израильского города Самария [323]; и во Второй книге Паралипоменон, где оно неожиданно появляется в месте, имеющем прямое отношение к моему поиску.

В главе 26 Второй книги Паралипоменон описывается, как царь Озия, правивший в Иерусалиме с 781 по 740 год до н. э., «сделался преступником пред Господом Богом своим, ибо вошел в храм Господень, чтобы воскурить фимиам на алтаре кадильном» [324]. Первосвященник Азария и его помощники поспешили за монархом, надеясь отговорить его от совершения этого акта святотатства на входе в святая святых.

«И разгневался Озия, — а в руке у него кадильница для каждения; и когда разгневался он на священников, проказа явилась на челе его, пред лицем священников, в доме Господнем, у алтаря кадильного». [325]

Кажется, Озия даже не вошел в святая святых (хотя текст и допускает двоякое толкование), но он определенно стоял очень близко к ней. Больше того, он держал в руке металлическую кадильницу, а это со времени, когда два сына Аарона были поражены насмерть у подножия горы Синай за то, что «принесли пред Господа огонь чуждый» [326], всегда было опасно делать в радиусе поражения ковчега [327].

Одно это позволяет заключить, что «проказа» на лбу Озии была вызвана воздействием ковчега (позже мне предстояло узнать, что и другие думали так же: приведенная в настоящей книге иллюстрация из английского издания Библии XVIII века показывает несчастного царя, стоящим рядом с ковчегом в момент «наказания»).

«Если болезнь царя была вызвана ковчегом (записал я в своем блокноте), значит, он все еще находился в святая святых в 740 году до н. э. (царствование Озии закончилось в том году из-за случившегося с ним [328]). Это в значительной степени сузило поле поиска, ибо означало, что реликвия могла исчезнуть только в одном столетии, отделявшим этот эпизод от начала царствования Иосии, то есть где-то между 740 и 640 годами до н. э.».

Я, разумеется, вполне отдавал себе отчет в том, что эпизод с Озией имеет малое значение в качестве исторического источника: это был лишь волнующий намек или ключ, если хотите, но совершенно недопустимо выводить из него, что ковчег определенно еще находился в храме в 740 году до н. э. Я нуждался в чем-то более основательном, чтобы поверить, что так оно и было на самом деле, и нашел искомое, когда использовал в поиске фразу «между херувимами».

Как отмечалось выше, в библейских эпизодах периода, предшествовавшего царствованию Соломона, эти слова исользовались исключительно в связи с ковчегом и ни в каком ином контексте. Несмотря на необходимость приглядываться к контексту, я полагал, что любое повторение этих слов после помещения реликвии в храм в 955 году до н. э. послужит серьезным доказательством его нахождения в святая, святых в тот год или годы, когда использовалась эта фраза.

Соответственно я запрограммировал компьютер на поиск слов «между херувимами». Уже через несколько секунд я узнал, что они были использованы только семь раз за весь период после царствования Соломона.

Два из этих эпизодов — в Псалме 80:1 и Псалме 99:1 — определенно связаны с херувимами ковчега. К сожалению, их невозможно датировать с достаточной точностью: они вполне могли быть досоломоновыми, но большинство ученых считают, что имеющие отношение к делу стихи скорее всего были сочинены в «первые годы монархии», то есть при жизни Соломона или на протяжении примерно столетия после его смерти.

Слова «между херувимами» также появляются три раза в Книге пророка Иезекииля [329], написанной уже после 593 года до н. э. Однако все случаи неиспользования не имели отношения к моему исследованию, ибо: а) «херувимы» явились Иезекиилю в видении, пока он сидел у себя дома [330]; б) у них было «четыре лица» и «четыре крыла», а у херувимов с крышки ковчега было только одно лицо и два крыла [331]; в) они явно были живыми существами огромных размеров, а не компактными фигурками из чистого золота, смотревшими друг на друга над крышкой ковчега [332]. И в самом деле, в конце видения Иезекииля его херувимы «подняли… крылья свои, и поднялись в глазах моих от земли… И шум от крыльев херувимов слышен был… как бы глас Бога Всемогущего, когда Он говорит» [333].

Для моего поиска эпизодов, которые доказывали бы присутствие ковчега в иерусалимском храме в конкретные пероды, херувимы Иезекииля не имели никакого значения, и потому ими можно было безболезненно пренебречь. Это означало, что из всех случаев упоминания избранных мною слов оставались только два, которые могли бы мне в какой-то степени помочь: одно в главе 37 Книги пророка Исаии и второе — в главе 19 Четвертой книги Царств [334]. В обоих случаях рассказывается об одном и том же событии, оба имеют большое значение и оба ясно и недвусмысленно относятся к ковчегу завета, хотя и не упоминают его. Ниже приводятся два эпизода (версия Исаии, более древняя из двух, дается в верхнем абзаце, а версия Царств — в нижнем):

«…И пошел [Езекия] в дом Господень… и молился Езекия пред лицем Господним и говорил: Господи Саваоф, Боже Израилев, седящий на Херувимах! Ты один Бог всех, царств земли…» [335]

«…И пошел [Езекия] в дом Господень… и молился Езекия пред лицем Господним и говорил: Господи Боже Израилев, седящий на Херувимах! Ты один Бог всех царств земли…» [336]

Как, несомненно, заметил читатель, в обоих эпизодах не только говорится об одном и том же событии, но и делается это в почти идентичных выражениях. В самом деле, стихи в Книге Царств почти дословно повторяют стихи Исаии. Последние — в этом ученые единодушны — были написаны самим Исаией [337]. Поскольку очень многое известно о жизни, времени и деятельности этого известного пророка, можно довольно точно установить время вознесения Езекией молитвы Богу Израиля, «седящему на херувимах».

Исаия был призван заняться пророчествами в 740 году до н. э. — в том самом году, когда царь Озия умер, пораженный проказой в описанном выше эпизоде [338]. Свое пастырство он продолжил при царях Иофане, Ахазе и Езекии (соответственно в 740–736, 736–716 и 716–687 гг. до н. э.). Решающее значение для моего исследования имело единодушное мнение ученых: стих, в котором мой компьютер нашел слова «между херувимами», был написан Исаией в 701 году до н. э., в том самом году, когда ассирийский царь Сеннахирим неудачно попытался овладеть Иерусалимом [339].

В действительности именно по совету Исаии Езекия, иудейский монарх, отказался сдать город ассирийцам [340]. Тогда Сеннахирим послал ему письмо, угрожая смертью и разрушениями, и Езекия взял с собой это письмо [341], когда отправился в «дом Господень… и молился пред лицем Господним…» В своей молитве Езекия сказал:

«Приклони, Господи, ухо Твое и услышь; открой, Господи, очи Твои и воззри, и услышь слова Сеннахирима, который послал поносить Тебя, Бога живого. Правда, о, Господи! Цари

Ассирийские опустошили все страны и земли их… И ныне, господи Боже наш, спаси нас от руки его; и узнают все царства земли, что Ты, Господи, Бог один». [342]

Чудесным образом Господь согласился. Сначала он послал своего пророка Исаию со следующим посланием:

«Посему так говорит Господь о царе Ассирийском: „не войдет он в этот город и не бросит туда стрелы, и не приступит к нему со щитом, и не насыплет против него вала… Я буду охранять город сей, чтобы спасти его ради Себя…"». [343]

Слово Иеговы верное. В ту же ночь

«…выше Ангел Господень и поразил в стане Ассирийском сто восемьдесят пять тысяч человек. И встали поутру, и вот все тела мертвые. И отступил… Сеннахирим, царь Ассирийский…». [344]

Не может быть сомнений в историчности этих событий: ассирийцы окружили Иерусалим в 701 году до н. э., и они в самом деле неожиданно сняли осаду и бежали. Ученые полагают, что это случилось потому, что разразилась эпидемия бубонной чумы. Странно, но нет сведений о том, что кто-то в осажденном Иерусалиме заразился этой легко передающейся болезнью. В контексте всего того, что я уже узнал, я не мог не задаваться вопросом: а не мог ли ковчег завета содействовать каким-либо образом поражению Сеннахирима? Массовая бойня очень уж походила на те «чудеса», что в более ранние времена так часто совершала реликвия [345].

Но это была лишь интуиция, догадка, что никак нельзя было посчитать доказательством нахождения ковчега в храме в 701 году до н. э. Но таковым является красноречивое свидетельство Исаии о том, что царь Езекия молился «Богу Израилеву, седящему на Херувимах». Монарх возносил свою молитву внутри Храма [346]. Больше того, в процитированном тексте говорится о том, что он не только принес с собой угрожающее письмо Сеннахирима, но и «развернул его… пред лицем Господним» [347]. Точно так же, но в более древние времена «Соломон… пошел… в Иерусалим и стал пред ковчегом завета Господня… и совершил жертвы мирные…» [348]. И таким же манером — еще раньше — «Давид и все сыны Израилевы играли пред Господом на всяких музыкальных орудиях из кипарисового дерева, и на цитрах, и на псалтирях, и на тимпанах, и на систрах, и на кимвалах» [349]. И точно таким же манером, но еще раньше, «отделил Господь колено Левиино, чтобы носить ковчег завета Господня, предстоять пред Господом, служить ему… и благословлять именем Его…» [350].

Короче говоря, тот факт, что Езекия развернул письмо Сеннахирима «пред лицем Господним» и потом молился «Богу Израилеву, седящему на Херувимах», определенно свидетельствует, что ковчег завета находился в то время в святая святых. Иначе просто невозможно истолковать это место. Поскольку оно так эффективно доказало присутствие реликвии в храме много времени спустя после царствования Соломона, то и нанесло смертельный удар по утверждению «Кебра Нагаст» о том, что ковчег был украден Менеликом еще при жизни Соломона.

Я даже не знал, радоваться ли мне такому открытию или огорчаться. Меня всегда немного угнетало развенчание какого-нибудь прекрасного мифа. И все же я надеялся пока еще доказать центральное утверждение «Кебра Нагаст», а именно, что ковчег действительно был доставлен в Эфиопию (хоть и не Менеликом, разумеется), но не имел ни малейшего представления о том, как мне это удастся.

С немалым унынием вернулся я к кучам книг и бумаг, окружавшим меня в гостиничном номере в Иерусалиме. И все же мое исследование зашло далеко. Я убедился в том, что ковчег не был изъят из храма ни во время, ни после царствования Иосии, начавшегося в 640 году до н. э. Больше того, стало совершенно ясно, что он все еще находился на своем месте в святая святых в 701 году до н. э., в котором Езекия вознес свою молитву. Таким образом,

оставался только шестьдесят один год, когда ковчег мог исчезнуть, и даже этот период можно сузить еще больше. Почему? Да потому, что Езекия вряд ли позволил бы кому бы то ни было унести священную реликвию, которая так эффективно откликнулась на его молитву.

Езекия умер в 687 году до н. э., а Иосия взошел на трон в 640 году до н. э. В промежутке царствовали только два монарха: Манассия (687–642 гг. до н. э.) и Аммон (642–640 гг. до н. э.). Выходило, что ковчег мог быть утрачен только во время царствования одного из них.

ГРЕХ МАНАССИИ

Я вновь углубился в библейские тексты, и вскоре мне стало ясно, что виновным мог быть только Манассия, которого книжники безжалостно наказали за то, что он

«делал… неугодное в очах Господних, подражая мерзостям народов… поставил жертвенники Ваалу… и поклонялся всему воинству небесному, и служил ему. И соорудил жертвенники в доме Господнем… всему воинству небесному… и провел сына своего чрез огонь… и ворожил, и завел вызывателей мертвецов и волшебников; много сделал неугодного в очах Господа, чтобы прогневать Его. И поставил истукан Астарты, который сделал в доме, о котором говорил Господь Давиду и Соломону, сыну его: «в доме сем и в Иерусалиме, который Я избрал из всех колен Израилевых, Я полагаю имя Мое навек…». [351]

Что за «истукана» сделал Манассия? И где именно в храме поставил его?

В поисках ответа на первый вопрос я временно оставил Библию короля Якова (из которой взята вышеприведенная цитата) и обратился к более современной Иерусалимской Библии, согласно которой Астарта был языческим божеством, обитавшим на деревьях. Ответ на второй вопрос был самоочевиден: «домом», в котором Яхве положил свое «имя навек», была святая святых храма — в *давир,* непрозрачной золотой камере, которую Соломон «приготовил для того, чтобы поставить там ковчег завета Господня» [352].

Значение моего последнего открытия огромно. Манассия, сделавший «неугодное в очах Господних», внес идола в святая святых храма. Совершив такой возврат к язычеству, он просто не мог позволить ковчегу завета остаться на своем месте, ибо ковчег был знаком и печатью присутствия Яхве на земле и основным символом строго монотеистической иудейской веры. В то же время просто немыслимо, чтобы царь-вероотступник *уничтожил* священную реликвию: напротив, при его склонности к чарам и волшебству он наверняка посчитал бы это сверх неразумным. Скорее всего, он приказал левитам вынести ковчег из храма *прежде,* чем установить свою «Астарту» во внутреннем святилище. И такой приказ левиты выполнили бы с большой радостью: будучи верными слугами Господа, они сделали бы все, что было в их силах, чтобы избежать осквернения предмета, который они считали «подножием к ногам» своего Бога [353], и они едва ли могли вообразить худшее осквернение, чем сосуществование в святая святых ковчега с идолом чуждого божества. Будучи же священниками, они не были в состоянии оказать сопротивление такому могущественному монарху, как Манассия. Наилучшим выходом для них было покориться неизбежному и унести ковчег в безопасное место.

В Библии даже имеются указания на то, что выдворение ковчега из храма могло вызвать нечто вроде массового выступления против царя, которое он жестоко подавил. Конечно, я лишь строил догадки, но подобная гипотеза помогла объяснить, почему. Манассия «пролил… весьма много невинной крови, так что наполнил ею Иерусалим от края до края…» [354].

Как бы то ни было, стало ясно, что царствование этого монарха в последние годы считалось позором, отклонением от нормы и мерзостью. Его трон в 642 году до н. э. унаследовал его сын Аммон, которого в 640 году сменил Иосия, рьяный реформатор, прославившийся (и заслуживший любовь книжников) тем, что восстановил традиционное поклонение Яхве.

Почему Аммон находился на троне так мало времени? Да потому, что — согласно Библии — он делал «неугодное в очах Господних так, как делал Манассия, отец его; и ходил тою же

точно дорогою, которою ходил отец его, и служил идолам, которым служил отец его, и поклонялся им… И составили заговор слуги Аммоновы против него, и умертвили царя в доме его… и воцарил народ земли Иосию, сына его, вместо него» [355].

Однако «восьми лет был Иосия, когда воцарился» [356], и лишь через восемь лет «он начал прибегать к Богу Давида» [357]. Горячая же реакция юного монарха на грехи Манассии и Аммона проявилась в двенадцатый год его царствования — когда ему исполнилось двадцать лет и он начал «очищать Иудею и Иерусалим от… резных и литых кумиров» [358].

«…И вынес Астарту из дома Господня за Иерусалим к потоку Кедрону, и сжег ее у потока Кедрона, и истер ее в прах, и бросил прах ее на кладбище общенародное…». [359]

Действительно, горячая реакция! Важно и то, что можно установить точную дату: это случилось в 628 году до н. э. — на двенадцатый год царствования Иосии, когда отвратительного идола Манассии изгнали из святая святых. Однако нет сомнений в том, что ковчег не был водворен на его место. Как мне было уже известно, Иеремия отвечал на печаль народа в связи с продолжавшимся отсутствием реликвии, когда два года спустя предсказывал, что придет время и люди уже не будут спрашивать: «Где ковчег завета Господня?», не будут сожалеть о нем и думать об изготовлении нового.

Еще через четыре года сам Иосия в отчаянии просил левитов вернуть ковчег в храм, уверяя их, что он не будет бременем для их плеч. Это случилось в 622 году до н. э., на восемнадцатый год его царствования, и не случайно именно в тот год, после долгого очищения по всей стране, он «возвратился в Иерусалим» и приказал «возобновить дом Господа Бога своего» [360].

«Плотники, и каменщики, и делатели стен» [361] сделали необходимый ремонт. Величайшая же загадка заключается в том, что левиты так и не выполнили требования Иосии «возвратить святой ковчег в дом, который построил Соломон, сын Давида, царя Израилева». И я все больше верил в то, что разгадку следует искать в Эфиопии, хоть и не был пока в состоянии постичь, каким образом и почему.

Пока же я принялся искать академическое подтверждение своей точки зрения на то, что именно во время царствования Манассии и исчез Ковчег. И я нашел такое подтверждение в авторитетном трактате, к которому уже обращался несколько раз — «Храмы и храмовая служба в Древнем Израиле» профессора Менахема Харана. Здесь в кратком разделе в середине книги я прочитал:

«На фоне происходивших в Иудейском царстве различных перемен иерусалимский храм продолжал служить исключительно как храм Яхве… Был только один-единственный период, когда его лишали изначальной функции и он перестал служить как храм Яхве… Это случилось во время царствования Манасии… который установил сосуды Ваала… во внешнем святилище и внес Астарту во внутреннее святилище храма… Это единственное событие, которое может объяснить исчезновение ковчега и херувимов… Мы вправе заключить, что идол Астарты заменил… ковчег и херувимов. Примерно пятьдесят лет спустя, когда Иосия вынес Астарту из Храма, сжег ее в долине Кедрона, истер ее в прах и даже развеял прах ее, ковчега и херувимов уже не было там».

Я сделал несколько звонков в Еврейский университет и нашел профессора Харана. Я сказал, что читал его книгу и взволнован его предположениями, что ковчег завета был утрачен во время царствования Манассии. Может ли он уделить мне полчаса для обсуждения этого вопроса? Он с явным удовольствием согласился и пригласил меня к себе домой на улицу Альфаси в Иерусалиме.

Харан оказался человеком пожилым, но крепким, с мощным телосложением и седыми волосами — облик типичного ученого и практика, знатока Библии, тип, который часто встречается в Израиле. Я коротко рассказал ему о своем исследовании, а затем

поинтересовался, убежден ли он в том, что ковчег действительно был изъят из храма во времена Манассии.

— Да, — убежденно ответил он. — Я уверен в этом, насколько вообще можно быть уверенным в чем-то. Вот почему ковчег не упоминается в длинных перечнях принадлежностей и сокровищ храма, увезенных позже вавилонянами. И должен добавить без ложной скромности, что мои мнения по этому вопросу ни разу не были опровергнуты ученым миром.

Я воспользовался случаем и задал давно беспокоивший меня вопрос:

— Если ковчег был вынесен в связи с идолопоклонством Манассии, тогда как вы объясняете тот факт, что в Священном писании нет никакого упоминания об утрате?

— Я объясняю это следующим образом. Запись подобного сообщения вызвала бы у книжников омерзение, такое ужасное чувство, что они определенно отказались сделать ее. Я верю поэтому, что они предумышленно воздержались от сообщения обутрате ковчега. Даже в том, что они сообщают о царствовании Манассии, проглядывает весь их *ужас.* И все же они не могли заставить себя описать само это событие.

— У вас есть хоть малейшее представление о том, что могло случиться с реликвией после ее выноса?

Харан пожал плечами:

— Не хочу заниматься домыслами. Это невозможно доказать. Единственное, что я могу сказать с уверенностью, — это то, что правоверные священники Яхве ни при каких обстоятельствах не позволили бы ковчегу завета находиться в одном помещении с идолом Астарты.

— Так вы полагаете, что они его унесли куда-то? В какое-то безопасное место?

— Как я уже говорил, не желаю заниматься домыслами по таким вопросам. Однако из наших анналов, начиная со Священного писания, вытекает, что Иерусалим, да и вся страна, не могли считаться безопасным местом для тех, кто сохранял верность Яхве во времена Манассии.

— Вы имете в виду то место в Книге Царств, где говорится о пролитой невинной крови?

— Верно. Четвертая книга Царств, 21:16. Но не только это. Иеремия также, хоть и косвенно, указывает на те же события, когда говорит: «Твой меч поразил твоих пророков как алчущий лев». Не сомневаюсь в том, что это было указание на действия Манассии, и заключаю из него, что определенные пророки выступали против него, за что и были убиты. Интересный момент — вы не находите? — что во время царствования Манассии не упоминается ни один пророк: Иеремия появляется сразу же после его смерти, а другие, вроде Исаии, только до его царствования. Этот разрыв — результат преследований и постоянной кампании против поклонения Яхве.

Профессор не пожелал углубиться в обсуждение этого вопроса и решительно отказался заниматься домыслами о том, *куда* мог деться ковчег. Когда же я упомянул свою теорию о том, что он мог быть увезен в Эфиопию, профессор с полминуты удивленно взирал на меня, а затем проронил:

— Уж больно далековато.

ХРАМ НА НИЛЕ

После беседы с Менахемом Хараном я вернулся в гостиницу несколько дезориентированным и озадаченным. Разумеется, приятно было получить его подтверждение, что ковчег был утрачен во время царствования Манассии. Беда же заключалась в том, что я, похоже, оказался на краю глубокой интеллектуальной пропасти. Эфиопия действительно «далековато» от Иерусалима, и я не видел оснований, почему

верные священники Яхве, вынесшие священную реликвию из храма, должны были доставить ее в такую далекую страну.

Больше того, не совпадали даты. Манассия восседал на троне в Иерусалиме с 687 по 642 год до н. э., а предания Тана Киркос уверяли, что ковчег был доставлен в Эфиопию лишь около 470 года до н. э. И меня убивала эта разница в две сотни лет.

Размышляя над этой проблемой, я сообразил, что мне не помешает потолковать с эфиопами. А где лучшее место для такой беседы, если не в государстве Израиль? Ведь десятки тысяч фалаша воспользовались своим правом на гражданство по закону о возвращении и были переправлены за последнее десятилетие по воздушному мосту в Израиль. Среди них наверняка найдутся престарелые люди, хранящие память своего народа, которые помогут перекинуть мост через географическую и хронологическую пропасть, которая разверзлась передо мной.

Наведя справки в Еврейском университете, я получил имя Шалвы Уэйл, социоантрополога, специализировавшейся на далеко разбросанных еврейских общинах и считавшейся специалистом по фалашской культуре. Я позвонил ей домой, представился и спросил, не может ли она порекомендовать мне какого-нибудь члена фалашской общины в Иерусалиме, который мог бы со знанием дела рассказать о древних преданиях эфиопских евреев.

— Лучше всего, — ответила она, не колеблясь, — обратиться к Рафаэлю Хадане. Он священник, самый старший священник. Живет здесь уже несколько лет. Очень старый и знающий человек. Одна проблема — он не знает английского, так что попытайтесь застать его вместе с сыном.

— А его как зовут?

— Иосиф Хадане. В Израиль он приехал мальчиком еще в начале 70-х и сегодня уже вполне сложившийся раввин. Он бегло говорит по-английски и сможет послужить вам переводчиком.

Организация встречи заняла большую часть остававшихся мне двух дней в Иерусалиме. В конце концов я встретился с семейством Хадане в Центре ассимиляции фалаша, расположенном в западном пригороде города Мевассерит-Сион. Здесь я столкнулся с сотнями эфиопов — недавно приехавшими и давними жителями ветхого жилого района.

Фалашский священник Рафаэль Хадане был одет в традиционную абиссинскую *шемму* и щеголял внушительной бородой. Его сын раввин был чисто выбрит и одет в строгий деловой костюм. Довольно долго мы пили чай и обменивались любезностями. У наших ног играли дети, в дом заходили многочисленные родственники. Один из них, как оказалось, родился и вырос в деревне Анбобер, которую я посетил в январе 1990 года во время поездки в Гондэр..

— Так Анбобер еще существует? — не без грусти спросил он. — Уже пять лет как я оставил дом.

— Существует, — подтвердил я, — вернее, существовала еще в январе. Но жили в ней в основном женщины и дети.

— Это потому, что мужчины уехали первыми, чтобы приготовить жилье для своих семей. Вы с кем-нибудь говорили там?

Я рассказал о своей беседе со священником Соломоном. Алему, и все сидевшие за столом заулыбались.

— Они все хорошо его знали, — объяснил раввин Ха-дане. — У нас маленькая… но очень тесная община.

В конце концов я включил свой магнитофон и начал расспрашивать почтенного отца раввина. Многое из того, что он мог сообщить о культуре и религии фалаша, было мне уже

известно. Когда же я перешел к главному интересовавшему меня вопросу — как и когда иудаизм появился в Эфиопии, он сказал нечто такое, отчего я насторожился.

Я задал наводящий вопрос о Менелике и царице Савской, надеясь — после ритуального повторения истории из «Кебра Нагаст» — поймать старика на дате предполагаемого путешествия Менелика. Хадане удивил меня, полностью отвергнув легенду:

— Кое-кто поговаривает, будто мы ведем свое происхождение от израильтян, сопровождавших Менелика, но я лично не верю в это. Согласно преданиям, которые я слышал в детстве, нашими предками были евреи, которые жили в Египте, прежде чем перебраться в Эфиопию.

— Но, — прервал его я, — в «Кебра Нагаст» говорится то же самое — что Менелик и его спутники путешествовали через Египет.

— Я имел в виду не это. Покинув Израиль, наши праотцы не просто проехали по Египту. Они поселились там довольно надолго — на сотни лет. И даже построили там свой храм.

Я наклонился над магнитофоном:

— Храм? И где же они его построили?

— В Асуане.

Это страшно заинтересовало меня. Священник из Анбобера Соломон Алему также упоминал Асуан, когда я расспрашивал его в январе и тогда же решил посетить этот город. И в самом деле, после того разговора я много путешествовал по Египту. Однако до сих пор так и не побывал в Асуане, и теперь засомневался, уж не совершил ли серьезную ошибку. Если там действительно был иудейский храм, как только что сказал Хадане, то это могло иметь огромное значение, ибо предназначение храма в правоверном иудаизме заключалось в хранении ковчега завета. Если в Асуане действительно был построен храм и это случилось после исчезновения ковчега из Иерусалима, тогда все становилось очевидным.

Хадане не смог указать конкретную дату строительства асуанского храма, а лишь сказал, что он простоял «долгое время», но в конце концов был разрушен.

— Почему он был разрушен?

— В Египте шла большая война. Чужеземный царь, захвативший много стран, пришел в Египет и разрушил все храмы египтян. Но он не разрушил наш храм. Когда египтяне увидели, что от разрушения спасся только иудейский храм, они заподозрили нас в том, что мы перешли на сторону захватчика. Поэтому они стали преследовать нас и разрушили наш храм, а мы вынуждены были бежать.

— И вы переселились в Эфиопию?

— Не сразу. Наши праотцы сначала перешли в Судан через Мероэ, где находились недолго, будучи изгнанными новой войной. Тогда они разделились на две группы: одна поднялась по реке Тэкэзе, а другая — по Нилу. Такими путями они прибыли в Эфиопию, в Куару, что вблизи от озера Тана. Там мы и поселились. Там стали эфиопами. Поскольку мы оказались далеко от Израиля — хотя, находясь в Египте и Судане, мы все время поддерживали контакты с Иерусалимом, — мы потеряли эти контакты, и Иерусалим стал лишь частью нашей памяти.

Тут я спросил, было ли в районе озера Тана какое-то место, считавшееся фалаша особенно важным или священным.

— Было три таких места, — ответил Хадане. — Первое и самое важное — Тана Киркос, второе — Дага Стефанос и третье — Зеги.

Я сделал удивленное лицо:

— Почему самое важное из них — Тана Киркос?

— Точно я не знаю. Но весь народ считал его священным.

Мой доследний вопрос касался конкретно ковчега:

— Эфиопские христиане говорят, что они хранят ковчег завета в Аксуме — тот самый подлинный ковчег, который якобы был доставлен из Иерусалима Менеликом — сыном царицы Савской и царя Соломона. Вы сказали мне, что не верите в историю Менелика. Считаете ли вы, что христиане действительно владеют ковчегом?

— Наши люди и я лично, мы верим, что ковчег завета находится в Аксуме. Кстати, несколько лет назад я вместе с другими духовными лидерами посетил Аксум с намерением увидеть ковчег. Мы проявляли очень большой интерес к этому преданию и хотели увидеть святой ковчег. Поэтому и поехали в Аксум, в церковь Святой Марии. Но нам сказали, что вход в святилище, где хранится ковчег, заказан, ибо, если мы войдем туда, то все умрем. И мы сказали: «Ладно. Мы очистимся и тогда войдем и увидим». Там мы и поступили: мы очистились, но христианские священники не позволили нам войти в святилище. Так мы и вернулись домой, не увидев его.

— Я слышал, что его выносят на публику раз в год, во время церемонии *Тимката.* У вас было бы больше шансов увидеть его, если бы вы посетили Аксум во времена *Тимката.*

Хадаре горько рассмеялся:

— Я тоже слышал это, но я не верю, что христиане когда-либо выносят подлинный ковчег. Они никогда не поступили бы так. Они никогда и никому не покажут его. Наверняка они пользуются копией. Знаете почему? Потому что давным-давно они забрали ковчег у нас и не желают возвращать его. Они ревниво относятся к нему. Поэтому они постоянно хранят его в той часовне под замком, и к нему не может приблизиться никто, кроме его хранителя.

Когда я в конце концов покинул Центр ассимиляции фалаша в Мевассерит-Сионе и вернулся в центр Иерусалима, моя голова буквально разрывалась от мыслей и вопросов. Из всех эфиопских евреев, с которыми я общался в ходе моего исследования, Хадане оказался самым просвещенным и информированным. История его попытки увидеть ковчег в Аксуме заинтриговала меня. А особое значение, которое он придавал острову Тана Киркос, определенно было в высшей степени важно в свете того, что я сам узнал во время поездки туда в ноябре 1989 года. Но больше всего в его ответах меня заинтересовало утверждение о том, что в каком-то далеком прошлом в Асуане существовал иудейский храм. Если это соответствовало истине, мне непременно следовало посетить этот город в Верхнем Египте, расположенный примерно в двухстах километрах к югу от Карнака и Луксора.

Вернувшись в свой номер, я позвонил Шалве Узил, которая навела меня на Хадана.

— Как прошел разговор? — сразу же поинтересовалась она.

— Прекрасно, благодарю вас. Очень полезный разговор. Я благодарен вам за него.

Здесь я несколько помешкал, ибо всегда чувствовал себя идиотом, задавая глупейшие вопросы ученым. Но не задать свой вопрос я просто не мог, и спросил:

— Во время нашей беседы Хадана упомянул один храм… иудейский храм в египетском Асуане. Я понимаю, что собираюсь сказать немного безумную вещь, но я не привык полностью отвергать народные предания, не проверив их. Как бы то ни было, хочу спросить вас вот что: мог ли в самом деле существовать такой храм?

— Он точно существовал, — ответила доктор Уэйл. — То был храм, посвященный Яхве. Но он находился не в самом Асуане, а на острове Элефантин посреди Нила. Там, кстати, как раз сейчас ведутся археологические раскопки.

— А этот остров… он далеко от Асуана?

— Не более чем в двухстах метрах по прямой. До него добраться на фелюге минут за пять.

— Так Хадане был прав, говоря о храме в Асуане?

— Абсолютно.

— А этот храм как-то связан с фалаша? Хадане сказал, что он был построен их праотцами.

— Полагаю, это возможно. Мнения ученых по этому вопросу расходятся. Большнство из нас считает фалаша потомками еврейских купцов и поселенцев, прибывших в Эфиопию с юга Аравийского полуострова. Но ряд уважаемых ученых настаивают на том, что они ведут свое происхождение от евреев, бежавших с острова Элефантин.

— Бежавших? Но почему?

— Их храм был разрушен — где-то в пятом веке до н. э., я думаю, — и после этого еврейская община исчезла с острова. Это какая-то загадка на самом деле. Они как бы растаяли. Но я в этом вопросе не специалист… Могу порекомендовать вам кое-какие книги, если хотите.

Поблагодарив доктора Уэйл за предложение, я записал продиктованные ею библиографические данные и попрощался в состоянии немалого возбуждения. Именно в V веке до н. э., согласно поверьям, сохранившимся на Тана Киркос, ковчег завета и был доставлен в Эфиопию. Теперь я знал, что в том же столетии на Верхнем Ниле был разрушен иудейский храм. Возможно ли, что этот храм был построен двумя столетиями ранее, чтобы служить пристанищем ковчега, после того как он был вывезен из Иерусалима при царе Манассии?

Я решил узнать это и на следующий день вылетел из Израиля, но не в Лондон, как намеревался, а в Египет.

Глава 16

ВОРОТА ЮЖНЫХ СТРАН

Асуан расположен на восточном берегу Нила в точке, примерно равноудаленной от Израиля и от северных границ Эфиопии. Этот своеобразный пункт между африканским и средиземноморским мирами берет свое название от греческого слова «сейене», являющегося искажением древнеегипетского слова «суэнет», означавшего «делающий дело». В древности город извлекал большую выгоду от широкой двусторонней торговли, в рамках которой на юг текли промышленные товары высокоразвитой египетской цивилизации, а на север — специи, благовония, рабы, золото и слоновая кость из Черной Африки. Именно от последнего из перечисленных товаров получил свое название интересующий меня остров, ибо Элефантин (расположенный посреди Нила как раз напротив Асуана) когда-то назывался просто Абу, или Земля Слона.

В администрации гостиницы «Новый водопад» в Асуане я поспрашивал об Элефантине, и, в частности, о его еврейском храме. Шалва Уэйл сказала мне, что он был разрушен в V веке до н. э. и что на его месте работают археологи, поэтому я очень надеялся, что там остались развалины.

Слово «еврейский» не вызвало благоприятного отклика у работников гостиницы. Несмотря на установление относительно добрых дипломатических отношений между Египтом и Израилем в недавние годы, мне не следовало забывать, какая враждебность и горечь все еще разделяли народы соседних стран. В конце концов я все же получил от портье следующую информацию:

— На Элефантине много храмов — египетских, римских, может, и еврейских… Не знаю. Вы можете поехать и посмотреть. Наймите фелюгу, посмотрите. Там работают археологи, немецкие археологи. Спросите там мистера Кайзера.

Кто же еще, как не Кайзер, — думал я, выходя из прохладного вестибюля на жуткую жару.

ИНДИАНА ДЖОНС

Когда я приплыл на фелюге на остров, мне показали некую постройку на западном берегу, где, как мне сказали, жили «немцы». Я подошел к парадной двери и постучал. Впустил меня слуга-нубиец в красной феске. Не спрашивая ни о чем, он провел меня по коридору в любопытную комнату, стены которой от пола до потолка были уставлены деревянными полками, заполненными фрагментами гончарных и других изделий, и собрался уходить.

Я кашлянул:

— Извините. Э… Я ищу мистера Кайзера. Вы не могли бы его позвать?

Слуга задержался, наградил меня ничего не выражающим взглядом и вышел, так и не произнеся ни слова.

Прошло минут пять или около того, которые я провел в полном смятении посреди комнаты, и тут… в дверях появился Индиана Джонс, или, скорее, не сам Индиана Джонс, а Харрисон Форд в его роли. В панаме, лихо заломленной набок, высокий и мускулистый, он отличался грубоватой красотой и пронзительным взглядом. Он явно несколько дней не брился.

Я воздержался от побуждения воскликнуть: «Мистер Кайзер, надеюсь?» — и спросил не столь театрально:

— Вы мистер Кайзер?

— Нет. Меня зовут Корнелиус фон Пилгрим, — он приблизился ко мне и, пока я представлялся, протянул сильную, загорелую руку.

— Я приехал на Элефантин, — объяснил я, — в связи с одним проектом. Меня интересует археология здешнего храма.

— Ага.

— Видите ли, я исследую историческую загадку… э… утрату или, скорее, исчезновение ковчега завета.

— Ага.

— Вы знаете, что такое ковчег завета?

Выражение глаз Корнёлиуса фон Пилгрима можно было бы назвать остекленевшим.

— Нет, — коротко ответил он на мой вопрос.

— Вы ведь говорите по-английски? — спросил я, чтобы быть уверенным в том, что он меня понимает.

— Да, довольно прилично.

— Хорошо. Ладно… О ковчеге. Посмотрим. Вы ведь знаете о Моисее?

Еле заметный кивок.

— А о десяти заповедях, вырезанных на скрижалях?

Еще один кивок.

— Ну так вот, ковчег завета был изготовленным из дерева и золота ларцом, в который и были вложены десять заповедей, и… э… Его-то я и ищу.

Это не произвело, похоже, особенного впечатления на Корнёлиуса фон Пилфима. Без намека на юмор он сказал:

— Ага. Вы имеет в виду Индиану Джонса?

— Да. Именно это я и имею в виду. А на Элефантин я приехал потому, что авторитетные люди заверили меня в том, что здесь был еврейский храм. По моей теории, ковчег был еще в древние времена доставлен в Эфиопию. Поэтому-то меня и интересует, существует ли возможность — или даже археологические данные, — что его привезли сюда, прежде чем он

попал в Эфиопию. Понимаете, я считаю, что из Иерусалима ковчег вывезли в седьмом веке до н. э. Так вот вопрос: что с ним случилось в последующие двести лет?

— Вы полагаете, что ковчег мог храниться в течение двух столетий в еврейском храме на этом острове?

— Именно так. Я даже надеялся, что ваша команда раскопала храм. Если это так, тогда мне хотелось бы узнать о ваших находках.

Прежде чем развеять мои надежды, Корнелиус фон Пилгрим снял шляпу и довольно долго молчал, а потом наконец сказал:

— Да, но на том месте, которое вас интересует, нет ничего. Мы надеялись найти что-нибудь там… под развалинами римского храма, построенного позже на месте иудейского. Но сейчас мы раскопали все фундаменты. И там просто нет ничего. Абсолютно ничего. Факт, что здесь в седьмом-пятом веках до н. э. существовало поселение евреев, но от него не осталось ничего для археологии, не считая нескольких жилых домов. Боюсь, это все.

Стараясь не поддаться чувству охватившей меня подавленности, я спросил:

— Если ничего не осталось от храма, откуда вы знаете, что он когда-либо существовал здесь?

— О, это не проблема. Это-то не ставится под сомнение. Какое-то время шла переписка между этим островом и Иерусалимом. Письма писались на черепках или свитках из папируса. Были найдены и переведены многие из них, и во многих, из них упоминался храм Яхве на Элефантине. Этот факт четко подтверждается в историческом плане, и поэтому мы знаем с точностью до метра месторасположение храма, а также когда он был разрушен — это произошло в 410 году до н. э., и наконец, мы знаем, что более поздний римский храм был сооружен на месте иудейского. Все это совершенно ясно.

— Почему был разрушен иудейский храм?

— Послушайте, я не специалист по таким вопросам, я специалист на развалинах второго тысячелетия до н. э. — гораздо более раннего периода, чем интересующий вас. Чтобы узнать подробности, вам следует поговорить с моим коллегой, интересующимся еврейской колонией. Его зовут Ахим Крекелер.

— Он сейчас здесь?

— К сожалению, нет. Он в Каире, но вернется завтра. Вы еще будете здесь завтра?

— Да, но у меня мало времени. Мне нужно возвращаться в Англию. До завтра я могу подождать.

— Хорошо. Тогда приезжайте сюда завтра к вечеру, скажем, часам к трем, и вы сможете поговорить с мистером Крекелером. Пока же, если желаете, я могу показать вам, где находилось еврейское поселение, да и месторасположение вашего храма.

Я не преминул воспользоваться предложением фон Пилгрима. По дороге я поинтересовался, под чьей эгидой проводятся раскопки на Элефантине.

— Мы из Немецкого археологического института, что в Берлине, — ответил он. — Работаем здесь уже несколько лет.

Мы подошли тем временем к невысокому холму. На склонах раскинулся на большом пространстве целый лабиринт из рваного камня и каменной кладки, среди которого частично восстановленные, сложенные без раствора стены выдавали очертания комнат, домов и улиц.

— Это, — пояснил фон Пилгрим, — часть древнего города Элефантина, где проживали евреи.

Мы начали Восхождение, осторожно пробираясь среди осыпающихся развалин. К тому времени, когда мы достигли вершины, я уже запыхался, но одновременно освободился от подавленности, охватившей меня ранее. Хоть и не могу объяснить причину, но я

почувствовал, что в этом месте было что-то то, нечто навязчивое и пробуждающее воображение, нечто говорящее о древних временах и тайнах истории.

Корнелиус фон Пилгрим провел меня к верхней точке острова Элефантин. Он обвел рукой вокруг и сказал:

— Здесь находился иудейский храм, прямо под нами.

Я указал на массивную разбитую колонну, которая виднелась впереди, и спросил, что это такое.

— Часть римского храма, о котором я вам говорил. В действительности есть данные о том, что здесь в разные времена стояли различные храмы, посвященные богам ряда других стран, которые захватывали Египет в первом тысячелетии до н. э. Архитекторы этих храмов зачастую использовали вновь строительные материалы прежних зданий. Вот почему, я думаю, иудейский храм исчез без следа. Он был разрушен, может быть, даже сожжен, а его камни разбиты, но их использовали при кладке стен следующего храма.

— Я уже спрашивал, почему был разрушен иудейский храм, но вы так и не ответили…

— Вообще-то говоря, мы полагаем, что между членами еврейской общины и проживавшими на острове египтянами возникла какая-то проблема. Понимаете, здесь находился и египетский храм…

— На том же месте?

— Нет. Иудейский храм был построен рядом. Египетский храм находился вон там. — Фон Пилгрим показал рукой на кучи камней. — Где были найдены кое-какие развалины. Он был посвящен богу Хнуму. Это был бог с головой барана. Все его изображения показывают его с головой барана. Из этого мы выводим заключение, что между иудейскими и египетскими священниками возникли серьезные трения.

— А что за трения?

— Ну, это же очевидно. Известно, что евреи здесь практиковали жертвоприношения и почти наверняка приносили в жертву баранов. Это, наверное, не приводило в восторг священников Хнума. В какой-то момент, полагаем мы, они обрушились на евреев и, вероятно, поубивали их или, быть может, изгнали с острова, а затем и разрушили их храм.

— И вы говорите, что это случилось в 410 году до н. э.?

— Да, верно. О деталях же вам необходимо расспросить Ахима Крекелера.

НЕДОСТАЮЩЕЕ ЗВЕНО?

Я вернулся, как предложил фон Пилгрим, на следующий вечер. До этого я провел бессонную ночь и беспокойное утро, размышляя над всем тем, что узнал, выстраивая логику событий и стараясь прийти к неким предварительным выводам.

В результате еще до встречи с Крекелером я уже решил для себя, что иудейским храм на Элефантине мог в самом деле оказаться недостающим звеном в цепи ключей, которые я собрал за предшествующие два года. Если я прав и группа левитов действительно покинула Иерусалим с ковчегом завета-во время царствования Манассии, тогда они вряд ли могли избрать более безопасное место. Здесь они находились вне досягаемости злобствующего иудейского царя, который внес идола в святая святых. Больше того, поскольку я установил связь между церемонией с ковчегом и праздником Апета, проводящемся ежегодно в Луксоре всего лишь в двухстах километрах к северу (см. главу 12), мне показалось, что этот остров в Верхнем Египте беглые священники могли посчитать весьма *подходящим* местом: окруженные со всех сторон священными водами Нила, не чувствовали ли они, что вернулись к своим корням?

Но это были всего лишь рассуждения. Определенно же можно было сказать только то, что иудейский храм был-таки построен здесь приблизительно в то время, когда нужно было найти пристанище для ковчега после его выноса из святая святых в Иерусалиме. Также

известно, что этот же храм был разрушен в том же веке, когда — судя по преданиям Тана Киркос — ковчег был доставлен в Эфиопию. Все это давало в итоге ряд событий, наводящих на размышления. Меня не особенно волновал тот факт, что разрушение храма на Элефантине в 410 году до н. э. произошло на шестьдесят лет *позже* той даты, которую я высчитал для прибытия ковчега на Тана Киркос (470 г. до н. э.). За огромный период, отделяющий V век до н. э. от двадцатого столетия н. э., устные эфиопские предания, на которых я основывал свои расчеты, вполне могли, казалось мне, ошибиться лет на шестьдесят.

Вот почему в дом Немецкого археологического института я прибыл с оптимизмом, предвкушая встречу с Ахимом Крекелером. Крепкий и дружелюбный мужчина лет тридцати пяти, говоривший на приличном английском, разглядывал фрагменты древнего папируса, с которыми, как он объяснил, следует обращаться с величайшей осторожностью, поскольку они страшно хрупки.

— И из таких вот папирусов вы получили доказательства существования иудейского храма?

— Да. И его разрушения. После 410 года до н. э. в Иерусалим было послано несколько писем, в которых сообщалось о случившемся и запрашивались средства и разрешение на его восстановление.

— Но ведь храм так и не был восстановлен, не так ли?

— Нет, конечно. Вся переписка внезапно прекратилась около 400 года до н. э. Еврейское население, похоже, оставило Элефантин.

— Вам известно, что с ними случилось?

— Нет. Не совсем. Но совершенно очевидно, что у них были большие неприятности с египтянами. Вероятно, их вынудили бежать отсюда.

— И вы не знаете, куда они отправились?

— На этот счет не было найдено никакой информации.

Я коротко поведал Крекелеру о своем поиске ковчега завета и о своем ощущении, что он мог быть доставлен в Эфиопию через Элефантин, и спросил, есть ли, по его мнению, хоть какой-нибудь шанс, что священная реликвия побывала на острове.

— Разумеется, это *возможно.* Возможно все что угодно. Но я-то всегда полагал, что ковчег был разрушен в то время, когда вавилоняне сожгли храм в Иерусалиме.

— Такова общепринятая теория. Я же почти уверен в том, что его вывезли из Иерусалима гораздо раньше — еще в седьмом веке до н. э., во время царствования Манассии. Поэтому я надеюсь, что вы сможете указать точную дату строительства храма на Элефантйне.

— Боюсь, что точно не скажу. Мнения здесь расходятся. Но я лично вполне могу согласиться с тем, что он мог быть построен где-то в седьмом веке до н. э. Это мнение разделяют и другие ученые.

— А вы имеете хоть какое-то представление о том, как выглядел храм? Я знаю, что вы не обнаружили никаких материальных изделий, а нет ли каких-либо указаний в папирусах?

— Немного. Не было пока найдено священных писаний. Но мы нашли немало описательных сведений о внешнем виде храма. Из них можно заключить, что у храма были каменные столбы, пять входов тоже из камня и крыша из кедра.

— В нем была святая святых?

— Предположительно, да. Это было внушительное здание, настоящий храм. Но нет достаточных данных для того, чтобы говорить о наличии святая святых.

Мы говорили еще около часа. В конце концов Крекелер объявил, что у него мало времени и масса дел, которые нужно переделать до возвращения на следующий день в Каир.

— Могу одолжить вам две лучшие научные публикации по Элефантину, — предложил он, — если пообещаете вернуть мне их завтра. В них рассказывается об основных находках, сделанных здесь учеными разных стран с начала века.

В гостиницу я вернулся с двумя увесистыми томами. Они стоили бессонной ночи, которую я провел над ними.

КОВЧЕГ НА ЭЛЕФАНТИНЕ

Вот что я узнал об иудейском храме на Элефантине — те ключевые факты, имеющие отношение к моему поиску, которые я записал в своем блокноте.

1. Храм, как и говорил Крекелер, должен был иметь внушительные размеры. Довольно много информации о его внешнем виде сохранилось на папирусах, и археологи пришли к выводу, что храм имел девяносто футов в длину и тридцать в ширину, или — в древних единицах измерения — соответственно шестьдесят и двадцать локтей. Любопытно, что Библия указывает те же размеры для храма Соломона в Иерусалиме [362].

2. Храм на Элефантине был покрыт крышей из кедра, как и храм Соломона.

3. Следовательно, храм Соломона послужил образцом для храма на Элефантине. Поскольку первый был построен, чтобы разместить в нем ковчег завета, не логично ли предположить, что и второй был сооружен с той же целью?

4. В храме на Элефантине регулярно приносились в жертву животные, в том числе совершалось жертвоприношение барана в пасхальную неделю. Это весьма примечательно, ибо свидетельствует, что еврейская община эмигрировала «До начала реформ царя Иосии (640–609 гг. до н. э.). В ходе этих реформ жертвоприношения были окончательно запрещены где бы то ни было, кроме Иерусалимского храма (этот запрет соблюдался даже евреями, угнанными в Вавилонский плен). На Элефантине же жертвоприношения оставались важным еврейским ритуалом еще в VI и V веках до н. э. Поскольку местные евреи регулярно переписывались с Иерусалимом, нет сомнений в том, что они узнали о введенном Иосией запрете, и все же продолжали совершать жертвоприношения. Следовательно, они считали себя вправе поступать так. Нечего и говорить, что у них было такое право благодаря присутствию ковчега завета в их храме.

5. В этой связи следует заметить, что евреи на Элефантине явно считали, что Яхве физически обитал в их храме. Целый ряд папирусов говорит о нем, как о «сидящем» там. В Древнем Израиле (и во время скитаний по пустыне) считалось, что Яхве обитает там же, где и ковчег [363], и эта вера была утрачена с признанием утраты ковчега [364]. Когда евреи на Элефантине говорили о божестве, физически присутствовавшем с ними, они вполне могли иметь в виду ковчег.

6. Евреи Элефантина часто говорили об обитающем в их храме божестве как о «Господе Саваофе» или «Яхве Саваофе». Ученые признают древность этого словосочетания. Оно часто использовалось в отношении ковчега (например, в период, предшествовавший строительству храма Соломона: «И послал народ в Силом, и принесли оттуда ковчег завета Господа Саваофа…» [365]).

7. Все вышеизложенные факты придают достоверность пребыванию ковчега в храме на Элефантине и даже объясняют его присутствием само строительство храма. Крекелер правильно говорил мне, что пока что не установлено точное время строительства. Из имеющейся литературы вытекает, что анализировавшие папирусы ученые потратили немало усилий на установление этой даты. Они указывают, что к началу VII века до н. э. на острове Элефантин уже обосновалась довольно большая еврейская община, состоявшая главным образом из гарнизона наемников, оплачивавшегося египтянами. Эти евреи-воины вместе с семьями и создали необходимый социальный фон для храмового богослужения. На основе

этой и другой информации ученые пришли к выводу, что храм на Элефантине должен был быть построен уже к 650 году до н. э.

8. Невозможно переоценить значение этой даты. Почему? Да потому, что она выпадает на время царствования Манассии — царя, внесшего идола в святая святых Иерусалимского храма и тем самым принудившего вынести оттуда ковчег (возможно, священниками, оставшимися верными традиционному поклонению Яхве). Нелегко было установить тот факт, что священную реликвию изъяли именно в то время [366]. Но выполнив эту задачу, я убедился, что в Библии нет сведений о месте, куда его доставили (даже профессор Менахем Харан не выдвинул какой-либо теории относительно того, что могло случиться с ним после его исчезновения из Иерусалима).

9. Авторитетные ученые, изучавшие элефантинские папирусы и вычислившие 650 год до н. э. как дату строительства храма, явно не знали, что ковчег мог пропасть из Иерусалима во время царствования Манассии. Если бы они знали это, то наверняка сложили бы два и два. Но они знали о широком возмущении, которое вызвали «языческие новации» этого монарха, и пришли к выводу, что именно этим возмущением можно объяснить иначе необъяснимый факт, что евреи воздвигли свой храм на Элефантине.

Везалел Портен указывает: «Царствование Манассии отличалось большим кровопролитием, и можно предположить, что священник и пророки воспротивились его обращению в язычество. Некоторые священники бежали в Египет, присоединились к еврейскому гарнизону на Элефантине и построили там храм».

10. Эти слова принадлежат автору заслуживающего доверия исследования «Архивы Элефантина». И все же Портен так и не понял, почему вообще на Элефантине был построен еврейский храм, поскольку в иудаизме укоренилось понятие о том, что «чужая земля нечиста, и поэтому на ней нельзя воздвигать храм Господу». Он указывает на то, что после разрушения храма Соломона в Иерусалиме евреи, уведенные в плен в Вавилон, последовали «совету Иеремии обосноваться и *молиться* (а не совершать жертвоприношения) Господу». Портен добавляет: «Нет никаких сведений о том, что в Вавилоне был сооружен какой-либо храм Яхве» и спрашивает: «Тогда чем оправдывается строительство евреями храма на Элефантине?»

11. Мне представляется очевидным ответ на риторический вопрос Портена: оно объясняется тем, что они привезли с собой из Иерусалима ковчег завета и просто должны были построить для него «дом покоя» [367] по примеру Соломона, поступившего так же задолго до того.

ЭЛЕФАНТИН И ФАЛАША

В Англию я вернулся совершенно уверенный в том, что мне наконец, удалось открыть истинную последовательность событий, связанных с тайной утраченного ковчега.

В поисках подтверждающих фактов я отправился в лондонскую Школу восточных и африканских исследований и приобрел копии двух только что вышедших из печати томов, которые мне одалживал Крекелер и которые я собирался изучить гораздо внимательнее. Я также обзавелся другими имеющими отношение к делу источниками, в том числе «Историей» Геродота, так как узнал, что знаменитый греческий ученый посетил Элефантин около 450 года до н. э.

Дальнейший поиск увенчался успехом. Среди прочего я был очень озабочен вопросом: почему такой ярый консерватор, как Иосия, унаследовавший иерусалимский трон через два года после смерти Манассии, не попытался вернуть ковчег из Элефантина? Ответ на него оказалось не так уж и трудно найти. Как я уже установил, реформы Иосии начались лишь на двенадцатый год его царствования (когда ему исполнилось двадцать лет), а восстановление храма началось только на восемнадцатый год его царствования (в 622 г. до н. э.) [368]. К тому времени драматически ухудшились отношения между Иудеей и Египтом, настолько, что

Иосия в конце концов погиб в бою с египтянами [369]. Если он даже знал, что ковчег находится на Элефантине, то не был в состоянии добиться его возвращения из могущественной страны, с которой он воевал.

Убедившись в этом, я перешел к изучению следующей страницы истории, которую пытался восстановить: перемещение ковчега из Элефантина в Эфиопию где-то в V веке. Моя беседа в Иерусалиме с фалашским священником Рафаэлем Хадане навела на мысль об интригующей возможности того, что потомками эфиопских черных евреев могли быть эмигранты с острова Элефантин, ибо он, несомненно, говорил именно об этом острове, когда утверждал, что его праотцы построили храм в Асуане. Больше того, идея о том, что фалаша могли попасть в Эфиопию с Элефантина, подтверждалась моими собственными находками. В ноябре 1989 года меня поразил «этнографический след» поселения фалаша вокруг озера Тана, и на основе этого и других сведений я пришел к заключению:

«Религия Соломона могла прийти в Эфиопию только с запада, через Египет и Судан, по древним, исхоженным торговым маршрутам по рекам Нил и Тэкэзе».

Довольно долго, до того дня, когда я пришел к такому заключению, у меня вызывало недовольство расхожее мнение многих ученых, что фалаша были потомками евреев из южной части Аравийского полуострова, прибывших в Эфиопию около 70 года н. э. (см. главу 6). Теперь же, воспользовавшись библиографией, которую мне подсказала в Иерусалиме социоантрополог Шалва Уэйл, я обнаружил, что в противовес преобладающему консервативному мнению выдвинут ряд иных теорий. Хотя их неоднократно осмеивали такие известные египтологи как профессор Эдуард Уллендорф [370], кое-кто из диссидентов предполагал, что предки фалаша могли быть обращены в иудаизм иммигрантами из еврейской колонии на острове Элефантин [371]. Нет сомнений, что в тот период существовали широкие торговые и культурные связи между Йеменом и Эфиопией. В действительности же несколько довольно крупных еврейских общин обосновалось в Египте за столетие до появления евреев на юге Аравийского полуострова. Принимая во внимание глубоко ветхозаветный характер религии фалаша, вполне логично предположить, что иудаизм был принесен из Египта на юго-восток в Эфиопию в ходе постепенного процесса «распространения культуры».

Разумеется, не было абсолютно никаких неопровержимых исторических фактов, связывавших фалаша с Элефантином. И все же я обнаружил множество волнующих следов и совпадений, которые, как мне показалось, указывали на существование такой связи. Все доказательства были косвенными, и ни одно из них не подтверждало мою теорию о том, что ковчег попал в V веке до н. э. в Эфиопию после двухсотлетнего пребывания в иудейском храме на Элефантине. В свете же всего того, что я узнал в Израиле, Египте и в самой Эфиопии, мои последние находки приобрели иной, гораздо более убедительный аспект.

Ниже приводятся записанные мной в блокноте главные выводы, к которым я пришел, и факты, на которых они основываются.

1. Весьма примечателен тот факт, что еврейская община на Элефанте практиковала жертвоприношения и продолжала совершать их и после проведенных царем Иосией реформ. Одно из доказательств древности иудаизма в Эфиопии — крайне архаичный характер фалашской религии, в которой центральную роль играет жертвоприношение, типичное для Элефантина [372]. Это добавляет веса гипотезе о том, что фалаша являются «культурными предками» еврейских иммигрантов с Элефантина, и несомненно подтверждает тезис о том, что ковчег завета мог быть доставлен в Эфиопию с этого острова.

2. В свою лучшую пору иудейский храм на Элефантине имел собственное духовенство. Письмо без гласных рукописей на папирусах называет этих священников «КХН». Добавив гласные «а» и «е», мы получим слово «кахен». Фалашских священников также называют «кахен» [373].

3. Одно из названий иудейского храма на Элефантине — МСГД, что означает «место, где падают ниц». И по сей день у фалаша Эфиопии нет синагог, как нет и храма, но свои скромные церкви они называют «месгид» [374] (добавив гласные «е» и «и» к МСГД). В этом контексте также следует отметить, что именно в положении ничком — коленями к земле царь Соломон однажды молился перед ковчегом Завета Господня [375].

4. В беседе со мной в Иерусалиме Рафаэль Хадане сказал, что иудейский храм, построенный его праотцами «в Асуане», избежал участи египетских храмов, разрушенных «иноземным царем»:

«Он не разрушил наш храм. Когда египтяне увидели, что только иудейский храм не был разрушен, то заподозрили, что мы были на стороне захватчика. Поэтому они начали бороться с нами и разрушили наш храм, а мы вынуждены были бежать».

В 52-м году до н. э. Египет действительно был захвачен иноземным царем, разрушившим много храмов. Его звали Камбис, и правил он разраставшейся Персидской империей, основанной его отцом — Киром Великим. Папирусы Элефантины сохранили память о нем:

«Когда Камбис пришел в Египет, то обнаружил этот (иудейский) храм… Они (персы) разрушили все храмы египетских богов, но не причинили никакого вреда этому храму».

Персы правили Египтом до самого конца V века до н. э. В тот период евреи с Элефантина тесно сотрудничали с ними. Только после освобождения от персов на острове был наконец разрушен иудейский храм. Рассказанные Рафаэлем Хадане народные предания о происхождении фалаша, таким образом, подкрепляются установленными историческими фактами.

5. Хадане сообщил также, что его народ особо почитает остров Тана Киркос, тот самый, на котором мне сказали, что ковчег был доставлен туда в V веке до н. э. Больше того, Мемхир Фиссеха — христианский священник, с которым я беседовал на острове, — говорил мне, что ковчег хранился там «в скинии» на протяжении восьми столетий до его доставки в Аксум [376]. Вряд ли кого-либо удивит тот факт, что на Тана Киркос ковчег хранился в шатре или «скинии». Если моя теория верна, тогда доставившие реликвию евреи только что пережили разрушение своего храма на Элефантине и должны были знать о более раннем разрушении храма Соломона Навуходоносором. Они вполне могли решить, что наступило время отказаться от официальных храмов навсегда и вернуться к обычным скитаниям по пустыне, когда ковчег помещался в скинии.

6. И последнее, но не менее важное: Рафаэль Хадане рассказал мне, что предки фалаша прибыли в Эфиопию не только через Асуан (т. е. Элефантин), но и через город Мероэ, «где они находились недолго». Те же два места были названы и, Соломоном Алему — фалашским священником, с которым я беседовал в деревне Анбобер в январе 1990 года. Случайно ли следующее совпадение: после, пятнадцати с лишним веков забвения историей развалины Мероэ были в конце концов найдены в 1772 году — угадайте, кем? — шотландским исследователем Джеймсом Брюсом.

ЗЕМЛЯ ПЕРЕБЕЖЧИКОВ

Все это, чувствовал я, убедительно показывает, что я на верном пути, а один только факт, что развалины древнего Мероэ были обнаружены не кем иным, как моим старым приятелем Джеймсом Брюсом, добавил мне энтузиазма. Шотландский исследователь, не сомневался я, совершил свое эпическое путешествие в Эфиопию ради обнаружения ковчега завета (см. главу 7). Как же замечательно, что заодно он нашел и мифический город, через который священная реликвия, прибыла на Абиссинское нагорье!

Но действительно ли все так и случилось? Оставалось, чувствовал я, ответить еще на один важный вопрос, на который я пока не нашел убедительного ответа: почему евреи с Элефантина, покинув остров, отправились с ковчегом завета *на юг?* Почему не на север, назад в Израиль, например?

Напрашивалось несколько возможных объяснений, каждое из которых могло бы сыграть свою роль. Для начала вспомним: к V веку до н. э. иерусалимские евреи уже привыкли к жизни без ковчега. Храм Соломона был давно уже разрушен, и на его месте был построен новый. Дальше: второй храм управлялся занимающим прочное положение духовенством, определенно не желавшим конкуренции со стороны Элефантина.

Точно так же евреи с Элефантина почувствовали бы себя чужими, не принадлежащими к теологической среде в Иерусалиме V века до н. э. Религиозная мысль развивалась, и о Боге уже не думали как о почти телесном божестве, обитавшем «между херувимами», а богослужения, в которых когда-то центральное место занимал ковчег, были в основном забыты.

Возвращение реликвии, следовательно, вызвало бы потенциально катастрофические последствия. Священникам Элефантина было совершенно ясно, что во избежание таких последствий им следовало держаться подальше от Иерусалима. Но куда им было деваться? Несомненно, они не могли остаться в Египте, поскольку египтяне пошли против них и даже разрушили их храм. Не были они уверены и в том, что им удастся беспрепятственно проследовать на север и покинуть страну этим путем. Следовательно, по логике вещей они должны были повернуть на юг. Небезосновательно правителя Асуана и Элефантина называли господином ворот южных стран». Дабы спасти свою бесценную реликвию, евреям следовало лишь открыть метафорические «ворота» и отправиться в «южные страны», известные под коллективным названием «Эфиопия», — это греческое слово означало «обожженные лица» и применялось ко всем районам, где жили темнокожие люди.

Беженцы не осмелились бы отправиться во вселяющую ужас терра инкогнита. Напротив, имелись прямые доказательства участия членов еврейской общины в военных походах далеко на юг еще в VI веке до н. э. Больше того, я обнаружил достаточно документированные эпизоды еще более ранних миграций, в которых необязательно участвовали евреи, но большое число людей из района Асуана перебирались на юг и оседали в «южных странах». «Отец истории» Геродот, например, сообщал, что в четырех днях пути выше Элефантина река Нил была уже не судоходна:

«Там вам придется высадиться на берег и путешествовать вдоль него в течение сорока дней, ибо в Ниле много острых скал и рифов, через которые невозможно плыть. Пройдя по этому району сорок дней, вы снова сможете погрузиться на новую лодку и плыть двенадцать дней и приплывете в большой город, название которому Мероэ. Этот город считается матерью Эфиопии… Плывя из этого города столько же времени, сколько вы потратите на путешествие из Элефантина до города-матери эфиопов, вы прибудете в землю перебежчиков… Это двести сорок тысяч египтян, египтян-воинов, взбунтовавшихся против Египта и перешедших на сторону эфиопов… во времена царя Псамметиха. Обосновавшись среди эфиопов, они цивилизовали последних, научившихся обычаям египтян. На протяжении четырех месяцев пути по суше и воде после его египетского отрезка Нил — известная территория. Если сложить вместе все отрезки, оказывается, что нужно затратить четыре месяца на путь от Элефантина до земли перебежчиков, о которых я, говорил»».

Выше я уже писал, что массовый исход «перебежчиков» с Элефантина не обязательно включал евреев и я не смог найти доказательства их участия. Геродот совершенно четко датировал этот исход временем фараона Псамметиха (595–589 гг. до н. э.) [377]. Поэтому меня взволновала информация из безупречного источника о том, что «евреи были посланы в качестве наемников вместе с армией Псамметиха против царя эфиопов». На основе этого хорошо документированного исторического факта вполне логично напрашивается вывод: среди перебежчиков действительно могли находиться евреи.

Заинтриговала меня и другая сторона сообщения Геродота — то, что он упоминает Мероэ, через который — согласно Рафаэлю Хадане — прошли праотцы фалаша на своем пути в Абиссинию. Больше того, Геродот постарался прояснить, что «перебежчики» жили в

пятидесяти шести днях плавания *выше* Мероэ. Если это плавание осуществлялось по реке Атбара, впадающей в Нил чуть к северу от Мероэ (и в которую, в свою очередь, впадает Тэкэзе), то оно должно было привести путешественника к границам современной Эфиопии и даже, возможно, за эти границы [378].

Геродот писал свой отчет в V веке до н. э. Следовательно, если группа евреев с ковчегом завета решила бежать с Элефантина на юг в том же столетии, тогда она должна была пересечь «известную территорию» вплоть практически до озера Тана. Больше того, простая логика подсказывает, что их могло привлечь Абиссинское нагорье — прохлада и обилие воды на этих зеленых горах делали их похожими на Райский сад в сравнении с пустынями Судана.

ЗА РЕКАМИ КУША

Могли ли беглецы с Элефантина заранее знать об этом «саде за пустыней»? Возможно ли, что, направляясь на юг, они не только путешествовали по «известной стране», но и стремились к земле, в которой уже обитали их родственники и единоверцы? По мере исследования я нашел факты, подсказывающие, что это действительно возможно и что евреи вполне могли проникнуть в Абиссинию гораздо раньше V века до н. э.

Часть этих сведении была почерпнута из Библии. Я уже знал, что слово «Эфиопия» в Священном писании отнюдь не обязательно означало страну, ныне известную под этим названием, как и то, что в определенных обстоятельствах так оно и было. Как указано выше, греческое слово «Эфиопия» означает «обожженные лица». В ранних изданиях Библии на греческом языке еврейское слово «Куш» переводилось как «Эфиопия» и обычно охватывало, как указывал известный ученый Уллендорф, «всю долину Нила к югу от Египта, включая Нубию и Абиссинию». Это означает, что библейские упоминания «Эфиопии» могли относиться или не относиться к Абиссинии. В переводах же на английский снова использовалось название «Куш», которое могло относиться или не относиться к Абиссинии.

В этом контексте мне представляется по крайней мере достойным внимания тот факт, что сам Моисей женился на «Эфиоплянке» [379] согласно бесспорно древнему стиху в Книге Числа. К этому следует добавить любопытные свидетельства еврейского историка Иосифа Флавия, подкрепленные несколькими еврейскими легендами и утверждающие, что между сороковым и восьмидесятым годами своей жизни пророк жил некоторое время в «Эфиопии».

В Священном писании есть и другие эпизоды, в которых упоминается «Эфиопия»/«Куш». Многие просто не имеют никакого отношения к интересующему меня вопросу. Другие вызывали любопытство и предполагали возможность того, что записавшие их книжники имели в виду не Нубию и не какую-либо часть Судана, а скорее всего горную страну на Африканском роге, которую ныне мы называем «Эфиопией».

Один из таких уже знакомых мне эпизодов приводится во второй главе Книги Бытие и касается тех рек, что текут из Райского сада: «Имя второй реки Гихон [Герн]: она обтекает всю землю Куш» [380]. Взгляд на карту показал мне, что Голубой Нил, вытекая из озера Тана, действительно делает широкую петлю, которая «обтекает всю землю Эфиопии». Больше того, как я уже знал некоторое время [381], два ключа, считающиеся истоками великой реки, сами эфиопы называют по сей день «Гийон».

Другой любопытный эпизод мы находим в Псалме 67, описанном помощником профессора по еврейской Библии на факультете богословия Чикагского университета Джоном Д. Левенсоном как «один из самых старых образчиков израильской поэзии». Этот псалом включает скрытое указание на ковчег Завета [382] и одновременно делает следующее странное предсказание: «Ефиопия прострет руки свои к Богу» [383]. Я не мог не задаться вопросом: почему Эфиопия выпячивается таким образом как вероятный кандидат обращения в-иудаизм. К сожалению, в самом псалме не содержится ответ на этот вопрос. Однако в написанной позже Книге пророка Амоса (пастырство которого продолжалось с 783 по 743 год

до н. э.) есть указания на то, что случилось нечто исключительно важное в Эфиопии/Куше, из-за чего обитатели этой далекой страны уже считались равными «избранным людям» Израиля.

«Не таковы ли, как сыны Ефиоплян, и вы для Меня, сыны Израилевы? — говорит Господь». (Ам. 9: 70.)

Понимая, что этот стих можно истолковать иначе — то есть понять так, что сыны Израилевы уже не пользовались какими-либо особыми привилегиями у Яхве, — я все же решил, что следует рассмотреть и более очевидное прочтение. К VIII веку до н. э., когда пророчествовал Амос, не существовал ли уже поток еврейских мигрантов на юг — через Египет в нагорья Абиссинии? Нет доказательств столь смелого предположения. Непреложный факт заключается, однако, в том, что из всей обширной территории, которую мог иметь в виду Амос, говоря об Эфиопии, только одна земля, как известно, восприняла еще в древности иудаизм (и, мало того, сохранила ему верность вплоть до XX в. н. э.). Эта земля расположена, конечно же, по соседству с озером Тана — это родина фалаша с незапамятных времен.

Следующий библейский эпизод привлек мое внимание в Книге пророка Софонии, написанной между 640 и 622 годами до н. э. В уста Господа вложены следующие слова:

«Из заречных стран Ефиопии поклонники Мои, дети рассеянных Моих, принесут Мне дары». (Соф. 3: 10.)

Поскольку нет никаких сомнений в том, что этот стих написан до 622 года до н. э., то есть задолго до бегства и до вавилонского пленения израильтян, уместно задаться следующими вопросами:

1. Когда Софония говорит о «рассеянных», какое именно событие он имеет в виду?

2. Из какой именно «из заречных стран Ефиопии» поклонники Господа принесут дары, как предвидел пророк?

По первому вопросу я не мог не заключить, что пророк говорил о какой-то добровольной миграции народа, поскольку до времени жизни Софония не было никакого вынужденного «рассеяния» евреев из Святой земли. Что же касается второго вопроса то читатель припомнит, что библейский термин «Куш» охватывал «всю долину Нила к югу от Египта, включая Нубию и Абиссинию». Процитированный выше стих содержит и внутреннее доказательство, помогающее сузить географический район, о котором говорит Софония. Это свидетельство мы находим в словах «из заречных стран Ефкопии». Поскольку речь идет о нескольких реках, можно исключить долину Нила вплоть до Мероэ. К востоку от Мероэ течет Атбара, а дальше — Тэкэзе; к югу же (почти параллельно Атбаре) Голубой Нил выносит свои воды из Абиссинии. Таковы были реки Эфиопии, а за всеми ними лежит озеро Тана. Поэтому нельзя полностью исключать, что пророк имел в виду традиционный район расселения фалаша, когда писал свой интригующий стих.

Мое ощущение, что такое предположение имеет определенное основание, укрепилось, когда я проверил его по компьютерной программе и обнаружил, что слова «заречные страны Ефиопии» использовались в Библии еще лишь один раз, а именно в Книге пророка Исаии:

«Горе земле, осеняющей крыльями по ту сторону рек Ефиопских, посылающей послов, по морю, и в папировых суднах по водам! Идите, быстрые послы, к народу крепкому и бодрому, к народу страшному от начала и доныне, к народу рослому и все попирающему, которого землю разрезывают реки». [384]

Поскольку речь идет о главе 18 Книги пророка Исаии, значит, этот эпизод был написан самим Исаией. Это означает, разумеется, что его можно датировать временем его жизни, которая, как я уже знал, была долгой и пришлась на царствование Иоафама, Ахаза и Езекии (соотвественно 740–736, 736–716 и 716–687 гг. до н. э.). В самом деле пророк почти наверняка дожил и до царствования Манассии, чье идолопоклонство — теперь я был в этом у

бежден — привело к выдворению ковчега завета из святая святых Иерусалимского храма. Поэтому меня заинтересовало древнее еврейское предание, согласно которому Исайя умер мученической смертью от рук самого Манассии.

Еще более интересным мне представляется то, как пророк говорит о таинственной земле, лежащей «по ту сторону рек Ефиопских». Библия короля Якова подсказывает, что пророк проклял ту землю, но более поздние переводы не производят такого впечатления. С другой стороны, все переводы единодушны в описании характера этой земли: она не только расположена «по ту сторону» рек, но и ее саму «разрезывают реки».

На мой взгляд, эта информация указывает, без всякого сомнения, что Исайя говорил об Абиссинии и о районе традиционного расселения фалаша. Высокогорье вокруг озера Тана действительно «прорезано» реками. Были и другие ключи.

1. Обитатели интересующей нас земли — люди «рослые» и «страшные». Такое описание вполне применимо к современным эфиопам, чья блестящая, каштаново-коричневая кожа отличается от черной негритянской кожи жителей других африканских стран.

2. В описании земли использован любопытный эпитет «осеняющая крыльями». Это могло быть, кажется мне, указание на тучи саранчи, опустошающей Эфиопию примерно раз в десятилетие. Эти тучи покрывают поля крестьян и наполняют воздух сухим трескучим звуком, от которого мурашки бегут по спине.

3. И наконец, Исайя конкретно упомянул, что послы этой земли плавают в «папировых суднах». До сих пор, как я знал, обитатели районов вокруг огромного средиземного «моря» Тана широко пользуются лодками из папируса, которые они называют «танкуас» [385].

В целом же я чувствовал, что библейские сведения придают-таки значительно больше достоверности тому мнению, что какие-то отношения между Израилем и Абиссинским нагорьем были установлены в весьма древние времена. Эфиопка-жена Моисея, «рослые люди» Исаии и «рассеянные» поклонники Софонии, которые должны были вернуться «из заречных стран Эфиопии», — все это только укрепляло подозрение, что евреи путешествовали в Эфиопию и даже, возможно, поселялись там задолго до V века до н. э. Если еврейские священники с Элефантина, как я подозревал, доставили в том же веке ковчег завета на остров Тана Киркос, тогда они должны были прибыть в землю, в которой уже прочно обосновались их единоверцы.

ВОЛНЫ МИГРАЦИИ?

Есть ли помимо Библии какие-либо сведения, подтверждающие эту гипотезу? Я чувствовал, что они должны быть. Исследование, которое я сам проводил в Эфиопии в 1989–1990 годах, например, уже указывало на возможность того, что было несколько волн еврейской иммиграции на протяжении очень долгого времени, уходящего в далекую античность. Весьма примечательна в этом смысле долгая беседа с первосвященником «иудеоязыческих» кемантов Уамбаром Мулуной Маршей (см. главу 11). Он сообщил мне, что основатель его религии Анайер пришел в район озера Тана из «земли Ханаанской». При более внимательном изучении религии кемантов я установил в ней удивительную смесь языческих и иудейских обрядов и обычаев — последние, в частности, проявлялись в различении «чистой» и «нечистой» пищи — в сочетании с почитанием «священных рощ», весьма похожим на самые ранние формы иудаизма (патриарх Авраам «насадил… при Вирсавии рощу и призвал там имя Господа» [386]). Подобные традиции могли быть довольно широко распространены в ранний период израильского поселения в Ханаане и пережили короткое возрождение в царствование Манссии, но были окончательно и бесповоротно подавлены царем Иосией в VII веке до н. э.

Все дело в том, что праотцы кемантов, должно быть, иммигрировали в Эфиопию из Ханаана еще в далекой древности. Фалаша же походили на потомков более поздних иммигрантов. Их религия включала определенные обряды, также запрещенные царем Иосией

(в частности, жертвоприношение животных в местных святилищах), но в остальном являла собой чистую форму ветхозаветного иудаизма (не разбавленную явными языческими верованиями).

Будучи соседями в горах и долинах вокруг озера Тана, кеманты и фалаша утверждали, что являются родственными народами (Уамбар Мулуна Марша сказал мне, что семья, основавшая его религию, и семья, основавшая религию фалаша, совершили водно и то же путешествие» и даже обсуждали возможность породниться, но не сделали этого).

Подобный фольклор, установил я позже, отражал этнографическую реальность. Фалаша и кеманты были-таки родственными племенами, будучи подразделениями большого племени агау с запада и центра Эфиопии — этнической группы, считавшейся старейшим слоем населения Африканского рога. Поэтому родным языком обоих народов был один из диалектов агавского языка, принадлежащего — что интересно — к «кушитской» группе языков [387]. Родственные древнееврейскому и арабскому семитские языки (например, амхарский и тигринья) также присутствовали в Эфиопии, но на них не говорили (разве что в качестве второго языка) ни фалаша, ни кеманты.

Объяснение этой аномалии и логически вытекавшие из него выводы казались очевидными, и я записал их в своем блокноте:

«Уже очень давно первые небольшие группы евреев начали мигрировать из Израиля в Эфиопию. Полагаю, что этот процесс начался в X веке до н. э. (если не еще раньше) и продолжался по крайней мере до конца V века до н. э. По прибытии в район озера Тана мигранты оказались среди старейших обитателей Эфиопии — вроде агау — и, должно быть, смешались с ними, утратив таким образом свои этнические отличия. В то же время они, видимо, передавали свою иудейскую веру и культуру, которые принесли с собой. Таким образом, уже, скажем, ко II или I веку до н. э. в Эфиопии не осталось «евреев» как таковых, а жили только «евреизированные» или обращенные в иудаизм люди, которые со всех других точек зрения, должно быть, выглядели как коренные жители Эфиопии и говорили на коренном эфиопском языке (а древнееврейский оказался забытым). Современные потомки этих «евреизированных» или «иудаизированных» народов — кеманты и фалаша, а их родной язык, диалект агавского, является коренным кушитским языком».

Что же можно сказать о «семитских» народах Эфиопии вроде политически господствующих амхаров-христиан? Почти определенно они являются, как утверждают этнографы, потомками сабейских и южноаравийских поселенцев, хлынувших на нагорье, с более поздними волнами иммиграции. Иудаизм в той или иной форме, вероятно, уже прочно обосновался среди местных групп агау к тому времени, когда сабейские завоеватели появились на сцене, и этим объясняется, почему их культура также была постепенно «евреизирована» и почему элементы иудаизма дожили до наших дней в необычайно ветхозаветном характере абиссинского христианства.

«Евреи в Эфиопии были всегда, с самого начала» — писал в XVII веке португальский иезуит Балтазар Теллез. В своем суждении, я полагаю, он был гораздо ближе к истине, нежели современные ученые, считающие, что иудаизм в этой стране появился относительно поздно, и в упор не видящие всех тех фактов, которые противоречат их предрассудкам.

ЗАГАДОЧНЫЕ «БРС»

Прояснив множество вещей, которые до сих пор не были объяснены должным образом, я сознавал потенциальную слабость теории, которую только что обрисовал в своем блокноте: не отражает ли она скорее мои *собственные* предрассудки, чем факты? И все же это *факт,* что фалаша исповедуют архаичную форму иудаизма, как *факт* и то, что религия кемантов содержит много древнееврейских элементов. Также является *фактом* и то, что христианство Эфиопской православной церкви пронизано обрядами бесспорно иудейского происхождения. Но позволительно ли из всего этого делать вывод, что волны еврейской иммиграции в

Эфиопию накатывали за сотни лет до V века до н. э., когда — как я предполагал — ковчег завета был доставлен с острова Элефантин на Верхнем Ниле на остров Тана Киркос? Если я прав ив этом районе уже существовало поселение евреев, тогда нет ничего загадочного в том, почему именно Эфиопия (а не какая-либо другая страна) была выбрана в качестве последнего пристанища ковчега.

Но прав ли я? Собранные до сих пор доказательства моей эволюционной теории имели две четко различимые формы: 1) социальные и этнографические данные по фалаша и кемантам, касающиеся их религиозных верований, фольклора и отношений между собой, и 2) разбросанные по всему Ветхому Завету свидетельства непрерывной еврейской иммиграции в Абиссинию в первой половине первого тысячелетия до н. э. Если такая иммиграция действительно имела место, тогда определенно должны найтись доказательства не только в Библии и в отмеченных особенностях фадашской и кемантской культуры. Впечатляющий материал, уже собранный мною, наводил на размышления, но для придания законченности своему делу мне необходимо было получить нечто ощутимое в виде археологических или документированных фактов обоснования еврейских поселенцев в Эфиопии еще до V века до н. э.

Такого рода сведения мне еще не попадались, и я знал, что плыву против течения, против мнения ученых, пытаясь найти их. Тем не менее я прозондировал почву среди знакомых мне представителей ученого мира в попытке узнать, не пропустил ли я чего-нибудь важного.

Вскоре я получил по почте труд некой Жаклин Пирен, опубликованный в 1989 году на французском языке Страсбургским университетом гуманитарных наук. Его прислал мне профессор египтологии одного крупного британского университета. Сопроводительная записка гласила:

«Посылаю вам фотокопию статьи Жаклин Пирен, обсуждавшейся на недавней конференции в Страсбурге.

Откровенно говоря, я считаю, что в научном плане она несколько переборщила. Человек она очень способный, знает древнеарабские документы, но высказывает (по мнению многих из нас) невероятные мысли о древнеарабской хронологии и письменности. Это эссе очаровательно, но, боюсь, скорее фантастично, нежели исторично. (Бистон, насколько мне известно, резко критиковал его на недавней сессии Семинара арабских исследований, а он человек в целом здравомыслящий, но не непогрешимее всех нас.)».

Я, естественно заинтересовался, почему профессор посчитал, что статья знатока «древнеарабских документов» может иметь какое-то отношение к моему исследованию. После перевода статьи на английский я понял, почему он так посчитал, как и то, почему академический мир враждебно отреагировал на соображения Жаклин Пирен.

Если свести довольно запутанный тезис к сути, то она начисто опровергала мнение ученых, изучавших отношения между Эфиопией и Южной Аравией: не сабеи оказали влияние на Эфиопию *из* Йемена, а, наоборот, Эфиопия оказала влияние на Южную Аравию:

«Сабеи… сначала прибыли в эфиопскую провинцию Тиграи и попали в Йемен через Красное море… Это единственный вывод, хоть и абсолютно противоположный всем признанным точкам зрения… объясняющий факты и позволяющий оценить их должным образом».

Далее Пирен доказывала, что родиной сабеев был северо-запад Аравийского полуострова и что большое их число эмигрировало оттуда в Эфиопию («через русло реки Хаммамат и вдоль Нила») двумя отдельными волнами — первая около 690 года до н. э. и вторая около 590 года до н. э. Почему они эмигрировали? Потому, что не желали платить дань ассирийскому завоевателю Синаххерибу в первом случае и вавилонскому завоевателю Навуходоносору — во втором.

Этот тезис не столь уж притянут за уши, как может показаться: в своих кампаниях Синаххериб и Навуходоносор не ограничились нападениями на Иерусалим, но проникли на северо-запад Аравии, где действительно могли столкнуться с племенами сабеев и вытеснить их. Это я уже знал, но не был в состоянии ни забраковать, ни оправдать остальные доводы Пирен, а именно: что ее сабеи-беглецы пробрались в Эфиопию по долине Нила, а затем мигрировали дальше — через Красное море в Йемен.

Важность утверждений Пирен для моего исследования не исчерпывалась этим доводом, каким бы интересным он ни был. Мое внимание привлек — и в конце концов убедил меня в правильности выбранного направления — ее анализ найденной в Эфиопии сабейской надписи, датированной VI веком до н. э. Переведенная лингвистом Шнайдером и опубликованная в малоизвестном труде «Эпиграфические документы Эфиопии», эта надпись восхваляла сабейского монарха, назвавшегося «благородным царем-воином» и хваставшегося тем, что в созданной им на севере и западе Эфиопии империи он царствовал «над Даамат Савской» и над «белыми и черными БРс». «Кто такие были эти «БРс», задалась вопросом Пирен:

«Р. Шнайдер не осмелился на какое-либо толкование… но этот термин, зафиксированный в ассирийских надписях — абирус, мог употребляться в отношении древних евреев… Естественно, евреи могли эмигрировать одновременно со второй волной сабеев, поскольку впервые Иерусалим был захвачен Навуходоносором в 598 году до н. э., и затем последовало Вавилонское пленение, а атаки того же Навуходоносора на арабов происходили в 599–598 годах до н. э… Отождествление БРс с «евреями», прибывшими [в Эфиопию] со второй волной сабеев, объясняет… существование фалаша — чернокожих, но иудеев… Они являются потомками этих «евреев», прибывших в VI веке до н. э.».

Пирен, однако, даже не рассмотрела возможности того, что «БРс» — стандартное написание слова «евреи» (т. е. АБИРУС) в раннем — алфавите, не имевшем гласных, — могли прибыть в Эфиопию *раньше* любой из двух миграций сабеев. Она сделала свой вывод только на том основании, что упомянувшая их надпись датировалась VI веком до н. э., когда они вроде бы мигрировали. На основе собственного исследования я был убежден в выводе, что «БРс», сюзеренитетом над которыми похвалялись сабейские завоеватели, вполне могли обосноваться в Эфиопии задолго до них и что их численность продолжала расти в то время (и позже) с прибытием по долине Нила новых небольших групп еврейских иммигрантов.

Последний пункт пока был из области теории. Жаклин же Пирен одарила меня тем, что обратила внимание на определенные археологические и документальные доказательства существования в Эфиопии в VI веке народа, называвшегося «БРс». Академики могут спорить до скончания веков о том, кем в действительности были эти «БРс», но у меня уже не оставалось никаких сомнений:

• Они были евреями, еще не отождествлявшими себя в тот ранний период с коренными агау, среди которых они поселились.

• Они поклонялись Богу, называемому Яхве.

• Следовательно, когда в V веке до н. э. ковчег завета был доставлен с Элефантина в Эфиопию, то он оказался, можно с уверенностью утверждать, в весьма подходящем пристанище.

ЧАСОВНЯ НЕВЕЗЕНИЯ

Мне оставалось сделать совсем немного. На протяжении долгого и окольного исторического исследования я пытался убедиться, в истинности притязания Эфиопии на обладание утраченным ковчегом.

Теперь я убедился. Я прекрасно сознавал, что ученые могут оспорить мои находки и сделанные из них выводы, но в действительности не одобрения «экспертов» и «авторитетов»

добивался я в 1989 и 1990 годах. У меня была внутренняя цель, и я один был судьей и оценщиком всех накопленных фактов и аргументов.

Оставалась главная проблема: чтобы посетить древний город Аксум и в нем храм, в котором якобы хранится ковчег, я должен пойти на немалый риск и одновременно преодолеть глубокую душевную тревогу при мысли, что мне придется довериться НФОТ — вооруженным повстанцам, имевшим полное основание ненавидеть меня за тесные связи с тем самым правительством, которое они пытались свергнуть. Я не был готов рискнуть и не мог побороть страх, пока не убедил себя, что не пускаюсь в дурацкую, донкихотскую авантюру, а продолжаю заниматься делом, которому готов отдаться полностью.

Теперь я верил, что существует весьма высокая вероятность того, что ковчег на самом деле находится в Аксуме, и был готов приступить к заключительному этапу своего поиска — путешествию в «священный город эфиопов», невзирая на все сопряженные с этим риск, опасности и трудности.

Мне было нелегко прийти к этому решению. Напротив, в предшествовавшие месяцы я настойчиво искал любой предлог, лишь бы оправдать отказ от рискованного предприятия. Но вместо возможных оправданий я находил все новые и новые нити, которые, казалось, вели безошибочно в Аксум.

Я искал альтернативные пристанища ковчега, но ни одно из тех, которые предлагали легенды или предания, не казалось сколь-нибудь вероятным. Я искал доказательства, того, что реликвия могла быть уничтожена, но не нашел их. Я установил, что утверждения «Кебра Нагаст» относительно Соломона, царицы Савской и Менелика не могут считаться соответствующими действительности, но одновременно обнаружил, что эти же самые утверждения могут служить сложной метафорой истины. Ковчег определенно не мог попасть в Эфиопию во времена Соломона, но вполне правдоподобно, что он мог быть доставлен позже — во время разрушения иудейского храма на острове Элефантин на Верхнем Ниле.

В целом же, что бы там ни думали ученые, я знал, что подошел к концу долгого пути и не могу дольше откладывать или увиливать от «окончательного расчета»: чтобы остаться честным перед самим собой и не стыдиться в последующие годы, я должен приложить максимум усилий, дабы пробраться в Аксум, невзирая на риск, которому подвергнусь, невзирая на демонов эгоизма и трусости, с которыми мне предстояло совладать. Пусть это избитая мысль, даже, быть может, древнейшая из известных человеку, но действительно стоящим мне представлялось не столько попасть в священный город, сколько приложить усилия, — чтобы попасть туда, не столько найти на самом, деле ковчег, сколько найти в себе достаточно сил для продолжения поиска.

В собственных глазах я вовсе не выглядел одним из рыцарей короля Артура в сверкающих доспехах. Тем не менее в тот момент мне было совсем не трудно понять, почему сэр Гавейн на пути к ожидавшим его перипетиям предпочел пренебречь сладкозвучным советом сквайра, пытавшегося отговорить его от посещения Зеленой часовни и предостерегавшего:

«Если отправишься туда, то найдешь там свою погибель… поэтому, мой добрый сэр Гавейн, отправляйся другим путем, в какую-нибудь дальнюю область! Ступай с Богом, и Христос побережет твою судьбу! А я вернусь домой и торжественно поклянусь Богом и его святыми сберечь твою тайну и не сказать ни одной душе, что ты когда-либо намеревался обратиться в бегство».

После недолгого размышления Гавейн ответил:

«Достойно тебя желать мне благополучия, человек, и я верю тебе, что ты преданно сохранишь эту тайну в своем сердце. Но каким бы молчаливым ты ни был, если я не посещу этого места и побегу… как ты предлогаешь, я стану трусливым рыцарем, не имеющим оправдания… Я отправлюсь в Зеленую часовню и получу то, что уготовано мне судьбой».

С той же решимостью, но с меньшей отвагой готовился я отправиться в мою собственную «часовню невезения», дабы найти там то, что уготовано мне судьбой. И подобно сэру Гавейну я знал, что должен совершить это путешествие на рассвете Нового года, ибо приближалось торжественное празднование *Тимката.*

Часть VI

ЭФИОПИЯ, 1990–1991 ГОДЫ

Глава 17

УЖИН С ДЬЯВОЛАМИ

После посещения Израиля и Египта в октябре 1990 года я вернулся в Англию, твердо решив: я должен ехать в Аксум, а оптимальное дремя для его посещения — январь 1991 года. Если мне удастся попасть туда до 18 января, я смогу принять участие в церемонии *Тимката,* во время которой, как я надеялся, на крестный ход вынесут сам ковчег.

Фалашский священник Рафаэль Хадане, с которым я беседовал в Иерусалиме, высказал сомнение в том, что будет вынесена подлинная реликвия: «Я не думаю, что христиане когда-либо выносят истинный ковчег — они так не поступят. Они никогда не покажут ковчег кому бы то ни было, а используют копию». Поскольку это говорил человек, который сам посетил Аксум в надежде увидеть священную реликвию, такое предостережение немало расстроило меня. Тем не менее я не видел иного выхода, как осуществить свой план, преодолев собственные страхи.

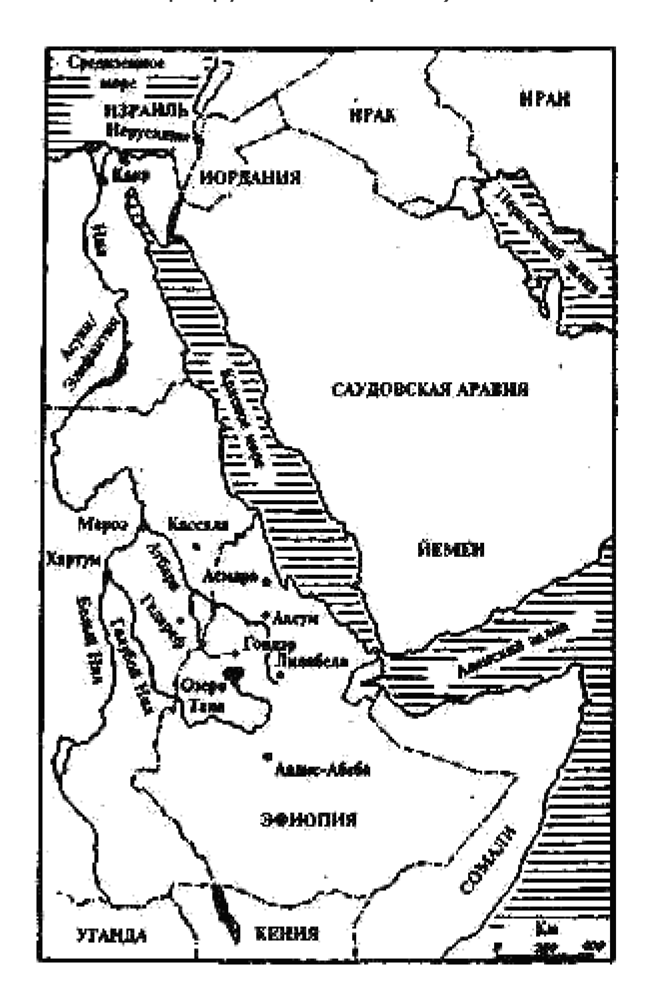
Так как в Эфиопии продолжалась гражданская война, не оставалось сомнений в том, что мне придется довериться людям из Фронта народного освобождения Тиграи, если уж я вознамерился попасть в Аксум. Уже несколько лет я знал, что они пускали в контролируемые ими районы десятки иностранцев, ни причиняя никому никакого вреда. И все же опасался, что меня могут ждать серьезные неприятности. Почему?

Да ротому, что у меня установились тесные связи с эфиопским режимом в период с 1983 по 1989 год. В конце 1982 года я оставил журналистику и основал издательскую фирму для опубликования книг и документов для самой широкой клиентуры, в том числе для ряда африканских правительств. Одной из первых я заключил сделку с эфиопской Комиссией по туризму. Именно она, как рассказано выше, привела меня впервые в Аксум еще в 1983 году.

В результате появилось богато иллюстрированное подарочное издание, которое понравилось руководителям эфиопского правительства и обеспечило заказы на несколько похожих публикаций. В ходе работы над ними я познакомился со многими могущественными людьми — идеологическим руководителем Шимелисом Мазенгией, другими членами Политбюро и Центрального Комитета Берхану Байи и Кассой Кебеде, а главное с эфиопским так называемым «красным императором» — президентом Менгисту Хайле Мариамом, силовиком, захватившим власть в стране в середине 70-х годов и пользовавшимся репутацией безжалостного гонителя инакомыслия, не имевшего себе равных во всей Африке.

В определенном смысле, когда тесно общаешься с людьми, то начинаешь видеть вещи их глазами. Это случилось и со мной в 80-е годы, и ко второй половине десятилетия я стал одним из самых горячих сторонников эфиопского правительства. Хотя я никогда не одобрял развязанных правительством репрессий в стране, я сумел убедить себя в том, что его меры и инициативы оправданны. Среди них и политика переселения, которая начала проводиться в 1984–1985 годах с целью перемещения более миллиона крестьян из пораженной голодом провинции Тиграи (тогда еще находившейся под контролем правительства) на неосвоенные земли на юге и западе страны. В то время я был убежден в необходимости этого, так как обширные районы севера страны стали «необитаемыми пустошами на грани бесповоротного экологического краха». Политические же руководители НФОТ рассматривали переселение в совершенно ином свете, видя в нем серьезную угрозу восстанию, которое в то время они отчаянно пытались расширить. Реальная цель «зловещей» политики — по их мнению —

заключалась в том, чтобы лишить их жизненно необходимой массовой поддержки в их родной области (поскольку переселение каждого крестьянина из провинции Тиграи означало уменьшение числа потенциальных рекрутов для Фронта).

Поддерживая переселение — а я делал это публично и несколько раз, — я явно и прямо выступал против интересов НФОТ. Кроме того, я тесно связал себя с эфиопским правительством и в других вопросах. После ряда встреч с президентом Менгисту, меня, например, попросили рассказать о нем по всемирной сети Би-Би-Си. Этот рассказ, прошедший в эфир в 1988 Году, выставил президента в гораздо более благоприятном свете, чем он того заслуживал по мнению многих. Я же выступил с искренним изложением своей точки зрения, поскольку близко узнал этого человека и понял, что его характер отличается гораздо большей глубиной и утонченностью, чем о нем думали. В результате же я стал крайне непопулярным в глазах массы его критиков и дал НФОТ новый повод считать, что я твердо выступаю на стороне правительства.

Наконец, в 1988 году и в начале 1989 года мои отношения с режимом Аддис-Абебы обрели новое измерение. В ряде необычных путешествий на протяжении года с лишним я перевозил послания из Эфиопии в Сомали и обратно. В Сомали правил другой диктатор — Мохаммед Сиад Барре, с которым я тоже был дружен. Цель моих поездок состояла в содействии укреплению дипломатических отношений между двумя странами, а моя роль заключалась в том, чтобы заверить каждого главу государства в серьезности намерения другого вести переговоры до конца и впоследствии уважать соответствующий договор.

В то время я считал, что выполняю почетную, достойную и благую работу. Кроме того, мне льстила роль «честного посредника» между такими могущественными и опасными оппонентами, как Менгисту и Барре. Такие психологические побуждения помешали мне увидеть, так сказать, изнанку моей деятельности: насколько тесные личные отношения, которые я вынужден был развивать с этими двумя жестокими и расчетливыми людьми, могли испортить мой собственный характер. Старая мудрость гласит, что собирающийся поужинать с дьяволом должен приготовить длинную ложку. В самый разгар моей любительской челночной дипломатии в 1988–1989 годах я ужинал с двумя дьяволами и, к сожалению, вовсе не пользовался ложкой.

Вышел ли я запятнанным из этой истории? Честно говоря, ответ может быть только утвердительным. Я определенно запятнал себя. Могу добавить, что теперь сожалею о своих делах и, повторись все сначала, не дал бы лести и личным амбициям завлечь себя в столь грешную компанию.

Но теперь мне ничего не оставалось, как мириться с последствиями собственных ошибок. Одно из таких последствий заключалось в том, что подписанное в результате эфиопско-сомалийских переговоров, в которых я сыграл свою роль, соглашение обязывало каждую сторону прекратить оказание финансовой помощи и поставки оружия повстанческим силам другой стороны. Оно, естественно, затронуло интересы НФОТ, который на протяжении нескольких лет создал мощную тыловую структуру в сомалийской столице Могадишо. То есть я лишний раз зарекомендовал себя противником дела повстанцев Тиграи и другом диктатора Менгисту Хайле Мариама, которого они считали воплощением зла.

Таков был фон, на котором я с немалым волнением попытался прозондировать почву в представительстве НФОТ в Лондоне в ноябре 1990 года. Я был почти уверен, что получу категорический отказ на свою просьбу посетить Аксум. В голове прокручивался и иной, гораздо более страшный сценарий, вызванный собственной паранойей и сознанием вины: партизаны согласятся доставить меня в священный город, а потом, после пересечения границы Судана с Тиграи, организуют мне смертельный «несчастный случай». Каким бы мелодраматичным и даже нелепым ни казалось это опасение, для меня оно было вполне реальным.

ПОИСКИ ИЛИ «ЛЕГЕНДА»?

Ответ НФОТ не вызвал у меня особого восторга. Да, они знают, кто я такой. Да, их удивило мое желание посетить Аксум. Нет, они не возражают против моих планов.

Оставалась одна проблема. Необходимо было получить визу суданского правительства прежде, чем вылетать в Хартум, как и разрешение на поездку в глубинку страны, без которого я не смог бы пересечь сотни километров пустыни, отделяющие Хартум от границы с Тиграи.

К сожалению, в последние месяцы 1990 года британским гражданам было нелегко получить суданскую визу и подобное разрешение. К тому времени назрел и стал почти неизбежным крупный конфликт в Персидском заливе, в котором Судан выступал на стороне Ирака. Из-за того же, что Британия заняла сторону США, британские граждане стали практически персона нон грата в Хартуме.

Не может ли НФОТ обойти этот запрет? Да, ответили мне, может. Однако они ходатайствуют только за визитеров, являющихся их друзьями или могущих оказать активное содействие их делу. Поскольку же я не являюсь таким другом и вроде не могу предложить им ничего путного в виде содействия, я должен сам договориться с суданскими властями. Если мне это удастся и я смогу самостоятельно добраться до пограничного города Кассала, тогда НФОТ переправит меня через границу и позволит доехать до Аксума.

Контакты с суданским посольством в Лондоне лишь усилили ощущение тщетности моих усилий и подавленности. Будучи писателем, я был обязан представить просьбу о визе пресс-

атташе посольства Абделю Вахабу эль-Аф-фенди, который оказался щегольски одетым молодым человеком. Он очень вежливо порекомендовал мне оставить всякую надежду: в нынешнем политическом контексте у меня нет абсолютно никакого шанса получить разрешение на въезд в Судан и тем более на поездку из Хартума в Кассалу.

— Поможет ли мне поддержка моей просьбы со стороны НФОТ?

— Определенно поможет. А они поддержат?

— Может быть, но не в данный момент — у них сейчас другие приоритеты.

— Ну так вот, — вздохнул доктор Аффенди с видом человека, только что продемонстрировавшего свою правоту, — вы напрасно тратите время.

— И все же соблаговолите препроводить мою просьбу в Хартум, — попросил я.

Пресс-атташе широко улыбнулся и поднял обе руки ладонями вверх в красноречивом жесте неискреннего извинения:

— Я с радостью сделаю это, но заверяю вас, что ничего хорошего из этого не получится.

На протяжении всего ноября я поддерживал по телефону контакты с Аффенди. Он не мог ничем меня порадовать. После первого контакта с НФОТ 2 ноября я снова посетил его представительство 19-го и встретился на этот раз с его главой Тевольде Гебру. От беседы с ним у меня возникло ощущение, что он профессионально исследует мои намерения, пытаясь определить, следует ли принимать их за чистую монету, или же мое желание посетить Аксум как-то связано с военными планами режима Аддис-Абебы.

Я-то *знал,* что меня интересует только ковчег завета. Но уже не в первый раз мне приходило в голову, что мой так называемый «поиск» может выглядеть в глазах НФОТ «легендой» шпиона. Поэтому я не был уверен, следует ли мне радоваться или тревожиться, когда в конце встречи Тевольде заверил меня, что будет просить представительство Фронта в Хартуме ходатайствовать о визе и разрешении на поездку по стране.

СДЕЛКА

Следующие три недели я ничего не слышал ни от представительства НФОТ, ни от суданского посольства в Лондоне. Я, похоже, оказался в безвыходном положении и сообразил, что следует предпринять что-то для ускорения дела.

В конце концов мне в голову пришла бесхитростная идея. На земле Эфиопии явно велась весьма интенсивная пропагандистская кампания. В ее ходе правительство обвинило НФОТ — вероятно, несправедливо — в разграблении и разрушении церквей. Поэтому я решил, что у меня есть шанс добиться содействия повстанцев, стоит лишь пообещать им, что я выступлю на телевидении с репортажем о свободе совести в Тиграи под их властью, репортажем, в котором они получат возможность опровергнуть выдвинутые против них обвинения.

Я не желал делать публичные заявления в средствах массовой информации в пользу НФОТ частично из-за остаточной лояльности к людям из правительства вроде Шимелиса Мазенгии, помогавшего мне на протяжении нескольких лет, и частично потому, что находил противной подобную полную смену позиций. По правде говоря, мои взгляды на эфиопские внутриполитические проблемы уже переменились и продолжали меняться. Но встать на публике и поддержать НФОТ именно сейчас, когда мне необходимо попасть в Аксум, означало бы как раз то, что я начал презирать в собственном поведении в последние месяцы.

Решение, которое я придумал, чтобы обойти возникшую проблему, было не менее окольным. Я не стану ни делать, ни представлять телерепортаж о Тиграи, а попрошу сделать его для меня кое-кого еще.

Я имел в виду моего старого приятеля, бывшего продюсера Би-Би-Си по имени Эдуард Милнер, который уже несколько лет был «свободным художником». Только недавно он

вернулся из южноамериканской страны Колумбии, где снимал репортаж специально для британского Четвертого канала новостей. Поэтому мне казалось, что его может заинтересовать возможность сделать репортаж о Тиграи для той же компании. Разумеется, не могло быть и речи, чтобы склонить его на ту или иную сторону. Я знал его как исключительно цельного человека и понимал, что он будет настаивать на полной свободе изложения именно того, что увидит в реальности. И все же я полагал, что НФОТ проявит больший интерес к моей поездке в Аксум, если таким образом я свяжу ее с возможностью освещения событий по телевидению. По собственному опыту я знал, что все повстанческие группировки жаждут рекламы, и не думал, что НФОТ станет исключением.

Итак, 10 декабря я снова позвонил Тевольде Гебру. На встрече 19 ноября он обещал мне, что попросит представительство Фронта в Хартуме помочь мне получить визу и разрешение на поездку в провинцию. Поэтому сейчас я поинтересовался состоянием дела.

— Никаких новостей, — ответил Гебру. — Наши люди в Судане очень заняты, и ваш вопрос не является для них приоритетным.

— Изменится ли положение, если я предложу вам в обмен телерепортаж?

— Это зависит от того, о чем он будет.

— В нем речь пойдет о свободе религии в Тиграи и об отношениях между НФОТ и церковью. Вы, может быть, и побеждаете в гражданской войне, но явно проигрываете пропагандистскую войну.

— Почему вы так думаете?

— Один пример. Недавно вас обвинили в разграблении и поджоге церквей, ведь так?

— Верно.

— И это, несомненно, причинило вам немалый вред?

— Это очень сильно повредило нам как внутри страны, так и на международной арене.

— И это соответствует действительности?

— Абсолютно не соответствует.

— Тем не менее об этом говорят, а когда людей обливают подобной грязью, она оставляет пятна. — Я пустил в ход свой козырь: — Совершенно очевидно, что это часть хорошо спланированной пропагандистской кампании правительства против вас. Послушайте, позвольте мне процитировать вам репортаж, опубликованный 19 октября в «Таймс». — Передо мной лежала вырезка из газеты. — «Эфиопское правительство, — начал читать я, — особенно нуждается в поддержке церкви в своей борьбе с дальнейшей дезинтеграцией государства. Недавно президент Менгисту заявил: «Наше государство является результатом исторического процесса и существовало тысячи лет, что подтверждается существующими историческими реликвиями». По иронии судьбы президент также пытается выгодно оттенить свой либеральный режим на фоне того, что воспринимается как твердолобый коммунизм и антиклерикализм сепаратистских движений…

— Мне знаком этот репортаж, — прервал меня Тевольде. — Менгисту предпринимает какие-то шаги по либерализации с циничной целью завоевать поддержку в народе именно сейчас, когда он понимает, что не может победить нас на поле битвы.

— Но вопрос вовсе не в этом. Дело в том, что вам просто необходимо сделать что-то, дабы отмыться от обвинений в антиклерикализме. Телерепортаж, переданный на всю Британию, здорово помог бы вам. Если же мы снимем его во время *Тимката,* — а именно на него я хочу попасть в Аксум, — тогда крестные ходы и вся атмосфера праздника поможет доказать, что НФОТ не выступает против церкви и является ревностным хранителем самой ценной исторической реликвии на свете.

— Пожалуй, вы правы.

— Так следует ли мне попытаться организовать такой телерепортаж?

— Это было бы неплохо.

— Если мне это удастся, как вы думаете, сможете ли вы вовремя устроить нам визы и разрешения?

— Да, полагаю, я могу гарантировать это.

ОДИННАДЦАТЫЙ ЧАС

Договорившись с Тевольде, я тут же позвонил своему приятелю Эдуарду Милиеру, объяснил ему ситуацию и спросил, устраивает ли его предложить репортаж о Тиграи Четвертому каналу новостей.

Милнер заинтересовался предложением и к 12 декабря уже заполучил подписанный договор с телеканалом, который мы вместе с паспортными данными Эда передали по телефаксу в представительство НФОТ. Мы также направили сопроводительное письмо, в котором сообщали, что должны выехать в Тиграи не позднее 9 января 1991 года — т. е. задолго до *Тимката.*

Прошло еще две недели, а мы не услышали от НФОТ ничего определенного. Визы и решения на путешествие по стране так и не поступили.

— Созвонитесь со мной, сразу же после Нового года, — попросил нас Тевольде.

К 4 января 1991 года я совершенно отчаялся и начал уже испытывать сожаление, смешанное с облегчением: первое в связи с тем, что мне не удавалось завершить свой поиск, и второе потому, что я, по крайней мере, сделал все, что было в моих силах, и все же уберегся от всякого рода опасностей — реальных или воображаемых, — которыми чревата поездка в Тиграи. И тут вечером позвонил Тевольде:

— Можете ехать — все устроено.

Как и было запланировано, мы с Эдом вылетели в Хартум 9 января. Оттуда нам предстояло добраться по суше меньше чем за неделю до священного города Аксума.

Глава 18

ТРУДНОДОСТУПНОЕ СОКРОВИЩЕ

Мы с Эдом Милнеррм вышли из аэробуса авиакомпании «КЛМ», доставившего нас в Хартум, и отдались во влажные объятия африканской ночи. Виз у нас на руках не было, только их номера, переданные нам представительством НФОТ в Лондоне. Они явно были известны офицеру иммиграционной службы, который оформил наше прибытие и оставил паспорта у себя, пока мы получали багаж.

Женатый на таянке и отец двух прелестных крошек, Эд, мой самый старый друг, был шафером на моей свадьбе. Приземистый, мощного телосложения, темноволосый, с угловатыми чертами лица, он настоящий профессиональный телевизионщик — и продюсер, и режиссер, и оператор, и звукооператор в одном лице. Все эти его профессии и к тому же связи с Четвертым каналом делали его идеальным спутником в моем путешествии — я не только должен был представить телерепортаж НФОТ, но и не желал осложнять собственную работу в Аксуме присутствием целой шайки телевизионщиков.

Полное имя Эда — Джон Эдуард Дуглас Милнер. В зале прилета Хартумского аэропорта мы сразу же навострили уши, услышав из громкоговорителя: «Джон Эдуард, Джон Эдуард, Джон Эдуард. Мистер Джон Эдуард, пожалуйста, срочно подойдите к офису иммиграционной службы!»

Эд откликнулся на призыв и… исчез. Через полчаса я получил весь наш багаж и свой паспорт с нужной печатью иммиграционной службы. Прошло еще полчаса, потом час, полтора часа. В конце концов далеко за полночь, когда все остальные пассажиры уже прошли таможенный контроль и аэропорт практически опустел, появился мой коллега — озадаченный, но радостный.

— Имя Джон Эдуард фигурирует в черном списке полиции по неизвестной мне причине, — объяснил он. — Я пытался убедить их, что меня зовут Джон Эдуард *Милнер,* но они никак не желали меня понять. Они задержали мой паспорт. Я должен приехать за ним завтра утром.

НФОТ прислал за нами машину в аэропорт. Не говоривший по-английски водитель стремительно провез нас по пустынным улицам Хартума, останавливаясь через каждые несколько минут на дорожных блокпостах, где дежурили неотесанные, вооруженные до зубов солдаты, изучавшие предъявляемый пропуск.

Я бывал в Судане и раньше — с 1981 по 1986 год, я даже регулярно посещал эту страну. И сразу понял, что с тех пор здесь многое изменилось. Судя по блокпостам, в городе действовал жесткий комендантский час, что было совершенно не мыслимо в прежние времена. Даже сама атмосфера была другая, но я никак не мог понять, в чем дело. Было что-то жутковатое в затемненных зданиях, замусоренных улочках и стаях бродячих собак. Всегда-то отличавшийся беспорядком, сегодня ночью Хартум выглядел просто страшным, что было для меня новостью.

Мы добрались до центра города и выехали на Шариа-эль-Нил чуть к северу от внушительного дворца в викторианском стиле, где в 1885 году святые дервиши расправились с генералом Чарлзом Гордоном.

Щариа-эль-Нил означает «улица Нила» или «путь Нила», и мы действительно ехали вдоль великой, реки. Деревья с раскидистыми кронами справа закрывали от нас звезды, а между их толстыми стволами и свисающими ветвями проглядывал Нил, спокойно несущий свои воды к далекому Египту.

Слева от нас промелькнула пустая терраса «Гранд-отеля», когда-то элегантное место свиданий, а ныне выглядевшая заброшенной и жалкой. Вскоре мы подъехали к последнему блокпосту у поворота, где наш водитель вынужден был снова предъявить свой пропуск. Нас пропустили на стрелку при слиянии Голубого и Белого Нила, где стоит хартумский «Хилтон». Когда мы въезжали в прекрасно освещенный двор гостиницы, я уже предвкушал возможность пропустить пару или даже три двойных водки с тоником и льдом. Когда же чуть позже я попытался сделать заказ по телефону, мне напомнили одно важное обстоятельство, начисто выветрившееся из моей памяти: со времени принятия исламского закона в середине 80-х годов в Судане был запрещен алкоголь…

На следующее утро 10 января мы с Эдом отправились на такси в офис Общества помощи Тиграи (ОПТ), куда представительство НФОТ в Лондоне порекомендовало нам обратиться за помощью в организации поездки. Мы обратили внимание на то, что наши имена, были записаны мелом на черной доске в одной из комнат на втором этаже, и все же никто там, похоже, ничего не знал о нас. Невозможно было и связаться в тот момент с главой миссии НФОТ в Хартуме Хайле Киросом: на городскую телефонную систему никогда нельзя было положиться, а в то утро она, похоже, окончательно вышла из строя.

— Нельзя ли просто подъехать к офису НФОТ? — спросил я одного из служащих Общества.

— Нет. Лучше оставайтесь здесь, а мы найдем для вас Хайле Кироса.

Мы напрасно прождали до полудня, потом решили, что я останусь и буду ждать Хайле Кироса, а Эд отправится на такси в аэропорт за своим паспортом. И он поехал, но не вернулся и через два часа. За это время не появлялся и представитель НФОТ, да и вообще никто, кто проявил бы хоть какой-нибудь интерес ко мне и моим планам добраться до Аксума.

Единственным лучом надежды, размышлял я, является то, что подобное сдержанное отношение ко мне лишало достоверности мои параноидные фантазии на предмет, что меня могут убить в Тиграи. Проглядывала более прозаическая перспектива, а именно: все

имеющие отношение к делу окажутся слишком ленивыми и медлительными, чтобы вообще довезти меня до Тиграи.

Я сверился с часами и убедился в том, что уже первый час. Менее чем через час все конторы в Хартуме закроются, в том числе, вероятно, и офис ОПТ и представительство НФОТ. Завтра уже пятница — мусульманский день отдохновения. Так что нам не добиться ничего путного до субботы 12 января.

Куда же запропастился Эд? Может, он вернулся прямо в «Хилтон»? Я попытался дозвониться до гостиницы, что мне, естественно, не удалось. В сильном раздражении я написал записку для Хайле Кироса, Указав свой гостиничный номер и прося его связаться со мной. Отдав записку одному из дружелюбных молодых людей в офисе ОПТ, я вышел на улицу на поиски такси.

Когда я приехал в «Хилтон», Эда там еще не было, и я на всякий случай снова поехал в офис ОПТ, но и там его не оказалось. В конце концов я велел водителю отвезти меня в аэропорт, где в результате долгих и терпеливых расспросов узнал, что моего коллегу задержали и теперь допрашивали полицейские.

— Могу я повидать его?

— Нет.

— Могу ли я вообще получить хоть какую-нибудь информацию?

— Нет.

— Когда предположительно его освободят?

— Сегодня, завтра, может, в субботу, — ответил мне говоривший по-английски бизнесмен, любезно оказавший мне помощь. — Никто не знает. И никто не скажет.

Его задержала полиция государственной безопасности. Страшные люди. Вы не сможете ничего сделать.

Страшно обеспокоенный, я поспешил к справочному бюро аэропорта, которое — как ни удивительно — было открыто. Не без труда я узнал там номер телефона посольства Великобритании. Затем я нашел телефон-автомат, который не только работал, но и делал это бесплатно. К сожалению, никто не отвечал.

Через пару минут я уже сидел в такси. Водитель не знал, где находится посольство, хоть и уверял меня в обратном, но в конце концов через час с лишним нашел его методом проб и ошибок.

Остаток вечера я провел в аэропорту с двумя британскими дипломатами, которых нашел пьющими нелегальные напитки в клубе посольства. Но они добились не большего успеха в установлении почему — или хотя бы где — был задержан Эд. Их усилия были осложнены и тем, что в это время в аэропорту приземлился ливийский реактивный самолет с лидером Организации освобождения Палестины Ясиром Арафатом, прибывшим для обсуждения кризиса в Персидском заливе с суданским диктатором генералом Омаром эль-Баширом. Вокруг нас крутились вооруженные автоматами бравые солдаты, дававшие выход своим патриотическим, антизападным чувствам и просто доставлявшие неприятности окружающим. Да и мои дипломаты были не в лучшем настроении.

— Всем британским гражданам было рекомендовано воздержаться от посещения этой дьявольской страны, — напомнил мне один из них с обвиняющей интонацией в голосе. — Теперь-то вы можете понять почему.

Около девяти вечера, так и не найдя Эда, я вернулся в «Хилтон» пообедать. И только в одиннадцатом часу, к моей немалой радости, он появился в холле гостиницы — немного грязный и усталый, но все же целый и невредимый.

Он показал мне свои руки, не успев сесть за столик. Его пальцы были покрыты черной краской.

— У меня взяли отпечатки пальцев, — сообщил Эд и безуспешно попытался заказать двойной джин с тоником. В конце концов, слегка раздраженный, он удовольствовался теплым безалкогольным пивом.

В ПУТИ

Как оказалось, Эда задержала не страшная полиция государственной безопасности, а суданский филиал Интерпола. Похоже, имя «Джон Эдуард» было одним из многих вымышленных имен, которыми пользовался наркоделец, разыскиваемый по всему миру. Эду страшно не повезло, когда полицейские обнаружили в его паспорте штамп визы Колумбии — мирового центра кокаиновой торговли. То, что в Колумбии он находился по заданию Четвертого телеканала, не произвело впечатления на суданских детективов, как и очевидное несходство с фотографией разыскиваемого преступника, разосланной Интерполом. К счастью, последний разослал и отпечатки пальцев наркодельца, и лишь поздно вечером кому-то в голову пришда блестящая идея, сравнить их с отпечатками пальцев Эда. И вскоре он был освобожден.

На следующий день мы рассказали эту историю Хайле Киросу — представителю НФОТ, появившемуся в «Хилтоне» лишь вечером. То, что вызвало немалую тревогу в свое время, ретроспективно показалось смешным, и мы трое посмеялись от души.

Затем мы занялись обсуждением технической стороны нашего путешествия в Аксум. Я внимательно следил за Хайле Киросом, но не смог, однако, заметить в его поведении ничего такого, что свидетельствовало бы о недобрых намерениях в отношении меня. Напротив, передо мной был любезный, покладистый человек, явно преданный делу свержения эфиопского правительства, но в остальном совершенно беззлобный. Во время разговора до меня стало доходить, до какой же степени я был не прав в последние месяцы. На фоне дружелюбного отношения ко мне Хайле Кироса казались совершенно необоснованными опасения и тревоги в связи с перспективой отдать себя в руки повстанцев, и нелепой — связанная с ними игра воображения.

Утром 12 января к нам присоединился еще один представитель НФОТ, которого я знал под единственным именем Хагос. Худощавый, хрупкого сложения, с кожей, испещренной оспой, он объяснил, что ему поручено сопровождать нас в Аксум — откуда он родом — и вернуться с нами после завершения работы. Здесь же, в Хартуме, он поможет нам с разрешением на проезд к границе и наймом машины для путешествия.

К полудню мы покончили с бумажной волокитой и ранним вечером договорились с одним эритрейским бизнесменом, проживающим в Судане, который согласился предоставить нам крепкую «тойоту-лендкруизер» с не менее крепким водителем по имени Тесфайе и шестью канистрами с бензином. Плата за услуги из расчета 200 долларов в сутки показалась мне вполне приемлемой: я знал, что большую часть пути придется проделать ночами по едва проходимым горным тропам, дабы не привлекать ненужного внимания самолетов эфиопского правительства, патрулировавших небо над мятежным Тиграи в дневное время.

На следующее утро — вернее, на рассвете 13 января — мы выехали из Хартума. Впереди нас ждали сотни и сотни километров пути по суданской пустыне, в которую мы и устремились на высокой скорости. Наш водитель Тесфайе выглядел пиратом со своей густой и курчавой шевелюрой, с желтыми от табака зубами и бегающим взглядом. «Лендкруизером» он управлял мастерски и явно хорошо знал маршрут. Рядом с ним на переднем сиденье расположился наш молчаливый спутник Хагос. Мы с Эдом заняли заднее сиденье и тоже больше помалкивали, поглядывая на поднимавшееся нам навстречу и обещавшее жаркий день солнце.

Мы направлялись в пограничный город Кассала, где тем же вечером планировалось пересечение границы караваном грузовиков Общества помощи Тиграи. Мы намеревались присоединиться к этому каравану и двигаться с ним к Аксуму.

— Безопаснее передвигаться в большой группе, — объяснил Хагос, — в случае чего-нибудь непредвиденного.

Поездка из Хартума в Кассалу помогла мне понять, до чего же безрадостны и пустынны ландшафты Судана. Вокруг нас со всех сторон до самого горизонта, дававшего представление о мягкой округлости поверхности земли, простиралась безводная равнина.

Ближе к полудню нам стали попадаться высохшие останки овец, коз, крупного рогатого скота и — что по-настоящему нагнетало тревогу — верблюдов. Это были первые жертвы, голода, который вскоре поразит и людей, но который правительство Судана до сих пор отказывалось признать, не говоря уж о том, что не пыталось бороться с ним. Такова, размышлял я, цена рокового высокомерия с его стороны, бессердечного безумия еще одного диктаторского режима Африки, одержимого сохранением собственного престижа и власти ценой безмерных страданий людей.

Но я ведь поддерживал как раз такие диктатуры в прошлом, разве нет? И даже сейчас я не мог бы сказать, что окончательно порвал с ними. Так кто я такой, чтобы судить? О ком я должен сожалеть? И по какому праву я сейчас сопереживаю обездоленным?

КАССАЛА

Около двух вечера мы пересекли заиленное русло Атбары недалеко от ее слияния с Тэкэзе, и я сообразил чуть ли не в шоке, как быстро и безжалостно сокращается недавно казавшееся мне огромным расстояние до Аксума. Лишь месяц назад казалось невозможным преодолеть это расстояние как глубокую и широкую бездну, полную немыслимых страхов.

В четвертом часу мы прибыли в Кассалу, построенную вокруг оазиса из финиковых пальм с господствующим над ним причудливым гранитным холмом, возвышающимся более чем на 2500 футов над окружающей равниной. Этот иссушенный красный холм хоть и казался отдельно стоящим, на самом деле был первым предвестником огромных эфиопских плоскогорий.

Я почувствовал возбуждение, ощутив близость границы — всего лишь в нескольких километрах от нас, и рассматривал с возросшим интересом беспокойный пограничный город, через который мы ехали в тот момент. Не обращая внимания на обессиливающую жару, повсюду роились толпы людей, заполняя пыльные улицы яркими цветовыми пятнами и громкими звуками. В одном месте группа стремительных и ловких горцев из Абиссинии пыталась обменять товары гор на товары пустыни и спорила с хозяином конюшни; в другом месте курчавый кочевник сидел верхом на своем ворчливом верблюде и высокомерно взирал на окружающий мир; в третьем мусульманский священник в тряпье одаривал благословениями тех, кто готов был заплатить ему, и проклинал тех, кто отказывался платить; в четвертом мальчишка, вопя от восторга, бежал с палочкой за самодельным обручем…

Хагос показывал Тесфайе дорогу, пока он не подъехал к маленькому домику с плоской крышей в пригороде.

— Вам надлежит находиться здесь, — объяснил он нам, — пока не придет время пересечь границу. Суданские власти в настоящий момент не совсем предсказуемы. Так что вам лучше побыть под крышей. Так вы избежите неприятностей.

— А кто здесь живет? — спросил я, выбираясь из «лендкруизера».

— Этот дом принадлежит НФОТ, — объяснил Хагос, вводя нас в чистенький дворик, куда выходили двери нескольких комнат. — Отдыхайте, поспите, если сможете. Ночь предстоит долгая.

ЧЕРЕЗ ГРАНИЦУ

В пять вечера нас вывезли на широкий, пыльный простор, усеянный костями умерщвленных четвероногих. Тучи мясных мух роились повсюду среди позвоночников и

лопаток, кругом виднелись кучки воняющего человеческого кала. Справа, между большим гранитным холмом и городом, задумчиво опускалось солнце в фантасмагории оранжевого и пурпурного цвета. В целом же этот коллаж выглядел, на мой взгляд, экзистенциалистким видением конца всего живого.

— Где мы находимся? — спросил я у Хагоса.

— Ну, здесь соберется караван перед пересечением границы, — объяснил представитель НФОТ. — Нам придется подождать с полчаса, с час. Потом мы двинемся дальше.

Эд моментально выскочил из машины с видеокамерой и штативом и бросился искать выгодную точку для съемки съезжающихся грузовиков. Он не собирался ограничить свой репортаж для Четвертого канала одними религиозными темами, как я заверил НФОТ, но намеревался рассказать и о растущем голоде в Тиграи.

Пока он готовился, я задумчиво бродил по округе, отмахиваясь от мух и высматривая, где можно было бы присесть и сделать записи за прошедший день. Однако меня угнетала атмосфера, типичная для мертвецкой. К тому же солнце уже спустилось к горизонту и стало слишком сумрачно для того, чтобы можно было писать.

Воздух наполнился прохладой, несколько неожиданной после вечерней жары, и пронзительный ветер завыл среди брошенных зданий, окружавших место сосредоточения. Повсюду виднелись фигуры бродящих мужчин и женщин, которые, казалось, явились ниоткуда и не знали, куда идти. Тем временем появились группки детей в тряпье и стали играть среди мусора и — костей, и их звонкие голоса сливались с мычанием проходившего мимо стада.

Потом я расслышал урчание приближавшихся грузовиков, сопровождавшееся хрустом переключаемых передач. Оглянувшись на эти звуки, я заметил мерцающий свет фар, затем слепящий луч. В конце концов из мрака возникли слонообразные тени приблизительно двадцати грузовиков «мерседес». Когда они проезжали мимо, я смог разглядеть, что каждый из них нагружен сотнями мешков зерна до такой степени, что прогнулись рессоры и скрипели рамы. Грузовики выстроились параллельными рядами в центре огромного пространства, и их число увеличивалось за счет новых чудовищ, выползавших из города. Вскоре вечерний воздух наполнился тучами пыли и звуками «газующих» двигателей. Затем, словно по какому-то сигналу — хотя его вроде бы никто не давал, — автоколонна двинулась в путь.

Я поспешил к «лендкруизеру», где Эд с помощью Хагоса торопливо грузил свое оборудование. Затем мы все запрыгнули в машину и бросились догонять грузовики. Дорога, по которой мы следовали, как я заметил, была изрыта глубокими колеями и колдобинами, и у меня невольно возник вопрос, сколько же автоколонн и на протяжении скольких лет прошло этим путем, доставляя продовольствие для народа, голодающего из-за безумия и злодеяний собственного правительства.

На своей более быстрой машине мы вскоре обогнали последний, а за ним и еще дюжину грузовиков, пока Тесфайе, явно наслаждавшийся этим ралли-сафари, не втиснулся в середину колонны. Вздымаемые грузовиками пыль и песок образовали вокруг нас дикое турбулентное движение, ограничивавшее порой видимость до нескольких футов. Напрягая зрение и вглядываясь в окружавшую ночь, я испытал ощущение страшной инерции в сочетании с чувством неизбежности. Я нахожусь в пути, направляясь туда, куда направляюсь, чтобы заполучить то, что пошлет мне судьба. И я подумал: здесь-то я и хочу быть, именно это и хочу делать.

Без чего-то семь мы прибыли на границу и остановились у блокпоста суданской армии — кучки глинобитных хижин посреди открытой всем ветрам и изрытой равнины. Из темноты выступили несколько человек в форме и с фонарями «молния» и стали проверять документы. Грузовики перед нами были пропущены один за другим.

Когда наступила наша очередь, офицер приказал Хагосу выйти из машины и принялся что-то втолковывать ему, то и дело показывая рукой на заднее сиденье, где мы с Эдом вовсю старались стать невидимками. В какой-то момент были предъявлены и изучены при свете фар наши паспорта. Офицер вдруг потерял к нам всякий интерес и пошел «доставать» пассажиров стоявшего за нами в очереди грузовика.

Хагос забрался в джип и захлопнул дверцу.

— Какие-нибудь проблемы? — нервно спросил я.

— Нет. Никаких, — ответил представитель НФОТ и, повернувшись ко мне, широко улыбнулся. — Не волнуйтесь. Эда уже не арестуют. Мы можем ехать.

Он сказал что-то на тигринья Тесфайе, который со счастливым видом отпустил ручной тормоз и газанул. Мы покатили вперед через границу в Эфиопию, хотя и не прямо в Тиграи. Наш путь, я уже знал, приведет сначала на территорию, контролируемую Фронтом национального освобождения Эритреи — более старым, чем НФОТ, партизанским движением, боровшимся за освобождение своей страны на протяжении почти тридцати лет и сейчас, в начале 1991 года, приблизившегося как никогда к своей цели. В пути я расспрашивал Хагоса о связях двух повстанческих группировок.

— Мы тесно сотрудничаем, — объяснил он. — Но ФНОЭ добивается создания отдельного эритрейского государства, а мы, НФОТ, ищем не отделения, а возможности избрания в Эфиопии демократического правительства.

— А для этого вы должны свалить Менгисту?

— Точно. Он со своей Партией трудящихся препятствует освобождению нашей страны.

Примерно с полчаса мы ехали, не видя никого из нашего каравана. Внезапно впереди показались огни, и мы остановились среди грузовиков посреди широкой долины между грядами низких холмов.

— Почему мы остановились? — поинтересовался я.

— Подождем подхода отставших грузовиков, а также подсадим бойцов НФОТ, которые будут охранять нашу колонну.

Ни слова больше не говоря, Хагос выпрыгнул из «лендкруизера» и пропал. Эд схватил видеокамеру и переносное освещение и отправился по своим делам.

Я решил, что и мне не помешает размять ноги да и посмотреть, что к чему. Вступив в бархатно-прохладную ночь, я постоял некоторое время рядом с машинами, вглядываясь в небо. Слабое сияние исходило от скоплений звезд и полумесяца, в нем проступали силуэты ближайших грузовиков с выключенными фарами. Справа от меня в глубокой темноте проглянула рощица колючих акаций. Чуть дальше отражала легкое свечение белая скала на вершине холма.

Постепенно мои глаза адаптировались к темноте, и я начал различать происходящее вокруг. Тут и там стояли или сидели на корточках группки свирепо, просто по-бандитски выглядевших, негромко переговаривавшихся мужчин. И если на территории Судана ни у кого, похоже, не было оружия, то сейчас практически все были вооружены автоматами.

Испытывая легкую тревогу, я прошелся среди грузовиков и увидел Хагоса, разговаривавшего с бойцами НФОТ в камуфляже. Подходя к ним, я услышал резкий металлический щелчок взводимого курка АК-47 и подумал: *меня пристрелят здесь и сейчас.*

Но Хагос ограничился тем, что представил меня окружавшим его людям. Я даже ошибся в оценке услышанного звука — кто-то просто разобрал автомат и теперь умело чистил его. Уже далеко не в первый раз устыдился я страхов, которых немало натерпелся в предшествовавшие нынешней поездке месяцы. Теперь я решил, что буду доверять повстанцам, — ведь и они вынуждены доверять мне.

Прошло немало времени, прежде чем мы снова пустились в путь — у одного из догонявших, нас грузовиков спустила шина, и все ждали, пока она не была заменена. В конце концов мы поехали и находились в пути еще около двух часов.

Приблизительно около одиннадцати мы снова остановились где-то, как мне показалось, посреди широкой равнины. Здесь грузовики выстроились в ряд и погасили фары.

— Сегодня ночью мы уже дальше не поедем, — объявил через некоторое время Хагос.

— Почему? — поинтересовался я.

— Здесь есть убежище, и завтрашний день мы проведем в нем. Следующее безопасное место находится слишком далеко, чтобы мы смогли добраться до него до рассвета.

С этим представитель НФОТ заснул, баюкая на коленях неизвестно откуда взявшийся у него АК-47.

ЗАВТРАК В ТЭСЭНЭЕ

Я тоже поспал, хоть и беспокойно, выставив ноги в открытое окно «лендкруизера». Через несколько часов тревожных снов и испытания неудобством меня разбудили астматический кашель заводившихся двигателей и миазмы дизельных выхлопов.

Проехали мы совсем немного — менее чем в километре находился небольшой лесок из высоких густолиственных деревьев, под которыми укрылась вся колонна. Я с изумлением наблюдал, как все машины, включая и наш джип, были тщательно укрыты брезентом защитного цвета.

— Это для того, чтобы предотвратить отражение света, — объяснил Хагос. — С воздуха мы будем почти невидимыми, если только отблеск металла не привлечет внимания пилотов МИГов. — Затем он разъяснил, что даже самая тщательная маскировка не гарантирует нашей безопасности. — Иногда пилоты бомбят и обстреливают с бреющего полета такие лесочки на всякий случай — вдруг в них укрываются грузовики с помощью.

Пока колонна стояла в роще, взошло солнце, и в бледном утреннем свете я разглядел почерневшие остовы трех грузовиков «мерседес».

— Они попали под бомбы несколько недель назад, — сообщил Хагос. — Им просто не повезло. — Отломав ветку с листьями, он присоединился к Тесфайе и другим водителям, которые методично заметали следы шин на песке, ведущие в лесок.

Часов в восемь утра все было сделано, и Хагос предложил нам пройтись пешком в эритрейский город Тэсэнэй.

— А далеко? — спросил я.

— Нет, до него с полчаса. И мы практически не подвергнемся опасности. МИГи заинтересованы главным образом в ценных мишенях вроде грузовиков. Обычно они не обстреливают небольшие группы людей на открытых местах.

— А города?

— Иногда они атакуют города, когда обнаруживают в них скопления грузовиков или людей. Тэсэнэй бомбили много раз.

Прогулка оказалась приятной — тропинка вилась среди кустов, в которых порхали яркие птички. Я обратил внимание, что вдали вроде бы проглядывали смутные силуэты очень высоких, гор.

Сам Тэсэнэй окружен выветренными гранитными холмами в усеянной валунами долине. На в основном немощеных улицах не было ни одной машины, но всюду были люди: играющие дети; женщина, ведущая тяжело нагруженного ослика; три прелестных юных девушки, которые, прикрыв лица и хихикая, убежали при виде нас; и большие группы вооруженных мужчин, встречавших нас теплыми улыбками и радостными жестами.

Откровенно говоря, город выглядел неприятно. Большинство зданий с плоскими крышами носили следы уличных боев: зияющие в стенах отверстия, испещренные пулеметными очередями фасады, разбитые каменные стенки. Справа над нами возвышалось совершенно разрушенное здание больницы. И куда бы ни ступала нога, землю устилал сверкающий и звенящий ковер стреляных гильз.

— Что здесь было? — спросил я Хагоса.

— Несколько лет назад, когда правительство, казалось, уже одержало победу в войне, Тэсэнэй оставался одним из последних бастионов ФНОЭ. На деле эфиопская армия несколько раз захватывала город, но ФНОЭ отвоевывал его. Здесь тогда шли ожесточенные бои. Но сейчас линия фронта далеко отодвинулась отсюда, и этот город стал вполне мирным, если не считать бомбежки.

Через несколько минут Хагос привел нас в небольшую гостиницу комнат на двадцать, выходивших во внутренний квадратный дворик. Здесь, под навесом из камуфляжной сетки, за столиками сидели эритрейцы, пили кофе и беззаботно беседовали. Взад и вперед сновала официантка, а воздух наполняли ароматы еды.

Здесь царила атмосфера парижских бульваров в миниатюре, и эта сценка резко контрастировала с разрушениями за стенами. Люди, очевидно, могут приспособиться практически к любым обстоятельствам, какими бы мрачными они ни были, и жить вполне сносно.

Словно читая мои мысли, Хагос заговорил, пока мы рассаживались за столиком:

— У них мало что есть, но по крайней мере сейчас они свободны. А условия жизни улучшаются с каждым днем.

Как бы подтверждая его слова, перед нами появился завтрак из яичницы и шести банок датского пива.

— Откуда у них это? — воскликнул я, вскрывая первую банку.

— После того как ФНОЭ отвоевал порт Массау в прошлом году, в Эритрее появилось пиво, — с улыбкой пояснил Хагос, тоже открыл банку, сделал большой глоток и добавил: — Какая роскошь после Хартума, а?

И вот так — попивая пивко и перебрасываясь фразами с половиной населения Тэсэнэя, которое собралось в гостинице, чтобы поглазеть на иностранцев, — мы и убили большую часть утра. В полдень мы настроили коротковолновый приемничек Эда и послушали мрачные сообщения из Персидского залива. Сегодня 14 января, и в полночь истекал установленный ООН предельный срок для вывода иракских войск из оккупированного Кувейта.

Поспав несколько часов, мы проснулись в четыре пополудни и вернулись пешком к каравану как раз ко времени отправления в, путь — в шесть часов.

МАГИЯ И ЧУДЕСА

Ночная поездка казалась нескончаемой, хотя и длилась-то всего одиннадцать часов. Сумерки сгустились уже к тому времени, когда мы выехали из Тэсэнэя. Тесфайе снова занял свое излюбленное место в середине колонны, и в уже привычных клубах пыли мы начали наше эпическое путешествие по западным предгорьям эфиопского центрального нагорья, а затем и по самой горной стране.

Около часа ночи мы остановились, чтобы заправить «лендкруизер» из захваченных с собой вонючих канистр. Окостеневший и онемевший, набивший синяки и шишки на дорожных колдобинах, я выбрался из машины во время этой ответственной операции и стоял, глазея на грузовики, которые один за другим объезжали нас, посверкивая фарами и шипя воздушными тормозами.

Когда последний из них проехал мимо и исчез в темноте, я сделал глубокий вдох и уставился на созвездия над головой, вознося благодарность доброй удаче, позволившей мне

оказаться здесь. Мы снова пустились в путь по рытвинам и канавам, торопясь нагнать караван.

Вскоре я сообразил, что мы уже карабкаемся по обрывистым склонам с крутыми поворотами, как бы подвешенными над пустотой, потом газуем по открытым всем ветрам отрезкам плато и снова карабкаемся вверх. И я ощущал, какие огромные расстояния мы покрываем и какие ощутимые изменения происходят в окружающем ландшафте.

Где-то в последние часы мы пересекли границу Эритреи и Тиграи Постепенно, несмотря на то что все тело болело от непрестанного избиения, я почувствовал, как погружаюсь в полусонное состояние, в котором все происходившее со мной на протяжении последних двух лет, со странными извивами и поворотами в моем поиске, с тупиками и моментами прозрения, казалось, слилось в едином непрерывном и последовательном потоке. И я понял вдруг с беспредельной ясностью, что поиск, которым я так долго был одержим, оказался бы лишь жалкой и бессмысленной авантюрой, если бы я руководствовался только алчностью и амбициями. Пусть покоящийся в темноте своего святилища ковчег завета сверкает античным золотом, но его истинная ценность заключается в ином. Не имело значения и то, что он является бесценным археологическим сокровищем. На деле ничто в нем, что можно было бы измерить, рассчитать или оценить, не имеет ни малейшего значения. И если бы я когда-либо встал на этот путь, тогда совершенная мною ошибка граничила бы с профанацией, но не искомого предмета, а ищущего, не святого ковчега, а меня самого.

Но где, если не в материальном мире, заключена истинная ценность реликвии? Ну… в ее таинственности, разумеется, и в ее очаровании, в том влиянии, которое она оказывала на человеческое воображение во многих странах на протяжении долгих столетии. Таковы вечные вещи — магия и чудеса, вдохновение и надежда. Лучше придерживаться их, нежели стремиться к эфемерным наградам; лучше питать благородные устремления и ничего не выиграть, нежели преуспеть и стыдиться потом.

ПУСТЫННАЯ ДОРОГА

Перед самым рассветом, измученные, покрытые с головы до ног тончайшей пудрой дорожной пыли, мы въехали в маленький городок, где не было ни одного огонька, ни одного человеческого существа.

Хагос долго колотил в запертую дверь, пока ее не открыли. Мы выгрузили видеокамеру и другой багаж, который мог понадобиться нам днем, и вошли в дом, а Тесфайе отъехал, чтобы укрыть где-нибудь наш джип.

Мы оказались в полукрытом дворике, где на походных кроватях спали люди. Мы нашли несколько свободных кроватей и заняли их. Завернувшись в простыню, я закрыл глаза и моментально заснул.

Несколько часов спустя я проснулся уже при свете дня. Мои спутники исчезли, а вокруг сидели с десяток тиграи и с любопытством пялились на меня. Сказав им «доброе утро» и стараясь выглядеть достойно, я встал, умылся водой, капавшей из крана, закрепленного на железном пруте, и сел за свои записки.

Вскоре появились Эд с Хагосом — они, оказывается, снимали раздачу доставленного автоколонной продовольствия. Я спросил, где мы находимся.

— В Череро, — ответил Хагос. — Это крупный город в Тиграи. Он и является местом назначения автоколонны. Грузовики разгрузились здесь.

— А как далеко отсюда до Аксума?

— Еще одна ночь пути. Но одним нам ехать небезопасно. Желательно подождать, пока будет собрана новая автоколонна.

Я бросил взгляд на свои часы — вторник 15 января, только три дня до начала *Тимката.*

— И долго нам придется ждать?

— Два-три дня. Но нам может повезти, и представится возможность выехать уже сегодня.

— Почему вы говорите, что небезопасно ехать од ним.

— Потому, что правительство засылает в Тиграи диверсантов из гарнизона в Асмэре. Они посылают небольшие группы, которые устраивают засады на дорогах. Наш «лендкруизер» — отличная мишень для них.

— А автоколонны не служат такой мишенью?

— Почти никогда. Слишком много охраны. День тянулся долго и медленно. Было жарко, влажно и тоскливо. С наступлением вечера отсутствовавший несколько часов Хагос объявил, что сегодня ночью не будет никакой колонны.

— Советую остаться, — сказал он, — по крайней мере до завтра.

Видя ужас, написанный на наших лицах, он добавил:

— Конечно, решать вам.

Мы с Эдом уже приняли решение, которое обсуждали почти весь вечер, и сказали представителю НФОТ, что хотели бы продолжить путешествие, если только он не считает это безрассудной храбростью.

— Я так не считаю, о'кей. Понимаю, вы стремитесь попасть в Аксум до Тимката. Опасность не так велика. Посмотрю, удастся ли нам прихватить с собой еще одного бойца НФОТ на всякий случай.

В сумерках мы снова пустились в путь. На переднем сиденье, рядом с Хагосом сидел еще один охранник — юноша с изумительно белыми зубами, высокой прической из мелких завитков, с АК-47 и тремя-четырьмя запасными рожками. Парень он был веселый, много смеялся и настоял на проигрывании тиграйских военных песен на максимальной громкости на стереомагнитоле «ленд-круизера», пока мы неслись в кромешной тьме. Я же чувствовал, что вся его энергия и бравада никак не уберегут от пуль, если кто-то решит обстрелять нас из укрытия — скажем, под тем кустом, или из того вон леска, либо из-за этого вот валуна.

Меня поразило, насколько иным было восприятие путешествия в одиночку, без надежного эскорта, без огромных урчащих грузовиков впереди и сзади. Раньше мы были частью некой геройской и непобедимой армии, неумолимо пробивавшейся сквозь барьеры темноты, отгоняя тени световым, валом. Сейчас же мы были маленькими, уязвимыми, брошенными. И пока мы следовали по дороге, ввинчивавшейся между иссохшими деревьями на горных склонах, я все лучше осознавал огромность этих диких мест, их холодную и безжалостную враждебность.

Несколько часов мы взбирались все выше и выше, двигатель трудился на пределе, а температура наружного воздуха все падала и падала. Внезапно мы оказались наверху узкого перевала, и дорогу заблокировали вооруженные люди.

Я выругался про себя, но Хагос успокоил нас:

— Не волнуйтесь. Здесь лагерь НФОТ, охраняющий дорогу… Это наши люди.

Открыв дверцу, он обменялся несколькими словами и рукопожатиями с повстанцами, окружившими «ленд-круизер». Потом нас пропустили через самодельное заграждение, и через несколько мгновений мы уже катили по продуваемому всеми ветрами плато, где среди деревянных хижин виднелись костры.

Сделав получасовую остановку и попив чаю, мы вновь окунулись в кромешную ночь. Позади один за другим угасали огоньки лагеря.

— Время шло. Я задремал, потом проснулся и обнаружил, что машина кружит по длинному «тещиному языку», спускаясь в большую долину. Слева от нас вплотную возвышался каменистый горный склон, а справа зазубренный край дороги обозначал обрыв в пропасть. И тут из чернильной тьмы бездны взвился яркий светлячок, искра чистой энергии с

призрачным, люминесцентным хвостом. В долю секунды это светящееся явление достигло нас, пролетело через тропу, едва не коснувшись ветрового стекла машины, и затухло на склоне.

Тесфайе врезал по тормозам и вырубил все освещение и фары «лендкруизера». Хагос и захваченный нами в Череро боец выпрыгнули из машины и поспешили к краю пропасти, сжимая в руках АК-47.

Парни выглядели ловкими и опасными, деловыми и бесстрашными. Двигались они гармонично, как если бы совершали некий маневр, которому долго обучались.

— Что, черт возьми, происходит? — спросил Эд, проснувшийся от резкого торможения машины.

— Точно не знаю, — ответил я, — но, как мне кажется, в нас только что стреляли.

Я хотел было предложить покинуть машину, но тут к нам вернулись бегом Хагос и его товарищ. Они забрались на переднее сиденье, захлопнули дверцу и приказали Тесфайе ехать дальше.

— Полагаю, мы видели трассирующую пулю, — заметил я через несколько минут.

— Точно, — спокойно отозвался Хагос. — Кто-то из долины внизу сделал несколько выстрелов по нам.

— Но был только один выстрел.

— Нет-нет. Мы видели только один. Было сделано несколько выстрелов — короткая очередь. Обычная практика — зарядить рожок сверху одним-двумя трассирующими патронами, чтобы стрелок мог скорректировать огонь. Остальные же патроны обычные.

— Замечательно, — заметил Эд. Некоторое время мы ехали молча, потом я спросил Хагоса:

— Как вы думаете, кто это был?

— Скорее всего, агенты правительства. Как я уже говорил, они постоянно засылают своих людей в Тиграи, чтобы доставлять нам неприятности. По ночам они не могут бомбить нас с воздуха, поэтому используют диверсантов, чтобы помешать движению по дорогам. Иногда это им удается…

Мне пришел в голову еще один вопрос:

— Почему же они прекратили огонь? Мы ведь представляли собой отличную мишень.

— Слишком опасно для них же. Поскольку они промазали первой очередью и находились от нас довольно далеко, им не было смысла стрелять дальше. В этом районе много бойцов НФОТ. Длительная перестрелка привлекла бы их внимание.

— А… понятно.

Я устало прислонился головой к боковому стеклу джипа и подумал, как легко может безмозглая пуля унести мою жизнь и насколько уязвимы мы с нашим самомнением и бахвальством.

Около трех утра наша машина ускорила свой бег по покрытой щебенкой дороге, проходившей мимо поля, в котором стоял брошенный танк с сорванной взрывом башней и беспомощно опущенной пушкой. Слева от нас я заметил освещенные звездами массивные руины какого-то древнего здания. Меня вдруг охватило острое ощущение, что я уже видел это когда-то, и я спросил:

— Где мы находимся?

— Подъезжаем к Аксуму, — ответил Хагос. — Только что проехали дворец царицы Савской.

Через несколько минут мы въехали в небольшой городок, повернули направо, потом налево на узких улочках и остановились перед стеной, украшенной ползучими виноградными

лозами и тропическими цветами. Пока другие стучались в ворота, я обошел джип, опустился на колени и поцеловал землю. Конечно, это был сентиментальный жест, но он показался мне вполне соответствующим моменту.

СТРАТЕГИЯ

Утром меня разбудили яркие солнечные лучи, струившиеся через незанавешенное окно предоставленной мне комнаты. Когда мы прибыли ночью, все было погружено в темноту — в Аксуме нет электричества. Сейчас же, выйдя на улицу, я обнаружил, что нас поселили в приятном маленьком домике для гостей, окруженном зеленой лужайкой.

Я прошел на террасу, где было расставлено несколько стульев. В углу на плите, сооруженной из большой банки из-под масла, обнадеживающе кипел чайник. Рядом была кухня, в которой две женщины, которых я принял за мать и дочь, шинковали овощи.

Они приветствовали меня улыбками и тут же подали чашку сладкого, ароматного чая. Я присел и попытался собраться с мыслями, пока не проснулись мои спутники.

Итак, у нас сегодня среда, 16 января 1991 года. В прошедшую ночь истек срок, установленный ООН для вывода иракских войск из Кувейта, и я задавался несколько абстрактным вопросом, не разразилась ли уже третья мировая война. Тем временем оставалось лишь два дня до начала церемоний *Тимката* в Аксуме, и мне предстояло разработать стратегию своего поведения.

Меня вдруг охватило странное нежелание тут же посетить церковь Святой Марии Сионской. После того как я с таким трудом добрался сюда, вдруг показалось очень трудным сделать эти последние шаги. Отчасти это объяснялось неуверенностью в себе, отчасти — суеверным страхом и отчасти — тем, что, по моим ощущениям, преждевременный визит в церковь Святой Марии Сионской предупредит священников о моём присутствии и, возможно, приведет к тому, что на крестные ходы *Тимката* не будет вынесен подлинный ковчег. Поэтому представлялось логичным держаться пока в стороне и не высовываться до начала церемонии. В толкотне же необузданных плясок, которые, как я был уверен, обязательно состоятся, я попытаюсь пробраться поближе к реликвии и разглядеть ее.

Однако был довод и против подобной стратегии. Из беседы в Иерусалиме с фалашским старейшиной Рафаэлем Хадане я вынес впечатление, что в процессиях *Тимката* могли использовать не подлинный ковчег, а копию, в то время как подлинник остается в безопасности в своем святилище. Если дело так и обстоит, тогда чем раньше я познакомлюсь с аксумскими священниками, тем лучше. Я ничего не выиграю выжидая и ничего не потеряю, действуя открыто и честно. Даже напротив, только имея возможность как следует потолковать со священниками, я получу хоть какой-то шанс убедить их в том, что не представляю никакой опасности, что я искренен и являюсь достойным кандидатом на то, чтобы быть допущенным к ковчегу.

Вот почему в связи с необходимостью срочно принять окончательное решение я пребывал в довольно затруднительном положении, когда сидел и пил чай в то утро 16 января.

Через некоторое время из своей комнаты появился Эд с затуманенным взором, прижимая к уху приемничек.

— Война не началась? — крикнул я.

— Нет, пока не началась. Срок истек, но пока что нет сообщений о военных действиях. Как насчет чайку? Или кофе? Хорошо бы кофе. Да и завтрак не помешал бы. Есть тут что-нибудь?

Пока обслуживали Эда, появился и Хагос — правда, не из своей комнаты. Он явно побывал уже в городе, ибо за ним следовал благообразный бородатый старик в ниспадающей свободными складками одежде.

— Это мой отец, — объяснил представитель НФОТ и любезно познакомил нас. — Он священник в церкви Святой Марии Сионской. Я сообщил ему о вашем интересе к ковчегу завета, и он пожелал встретиться с вами.

И ЧЕСТЬ, И БРЕМЯ

Я, разумеется, рассказывал Хагосу о своем поиске несколько раз за время нашего долгого путешествия из Хартума, поскольку еще перед отъездом узнал, что он родом из Аксума, но мне и в голову не приходило, что он как-то связан с церковью, не говоря уж о том, что его отец — священник. Если бы я это знал, то, возможно, был бы более сдержанным в своих высказываниях, а возможно, и нет. Хагос понравился мне с самого начала, и не хотелось ничего скрывать от него.

Таким образом, я лишился фактора внезапности — и не из-за чьих-либо проделок или интриг, а по чистой случайности. Поэтому я решил, что нет смысла скрывать свои намерения и действовать методами «плаща и кинжала». Лучше выложить все карты на стол и смириться с последствиями, будь они позитивными или негативными.

У нас состоялся долгий разговор с отцом Хагоса, заинтригованным, похоже, тем, что иностранец проделал такой долгий путь в надежде увидеть ковчег завета.

— Так увижу я его? — спросил я. — Во время церемоний *Тимката?* На них выносят подлинный ковчег или копию?

Хагос перевел мои вопросы. Наступило напряженное молчание, которое нарушил старый священник:

— Я не уполномочен говорить по таким вопросам. Вам следует побеседовать с моим начальством.

— Но ответ вам известен? Или нет?

— Я не уполномочен говорить. Это не входит в мои обязанности.

— В чьи же обязанности это входит?

— Прежде всего вам следует встретиться с Небураэдом — самым старшим из аксумских священников. Без его благословения вам ничего не удастся добиться. Если он даст разрешение, тогда вы сможете поговорить с хранителем ковчега…

— Я бывал здесь раньше, — прервал я его, — в 1983 году, и познакомился тогда с хранителем. Он еще жив, не знаете? Или его уже кто-то сменил?

— Тот, о ком вы говорите, к сожалению, умер. Он был очень стар. Он назвал своего преемника, который и сейчас на этом посту.

— И он постоянно находится в приделе, где хранится ковчег?

— Такова его обязанность — никогда *не* оставлять ковчег. Знаете ли вы, что его предшественник, тот, с которым вы познакомились, попытался убежать, узнав о своем назначении?

— Нет, — ответил я. — Я этого не знал.

— Да, он бежал из Аксума в горы. За ним послали других монахов. Когда его привели, он все еще хотел убежать. Пришлось держать его в приделе на цепи много месяцев, пока он не смирился наконец со своей судьбой.

— На цепи, вы сказали?

— Да, на цепи внутри придела.

— Меня это удивляет.

— Почему?

— Потому что выходит, что он действительно не желал этой должности. Я-то полагал, что быть хранителем ковчега — это большая честь.

— Честь? Да, конечно. Но это еще и тяжкое бремя. После занятия поста избранный монах уже не знает жизни без ковчега. Он живет только, чтобы обслуживать его, зажигать фимиам вокруг него, постоянно находиться перед ним.

— А что происходит, когда ковчег выносят из часовни, например, во время *Тимката?* Хранитель сопровождает его?

— Он обязан находиться рядом с ним в любое время. Но об этом вам лучше поговорить с другими. Я не уполномочен…

Я. задал еще несколько вопросов о ковчеге, но на все старик отвечал одинаково: такие вопросы не входят в его компетенцию, он не может ничего сказать, мне следует говорить со старшими. И все же он сообщил мне одну интересную подробность: незадолго до захвата Аксума НФОТом в город явились правительственные чиновники и попытались изъять реликвию.

— Каким образом? — поинтересовался я. — В смысле, что именно они сделали? Попытались войти в придел?

— Не сразу. Они старались убедить нас, что ковчег должен быть увезен в Аддис-Абебу. Говорили, что скоро здесь будут бои и что там он будет в большей безопасности.

— И что дальше?

— Когда они попытались применить силу, мы оказали сопротивление. Они вызвали солдат, но мы все равно сопротивлялись. Весь город узнал о том, что они пытаются сделать, и устроил демонстрации на улицах. Так что они вернулись в Аддис-Абебу с пустыми руками. Вскоре, слава Богу, город был освобожден.

Я понимал, что отец партизана, скорее всего, благосклонно относится к НФОТ. Тем не менее я спросил:

— После ухода правительственных войск… дела местного духовенства пошли лучше или хуже?

— Определенно лучше. В церквах на самом деле все очень хорошо. Мы идем молиться в церкви, когда пожелаем, будь то днем, ночью или вечером. Раньше же, при правительстве, из-за установленного комендантского часа нам не разрешалось по ночам посещать церкви или возвращаться из церкви домой. Когда мы выходили из церкви просто подышать свежим воздухом, они нас забирали в тюрьму. Сейчас же нам нечего бояться. Мы можем спокойно спать дома, ходить в церковь каждый день, как и все обычные люди, и чувствовать себя в полной безопасности. Нам уже незачем проводить ночь в церкви из опасения, что нас могут задержать, когда мы возвращаемся домой. При прежнем режиме мы никогда не расслаблялись, отправляя службы. Постоянно присутствовал страх из-за незнания того, что может случиться с нами и с церковью. Сейчас мы совершенно спокойно отправляем наши службы.

КРУА ПАТЭ

Отец Хагоса ушел, пообещав организовать для нас встречу с *Небураэдом* — главным священником церкви Святой Марии Сионской. Он не советовал мне даже пытаться вступить в контакт с хранителем ковчега до этой встречи:

— Это произведет неприятное впечатление. Все нужно делать должным образом.

Хотя такая стратегия была, на мой взгляд, чревата потенциальными трудностями, я все же понимал, что у меня просто нет иного выхода, и оставалось только согласиться с такой постановкой вопроса. Поэтому я решил, что в ожидании встречи с *Небураэдом* займусь разведкой мест археологических раскопок, которые я осмотрел лишь поверхностно в 1983 году, и других мест, которых вообще еще не видел.

Я припомнил, что на поверхности скалы вблизи от карьеров, где вырубались знаменитые стелы Аксума, еще в дохристианские времена была вырезана львица. В 1983 году это резное

изображение было недоступно, поскольку находилось в контролируемом повстанцами районе. Теперь же появилась возможность увидеть его.

Пока Эд с другим представителем НФОТ отправился на съемки репортажа для Четвертого канала, я уговорил Хагоса отвезти меня на «лендкруизере» в карьер. Это было рискованным предприятием из-за опасности воздушного налета. Нам предстояло проехать всего лишь пять километров, а для машины можно будет найти укрытие.

Из города мы выехали через месторасположение так называемого дворца царицы Савской и вскоре добрались до усеянного скалами склона холма. Машину оставили в лощине, накрыв ее камуфляжной сеткой, и стали подниматься по каменистой осыпи.

— Как вы думаете, есть шанс уговорить духовенство пустить меня в святилище, чтобы посмотреть ковчег? — спросил я по дороге.

— О… Они вам этого не позволят, — без колебания ответил Хагос. — Такая возможность у вас будет только во время *Тимката.*

— Вы полагаете, они действительно выносят ковчег во время *Тимката?* Или используют копию?

— Не знаю, — пожимает плечами Хагос. — В детстве я верил, как и все мои друзья, что на *Тимкат* выносят подлинный ковчег, а не копию. Мы никогда не сомневались в этом. Но сейчас я уже не так уверен в этом.

— Почему?

— Это кажется нелогичным.

Хагоса не удалось разговорить, и следующие пятнадцать минут мы напряженно продолжали восхождение в полном молчании. Затем Хагос указал на гигантский валун и сказал:

— Вот ваша львица.

Я заметил, что он слегка прихрамывает, и спросил:

— Что у вас с ногой? Растянули?

— Нет, мне ее когда-то прострелили.

— А, понятно.

— Это случилось несколько лет назад в бою с правительственными войсками. Пуля попала в голень и раздробила кость. С тех пор я ограниченно годен для военной службы.

Мы добрались тем временем до валуна, и Хагос подвел меня к его боку. Несмотря на глубокую тень, я разглядел гигантский силуэт прыгающей львицы, выполненный в форме барельефа. Он уже пострадал от эрозии и тем не менее не утратил живости в изображении свирепой силы и гибкой грации.

Посетивший Аксум в XIX веке английский путешественник и археолог-любитель Теодор Бент также осматривал, как мне было известно, это резное изображение, описав его впоследствии как «весьма выразительное произведение искусства, размером в 10 футов 8 дюймов от носа до кончика хвоста. Восхитительно изображено движение, а изгиб задних ног свидетельствует о том, что художник прекрасно знал свой материал». Затем Бент добавляет: «В нескольких дюймах от носа львицы вырезан круглый диск с лучами, призванный, видимо, изображать солнце».

И вот я рассматриваю «круглый диск с лучами», который оказался состоящим из двух пар эллиптических врезок на голой поверхности скалы. Если эти врезки поместить на циферблате часов, тогда верхняя пара указывала бы соответственно на 10 и 2 часа, а нижняя — на 4 и на 8 часов. Мне стало понятно толкование Бентом — рисунка: с первого взгляда он действительно выглядел как серия спиц — или лучей, — выходящих из центра в форме диска.

Но это было далеко не так на самом деле. Описанный путешественником «круглый диск» — всего лишь иллюзия. Если бы он попытался *завершить* рисунок, намеченный промежутками между эллиптическими врезами, то обнаружил бы, что это изображение вовсе не солнца, а *круа патэ,* с плечами, расширяющимися из центра вовне — иными словами, идеального креста тамплиеров.

— Хагос, — проговорил я, — мне это только видится, или перед нами крест?

Задавая вопрос, я пробежался пальцем по очертаниям рисунка, сразу ставшего очевидным для меня.

— Это крест, — подтвердил офицер НФОТ.

— Но ему здесь не место. Львица определенно дохристианского происхождения. Как же рядом с ней оказался христианский символ?

— Кто знает! Может, кто-нибудь добавил его позже? Кресты, подобные этому, можно видеть и на месте дворца царя Калеба.

— Если вы не возражаете, я бы с удовольствием поехал посмотреть их.

РАБОТА АНГЕЛОВ

В 1983 году я уже посещал дворец Калеба и знал, что его развалины датируются VI веком н. э. — началом христианской эры в Аксуме. Я помнил, что речь идет о крепости на вершине холма с глубокими темницами и камерами под ней. Но не помнил, чтобы видел там какие-либо кресты.

Возвращаясь в город, я предвкушал предстоящий осмотр этого дворца. В 1983 году тамплиеры не имели для меня никакого значения. Но недавние исследования показали, что некий контингент рыцарей вполне мог прибыть из Иерусалима в Эфиопию в поисках ковчега завета во времена царя Лалибелы (1185–1211 гг. н. э.) и служить позже носильщиками самого ковчега [388]. Читатель припомнит, что я нашел нечто похожее на убедительное подтверждение этой теории в описании очевидца — армянского географа XIII века Абу Салиха, описании, утверждавшем, что в Аксуме ковчег носили люди «с белыми и румяными лицами и рыжими волосами» [389].

Если они действительно были тамплиерами, в чем я почти не сомневался, тогда резонно предположить, что они оставили память о своем ордене в Аксуме. Также представлялось возможным, что и неуместный *круа патэ* на скале рядом с изображением львицы был оставлен тамплиером.

Особый рисунок креста, как я прекрасно знал, не был ни обычным, ни популярным в Эфиопии: за многие годы путешествий по этой стране я видел его в одном-единственном месте — на потолке вырубленной из скалы церкви Бета Мариам в городе Лалибела, бывшей столице того самого царя, который, как я считал, и привел тамплиеров, в Эфиопию [390]. Только что я нашел еще один *круа патэ* в пригороде Аксума, и, если Хагос прав, мне предстояло увидеть еще несколько в руинах дворца царя Калеба, который вполне мог еще оыть обитаемым в тринадцатом столетии.

Проехав мимо лужайки, на которой установлено большинство аксумских стел, мы обогнули огромный древний резервуар, известный под названием «Май Шум». По местному преданию, вспомнил я, это был бассейн царицы Савской. С приходом христианства он стал использоваться для любопытных обрядов крещения, связанных с *Тимкатом.* Сюда через два дня предположительно принесут ковчег в крестном ходе, означающем начало церемоний, которые я и приехал посмотреть.

Оставив позади Май Шум, мы поднялись на машине по пути по крутой и разбитой тропе, ведущей ко дворцу царя Калеба, и закончили восхождение пешком, закамуфлировав прежде машину. Хагос провел меня внутрь развалин и, покопавшись в кучах булыжников, воскликнул:

— Вот он! Думаю, это то, что вы хотели увидеть.

Я поспешил к нему и увидел, что он извлек из кучи каменный блок песочного цвета около двух футов в длину и ширину и шести дюймов в толщину. В нем были вырезаны четыре эллиптических отверстия той же формы и расположения, что и эллиптические врезы около изображения львицы. Однако в данном случае отверстия насквозь прорезали камень и не оставляли сомнений относительно формы — еще один идеальный крест тамплиеров.

— В детстве, — задумчиво проговорил Хагос, — мы с друзьями часто играли здесь. В те дни здесь валялось множество таких каменных блоков. Боюсь, остальные забрали отсюда.

— Куда могли их забрать?

— Горожане постоянно используют камни из развалин для строительства и ремонта своих домов. Нам повезло, что мы нашли этот неповрежденный блок… В подвалах дворца можно найти такие же кресты.

Мы спустились по пролету лестницы в темницы, которые я уже видел в 1983 году. Во время того посещения мне показывали с помощью фонарика пустые каменные кофры, в которых, как считали жители Аксума, когда-то хранились огромные богатства в виде золота и жемчуга. Сейчас, воспользовавшись спичками, Хагос показал мне крест тамплиеров, вырезанный на краю одного из кофров.

— Откуда вы знали, что он здесь? — в изумлении спросил я.

— Да в Аксуме все знают об этом. Как я говорил, в детстве мы часто играли в этих развалинах.

Затем Хагос провел меня в следующую темницу, зажег спичку и показал мне еще два креста тамплиеров — один, грубо изображенный на дальней стене, и другой, искусно выполненный высоко на более длинной боковой стене.

Я пялился на эти кресты, погруженный в глубокие размышления. Понимая, что, вероятно, никогда не смогу доказать свою гипотезу археологам и историкам, в душе я все же был уверен в том, что тамплиеры действительно побывали здесь. *Круа патэ* был их характерной эмблемой, которую они носили на своих щитах и туниках. Со всем тем, что я узнал о тамплиерах, вполне согласовывалась и возможность появления кое-кого из них здесь, в этих темницах, для того чтобы оставить свою эмблему на стенах — то ли как головоломку, то ли как знак, который озадачил бы грядущие поколения.

— Есть ли какие-либо предания о тех, — поинтересовался я, — кто вырезал здесь эти кресты?

— Кое-кто из горожан утверждает, что это работа ангелов, — ответил представитель НФОТ, — но это, конечно, абсурд.

ПРИНОСЯЩИЙ ПЛОХИЕ ВЕСТИ

От отца Хагоса я ничего не слышал до наступления ночи, а услышанные мной новости оказались плохими. Он пришел в маленький домик для гостей в начале восьмого и сообщил, что *Небураэда* нет в городе.

Моя первая реакция, которую я не решился озвучить, — неверие в самую вероятность того, что главный священник церкви Святой Марии Сионской мог отсутствовать в это время года. С *Тимкатом* на носу его присутствие в Аксуме наверняка было необходимым.

— Какая жалость! — сказал я. — Куда же он делся?

— Он поехал в Асмэру… проконсультироваться.

— Но Асмэра же в руках правительства. Как мог он поехать туда?

— *Небураэд* может поехать куда угодно.

— Он вернется до начала *Тимката?*

— Мне сказали, что он вернется через несколько дней. В церемониях *Тимката* его заменит помощник.

— А как это скажется на моей работе? Можно ли мне, например, побеседовать с хранителем ковчега? Мне нужно задать ему множество вопросов.

— Без разрешения *Небураэда* вы ничего не сможете сделать.

Отец Хагоса был лишь невинным вестником, так что у меня не было ни оснований, ни права сердиться на него. Тем не менее представлялось очевидным, что только что переданная им информация — это часть стратегии, призванной помешать мне узнать что-либо о ковчеге. Даже оставаясь любезными и дружелюбными по отношению ко мне в личном плане, монахи и священники Аксума явно не желали помочь моей работе без разрешения *Небураэда.* А он, к сожалению, отсутствовал. Следовательно, я не мог получить его разрешение. Следовательно, я не смогу узнать ничего путного у кого бы то ни было, как сделать что-либо из того, ради чего приехал сюда за тысячи миль. Таким вот классически абиссинским образом меня нейтрализуют, и при этом никому не придется отказывать мне ни в чем. Духовникам нет нужды быть грубыми со мной — им достаточно лишь пожимать плечами и говорить мне с глубоким сожалением, что то или иное нельзя сделать без санкции *Небураэда* и что они сами не уполномочены говорить по тому или иному вопросу.

— Есть ли какая-нибудь возможность, — спросил я, — сообщить *Небураэду о* моей работе?

— Пока он в Асмэре? — Отец Хагоса рассмеялся. — Невозможно.

— О'кей. Что вы скажете мне о помощнике главного священника? Он не может дать нужное мне разрешение?

— Думаю, нет. Чтобы дать вам разрешение, ему сначала нужно получить разрешение *Небураэда.*

— Иными словами, он должен получить разрешение на то, чтобы дать разрешение?

— Точно.

— Но нельзя ли все же попытаться? Могу я встретиться с помощником и объяснить ему, почему я здесь? Кто знает? Может, он даже согласится помочь мне?

— Может быть, — ответил отец Хагоса. — Во всяком случае я поговорю с помощником сегодня ночью и сообщу вам завтра его ответ.

СВЯТИЛИЩЕ КОВЧЕГА

На следующий день — 17 января — мы встали еще до рассвета. Эд собирался заснять ряд общих планов на восходе солнца, и Хагос подсказал, что вершина одного из скалистых холмов за городом послужит удобной точкой для съемки.

Поэтому мы встали уже в половине пятого утра, подняли с постели нашего водителя Тесфайе, спавшего с местной проституткой почти постоянно со времени нашего прибытия в Аксум. Еще до пяти мы выехали, выставив в окошко антенну коротковолнового приемника Эда. Слышимость была плохая из-за статических разрядов. Тем не менее мы ухитрились разобрать в новостной программе, что в Персидском заливе в конце концов разразилась война, что американские бомбардировщики сделали за ночь сотни самолето-вылетов на Багдад, причинив огромные разрушения. Иракские же ВВС вроде бы не смогли поднять в воздух ни одного истребителя.

— Похоже, что все уже кончено, — с удовлетворением в голосе прокомментировал это сообщение Эд.

— Сомневаюсь в этом, — сказал Хагос. — Подождем и увидим.

Мы помолчали некоторое время, слушая новые сообщения, пока Тесфайе вел джип по крутой дороге к вершине холма. Небо все еще оставалось почти полностью темным, и водитель, наверное, еще мысленно видел оставленные позади наслаждения, так как

однажды он едва не перевернул машину, а в другой раз чуть не свалился в пропасть с края небольшого утеса.

Мы с Эдом и Хагосом правильно поняли этот намек и поспешили выбраться из машины. Оставив Тесфайе развлекаться с маскировочной сеткой, мы пешком поднялись на вершину.

То была короткая прогулка по старому полю боя.

— Здесь укрепились остатки аксумского гарнизона, когда мы отвоевали у них город, — сообщил Хагос. — Это были крутые парни из семнадцатой дивизии, но через восемь часов мы разбили их окончательно.

Вокруг было множество разбитых армейских грузовиков, сожженных бронетранспортеров и подбитых танков. Всходило солнце, и под ногами я разглядел массу неиспользованных боеприпасов. Повсюду валялись стреляные гильзы и осколки шрапнели. Было там и несколько восьмидесятимиллиметровых минометных снарядов, проржавевших, но не разорвавшихся, о которых никто не позаботился.

В конце концов мы добрались до вершины, увенчанной разбитым и почерневшим остовом барака. И вот я стою под малиновым утренним небом и мрачно взираю на раскинувшийся внизу город.

За моей спиной возвышались развалины здания. Его гофрированная алюминиевая крыша, частично оставшаяся неповрежденной, жутко скрипела и визжала под холодным утренним ветром. На земле под моими ногами валялась солдатская каска, разбитая на уровне брови неизвестным снарядом. Чуть дальше, в воронке, виднелся полусгнивший солдатский ботинок.

Стало заметно светлее, и далеко внизу я разглядел сад в центре Аксума, где находилась основная масса гигантских стел. Дальше за пустынной площадью, в изолированном месте возвышались зубчатые стены и башни великолепной церкви Святой Марии Сионской. А рядом с этим внушительным зданием стояла, окруженная колючей проволокой, приземистая серая гранитная часовня без окон, с куполом зеленой меди. Это и есть святилище ковчега, близкое и одновременно далекое, доступное и одновременно недоступное. В нем покоится ответ на все мои вопросы, подтверждение или опровержение всей моей работы. И я взирал на нее с жаждой и уважением, с надеждой и волнением, с нетерпением и одновременно с неуверенностью.

СОЛОМЕННЫЕ ЧУЧЕЛА

К завтраку мы вернулись в домик для гостей. И сидели там первую четверть дня в окружении необычно хмурых и задумчивых тиграи, пришедших послушать новости по хрипящему приемничку Эда, которые Хагос старательно переводил им. Оглядывая их лица — юные и старческие, красивые и обыкновенные, — я был поражен острым интересом этих людей к далекой войне. Может быть, она отвлекала от своего, домашнего конфликта, убившего или искалечившего стольких жителей этого маленького городка. Может быть, она пробуждала сочувствие при мысли о жестоких бомбежках, которым подвергались другие.

Воспринимая нюансы этой сцены, я сообразил, что подобная свобода собраний была совершенно не возможна для запуганных горожан в то время, когда Аксум еще находился под контролем эфиопского режима. И мне казалось, что — пусть даже здесь царила страшная бедность, были закрыты школы, люди не могли открыто передвигаться из страха перед воздушными налетами, крестьяне почти не распахивали своих полей и всем грозил голод — дела здесь шли лучше, гораздо лучше, чем прежде.

Около одиннадцати, после завершения плана съемок Эда на этот день, мы с Хагосом вышли на прогулку в город в сторону парка стел. В одном месте мы прошли мимо живописного настенного панно НФОТ, в котором президент Менгисту был изображен в виде кровожадного демона с запятнанной кровью свастикой на фуражке и цепочками вооруженных солдат, выходящими из его рта. Шестерка МИГов кружила вокруг его головы,

его окружали танки и пушки. Подпись на тигринья гласила: «Мы никогда не встанем на колени перед диктатором Менгисту».

Мы шагали по усеянным выбоинами улицам Аксума мимо небогатых рыночных прилавков и пустых магазинов, среди простеньких домов, навстречу струившемуся потоку пешеходов — монахов и монахинь, священников, уличных мальчишек, величественных старцев, крестьян, горожан, женщин с большими глиняными кувшинами с водой, группок подростков, старавшихся, как их сверстники в других странах, выглядеть стильными. И мне подумалось: *еще несколько лет назад я благосклонно взирал бы на то, как правительство переселяет всех этих людей на новые места.*

— Хагос, все так изменилось в Аксуме после изгнания правительственных войск. Никак не могу понять, в чем дело, но здесь царит совершенно другая атмосфера.

— Это потому, что никто уже не боится, — подумав, ответил представитель НФОТ.

— Даже бомбежек и воздушных налетов?

— Конечно, мы их боимся, но скорее из досады, нежели из страха. К тому же мы находим способы избежать их. В прошлом, когда режим еще держался здесь, мы не могли избежать жестокости местных гарнизонов, пыток, случайных арестов. Этот ужас слишком долго подавлял нас. Когда же мы преодолели страх, знаете что случилось?

— Нет, а что?

— Мы обнаружили, что этот страх нагоняют соломенные чучела и что свободу нужно лишь взять в свои руки.

Мы подошли к саду стел. Прохаживаясь среди огромных монолитов, я поражался искусству и умению забытой культуры, создавшей их. И вспомнил, как в 1983 году монах-хранитель говорил мне, что их устанавливали с помощью ковчега — «ковчегом и небесным огнем».

В то время я еще не понимал, как следует воспринимать слова старика. Сейчас же, после всего, что узнал, я уже понимал, что он мог говорить правду. За свою историю священная реликвия совершила немало замечательных чудес, так что подъем нескольких сотен тонн камня не составил бы для нее особого труда.

ЧУДО, СТАВШЕЕ РЕАЛЬНОСТЬЮ

В четыре вечера в домик для гостей пришел отец Хагоса, сообщивший, что помощник главного священника примет нас. Он добавил, что по протоколу не сможет сопровождать нас на встречу, и подробно объяснил, куда мы должны явиться.

Мы с Хагосом пошли в церковь Святой Марии Сионской и вошли в лабиринт жилых помещений в задней части огороженного участка. Пройдя под низкой аркой, мы оказались перед дверью, постучали и были впущены в сад, где на скамейке сидел старий в черных одеждах.

При нашем приближении он шепотом отдал какую-то команду. Хагос повернулся ко мне и сказал:

— Вы должны остановиться здесь. Я буду говорить от вашего имени.

Начался серьезный разговор. Следя за ним на расстоянии, я чувствовал себя… беспомощным, парализованным, ничтожным, неполноценным. И размышлял, не следует ли мне броситься к старцу, чтобы взахлеб изложить свое дело. Но все же понимал, что мои страстные просьбы, какими бы прочувствованными они ни были, не будут услышаны ушами, которые прислушиваются лишь к ритмам традиции.

Наконец Хагос вернулся ко мне и объяснил:

— Я рассказал помощнику все. Он сказал, что не станет с вами разговаривать. Он сказал, что по такому важному вопросу, как ковчег, уполномочены говорить только *Небураэд* и монах-хранитель.

— Значит ли это, что *Небураэд* еще не вернулся?

— Еще нет. Верно. Но у меня хорошие новости. Помощник разрешает вам поговорить с хранителем.

Через несколько минут, пройдя по лабиринту пыльных тропинок, мы подошли к церкви Святой Марии Сионской. Обойдя ее, мы оказались перед металлической оградой, окружавшей часовню святилища. На какое-то мгновение я задержался, глядя сквозь решетку, мысленно рассчитывая, что секунд за десять я перевалю через ограждение и подбегу к запертой двери здания.

Ради шутки я рассказал о своих мыслях Хагосу, который наградил меня взглядом, полным ужаса.

— Даже не думайте об этом, — предостерег он и показал рукой за спину, на церковь Святой Марии Сионской, где слонялись без дела с десяток высоких молодых дьяконов. — Вас уважают как иностранца. Но если вы совершите такое кощунство, вас обязательно убьют.

— Где, вы думаете, хранитель? — спросил я.

— Он внутри. Присоединится к нам, как только будет готов.

Мы терпеливо ждали, пока солнце не опустилось. В сгущающихся сумерках наконец появился хранитель — высокий, мощно сложенный мужчина лет на двадцать моложе своего предшественника. И как у предшественника, его глаза были покрыты катарактами, и как предшественник, он был в плотном одеянии, сильно пахнувшем ладаном.

Он явно не собирался пригласить нас внутрь. Вместо этого он подошел к решетке и пожал наши руки через нее.

Я поинтересовался, как его зовут.

Он ответил скрипучим голосом:

— Гебр Микайл.

— Пожалуйста, — обратился я к Хагосу, — скажите ему, что меня зовут Грэм Хэнкок и что я провел два последних года, изучая историю и предания о ковчеге завета. Пожалуйста, объясните ему, что я приехал сюда из Англии за семь с лишним тысяч километров в надежде, что мне позволят увидеть ковчег.

Хагос стал переводить. Когда он закончил, хранитель произнес:

— Я знаю. Мне уже сообщили об этом.

— Вы позволите мне войти в часовню? — спросил я. Хагос перевел мой вопрос. Последовала долгая пауза, затем предугаданный ответ:

— Нет, я не могу это сделать.

— Но, — запинаясь, проговорил я, — я приехал, чтобы увидеть ковчег.

— Сожалею, но вы напрасно приехали, ибо вы его не увидите. Вам следовало бы знать это, раз, как сами говорите, изучали наши предания.

— Я знал это и все же надеялся.

— Многие надеются. Но никто, кроме меня, не может посещать ковчег. Даже *Небураэд.* Даже патриарх. Это запрещено.

— Я страшно разочарован.

— Есть вещи и похуже разочарования.

— Но вы ведь можете хотя бы описать мне, как выглядит ковчег? Думаю, я удовольствуюсь и тем, что вы расскажете мне.

— Ковчег подробно описан в Библии. Вы все можете прочитать там.

— Все же расскажите своими собственными словами, как он выглядит. В смысле тот ковчег, что покоится здесь, в святилище. Это действительно ящик из дерева и золота? Есть ли на его крышке две крылатые фигуры?

— Я не стану говорить о подобных вещах…

— И как его носят? — продолжал я спрашивать. — На шестах? Или как-то иначе? Он тяжелый или легкий?

— Я же сказал, что не буду говорить о подобных вещах, значит, не буду.

— Совершает ли он чудеса? — настаивал я. — В Библии ковчегу приписываются многие чудеса. А здесь, в Аксуме, он тоже творит чудеса?

— Он творит чудеса. И это само по себе… чудо. Это чудо, ставшее реальностью. И больше я ничего не скажу.

С этими словами хранитель снова просунул руку через ограждение и с силой пожал мою руку, явно прощаясь.

— У меня остался еще один вопрос, — не отступал я. — Всего один…

Едва заметный кивок.

— Завтра вечером начинается *Тимкат.* Вынесут ли подлинный ковчег на крестный ход к Май Шуму или копию?

Пока Хагос переводил мои слова на тигринья, хранитель слушал с бесстрастным выражением лица. Наконец он ответил:

— Я сказал уже достаточно. *Тимкат* — открытая церемония. Вы сможете присутствовать на ней и увидеть все своими глазами. Если вы, как сами утверждаете, занимались исследованием два года, то, полагаю, сами же и найдете ответ на свой вопрос.

И он повернулся, скользнул в тень и испарился.

ЗНАКИ СКРЫВАЮТ ТАЙНУ

Предмет, который с началом церемоний Тимката вечером 18 января 1991 года вынесли к резервуару Май Шум, оказался крупным прямоугольным ларцом, задрапированным толстой тканью с вышитой эмблемой голубя. И я вспомнил, что в «Парсифале» Вольфрама эмблемой Грааля также был голубь. И все же я нисколько не сомневался в том, что передо мной несут вовсе не Грааль и не ковчег. Скорее, это тоже была эмблема, символ, признак и знак.

Как и предупреждал меня несколько месяцев назад фалашский священник Рафаэль Хадане, священная реликвия осталась в часовне, ревниво хранимая в святая святых. На всеобщее же обозрение вынесли всего лишь ее копию, однако весьма отличавшуюся по форме от уже знакомых мне *таботат,* которые я видел в прошлом году на празднике в Гондэре, и эта копия соответствовала по форме и размерам библейскому ковчегу.

Почему же я был уверен, что вижу копию? Да очень просто: монах-хранитель Гебра Микаил ни на минуту не покидал святилище на протяжении двух дней праздника. Поздно вечером 18 января, когда крестный ход с обернутым в ткань ларцом двинулся в сторону Май Шума, я видел его сидящим за железной решеткой, прислонившись спиной к серой гранитной стене приземистого здания, явно погрузившимся в раздумья. Он даже не поднял глаз, когда священники пустились в путь, и стало совершенно ясно, что его абсолютно не заботил предмет, с которым они отошли.

После их ухода он удалился в часовню. Через несколько минут я услышал, как он стал напевать медленную аритмичную мелодию. Если бы я мог подойти поближе, я бы наверняка почувствовал сладковатый аромат ладана.

Да и что еще мог делать Гебра Микаил в кромешной темноте, как не приносить фимиам Господу перед святым ковчегом завета? Иначе почему бы избранный братией и облеченный столь высоким доверием оставался взаперти в часовне до утра, если бы священная и

неприкосновенная реликвия, ради охраны которой он поплатился собственной свободой, не оставалась там вместе с ним?

Таким вот образом, казалось мне, я узрел-таки тайну, скрытую символом, великолепную загадку, превозносимую столь дивным образом и все же остающуюся неоткрытой. Эфиопы знают: если хочешь спрятать дерево, помести его в лес. Чем иным являются те копии, которым они поклоняются в двадцати тысячах церквей, если не настоящим лесом знаков?

В самом сердце этого леса покоится ковчег, золотой ковчег, построенный у подножия горы Синай, пронесенный через пустыню и реку Иордан, принесший победу израильтянам в их борьбе за землю обетованную, доставленный царем Давидом в Иерусалим и помещенный — около 955 года до н. э. — Соломоном в святая святых первого храма.

Приблизительно триста лет спустя он был забран оттуда верными священниками, старавшимися оградить его от осквернения зловещим Манассией и доставившими его в безопасное место на далеком египетском острове Элефантин. Там для него был построен новый храм, в котором он и хранился следующие двести лет.

Когда же храм бил разрушен, возобновились его беспокойные скитания, и он был доставлен в Эфиопию, страну, осеняющую крыльями, в землю, вдоль и поперек пересеченную реками. С одного острова его переправили на другой — зеленый Тана Киркос, где установили в простом шатре и где ему поклонялся простой народ. На протяжении последующих восьми, столетий он был центром важного и своеобразного иудейского культа, поклонники которого были предками нынешних эфиопских евреев.

Потом пришли христиане, исповедовавшие новую религию и сумевшие — после обращения царя — присвоить ковчег. Они переправили его в Аксум и поместили в большой церкви, которую построили и посвятили Святой Марии Богородице.

Прошло еще много лет, и с течением томительных веков изгладилась память о том, как ковчег попал в Эфиопию. Возникли легенды, объяснявшие тот ставший таинственным и непонятным факт, что небольшой городок в далеком нагорье Тиграи был выбран — якобы самим Богом — как последнее пристанище самой ценной и прославленной реликвии времен Ветхого Завета. Легенды эти были со временем закодированы и изложены в письменном виде в «Кебра Нагаст» — документе, содержащем такое множество ошибок, анахронизмов и несоответствий, что поздние поколения ученых не смогли добраться до единственной древней и скрытой истины, запрятанной под слоями мифов и магии.

Эту истину прознали все же рыцари ордена тамплиеров, понявшие ее потрясающую мощь и прибывшие в поисках ее в Эфиопию. Больше того, она была высказана Вольфрамом фон Эшенбахом в его истории «Парсифаль», в которой Святой Грааль — «осуществление сердечного желания» — служил оккультной криптограммой Святого ковчега завета.

В тексте Вольфрама дикарь Флегетаний якобы проник в скрытые таинства созвездий и объявил в почтительном тоне, что действительно существует «некая вещь, называемая „Грааль"». Он также заявил, что эту идеальную духовную вещь хранило христианское племя, воспитанное в непорочной жизни. Свое предсказание он заключил следующими словами: «К Граалю приглашаются только достойные люди».

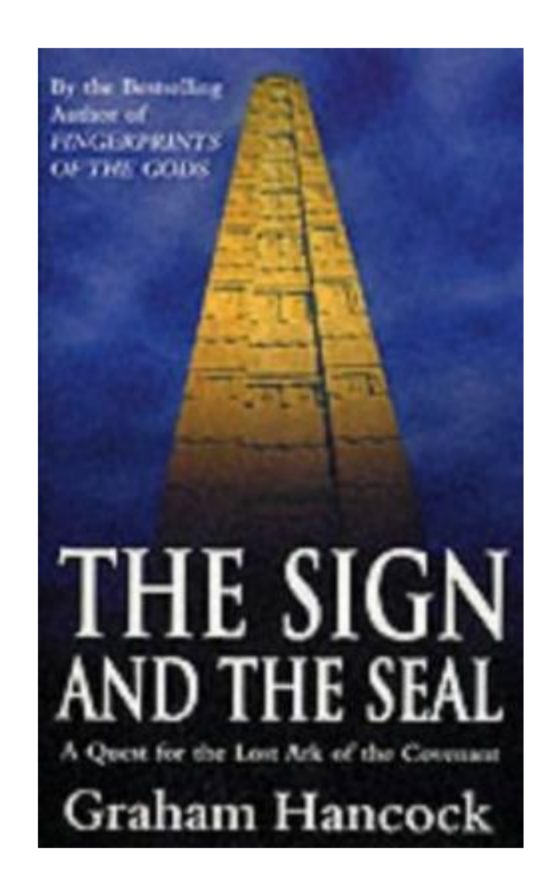
Такими же являются и люди, допускаемые к ковчегу, ибо ковчег и Грааль — это одно и то же. Я же никогда не был достаточно достойным. Я знал это, когда еще только пересекал пустырь. Я знал это, приближаясь к святой часовне. И все же… И все же… «мое сердце радо, и душа моя радуется, и плоть моя будет отдыхать в надежде».

Датта.

Даядхвам.

Дамиата.

Шанти, шанти, шанти.

By the Bestselling
Author of
FINGERPRINTS
OF THE GODS
THE SIGN
AND THE SEAL
A Quest for the Lost Ark of the Covenant
Graham Hancock

TOUCHSTONE

History/Religion/Archaeology

"Anyone who likes a great intellectual detective yarn will plunge into *The Sign and the Seal* and not come up until the end."

—*The Seattle Times*

The fate of the Lost Ark of the Covenant is one of the great historical mysteries of all time. To believers, the Ark is the legendary vessel holding the stone tablets of the Ten Commandments. The Bible contains hundreds of references to the Ark's power to level mountains, destroy armies, and lay waste to cities. The Ark itself, however, mysteriously disappears from recorded history sometime after the building of the Temple of Solomon.

After ten years of searching through the dusty archives of Europe and the Middle East, as well as braving the real-life dangers of a bloody civil war in Ethiopia, Graham Hancock has succeeded where scores of others have failed. This intrepid journalist has tracked down the true story behind the myths and legends—revealing where the Ark is today, how it got there, and why it remains hidden.

Part fascinating scholarship and part entertaining adventure yarn, tying together some of the most intriguing tales of all time—from the Knights Templar and Prester John to Parsival and the Holy Grail—this book will appeal to anyone fascinated by the revelation of hidden truths, the discovery of secret mysteries.

GRAHAM HANCOCK was the East Africa correspondent for *The Economist* and is the author of several previous books on Africa and the Third World. He lives in Devonshire, England.

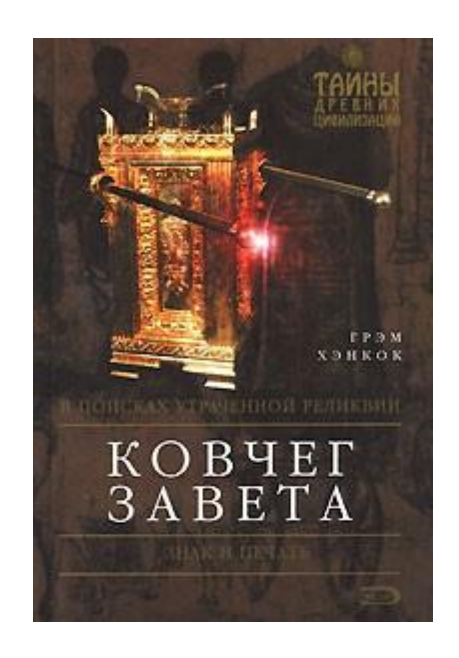

ISBN 0-671-86541-2

U.S. $16.00
Can. $22.50

A Touchstone Book
Published by Simon & Schuster
New York

07931600

Примечания

1

На стр. 118 «Книги Завета» Юлиана Монгенштерна, например, говорится: «В народном мышлении и речи сам ковчег стал отождествляться с божественностью; сам ковчег был во всех отношениях божеством». Прямое отождествление ковчега с Богом хорошо проиллюстрировано в следующем отрывке из Книги Числа (10:35): «Когда поднимался ковчег в путь, Моисей говорил: восстань, Господи, и рассыплются враги Твои, и побегут от лица Твоего ненавидящие тебя!» В «Словаре Библии для переводчика» дается следующее примечание: «Ковчег не только воспринимается как глава израильского воинства, но к нему обращаются как к Яхве. Здесь практически происходит отождествление Яхве и ковчега… Нет сомнений в том, что ковчег истолковывался как продолжение и воплощение присутствия Яхве».

2

См; Исход 37:1, где даются размеры ковчега следующим образом: «длина его два локтя с половиною, ширина его полтора локтя и высота его полтора локтя». Размеры в футах и дюймах даны исходя из древнего локтя, равнявшегося восемнадцати дюймам.

3

Исх. 37: 7–9.

4

На самом деле Эритрея была деколонизирована в 1952 г. На протяжении следующего десятилетия она объединялась в федерацию с Эфиопией, но сохраняла свою самостоятельность. В 1962 г. после референдума, считавшегося сфальсифицированным, федерация была распущена, и Эфиопия взяла под свой неделимый контроль эту территорию, управлявшуюся непосредственно из Аддис-Абебы. Хайле Селассие утверждал, что, не считая короткого Колониального перерыва, Эритрея всегда была составной частью Эфиопии и должна оставаться таковой. Многие же эритреицы придерживаются иного мнения.

5

Другое предание называет эти кофры *гробами,* в которые когда-то были помещены останки Калеба и Гебре Маскала.

6

3 Цар. 10: 1–13; 2 Пар. 9: 1–12.

7

Это слово упоминается по крайней мере в тридцати книгах Ветхого Завета.

8

1 Цар. 8:12. 5.

9

Исх. 37: 1–2.

10

Исх. 37:6.

11

Исх. 34: 29–30.

12

В своем переводе сэр Уоллис Бадж использовал для обозначения ковчега завета разные слова и выражения: «Сион», «Райский Сион», «Рака. Его Закона», «шатер Его Завета», «Рака Закона Божия». В нескольких местах он подчеркивает, что все они взаимозаменяемы и относятся к одной и той же вещи. Ради большей ясности в своем тексте — приношу за это извинения Баджу — я постарался упростить эти вводящие в заблуждение терминологические спагетти. В цитатах из «Кебра Нагаст» будут использоваться сходные эпитеты: «ковчег завета», «ковчег Его Завета», «ковчег Бога», «ковчег Господень» и просто «ковчег».

13

1 Пар. 28:2. Эти слова принадлежат отцу Соломона царю Давиду, который надеялся построить храм для ковчега, но Бог повелел ему оставить это задание Соломону.

14

«Престер» похоже на английское слово «прист» — «священник».

15

В 60-е гг. ЮНЕСКО принимал участие в реставрации ряда церквей Лалибелы и соответственно взяла их под свое покровительство как мировое наследие. Они описываются в документе ЮНЕСКО так: «Изумительное сочетание технологии и архитектуры и уникальное произведение, искусства».

16

Как указано в главе 1, этот храм был построен последним императором Хайле Селассие в 1965 г.

17

Чис. 4: 5–6.

18

Арабский также является семитским языком, а амхарский занимает после арабского второе место среди семитских языков по численности говорящих на нем.

19

См. Быт. 6:7. Первое упоминание Ноева ковчега с помощью слова *«те*-бдх» делается в стихе 14 этой главы.

20

См. Исх. 2:3.

21

См. главу 2.

22

На самом деле Штерн будет наказан через несколько лет по распоряжению эфиопского императора Теуодроса, когда его едва не запороли до смерти (хотя и не из-за его стычек с фалаша). Штерна бросили в тюрьму вместе с несколькими другими европейцами, а спасла его экспедиция Нейпиера в цитадель Магдалы, стоившая британским налогоплательщикам несколько миллионов фунтов.

23

Лев. 17: 8–9.

24

Брюс также уверяет, что иудаизм был эфиопской религией «задолго до христианства».

25

До разграбления Магдалы эту рукопись видел Флад, которому ее перевел библиотекарь императора.

26

Само слово «фалаша» — производное от древнеэфиопского слова, означавшего «иммигрант» или «чужеземец».

27

См. примечание … к главе 3.

28

См. главу 2.

29

Любопытно, что все еще сохраняется представление о том, что Эфиопия может предпринять шаги по переброске вод Нила в ущерб Египту. В январе 1990 г., например, зная о тесной военном и экономическом сотрудничестве, развивавшемся между Эфиопией и Израилем, египетское правительство официально предостерегло эти две страны от вынашивания зловещих планов в отношении Голубого Нила.

30

Секретность поддерживалась уставом ордена тамплиеров, а предательство наказывалось исключением из ордена, если не чем-то худшим.

31

Значение этой даты в том, что она подтверждает встречу с папой Климентом V *где-то в* 1306 году. Та встреча необязательно должна была состояться в Авиньоне, который к тому же не был в то время частью Франции и до 1309 г. еще не был местопребыванием, папы. Между 1305 г. (когда папа был возведен в сан в Лионе) и мартом 1309 г. (когда он официально учредил свою резиденцию в Авиньоне) Климент V вел поистине бродячий образ жизни, путешествуя по Франции и временно обосновываясь в различных городах. Вполне возможно, что он встретился с эфиопскими эмиссарами в Авиньоне: если даже он еще не учредил там свой престол в 1306 г., он мог проживать там временно. Но эфиопские посланцы могли и встретить его где-то во Франции. Свой отрывок Форести взял из оригинальной летописи примерно через двести лет после составления рукописи. Можно предположить, что в оригинале даже не указывалось, где именно во Франции состоялась встреча эфиопских посланцев с папой. В таком случае Форести можно извинить за поспешный вывод, что местом встречи был Авиньон, поскольку тот был официальным престолом папы большую часть времени его нахождения на своем посту. Форести мог просто не знать, что официально папа переехал туда лишь в 1309 г. Как бы то ни было, установление точного места встречи не имеет столь уж большого значения. Главное — что встреча состоялась.

32

Возможно, было двадцать четыре рыцаря.

33

Монимаскская река, хранящаяся ныне в Национальном музее древностей на Квин-стрит в Эдинбурге. Говорят, она была сделана по образу и подобию храма Соломона.

34

Древнейший документ масонов — «Старые наказы» — датируется не ранее середины первого десятилетия XIV века, т. е. относится ко времени истребления тамплиеров.

35

Франкмасонство впервые официально объявило о своем существовании.

36

Небольшая, но бесстрашная группа доминиканских монахов отправилась в Эфиопию в качестве миссионеров в XIV веке (интересно, что их послал тот же папа Иоанн XXII, который даровал признание ордену Христа). Позже, в XV веке венецианский художник Николае Бранкалсоне был направлен ко двору императора Баэды Мариама.

37

Предание о временном пребывании ковчега на озере Тана во время и после кампании Грагна широко известно в Эфиопии и было повторно поведано мне во время беседы с главой Эфиопской православной церкви в Британии, первосвященником Соломоном Габре Селассие. Ответы на мои вопросы первосвященнику были получены мной в письменном виде 12 июля 1989 г.

38

Предание о временном пребывании ковчега на озере Тана во время и после кампании Грагна широко известно в Эфиопии и было повторно поведано мне во время беседы с главой Эфиопской православной церкви в Британии, первосвященником Соломоном Габре Селассие. Ответы на мои вопросы первосвященнику были получены мной в письменном виде 12 июля 1989 г.

39

В самом деле он не только сомневается в их достижениях, но и нагло занимается плагиатом их трудов. Вот как, например, Паэз описывает свое посещение двух ключей к югу от озера Тана, считающихся истоками Голубого Нила: «21 апреля в году 1618, находясь здесь с царем и его армией, я взобрался наверх и с большим вниманием все осмотрел; я обнаружил два круглых источника, каждый примерно в четыре ладони в диаметре, и с величайшей радостью увидел то, что так и не смогли открыть ни царь Персии Кир, ни Александр Великий, ни знаменитый Юлий Цезарь. Два отверстия этих источников не имели стока с вершины горы, а вода из них вытекала у подножия горы. Второй источник находится примерно на расстоянии броска камня от первого».

Жеронимо Лобо добрался до истоков примерно через двенадцать лет после Паэза, около 1630 г. Ниже приводится его описание: «Источник этой знаменитой реки, столь долго разыскивавшийся и укрытый от взоров, найден… на очень пологом склоне одной горы, выглядевшем скорее неровным полем, чем горным склоном, с просторным, открытым и плоским участком, где можно видеть на довольно далеком расстоянии. На этой постепенно поднимающейся равнине в самое сухое время лета обнаруживаешь две круглых лужи или колодца с водой, которые скорее следовало бы назвать ямами, в четыре пяди шириной, расположенные на расстоянии броска камня друг от друга… Вся равнина, особенно место вокруг указанных колодцев, как бы набухла и подмыта водой… почему она не поглощает каждого, кто шагает по ней, объясняется тем, что земля вся заросла разнообразными травами и их корни настолько переплелись, что могут выдержать любого, идущего по ней».

Собственное «открытие» Брюса было сделано 4 ноября 1770 г. (через полтора столетия после Паэза и Лобо), когда его гид указал на «холмик зеленой дернины… в котором следует

искать два источника Нила… Скинув ботинки, я сбежал по склону к небольшому островку зеленой травы, находившемуся примерно в двухстах ярдах от меня; весь склон холма густо зарос цветами, большие клубневые корни которых выпячивались из почвы… и которые стали причиной двух весьма болезненных падений, прежде чем я достиг края болотца; после этого я добрался до острова из зеленого дерна… и стоял, зачарованный, над главным истоком, вытекающим из его середины.

Легче угадать, нежели описать состояние моего ума в тот момент, когда я стоял на том месте, которое ускользало от гениальных, предприимчивых и дотошных древних и современных исследователей на протяжении почти трех тысячелетий. Цари предпринимали походы во главе целых армий ради обнаружения этого места, и каждая новая экспедиция отличалась от предыдущей лишь числом погибших, а все эти экспедиции объединяло разочарование, постигавшее их участников… И вот я, всего лишь рядовой британец, мысленно праздновал победу над царями с их армиями».

Читая и перечитывая описание Брюса, я не мог не почувствовать, что оно было испорченной компиляцией повествований Паэза и Лобо (перемешав переплетенные корни и взбухшие болотные кочки последнего со ссылками первого на царей и завоевателей). Мало того, как я уже указывал, невозможно отрицать, что шотландский путешественник внимательно изучил рассказы обоих своих предшественников.

40

Профессор Эдуард Уллендорф называет Брюса «одним из самых великих в мире ученых и людей действия восемнадцатого века» и цитирует мнение французских исследователей братьев д'Аббадье, утверждавших, что они ежедневно справлялись с его «Путешествиями» как со справочником и «ни разу не обнаружили там ни одного неточного свидетельства и ни одной скшь-нибудь серьезной ошибки.

41

Позже профессор Ричард Пэнкхсрст сообщил мне (в беседе в Аддис-Абебе 4 декабря 1990 г.), что Брюс действительно *имел* копии двух главных документов, освещавших жизнь Иясу, — полной летописи и краткой летописи. В обеих рассказывается о посещении царем святая святых и открывании им ковчега. В своих «Путешествиях» Брюс приводит краткую историю всех солнечных затмений и комет, виденных в Эфиопии за несколько столетий до его приезда в страну. В своем кратком пересказе Брюс заимствовал многое из краткой летописи Иясу, в которой упоминается наблюдение за кометой Ришо в 1689 году. Пэнкхерст указал: «Дело вот в чем. После описания кометы краткая летопись уже *в следующем абзаце* сообщает о посещении Иясу ковчега в 1690 году. Так что Брюс *должен* был знать о нем. В таком случае его предположение о том, что реликвия была уничтожена мусульманами в начале первого десятилетия XVI века, выглядит на самом деле подозрительным.

42

Спаркс указывал: «Среди эфиопских рукописей, вывезенных Брюсом из Эфиопии, три представляли собой так называемые «I Енох», или «Эфиопский Енох». Одна из этих рукописей (хранящаяся сегодня в Бодлейской библиотеке в Оксфорде) содержала «I Енох» и только во второй (также в Бодлейской библиотеке) — «I Енох» сопровождают книги Иова, Исайи, двенадцати апостолов, притчей Соломона, премудрости Соломона, Екклезиаста, Песни песней и Даниила; третья (ныне хранится в Национальной библиотеке в Париже) является копией второй».

43

Элгин занимал пост великого магистра масонов Шотландии в 1961–1965 гг.

44

Оно, предположительно, имело место во время царствования Соломона в Иерусалиме, т. е. в X веке. Аксум же был основан примерно на восемьсот лет позже.

45

См. главу 1. Уоллис Бадж также (ошибочно) полагал, что целью путешествия Менелика с ковчегом был Аксум. Он писал: «Рака с Законом Бога, т. е. ковчег завета, была доставлена из Иерусалима в Аксум Менеликом — первенцем Соломона по поверьям эфиопов». Об этом говорят и многие эфиопы. Примечательно, однако, что «Кебра Нагаст» этого не утверждает, а лишь называет Дебра Македу как место, куда был доставлен ковчег.

46

Посетивший Тана Киркос в начале 30-х гг. нынешнего столетия майор Р. Чисмэн также слышал от островитян предания о ковчеге. Это еще одно упоминание указанных преданий, которое я смог найти в литературе, что отражает крайнюю изолированность Тана Киркос и тот факт, что остров никогда не был объектом научного или археологического изучения.

47

Другое толкование «Мунсалваэшс»: «Дикая гора».

48

Подтверждение этого факта мы можем найти во множестве источников.

49

3 Цар. 9:26. «Царь Соломон также сделал корабль в Ецион-Гавере, что при Елафе, на берегу Черного моря, в земле Идумейской».

50

В «Кебра Нагаст» говорится: «И нагрузили они повозки, коней и мулов, готовясь к отправке… Что же до повозок, ни один человек не тянул свою повозку… И были то люди, или кони, или мулы, или нагруженные верблюды, все они были подняты над землей на высоту локтя; и те, кто ехал верхом на животных, были приподняты на пядь над их спинами, и всевозможные вещи, погруженные на животных, как и едущие на них, были подняты на высоту пяди, и животные были подняты на высоту одной пяди. И все путешествовали в повозках… как орел, когда его тело скользит по ветру».

51

Позже я нашел подтверждение тому, что эфиопы часто называли Тэкэзе Нилом, и наоборот. Например, в аксумских текстах IV века и в более поздних документах.

52

Позже я узнал, что этот маршрут не просто правдоподобен. На протяжении всей истории ему отдавали предпочтение купцы и паломники, путешествовавшие между Эфиопией и Иерусалимом.

53

Полное неприятие коптами-христианами (уникальных эфиопских традиций, связанных с таботом-ковчегом) убедительно подтвердили в своем интервью в Лондоне в июне 1989 г. епископ Серапион и отец Бишой Бушра из Коптской православной церкви.

54

Быт. 12:9–10.

55

Быт. 41:27.

56

Лев. 11:3–4, 7: «…Всякий скот, у которого раздвоены копыта и на копытах глубокий разрез, и который жует жвачку, ешьте; только сих не ешьте из жующих жвачку и имеющих

раздвоенные копыта: верблюда, потому что он жует жвачку, но копыта у него не раздвоены, нечист он для вас… и свиньи, потому что копыта у нее раздвоены и на копытах разрез глубокий, но она не жует жвачки, нечиста она для вас…»

57

См. Втор. 14:21. «Не ешьте никакой мертвечины…»

См. также Лев. 17:13–14. «Если кто из сынов Израилевых… на ловле поймает зверя или птицу, которую можно есть, то он должен дать вытечь крови ее… ибо душа всякого тела есть кровь его, она душа его; потому Я сказал сынам Израилевым: не ешьте крови ни из какого тела, потому что душа всякого тела есть кровь его…»

58

Исх. 23:19 и 34:26; Втор. 14:21.

59

Сравните с Книгой Исход: «…Шесть дней делайте дела, а день седьмой должен быть у вас святым, суббота покоя Господу: всякий, кто будет делать в нее дело, предан будет смерти; не зажигайте огня во всех жилищах ваших в день субботы» (35: 2–3).

60

Г. Корнфельд пишет: «Алтари были центральной точкой высоких мест — *бамитов* и храмов. *Бамоты* были в основном ханаанскими местами богослужения, но были приняты и в раннем израильском вероисповедании. Обычно они представляли собой открытые места со священными деревьями и каменными столбиками — *масceботами,* связанными с алтарями».

61

4 Цар. 23:7.

62

Лев. 15:19. «Если женщина имеет истечение крови… то она должна сидеть семь дней — и всякий, кто прикоснется к ней, нечист будет, до вечера».

63

«В восьмой же день обрежется у него крайняя плоть его» (Лев. 12:3).

64

Лев. 1:9.

65

Уллендррф указывает: «Обрезание на восьмой день соблюдается только… евреями и эфиопами. Это тем более примечательно, что члены Коптской церкви в Египте (которая провела обращение Эфиопии) подвергаются обрезанию в возрасте шести и восьми лет. Мусульмане и другие влиятельные в Эфиопии религии, далеко отстоящие друг от друга по времени возникновения, объединяются, дабы поколебать веру эфиопов в восьмой день. И все же возраст обрезания сохраняется, несомненно, под влиянием предписания Пятикнижия… Я не сомневаюсь, что сохранение обрезания среди абиссинцев является частью тех элементов древнееврейской религии, которые столь упорно сохранялись в этой части Африки».

66

Быт. 32:32. «Поэтому и доныне сыны Израилевы не едят жилы, которая на составе бедра…»

67

Я в большом долгу перед профессором Уллендорфом за то, что его труд привлек мое внимание к этим соответствиям.

68

Исх. 28:4.

69

Там же.

70

Там же. См. также Исх. 28: 17–21.

71

Той же точки зрения придерживался и шотландский путешественник Джеймс Брюс, утверждавший, что Фрументий и другие христианские миссионеры, пришедшие в Эфиопию в IV веке н. э. и «обнаружившие, что в стране утвердились иудейские традиции, решили уважать, а не отвергать их. Обрезание, учение о чистом и нечистом мясе и многие другие еврейские обряды и ритуалы являются частью религии абиссинцев с тех пор и по сей день».

72

Лев. 16:2–13.

73

Бэгэна — это небольшая десятиструнная арфа, которую ныне можно увидеть только в Эфиопии и которая считается наследницей арфы Давида.

74

2 Цар. 6:15,5,14.

75

2 Пар. 5:12–13. См. также 3 Цар. 8:11.

76

2 Пар. 6:41.

77

Исх. 25: 10–15, 17–22.

78

Исх. 31:3.

79

Исх. 37:1–9.

80

«И сошел с горы, и положил скрижали в ковчег» (Втор. 10:5, где якобы цитируются слова самого Моисея). См. также Исх. 40:20. «И взял и положил [Моисей] откровение в ковчег, и вложил шесты в *кольца* ковчега, и положил крышку на ковчег сверху».

81

Исх. 40:21: «И внес [Моисей] ковчег в скинию, и повесил завесу, и закрыл ковчег откровения, как повелел Господь Моисею».

82

Лев. 10:1.

83

Там же.

84

Лев. 10:2. Весь стих выглядит так: «И вышел огонь от Господа и сжег их, и умерли они пред лицем Господним». Следует подчеркнуть, что в этом и других схожих местах Библия в действительности говорит о ковчеге, называя его «Господом» или употребляя выражение «пред Господом». Лучшей иллюстрацией может служить следующее место из Чис. 10:35: «Когда поднимался ковчег в путь, Моисей говорил: восстань. Господи, и рассыплются враги Твои, и побегут от лица Твоего ненавидящие Тебя!» В «Словаре переводчика Библии»

отмечается: «Ковчег не только воспринимается как глава израильского воинства, но к нему обращаются как к Яхве. Происходит практическое отождествление Яхве и ковчега… Нет сомнений в том, что ковчег истолковывается как продолжение и воплощение присутствия Яхве».

85

Лев. 16:1–2.

86

Сравните с Исх. 40:35.

87

Ковчег был установлен в скинию в первый день первого месяца второго года после бегства израильтян из Египта (Исх. 40:17). В восьмой же день того же месяца были возведены в сан священники и погибли Надав и Авиуд (Лев. 9:1 и последующие). Вход Моисея в святилище, о котором я говорю здесь, состоялся вскоре в том же месяце, поскольку он описан в главе 7 Книги Числа, а в главе 9 той же книги говорится о первом месяце второго года — очень насыщенном событиями периоде (Чис. 9:1).

88

Чис. 7:89.

89

Чис. 10:33, 35–36.

90

То есть во время пересечения Иордана.

91

Еще в одной легенде говорится, что во время скитаний по пустыне «ковчег подавал знак сниматься со стоянки, взмывая вверх и затем стремительно удаляясь от стана на расстояние в три дня пути».

92

Моргенштерн указывает: «Самые ранние упоминания ковчега в Библии изображают его выполняющим две конкретные функции: он выбирает путь, по которому желает следовать, и вступает вместе с израильской армией в бой и приносит ей победу над врагами… Ковчег мог выполнять эти две функции, судя по всему, потому, что в *нем определенно жила небесная сила,* И все ранние источники единодушно отождествляют эту божественную силу с **Яхве.**

93

Чис. 14:44–45.

94

Исх. 16:35. Ученые много спорили по вопросу, действительно ли евреи провели сорок лет в пустыне (тогда Моисею в конце этих скитаний должно было исполниться 120 лет) или гораздо меньше. Также оспаривалось приведенное в Библии число израильтян (600 тысяч пеших мужчин плюс их семьи) по чисто экологическим соображениям — Синайский полуостров не смог бы прокормить такое население. Оба эти пункта не имеют значения для моего исследования. Замечу, однако, что, на мой взгляд, израильтяне провели в пустыне гораздо меньше времени — вероятнее всего, лишь *четыре* года. Я также подозреваю, что их численность не превышала нескольких сотен, от силы — нескольких тысяч.

95

Чис. 31:2–11.

96

Чис. 22:1.

97

Чис. 20:28.

98

Чис. 20:24–28.

99

Чис. 27:12–23.

100

Втор. 34: 4–6,10–12.

101

Втор. 31:14–15.

102

Нав. 3: 3–4.

103

Нав. 3:6, 14–17; 4: 18, 21, 23.

104

Нав. 6: 14,15, 19–20.

105

Например, Нав. 7:3 и следующие, где рассказывается о битве, начатой без ковчега и закончившейся поражением; Нав. 7:6, где ковчег возвращается в повествование, и Нав. 8:1 и следующие, где рассказывается о конечной победе израильтян. См. также Нав. 10:10 и следующие, где почти наглядно говорится об участии ковчега в другой крупной победе. Как и в Нав. 10: 29–30 и следующие, особенно в стихе 42.

106

См., к примеру, Нав. 18: 1–10; 19:51; 21:2; 22:9; Суд. 18:31; 21:19, и 1 Цар. 1:3–9 и 24; 3:21.

107

1 Цар. 4: 1–2.

108

Цар. 4:3.

109

Цар. 4:4–5.

110

Цар. 4:6–9.

111

Цар. 4:10–11.

112

Цар. 4:13,15–19.

113

Цар. 4:22.

114

Цар. 5 полностью.

115

Цар. 6:1.

116

Цар. 6:2.

117

Цар. 6:7.

118

Цар: 6:12.

119

Цар. 6: 13–14, 19.

120

См., например: 1 Цар. 6:19: «И поразил Он жителей Вефсамиса зато, что они заглядывали в ковчег Господень».

121

Цар. 6:20.

122

Цар. 6:15.

123

Цар. 7:1. Христианская церковь, посвященная <Деве Марии Ковчегу Завета», и сегодня стоит в Кириаф-Иариме. См. главу 3.

124

1 Цар. 7:1.

125

2 Цар. 6: 3–4,6–7.

126

2 Цар. 6:9–10.

127

2 Цар. 6:10.

128

2 Цар. 6:11.

129

2 Цар. 6:12.

130

Например, 1 Пар. 15:15.

131

2 Цар. 6:15.

132

2 Цар. 6:5.

133

1 Пар. 16:1. См. также 1 Пар. 17:45.

134

1 Пар. 28:2–3, 6.

135

В 3 Цар. (6:38) утверждается, что храм строился одиннадцать лет.

136

3 Цар. 8:1, 3, 4, 5, 6.

137

Кое-какие подробности из того, что известно об этом таинственном исчезновении, приведены в главе 1. Словосочетание «во мгле» взято из 3 Цар. 8:12.

138

Как и в случае с непослушной сестрой Моисея Мариам, см. Чис. 12. Этот случай рассматривается ниже в главе 13.

139

Исх. 12:40.

140

Исход, который Моисей возглавил в преклонном возрасте, датируется обычно между 1250 и 1230 гг. до н. э.

141

Исх. 25:11.

142

Интересно, что и сам саркофаг украшен горельефами с образами этих божеств-покровителей.

143

Исх. 25:18.

144

1 Пар. 15:15.

145

Уллендорф, например, утверждает, что *табот* «происходит от арамейского слова еврейской Палестины *«тебута» (тебота), в* свою очередь производного от еврейского *«тебах».*

146

Я благодарен доктору Китчену за помощь и советы на различных стадиях данного проекта. Впервые я вступил с ним в контакт после его интервью 12 июня 1989 г. Кэролайн Ласко (независимой исследовательнице, работавшей в то время со мной). Позже он был достаточно добр и несколько раз встречался со мной и писал мне по ряду важных вопросов.

147

Я сделал следующую запись в своем блокноте: «Ковчеги, выносившиеся во время ритуалов Апета и позже обретшие форму ларцов, изначально имели форму лодок. Нетрудно понять поэтому, каким образом слово *«тебах»* вошло в обращение в библейском еврейском и использовалось для обозначения Ноева ковчега и камышовой корзины Моисея. Более позднее название ковчега завета — «ороя» можно объяснить тем фактом, что ковчег исчез из Иерусалима ко времени официальной кодификации и что библейские книжники, записавшие устную историю еврейского народа, путались или сомневались в ряде ключевых деталей религиозного предания, из которого была взята утраченная реликвия. Если моя теория верна, она вовсе не была «утрачена», а была вывезена в Эфиопию, где ее оригинальное название *(тапет* или *табот)* используется по ею пору.

Позже я обнаружил, что шотландский путешественник Джеймс Брюс рассматривал схожие вопросы в первом томе своих «Путешествий». Он проехал через Луксор (европейцы называли его «Фивы») по пути в Эфиопию и рассуждал в том духе, что название «Фивы» происходит от слова *«феба»,* «которым на еврейском назывался ковчег, построенный Ноем». Фигура из храмов в Фивах недалека от нашего представления о ковчеге». Хотя Брюс и не связал, как я, *тапет* (древнеегипетское название Фив) с *таботом,* меня заинтриговал сам факт, что он взял именно этот лингвистический «след». Это лишний раз убедило меня в том,

что главная цель его посещения Эфиопии заключалась в поиске ковчега завета, а не истоков Нила, как он утверждал.

148

Деян. 7:22.

149

То, что нам известно о жизни Моисея, подтверждает, что «он изучал различные стороны египетской магии».

150

Все фараоны были волшебниками по определению.

151

Деян. 7:22.

152

Лк. 24:19.

153

См. Исх. 4:10–17.

154

Исх. 3:2.

155

Исх. 3:7–10.

156

Исх. 3:13.

157

Исх 3:14 и Исх. 3:6.

158

Значение еврейского глагола «быть» выходит за рамки понятия «существовать» и передает понятие «активно присутствовать».

159

Например, Исх. 4:20 и Исх. 17:9.

160

Исх 4:2.

161

Исх. 4: 3–4.

162

Исх. 7:11–12.

163

Исх. 7:20–22.

164

Исх. 8:1–7.

165

Исх. 8:16–19.

166

Исх. 8:21–32.

167

Исх. 9:1–7.

168

Исх. 9:8–11.

169

Исх. 10:1–20; Исх. 10:21–23.

170

Исх. 12:23–30.

171

Исх. 12:31–33.

172

Исх. 14:21–22.

173

Исх. 14:23.

174

Исх. 14: 27–29.

175

Бадж указывал: «Невозможно представить себе, что высшие жрецы не обладали эзотерическими знаниями, которые они хранили в строжайшей тайне».

176

Это можно вывести из измерений различных древнеегипетских сооружений. Археолог XIX века сэр Уильям Флиндерс Петри (весьма скептически относившийся в целом к теориям, утверждавшим наличие передовой науки в Древнем Египте) соглашался с тем, что пропорции Великой пирамиды в Гизс (ок. 2550 г. до н. э.) «выражают трансцендентное число «пи» с весьма внушительной точностью».

177

См. главу 5.

178

На самом деле расположение не совсем точное — оно смещено почти на пять минут дуги или на одну двенадцатую градуса. Не следует, однако, пренебрегать астрономической реальностью и причину этой пятиминутной погрешности нужно искать в постепенном перемещении оси земли, а не в неточности прорабов стройки.

179

Кроме гигантских усилий, потребовавшихся для сооружения Великой пирамиды, и другие факторы способствовали усилению моего подозрения, что древние египтяне знали что-то такое, чего не знает современная цивилизация. В конце XIX века самый выдающийся археолог своего поколения сэр Уильям Флиндерс Петри провел в Гизе несколько месяцев, тщательно измеряя это сооружение главным образом ради развенчания самых диких домыслов пирамидологов. В основном он добился своего (он утверждал позже, что представил «маленький гадкий фактик, разрушивший красивую теорию»). Но даже он был вынужден признать в ряде случаев, что некоторые достижения строителей пирамиды озадачивают. Комментируя точность, с которой были уложены 115 тысяч десятитонных облицовочных блоков вокруг сердцевидной каменной кладки, он писал: «Точная кладка таких камней требовала тщательной работы, и представляется почти невозможным соединить их с помощью цемента; это можно сравнить с работой оптика в масштабе акров».

180

Уоллис Бадж указывал: «Сам мир возник по слову, произнесенному Тотом». Вскоре после прочтения этих строк мне пришло в голову, что вся эта концепция страшно похожа на

хорошо известный пассаж из Библии: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Оно было в начале у Бога. Все чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть» (Ин. 1: 1–3). Заинтригованный таким совпадением, я занялся этим вопросом и обнаружил, к своему немалому удивлению, что иудохристианское Священное писание дает возможность провести и ряд других параллелей между языческим египетским богом Тотом и Богом Моисея Яхве. Одна из самых поразительных касалась десяти заповедей, переданных Моисею на горе Синай и якобы записанных на скрижалях, помешенных позже в ковчег завета: «…Да не будет у тебя других богов пред лицем Моим. Не делай себе кумира… Не произноси имени Господа, Бога твоего, напрасно… Помни день субботний, чтобы святить его… Почитай отца твоего и мать твою… Не убивай. Не прелюбодействуй. Не кради. Не произноси ложного свидетельства… Не желай жены ближнего твоего…» (Исх. 20:3, 4, 7, 8, 12–17).

Я всегда полагал, что этот строгий свод законов был уникальным в древней иудейской культуре. Однако это убеждение было развеяно, когда я нашел удивительно похожие положения в главе CXXV древнеегипетской «Книги мертвых», описывавшей ряд негативных признаний, которые душа умершего обязана была сделать перед Тотом в его призвании божественного судьи и писца: «Я не пренебрегал богом… Я не убивал… Я не прелюбодействовал… Я не грабил вещи бога… Не осквернял жены человека… Не богохульствовал… Не произносил ложного свидетельства». Самую, пожалуй, поразительную параллель я нашел в заголовке одной части «Книги мертвых»:

«Эта глава была найдена в алебастровом кирпиче под ногами Величества этого почитаемого места — Бога Тота, и она была написана самим Богом». Я уже знал, естественно, что ковчег завета часто описывался в Библии как «подножие ногам Бога» (например, 1 Пар. 28:2) и что в него были помешены скрижали, написанные пальцем Яхве. И я не мог не прийти к выводу, что сходство между образом мышления и действий Яхве и Тота — и между *верами* народа в обоих божеств — слишком уж близкое, чтобы быть случайным. Невозможно, рассуждал я, чтобы библейские тексты оказали влияние на писавших «Книгу мертвых», поскольку из двух документов последний гораздо древнее (некоторые его части восходят, как я уже знал, к четвертому тысячелетию до н. э., а самые архаичные разделы Библии по крайней мере на 2000 лет моложе).

181

Эти инструкции Сии получил в день сотворения от Мардука — центральной фигуры месопотамского пантеона.

182

См. главу CLXXV «Книги мертвых», где Тот (в качестве мирового демиурга) решает наслать потоп, дабы наказать грешное человечество: «Они дрались, они сеяли раздоры, они делали зло, они раздували вражду, они убивали, они навлекали беды и угнетение… [Вот почему] я собираюсь стереть все, что сотворил. Земля погрузится в водную бездну с помощью бушующего потока, И все станет ровным, как в первозданные времена». Этому мы находим интригующую параллель в главе 6 Книги Бытие: «И увидел Господь [Бог], что велико развращение человеков на земле, и что все мысли и помышления сердца их были зло во всякое время; и раскаялся Господь, что создал человека на земле, и восскорбел в сердце Своем… И сказал [Господь] Бог Ною: конец всякой плоти пришел пред лице Мое, ибо земля наполнилась от них злодеяниями… И вот, Я наведу на земле потоп водный, чтоб истребить всякую плоть, в которой есть дух жизни, под небесами; все, что есть на земле, лишится жизни» (Быт. 6:5, 6, 13, 17).

183

У Плутарха сундук плывет через Средиземное море к «Библосу», что вблизи от современного Бейрута. Бадж отвергает это как неправильный перевод, указывая, что «библос» всего лишь название папируса — растения.

184

Иона. 2:11 и 3:2,10.

185

Бьгг. 6:19.

186

Быт. 6:14.

187

Быт. 9:1.

188

Мк. 24:19.

189

Иа. 3:5.

190

Мк. 1:9–11.

191

Хейердал добавляет, без комментариев, что корабль пирамиды был явно построен «по схеме, созданной кораблестроителями из народа, издревле знакомого с плаванием в открытом море».

192

Позже греки присвоили себе Имхотепа под эллинизированным именем Асклепий как основателя медицинской науки.

193

Этот код известен как «этбайский шифр».

194

Масоны почитали Тота в его позднем воплощении Гермеса — греческого бога мудрости. Стивенсон указывает: «Греки отождествляли своего бога Гермеса с египетским Тотом — писцом богов и одновременно богом мудрости».

195

Ис. 45:3.

196

Нав. 6:11–21.

197

1 Цар. 6:13–19.

198

1 Цар. 5.

199

Исх. 3:8.

200

Исх. 16:35.

201

Наикратчайшим маршрутом был «путь моря» (известный египтянам как «путь Гора», а в Библии как «путь через землю Филистимскую»). Несколько длиннее, но также быстро преодолимым был более южный «путь Шура».

202

В самом деле в Библии делается намек на это. Согласно Исх. 13: 17–18: «Когда же фараон отпустил народ. Бог не повел его по дороге земли Филистимской, потому что она близка; ибо сказал Бог: чтобы не раскаялся народ, увидев войну, и не возвратился в Египет. И обвел Бог народ дорогою пустынною к Чермному морю».

203

Исх. 17:6–7.

204

Исх. 15:25.

205

Исх. 16:4–36.

206

Чис. 12: 1–2 и в целом Чис. 12.

207

Чис.12:10.

208

Чис. 16: 2–3.

209

Чис. 16:4.

210

Чис. 16:5–7, 17. См. также 16:39 для подтверждения, что кадильницы были медными. Не может быть сомнений в том, что фраза «положите в них огня и всыпьте в них курения пред *Господом*» недвусмысленно указывает на то, что они должны были жечь курения перед ковчегом. См. примечание 9 к главе 12, а также примечание 36 к настоящей главе.

211

Чис. 16:7.

212

Чис. 16:18.

213

Чис. 16:19.

214

Чис. 16: 20–21.

215

Чис. 16, 22 и 35. В Чис. 16:35 утверждается: «И вышел огонь от Господа». См. примечание 9 к главе 12. Следует добавить в отношении этого места, что израильтяне не признавали, что «Господь» пожрал несчастных мятежников, и прямо обвиняли в этом человека, управлявшего ковчегом. В Чис. 16:41 говорится: «Все общество сынов Израилевых возроптало на Моисея и Аарона и говорило: вы умертвили народ Господень».

216

Чис. 17:12–13.

217

См. главу 12.

218

Деян. 7:23–24.

219

Исх. 2: 12–15.

220

Исх. 7:7.

221

Исх. 2: 15–25.

222

Осман отождествлял Моисея с фараоном Эхнатоном, который ввел единобожие в Египте на короткое время, пока его не свергли.

223

Ицхак Беит-Арье включает в свою книгу «Путь через Синай» вспомогательную карму других кандидатов на роль горы Синай и приходит к выводу, что исход почти наверняка проходил по южному пути через Синайский полуостров к горе Синай, как ее теперь называют.

224

Исх. 19:3.

225

Исх. 19:12–13.

226

Исх. 19:16,18.

227

Исх. 24:12.

228

Исх. 24:15–18.

229

Исх. 31:18; 32:15–16.

230

Исх. 32:19. Хорошо известный эпизод с золотым тельцом начинается в Исх. 32:1.

231

Исх. 32:28.

232

Исх. 34:28.

233

Исх. 34:29.

234

Исх. 34:29.

235

Исх. 33:7.

236

Исх. 33:11.

237

Исх. 34: 29–35.

238

Исх. 34:30.

239

Исх. 34:33.

240

Исх. 34:34–35.

241

Раввин Шеломо Ицхаки родился в Труа в 1040 г. и умер в 1105 г. Обычно его называют Раши (акроним из первых букв его звания и имени).-

242

Исх. 39:1–32.

243

См., например, Исх. 28:43 и Лев. 10:6.

244

Чис. 4: 5–6 и 15. «Когда стану надобно подняться в путь, Аарен и сыны его войдут, и снимут завесу закрывающую, и покроют ею ковчег откровения; и положат на нее покров из кож синего цвета, и сверх его накинут покрывало все из голубой шерсти, и вложат шесты его… Тогда сыны Каафа подойдут, чтобы нести; но не должны они касаться светилища, чтобы не умереть.

245

Луи Гинзберг писал: «Самыми известными из левитов были сыны Каафа, которым во время переходов по пустыне поручали ковчег. Это опасное поручение, ибо из вставленных в него шестов сыпались искры, которые поражали врагов Израиля, но время от времени этот огонь сеял панику среди носильщиков ковчега».

246

См. цитату в примечании 65, где говорится, как ковчег обертывается в «завесу закрывающую», покров из кож и покрывало из шерсти. Когда скиния устанавливалась в покое, «завеса закрывающая» вешалась на входе в святилище. Она была изготовлена из «голубой, пурпурной и червленой шерсти и крученого виссона… (Исх. 26:31). Необычным для подобной принадлежности было полное отсутствие золота, как и «покров из кож синего цвета» или «покрывало все из голубой шерсти. Иными словами, прежде чем переносить ковчег, его аккуратно обертывали и изолировали несколькими слоями непроводящих материалов.

247

Мнение о том, что ковчег было опасно переносить из-за электрических разрядов, находит подтверждение в еврейском предании, процитированном в примечании 67. То же самое предание добавляет правдоподобия этому мнению, указывая, что каафиты вовсе не вели себя так, будто гордились честью переносить ковчег, — как можно было бы ожидать, если бы он был всего лишь символом их Бога, и даже старались манкировать своими обязанностями: «каждый из них пытался устроить так, чтобы переложить на других перенос ковчега».

248

Лев. 10:2. Весь стих звучит так: «…И вышел огонь от Господа и сжег их, и умерли они пред лицем Господним». Объяснение причастности ковчега см. в примечании 9 к главе 12.

249

Лев. 10:4–5.

250

1 Цар. 5.

251

Например, убийство Озы чем-то вроде электрического разряда. См. 2 Цар. 6: 3–7.

252

Два — Мекка и Медина.

253

См. главу 12.

254

См. главу 5 и заключительные страницы настоящей главы.

255

См. главу 5.

256

Ислам также признает Иисуса Христа пророком. Магомет считается исключительным потому, что он был последним из пророков, последним из посланцев, направленных Богом учить и просвещать человечество и что делом его чести было завершить божественную миссию. Нельзя всерьез оспаривать то, что Бог, которому поклоняются евреи, христиане и мусульмане, — это одно и то же божество. *Единичность* этого Бога признается всеми тремя конфессиями, хотя мусульмане считают, что христиане запутались в таких понятиях, как Святая Троица и божественность Христа. Арабская надпись в Каменном куполе гласит: «О вы, Люди Книги, не переступайте границ вашей религии и о Боге говорите только правду. Мессия Иисус, сын Марии, — всего лишь апостол Бога, и его слово, которое он довел до Марии, и Дух, исходящий от него. Верьте поэтому в Бога и его апостолов, и не говорите Три. Так будет лучше для вас. Бог только один. Не к его славе было бы иметь ему сына».

257

См. главу 5.

258

См. главу 12.

259

3 Цар. 8:1, 6, 10–13,27.

260

3 Цар.11:4–5.

261

3 Цар. 4:30.

262

Каждое крыло имело пять локтей в длину (около семи с половиной футов). См. 2 Пар. 3:11 и 3 Цар. 6:24.

263

3 Цар. 6:19.

264

Двадцать локтей на двадцать локтей на двадцать локтей. См. 3 Цар. 6:20.

265

2 Пар. 3:8 утверждает, что были использованы 600 талантов чистого золота, чтобы обложить стены, пол и потолок святая святых. Древний талант весил приблизительно 75

фунтов, следовательно, 600 талантов должны были весить 45 тысяч фунтов — более двадцати тонн. См. также: 3 Цар: 6, 20, 22 и 30.

266

2 Пар. 3:9.

267

3 Цар. 7:13–14.

268

Хирама из Тира, искусного медника и ремесленника, не следует путать с царем Хирамом из Тира, поставившим Соломону древесину кедра для строительства храма и некоторое количество квалифицированных мастеровых в помощь.

269

3 Цар. 7:23, 26.

270

3 Цар. 7:38.

271

См. главу 12.

272

См. главу 11.

273

3 Цар. 7:40, 45.

274

3 Цар. 7:15, 21–22.

275

Нав. 15:48; Суд. 10:1; Суд. 10:2; Пар. 24:24.

276

Например, Втор. 27:5. «…И устрой там жертвенник Господу Богу твоему, жертвенник из камней, не поднимая на них железа».

277

Моисей якобы использовал *Шамир* в пустыне, чтобы гравировать надписи на драгоценных камнях, которые носил в нагруднике первосвященник.

278

3 Цар. 14:25–26.

279

Конкретно были упомянуты только «золотые щиты, которые сделал Соломон» (3 Цар. 14:26).

280

Библейские примеры иудейских царей, опустошавших сокровищницы для собственных нужд, включают Ахаза и Езекию. См. 2 Пар. 28:24 и 4 Цар. 18:15–16.

281

Иоас царствовал в 798–783 гг. до н. э. в 4 Цар. 14:1 говорится, что конфликт между Иоасом и Амасией возник во второй год царствования Иоаса, — отсюда и дата: 796 г. до н. э.

282

4 Цар. 14:12–14.

283

4 Цар. 24:10–13.

284

Слово «хекал» неправильно переводилось общим термином «храм», что немало путало последующие поколения ученых, не имевших доступа к оригиналу на древнееврейском. «Хекал» был особой частью храма — внешним святилищем, служившим передней святая святых.

285

См. подробности в главе 11.

286

Внешняя из трех концентрических галерей абиссинской церкви (круглой, восьмиугольной или прямоугольной в плане) называется *«пене махлет»,* т. е. место, где поются гимны и где стоят *«дебтара»,* или певчие. Эта внешняя часть соответствует *«лазеру»* скинии или *«уламу»* храма Соломона. Следующее помещение называется *«кеддест»,* где совершается причастие, а самая внутренняя часть — *«макдас»,* где покоится *табот* и куда имеют доступ только священники. В некоторых краях Абиссинии, особенно на севере, *«кеддест» («коде»* скинии или *«хекал»* храма Соломона) называется *«энда таамер»* — «место чуда», а *«макдас» — «кеддуса кеддусам» («кодес хаккодасим»* скинии и «дебир» храма). Это деление на три помещения используется во всех абиссинских церквах, даже в самых маленьких.

287

Это, как я установил позже, не было простым актом вандализма, на что намекает английский вариант текста.

288

3 Цар. 7:49–50.

289

Если читатель еще не понял этого, разъяснение дастся в 3 Цар. 8:6: «И внесли священники ковчег завета Господня на место его, в давир Храма, во Святое Святых, под крылья херувимов».

290

Как это видно из их обращения с царем Иехонием (4 Цар. 24:11–12), из депортации большого числа жителей Иерусалима (4 Цар. 24:14–16) и разграбления ими храма (4 Цар. 24:13).

291

4 Цар. 24:17.

292

4 Цар. 24:20.

293

4 Цар. 25:1–3. Существует небольшой допуск в датах. Некоторые археологи относят завершение осады и окончательное разрушение храма к 586 г. до н. э.

294

4 Цар. 25:8. Важно подчеркнуть, что мнения ученых относительно этих событий расходятся и называются как 587-й, так и 586-й г. до н. э.

295

4 Цар. 25:8–10, 13–16. Параллельный список, который не противоречит данному и также не упоминает ковчег, приводится в Иср. 52: 17–23.

296

Мнение, что Навуходоносор забрал только золотые и серебряные изделия относительно малой ценности, подтверждается текстом (Иер. 52:17–23), где в стихе 19 ясно указывается, что начальник телохранителей взял «и блюда, и щипцы, и чаши, и котлы, и лампады, и фимиамники, и кружки, что было золотое — золотое, и что было серебряное — серебряное…». См. также Иер. 27:18–22, где описываются предметы, *не* взятые Навуходоносором в 598 г. до н. э., и предсказывается, что они будут взяты после второго завоевания города: «А если они пророки, и если у них есть слово Господне, то пусть ходатайствуют пред Господом Саваофом, чтобы сосуды, остающиеся в доме Господнем и в доме царя Иудейского и в Иерусалиме, не перешли в Вавилон. Ибо так говорит Господь Саваоф о столбах и о медном море и о подножиях и о прочих вещах, оставшихся в этом городе, которых Навуходоносор, царь Вавилонский, не взял, когда Иехонию, царя Иудейского… вывел из Иерусалима в Вавилон, ибо так говорит Господь Саваоф, Бог Израилев, о сосудах, оставшихся в доме Господнем и в доме царя Иудейского и в Иерусалиме: они будут отнесены в Вавилон и там останутся до того дня, когда Я посещу их, говорит Господь, и выведу их и возвращу их на место сие».

297

4 Цар. 24:15–16.

298

4 Цар. 25:11, 21.

299

Пс. 136:1–6.

300

1 Езд. 1:7–11.

301

См. также 1 Езд. 3:8; 5:16.

302

Луи Гинзберг писал: «Следующие пять вещей были только в Первом храме: небесный огонь, святое масло для помазания. Ковчег, Святой Дух и Урим и Туммим». Библейские упоминания «Урима и Туммима» можно найти в Исх. 28:30; Лев. 8:8; 1 Езд. 2:63 и Неем. 7:65.

303

Луи Гинзберг также указывал: «Во время возведения храма Соломон предусмотрел потайное место для того, чтобы «прятать» священные предметы».

304

2 Мак. 2:4–5.

305

Иеремия родился около 650 г. до н. э. Точная дата его смерти неизвестна, однако считается, что он умер в следующее за разрушением храма десятилетие.

306

2 Мак. 2:1, 4.

307

См. Втор.34:1.

308

Гора Нево находится на восточном берегу Мертвого моря, в современной Иордании, и господствует над Иерусалимом и Иерихоном.

309

Поскольку он предсказал — и приветствовал — разрушение храма Навуходоносором, которого он воспринимал как избранное Богом орудие, призванное покарать Иуду, «он часто подвергался опасности со стороны собственного народа, был мишенью для физического насилия и несколько лет прятался от людей».

310

Луи Гинзберг так писал об этом: «Священный ковчег, алтарь и священная завеса были отнесены ангелом на гору, с которой Моисей перед смертью обозревал землю, предназначенную Богом Израилю. Там Иеремия нашел просторную пещеру, в которой и спрятал эти священные предметы».

311

3 Цар. 10:2.

312

3 Цар. 8:6–8.

313

3 Цар. 8:9.

314

Втор. 10:5.

315

2 Пар. 34:33; 35: 2–3.

316

2 Пар. 35:19.

317

Эта дата получена простым подсчетом. Поскольку известно, что Иосия пришел к власти в 640 г. до н. э., восемнадцатый год его царствования выпадает на 622 г. до н. э.

318

Иеремия приступил к пророческому пастырству в 626 г. до н. э. Я вывожу эту дату из процитированных стихов, поскольку ведущие специалисты по Библии считают их «ранними пророчествами Иеремии».

319

Иер. 3:16–17.

320

То, что Иеремия — автор Книги пророка Иеремии, не подвергается сомнению, хотя он и мог диктовать ее какому-то переписчику.

321

См. Чис. 12:10 и материал в главе 13.

322

Эти случаи приводятся в Исх. 25:22; Чис. 7:89; 1 Цар. 4:4; 2 Цар. 6:2 и 1 Пар. 13:6.

323

4 Цар. 7:3.

324

2 Пар. 26:16.

325

2 Пар. 26:19.

326

См. Лев. 10:1–2.

327

См. главы 12 и 13.

328

2 Пар. 26:21–23.

329

Иез. 10:2, 6, 7.

330

Иез. 8:3: «…И поднял меня дух между землею и небом, и принес меня в видениях Божиих в Иерусалим».

331

Иез. 10: 20–22, особенно 21.

332

Иез. 10:1, 15, 20.

333

Иез. 10:19, 5.

334

Ис. 37:16; 4 Цар. 19:15.

335

Ис. 37:14–16.

336

4 Цар. 19:14–15.

337

Специалисты по Библии единодушны в том, что главы 1–39 Книги Исайи были написаны самим Исанеи. Некоторые из последующих глав этой книги, начиная с 40-й и далее, явно были написаны позднее. Древность же главы 37, в которой появляется словосочетание «между херувимами», не подвергается сомнению. Больше того, поскольку в главе указывается известный исторический факт — нашествие Синаххериба, ее можно довольно точно датировать 701 г. до н. э.

338

Ис. 6:1–3.

339

Современные ученые считают, что Книга пророка Иеремии — это сборник, написанный не одним пророком, и что лишь главы 1–39 являются словами Исайи. Поэтому он является автором и процитированного стиха из главы 37.

340

Ис. 37:6–7.

341

Ис. 37:14.

342

Ис. 37:17–18, 20.

343

Ис. 37:33, 35.

344

Ис. 37:36–37.

345

См. главы 12 и 13.

346

Ис. 37:14. «Дом Господень» — это, конечно, синоним иерусалимского храма.

347

Ис. 37:14.

348

3 Цар. 3:15.

349

2 Цар. 6:5.

350

Втор. 10:8.

351

4 Цар. 21: 2–7.

352

3 Цар. 6:19. Говоря конкретно о ковчеге, Соломон вопрошает: «Поистине, Богу ли жить на земле? Небо и небо небес не вмещают Тебя, тем не менее сей храм, который я построил [имени Твоему]; но призри на молитву раба Твоего и на прощение его, Господи Боже мой; услышь воззвание и молитву, которою раб Твой умоляет Тебя ныне. Да будут очи Твои отверсты на храм сей день и ночь, сие место, о котором Ты сказал: «Мое имя будет там…» (3 Цар. 8:27–29). См. также 2 Цар. 6:2: «ковчег Божий, на котором нарицается имя Господа Саваофа, сидящего на херувимах».

353

См., например, 1 Пар. 28:2.

354

4 Цар. 21:16.

355

4 Цар. 21:20–21, 23–24.

356

4 Цар. 22:1.

357

2 Пар. 34:3.

358

2 Пар. 34:3.

359

4 Цар. 23:6.

360

2 Пар. 34:7–8.

361

4 Цар. 22:6.

362

3 Цар. 6:2: «длиною был в шестьдесят локтей, шириною в двадцать…»

363

См., например, Чис. 10:33, 35–36.

364

То есть после принятия кодекса Второзакония в царствование Иосии.

365

1 Цар. 4:4.

366

См. главу 15.

367

1 Пар. 28:2.

368

См. главу 14.

369

В 609 г. до н. э. См. 4 Цар. 23:29–30.

370

Уллендорф утверждал: «Обсуждаемое порой происхождение фалаша от еврейского гарнизона Элефантина или предположение, что еврейское влияние проникло в Абиссинию через Египет, лишены какого-либо достоверного исторического основания».

371

В 30-х гг. нынешнего столетия, например, итальянский ученый Игнацио Гвиди как раз обсуждал эту возможность. Позже, в 1960 г., бывший президент Израиля утверждал, что решение головоломки с происхождением фалаша следует искать на Элефантине. Самые же убедительные доказательства были представлены совсем недавно Давидом Кесслером, председателем лондонской Ассоциации фалаша.

372

См. главу 6.

373

См. главу 6.

374

См. главу 6.

375

3 Цар. 8:54.

376

См. главу 9.

377

Геродот говорил о Псамметихе II.

378

Сэр Уоллис Бадж Проанализировал сообщение Геродота и также пришел к заключению, что «земля перебежчиков» «должна была находиться где-то на западе Абиссинии».

379

Чис. 12:1.

380

Быт. 2:13.

381

См. часть III.

382

Псалом 67:2: «Да восстанет Бог, и расточатся враги Его, и да бегут от лица Его ненавидящие Его». Это почти зеркальное отражение более древнего стиха — Чис. 10:35: «Когда поднимался ковчег в путь, Моисей говорил: восстань. Господи, и рассыплются враги Твои, и побегут от лица Твоего ненавидящие Тебя!»

383

Псалом 67:32.

384

Ис. 18:1–2.

385

См. главу 9.

386

Быт. 21:33.

387

Агау, фалаша и кеманты принадлежат к «центральной кушитской» семье языков и этнической группе.

388

См. главу 5.

389

См. главу 5.

390

И опять см. главу 5.